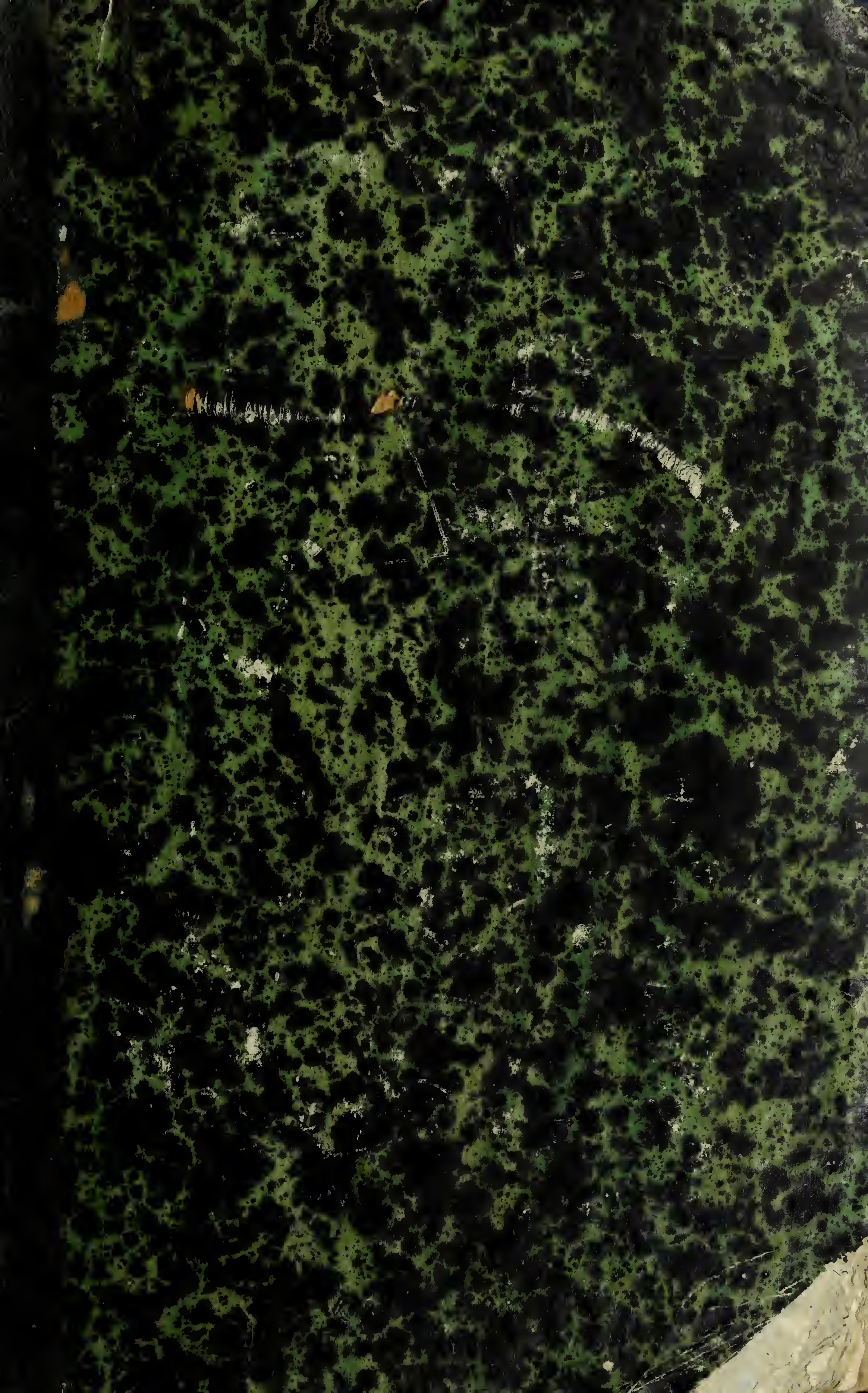
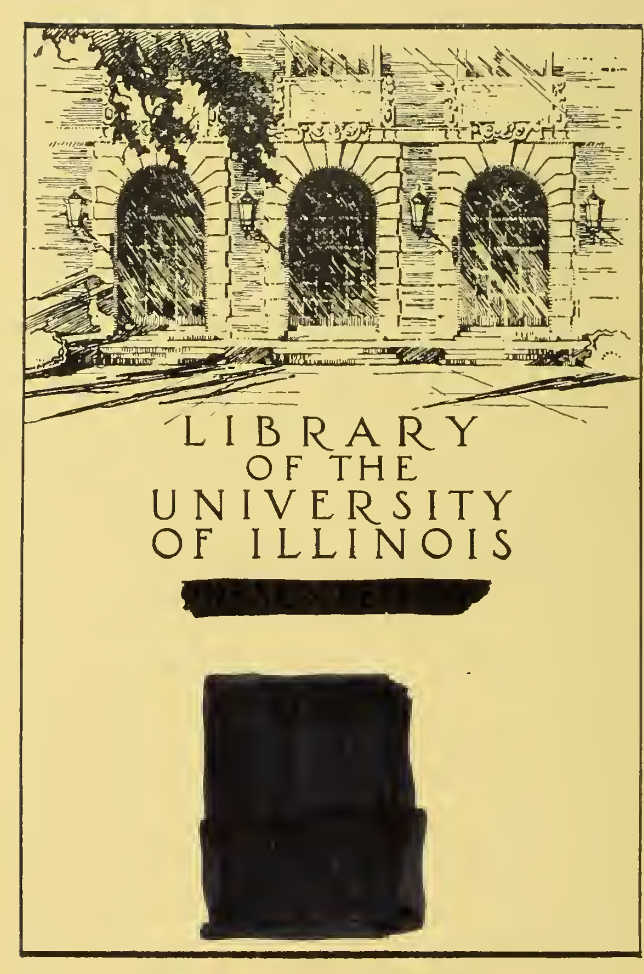
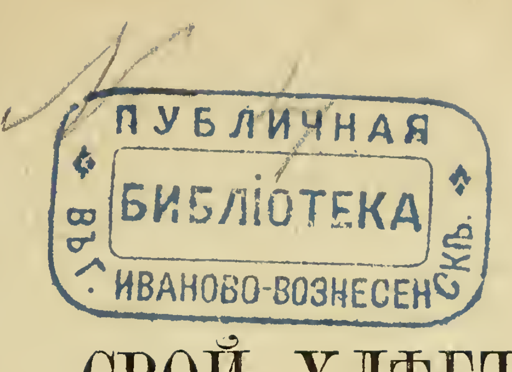



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
[redacted]



СВОЙ ХЛѢБЪ.

РОМАНЪ

(Посвящается С. С. Рѣшетниковой).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

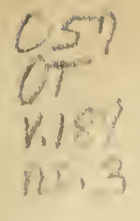
ГЛАВА VI.

Почему у Дарьи Андреевны явилось намѣреніе жить не такъ, какъ живутъ ея родные.

Солнце уже поднялось высоко; былъ часъ шестой или седьмой. Дарья Андреевна не легла спать, хотя ей и хотѣлось; на пароходѣ она плыла двое сутокъ и двѣ ночи не спала: первую потому, что на палубѣ было много пассажировъ и шелъ дождь, вторую — чтобы не проспать Ильинскъ, такъ-какъ пароходъ шелъ дальше. Она сидѣла облокотясь на столикъ, и смотря въ одно мѣсто думала. Ее сильно опечалили слова родителя, выразившаго свое неудовольствіе на ея желаніе трудиться, т.-е., жить не такъ, какъ живутъ жены чиновниковъ и вообще женщины чиновнаго сословія. Долго она не могла осмыслить слова отца, понявшаго ее совсѣмъ иначе; не понимала она и того, чтò въ ея намѣреніи онъ видитъ дурнаго? «Ему хочется пристроить меня, выдать замужъ. Но я этого не хочу. Онъ говоритъ, что работаютъ только мѣщанки, а я знаю, что есть и чиновницы, которыя кормятся тѣмъ, что шьютъ; я знаю одну вдову чиновницу: она даже не стыдится полы мыть, бѣлье стирать, только она пьяница, сама въ кабакъ ходитъ...» И тутъ ей припомнилось все, чтò она знала объ этихъ личностяхъ. Эти женщины давно овдовѣли. Замужемъ онѣ были или за недолжностными чиновниками, или хоть и за должностными, но пьяницами. На рукахъ ихъ остались дѣти, которыхъ надо кормить, одѣвать и обучать, чтобы изъ нихъ

вышли не мѣщане; а мужья ни пенсіи, ни единовременныхъ пособій имъ не предоставили; денегъ нѣтъ; замужъ ихъ никто не беретъ, потому что онѣ некрасивы, бѣдны, у нихъ дѣти. И вотъ имъ надо жить и они трудомъ, а не попрошайствомъ, зарабатываютъ себѣ хлѣбъ и кормятъ дѣтей. Стало быть, и она можетъ работать, тѣмъ болѣе, что она молода и одна. «Отецъ говоритъ, что онѣ живутъ нехорошо». По этому поводу ей припомнилось, что одна ея знакомая чиновница хотя и не бѣдствуетъ, а про нее говорятъ Богъ-знаетъ что, и эта чиновница сама съ рыданіями говорила ей, что все это вздоръ, а говорятъ про нее такъ потому, что не вѣрятъ, чтобы женщина могла безъ помощи мужа жить сколько нибудь сносно. И тутъ же припомнились ей слова этой чиновницы, которой она однажды высказала свое намѣреніе работать. Чиновница сказала: «полно-те вамъ, Дарья Андреевна, дурить-то! Что вамъ за необходимость непремѣнно изнурять себя работой, подвергать себя добровольно на мученическую жизнь. Хорошо работать со скуки, а попробовали бы съ голоду поработать, зная что у васъ нѣтъ ни расколотой копейки, а хозяинъ требуетъ за квартиру... Вотъ тогда и покажется тяжело; помяните вы, какъ хорошо было жить у родителя. Да и что за дурь пришла вамъ въ голову работать непремѣнно: отецъ васъ любитъ, мачихи вамъ бояться нечего, родня у васъ богатая: никто не прогонитъ. Богъ дастъ — выйдете замужъ за хорошаго человѣка, барыня будете. Глупите и больше ничего». Такъ говорила голодная и измученная женщина восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ, и эти слова, въ связи съ словами отца, казались ей жестокимъ приговоромъ ея будущимъ планамъ. «Въ самомъ дѣлѣ, думала она, зачѣмъ мнѣ работать? Кормить меня будутъ; платья у меня есть; родни много. Живи себѣ какъ прочія дѣвицы живутъ... А тамъ меня выдадутъ замужъ, и я буду жить такъ же, какъ и всѣ жены живутъ. Нѣтъ! Не хочу я такой жизни, противна она мнѣ». И съ этими словами она вышла изъ бесѣдки, потомъ сѣла на скамеечку къ пруду и задумалась. Она думала о прошломъ житьѣ.

Развиваться Дарья Андреевна начала подъ вліяніемъ, вопервыхъ, первой мачихи, братьевъ и сестеръ, и вовторыхъ подъ вліяніемъ уличныхъ ребятишекъ, принадлежащихъ больше къ мѣщанскому сословію. Помнитъ она, что ея родители тогда жили хорошо, пользовались въ городѣ большимъ почетомъ, какимъ пользовались очень немногіе. Въ церковь ѣздили на линейкѣ, хотя церковь была и близко, но ужь такъ заведено было, чтобы ѣздить въ церковь парадно; въ церкви стояли



впереди, сестры и братья — около нихъ; всѣ торгаши и чиновники имъ клянялись, а Андрей Иванычъ или ея мать могли даже имъ и не кланяться и даже говорили, что такой-то человѣкъ не стоитъ того, чтобы ему кланяться. Часто у нихъ собирались гости и эти гости принадлежали къ важнымъ людямъ, которые ласкали ихъ—дѣтей. Гости эти ѣли хорошія кушанья, пили хорошія вина, чего не было у мѣщанъ (ей случалось это видать съ пятилѣтняго возраста, когда она часто бѣгала къ мѣщанамъ, родителямъ одной дѣвочки Насти, одногодки ей), играли въ карты и плясали подъ скрипку. Современемъ она нашла, что между этою жизнью и жизнью мѣщанъ разница небольшая: мѣщане бѣдны, не имѣютъ чиновничьихъ правъ, должны работать на чиновниковъ, и поэтому не могутъ такъ ѣсть, пить и нанимать скрипачей для плясокъ. Но живутъ всѣ одинаково: ѣдятъ, пьютъ, женятся, спятъ и веселятся одинаково каждый по своимъ средствамъ, и поэтому, сближаясь черезъ Настю съ мѣщанами, она находила жизнь мѣщанскую даже лучше жизни ея отца. Настя и другія мѣщанскія дѣти пользовались бо̀льшимъ просторомъ, и до тѣхъ поръ, пока родители не находили, что они годны для работы, были предоставлены большею частію самимъ себѣ; когда же они поступали въ работу, то и тутъ многимъ разнились отъ чиновническихъ дѣтей; главное — они могли выражаться не стѣсняясь, могли ѣсть когда хотѣли, если было, что ѣсть, и если имъ нечего было дѣлить; могли по вечерамъ свободно играть на улицахъ. Не то было у ея родителя. У Андрея Иваныча строго соблюдался во всемъ порядокъ: вставать полагалось всѣмъ въ одно время тотчасъ послѣ родителей. Если кто пробужался раньше родителей, тотъ долженъ лежать; маленькимъ дѣтямъ, которыя еще были не въ силахъ сами на себя надѣвать одежду, строго воспрещалось бѣгать босикомъ по полу, несмотря даже на то, что на полу имѣется коверъ; умываться всѣ должны были разомъ, чтобы не дѣлать большаго шуму и хлопотъ, и если кто не хотѣлъ умываться, тому не давали ѣсть. Маленькія дѣти должны были пріучаться къ моленію, и если умѣющій говорить и играть не понималъ смыслу въ молитвахъ — тому тоже не давали ѣсть. Послѣ завтрака или чаю маленькія дѣти должны были играть въ куклы, а дѣти побольше учить уроки, т.-е., зубрить то, что̀ было отмѣчено въ начаткахъ или въ какой нибудь религіозной книжкѣ. До обѣда дѣтямъ гулять запрещалось. Родители не понимали того, что дѣтямъ необходимъ чистый воздухъ; они думали, что они избалуются находясь подъ присмотромъ няньки, мать же до обѣда была занята приготовленіемъ кушаній, и вотъ только

*

послѣ обѣда, когда родители, усталые передъобѣднымъ трудомъ и насыщенные до изнеможенія, ложились спать, дѣти убѣгали на улицу. Родители старались выработать изъ своихъ дѣтей подобіе себя и поэтому требовали, чтобы дѣти ходили ровно, говорили не заикаясь, по дворянскому, подходили къ ручкамъ родственниковъ, — мальчики расшаркиваясь ногами, а дѣвочки присѣдая, отвѣчали только тогда, когда ихъ спросятъ, и не осмѣливались сами спрашивать о чемъ бы то ни было, такъ-какъ дѣтямъ не слѣдуетъ знать, что̀ дѣлаютъ большіе. Играя, дѣти должны были разговаривать вполголоса, вполголоса смѣяться, не кричать, не бѣгать, подъ опасеніемъ просидѣть часа два-три на стулѣ, или лишиться чаю и ѣды. Когда бывали у Андрея Иваныча гости со своими дѣтьми, то они должны были тоже вести себя чинно, меньше разговаривать, подъ тѣмъ предлогомъ, что нехорошо, если дѣти будутъ передавать другъ другу то, что̀ знаютъ изъ отношеній отца къ матери и наоборотъ. Такая система воспитанія, само собою разумѣется, дѣтямъ ненравилась и они рады были случаю выскочить на улицу къ дѣтямъ мѣщанъ и предаваться шалостямъ въ волю. Эта система сдѣлала то, что дѣти Андрея Иваныча еще въ десятилѣтнемъ возрастѣ умѣли ругаться, капризничали, требовали, чтобы мѣщанскія дѣти уважали ихъ, и старались послѣднимъ всячески сдѣлать какую нибудь пакость, хотя бы она была самого неприличнаго свойства. Такъ, напримѣръ, плюнуть въ какого нибудь мѣщанскаго мальчика считалось за геройство, обозвать самымъ неприличнымъ словомъ—удалью; но если это же самое дѣлалъ мѣщанскій мальчикъ, сынъ или дочь Андрея Иваныча плакали и жаловались. Это воспитаніе сдѣлало нѣкоторыхъ дѣтей съ ранняго дѣтства льстецами и фискалами. Такъ Осипъ, чтобы выслужиться передъ отцомъ, постоянно жаловался ему или матери на кого нибудь изъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, и если его жалобы оставались безъ послѣдствій, онъ пускалъ въ дѣло вранье. Отъ этого произошла вражда братьевъ съ братьями и духъ шпіонства царилъ въ домѣ Яковлева. Мало этого, дѣти даже научились подслушивать у дверей и знали многое изъ отношеній своихъ родителей другъ къ другу.

Дарья Андреевна не была шпіонкой, но ее никто изъ братьевъ и сестеръ не любилъ. Свою настоящую мать она не помнитъ. О ней у нея достаточно было собрано разсказовъ отъ матери Насти, отца и протопопа Третьякова. Всѣ эти люди хвалили ее, и больше ничего. Хотя же она и считала долго вторую жену Андрея Иваныча за настоящую мать, но старшіе братья и сестры смѣялись надъ ней, а уличные ребятишки дразнили ее,

что̀ Дарью Андреевну прошибало до слезъ, и только когда Дарья Андреевна стала больше смыслить, то стала еще больше любить мачиху, которая была къ ней больше другихъ привязана, какъ потому, что Дарья была мала, такъ и потому, что она очень любила ея маленькихъ дѣтокъ. Старшіе братья и сестры были уже большіе и вели себя, какъ двадцатилѣтній юноша относится къ восьмилѣтнему лѣнивому ученику: они не любили разговаривать съ младшей сестрой, которая не понимала того, что̀ дѣлаютъ они; гнали ее отъ себя, когда она мѣшалась въ ихъ забавы; теребили ее за волоса, когда которому нибудь изъ нихъ приходилось получать наказаніе отъ отца; упрекали ее шпіонствомъ, хотя сами постоянно наушничали на нее отцу. Бо̀льшую часть дня она оставалась въ кругу сестеръ и братьевъ, и ей много приходилось отъ нихъ терпѣть; на нихъ же она никогда не жаловалась ни отцу, ни матери, ни роднымъ, да и ни отецъ и ни мать не чувствовали того, что̀ чувствовала ихъ дочь. Они не понимали, что ихъ дочери больно и только удивлялись, отчего это она не толстѣетъ, отчего она не веселая, постоянно молчитъ и глаза у нея заплаканы. Любить своихъ старшихъ братьевъ и сестеръ Дарья Андреевна не могла; она даже боялась ихъ, и только любила меньшаго брата Кузьму, который до пятилѣтняго возраста былъ тяжелымъ бременемъ для родителей, потому что почти до пяти лѣтъ не ходилъ, плохо говорилъ и часто хворалъ, оставаясь большею частію безъ надзора. У мачихи были другія меньшія дѣти, требующія присмотра; отцу же было все равно, будетъ онъ жить или нѣтъ, а изъ этого произошло то, что болѣзнь его была предоставлена волѣ Божіей. Хотя же отецъ и обращался съ Дарьей Андреевной ласково, часто сажалъ ее къ себѣ на колѣни, даже целовалъ больше другихъ дѣтей, ставилъ ее въ примѣръ за обѣдомъ, но она отца все-таки боялась, потому что онъ и ласки свои начиналъ какъ-то издалека и онѣ исходили только тогда, когда онъ былъ въ спокойномъ настроеніи. Ей и отъ отца нерѣдко случалось получать наказанія за какую нибудь неосторожность, или по какой нибудь жалобѣ братьевъ и сестеръ. Разобьетъ ли кто нибудь любимую чашку отца — сваливаютъ на Дарью, прольетъ ли кто нибудь въ кабинетѣ отца чернила или начертитъ на стѣнахъ карандашомъ,— жалуются на Дарью. Отецъ станетъ допрашивать дѣтей не хуже любаго судебнаго слѣдователя, всѣ отпираются; отецъ наказываетъ всѣхъ — достается и Дарьѣ. Поэтому, считая отца за добраго человѣка, она все-таки боялась его и у нея проявлялось къ нему недовѣріе. Она еще маленькой дѣвочкой думала: отчего

отецъ неправъ и отчего у нихъ въ домѣ все дѣлается не такъ, какъ у людей бѣдныхъ?

Изъ своихъ родныхъ она любила больше всего протопопа Сергія Иваныча Третьякова. Сергій Иванычъ имѣлъ только одну дочь, которая была замужемъ за Андреемъ Иванычемъ. Это была вторая жена Яковлева. Протопопъ до того былъ религіозенъ, что послѣ смерти своей жены хотѣлъ постричься въ монахи, но его удержало то, что онъ не кончилъ курса въ академіи и поэтому не могъ разсчитывать на то, что будетъ когда нибудь архіереемъ. Оставшись вдовцомъ, онъ сталъ служить въ церкви каждый праздникъ, читалъ книги духовнаго содержанія и все свободное время посвятилъ на образованіе юношества. Хотя это образованіе и не обходилось безъ розогъ и другихъ истязаній, которыя онъ выдумывалъ, но дѣти его любили за то, что онъ говорилъ съ ними о всемъ, что̀ бы они ни спрашивали, и дозволялъ имъ шалить въ то время, когда онъ не занимался. Съ Дарьей Андреевной онъ былъ очень нѣженъ, ласкалъ ее, дарилъ что нибудь и любилъ разсказывать о житіи святыхъ, а иногда разсказывалъ и сказки. Она его нисколько не боялась, была у него весела, смѣялась и онъ ее не называлъ иначе, какъ моя козочка, и всегда, когда она не была у него цѣлую недѣлю, онъ спрашивалъ свою дочь или Андрея Иваныча: а что вы мою козочку не пустите ко мнѣ; стосковался я объ ней. Онъ ее сталъ учить грамотѣ и въ теченіе пяти лѣтъ, даже обучилъ первымъ правиламъ ариѳметики и грамматики. Дальнѣйшее преподаваніе онъ считалъ безполезнымъ на томъ основаніи, что дѣвочекъ не для чего утруждать науками, такъ-какъ имъ не быть ни священниками и ни стряпчими, а назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы помогать мужьямъ, или быть въ домѣ хозяйками и воспитывать дѣтей въ послушаніи и въ страхѣ божіемъ. И когда бывшій въ то время въ Ильинскѣ городничій предложилъ Третьякову завести въ городѣ училище для дѣвочекъ, то онъ даже вспылилъ. Съ тѣхъ поръ, о женскомъ училищѣ въ Ильинскѣ больше никто не заикался. Но въ домѣ Третьякова Дарья Андреевна отдыхала отъ всего, что̀ она выносила у своихъ родителей; у него была тишина и даже страшно въ его пустыхъ комнатахъ, когда онъ уходилъ куда нибудь на требу. Вотъ въ это-то время она и стала сближаться съ мѣщанскими дѣтьми, и онъ никогда за это выговоровъ не дѣлалъ. Когда же разъ онъ остался недоволенъ ею, что она не пришла ужинать, а играла съ дѣвчонками, и она спросила его: почему ей нельзя играть съ мѣщанскими дѣтьми, а съ чиновническими можно? — то онъ сказалъ:

— Мѣщане грубы, невѣжи, а чиновники люди благородные. Отъ нихъ и дѣти такія же выходятъ.

— Такъ и я благородная? Что это такое?.. Что значитъ благородство?

— Значитъ быть вѣжливымъ, благовоспитаннымъ, памятуя, что ты будешь имѣть въ будущемъ общество дворянъ, вездѣ принятыхъ, а не мѣщанъ, которые созданы только для того, чтобы работать.

— Но какъ же Господь сказалъ, что мы всѣ равны?

— Объ этомъ никто и не споритъ; только люди съ давнихъ временъ сдѣлались такими, что ихъ нельзя равнять. Напримѣръ, я пастырь, а твой отецъ стряпчій. Я хожу въ царскія врата, а отецъ не имѣетъ права и не можетъ даже надѣть ризы. Такъ и мѣщанинъ. Для всѣхъ установлены законы, каждому человѣку назначено мѣсто. Нужно помнить, что отецъ твой власть, а мѣщанинъ простой обыватель, а въ священномъ писаніи сказано: всяка душа властямъ предержащимъ да повинуется.

Такъ объяснялъ Третьяковъ, но у Дарьи Андреевны вслѣдствіе этого появлялись вопросы: отчего это такъ? зачѣмъ существуютъ подраздѣленія? А такъ-какъ ей много приводилось видѣть такого, что̀ разъединяло черный народъ отъ бѣлаго, хотя этотъ народъ и принадлежалъ къ одному племени, то въ голову ей не разъ западала мысль: почему бѣдные люди — бѣдны; зачѣмъ существуютъ люди, которыхъ называютъ рабочими и обращаются съ ними невѣжливо? Но всѣхъ этихъ вопросовъ она не могла разрѣшить. Отца разспрашивать она не смѣла, старшіе братья и сестры держали себя съ нею такъ, что ихъ объ этомъ спрашивать не стоило; мѣщанскія же дѣвушки, хотя и задавали себѣ подобные вопросы, но говорили, что все это происходитъ оттого, что онѣ родились мѣщанами, и бѣдны потому, что есть богатые и есть бѣдные, — такъ что эти вопросы запутывались еще больше и разрѣшить ихъ Дарьѣ Андреевнѣ не было никакой возможности. Спросила она объ этомъ своего дѣдушку — Третьякова, онъ сказалъ съ неудовольствіемъ: откуда это у тебя въ головѣ такія мысли бродятъ? и далъ ей прочитать одну изъ книжекъ житія благочестія.

Чѣмъ больше подростала Дарья Андреевна, тѣмъ больше у нея являлось желаніе больше знать и она съ жадностію хваталась за всякую книгу, но и въ этихъ немногихъ книгахъ ей приходилось читать преимущественно о любви; серьёзнаго же чтенія она не понимала: оно было до того тяжело для нея, что она дремала и въ головѣ чувствовалась или пустота или тяжесть, и когда она мучилась безсонницей, то какія-то непонятныя

слова то и дѣло роились въ ея головѣ. Журналы хотя и выписывались судьей и исправникомъ, но ихъ достать было довольно трудно, и притомъ каждая книжка разрѣзывалась только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть легкая и забавная для чтенія бельлетристика. Но и въ этомъ чтеніи она все-таки могла отличать кое-что похожее на дѣйствительность отъ извращенія, и больше всего любила описанія простой жизни, похожей на ихъ ильинскую, очерки и начинавшіеся въ то время печатные разсказы и сцены изъ простонародной жизни. Сочиненія Гоголя она читала съ упоеніемъ нѣсколько разъ, и даже запомнила изъ него очень многое, тогда какъ ея отецъ терпѣть не могъ читать «Мертвыя души» и «Ревизора», называя ихъ пасквилями на дворянство и клеветой, за что, какъ онъ говорилъ, этого сочинителя надо бы отдать подъ уголовный судъ. Съ годами литература наша стала лучше и въ ней стали затрогиваться — даже въ бельлетристикѣ—многіе вопросы, но хорошихъ журналовъ въ городѣ не было, въ чтеніи ихъ ильинскіе обыватели не имѣли надобности. Сестры и братья ея любили читать только смѣшное или что нибудь въ родѣ приключеній, а Марья даже перечитала два раза училище благочестія; ея же мѣщанскія подруги читать вовсе не умѣли, и если она пробовала имъ что нибудь читать, онѣ зѣвали или заговаривали о другомъ. Исключеніе изъ этого составляла только одна Анисья Осиповна, которая сочувствовала Дарьѣ Андреевнѣ, и съ которой она всегда говорила о чемъ нибудь прочитанномъ, о людяхъ, въ средѣ которыхъ онѣ живутъ, высказывала свои взгляды, такъ, что родители, подслушавши ихъ сужденія, называли ихъ обѣихъ набитыми дурами, на томъ основаніи, что эти разговоры молоденькихъ дѣвушекъ казались имъ непонятными, глупыми и ни къ чему неведущими.

До Марины Осиповны (третьей жены Андрея Иваныча) все еще было сносно. Но когда она воцарилась въ домѣ, то, видя Дарью Андреевну за книжкой, не разбирая какого содержанія эта книга, она выхватывала ее, уносила и заставляла Дарью Андреевну что нибудь дѣлать. А дѣла у нея находилось всегда много: если нечего было шить, вязать или вышивать,—на что она налегала сильно, то хоть бѣлье перебирай, перетирай посуду, чисти платье или что нибудь. Чтеніе, по ея понятіямъ, составляло бездѣлье, отлыниваніе отъ дѣла, хотя сама она и не любила ничего дѣлать и дѣти часто заставали ее въ ея спальной лежащею на кровати съ какою нибудь книгой, — что̀, конечно, еще болѣе раздражало Дарью Андреевну, которая поэтому была рада радехонька, если предстоялъ ей случай идти зачѣмъ нибудь въ домъ Зи-

новьева, просидѣть тамъ съ Анисьей Осиповной если не цѣлый день, то хоть часа два-три, несмотря даже на то, что мачиха ругала ее какъ только могла и грозилась никогда не пускать ее изъ дома.

Иногда Андрей Иванычъ говорилъ въ веселомъ расположеніи духа Маринѣ Осиповнѣ, при дѣтяхъ, что вотъ скоро Дарья будетъ и невѣста, скоро ее будутъ сватать, опять новыя хлопоты. На это Марина Осиповна, закусивъ губы, отмалчивалась и качала головой, а потомъ отвѣчала, что такую гордячку и взбалмошную дѣвчонку не возьметъ замужъ ни одинъ порядочный человѣкъ, а что она или попадетъ въ руки пьяницѣ или останется въ дѣвкахъ и намекала на то, что Андрей Иванычъ старъ, а на нее, Марину Осиповну, она много не можетъ надѣяться. Андрей Иванычъ дѣлалъ видъ, что пропускаетъ эти слова мимо ушей и только когда она сильно надоѣдала ему ими, говорилъ, что послѣ его смерти, Дарью пріютитъ его старшій сынъ. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ Дарья Андреевна поняла, что ее хотятъ какъ можно скорѣе столкать замужъ, и это ее очень печалило. Изъ книгъ, прочитанныхъ ею, она знала, какъ влюбляются люди, и знала, что молодая дѣвушка большею частію выходитъ не за молодаго красавца, а за старика, потому что онъ имѣетъ домъ и деньги. Она знала многихъ дѣвушекъ изъ чиновнаго класса, вышедшихъ за некрасивыхъ и пожилыхъ чиновниковъ, часто бывала на свадьбахъ и слушала сужденія барышень, которыя находятъ въ томъ или другомъ въ женихѣ множество недостатковъ; въ городѣ было два случая, что два купца женились на чиновническихъ дочеряхъ и били ихъ; она видала много сценъ такого рода, что мужья часто бьютъ своихъ женъ, которыя отъ этого плачутъ, терпятъ отъ нихъ всякія непріятности, потому что онѣ не умѣютъ защищаться; видала она также многихъ мѣщанокъ, зарабатывающихъ хлѣбъ для своихъ семействъ, тогда какъ ихъ мужья ничего не дѣлаютъ, а только пьянствуютъ — и все это ее возмущало. «Зачѣмъ мнѣ выходить замужъ?» спрашивала она себя. «На что мнѣ мужъ? Развѣ я не могу одна жить?» И она рѣшила, что отъ нее хотятъ избавиться для того, чтобы на нее не тратились.

— Ты будешь чиновница, хозяйка въ домѣ мужа; у тебя будутъ свои дѣти, свои заботы, говорилъ ей Третьяковъ, когда она обратилась къ нему за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

— Но если я не хочу идти замужъ.

— Вы всѣ женщины говорите это до свадьбы. Нѣтъ человѣка въ мірѣ, чтобы онъ не любилъ кого нибудь.

«Отчего же говоритъ это дѣдушка протопопъ, если онъ не

имѣетъ жены?» спрашивала она себя, и потомъ вспомнились городскія сплетни о двухъ мѣщанкахъ. Хотя же протопопъ рѣдко читалъ свѣтскія книги, но онъ городскую жизнь зналъ хорошо, но объяснялъ ее по своему. «Онъ говоритъ, что безъ любви никто не можетъ жить». Но книги ей мало разъясняютъ вопросъ. Она поняла, что можно выйдти замужъ по любви; но зачѣмъ же, если у нея нѣтъ желанія выходить только изъ-за того, чтобы пристроиться, если у ней нѣтъ мужчины, котораго бы она любила. Мало ли есть молодыхъ людей, съ которыми она играла, но ни къ одному у ней нѣтъ привязанности. Она только и любитъ одного брата Кузьму, и вотъ съ нимъ она бы не разсталась никогда.

«Нѣтъ, я не пойду замужъ. Никогда меня не выдадутъ насильно, какъ выдаютъ другихъ дѣвушекъ». Такъ думала она сперва. Потомъ, слушая разсказы, какъ такая-то женщина не нахвалится своимъ житьемъ, видя, какъ жены рыдаютъ, провожая своихъ покойниковъ мужей до могилы, она уже не прочь была выйти замужъ, но за такого мужчину, который бы хотя былъ и мѣщанинъ, за то молодъ, красивъ, любилъ бы ее, не пьянствовалъ и не билъ. Чѣмъ дальше она думала и разсуждала съ Настей и Анисьей Осиповной объ этомъ, тѣмъ больше ей захотѣлось такой жизни; она даже не прочь была выйти замужъ за человѣка бѣднаго, но честнаго. «И какъ бы было хорошо: онъ бы работалъ и я бы стала работать». Одно только безпоко[illegible] ее: а что если мой мужъ умретъ; куда я дѣнусь съ дѣт[illegible], если не останется ни дома, ни денегъ? Остается одно—поселиться у отца. А этого ей не хотѣлось, не хотѣлось потому, что она тогда больше прежняго подчинится мачихѣ. Такъ она думала въ пятнадцать лѣтъ. Но тутъ явилось такое обстоятельство, которое заставило ее измѣнить свое желаніе выйти замужъ.

Однажды въ городѣ разнесся слухъ, что пріѣдетъ какая-то коронная повивальная бабка. И вотъ разъ къ Андрею Иванычу пришла молодая женщина, одѣтая, какъ одѣваются жены достаточныхъ чиновниковъ. Ее встрѣтилъ Андрей Иванычъ и думалъ, что она пришла по какому нибудь дѣлу, но она назвалась повивальной бабкою, пріѣхавшею изъ столицы. Андрей Иванычъ пригласилъ ее въ зало, и позвалъ Марину Осиповну. Онъ былъ очень вѣжливъ, завидовалъ Марьѣ Васильевнѣ, и въ особенности тому, что она будетъ получать жалованье, все равно, какъ чиновники; Марина Осиповна, плохо понимая то, какимъ образомъ такая наряженная барыня можетъ заниматься такимъ ремесломъ, которымъ занимаются старухи мѣщанки, была съ ней суха и выслала дѣтей прочь. Когда же она ушла отъ нихъ, то родители остались

очень недовольны визитомъ повивальной бабки. Остались недовольными и другіе аристократы. Стали говорить, что Марья Васильевна дочь мѣщанина, имѣла любовника и отъ него дочь, которая умерла, а когда любовникъ бросилъ ее, она стала обучаться повивальному искусству и выучившись поѣхала въ провинцію на казенную должность. Оказалось, что ни Андрей Иванычъ, ни Марина Осиповна и ни одна власть въ городѣ не понимали: для чего это прислали изъ столицы барыню-повитуху, когда въ городѣ есть свои возлюбленныя повитухи, которыя отлично умѣютъ животы править и умѣютъ вылечивать отъ какой угодно болѣзни, и для чего барынѣ нужно платить жалованье, когда она не мужчина? Всѣ сердились на то, что она, повитуха, осмѣливалась дѣлать визиты благовоспитаннымъ ильинскимъ барынямъ, дочери которыхъ то и дѣло толкуютъ объ ней, стараются вывести изъ ея должности различныя заключенія, и пристаютъ къ родителямъ съ различными вопросами. Всѣ въ ея должности нашли много нехорошаго, всѣ на первыхъ порахъ отшатнулись отъ нея, стали издѣваться, говорить все, что̀ въ голову влѣзетъ, и она была предметомъ насмѣшекъ и разговоровъ. Изъ-за нея даже ссорились братья и сестры, жены ревновали мужей. Стали говорить, что она не ходитъ въ церковь, въ постъ ѣстъ скоромное, по ночамъ у нея долго горитъ огонь; разъ кто-то сказалъ, что ее видѣли съ книжкой; другой разъ откуда-то явился слухъ, что у нея ночью видѣли мужчину, а что днемъ она постоянно разговариваетъ съ разными писцами—это считали нерѣдкостью и ее стали караулить. Но ничего предосудительнаго не укараулили. Больше всего на нее злились и сплетничали городскія повитухи, которыя, боясь, что она отобьетъ у нихъ богатыхъ больныхъ, говорили, что эта модница ничему не училась и ничего не знаетъ, а послана сюда или въ ссылку, или по протекціи какого-нибудь важнаго любовника. Но какъ вообще все въ маленькомъ городишкѣ надоѣдаетъ и прискучаетъ, и жизнь съ ея интересами, подъ конецъ, становится на прежній порядокъ, такъ и Марью Васильевну оставили въ покоѣ, и исправничиха первая пригласила къ себѣ Марью Васильевну, а за ней стали приглашать и другія, и даже сама Марина Осиповна. Оказалось, что Марья Васильевна барыня добрая, терпѣливая, дѣло свое знаетъ отлично, никакъ не хуже простой повитухи и ничѣмъ не обижается. Всякая барыня старалась ей дать больше и спрашивала у нея: а что̀, исправничиха сколько дала вамъ? Мало-по-малу нехорошо говорить про нее стали только однѣ повитухи, городская же аристократія стала считать ее своею, да и тѣ говорили только, что она читаетъ книжки и что ей

надо много платить, потому что она получаетъ маленькое жалованье.

Появленіе женщины служащей, получающей жалованье и квартиру, въ Ильинскѣ было новостью, и эта новость взбудоражила на первыхъ порахъ не одну благовоспитанную дѣвицу: всѣмъ захотѣлось сдѣлаться повивальными бабками. Это желаніе проистекало изъ того, что многимъ у родителей жизнь была тяжелая—въ ней не было свободы, сдѣлавшись же повивальною бабкою, предполагалось возможнымъ скорѣе и лучше найти жениха по вкусу. Дарья Андреевна тоже крѣпко призадумалась. Должность пріѣзжей повивальной бабки хотя и казалась ей несовсѣмъ привлекательной, но за то хорошею въ томъ отношеніи, что она будетъ свободна. Тогда ей не для чего будетъ выходить замужъ: у нея будетъ жалованье, деньги. Но разспросить Марью Васильевну, какимъ образомъ ей можно выучиться этому занятію, она стыдилась. Кромѣ этого, ей не удавалось поговорить съ Марьей Васильевной, потому что у нихъ повивальная бабка, во время болѣзни мачихи, оставалась недолго и рѣдко обѣдала, и то въ кругу семейства, когда ей заводить вопросы о повивальномъ искусствѣ было неловко. Однако, мысль сдѣлаться чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ крѣпко засѣла въ головѣ Дарьи Андреевны. Если повивальное искусство казалось ей труднымъ и нехорошимъ, то она находила хорошимъ швейное занятіе. Въ Ильинскѣ было всего двѣ женщины мѣщанки, которыя шили на купчихъ и должностныхъ чиновницкихъ женъ; въ Егорьевскѣ она знала три магазина, въ которыхъ шили дѣвушки, подъ наблюденіемъ нѣмокъ и француженокъ. И вотъ однажды она сказала отцу:

— Папаша, отпустите меня въ модный магазинъ: хочу учиться шить.

— Развѣ ты не умѣешь шить и вышивать?

— Я хочу модныя платья шить.

— Для чего? Замужъ выйдешь, и если за богатаго, то мужъ будетъ отдавать портнихамъ. Все это глупости. Барышнѣ негодится заниматься шитьемъ съ дѣвчонками, у которыхъ и родителей-то настоящихъ нѣтъ, которыя по ночамъ то и дѣло по бульвару шатаются.

Сказать же, для какой цѣли она хочетъ быть швеей, она побоялась тогда. Она еще убѣждена была въ томъ, что дѣйствительно неловко ей, чиновнической дочери, жить у мамзелей, считающихся развратными женщинами, которымъ отдаютъ ра-

боту потому, что кромѣ нихъ некому хорошо шить модныя платья.

Но вотъ отецъ лишился стряпческой должности, должности очень прибыльной; дядя Ипполитъ Апполоновичъ взялъ ее къ себѣ жить, у дяди было очень скучно. Притомъ же она была у него и его жены все равно, что работница, такъ-какъ они держали только одну кухарку, и она постоянно подавала гостямъ чай и кушанья. Въ этомъ городѣ она познакомилась съ городскими швеями и особенно съ двумя часто сидѣла на берегу рѣки, иногда далеко за полночь. Отъ этихъ дѣвицъ Дарья Андреевна узнала, что швейное мастерство, вопервыхъ, дается нелегко, а вовторыхъ, мало обезпечиваетъ; въ дѣвицахъ она замѣтила мало согласія, и даже замѣтила, что одна изъ нихъ дѣйствительно гуляетъ съ гимназистомъ. Обѣ ея знакомки ругали свою хозяйку за то, что она ихъ обременяетъ работою, платитъ мало, скверно кормитъ и имъ даже невозможно заработать что-нибудь со стороны, потому что ихъ заставляетъ работать и въ праздничные дни. Эти же дѣвицы говорили также, что ихъ старшая мастерица, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, жила у хозяйки такъ же, какъ и онѣ жили, но вслѣдствіе худаго заработка, немогущаго прокормить ея больную мать и маленькаго брата, имѣла нѣсколько любовниковъ, которые ей платили хорошо, и теперешній ея любовникъ даже будто бы хочетъ жениться на ней, — что̀ очень можетъ быть, такъ-какъ она красивая, только чахоточная. Но у дяди Дарья Андреевна прожила только съ мѣсяцъ. Пріѣхала къ нему Марина Осиповна съ Андреемъ Иванычемъ. Андрею Иванычу очень не нравилось, что дочь его живетъ у брата какъ-будто въ услуженіи, и потому онъ придумывалъ средство, какъ бы взять ее оттуда. Тогда Марина Осиповна предложила монастырь, съ тѣмъ чтобъ послать ее туда до замужества, тѣмъ болѣе, что въ монастырѣ жила ея тётка. Попавши въ монастырь, Дарья Андреевна съ перваго же дня поняла, что эта жизнь далеко не соотвѣтствуетъ ея планамъ. Въ Ильинскѣ и въ другихъ городахъ она была гораздо свободнѣе, чѣмъ тутъ. Тамъ хотя и бранили ее, но она могла куда-нибудь сбѣгать; здѣсь же все было размѣрено, разсчитано, подлажено такъ, что нужно было дѣлать то, что̀ всѣ дѣлаютъ, въ противномъ случаѣ ее ждало наказаніе. Сперва она жила у настоятельницы, которая приходилась Маринѣ Осиповнѣ двоюродной тёткой и, конечно, не могла любить падчерицу своей племянницы, которая въ письмѣ рекомендовала ее, какъ дѣвушку гордую, непочтительную и прочее. Она сдѣлала изъ Дарьи Андреевны

служку себѣ; но эта обязанность, которой домогались многія, ей не понравилась, потому что настоятельница была капризная, злая и съ ней ужиться было можно только идіоту. Она съ утра и до вечера ворчала; дѣвицъ воспитанницъ, которыхъ жило въ монастырѣ штукъ сорокъ, она безъ церемоніи била по щекамъ, ставила на колѣни во время обѣда, запирала въ холодный подвалъ на недѣлю тѣхъ, которыя замѣчены были ею въ церкви въ чемъ-нибудь безнравственномъ, хотя, какъ говорили монахини, она каждый годъ толстѣетъ и каждый годъ ѣздитъ въ сосѣдній монастырь. За трапезу садились всѣ, даже сама настоятельница; въ это время одна изъ монахинь или воспитанницъ читала житіе какого-нибудь святаго, всѣ молчали, но пища была скудная: черствый кусокъ ржанаго хлѣба и какая-нибудь похлебка или, бо̀льшею частію, горошница, хотя всѣ знали, что настоятельница показываетъ въ отчетахъ расходы на рыбу, масло, булки и крупу; знали также, что послѣ всеобщей трапезы, дома настоятельница обѣдала изобильно, съ выпитіемъ двухъ рюмокъ наливки, и послѣ обѣда спала по два часа. Зимою въ комнатахъ было холодно, а теплой одежды не было; монахини и воспитанницы часто хворали, а докторъ призывался только въ рѣдкихъ случаяхъ. По правиламъ этого монастыря воспитанницъ отдавали замужъ за кончившихъ курсъ семинаріи, по предложенію епархіальнаго или викарнаго архіерея, съ тѣмъ, что изъ капитала воспитанницъ и процентовъ съ монастырскихъ капиталовъ выдавалось имъ еще приданое и сто рублей денегъ, но этихъ денегъ, при выходѣ замужъ, воспитанницы не получали, потому что настоятельница, предлагая деньги жениху, тонко намекала, что она выберетъ ему самую превосходную воспитанницу, а о деньгахъ дескать заботиться нечего, потому что онъ получаетъ доходное мѣсто. Поэтому женихъ или не бралъ вовсе денегъ, или бралъ только часть. Если же онъ бралъ всѣ, то женившись, ждалъ иногда мѣста больше года, или поступалъ въ свѣтское званіе. Кромѣ этого, еще много было причинъ, по которымъ настоятельницу ненавидѣли воспитанницы, а въ городѣ ходили про нее весьма компрометирующіе слухи. Отъ этого, можетъ быть, и происходило въ монастырѣ наушничество, лесть и лицемѣріе; ежедневно настоятельница дѣлала кому-нибудь выговоръ, а безъ наказаній, болѣе или менѣе жестокихъ, не проходило ни одной недѣли. Съ монахинями настоятельница обращалась, какъ съ крѣпостными: сажала ихъ въ темные, холодные подвалы, просидѣвши въ которыхъ недѣлю, монахиня обыкновенно заболѣвала. Отъ этого монахини заискивали у воспитанницъ, на ко-

торыхъ больше всего обращала вниманіе настоятельница. Онѣ готовы были сдѣлать что угодно для любимой настоятельницей воспитанницы, такъ что бывали случаи, что будучи, отпущены въ городъ, онѣ носили отъ воспитанницъ письма къ ихъ любовникамъ и устроивали свиданія у садовой рѣшотки. Вражда въ монастырѣ была всеобщая, каждая видѣла въ другой доносчицу; всѣ сплетничали, попрекали другъ дружку любовниками. Воспитанницы были вполнѣ забиты монастырскою жизнію; если онѣ попадали туда съ семилѣтняго возраста и если были некрасивы, то должны были постричься—ужь таковъ былъ взглядъ настоятельницы. То же было и съ красивыми, у которыхъ не было родни. Монахини жили день за днемъ, терпя ругань: онѣ уже стерпѣлись, и у нихъ только была одна мечта — выбраться изъ этого монастыря и попасть въ другой, или отправиться путешествовать съ кружкой. Однѣ изъ нихъ пошли въ монастырь по влеченію, но, разочаровавшись, махнули рукой на все; другія пошли съ отчаянія, потому что имъ, одинокимъ въ мірѣ, страшно казалось жить, а въ монастырѣ готовая квартира, хлѣбъ; но эти потомъ раскаялись: онѣ были молоды, онѣ могли любить; третьи пошли сдуру, такъ себѣ, и плачутся на все и на всѣхъ. Бывали даже случаи, что монахини убѣгали изъ монастыря.

Въ монастырь часто ходили женщины ханжи-чиновницы, мѣщанки, бо̀льшею частію дѣвы. Онѣ лицемѣрили и подлаживались къ монастырскому начальству, которое, вѣря въ ихъ добрую нравственность, отпускало къ нимъ воспитанницъ, а иногда и монахинь, и вотъ у этихъ-то женщинъ воспитанницы ближе сходились съ молодыми мужчинами. Эти сходки приносили доходъ или настоятельницѣ, или казначейшѣ, или ризничной, или т. п. лицамъ, такъ что эти женщины эксплуатировали воспитанницъ и въ свою и въ монастырскую пользу, а дѣвицы оставались не причемъ, кромѣ идеаловъ. Но, однако, случалось, что какая-нибудь страстная натура и увлекалась, и за это отвѣчалъ уже *предметъ*, платящій дань ханжѣ, а ханжа отвѣчала передъ довѣрившими ей лицами дорогими акаѳистами, молебнами, подарками и разстроивала жизнь дѣвушки на всю жизнь.

Само собой разумѣется, что Дарья Андреевна, выросшая въ кругу такихъ людей, которые не допускали безнравственности, была сильно возмущена всѣмъ, ею видѣннымъ, и ей пришлось много терпѣть въ душѣ, потому что она не хотѣла кляузничать или даже вслухъ относиться ко всему критически, а вела только свой дневникъ украдкой отъ монахини, къ ней назначенной. За какую-то провинность, настоятельница прогнала ее отъ

себя и заставила днемъ работать въ огородѣ, а вечеромъ до 8 ч. шить. Работа эта ей нравилась, потому что она ее развлекала; она бо̀льшую часть дня была на воздухѣ, а въ залѣ, гдѣ шили послѣ обѣда, ее оставляли безъ вниманія. Въ семь часовъ запирали ворота монастыря и всѣ монастырки должны были ложиться спать. Къ счастію, приставница попалась ей такая, которая находила возможность въ девять часовъ вечера уходить въ садъ и брать ключъ съ собой; тогда она предавалась своимъ мыслямъ. Случалось, что эта монахиня забывала затворять дверь, и тогда Дарья Андреевна уходила въ садъ. Въ саду она или сидѣла, наблюдая за движущимися тѣнями въ окнахъ подвижницъ, или ходила по саду. Разъ она услыхала шепотъ... То былъ шепотъ ея приставницы и мужской. Но она не подала вида. Черезъ мѣсяцъ ея приставницу увезли въ другой монастырь и на мѣсто ея приставили новую. Вышиванье было трудное — больше на золотѣ, серебрѣ и шелкѣ, и такъ-какъ Дарья Андреевна научилась вышивать еще дома, то въ монастырѣ давали ей самую трудную работу, за которой она просиживала по нѣскольку часовъ сряду. Нерѣдко она просила настоятельницу избавить ее отъ этой работы на нѣсколько времени, но настоятельница упрекала ее лѣни, и сыпала ей назидательными словами изъ священнаго писанія. Проживши въ монастырѣ два мѣсяца, Дарья Андреевна затосковала объ отцѣ, о роднѣ и о родномъ городѣ; ей опротивѣла монастырская жизнь, ей захотѣлось домой. Она написала отцу письмо, въ которомъ подробно изложила монастырскую жизнь. Отецъ посовѣтовалъ ей терпѣть до поры до времени, и высказался, что онъ вовсе не хочетъ ее сдѣлать монахиней, а послалъ туда на время, и какъ только сыщется женихъ, онъ ее возьметъ обратно. Теперь ясно стало Дарьѣ Андреевнѣ, зачѣмъ отецъ стурилъ ее въ монастырь. Слова его означаютъ, что онъ какъ-будто не въ состояніи содержать ее у себя дома, и ей представилась въ худомъ видѣ вся безалаберность ея родителя. А если не будетъ жениха? Тогда на всю жизнь останется въ монастырѣ. Вѣдь отецъ и умереть можетъ. А если выйти изъ монастыря? Но какъ? Какъ и чѣмъ жить тогда? Шитьемъ. Вѣдь вонъ въ городѣ есть же швеи мѣщанки и чиновницы, которыя живутъ самостоятельно. Одно—найдетъ ли она работу? И ей захотѣлось познакомиться съ какою-нибудь мѣщанкою или чиновницею.

До сихъ поръ въ городѣ она бывала рѣдко. Теперь она познакомилась съ одною мѣщанкою годовъ сорока, посѣщавшею монастырь больше другихъ. Этой женщинѣ она, украдкой отъ другихъ воспитанницъ и монахинь, предложила продать вяза-

ную салфетку. Мѣщанка похвалила Дарью Андреевну за работу, продавать не совѣтовала, а просила связать ей такого же фасона, только побольше и просила слѣдующее воскресенье къ себѣ въ гости. У этой мѣщанки, Акулины Петровны, между прочими гостями — женщинами, она отличила дѣвицу, лѣтъ 19-ти, Маремьяну Петровну Потапову, дочь чиновника, которая вела себя очень сдержанно, рѣдко съ кѣмъ заговаривала, а больше шила. Съ ней Дарьѣ Андреевнѣ привелось перекинуться нѣсколькими словами; Маремьяна Петровна какъ будто стыдилась завести знакомство съ монастыркой, которая, можетъ быть, только и думаетъ о монашествѣ, а Дарьѣ Андреевнѣ было неловко при женщинахъ, еще незнакомыхъ ей, навязываться съ своимъ знакомствомъ неизвѣстной дѣвушкѣ. Когда хозяйка, проводивши гостей, пошла провожать Дарью Андреевну, то на спросъ ея, кто такая Маремьяна Петровна, мѣщанка насказала ей всякой всячины. Изъ ея словъ оказалось, что эта дѣвица дочь промотавшихся родителей, которые дошли до того, что отецъ нанялся извощикомъ, а мать сидитъ въ кабакѣ цаловальничихой; дѣло свое они до того ведутъ нечестно, что въ городѣ слывутъ за отчаянныхъ мошенниковъ, отчего всѣ благородные люди отшатнулись отъ нихъ. Каковы родители, таково должно быть и дѣтище: поэтому Маремьяна Петровна дѣвица разгульная. И нечиста на руку. Хотя она и работаетъ, но потому, что ее стыдятъ честныя женщины, бьющіяся какими нибудь десятью копейками въ сутки и сносящія всякія непріятности отъ богатыхъ людей. Но и тутъ имъ поддержать разгульную дѣвицу довольно трудно, и онѣ, честныя женщины, часто по вечерамъ замѣчаютъ около ея лачуги какихъ-то бродячихъ шалопаевъ изъ чиновнаго сословія, а по праздникамъ Маремьяна Петровна, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь и потомъ послѣ обѣда заниматься душеспасительнымъ чтеніемъ,—въ обѣдню шляется по рынку, амурничаетъ съ чиновниками, а послѣ обѣда трется на бульварахъ или на загородныхъ гуляньяхъ. Радѣя о благочестіи, она, Акулина Петровна, съ другими благочестивыми женщинами, старается эту потаскуху обратить на истинный путь и поэтому, приглашая ее къ себѣ, не дѣлаютъ ей явныхъ упрековъ, такъ-какъ это только больше раздражаетъ, а занимаютъ ее душеспасительными бесѣдами. Несмотря на положительность этого отзыва, Дарья Андреевна нашла, что разскащица, кажется, ужь черезчуръ преувеличиваетъ, потому что во все время, какъ она сидѣла у Акулины Петровны — часа три — о душеспасительныхъ разговорахъ и помину не было, а всѣ женщины занимались сплетнями. Поэтому, у Дарьи Андреевны явилось подозрѣніе; ей

захотѣлось познакомиться съ Маремьяной Петровной. Но въ слѣдующее воскресенье Маремьяна Петровна не пришла; на другое воскресенье Дарья Андреевна, находившаяся въ числѣ пѣвчихъ, увидала ее съ хоръ, стоящею у малаго клироса. Она вела себя такъ чинно въ церкви, такъ усердно молилась на колѣняхъ, что ее нельзя было заподозрить въ чемъ нибудь нехорошемъ. Когда, по окончаніи обѣдни, клирошанки пошли провожать настоятельницу съ пѣньемъ, то Дарья Андреевна, отдѣлившись немного отъ другихъ, сказала ей: приходите сегодня на наше кладбище. Я хочу поговорить съ вами.

И такъ знакомство началось. Изъ разсказовъ Маремьяны Петровны оказалось, что отецъ ея служилъ по питейной части, но денегъ у него не было, потому что онъ пилъ и у него постоянно были недочеты. Теперь онъ померъ, а мать занимается печеньемъ булокъ и продажею ихъ на рынкѣ. А такъ-какъ у матери есть знакомые, то она достаетъ для нея работу — шить или вязать. Съ Акулиной Петровной она познакомилась черезъ мать, и хотя та даетъ ей работу, но платитъ такъ мало, что едва-едва остается нѣсколько копеекъ отъ расходовъ на нитки или иголки. Все, что̀ говорила Дарьѣ Андреевнѣ Акулина Петровна, оказалось ложью. Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ живетъ Маремьяна Петровна, она пригласила Дарью Андреевну къ себѣ. Она съ матерью занимала небольшую квартирку, состоящую изъ кухни и комнатки, въ которыхъ было и свѣтло и чисто. Старушка была женщина бойкая, и имѣла много здраваго смысла. Вотъ, что̀ она говорила Дарьѣ Андреевнѣ.

— Вы не смотрите, что я калашница. Калашница такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Вы, можетъ быть, думаете, что чиновницѣ не пристало сидѣть на рынкѣ и выторговывать изъ каждаго фунта муки лишнюю копейку, а я вамъ скажу, что тутъ ничего нѣтъ худаго, потому что я своими руками покупаю муку, пеку и таскаю на рынокъ, — стало быть, мнѣ нужно же что нибудь за трудъ. А что я чиновница, такъ это только пустое слово; его хоть бы и вѣкъ не бывало, такъ мнѣ все равно; мнѣ не приходится задирать голову кверху, потому что въ этомъ лохмотьѣ я воронъ насмѣшу. Я даже ненавижу, извините меня, это чиновничество, потому что не будь я чиновницей двадцать-три года, я не жила бы праздно, на счетъ другихъ, а, можетъ быть, копейка по копейкѣ, накопила бы въ это время порядочный капиталъ. А теперь я стара, вонъ она ужь большая, надо ее поддержать, пусть сама добываетъ хлѣбъ, а на мужчину пусть не надѣется. Я не говорю, что за-

мужъ выходить не слѣдуетъ: съ хорошимъ человѣкомъ, съ другомъ пріятнѣе жить и дѣло спорится; пусть онъ будетъ хоть мужикъ, да по сердцу и работящій. Одной пусто; не съ кѣмъ подѣлиться ни горемъ, ни радостью. Хотя же меня и презираютъ чиновницы за то, что я сдѣлалось торговкой, а моя дочь швеей, но я сама ихъ презираю за то, что онѣ, старушенки, живя рублевыми пенсіонами, ничего не дѣлаютъ, а ходятъ по богатымъ людямъ съ записками собирать или на бѣдность или на леченіе дѣтей, которыхъ у нихъ вовсе нѣтъ. Это все равно, что просить христа ради, подличать, ползать передъ богатыми, которые, подавая нищимъ копейки, важничаютъ, чванятся и губятъ тысячи другихъ бѣдныхъ людей. А если я, по прежней привычкѣ, пью чай со сливками, ѣмъ пирогъ, такъ, прости Господи, развѣ я не стою этого. Я не украла, я на трудовыя денежки ѣмъ, пью. Можно, я думаю, послѣ трудовъ и отдохнуть, а на лишнія крохи и полакомиться. А на гробъ да на похороны мнѣ немного надо.

Эта старушка такъ понравилась Дарьѣ Андреевнѣ, что она высказала ей свое намѣреніе оставить монастырь.

— Что жь, оставить монастырь дѣло хорошее, потому что тамъ заколотятъ все, что̀ у васъ есть хорошаго, и потомъ принудятъ постричься. А это обидно, потому что вы и себя-то заживо похороните, пользы никому не принесете, а для другихъ будете въ тягость и въ сожалѣніе. Но вотъ что: что̀ выйдетъ изъ того, что вы уйдете изъ монастыря? Какъ на это взглянетъ отецъ вашъ? Вы еще дѣвушка молодая, неопытная; отецъ надъ вами имѣетъ много правъ; онъ на васъ осердится, и какъ онъ приметъ, если ему будутъ говорить, что онъ довелъ свою дочь до того, что она занимается какою-то работою. Да и въ силахъ ли вы перенести одиночную трудовую жизнь?

— Попробую.

— Тутъ пробовать нечего: пробовать можно имѣвши деньги; тогда, если будетъ тяжело, можно и бросить. А у васъ вѣдь денегъ нѣтъ; вы рискуете. Отецъ на васъ разсердится и не дастъ ни копейки. Это ужь какъ богъ святъ. А что̀ вы станете дѣлать безъ денегъ? Знаете ли вы, что вамъ нужно еще паспортъ на жительство, квартиру нанять, печку топить; вѣдь вы коли будете заниматься шитьемъ, то надо и утюги имѣть. Вѣдь захотите и чаю.

— Я уже отвыкла отъ чаю.

— Ну, какъ заживете сами собой—захочется. Глупо оно, да что̀ съ утробой-то сдѣлаешь. Нѣтъ, вы еще не живали такъ, какъ мы

живемъ. Да и къ чему вамъ работать? Поживите, потерпите въ монастырѣ; у васъ отецъ богатый, родня хорошая, видная; васъ не отдадутъ замужъ, какъ меня отдали, за какого-нибудь ничтожнаго писца, который, по милости начальства, два раза угодилъ подъ судъ и сдѣлался, дай ему Богъ царство небесное, пьяницей и крючкотворомъ.

— Мнѣ не хочется вовсе замужъ и я не хочу жить на счетъ отца.

— О, матушка, Дарья Андреевна! всѣ мы, пока дѣвицы, говоримъ, что не пойдемъ замужъ. Тутъ или стыдливость играетъ роль, или примѣры какъ замужнія женщины живутъ. Но вотъ что̀ странно: кто объ этомъ говоритъ, тотъ непремѣнно рано или поздно выйдетъ замужъ. Есть у насъ что-то такое непонятное, и вотъ приходитъ пора, когда дѣвушкѣ нравится мужчина, ну и пошла исторія. Нѣтъ, не говорите этого. Ну, а что вы говорите, что не желаете жить на счетъ отца, такъ это еще бѣда невелика: онъ на то и отецъ, чтобы содержать васъ.

— А мнѣ горько слышать отъ него упреки, что онъ меня содержитъ.

Старушка задумалась.

— Я вотъ что̀ думаю, Дарья Андревна: не даютъ женщинамъ образованія. Кабы вы обучались въ гимназіи, какъ ваши братья, вы бы могли обучать грамотѣ мальчиковъ. А то, при живомъ отцѣ, богатой роднѣ, вамъ неловко заняться нашей работой; да и вы работать-то пожалуй не пойдете: надъ вами будутъ смѣяться, и вы покою себѣ не найдете.

— Что̀ же мнѣ дѣлать?

— А пишите къ отцу, что не желаете жить въ монастырѣ. Хотя у насъ и есть женское училище, но туда васъ не примутъ, потому что вы уже стары для училища. Къ тому же тамъ берутъ большія деньги.

— О, отецъ не дастъ ни копейки. Онъ даже и за брата Кузьму ничего не платитъ, а платитъ родственникъ, у котораго онъ живетъ.

Этотъ разговоръ съ практической женщиной заставилъ много призадуматься Дарью Андреевну. Она сознавала, что еще не испытала лично самой горечи жизни, она ее видѣла только на другихъ; но какъ она дѣйствительно очутится лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, какъ она перенесетъ ее? Денегъ у нея ни копейки, отецъ не возьметъ ее и на глаза, родные отшатнутся, а вѣдь тогда нехорошо будетъ пятиться назадъ и просить помощи отца или родни. Придется голодать, шляться по городу, просить христа ради работы. Съумѣетъ ли еще она

сдѣлать-то что нибудь? Вѣдь нужно тогда на сторону дѣлать, угодить, заслужить спасибо и деньги?...

— Одной мнѣ ничего не сдѣлать, рѣшила она и не упоминала больше ни Маремьянѣ Петровнѣ, ни матери ея о намѣреніи работать. А у Маремьяны Петровны къ рождеству появилось новое платье, у старушки теплые сапоги, комнатка у нихъ была выбѣлена. На праздникѣ у нихъ было такъ хорошо и весело, что Дарью Андреевну брала зависть, и она готова была переносить всякія лишенія, чтобы только вырваться изъ монастыря и попробовать этой трудовой жизни. Но было холодно, у нее не хватало рѣшимости, она боялась отца, котораго очень любила.

Между тѣмъ она замѣчала, что настоятельница все больше и больше налегаетъ на нее и за какую-нибудь бездѣлицу то подвергаетъ ее земнымъ поклонамъ, то ставитъ на колѣни среди церкви, то оставляетъ безъ обѣда; наконецъ послѣ рождества, послѣ длиннаго нравоученія, старуха объявила ей, что она больше не будетъ ходить въ городъ, такъ-какъ ей извѣстно отъ благочестивыхъ мірянокъ, что она ведетъ себя въ городѣ въ высшей степени безнравственно. Монахини и воспитанницы стали на нее коситься, всѣ на нее смотрѣли подозрительно; если она выходила во дворъ, слѣдили за ней. Въ комнату къ ней приставили монахиню старую, ворчливую, которая хотя и спала сама много, но заставляла Дарью Андреевну или шить или читать что-нибудь изъ четь-минеи. Послѣ новаго года настоятельница позвала къ себѣ Дарью Андреевну и удивила. Она была такъ любезна, какъ никогда до сихъ поръ; напоила ее чаемъ съ вареньемъ и даже потрепала по щекѣ. Между прочимъ она сказала, что получила отъ Андрея Иваныча письмо съ подаркомъ. Потомъ вдругъ сказала:

— Ты очень счастлива, дочь моя, хотя за твое непослушаніе и не заслуживаешь его. Но я добра ко всѣмъ. Приготовься къ ожидающей тебя новой жизни.

— Какой?

— Это ты сейчасъ узнаешь. — Я уже написала твоему отцу. Ты должна выйдти замужъ. Твой мужъ будетъ дьякономъ въ хорошемъ селѣ. Что, обрадовалась?..

Дарья Андреевна заплакала; настоятельница улыбалась, думая, что очень обрадовала дѣвушку.

— Я не пойду замужъ. Если и папаша прикажетъ — я не пойду, сказала рѣшительно Дарья Андреевна.

— Въ монахини хочешь? — Это тебя рекомендуетъ съ хорошей стороны.

— Я не хочу и въ монахини.

— А! это тебя калашница развратила. Пошла вонъ, негодница!

— Я не негодница и не дозволю ругать себя!

— Что такое? Какъ ты смѣешь грубить? Тварь! кричала настоятельница и ударила ее по щекѣ.

— Какое право имѣете вы драться? Я не хочу жить больше въ монастырѣ!

На этотъ крикъ прибѣжали двѣ келейницы, и по приказанію настоятельницы Дарью Андреевну увели и заперли въ холодный и темный чуланъ, въ которомъ она пробыла только двое сутокъ, а на третьи захворала, и ее взяли въ монастырскій лазаретъ. Она написала отцу письмо, въ которомъ подробно изложила причину своей болѣзни, но на другой же день настоятельница призвала ее къ себѣ, показала ей письмо ея и дневникъ, и погрозила запереть на все лѣто въ такой чуланъ, въ которомъ ее живую съѣдятъ мыши. И вотъ Дарья Андреевна рѣшилась бѣжать, и въ воскресенье, во время обѣдни, ушла изъ церкви прямо къ Маремьянѣ Петровнѣ, которая, вмѣстѣ съ матерью, снабдила ее деньгами и отправила черезъ часъ послѣ ея бѣгства изъ монастыря съ обозомъ въ губернскій городъ Егорьевскъ. На прощанье старушка Потапова напутствовала ее такими словами:

— Дѣлать нечего. Въ монастырѣ жить тебѣ нельзя. Еслибы у тебя еще характеръ былъ не крутой, а такой же выносливый, какъ и у другихъ воспитанницъ, да не задумала бы ты работать, тогда ты бы не рѣшилась убѣжать изъ монастыря. Теперь ты пташка свободная, унывать тебѣ не слѣдуетъ; потому коли попадешь опять въ монастырскія когти— плохо тебѣ будетъ: тебя запрутъ, изъ тебя сдѣлаютъ сумасшедшую, коли насильно не выдадутъ замужъ или не остригутъ въ монахини. Свобода—дѣло великое, но тебѣ, можетъ быть, придется много перетерпѣть горя. Тяжело бороться со всякими преградами, но все же ихъ можно и одолѣть. Ты поѣзжай къ отцу, обскажи ему все какъ слѣдуетъ, и тогда дѣлай какъ знаешь. Лучше сперва посовѣтоваться съ отцомъ, чѣмъ кидаться въ омутъ зря.

— Если онъ мнѣ не дозволитъ — я сама уйду отъ него.

— Если не дозволитъ, ты съ нимъ ничего не сдѣлаешь: на то онъ отецъ. А ты присмотрись сперва, какъ бѣдные люди живутъ... Да и я, право, не понимаю, что у тебя за охота мучить себя преждевременно. Другое дѣло, еслибы у тебя отца не было.

— Я не хочу жить такъ, какъ они живутъ. Я хочу жить своимъ трудомъ, какъ и вы, потому что я вижу, что такъ жить можно.

— Ну! Богъ тебя благословитъ.

И Дарья Андреевна поѣхала полная надеждъ. Теперь она больше прежняго присматривалась къ труду вообще, а къ женскому въ особенности. Въ деревняхъ и селахъ она видѣла много работящихъ женщинъ, которыя такъ привыкли къ работѣ, что имъ скучно было безъ дѣла. Когда же она спросила одну крестьянку:

— А что, тяжело работать?

Та съ изумленіемъ поглядѣла на нее и сказала: что за тяжело! Коли робить не будешь, ѣсть нечего будетъ. Мы тѣмъ и живемъ, што робимъ и другихъ еще кормимъ работой. Ничего. Робимъ день деньской, и спаспба никто не скажетъ — и не надо. Скверно только, что ничего въ хозяйствѣ не прибавляется, а изъ хозяйства идетъ прочь.

— Куда?

— Знамо куда! Кто выше — туда и идетъ.

Словомъ, всѣ, кто ни работалъ, не говорилъ, что работать не хочется, а жаловался только, что эта работа или плохо обезпечиваетъ или вовсе не обезпечиваетъ. Въ губернскомъ городѣ она видѣла то же, а двѣ чиновницы, съ которыми она познакомилась тамъ случайно, не только не похвалили ее за намѣреніе трудиться, но даже напугали ее; братъ же Кузьма прямо сказалъ ей, что она глупитъ, потому что дочери чиновника, дѣвицѣ, не подобаетъ работать помѣщански или покрестьянски.

ГЛАВА VII,

ВЪ КОТОРОЙ РОДИТЕЛЬСКІЙ ДОМЪ, ТОТЧАСЪ ПО ПРІѢЗДѢ ДАРЬИ АНДРЕЕВНЫ, ПРОИЗВОДИТЪ НА НЕЕ НЕПРІЯТНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ.

Долго ходила Дарья Андреевна по саду, припоминая вышеописанное и соображая, какъ ей устроить свою жизнь. Вотъ она и въ родительскомъ домѣ, ходитъ по обширному, давно запущенному саду, въ которомъ дорожки существуютъ только до бесѣдки и около пруда, всюду растетъ репей, крапива и другія негодныя травы, тамъ и сямъ пробиваются малиновые кусты, около заплота во множествѣ ростетъ шиповникъ, крыжовникъ и смородина; чѣмъ дальше въ глубь—тѣмъ больше деревьевъ, которыя то и дѣло зацѣпляютъ за ея платье, пахнетъ сосной,

дышется тяжелѣе, какъ будто она бродитъ по большому лѣсу, и немудрено: она уже давно не была въ настоящемъ лѣсу.— Впечатлѣнія только остались, и вотъ она опять видитъ, какъ будто лѣсъ въ миніатюрѣ. Былъ и въ монастырѣ садъ, но тамъ слѣдили за каждымъ ея шагомъ, тамъ пахло мертвечиной, потому что рядомъ съ садомъ находится кладбище. Тамъ, кромѣ памятниковъ, нѣтъ ничего причудливаго, тамъ нѣтъ свободы. А здѣсь ходи сколько угодно. Здѣсь и разнообразіе есть. Такъ она набрела на какую-то горку, обросшую травой и пихтой. Дорожки ни на нее, ни вокругъ нея не существуетъ, но на ней въ самой середкѣ есть небольшая площадка и сгнившая скамейка. Точно объ этой горѣ и не зналъ владѣлецъ сада. Съ этой горки не открывается никакихъ хорошихъ видовъ: въ верху небо, по сторонамъ деревья, сосна, береза и тополь; внизу тамъ и сямъ мелькаютъ жолтенькіе, голубинькіе и бѣлые цвѣточки. Но за то здѣсь хорошо тѣмъ, что внизу журчитъ ручеекъ, точно вода его падаетъ съ небольшой высоты. Дарья Андреевна спустилась внизъ: въ горку сдѣлано отверстіе, до половины заросшее репейникомъ и крапивой; передъ этимъ отверстіемъ течетъ ручеекъ и стекаетъ въ небольшую ложбину, въ которой онъ и течетъ потомъ дальше. Вспомнила Дарья Андреевна, какъ она прежде часто убѣгала сюда съ братомъ Козьмой и запруживала этотъ ручеекъ каменьями, какъ они прятались въ горкѣ, — кто устроилъ ее, никому въ городѣ не было извѣстно, и какъ братъ Козьма пугалъ ее, залѣзши въ это отверстіе и выкидывая тамъ различныя штуки. Часто случалось имъ заставать въ горкѣ городскихъ ребятъ, бѣгающихъ и прячущихся здѣсь отъ училища и розогъ, но они никогда не выдавали ихъ, а напротивъ играли съ ними во что нибудь; нерѣдко случалось ей также и кормить этихъ оборванцовъ, которые рады были и куску черстваго ржанаго хлѣба. Но теперь, видно, въ училищѣ стало лучше, или ребята нашли другое убѣжище: трава не помята; не видно, чтобы кто нибудь былъ здѣсь нынѣшней весной. На самомъ концѣ сада болото, а на одной высокой тонкой тополи виситъ бумажный разорванный змѣй. Вездѣ запустѣніе. А сколько бы можно хорошаго извлечь изъ этого сада. «Еслибы я была хозяйка», думала Дарья Андреевна: «я бы вездѣ сдѣлала дорожки, траву расчистила, стала бы разсаживать яблони, груши,—а то вонъ ихъ сколько и всѣ сухія; я бы и здѣсь развела огородъ; тутъ бы даже можно было льну посѣять или табаку». Разсуждая такъ, она чувствовала, что она у себя дома, что ее никто не выгонитъ изъ дома, изъ сада. Дядя говорилъ, что послѣ смерти отца домъ будетъ принад-

лежать намъ, дѣтямъ. И ей представилось, какъ они будутъ дѣлить это имущество, и старалась замять свое желаніе владѣть такимъ имуществомъ, которое ей никогда не достанется, потому что у нея есть старшій братъ, который, вѣроятно, захочетъ воспользоваться домомъ.

«Что я буду дѣлать?»—вотъ вопросъ, который занималъ ее теперь. Но она еще не видѣлась съ мачихой, съ другими родными. Какъ-то они взглянутъ на ея неожиданное появленіе здѣсь.

Зазвонили къ обѣднѣ. Она пошла торопливо домой и у бесѣдки наткнулась на брата, Осипа Андреича.

— Здравствуй, сестрица! Ужь я тебя искалъ, искалъ... Ну, слава Богу—пріѣхала. Здорова ли?

— Здорова, братецъ. Здорова ли Марѳа Антоновна?

— Какъ корова, и онъ захохоталъ надъ своей остротою. — Она еще спитъ. На долго ты сюда пріѣхала?

— Не знаю. Это зависитъ отъ папаши и мамаши.

— Вотъ что, сестрица, поѣдемъ ко мнѣ въ село. У меня тамъ большое хозяйство, своя мельница, луга, скотъ. Ѣшь, пей, спи, гуляй. Чего хочешь, того и просишь—все подъ бокомъ. Все село въ моихъ рукахъ. Что захочу, то и дѣлаю.

— Покорно благодарю.

— Ты ужь, поди, чистѣйшая монашка стала и отъ танцевъ, поди, отстала. А меня произвели уже въ коллежскіе секретари.

— Поздравляю.

— Губернаторъ меня приглашаетъ къ себѣ въ канцелярію. Я, говоритъ, сдѣлаю васъ чиновникомъ особыхъ порученій или членомъ по крестьянскому присутствію. Но я не хочу, вопервыхъ, потому, что въ губернскомъ городѣ надо жить погубернски, а въ селѣ я какъ забился съ утра въ пальто, такъ и не снимаю его до вечера; а вовторыхъ, тамъ все дорого, а въ селѣ я трачу деньги только на табакъ, на чай, да на наряды женѣ. Ты папашу видѣла?

— Видѣла.

— Какъ ты нашла его?

— Все такой же.

— Ну, я, признаться, нахожу, что его здоровье день ото дня слабѣетъ. Мачиха его совсѣмъ сбила съ толку. Бѣдный отецъ!—что она ни захочетъ, то и дѣлаетъ. Только вотъ она водку не запрещаетъ ему пить.

— Для чего онъ служитъ? Вышелъ бы въ отставку и поѣхалъ бы жить къ вамъ.

— О, онъ ни зачто не выйдетъ въ отставку. Впрочемъ, если-

бы онъ сталъ жить у меня, то сталъ бы вмѣшиваться въ мои дѣла и мѣшалъ бы мнѣ. Онъ, пожалуй бы, еще взялся за должность письмоводителя...

Они вошли въ полисадникъ. Тамъ, въ бесѣдкѣ сидѣлъ Андрей Иванычъ въ халатѣ и курилъ трубку; рядомъ съ нимъ сидѣлъ пожилой мужчина съ рыжей бородой и всклокоченными волосами; на немъ былъ надѣтъ суконный порыжѣлый кафтанъ съ двумя рядами свѣтлыхъ пуговицъ. Онъ считалъ мѣдныя деньги.

— Надо какъ нибудь удержать отца. Этотъ засѣдатель, вѣроятно, собирается послать за водкой. Ужь я ему задамъ! Я его уже два раза095 дралъ, проговорилъ Осипъ Андреичъ.

— Кого—засѣдателя-то?

— Что-жь такое! Вѣдь онъ мужикъ. Не знаю, зачѣмъ законъ велитъ, въ случаѣ недостачи наличнаго состава членовъ земскаго суда, приглашать этихъ мужиковъ. Онъ, каналья, даже и фамилію порядочно подписать не умѣетъ, а его только и требуютъ въ судъ для того, чтобы онъ подписывалъ на бумагѣ свою фамилію, а въ случаѣ безграмотства приложилъ бы свою печать.

— Эдакъ могутъ и писцы сдѣлать фальшивую подпись.

— Нельзя. Этотъ народъ хотя и пьяница и неучь, а тоже имѣетъ смѣкалку. Нужды нѣтъ, что онъ невѣжа, а ты ему не клади пальца въ ротъ. У этого канальи, я разъ нашелъ книжку, гдѣ онъ чертилъ палочки. Я спросилъ, что̀ это такое. А это, говоритъ, я записываю, сколько тогда-то бумагъ подписалъ.

Поравнялись съ бесѣдкой. Засѣдатель всталъ и раскланялся.

— Для чего это деньги на столѣ? спросилъ строго засѣдателя Осипъ Андреичъ.

— Для тебя, отвѣчалъ отецъ, и сталъ смотрѣть на сына.

Сынъ сконфузился, но не надолго.

— Какъ вамъ не стыдно, папаша... Вы знаете, что я взятокъ не беру! сказалъ сынъ рѣзко.

— Ладно, Осипъ... Однако, вотъ что: Ванѣ нужно домой; у него жена при смерти. Онъ ужь и такъ дома не былъ двѣ недѣли. Я пьянъ... Такъ ты...

— Батюшка, Осипъ Андреичъ, помилосердуйте. Хоть розгами накажите, а освободите отъ земскаго суда, проговорилъ засѣдатель кланяясь.

— Хорошо, любезный, хорошо. Я эти отговорки знаю... Умретъ жена — другую возьмешь. Эка невидаль. Однако, я поговорю съ исправникомъ. Ну-ко, дохни?

— Ей-Богу! в. б—е, я не пилъ водки. Кромѣ воды ничего не пилъ. И засѣдатель дохнулъ.

— Хорошо. Подожди въ прихожей.

И онъ ушелъ съ Дарьей Андреевной.

Эта сцена на Дарью Андреевну произвела непріятное впечатлѣніе. Она увидѣла, что братъ ея, относившійся къ ней прежде свысока, теперь относится съ презрѣніемъ къ людямъ постороннимъ, къ засѣдателямъ земскаго суда, подписывающимъ бумаги, которыя иногда рѣшаютъ судьбу человѣка. Ей не понравилось его хвастовство, что онъ наказывалъ этого засѣдателя розгами; ей противно казалось его приказаніе дохнуть...

Она молчала, а братъ отвѣчалъ кланяющимся ему изъ оконъ мужчинамъ въ вицмундирахъ, сюртукахъ и пальто, мужикамъ различныхъ физіономій и разныхъ лѣтъ. Съ однимъ изъ нихъ онъ заговорилъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Дарья Андреевна пошла внизъ, въ дѣтскую.

Тамъ она застала слѣдующую сцену. Какъ въ первой комнатѣ, такъ и во второй ревѣли дѣти, но больше всѣхъ орала маленькая дочь брата Дарьи Андреевны, Осипа Андреича, такъ-какъ она расшибла себѣ затылокъ, на которомъ образовалась порядочная ссадина кожи. Нянька дѣтей Осипа Андреича, укачивая дѣвочку, то люлюкала, то дула на больное мѣсто, а въ другой дѣтской комнатѣ говорили двѣ женщины. Это были Марѳа Антоновна и Марья Андреевна. Сперва ничего нельзя было разобрать въ этомъ гвалтѣ. Дарья Андреевна взяла къ себѣ ребенка, а няньку послала въ кухню за водою, для того чтобы приложить къ головѣ примочки. Наконецъ, она услыхала слѣдующее:

— Ты, воровка! кричала Марѳа Антоновна.

— Ну, и вы тоже нечисты на руку: взяли мой платокъ, отпороли мѣрку и свою сдѣлали, кричала въ свою очередь Марья Андреевна.

— Какъ! я, воровка! вотъ!! во-отъ!

И Дарья Андреевна услышала удары, посыпавшіеся, повидимому, въ щеки Марьи Андреевны, которая хотя и заплакала, но кричать не переставала. Дарья Андреевна пошла къ нимъ; Марѳа Антоновна, увидѣвши ее, сконфузилась, но скоро оправившись, какъ ни въ чемъ не бывало, подошла къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Здравствуй, сестрица... Извини, что такая встрѣча. Мы шутимъ.

— Хороши шутки—по щекамъ драться! Безсовѣстныя, про-

говорила Марья Андреевна, и въ свою очередь поздоровалась съ сестрой.

— Ну, не негодяйка ли она! Какъ ты думаешь, Дашенька?

— Поругайся еще ты мерз... Сейчасъ пойду скажу мамашѣ, проговорила рыдая Марья Андреевна и пошла, но ее удержала Дарья Андреевна.

— Полно, сестрица! Къ чему ссориться!

— У насъ каждый день такъ... Она такая злючка, что...

— Врешь! Такой воровки и въ *простомъ народѣ* нѣтъ.

— Ну, сестрица, вы простите ей. Мало ли чего не бываетъ.

— Вотъ мило! Я, дочь совѣтника, и буду потакать какой нибудь...

— Ну, полноте! Я васъ прошу — я только что пріѣхала и застаю въ домѣ непріятности.

— Непріятности отъ вашей родни! сказала Марья Андреевна.

— Сестра, какъ тебѣ хочется заводить сцены. Вѣдь, ты уже знаешь Марѳу Антоновну не первый годъ.

— Что такое-съ?!

— Я ничего не сказала для васъ обиднаго, Марѳа Антоновна.

— Какое вы имѣете право вмѣшиваться въ чужія дѣла? Вы изъ монастыря убѣжали, только что пріѣхали; еще неизвѣстно — примутъ ли васъ родители ваши. Мы хотѣли взять васъ съ собой и вдругъ, вы говорите мнѣ колкости. Ну, голубушка, съ такимъ нравомъ немного вы найдете себѣ счастья.

— Я у васъ ничего не заискивала и не заискиваю. Пріѣхала я сюда, къ отцу, и поэтому не желаю, чтобы вы и мнѣ надѣлали обидъ, какъ моей сестрѣ. И Дарья Андреевна пошла, но на крыльцѣ встрѣтила отца.

— Что̂ тамъ за крики? спросилъ онъ.

— Тамъ драка: золовка поколотила Машу.

Андрей Иванычъ махнулъ рукой, плюнулъ, подошелъ къ двери въ кухню и крикнулъ:

— Смирно вы, чертовки!

Къ нему подошли его дочь съ Марѳой Антоновной. Начался крикъ. Но Андрей Иванычъ заткнулъ уши и пошелъ наверхъ. Наконецъ его вывели изъ терпѣнія.

— Если вы будете голосить какъ на базарѣ, я васъ обѣихъ вытурю вонъ или самъ уйду куда-нибудь на все время, пока вы, Марѳа Антоновна, будете здѣсь, проговорилъ онъ сердито, стуча кулакомъ въ перила лѣстницы.

— И уѣду-съ! сказала Марѳа Антовна захохотавши, но потомъ заплакала. Въ прихожей ихъ встрѣтила Марина Осипов-

на, Осипъ Андреичъ и Ипполитъ Апполлоновичъ. Началась опять сцена. Марѳа Антоновна стала жаловаться мужу, что ее здѣсь всѣ оскорбили и что имъ нимало не медля нужно уѣхать; Марина Осиповна и Ипполитъ Апполоновичъ стали упрашивать ее не сердиться, потому что онѣ ее ничѣмъ не обижали; самъ Андрей Иванычъ, махнувъ рукой, повелъ съ собой Дарью Андреевну, и только тогда мачиха и дядя стали поздравлять ее съ пріѣздомъ, оставивъ Марѳу Антоновну ворчать съ мужемъ въ другихъ комнатахъ.

Послѣ этого всѣ въ домѣ Яковлева были не въ духѣ. Подобныя сцены случались нерѣдко въ кругу семейномъ, а теперь объ нихъ узнаетъ весь городъ, и изъ семейныхъ Яковлева никому нельзя будетъ показаться въ городъ: пальцами будутъ тыкать, хихикать въ полголоса. И мало ли чего не наговорятъ. «О важныхъ людяхъ ничтожные люди, при всякомъ случаѣ, стараются чесать языки, приплетая туда всякую всячину», говорила Марина Осиповна своему отцу, пріѣхавшему къ обѣду, тотчасъ какъ онъ узналъ отъ одного купца, что у Яковлевыхъ произошла такая ссора, по случаю пріѣзда дочери изъ монастыря, что самъ Андрей Иванычъ гонитъ вонъ сына съ женой, которая поколотила Марью Андреевну, назвала нехорошими именами Дарью Андреевну, а самаго Андрея Иваныча обозвала пьюгой мученикомъ, погрозилась жаловаться, и даже брату Андрея Иваныча, будущему совѣтнику казенной палаты и разныхъ орденовъ кавалеру, наговорила такихъ колкостей, что онъ слегъ въ постель и не можетъ выѣхать, что Дарью Андреевну опять отсылаютъ въ монастырь и т. п. и т. д. Все это, и пересуды городскіе, и непріятное настроеніе всѣхъ наличныхъ членовъ Яковлевской семьи произошло собственно потому, что, вопервыхъ, у нихъ гостилъ такой человѣкъ, какъ Ипполитъ Апполоновичъ, при которомъ всѣ семейные держали себя съ достоинствомъ и ссорились только гдѣ-нибудь въ углахъ, а вовторыхъ, ссора случилась тотчасъ по пріѣздѣ Дарьи Андреевны. Словомъ, всѣ были недовольны другъ другомъ. Андрей Иванычъ, поговоривши немного съ Дарьей Андреевной, и уговоривши сына и брата остаться, взялъ съ погреба бутылку наливки, ушелъ въ свою бесѣдку и заперся тамъ.

Съ пріѣзда Дарьи Андреевны прошло нѣсколько часовъ и въ теченіе этого времени она достаточно убѣдилась въ томъ, что въ ея отсутствіе много произошло перемѣнъ. Не говоря о

полисадникѣ, въ которомъ стало больше прежняго цвѣтовъ и кустарниковъ малины, о домѣ, который отъ выскакивающей съ каждымъ мѣсяцемъ все больше и больше штукатурки, казался угрюмѣе прежняго, — она нашла, что и въ семейныхъ произошла значительная перемѣна. Такъ отецъ обрюзгъ, принялъ ее не совсѣмъ ласково, не такъ, какъ прежде; онъ мало того, даже высказалъ ей свое неудовольствіе на то, что она самовольно уѣхала изъ монастыря, и желаніе отдать ее поскорѣе замужъ; значитъ, теперь уже ее всѣ считали невѣстой, — чего не было прежде и теперь всѣ на нее станутъ смотрѣть какъ на невѣсту; отецъ постарѣлъ, его какъ будто немного скрючило. Она видѣла, какъ онъ самъ ходилъ въ погребъ, несъ оттуда бутылку вина и съ нею ушелъ въ садъ, осмѣиваемый чиновниками уѣзднаго суда, и ушелъ онъ туда какъ будто съ горя; а это она поняла изъ того, что ему какъ будто тяжело было въ домѣ, гдѣ золовка дѣлаетъ буйство, гдѣ Марья Андреевна, ея сестра, не имѣетъ защиты, и гдѣ отецъ какъ будто не имѣетъ вовсе власти, а отъ крика и ругани затыкаетъ уши пальцами, плюетъ и машетъ рукой, а потомъ проситъ, какъ великой милости, своего сына уговорить свою жену не сердиться, а остаться погостить у нихъ еще нѣсколько дней. Отчего сдѣлался такимъ отецъ, она не могла въ настоящее время понять. Мачиха ея стала толще, взглядъ у нея сдѣлался ястребиный, говоритъ она хриплив̀ѣе прежняго, ходитъ едва-едва переступая ноги; что она не радѣетъ объ дѣтяхъ, видно изъ того, что дѣтскую перевели внизъ и она тамъ, повидимому, даже не была еще сегодня; дѣти содержатся тамъ небрежно; въ комнатахъ вездѣ много сору, ничего не убрано, точно она и не хозяйка. Съ отцомъ она обращается какъ съ чужимъ, онъ даже какъ будто противенъ ей, — что̀ она заключала изъ того, что на жалобу золовки она сказала, что она ее не обижала,—значитъ, она всю вину сваливала на отца и Марью Андреевну. На нее, Дарью Андреевну, она обратила вниманіе только тогда, когда отецъ повелъ ее въ другую комнату. А не можетъ быть, чтобы она не знала объ ея пріѣздѣ, такъ-какъ прошло уже много времени и ей могла передать прислуга и даже самъ отецъ. Значитъ, мачиха не любитъ ее больше прежняго. Осипъ Андреичъ сдѣлался еще надменнѣе прежняго и подпалъ подъ вліяніе своей жены, которая ихъ родню ставитъ ни во что, и только къ дядѣ относится съ уваженіемъ. Ипполитъ Апполоновичъ сдѣлался тоже надменнѣе, при появленіи ея подалъ ей два пальца и поцаловалъ не такъ, какъ прежде, а сдѣлалъ только видъ, что прикасается къ ея щекамъ. Марья

Андреевна потолстѣла, голосъ ея измѣнился, она сдѣлалась груба и зла; когда сегодня утромъ Дарья Андреевна поцаловала ее, то отъ нея сильно пахло виномъ. Все это болѣзненно подѣйствовало на Дарью Андреевну. Сидя въ одной изъ комнатъ, выходящихъ на улицу, она думала, что напрасно пріѣхала сюда, что ее будутъ здѣсь ежедневно попрекать чѣмъ-нибудь. «Ужь коли начало такое, что̀ дальше будетъ? Нѣтъ, надо уѣхать отсюда. Но куда?...» У ней болѣзненно забилось сердце при мысли, что она наконецъ-то можетъ жить отдѣльно отъ родителей и родни, которые не любятъ ее, но скверно то, что у нея нѣтъ денегъ, чтобы прожить нѣсколько времени въ другомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока она не найдетъ работы; родня же ей на это не дастъ ни гроша, да и сама она проситъ у нихъ не рѣшится.

Въ комнату вошла Марина Осиповна. Она была въ ситцевомъ платьѣ, на головѣ надѣтъ чепчикъ. Въ одной рукѣ она держала связку ключей, въ другой платокъ. Лицо ея было сильно раскраснѣвшее, точно она только-что пришла отъ печки.

— Здравствуйте, Дарья Андревна! сказала она язвительно, и поклонилась, но къ Дарьѣ Андреевнѣ не подошла. Дарья Андреевна встала и пошла къ ней, но та сѣла на стулъ около двери.

— Хорошо вы воспитались въ монастырѣ, нечего сказать. Должно быть, вы тамъ съ очень хорошими людьми за оградой вели знакомство. Отличная вы женщина вышли. На удивленіе просто. Не успѣли пріѣхать къ родительскій домъ, не успѣли глазъ хорошенько протерѣть, а заводите уже исторіи. Богъ вамъ судья! Вы меня и прежде не почитали! Вы и отца оскорбили! Того и гляди, что онъ протянетъ ноги... И она заплакала.

Дарья Андреевна, не знала, что̀ ей сказать. Она стояла какъ пригвожденная къ мѣсту. По этимъ несвязнымъ словамъ она заключила, что мачиха выпивши. Ничего не было въ томъ мудренаго, такъ-какъ мачиха и прежде выпивала утромъ.

— Я, ей-богу, ни въ чемъ не виновата, мамаша!

— Охъ, какая я мамаша. Всѣ меня обижаютъ... и мужъ, и дѣти. Ни отъ кого мнѣ нѣту почтенія, а отъ тебя въ особенности... Ты, какъ и прежде, была негодная дѣвчонка, такъ и теперь еще хуже. О, Господи! Господи!

Дарья Андреевна заплакала.

— Богъ вамъ судья, мамаша... Не знаю, за что вы обижаете меня...

— Охъ, ты .. развратница! Знаю я все, какъ ты жила въ монастырѣ... какъ ты связалась тамъ съ какими-то дѣвчонками...

— Все это неправда. Дѣвицы были честныя.

— И не говори. Каково твое поведеніе, видно изъ того, что ты обозвала Марѳу Антоновну дурой. А она еще хотѣла тебя взять къ себѣ. Какое ты имѣла право уйти изъ монастыря?... Молчи! Что ты будешь дѣлать здѣсь?... Ты думаешь, что намъ пріятно имѣть такую нахлѣбницу, какъ ты?

— Если папаша мнѣ позволитъ — я уѣду.

— Что такое? Уѣхать!... Скажите пожалуйста! Ну, такъ и есть, что ты негодница. Куда ты уѣдешь? къ любовнику? Кто твой любовникъ? Говори! Да я тебя ни одной минуты не стану держать въ домѣ.

— Папаша знаетъ, чѣмъ я буду заниматься.

— А-а! Ты уже успѣла оплести своего пьянаго родителя.

Дарья Андреевна заплакала. Въ это время въ комнату вошелъ Ипполитъ Апполоновичъ.

— Какъ вамъ не стыдно, Марина Осиповна! Не успѣла Даша пріѣхать, а вы ужь и кричите на нее. Бога вы не боитесь.

Марина Осиповна заплакала.

— И вы меня обижаете! Всѣ на меня.

— Никто васъ не обижаетъ, а вотъ вы готовы всѣхъ и каждаго обидѣть.

— Охъ, я несчастная! И зачѣмъ чортъ меня сунулъ выдти замужъ за пьяницу.

— Вы не смѣете обижать брата! Если вы хоть еще скажете мнѣ дерзость, я отъ васъ уѣду, и, повѣрьте, ни разу не загляну къ вамъ и васъ не приму къ себѣ на порогъ. Вы должны помнить, кто вашъ отецъ и кто мы... говорилъ Ипполитъ Апполоновичъ, ходя по комнатѣ скорыми шагами.

— Дяденька, не говорите этого, вступилась Дарья Андреевна.

— Это свинство, наконецъ! Мѣщанское отродье и вдругъ смѣетъ обижать нашу родню! Даша, сбирайся — ѣдемъ!

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибы не пріѣхалъ отецъ Марины Осиповны.

— Ваша дочь обидѣла меня!... Я ѣду! помните, что торги на подряды на носу.

Осипъ Флорычъ испугался, стоялъ какъ пораженный и глядѣлъ то на ассесора, то на свою дочь.

Ипполитъ Апполоновичъ разсказалъ, въ чемъ дѣло. Осипъ Флорычъ, сдѣлавъ нагоняй дочери, ушелъ за Ипполитомъ Апполоновичемъ; Дарья Андреевна вышла въ другую комнату. Немного погодя, Зиновьевъ пошелъ къ дочери и сказалъ ей:

— Эта негодница чуть-было не испортила все дѣло. Хорошо,

что я поспѣлъ во̀ время. Поди, проси у него прощенія, въ ноги поклонись. Онъ любитъ это.

Черезъ нѣсколько минутъ мачиха прошла съ отцомъ въ кабинетъ, а черезъ четверть часа вышли оттуда съ Ипполитомъ Апполоновичемъ съ сіяющими лицами и подсѣли къ Дарьѣ Андреевнѣ.

— Ты, Даша, началъ дядя: — на эти сцены не обращай вниманія. А что если мачиха погорячилась на тебя, такъ у ней ужь такой нравъ, да и ты сама неправа по многимъ причинамъ, которыя ты намъ должна объяснить. Вопервыхъ, хотя я кое-что и знаю о нравѣ настоятельницы, но мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она излагаетъ подробно о твоихъ каверзахъ. Прочитай. И онъ подалъ ей письмо.

Дарья Андреевна подробно разсказала имъ о томъ, какова ей была жизнь въ монастырѣ, о намѣреніи настоятельницы выдать ее замужъ, о своемъ отказѣ и что̀ потомъ было.

— Это ужасно! Это чортъ знаетъ что̀ такое! проговорилъ дядя.

Остальные хотя и удивлялись, но не совсѣмъ вѣрили. Спросили ее, зачѣмъ она ничего не писала ни отцу, ни дядѣ, и когда та разсказала, какъ читали ея письма, то дядя сказалъ:

— Хорошо! Я справлюсь въ почтовыхъ конторахъ, и если дѣйствительно не получалось писемъ, я донесу владыкѣ. Я вѣрить тебѣ имѣю основаніе, потому что ты была дѣвушка хорошая, и я былъ противъ посылки тебя въ монастырь. Конечно, тутъ есть доля вины и за Мариной Осиповной, которая, надо правду сказать, не очень-то долюбливаетъ своихъ падчерицъ.

— Ахъ, Ипполитъ Апполонычъ! Видитъ Богъ, какъ я люблю ихъ, но что же дѣлать, если онѣ меня не любятъ. Вотъ про мальчиковъ я ничего не могу сказать.

— Ну, конечно... Дѣло понятное. Есть матери, которыя даже и своихъ собственныхъ дѣтей не очень-то долюбливаютъ, а объ чужихъ и говорить нечего. А ты, Даша, сама виновата, что была подчасъ рѣзка съ Мариной Осиповной. Нужно помнить, что отецъ твой любитъ ее; а если онъ любитъ, такъ и ты должна тоже любить. — Ну-съ, теперь второе, и это самое главное: зачѣмъ ты обругала Марѳу Антоновну дурой и даже хуже этого?

Виноватая разсказала, въ чемъ заключалось дѣло.

— Ну, матушка, ты еще молода, чтобы философствовать. Ты должна слушать, что̀ говорятъ люди опытные, которые тебя старше въ три раза. Я говорю, что бить образованной дамѣ тоже даму—дѣло неблагопристойное, однако въ семействѣ до-

пустить это можно, вопервыхъ потому, что Марѳа Антоновна старше Маши, а вовторыхъ, та того заслуживаетъ.

— Но, дяденька, не можетъ же быть, чтобы сестра взяла сѣтку.

— Сѣтку жена Осипа нашла въ комодѣ у Марьи, сказала Марина Осиповна.

— Вотъ то-то и есть! Ты бы прежде должна узнать суть дѣла, а потомъ лѣзть съ защитой. Вора всегда надо наказывать, чтобы онъ помнилъ и не смѣлъ въ другой разъ протягивать руки за чужою вещью. Но довольно объ этомъ. Ты всетаки поступила нехорошо. Она тебѣ говоритъ, что это не твое дѣло, она тебѣ сказала слово, а ты два, тебѣ бы слѣдовало уйти, а ты возражать.

— Ужь извѣстно, бабы народъ глупый: сойдутся двѣ бабы— крикъ, ругань, драка. А если тутъ еще третья ввяжется, и той достанется на калачи, замѣтилъ Зиновьевъ.

— Чтобы поправить дѣло, ты должна извиниться, сказалъ дядя.

— Передъ кѣмъ?

— Передъ Марѳой Антоновной.

— Боже меня избави! Я не ребенокъ.

— Вотъ видите! сказала Марина Осиповна.

— Мы всѣ этого требуемъ; ты должна уважить хоть меня.

— Дядинька, увольте меня отъ этого. Она обидѣла меня, и съ какой стати я стану еще просить у ней прощенія. Ни за что! Хотя я васъ люблю и уважаю, но этого сдѣлать не могу. Вотъ у Маши я могу просить прощенья во всемъ, въ чемъ я виновата.

— А если отецъ тебя заставитъ?

— Никто меня не можетъ заставить. Это касается лично меня.

— Горда же ты. Помни, что тебѣ еще много придется жить и со своею спѣсью много ты натерпишься горя! И Ипполитъ Апполонычъ всталъ и началъ ходить. Но его скоро вызвала подошедшая къ двери Марѳа Антоновна, и они ушли въ кабинетъ, откуда пришли только къ обѣду.

Мачиха и отецъ ея долго упрашивали Дарью Андреевну испросить у Марѳы Антоновны прощенья, но она наотрѣзъ отказалась. Попробовали угрозы — она стала молчать; Марина Осиповна разсказала, что и она просила у дяди прощенія, но Дарья Андреевна на это сказала:

— Не вы у него, а онъ у васъ долженъ бы былъ просить прощенія, потому что онъ какъ вамъ, такъ и намъ нанесъ оскорбленіе, назвавъ васъ мѣщанкою.

— Какъ? насъ мѣщанами, ворами? вступился Зиновьевъ.

— Молчите, папаша, произнесла съ испугомъ Марина Осиповна.

— Ахъ, еслибы не подрядъ — наломалъ бы я ему бока.

— Да, Даша, всегда нужно покоряться. Отецъ слабъ; куда мы съ нашей семьей дѣнемся.

— Полно вамъ, мамаша. Отецъ еще крѣпко ходитъ. Ну, если его не будетъ — будемъ трудиться. Я первая возьмусь за трудъ какой-нибудь. А кланяться я и дядюшкѣ не намѣрена.

Зиновьевъ покачалъ головой, а Марина Осиповна стала съ испугомъ смотрѣть на него.

— О, дѣвка, дѣвка! Еслибы тебя, да въ мои руки, и я-я-бы тебя, проговорилъ Зиновьевъ, сжавъ кулаки, заскрежетавъ зубами и ушелъ.

— Вотъ Богъ послалъ мнѣ змѣю за мои грѣхи, проговорила Марина Осиповна, и тоже ушла.

Отъ всѣхъ этихъ сценъ и разговоровъ у Дарьи Андреевны заболѣла и закружилась голова, точно она была въ горячкѣ. Она сразу увидѣла столько гадости въ ея роднѣ, что отцовскій домъ показался какимъ-то адомъ. Она уже не могла больше жить въ немъ, не могла, конечно, ѣхать ни къ брату и ни къ дядѣ. Ей хотѣлось поговорить съ кѣмъ-нибудь, но она была одна: на сестру надѣяться нечего. Оставалась дочь Зиновьева, Анисья Осиповна, ея любимица, но какъ она пойдетъ къ ней, когда ея отецъ разозлился на нее. Остается отецъ. И дѣйствительно, изо всей ея родни остается только одинъ отецъ, который любитъ еще ее, котораго, можетъ быть, обкрадываютъ, обижаютъ, смерти котораго, можетъ быть, всѣ ждутъ. Не даромъ о смерти его всѣ говорятъ; не даромъ же онъ и пьетъ запоемъ... И мысль оставить домъ исчезла. Я буду жить съ отцомъ, я поддержу его. Пусть дѣлаютъ со мною, что̀ хотятъ, пусть ненавидятъ, но я его спасу; для него меня никто изъ дому не выгонитъ.

И она пошла въ садъ.

Въ бесѣдкѣ палисадника сидѣла Марья Андреевна. Она что-то шила и очень громко распѣвала незавиднымъ голосомъ: «Скажите ей», такъ-что многіе чиновники изъ оконъ смотрѣли на нее, а нѣкоторые даже подтягивали. Когда она увидала сестру, замолчала.

— Какая ты, сестрица, веселая, сказала Дарья Андреевна, присѣвъ къ Марьѣ Андреевнѣ.

*

— Не все же плакать.

— Я бы здѣсь ни за что не пѣла, потому что въ нашемъ домѣ присутственныя мѣста и въ нихъ много служащихъ. Смотри, Маша, сколько ихъ смотрятъ сюда.

— Это они на тебя смотрятъ; а на меня имъ нечего смотрѣть, примелькалась, а я на нихъ и вниманія не обращаю. Вотъ сейчасъ приходилъ изъ уѣзднаго суда засѣдатель Трынкинъ и лебезилъ около меня, а мнѣ что въ немъ, у меня ужь есть женихъ.

— Все же нехорошо, потому что изъ нихъ, можетъ быть, есть и хорошіе пѣвчіе: вѣдь здѣсь въ церкви поютъ приказные.

— Я въ своемъ домѣ, и поэтому на насмѣшки не обращаю вниманія. Вотъ мы ужо споемъ съ тобой когда-нибудь въ саду. Я въ саду ужасно люблю пѣть. А ты, я знаю, любишь пѣть. Вѣдь ты въ монастырѣ на клиросѣ пѣла. А здѣсь я пою съ горя: золовка ли меня обидѣла, мамаша или кто другой...

— Много онѣ наплели на тебя.

— А я ихъ не боюсь. Я эти оплеухи во всю жизнь не забуду. Она у меня просила прощенія, я ее простила изъ приличія, но въ душѣ я ее ненавижу. Знаешь, они зовутъ меня къ себѣ.

— Ну, что же?

— Что?

— Ты поѣдешь?

— Поѣду. Мнѣ все равно, что здѣсь, что тамъ. Тамъ еще лучше: тамъ поля, рѣчка; тамъ много грибовъ, ягодъ; тамъ меня будутъ посылать къ крестьянамъ за деньгами, яицами. Я ужь ходила, сбирала.

— И теперь пойдешь?

— А что жь такое? Вѣдь я не себѣ беру, а меня посылаютъ.

— Но вѣдь это взятки?

— А мнѣ что за дѣло. Брату нужно содержать жену модницу. Ужь онъ мнѣ непремѣнно купитъ на платье, какъ въ прошломъ году купилъ къ рождеству. Вчера я въ этомъ платьѣ танцовала. А ты, Даша, помирись съ золовкой.

— Неужели тебѣ не обидно, что она тебя избила?

— Обидно, да что дѣлать? Она вспыльчивая. Вспылитъ, прибьетъ, а потомъ и самой станетъ стыдно. Она ужь обѣщала мнѣ подарить сѣтку. Я сѣтку въ шутку положила въ комодъ и не хотѣла потомъ отдать, потому что она красивая,—вотъ и вышла ссора. А ты помирись, поѣдемъ вмѣстѣ, тамъ я проживу до свадьбы. А ты знаешь, что̀ говорятъ про тебя?

— Мало ли что говорятъ!

— Говорятъ, что у тебя въ Соколѣ женихъ есть.

— Пусть ихъ говорятъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ. У меня такъ вотъ два жениха. Ты только никому не говори. Одинъ настоящій чиновникъ изъ казначейства, Павловъ. За него меня уже просватали, но я его не люблю, потому что онъ пьяница, а другой—вонъ тамъ, и она указала на домъ.—Но за него ни за что не отдадутъ: онъ не имѣетъ чина. Но какой славный человѣкъ! И она замолчала.

Теперь Дарьѣ Андреевнѣ стало ясно, почему она поетъ въ палисадникѣ.

— Пойдемъ въ садъ, сказала вдругъ Марья Андреевна.

Долго онѣ ходили по саду. Марью Андреевну, повидимому, нисколько не занимали деревья и цвѣты; ей больше всего нравились парники съ огурцами; она была большая любительница тыквъ, арбузовъ и овощей и ко всему этому относилась съ знаніемъ, какъ любая хозяйка. Въ бесѣдкѣ спалъ отецъ. Онѣ пошли дальше и сѣли въ рощѣ, недалеко отъ пруда.

— Несчастный отецъ! сказала со вздохомъ Марья Андреевна.—Совсѣмъ онъ опустился и дѣла не дѣлаетъ. А мачиха, скажу я тебѣ, совсѣмъ не любитъ его. Я тебѣ скажу по секрету: она живетъ съ казначеемъ, несмотря на то, что онъ дрыгунчикъ. А его жена живетъ со здѣшнимъ новымъ стряпчимъ, который изъ ученыхъ и молодой, красивый мужчина. Говорятъ, что онъ богачъ. А нашъ дядюшка теперь то и дѣло увивается около золовки, а Осипъ какъ-будто и не видитъ ничего. Вотъ какой у насъ народецъ. А какъ я рада, сестрица, что ты пріѣхала: все же хоть поговорить есть съ кѣмъ.

Дарья Андреевна ничего не отвѣчала на это. Ей невыносим тяжело сдѣлалось. Съ сестрою и она пошла домой. Тамъ уже сбирались обѣдать. За обѣдомъ всѣ вели себя натянуто, больше молчали, плохо ѣли и смотрѣли въ свои тарелки. Послѣ обѣда, Андрей Иванычъ пригласилъ Дарью Андреевну въ садъ. Дарья Андреевна разсказала ему подробно о монастырской жизни.

Потомъ, когда они пришли въ бесѣдку, отецъ, выпивая наливку, откровенно жаловался ей, что ему, послѣ ея отъѣзда, было очень тяжело, оттого, что у него на полѣ сгорѣло много сѣна, въ винѣ оказался недочетъ, такъ что ему нужно было издержать свои деньги; что дома у него дѣлается что-то нехорошее; никто его не слушается; что дядя уже важничаетъ надъ нимъ. На службѣ его обижаютъ, и того гляди, что за старыя дѣла снова отдадутъ подъ судъ. Говоря это, онъ часто плакалъ. Сердце защемило у Дарьи Андреевны, она взяла его за руку и проговорила со слезами:

— Папаша, милый мой! Я чувствовала, что вамъ нехорошо.

Меня что-то тянуло сюда... Я думала, что займусь работой, и вотъ здѣсь въ первый же день мнѣ привелось многое испытать. Но я не хочу ничего говорить вамъ, что̀ я видѣла и слышала.

— И не говори, не надо. Я знаю, что тебя обидѣла жена Осипа. Это эхидна!

— Я, папаша, останусь съ вами; я буду беречь васъ, ухаживать за вами.

— Спасибо, дочка. Только слушайся и уважай мачиху, и покуда я пью, ты, если что̀ будетъ худо, иди къ протопопу Третьякову, онъ и тебя научитъ, и ее вразумитъ. А я вѣдь пью запоемъ — недѣлю, двѣ, а потомъ цѣлый мѣсяцъ настоящимъ человѣкомъ живу. Тогда я и самъ справлюсь.

— Я, папаша, буду жить въ дѣтской и займусь съ дѣтьми.

— Боже избави — чуть заболѣютъ, мачиха на тебя свалитъ. А я тебѣ сегодня же дамъ комнату рядомъ съ моимъ кабинетомъ.

— Это хорошо. Я тамъ буду заниматься шитьемъ... Я, папаша, буду стараться всѣмъ угождать, особенно мамашѣ.

— Спасибо. Ты одна у меня изъ всѣхъ хорошая дочь. И онъ крѣпко обнялъ ее.

Послѣ этого, отецъ сталъ бредить и ничего уже не понималъ. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ домой и сталъ надоѣдать гостямъ, но скоро ушелъ спать. Вечеромъ Осипъ Андреичъ былъ любезенъ съ Дарьей Андреевной, а Марѳа Антоновна даже приглашала ее сыграть въ преферансъ, но она отказалась. Миръ, повидимому, водворился.

Утромъ, на другой день, дядя и братъ съ женой и дѣтьми уѣхали въ свои резиденціи. Къ брату уѣхала и Марья Андреевна на недѣлю.

VIII.

По отъѣздѣ гостей.

По отъѣздѣ гостей, въ домѣ ни кучера, ни кухарки, ни мамки съ ребенкомъ не оказалось. Когда Дарья Андреевна обошла всѣ комнаты въ домѣ, то тамъ были только мачиха и отецъ да Владиміръ съ Евлампіей, но послѣдніе бѣгали по палисаднику; отецъ же заперся въ своемъ кабинетѣ. Дарья Андреевна обошла всѣ комнаты, и не зная, что̀ дѣлаютъ отецъ и мачиха и куда исчезла прислуга, была въ большомъ затрудненіи. Уйти куда-нибудь нельзя, потому что залѣзутъ воры; сходила она въ палисадникъ, но братъ и сестра, игравшіе съ шестью ребятами

отъ четырехъ до семи лѣтъ, начали говорить ей дерзости и дразнили тѣмъ, что она бѣглянка и что мамаша ее выгнала вчера изъ дому. Изъ разныхъ оконъ на нее съ любопытствомъ смотрѣли почти всѣ служащіе, и она мимоходомъ услыхала нѣсколько нелестныхъ о себѣ отзывовъ. Сарай, каретникъ и погребъ заперты; хлѣвы отворены. Вездѣ разбросаны кадки, ушаты, лопаты и т. п. вещи. Она прибрала все это въ хлѣвъ; заперла парадную дверь; прибрала и вымыла посуду въ кухнѣ, прибрала и вымела въ комнатахъ, такъ что пробилъ уже часъ, и служащіе изъ присутственныхъ мѣстъ стали расходиться. А прислуги все нѣтъ; не выходятъ изъ своихъ берлогъ ни отецъ, ни мачиха, нейдетъ мамка съ ребенкомъ, и у Дарьи Андреевны явилось подозрѣніе: не сдѣлали ли бы всѣ эти люди чего-нибудь худаго и, главное, куда дѣвалась мамка съ ребенкомъ. Пришли братишка и сестренка и стали просить ѣсть. Дарьѣ Андреевнѣ тоже хотѣлось, но въ кухнѣ, кромѣ ржанаго хлѣба и выкипѣвшихъ въ печи щей да сильно зажаренной говядины съ изуглившимся картофелемъ, ничего другаго не было; остатки же отъ вчерашнихъ кушаньевъ или были съѣдены, или спрятаны въ погребѣ или въ чуланѣ, отъ которыхъ она ключей не нашла нигдѣ. Она стала стучаться къ мачихѣ. Слышно, что въ спальнѣ кто-то что-то дѣлаетъ, слышится выдвиганіе комодовъ, но на ея зовъ никто не отвѣчаетъ. Она нѣсколько разъ повторила свое восклицаніе, но ни двери не отворили, и голоса ей не подали. Но когда завопилъ и сталъ ломиться въ дверь Владиміръ, тогда дверь отворили. Тамъ всѣ комоды и шкафы были отперты, на стульяхъ, столахъ и кроватяхъ лежали платья, юбки, бѣлье, на полу шкатулки, коробки. На окнѣ стояла бутылка съ наливкой, рюмка и тарелка съ закуской.

— Что̀ вамъ угодно? запальчиво спросила Марина Осиповна Дарью Андреевну.

— Мамаша, въ кухнѣ нѣтъ никого — ни дворника, ни кухарки. Володя и Евлаша кушать хотятъ.

— Могутъ подождать.

— Мамаша, и мамки нѣтъ съ ребенкомъ.

Лицо Марины Осиповны передернуло. Нѣсколько минутъ она машинально что-то перебирала въ шкатулкѣ.

— Отчего же вы, сударыня, не посмотрѣли, куда ушла мамка? проговорила, наконецъ, Марина Осиповна.

— Я не видала.

— Извольте разыскать ее,—и она захлопнула дверь, заперла ее на ключь, оставивъ тамъ маленькихъ дѣтей.

Дарья Андреевна постояла нѣсколько минутъ въ недоумѣніи,

не зная, что̀ дѣлать. Постучалась она къ отцу, но изъ кабинета не слышалось ни звука, ни стука, ни шороха. Поэтому она затруднялась, какъ ей сдѣлать лучше, чтобы уйти искать мамку. И тутъ ей пришла въ голову мысль, что прежде, до ея отъѣзда, отцу часто прислуживалъ сторожъ земскаго суда Николай, добрый старикъ, всѣми осмѣиваемый въ городѣ, но который очень былъ привязанъ къ Андрею Иванычу.

Во дворѣ бѣгало нѣсколько курицъ, больше десятка цыплятъ, два пѣтуха; было очень жарко. Надъ дворомъ, саженяхъ въ десяти отъ земли, кружился огромный, бураго цвѣта, ястребъ, а посреди двора стоялъ, съ палкой въ рукѣ, лысый, горбатый старикъ въ одной рубахѣ и брюкахъ. Махая палкой, онъ старался отогнать ястреба, но тотъ нисколько его не боялся, а продолжая кружиться, спускался, какъ на зло, все ниже къ землѣ, часто садясь то на крышу заднихъ построекъ, то на крышу дома, то на какое-нибудь дерево.

— Николай! ты бы загналъ цыплятъ-то въ хлѣвъ, а то онъ, пожалуй, словитъ.

— А, здравствуйте, барышня! Ужь вы загоните сами, а я буду его отгонять. Вчера изъ-подъ самаго носу утащилъ большаго цыпленка. Ахъ, еслибы ружье! Гоните! Ахъ ты прорва!!

Сторожъ замахалъ опять, Дарья Андреевна стала загонять, курицы и цыплята гоготали и метались въ сторону, пѣтухи съ яростію смотрѣли на хищную птицу и топорщили перья, а ястребъ въ одинъ мигъ улетѣлъ въ огородъ и потомъ поднялся съ цыпленкомъ и, какъ побѣдитель, пролетѣлъ надъ головой сторожа и скрылся. Николай было-погнался за нимъ съ палкой, бросилъ ее, но не могъ попасть въ птицу также, какъ не попалъ бы и въ маленькаго мышенка.

— Ахъ, будь ты проклятъ!... Вотъ прорва-то... Вѣдь битый часъ отгонялъ!... И что̀ это за народецъ, ей-богу! Ну, отчего бы имъ не присмотрѣть.

— Кому смотрѣть-то: всѣ ушли.

— Я видѣлъ давѣ: Трифонъ нарядился, какъ баринъ. Куда? говорю. Прощайте, говоритъ: гулять иду. Старушонка тоже ушла, и мамка тоже. Думаю, что же это опять такое? Али баринъ опять нездоровъ? А нынѣ, прости меня, Господи, у васъ скверные порядки: самъ запилъ и сама пьетъ, да лежитъ вверхъ ногами, али поѣдетъ къ Зиновьеву, и живетъ дня три. А домъ хоть унеси. Бѣда да и только. Она хоть бы людей-то постыдилась, что люди-то говорятъ... Вонъ теперь опять пожары... страсти. Неровенъ часъ. И за все я отвѣчай, потому я и судъ карауль и домъ карауль.

Николай такъ привыкъ къ своему гнѣзду — сторожовскому мѣсту въ судѣ,—что выходилъ изъ него на короткое время только на почту и въ другія присутственныя мѣста съ бумагами и въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ на рынокъ и въ новую слободку ко вдовѣ Болдыревой, но, впрочемъ, рѣдко, такъ-какъ г-жа Болдырева частенько навѣщала его сама. Онъ въ городѣ квартиры не имѣлъ и часто пользовался пищей изъ Яковлевской кухни за услуги и караулъ дома, да и дѣти Яковлева давали ему чего-нибудь. Поэтому ему нанесли бы кровную обиду, еслибы отказали отъ суда, но онъ надѣялся въ этомъ случаѣ, что ему не откажетъ Андрей Иванычъ отъ дому, въ которомъ онъ живетъ уже больше двадцати лѣтъ.

— Не знаю, Николай, гдѣ бы мнѣ розыскать мамку; мамаша приказала немедленно розыскать ее.

— Ваша мамаша дура и больше ничего: развѣ она или вы знаете, куда мамка уходитъ? Она баба деревенская — взяла да и ушла. Она здѣсь уже не первый годъ живетъ. У исправника жила, такъ за худое поведенье прогнали. Она, видите ли, баба рабочая, прогнали ее—пошла на пристань работать. Ну, и тѣмъ скотамъ все равно. Трифонъ, извѣстное дѣло, живетъ долго; самъ его любитъ, да и сама старается поблажать ему... Поэтому, онъ и не боится никого. Онъ навѣрное придетъ завтра и баринъ только побранитъ его. А вотъ кухарка-то ушла зачѣмъ? Да я бы ее, послѣ этого, и часу не держалъ.

— Неужели и раньше такъ было?

— О, о, барышня милая! Плохо зажилъ вашъ батюшка!... Жалко мнѣ его. А все это происходитъ, простите меня, отъ вашей мачихи. Прежде у васъ три коровы было, три лошади, а теперь только двѣ коровы, а лошадка одна, да и та осталась морная. Сколько я упрашивалъ Андрея Иваныча, плакалъ, да упрашивалъ, чтобы онъ не продавалъ гнѣдаго. Нельзя, говоритъ, старикъ. Нужны деньги.

— Однако, гдѣ же я найду мамку?

— Ужь право не знаю... Эдакой срамъ! Это ее, должно быть, старушонка съ кучеромъ возмутили, потому у васъ вчера ссора какая-то была. А эта баба глупая: что ей скажи—всему будетъ вѣрить. Я бы и самъ пошелъ розыскивать, да мнѣ нельзя оставить судъ. Развѣ къ Зеленихѣ сходить: она можетъ видѣла, въ которую ваша мамка ушла сторону. А вы надолго сюда пріѣхали?

— Не знаю. И Дарья Андреевна ушла къ Зеленихѣ, той самой, что вчера рано утромъ разговаривала съ чиновникомъ.

Ребята ея бѣгали по двору, сама она крѣпко спала въ сѣ-

няхъ, положивши голову на порогъ. Но она спала чутко. Когда Дарья Андреевна вошла въ сѣни, она проснулась и проговорила:

— Кой дьяволъ тутъ ходитъ! Ночь караулишь-караулишь, а тутъ еще... Ахъ, это вы, барышня! Здравствуйте, милая! садитесь... Я было-легла, потому ночь-ту умаешься. А нельзя не караулить, потому нонѣ поджигаютъ...

— Вы не видали нашу мамку?

— Мамку?! А што?! Неужели сбѣжала?

— Она уже очень давно ушла изъ дому. Ушла гулять съ ребенкомъ, потому что погода хорошая, но не знаю, отчего ее такъ долго нѣтъ.

— Эдакая негодная женщина! И можно ли съ такимъ махонькимъ ребенкомъ гулять такъ долго? Нѣтъ, моя милочка, я не видала. Я недавно пришла съ пристани... Мнѣ што: видѣла, такъ бы сказала. Ну-съ, каково вы въ монастырѣ поживали? Не хотите ли браги? и Зелениха засуетилась.

— Нѣтъ, покорно благодарю. Я пойду поищу ее гдѣ-нибудь.

— Напрасно вы будете безпокоиться: она, живши у исправника, со многими нехорошими людьми познакомилась... А, впрочемъ, вы въ саду ее не искали? Вѣдь садъ-то у васъ большой.

— Сторожъ Николай говоритъ, что онъ ее видѣлъ, какъ она вышла изъ воротъ.

— А вонъ мой мужъ идетъ—онъ не видалъ ли.

Во дворъ вошелъ низенькій, тощій мужчина, съ длинными волосами и рябоватымъ лицомъ.

— Будь они прокляты всѣ эти кургузики: опять приказъ отдали, штобы у домовъ строить тротуары. А къ чему? Ну, кто ежели богатъ, тотъ и строй и ходи по нимъ. А намъ и по грязи ходить ладно. А, барышня! здорово живете. Долгонько же вы въ монашкахъ-то были.

— Я не была монашкой; я была только воспитанницей.

— Ну, все едино. Ну, жена, давай ѣсть. Въ этой проклятой думѣ только потѣли, а ничего не ѣли. Ужь мы вашему господину Зиновьеву, за его поборы, учинимъ спасибо! будетъ онъ насъ помнить! Коли общества не послушается, мы и жаловаться не станемъ; знаемъ мы, каково жаловаться... Ужь мы знаемъ што дѣлать!

Жена ткнула его въ бокъ.

— Чего тычешься. Мнѣ плевать на нихъ на всѣхъ! И не это скажу. Вы, хошь передавайте это, барышня, хошь нѣтъ, мнѣ все равно. Насобиралъ, мерзавецъ, деньги на гостиный дворъ, говорилъ: тогда и мѣщане будутъ торговать даромъ,

а и теперь, по сю пору стоятъ прежніе магазины. Вотъ оно что-съ! И онъ ушелъ. Дарья Андреевна тоже ушла.

Она пошла къ мѣщанину Мирону Миронычу Иванову, дочь котораго, Настю, она очень любила, но которая умерла.

Миронъ Миронычъ, сидя на кожаномъ стулѣ, передъ лавкой, шилъ сапогъ, насвистывая и напѣвая, а сынъ его Василій сучилъ пряжу для дратвы. Василій былъ красивый мужчина, двадцати-двухъ лѣтъ, слывшій прежде между городскими парнями за отчаяннаго бойца и за злаго врага всему чиновному міру. Миронъ Миронычъ былъ одинъ изъ тѣхъ мѣщанъ, которые могутъ заниматься нѣсколькими ремеслами для себя. Такъ онъ умѣлъ понемножку строить, понемногу шить, кое-какъ умѣлъ сласть печь по своей методѣ. Но главное его занятіе было шить сапоги, и онъ считался однимъ изъ первыхъ сапожниковъ въ городѣ, хотя вывѣски не имѣлъ. Вся его комната была загромождена колодками, корытами, въ которыхъ мочилась кожа, въ разныхъ мѣстахъ валялись калоши, передки, задки, уже никуда негодные; на простѣнкѣ, между двухъ оконъ, было навѣшано болѣе трехсотъ различныхъ бумажекъ мѣрокъ. На другой стѣнѣ, выходящей ко двору, было налѣплено множество лубочныхъ картинъ духовнаго и свѣтскаго содержанія. Въ углу на маленькомъ шкапикѣ лежало нѣсколько книгъ.

Увидя входящую въ комнату Дарью Андреевну, Василій Миронычъ растерялся, но дратвы не выпустилъ и неловко отвѣсилъ ей поклонъ.

— Извините... Не видали ли вы, не проходила ли наша мамка съ ребенкомъ? спросила его дрожащимъ голосомъ Дарья Андреевна. Щоки ея покраснѣли.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣтилъ Василій Миронычъ. Голосъ его былъ рѣзкій, грубый, басистый.

Отецъ обернулся.

— А! Прошу покорно садиться, сказалъ вставши Миронъ Миронычъ.—Старуха! ей, старуха! крикнулъ онъ.

— Благодарю, мнѣ нѣкогда. Я разыскиваю мамку.

— А! Да она недавно прошла мимо дому... Можетъ, кто изъ родни ее зазвалъ. Прошу садиться. Пивка не хотите ли?

— Нѣтъ. Прощайте.

— Ну, какъ хотите... Э-эхъ! Спѣсивы стали. Вотъ что̀ значитъ нѣтъ Насти-то. Здоровъ ли Андрей Иванычъ? Мнѣ къ нему надо за должкомъ сходить: давненько ужь долженъ.

— Онъ дома; теперь должно быть спитъ. И она вышла.

У крыльца ее остановилъ Василій Миронычъ.

— Дарья Андревна!

— Что-съ? и она обернулась.

— Спѣсивы стали: и руки подать не хотите.

— Вы сами не подали.

— Нѣтъ, и онъ подалъ ей руку, она свою.

— О, какъ больно. Пустите.

Онъ выпустилъ руку, и они разошлись.

Проводивши гостей, Андрей Иванычъ допилъ оставшееся въ бутылкѣ вино и легъ спать, но ему не спалось. У него за все время гостей накопилось много бумагъ, на которыя нужно было отвѣчать, нужно было составлять какую-то вѣдомость, но на это онъ чувствовалъ себя неспособнымъ въ это время; кромѣ того, что отъ винныхъ паровъ онъ не могъ что нибудь сочинить съ толкомъ, онъ былъ разстроенъ еще семейными обстоятельствами; ему, почему-то, съ перепою даже совѣстно было теперь выйдти изъ своего кабинета; онъ чувствовалъ, что онъ почему-то стыдится взглянуть въ глаза Дарьи, прислуги и въ особенности чужихъ людей. Семейныя дѣла его очень тревожили. «Какая перемѣна», думалъ онъ: «день ото дня все становится хуже, а того, какъ я жилъ прежде, теперь и въ поминѣ нѣтъ. Я опустился до того, что меня никто не хочетъ слушать, я ничего не значу, со мною дѣлаютъ что хотятъ. И отчего это произошло? Отчего прежде меня всѣ боялись?» Заперевъ ключомъ кабинетъ (въ пьяномъ положеніи, ему представилось, что изъ кабинета могутъ украсть бумаги), Андрей Иванычъ, незамѣтно ни для кого, ушелъ въ огородъ въ двери, сдѣланныя между погребомъ и каретникомъ — рядомъ съ хлѣвами. Посмотрѣвъ на парники, онъ пошелъ въ садъ и началъ бродить неровными шагами по тропинкамъ. «Это дерево срубить надо — старо, говорилъ онъ въ слухъ. — А ты слушай и повинуйся!.. Что за дьяволъ? Куда же онъ ушелъ?.. Кто? Былъ кто-то!.. Отчего я не дерево?.. Я старъ... Умру... А тамъ?.. Тамъ тлѣнъ и все! фи!.. воздухъ...» Онъ дунулъ на ладонь, посмотрѣлъ на нее и задумался. Полчаса онъ ходилъ молча, потомъ сѣлъ къ пруду, напился воды и началъ вполголоса: «Да, я старъ. Это мнѣ говоритъ и сынъ Осипъ, да я и самъ знаю. Меня скоро выгонятъ, какъ гонятъ вонъ въ губернскомъ городѣ всѣхъ старыхъ служакъ. Порядки нынѣ завелись другіе; рѣчи пошли какія-то книжныя; говорятъ такія слова, что волосы становятся дыбомъ; молодежь если и ходитъ въ церковь, то такъ себѣ — даже образины не перекреститъ, разговариваетъ, смѣется чуть не въ слухъ. Даже нашъ исправникъ и казначей заго-

ворили иначе, а исправникъ даже прислалъ мнѣ какую-то газету съ картинками. Какъ тамъ нашего брата съ откупщиками критиковали—ужасъ! Вотъ и Осипъ издѣвается надо мною: напрасно, говоритъ, вы, папаша, книжекъ новыхъ не читаете; въ нихъ, говоритъ, много хорошого пишутъ; пишутъ про все, а особливо о новизнѣ какой-то. Нынче, говоритъ, уже время другое: молодому, говоритъ, человѣку — только и житье; еслибы, говоритъ, не книги, то и крестьянъ не освободили бы. Ну, не сумасшедшій ли онъ? Но вотъ что̀ мнѣ странно: что̀ съ Дарьей сдѣлалось? Положимъ, въ монастырѣ ее обижали, трудно было ей тамъ; положимъ, и ея письма не доходили до меня; положимъ, она, какъ необязанная поступить въ монахини,—что и я не хотѣлъ, могла уйти оттуда, но вотъ вопросъ: на какія деньги она пріѣхала сюда? Она говоритъ, что ее снабдили пріятельницы какія-то, но съ какой стати, если онѣ швеи и живутъ сами кое-какъ... Я, говоритъ, хочу сама работать? Вотъ что меня безпокоитъ. Отъ куда эта мысль у ней явилась? Вѣдь вотъ другія дочери никогда не имѣли такихъ мыслей. Ужь не сумасшедшая ли она?» Онъ немного помолчалъ. «Что если она въ самомъ дѣлѣ уйдетъ въ губернскій городъ и поступитъ въ магазинъ? это срамъ на мою сѣдую голову, позоръ... А все оттого, что я ее лелѣялъ, не билъ и не притѣснялъ какъ другихъ дѣтей, я защищалъ передъ Мариной Осиповной, поблажалъ ея дерзостямъ, сквозь пальцы смотрѣлъ на ея затѣи, на чтеніе книгъ: она больше читала, чѣмъ помогала въ хозяйствѣ. Не будь ея, и Марина Осиповна была бы хорошая супруга, вѣдь вотъ съ Машей же у нихъ никакихъ непріятностей не происходитъ; а если и поругаетъ иногда она Машу, какъ та заслуживаетъ того... Однако что̀ же это такое сдѣлалось и съ Мариной-то Осиповной? Не рехнулась ли она, моя голубушка? Нѣтъ, тутъ что-то другое; характеръ у ней огненный... Эдакое горе. А вѣдь какъ подумаешь — сначала-то она была ангелъ, вотъ оно что?! А! Я этому ангелу много довѣрялся, она и забрала меня въ руки и вертитъ мной какъ куклой... какъ куклой... Какъ?» И Андрей Иванычъ вскочилъ. «Докудова же все это будетъ? Али я не человѣкъ, али у меня нѣту ума! Я твой мужъ!!! Зачѣмъ ты шла за меня замужъ, зная что у меня много дѣтей? Зачѣмъ шла за старика и обманывала меня въ первые года жизни со мной. Я хозяинъ въ домѣ, а ты распоряжаешься какъ полновластная хозяйка, точно я слуга какой нибудь... Наконецъ я отецъ своимъ дѣтямъ, я долженъ заботиться объ нихъ, а ты должна помогать мнѣ въ этомъ. Нѣтъ, я не дамъ въ обиду своихъ дѣтей! Я радъ пріѣзду Даши, она меня понимаетъ, лю-

битъ, она съумѣетъ поддержать меня. Она моя плоть и кровь! Если ты будешь еще командовать, я все отъ тебя отберу... я тебя прогоню!.. прогоню! прого-гоню!!!»

Онъ остановился, ударилъ себя по головѣ, сѣлъ въ изнеможеніи на траву, закрылъ лицо руками и пробылъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ. «Господи! до чего я договорился. Голова идетъ кругомъ... Да вѣдь если я отберу все отъ жены, что тогда будетъ? Нѣтъ, надо объясниться съ Мариной Осиповной и Дашей. Надо примирить ихъ. Надо имѣть контроль надъ ними, съ этихъ поръ я буду между ними посредникомъ, на то я и мужъ, и отецъ. Я люблю ихъ обѣихъ больше другихъ моихъ дѣтей. И онъ пошелъ въ домъ».

Николай сидѣлъ у крыльца своего суда и усердно занимался клееніемъ бумажнаго змѣйка. Около него вертѣлись Владиміръ и Евлампія. Увидѣвши Андрея Иваныча, сторожъ не всталъ, а сказалъ, улыбаясь:

— Покою не даютъ, Андрей Иванычъ: сдѣлай, да сдѣлай змѣя... Нельзя. Надо побаловать.

Андрей Иванычъ остановился передъ сторожемъ, поглядѣлъ на него и, ничего не сказавъ, ушелъ.

Зашелъ въ кухню—нѣтъ никого, только черный котъ спитъ на столѣ; зашелъ въ дѣтскую — тоже. Воротился во дворъ.

— Николай! Не видалъ ли ты прислуги и мамку съ ребенкомъ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ты никогда ничего не видишь. Скотина!

— Скотина — не скотина, какъ вамъ угодно, а только за всѣми не углядишь. Можетъ, и ушли куда: вѣдь я съ пакетами ходилъ, совралъ Николай.

— Всѣ ушли, папаша. И Дарья Андревна ушла, сказалъ Владиміръ.

— Куда ушли? спросилъ грозно Андрей Иванычъ.

— Не знаю.

— Дарья Андревна точно ушла; сказывала: пошла мамку разыскивать, сказалъ сторожъ.

— Скоты!

И Андрей Иванычъ ушелъ въ домъ.

Въ это время пришла мамка съ спящимъ ребенкомъ.

— Шляются только! Вонъ изъ-за васъ сколько хлопотъ-то было. Баринъ ужò тебѣ: ты еще не знаешь его, проговорилъ сердито Николай, а Владиміръ при этомъ высунулъ мамкѣ языкъ.

Андрей Иванычъ подошелъ прямо къ спальнѣ. Долго онъ

стучалъ и кричалъ: «отопри!» Наконецъ, ему отвѣтила Марина Осиповна:

— Что̀ вамъ угодно?

— То и угодно, что я требую отпереть.

— А я прошу не безпокоить меня!

— Однако, послушай, жена: что̀ это значитъ?

— А то и значитъ, что я хочу спать.

— А если я выломаю дверь?

— Можете разбойничать со своею возлюбленной дочерью сколько угодно.

Андрей Иванычъ стоялъ удивленный. Онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Ломать дверь нехорошо: кромѣ ругани путнаго ничего не выйдетъ. Ужь если она такъ отвѣчаетъ, то насиліемъ только раздражишь ее.

— Послушай, Марина, отопрешь ты, или нѣтъ? мужъ я тебѣ, или нѣтъ? Али я не хозяинъ въ своемъ домѣ?

Марина Осиповна не отвѣчала.

— Послушай, однако: мнѣ съ тобой надо поговорить серьёзно.

— Говорите со своей возлюбленной Дарьей Андревной.

— Прекрасно. А куда ушла мамка?

— Я отпустила.

— Прислуга гдѣ?

— Я отпустила.

— Не отопрешь?

— Нѣтъ.

— Хорошо!

И онъ ушелъ въ залъ. Его ужасно взбѣсило поведеніе жены; онъ сжималъ кулаки. И прежде случались сцены съ женой, но до этого не доходило. Къ чести Андрея Иваныча надо сказать, что онъ кулаки никогда не употреблялъ въ дѣло съ женами; Марину Осиповну онъ ни разу еще не бивалъ, теперь же онъ не ручался за себя. Онъ долго обдумывалъ, какъ бы ему вызвать жену и уговорить какъ-нибудь. Онъ выжидалъ, не выйдетъ ли къ нему жена, какъ бывало раньше. Прежде, бывало, она покричитъ-покричитъ, уйдетъ, запрется, а черезъ нѣсколько минутъ придетъ въ ту комнату, гдѣ сидитъ онъ, и заговоритъ или о хозяйствѣ, или о чемъ-нибудь; тогда и ей можно дать нѣсколько вопросовъ, и затѣмъ начать ее усовѣщевать; тогда она хотя и поплачетъ, и посѣтуетъ на свою несчастную участь, но ему уже не прекословитъ. А теперь она вотъ уже сколько времени не выходитъ. Онъ сѣлъ къ окну, сталъ глядѣть на площадь. Скучно. «Вотъ я и хо-

зяинъ, а что толку, когда жена не уважаетъ меня, точно я у ней подъ башмакомъ. О! еслибы ты только пришла сюда! Узнала бы ты, кто я, мѣщанское ты отродье!...» ворчалъ онъ со злостію.

Пришла Дарья Андреевна. Андрей Иванычъ сидѣлъ злой и глядѣлъ сурово, съ ожесточеніемъ вытягивая изъ длиннаго черешневаго чубука дымъ.

— Кушали ли вы, папаша?

— Я ничего не хочу.

И онъ отвернулся.

— Но какъ же вы не ѣвши?

— Сказалъ, не хочу—и баста! крикнулъ онъ.

— Можетъ быть, чаю хотите!

— А ключи гдѣ?

— У мамаши.

— Какъ же ты поставишь самоваръ, когда ключей нѣтъ? Она ушла чортъ-знаетъ куда, совралъ отецъ.

Дарья Андреевна помолчала. Она не знала — правду говоритъ отецъ, или вретъ.

— Можно купить чаю и сахару, сказала она.

— Купить? Этакъ твой братецъ Кузьма можетъ дѣлать, а не я: мнѣ не слѣдъ покупать по мелочамъ. Что городъ скажетъ!

— Но, папаша, дѣти ѣсть хотятъ. Молока даже нельзя достать.

Въ это время въ залъ вошла Марина Осиповна.

— Нашли мамку съ ребенкомъ?

— Она уже пришла, отвѣчала Дарья Андреевна.

Андрей Иванычъ и Марина Осиповна не смотрѣли другъ на друга. Андрей Иванычъ, смотря въ окно, улыбался, а Марина Осиповна не подходила къ нему.

— Попросите Николая поставить, сказала она Дарьѣ Андреевнѣ, и сѣла черезъ три стула отъ Андрея Иваныча. Дарья Андреевна ушла.

Супруги нѣсколько минутъ молчали. Андрей Иванычъ хмурился, глядѣлъ въ окно, откашливался. Онъ какъ будто хотѣлъ начинать говорить, но выжидалъ. Онъ прежде всегда начиналъ самъ; теперь ему хотѣлось, чтобы начала жена.

Марина Осиповна была женщина неуступчивая; ей уже не въ первый разъ приходилось играть мужемъ. Она встала и пошла.

Это до того взбѣсило Андрея Иваныча, что онъ вскочилъ,

и, какъ тигръ, кинулся къ Маринѣ Осиповнѣ, и крѣпко ударилъ ее чубукомъ по спинѣ.

Марина Осиповна взвизгнула. Андрей Иванычъ сталъ ее бить, и, шипя отъ злости, говорилъ:

— А!... ты такъ!... тебѣ меня не слушаться!... тебѣ надобно командовать!...

Эти побои были такъ неожиданны, что Марина Осиповна сперва не понимала, что̀ такое сдѣлалось съ ея кроткимъ супругомъ, но побои становились слишкомъ чувствительны, и она заплакала, говоря отъ злости и горя:

— Андрей Иванычъ! что̀ съ вами! Охъ!

— А! это вотъ за *вы!*...

И онъ ударилъ ее по щекѣ. Марина Осиповна сѣла на стулъ и завопила.

— Молчать!! Я здѣсь хозяинъ! Я твой мужъ.

Запыхавшись, онъ сталъ ходить по комнатѣ и ругаться. Жена, наконецъ, оправилась, встала и ушла.

Съ четверть часа ходилъ въ волненіи Андрей Иванычъ; сперва онъ злился, но потомъ затихъ, и ему сдѣлалось стыдно.

«Экъ до чего они довели меня! Господи!!... Точно я какой-нибудь отчаянный пьяница».

И онъ остановился.

«Экая гадость! Надо бы сперва поговорить... Мерзко».

— Господи, прости мое согрѣшеніе... проговорилъ онъ вслухъ, глядя на образа.

Пошелъ онъ къ женѣ, дверь въ спальню была отперта. Тамъ Марина Осиповна, стоя на колѣняхъ передъ кіотомъ, горько плакала, смотря на образъ Тихвинской Божіей Матери.

— Хоть бы о дѣтяхъ-то позаботилась. Нечего жалобиться, когда сама кругомъ виновата, проговорилъ онъ, стоя у двери въ спальню.

На душѣ у него было тяжело. Ему захотѣлось приласкать маленькихъ дѣтей, и приласкать такъ, какъ никогда. Ему стало стыдно, что онъ уже давно обращался съ Евлампіей и Владиміромъ, какъ чужой, а младшаго ребенка со времени его рожденія и видѣлъ-то рѣдко, о здоровьѣ же и не знаетъ уже, когда справлялся. Онъ чувствовалъ, что теперь очень любитъ дѣтей. И пошелъ въ дѣтскую.

Ребенокъ-Анна былъ спеленанъ, и лежалъ на рукахъ мамки. Остальныя дѣти были во дворѣ.

— Гдѣ ты была? спросилъ вѣжливо Андрей Иванычъ мамку.

— Меня барыня отпустила — я ходила къ родственницѣ, отвѣчала та рѣзко.

— А развѣ тебя наняли для того, чтобы ты по гостямъ шлялась, да еще съ ребенкомъ!... Съ сегодняшняго дня, безъ моего спросу, не смѣй никуда ходить, кромѣ нашего сада. Слышишь?!

— Слышу!

И мамка улыбнулась.

— Я не шутя говорю! крикнулъ онъ такъ, что ребенокъ заплакалъ.

Мамка сперва не давала, но Андрей Иванычъ самъ взялъ его и сталъ укачивать; однако, ребенокъ плакалъ хуже, и онъ, положивъ его въ зыбку, самъ сталъ качать ее. Мамка, рѣдко видѣвшая барина въ дѣтской, улыбалась, думая, что̀ это такое сдѣлалось съ бариномъ? Тѣмъ не менѣе, сколько Андрей Иванычъ ни укачивалъ ребенка, онъ не переставалъ плакать.

— Уйдите, баринъ! Ваше ли это дѣло! сказала мамка, и взялась за зыбку.

— Конечно, мое: я — отецъ. Вотъ я не доглядѣлъ, ты и убѣжала... Горе тебѣ будетъ, если что̀ съ ребенкомъ сдѣлается.

Послѣ этого онъ распекъ ее за безпорядокъ, прибралъ разбросанныя вещи и ушелъ во дворъ.

У крыльца чиновники курили папироски. Увидѣвъ Андрея Иваныча, они вѣжливо поклонились ему; одинъ изъ нихъ, повидимому, столоначальникъ, отпустилъ каламбуръ; подражая этому, съострилъ другой, остальные громко хохотали. Изъ одного окна высунулся плѣшивый засѣдатель.

— Здорово, Андрей Иванычъ! Есть водка-то?

— Не привезли еще! отвѣтилъ Андрей Иванычъ, слегка кивнувъ головой.

— То-то у тебя что-то не видать бутылей. Заходи ко мнѣ — въ картишки сыграемъ.

— Не охота.

— Нѣтъ, однако... А то мы сами нагрянемъ.

Андрей Иванычъ уже не слушалъ; онъ вошелъ въ палисадникъ, и сѣвши въ бесѣдку, задумался. Дѣти его играютъ съ тремя мѣщанскими мальчиками. Въ другое время онъ прогналъ бы мѣщанскихъ мальчиковъ. Тѣ его боялись, и, бывало, при видѣ его, убѣгали; но теперь они не убѣжали, и онъ на нихъ, повидимому, не обратилъ вниманія. Онъ сознавалъ теперь, и, кажется въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ имѣть дѣтей, что его дѣтямъ скучно; держать ихъ такъ, чтобы они не играли вовсе, нельзя — мѣшать будутъ, кричать и пла-

кать; отпускать же ихъ къ дѣтямъ должностныхъ лицъ, не съ кѣмъ и некуда. У Зиновьева маленькихъ дѣтей нѣтъ, у исправника — тоже, а хотя у казначея и есть дѣти, такъ его жена очень надменная, держитъ себя по ученому, и дѣти ея тоже ведутъ себя заносчиво; отпускать же ихъ къ мелкимъ чиновникамъ, онъ находитъ теперь неудобнымъ: еще, пожалуй, чиновники будутъ просить его о должностяхъ.

— Володя, Евлаша! идите сюда, сказалъ отецъ.

Дѣти даже и не взглянули на него.

— Вамъ говорятъ? Пошли вы, мальчишки! Пошли!

И онъ всталъ, взялъ палку.

Мѣщанскія дѣти убѣжали.

— Ну, что̀ же вы? Кто я вамъ?

Дѣти робко подошли къ нему.

— Ну, садитесь на лавку, вотъ сюда, со мной рядомъ.

Дѣти выпучили на него глаза.

— Что̀ жь вы очумѣли, что ли? Садитесь, говорятъ! Розги знаете?

Дѣти робко сѣли. Андрей Иванычъ посадилъ къ себѣ на колѣни Владиміра. Тотъ дрожалъ. Андрей Иванычъ сталъ гладить его по волосамъ.

— Пора ужь тебѣ учиться, Володька!

— И я хочу учиться, сказала дѣвочка, кривляясь.

— Не съ тобой говорятъ! Хочешь, Володька, учиться?

— Зачѣмъ?

— Нужно. Чиновникомъ будешь. Вотъ куплю тебѣ азбуку, и заставлю учить Дарью.

— Не хочу Дарью.

— Почему?

— Не люблю ее.

— А если я тебя за уши выдеру! Только смѣй еще мнѣ сказать это! Ты долженъ ее слушаться: она тебѣ старшая сестра. Ты любишь папу?

И онъ прижалъ мальчика.

Мальчикъ съ испугомъ посмотрѣлъ на отца.

— Что̀ же ты молчишь? Любишь, спрашиваю?

— Папа, ѣсть хочу! сказала жалобно дѣвочка.

— Папаша, мы ничего не ѣли, сказалъ мальчикъ.

— Мать развѣ не кормила?

— Кормила... Папа! меня на колѣни!... проговорила дѣвочка, и запищала.

— Не могу же я обоихъ держать.

— Папа, зачѣмъ мама Дарью била? спросилъ мальчикъ.

*

— Врешь! Она большая; ее никто не смѣетъ не только бить, по и ругать.

— Папа, а мы поѣдемъ къ дядѣ? спросила дѣвочка.

Дѣти стали надоѣдать своими вопросами; занять онъ ихъ не умѣлъ, и не зналъ, какъ бы еще приласкать ихъ; но его выручила Дарья Андреевна, крикнувшая изъ окна, что готовъ чай.

Въ столовую Андрей Иванычъ пришелъ въ хорошемъ настроеніи; тамъ сидѣла мамка съ ребенкомъ и Дарья Андреевна; но Марины Осиповны не было. Андрей Иванычъ пошелъ за ней. Она сидитъ у окна и вяжетъ чулокъ.

— Иди чай пить!

— Очень вамъ благодарна за побои.

И она хотѣла заплакать, но не могла.

— Послушай, Маня.

И онъ взялъ ее за руку, и прослезился.

— Послушай: вѣдь я тебя люблю...

— Это видно: пьяница и драчунъ.

— А отъ кого я сдѣлался пьяницей? Припомни-ка, какой я былъ молодецъ десять лѣтъ тому назадъ, а теперь я что̀: я хотя и бодрюсь, а на душѣ у меня кошки скребутъ. Ты говоришь, что я тебя обижаю, а оказывается, что ты меня совсѣмъ прибрала къ рукамъ, дѣлаешь, что̀ хочешь. Ты посмотрѣла бы на домъ, на хозяйство — до чего оно доведено твоимъ управленіемъ? Вонъ въ уѣздномъ судѣ полы сгнили, а гдѣ деньги?

— На вино ушли.

— Врешь! Вина я не покупаю; на себя я почти ничего не трачу, кромѣ табаку. Теперь — какъ у насъ дѣти ростутъ? даже твой и мой любимецъ, Володя, жаловался сегодня, что онъ не ѣлъ. Это только сегодня, а что̀ дѣлается въ другіе дни!... Прислуга вся распущена.

— Придетъ.

— Кому же караулить? Ты даже вонъ и на кухню-то не спустилась. Ну, хорошо ли это? Не правъ ли я?

— Вы всегда правы. А вотъ я вамъ скажу, что я теперь отъ всего отказываюсь: ключи я отдала Дарьѣ Андреевнѣ; пусть она дѣлаетъ, какъ хочетъ.

— Ну, это не резонъ. Я хочу, чтобы ты была хозяйка, чтобы тебя всѣ слушались, но чтобы вездѣ былъ порядокъ, какъ бывало прежде. Ну, пойдемъ же!

— Нѣтъ; оставьте меня. Я пойду къ отцу.

— Этого ты не сдѣлаешь. Я знаю твоего отца: онъ тебя не пуститъ къ себѣ. Ну, не сердись.

И онъ ее обнялъ; она его оттолкнула.

— Ну, какъ знаешь. Я велю принести тебѣ сюда чаю.

— Не нужно.

Онъ ушелъ, и послалъ за ней Владиміра, но тотъ вернулся, и сказалъ, что мамаша плачетъ. Чай пили всѣ молча, даже дѣти рѣзвились какъ-то вяло, будто чувствуя, что у родителей что̀-то не ладно. Но Марина Осиповна не выдержала, пришла̀. Дѣти оживились. Она занялась ими, и, къ удивленію Андрея Иваныча и Дарьи Андреевны, спросила послѣднюю: «какой нынче вышиваютъ самый лучшій узоръ?»

Завязался разговоръ; стали говорить о родныхъ; Марина Осиповна стала третировать жену Осипа Андреича. Однимъ словомъ, вечеръ кончился хотя и натянуто, но благополучно, и послѣ чаю Марина Осиповна позвала Дарью Андреевну въ кухню изготовить какое-нибудь кушанье, обѣщаясь отказать отъ мѣста и кухаркѣ, и дворнику, — съ чѣмъ согласился и Андрей Иванычъ.

ГЛАВА IX.

Два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются.

На другой день Марина Осиповна уже сама распоряжалась чаемъ. Повидимому, она была въ хорошемъ расположеніи духа, и съ Андреемъ Иванычемъ разговаривала, какъ и всегда. Андрей Иванычъ былъ веселъ; Дарья Андреевна чувствовала, что она теперь у себя дома. Разговаривали бо̀льшею частію о монастырѣ, вышиваньяхъ, кушаньяхъ и т. п. Время шло весело. Насчетъ письма не было сказано ни слова; зачѣмъ она пріѣхала сюда, и что̀ будетъ дѣлать? — никто не заикнулся, какъ будто оно такъ и слѣдуетъ ей жить дома, подъ родительской кровлей; о вчерашней ссорѣ отца съ мачихой тоже не было помину, и о ней не зналъ никто. Но изъ обращенія мачихи съ отцомъ и обратно Дарья Андреевна замѣтила, что между ними что̀-то произошло. Оба они говорили другъ другу вѣжливо, во множественномъ числѣ; она была серьёзна, онъ—робокъ. Эта перемѣна Дарью Андреевну удивила: прежде хотя и бывали ссоры между ними, но серьёзенъ былъ отецъ, серьёзенъ до грубости; тогда и Марина Осиповна потрухивала его, и не смѣла ему говорить *вы*, а теперь онъ самъ робокъ, какъ будто боится, и говоритъ ей *вы*. Если же между ними завяжется спорный вопросъ, то отецъ не заключаетъ его словами: «я говорю, что такъ! я побольше твоего знаю!», а уступаетъ: «ну, пусть

по вашему, я спорить дольше не намѣренъ». Съ ней, Дарьей Андреевной, она тоже вѣжлива, даже улыбается, и какъ-то хитро-лукаво глядитъ на нее; но, какъ мачиха, говоритъ ей *ты*.

— Я все, Маня, думаю о томъ, что̀-то о насъ подумываетъ Ипполитъ Аполлонычъ? началъ вдругъ Андрей Иванычъ послѣ чая, прохаживаясь по столовой.

— Чего ему думать? онъ у насъ прожилъ недѣлю, и, кажется, долженъ остаться доволенъ; кажется, мы его, какъ никто, накармливали и ублажали.

— Это такъ. Но вотъ сцена... и такъ неожиданно... проговорилъ нерѣшительно Андрей Иванычъ.

— Ну, стоитъ объ этомъ говорить. Спасибо, что уѣхалъ: ишь все ему подавай заграничныя вина, утокъ, да индѣекъ, зайцевъ! Ужь больно жирно... Я, говоритъ, держу лакея, и мнѣ, говоритъ, въ дорогѣ не совсѣмъ удобно безъ лакея.

— Это онъ, мамаша, вѣроятно, на Кузьму намекаетъ, сказала Дарья Андреевна.

— Какъ такъ? спросилъ Андрей Иванычъ.

— Кузьма сказывалъ, что когда Платоновы уѣзжали въ Петербургъ, то онъ жилъ у дяди за мѣсто лакея.

— Что̀ жь, Кузьма и мнѣ писалъ, что онъ жилъ у брата. А такъ-какъ онъ пользовался квартирой и столомъ, то онъ долженъ же былъ ему что̀-нибудь дѣлать. Родственнику не грѣхъ трубку табакомъ набить, сапоги вычистить.

— Положимъ; но зачѣмъ его, племянника, они кормили остатками въ кухнѣ?

— Ну, этого быть не можетъ!

— А я васъ увѣряю: брату не изъ чего врать.

— А ты видѣла? спросила Марина Осиповна.

— Не видала, но по себѣ сужу. Вѣроятно, потому, что я дѣвушка, поэтому они при гостяхъ часто сажали меня обѣдать за общій столъ, а безъ гостей мы только по праздникамъ вмѣстѣ обѣдали.

— Ну, конечно, братъ поздно приходитъ изъ палаты, а они не хотѣли морить тебя голодомъ. Все-таки я, несмотря на прежнія наши контры, считаю его добрымъ человѣкомъ. Еслибы не онъ, то я бы, пожалуй, не скоро получилъ эту должность.

— Ну, ужь, пожалуйста! Я терпѣть не могу, когда вы хвалите тѣхъ, кто не уважаетъ вашу жену, обзываетъ ее мѣщанкой.

— Развѣ не правда?

— Бываютъ мѣщане почище дворянъ. Вотъ онъ хвалится,

что Кузьму опредѣлитъ прямо помощникомъ, а я думаю, что онъ и за опредѣленіе-то въ писцы сдеретъ съ насъ денежки.

— Не можетъ быть!

— Очень можетъ быть. И я готова повѣрить Дашѣ, что Кузьма точно жилъ у него, какъ лакей.

И Марина Осиповна встала.

Андрей Иванычъ пожалъ плечами, и ушелъ въ кабинетъ, а Дарья Андреевна стала думать: «что̀ это такое сдѣлалось съ мачихой, что она взяла ея, Дарьи Андреевны, сторону?»

Убрали посуду; мамка ушла въ садъ. Пришелъ Никандръ Иванычъ Павловъ, расфранченный, такъ что его нельзя было бы узнать такимъ, какимъ его видѣли читатели два дня тому назадъ: на немъ былъ надѣтъ форменный новый сюртукъ, жилетка, застегнутая на три нижнія пуговицы, за одну изъ которыхъ продернута была бронзовая цѣпочка отъ часовъ; на груди была тонкая манишка, на шеѣ лиловый галстухъ. Его короткіе, рыжіе волосы и такіе же усы были такъ сильно напомажены, что отъ нихъ далеко разило. Но въ лицѣ его было много отталкивающаго.

Хотя ему и было двадцать-восемь лѣтъ, но онъ казался далеко старѣе этихъ лѣтъ, можетъ быть потому, что лицо у него рябое. Каріе его глаза глядѣли какъ-то вяло; носъ широкій, красный, уши большіе, ротъ большой и когда онъ смѣялся, то ротъ растягивался еще на палецъ; лобъ узкій, почему можно было заключать, что въ немъ не очень много ума. Но при всемъ этомъ онъ старался держать себя развязно, только эта развязность была гостинводворская и казалась постороннему человѣку приторною.

— Имѣю честь засвидѣтельствовать свое нижайшее почтеніе! проговорилъ онъ канцелярскомъ акцентомъ, расшаркиваясь направо и налѣво и краснѣя.

Марина Осиповна кивнула ему слегка головой и проговорила:

— Хорошъ, нечего сказать! Отчего вы не были на крестинахъ?

— Нездоровъ былъ-съ, нездоровъ. На рыболовствѣ простудился.

— Полноте врать: теперь весна, а вы простудились.

— Всяко бываетъ. Я на пятнадцатомъ году такъ простудился, что цѣлый мѣсяцъ отлежалъ. А гдѣ Марья Андревна?

— Уѣхала къ брату.

— На долго?

— Не знаю.

Пришелъ Андрей Иванычъ, одѣтый въ форменный сюртукъ.

— А! будущій зятекъ! Нехорошо, нехорошо... Мы такъ прежде не дѣлывали, проговорилъ онъ:—кутили? Ну, скажи по совѣсти.

Павловъ покраснѣлъ.

— То-то вижу по глазамъ. Да не семени! Я говорилъ о тебѣ брату, хотѣлъ похлопотать; только смотри у меня! Вѣдь Маша моя родная. Ты не пойдешь на службу?

— Не знаю... Теперь дѣлать нечего... А что?

— Пожалуйста перепиши мнѣ вѣдомостичку. Родіонко хотя и пришелъ, только у него трясутся руки и я его заставилъ сочинить кое-какія бумаги.

И Андрей Иванычъ ушелъ изъ дому, а женихъ пошелъ въ канцелярію Яковлева, находящуюся въ другомъ отдѣленіи верхняго этажа, гдѣ помѣщался архивъ уѣзднаго суда.

Къ обѣду комнаты приняли надлежащій видъ; на окнахъ, попрежнему, красовались бутыли съ наливкой. Марина Осиповна похаживала изъ комнаты въ комнату съ довольнымъ лицомъ, а Дарья Андреевна была въ дѣтской, гдѣ ребенокъ кричалъ благимъ матомъ.

— Должно быть, Анюта нездорова, говорила она мамкѣ.

— А шутъ ее знаетъ! Отчего ей болѣть-то? говорила флегматически мамка.

Дарья Андреевна стала перебирать въ зыбкѣ бѣлье, которое было мокро. На днѣ ея она нашла рожокъ.

— Это для чего же рожокъ-то?

Мамка покраснѣла, но проговорила смѣло и самоувѣренно:— а для забавы!

— Да развѣ ребенокъ шести недѣль понимаетъ что нибудь?

— А вы нѣшто рожали сами дѣтей! Что вы въ самомъ-то дѣлѣ пристали ко мнѣ! Что вы за распорядитель такой! уже начала кричать мамка.

— Что такое? спросила Марина Осиповна, войдя въ дѣтскую.

— Мамаша, я нашла въ зыбкѣ рожокъ и спросила ее, для чего онъ; она говоритъ: для забавы ребенку... и она разсмѣялась.

— Ну, такъ что-же? съ неудовольствіемъ спросила Марина Осиповна.

Этотъ вопросъ удивилъ Дарью Андреевну.

— Я думаю, что мамка кормитъ ребенка не грудью, а изъ рожка.

— Барыня!.. Что же это такое?.. Да я сейчасъ отойду отъ васъ... Для чего я мамка, чтобы не кормить ребенка грудью...

Я не потерплю такой напраслины... проговорила слезливымъ голосомъ мамка.

— Не въ свое дѣло вы, милостивая государыня, вмѣшиваетесь. Нужно увидать на дѣлѣ, а ужь потомъ заводить дрязги, сказала Марина Осиповна съ неудовольствіемъ Дарьѣ Андреевнѣ.

Дарья Андреевна не стала возражать и ушла въ огородъ, чувствуя, что ее какъ будто облило горячей водой.

«Въ самомъ дѣлѣ», думала она: «къ чему мнѣ вмѣшиваться? Видно, что мачихѣ надоѣли дѣти; видно, что она эту дѣвочку не любитъ. Умретъ Анюта, меньше будетъ обузы. Но зачѣмъ же она не говоритъ этого прямо?»

Въ огородъ вошелъ сторожъ Николай.

— Что это стряслось съ вашей мачихой: сколько времени она не бывала въ дѣтской и вдругъ теперь такой тамъ подняла гвалтъ — бѣда! Наши судейскіе всѣ на крыльцо выскочили. Кухарка выскочила, говоритъ, что барыня мамку по щекамъ бьетъ. Что это случилось съ ней?

— Не знаю.

— Хоть бы вы уняли ее, а то срамъ — кричитъ на весь домъ.

— Не мое дѣло.

Черезъ часъ Дарья Андреевна пошла домой. Писцовъ на крыльцѣ было человѣкъ пять; они хихикали, но крику не было слышно. Когда Дарья Андреевна пришла на верхъ, то Марина Осиповна подошла къ ней съ раскраснѣвшимся лицомъ, держа въ рукахъ ребенка.

— Твоя правда, Даша! Мамка оказалась такая воровка — не приведи Богъ: представь — я нашла у ней два моихъ носовыхъ платка, пару чулокъ и восемь сигаръ...

— Гм...

— Я ее отправила съ дворникомъ въ полицію. Спасибо, что ты мнѣ сказала о рожкѣ, а то она заморила бы ребенка. Придется нанять другую мамку. Онѣ вышли въ спальную.

— Можно, я думаю, и изъ рожка кормить; вѣдь у нашихъ коровъ хорошее молоко.

— Но кто будетъ водиться: мнѣ некогда, да и не могу же я жить внизу. Ахъ бѣда!

— Я буду водиться.

— Ну, полно, Даша! Ты дѣвушка молодая, въ этомъ дѣлѣ неопытная. Что люди подумаютъ — когда ты станешь нянчиться съ ребенкомъ? Другое дѣло, еслибы ты сама имѣла своихъ дѣтей...

— Какой у васъ, мамаша, взглядъ на это странный. Вѣдь вы

сами хорошо знаете, что какъ у мѣщанъ, такъ и у чиновниковъ дѣвушки на возрастѣ постоянно водятся съ ребятами, особенно съ такими маленькими...

— Но что-жъ это за люди? Да и опять... опять ты же... какъ тебѣ сказать, непривычна къ этому.

— А если мнѣ придется быть замужемъ? смѣясь сказала Дарья Андреевна.—Тогда у меня у самой могутъ быть дѣти, а я, никогда не водившись съ дѣтьми, и не съумѣю, какъ взяться.

Марина Осиповна ничего не сказала. Обѣ молчали нѣсколько минутъ.

— Вотъ что, Даша, я схожу въ новую слободку къ бабкѣ Корниловой; она мнѣ дастъ свою дочь — эта дѣвочка смирная. А ты посмотри за ней.

— Зачѣмъ же вамъ ходить — я схожу: я Корнилову знаю.

— Нѣтъ, ужь я сама. И она, положивши спящаго ребенка на кровать, стала одѣваться.

Къ вечеру пришла дѣвочка Настя, годовъ 13, рябоватая, робкая до того, что если ее спрашивали немного повышая голосъ, то она вздрагивала. Марина Осиповна предоставила ей ребенка, котораго она должна была кормить, пеленать и улюлюкивать. Въ провинціи, особенно въ Ильинскѣ, если находятъ, что для ребенка не стоитъ нанимать мамку или для этого нѣтъ средствъ, то нанимаютъ какую нибудь дѣвочку за рубль. Но такія дѣвочки только первые дни хорошо ухаживаютъ за ребятами, а потомъ возня съ ребенкомъ доводитъ ихъ до изнеможенія и ребенокъ надоѣдаетъ. Поэтому, хотя Марина Осиповна и наблюдала за дѣвочкой нянькой, но на четвертыя сутки ребенокъ все-таки умеръ.

Мать, по обыкновенію, плакала; похороны были богатые, на нихъ была вся родня, и, по обыкновенію, обѣдъ.

Въ обращеніи Марины Осиповны съ Дарьей Андреевной ничего не замѣчалось худого: все шло какъ слѣдуетъ. Жизнь въ домѣ тоже шла попрежнему: вставали рано и сбирались въ залъ, гдѣ Андрей Иванычъ, какъ патріархъ семейства, читалъ молитвы, послѣ коихъ дѣти поздравляли родителей съ добрымъ утромъ, потомъ начинался день. Самъ Андрей Иванычъ или занимался со своимъ письмоводителемъ въ канцеляріи или уходили покалякать въ казначейство или къ почтмейстеру; Марина Осиповна смотрѣла за огородомъ или что нибудь вышивала, а Дарья Андреевна учила Владиміра грамотѣ. Андрей Иванычъ не пьянствовалъ, былъ веселъ, шутилъ; часто къ нимъ сбирались гости, которые переливали изъ пустого въ порожнее, играли въ карты по

самой маленькой и потомъ въ концѣ-концовъ напивались до того, что уходили домой — пьяные. Такъ шло недѣли двѣ... Житье было, что называется, умирать не надо. Почти каждый день ходилъ Павловъ, но его невѣста и не думала пріѣзжать. Но вотъ Марина Осиповна стала уходить изъ дому почти каждый день. Уйдетъ утромъ когда съ дѣтьми, а когда и безъ дѣтей, и воротится къ вечеру навеселѣ. Самъ Андрей Иванычъ не обращалъ на это вниманія, но Дарью Андреевну брало безпокойство. Наконецъ на пятыя сутки она и почевать не воротилась. Утромъ Андрей Иванычъ послалъ дворника къ Зиновьеву справиться: что̀ сдѣлалось съ женой, но тотъ пришелъ выпивши.

— Странно. Надо сходить туда.

Пришелъ онъ отъ Зиновьева блѣдный и, не раздѣваясь и не говоря ни слова, сталъ ходить по комнатѣ.

— Что съ вами, папаша? спросила съ безпокойствомъ Дарья Андреевна.

— Ничего... такъ... не твое дѣло.

— Мама здорова ли?

— Здорова.

— Что-жъ она нейдетъ сюда?

— Придетъ завтра... Ха-ха-ха! Достань-ка бутылочку водки!

— Полно вамъ, папаша. Успокойтесь. Мамаша, можетъ быть, придетъ сегодня: вѣдь она хозяйка въ домѣ; вѣдь я здѣсь одна и безъ нея ничего не знаю.

— Хозяйка! Ха-ха! Хороша хозяйка, коли изъ дому бѣгаетъ. Принеси водки.

— Ключи у мамаши.

— А-а! И ключи унесла! И онъ пошелъ въ кухню.

Тамъ Трифонъ угощалъ своихъ друзей изъ новой слободки. На столѣ стоялъ шипящій самоваръ, чашки, графинъ съ водкой, тарелка съ огурцами; а на шесткѣ и треножникѣ стояла кострюлька, подъ которою былъ разведенъ огонь. Самъ Трифонъ суетился около печки, а гости — двое мѣщанъ — одинъ съ русыми длинными волосами и сѣрами глазами, карявый, сидѣлъ въ ситцевой палеваго цвѣта рубахѣ у окна и пилъ чай, другой съ черными остриженными подъ гребенку волосами, сидѣлъ въ рваномъ пальто на лавкѣ и своими манерами походилъ скорѣе на фабричнаго, чѣмъ на мѣщанина; онъ держалъ въ рукахъ огурецъ. Кухарка спала на лавкѣ, ближе къ двери.

— Ты говоришь: въ воду? спросилъ съ улыбкой гость въ рубахѣ гостя въ пальто.

— Конечно. Ночью поймать, заткнуть ротъ, привязать къ

горлу веревку съ камнемъ и въ воду, прямо съ пароходной пристани! говорилъ гость въ пальто.

— Ну, это, Степанъ Гаврилычъ, плохо. Это уголовщиной пахнетъ, замѣтилъ Трифонъ.

— Ты, пожалуйста, не защищай. Знаемъ мы васъ!

— Ты думаешь, что я живу у виннаго пристава, такъ я ужь и бариномъ сталъ? Ошибаешься, другъ, обидѣлся Трифонъ.

— Это и видно — вонъ пузо-то какое! Это ужь рѣшено — въ воду Зиновьева, и баста.

— Полно, другъ, языкъ мозолить! Право, еслибы кто теперь послушалъ тебя, то подумалъ бы, что ты сумасшедшій...

— Поди ты къ чорту! Разѣ мнѣ не обидно, что меня прогнали отъ рѣки и поселили вонъ на какомъ мѣстѣ? «Извольте, говорятъ, жить, вотъ вамъ по десятинѣ на душу даромъ, — трава, сѣно будетъ...» А сами же своихъ коровъ на наши поля посылаютъ. Никогда мнѣ не забыть, какъ этотъ Оська обсчиталъ меня. Сколько, говоритъ, у тебя, Степа... слышь: Степа!.. сукинъ сынъ!! сколько, говоритъ, у тебя сѣна? Столько-то говорю. Ну, говоритъ, у тебя одна корова, продай половину. Думаю, отчего не продать? А онъ и задатку далъ. Ну, ладно, привезъ ему. Подожди, говоритъ; деньги крупныя. Прихожу нынче. «Твое говоритъ сѣно гнилое, — возьми его назадъ; въ той, въ лѣвой, говоритъ, половинѣ сарая...

— Ты ужь это въ который разъ разсказываешь? А ты чѣмъ языкомъ-то чесать, обратился бы къ Мирону Иванову; онъ мужикъ добрый, посовѣтовалъ Трифонъ.

— Къ дармоѣду-то? Околѣю — не пойду. Онъ нужды нѣтъ, что языкомъ чешетъ и богатыхъ людей ругаетъ, только это пыль одна: коснись до дѣла, онъ и спрячется. Разѣ онъ чувствуетъ мою нужду? Онъ сытъ. Мы вотъ когда ѣдимъ мясо-то, а онъ въ субботу покупаетъ его фунтовъ по пятьнадцати — значитъ, у него щи каждый день. Нѣтъ, онъ мерзавецъ. Это все равно, что обращаться къ твоему барину.

— Мой баринъ славный человѣкъ, только вотъ съ женой у нихъ неладно что-то.

— Туда и дорога!

— А что? спросилъ гость въ рубашкѣ.

Въ кухню вошелъ Андрей Иванычъ. Гости привстали, а Трифонъ попрежнему возился около печи и мѣшалъ деревянной ложкой въ кострюлькѣ.

— А, Сильяновъ? Ну, что, какъ твой покосъ?

— Что покосъ — оттягали. Знамо зажиточному человѣку больше надо. А тутъ вотъ и хлѣба-то купить не на что.

— Что и говорить! Нынче все дороже стало. Да вы сядьте. Андрей Иванычъ сѣлъ и закурилъ трубку. — Вотъ нынче и мясо, и хлѣбъ и крупа — все подорожало.

— А отчего? Кабы господа дворяна не давали потачки барышникамъ — все бы по старому было. Знамо — сытый голоднаго не разумѣетъ.

— Ну, ты все объ дороговизнѣ; будто ужь тебѣ и совсѣмъ нечего жрать: вѣдь твоя-то Офимья поди отъ молока гривенъ пять въ сутки-то выручитъ, проговорилъ Трифонъ.

— Нечего на жену указывать: у жены дѣти. Да вотъ теперь я долженъ даже сѣно покупать. Вотъ они какія дѣла-то!

— Да, годъ отъ году все хуже... А ты, Трифонъ, запряги-ко лошадь, сказалъ Андрей Иванычъ.

— Куда это опять ночью? сказалъ Трифонъ съ неудовольствіемъ.

— Хочу въ Никольское съѣздить.

Трифонъ посмотрѣлъ на Андрея Иваныча подозрительно.

— Охота вамъ — за семь верстъ киселя ѣсть.

— Все равно; оно, положимъ, десять верстъ, все-таки я хочу съѣздить: голова что-то болитъ.

— Мнѣ все едино... Лошадь не моя; заморили ужь и такъ. Только вотъ мы поужинаемъ. Не хотите ли, баринъ, попробовать водки — въ подвалѣ бралъ: такая скверная.

— Скверная! А ты бы мнѣ сказалъ, — я бы тебѣ выдалъ... Въ самомъ дѣлѣ, я давно не пробовалъ водки изъ городскихъ кабаковъ. Онъ налилъ въ рюмку, выпилъ, — водка оказалась настоящая, хорошая.

— Нѣтъ, водка ничего; все равно какъ у меня... Такъ ты пожалуйста поскорѣе запрягай. И онъ вышелъ. Поднимаясь къ верху, онъ ворчалъ:

— Каналья! укралъ у меня, да и говоритъ, что купилъ. А развяжусь же я съ нимъ — вотъ только продамъ лошадь. Ужь я ли не запанибрата съ нимъ, а онъ меня обворовываетъ и женѣ моей помогаетъ...

Какъ только вышелъ изъ кухни Андрей Иванычъ, Трифонъ долго хохоталъ.

— Каково я его провелъ!.. Мнѣ стоитъ только въ погребъ сходить, — тамъ водки и винъ всякихъ пей не хочу. У меня даже и ключъ есть поддѣльный. А теперь стоитъ только слово сказать: отпустите водки — сейчасъ ерлыкъ дастъ.

— Куда это онъ хочетъ ѣхать?

— Ну, ужь это секретъ. И Трифонъ задумчиво сталъ смотрѣть въ печь.

Скоро послѣ этого проснулась кухарка и въ кухнѣ начался ужинъ, а въ десять часовъ Андрей Иванычъ, къ удивленію Дарьи Андреевны, уѣхалъ на линейкѣ изъ дому. Дарьѣ Андреевнѣ, на ея разспросы: куда онъ ѣдетъ, онъ сказалъ только: по дѣламъ.

Раньше было замѣчено, что Марина Осиповна была женщина капризная, самолюбивая и горда тѣмъ, что отецъ у нея человѣкъ богатый, что она не любила дѣтей Андрея Иваныча, въ особенности Дарью Андреевну. Къ этому нужно еще прибавить то, что Марина Осиповна была женщина хитрая. Воспитанная помѣщански, всегда сытая, одѣтая, выросшая въ нѣгѣ такъ, что Осипъ Флорычъ никогда даже не дотрогивался до нея пальцемъ, изъ-за нея онъ часто прогонялъ безъ разбору прикащиковъ и исполнялъ малѣйшіе ея капризы, — она думала, что жизнь ея въ замужествѣ будетъ хорошая, что въ ней она не встрѣтитъ ни сучка и ни задоринки. Когда она была еще невѣстой — дѣвицей, слывшей въ купеческомъ кругу за красавицу, за умную и бойкую, многіе подсылали къ ея родителямъ свахъ, но всѣ эти женихи, хотя и были молоды и красивы, оставались, что называется, съ носомъ, потому что въ каждомъ она находила какой нибудь недостатокъ, каждаго она третировала по своему, каждый былъ почему нибудь да противенъ ей. Она знала, какова мѣщанская и купеческая жизнь, въ которой мужъ бываетъ ангеломъ только первый мѣсяцъ, а потомъ дѣлается хуже чорта. Сватались за нее и чиновники, но тутъ уже возставалъ отецъ, потому что чиновники-то сватались ради денегъ, которыя прокутить очень немудрено и въ одинъ годъ, да и сама Марина Осиповна презирала мелкихъ чиновниковъ. Ей хотѣлось человѣка значительнаго, богатаго, кроткаго, чтобы быть полновластною госпожею въ домѣ. И вотъ выборъ ея палъ на Андрея Иваныча. Онъ слылъ за богача, человѣка въ высшей степени кроткаго, богомольнаго, такого человѣка, котораго не только всѣ въ городѣ уважали, но даже боялись. Такого дѣльца не было ни въ одномъ присутственномъ мѣстѣ Ильинска. Правда, онъ былъ уже не молодъ, и хотя одѣвался всегда хорошо— все-таки не могъ вскружить голову гордой дѣвушки, но она его не отталкивала, а на его любезности отвѣчала шутками или кокетствомъ и этимъ болѣе и болѣе разслабляла страстную натуру Андрея Иваныча. Онъ влюбился въ нее до безумія еще за годъ до смерти жены, такъ что рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы онъ не навѣщалъ семейство Зиновьева, не обращая

вниманія на городскія сплетни, косые взгляды родныхъ и увеличивающуюся съ каждымъ днемъ грусть и чахотку его жены. Со стороны говорили, что хитрая Маринка непремѣнно дала ему выпить какой нибудь травы; но Марина Осиповна, слушая эти толки, только улыбалась; ей было все равно, что̀ бы ни говорили люди; она не чувствовала любви къ страстному стряпчему, но ей хотѣлось быть его женой для того, чтобы быть чиновницей: вѣдь она понимала, что изъ стряпчаго очень легко можно сдѣлаться засѣдателемъ, судьей или кѣмъ нибудь въ губернскомъ городѣ. Дѣти ее не пугали: она еще до замужества придумала средства взять ихъ въ руки. И вотъ она вышла замужъ за стряпчаго. Стряпчій оказался не такъ-то простоватъ, какимъ онъ ей казался до этихъ поръ. Правда, онъ былъ уступчивъ и съ этой стороны она забрала его въ руки, но онъ любилъ во всемъ порядокъ, исправность и справедливость. Ужь если онъ сказалъ, чтобы всѣ вставали въ одно время, пили чай въ такомъ-то часу, обѣдали ровно въ часъ — то такъ и должно быть; если онъ ляжетъ спать послѣ обѣда, то тутъ хоть самъ ангелъ приди — не смѣть тревожить его. Такой настойчивости не ожидала Марина Осиповна въ Андреѣ Ивановичѣ и переломить ее не могла нѣсколько лѣтъ и часто плакала, упрекая себя въ томъ, что вышла за такого варвара, который не во всемъ ее слушается. За то весь деспотизмъ она обратила на дѣтей Андрея Иваныча и довела его до того, что они слушались ее во всемъ и дѣлали все, какъ ей хотѣлось. Но не всѣ дѣти Андрея Иваныча подчинились ея деспотизму: Дарья Андреевна не хотѣла слушаться, и въ теченіе года она замѣтила, что сторону этой дѣвчонки держитъ самъ Андрей Иванычъ, который любитъ ее несравненно больше ея, Марины Осиповны. Она крѣпко невзлюбила Дарью Андреевну; но такъ-какъ она была женщина довольно религіозная, прочитавшая много книгъ духовнаго содержанія, то рѣшилась покориться участи замужней женщины до конца. Она вела себя такъ, что въ домѣ все было хорошо: Андрей Иванычъ ее любилъ и, какъ говорится, души въ ней не чаялъ, дѣти, кромѣ Дарьи Андреевны, были привязаны къ ней, потому что она ихъ не обижала; со стороны казалось, что такой согласной и мирной жизни трудно и сыскать. Но вотъ Андрея Иваныча смѣстили съ должности, сталъ онъ продавать лишніе экипажи и лошадей; такой роскоши, какая была прежде, уже не стало; онъ сдѣлался неразговорчивъ, угрюмъ, малѣйшая непріятность безпокоила его, сталъ онъ пить. Тогда Марина Осиповна окончательно забрала его въ руки, и забрала для того, чтобы на случай его смерти обез-

печить себя и поставила-таки на своемъ — стурила своего непримиримаго врага въ монастырь. Этотъ годъ она блаженствовала: все дѣлалось по ея волѣ; одно только она не препятство вала своему мужу — это пить водку.

Какова же, стало быть, ея досада, когда ея врагъ—Дарья Андреевна, безъ позволенія даже отца вернулась изъ монастыря домой; мало этого, она затѣяла ссору въ домѣ; изъ-за нея она, Марина Осиповна, просила прощенія у Ипполита Аполлоновича, изъ-за нея, ее, Марину Осиповну, Андрей Иванычъ прибилъ чубукомъ!.. Боже мой! Да можетъ ли она послѣ этого жить подъ одной крышей съ этимъ врагомъ? Она даже спать не можетъ въ домѣ Андрея Иваныча. Только что она начнетъ засыпать, то ей представляется это ненавистное лицо, ей слышится какой-то шорохъ. Все пропало! власть надъ семействомъ, верхъ надъ мужемъ; съ пріѣздомъ падчерицы она въ домѣ стала чужая; мужъ предпочитаетъ ей дочь, которая распоряжается и за самоваромъ, и въ кухнѣ, и въ погребу, и въ огородѣ, и въ дѣтской, и даже учитъ ея милаго сына грамотѣ, она, эта богоотступница, именно богоотступница, потому что какъ она живетъ, въ оба воскресенья не бывала въ церкви, да и дома за общими молитвами едва-едва перекрестится раза два. Къ концу этихъ двухъ недѣль Марина Осиповна сдѣлалась до того подозрительна и жизнь ея въ домѣ Андрея Иваныча до того стала невыносимою, что она рѣшилась уйти изъ дому: не для того, чтобы окончательно разойтись съ Андреемъ Иванычемъ — нѣтъ, она этой мысли не могла допустить — а для того, чтобъ выжить изъ дому Дарью Андреевну. И она ушла, подъ видомъ ухаживанья за заболѣвшимъ отцомъ, въ родительскій домъ.

Въ самомъ же дѣлѣ, когда Андрей Иванычъ пришелъ къ Зиновьеву, Зиновьевъ сбирался ѣхать къ дочери — женѣ священника въ село Никольское, куда сбиралась и Марина Осиповна съ дѣтьми.

— Что же это такое, Марина Осиповна, ты ушла изъ дома и нейдешь? началъ Андрей Иванычъ по приходѣ въ Зиновьеву.

— Что же мнѣ тамъ дѣлать? Вѣдь у васъ есть Дарья Андреевна, отвѣтила Марина Осиповна обиженнымъ голосомъ.

— А ты бы ее Андрюха къ стѣнѣ привязалъ, штобы не бѣгала, сказалъ смѣясь Осипъ Флорычъ.

— Я за тобой пришелъ, пойдемъ.

— Очень вамъ благодарна. Я ѣду къ сестрѣ и пробуду тамъ съ недѣлю.

— Плохой-же, братъ, ты мужъ. Поколотилъ бы хорошенько чу-

букомъ, не смѣла бы ѣхать, проговорилъ опять со смѣхомъ Зиновьевъ.

— Да ужь и такъ бита-съ, сказала съ сарказмомъ Марина Осиповна.

— Э-э!... Поздравляю зятекъ—не ожидалъ, сказалъ Зиновьевъ такъ, что у Андрея Иваныча по кожѣ точно мурашки забѣгали.

Въ село онъ не поѣхалъ, а поѣхалъ къ исправнику, въ окнахъ котораго увидалъ большое освѣщеніе. Тамъ была вся городская аристократія, играли въ карты. Андрей Иванычъ тоже сѣлъ играть; ему не везло. Домой онъ пріѣхалъ уже въ третьемъ часу утра.

Между тѣмъ Дарья Андреевна, узнавши отъ вернувшагося Трифона, гдѣ отецъ, долго сидѣла въ своей комнатѣ за работой, поджидая отца. Ей было скучно, и грустно и страшно; комнатъ много, а она одна въ нихъ; чуть гдѣ нибудь тараканы зашевелятъ бумагой, ей кажется, что идутъ воры; мышь заскребется подъ комодомъ — кажется, кто въ окно лѣзетъ.

«Да, думала она: теперь я все поняла: мачиха бѣгаетъ отъ меня. Надо мнѣ уйдти отсюда. Надо убѣдить отца, что-бы онъ отпустилъ меня на всѣ четыре стороны.»

Пришелъ отецъ, но онъ, что называется, и лыка не вязалъ, а какъ только вошелъ въ свой кабинетъ, грохнулся на диванъ въ вицъ-мундирѣ, такъ и заснулъ. Много было ей возни, чтобы снять съ него его облаченіе и уложить какъ слѣдуетъ.

Утромъ за чаемъ Андрей Иванычъ былъ сумраченъ. И бѣгство жены, и проигрышъ въ карты, и хмѣль въ головѣ—все мучило его.

— Папаша, отпустите меня... начала робко Дарья Андреевна.

— Куда?

— Да хоть въ Егорьевскъ.

— Зачѣмъ? Опять старыя сказки! О, будьте вы... Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Папаша, я понимаю, что мамаша потому нейдетъ домой, что я здѣсь. Извѣстно, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются, такъ и наше дѣло. Я не считаю себя медвѣдемъ, но вѣрно мамашѣ угодно меня считать имъ.

Отецъ молчалъ.

— Мамаша, вы знаете, меня не любитъ...

— Сама виновата!... И отчего это она только тебя одну не любитъ? А оттого, что ты слишкомъ заносчива, самоувѣренна, фанаберіи разной гдѣ-то набралась, непочтительна къ старшимъ... Иди! ну иди!! Хоть къ чорту!... А я тебѣ благословенія не дамъ... Гинь какъ червь, я тебѣ не дамъ помощи.

— Папаша, я для вашего же спокойствія прошу отпустить меня, проговорила Дарья Андреевна со слезами.

— Что мнѣ спокойствіе; когда я уже, можетъ быть, одной ногой въ гробу стою! Вамъ вѣдь не жалко отца. Онъ сѣлъ въ изнеможеніи на стулъ.

Съ полчаса длилось молчаніе, прерываемое плачемъ Дарьи Андреевны.

— Хорошо, я тебя, Дарья, отпущу къ отцу Сергію. Какъ только жена пріѣдетъ изъ Никольскаго, ты и ступай къ нему; вмѣстѣ пойдемъ. А до тѣхъ поръ ты нужна въ домѣ. Она черезъ недѣлю хотѣла вернуться. Согласна?

— Согласна.

Андрей Иванычъ ушелъ.

Ѳ. Рѣшетниковъ.

ЕСТЕСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ УСЛОВІЯ

умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа.

II.

Какъ въ сферѣ внѣшней, физической природы, вслѣдствіе общей медленности распространенія возбужденій по нервамъ, въ силу психологическаго закона, усиливающаго возбуждаемость ощущеній и идей, пропорціонально усиленію или наибольшему напряженію впечатлѣній,—только новыя и неожиданно поразительныя впечатлѣнія природы дѣйствовали возбудительно на нервную систему русскаго народа, — эти только впечатлѣнія, наконецъ, посредствомъ возбужденія чувства удивленія чудесамъ природы, возбудили первые зачатки естествопознавательной пытливости. Точно также, далѣе, и въ сферѣ человѣческой природы, въ мірѣ антропологическомъ или этнологическомъ, въ силу того же закона, только наиболѣе сильныя и поразительныя впечатлѣнія этническія могли возбудительно импульсировать пассивную и слабо-возбуждаемую нервно-мозговую воспріимчивость и впечатлительность русскаго народа, и такимъ образомъ возбудить ее къ живому, энергическому воспріятію и усвоенію всѣхъ высшихъ, умственно-возбудительныхъ и цивилизующихъ импульсовъ наиболѣе развитаго физическаго и умственнаго антропологическаго типа. И только подобное возбужденіе и генеративно-послѣдовательное развитіе, черезъ цѣлый рядъ передовыхъ народныхъ поколѣній, этой живой, возбужденно-энергической воспріимчивости и впечатлительности къ наиболѣе поразительнымъ, новымъ и высшимъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ качествамъ того или другаго высшаго антропологическаго типа, только эти-то качества народной нервной воспріимчивости и могли обусловить, физіолого-

психологическимъ путемъ, между прочимъ, и появленіе такого генія, какъ геній Петра-Великаго. Разсмотримъ же здѣсь, въ короткихъ чертахъ, какія именно этнологическія впечатлѣнія дѣйствовали на нервную систему русскаго народа, и какія изъ нихъ оказались наиболѣе сильными, наиболѣе умственно-возбудительными и прогрессивными, и какимъ образомъ обусловилось появленіе генія Петра-Великаго и т. д.

На низшей, первобытной степени умственнаго развитія, всѣ новыя, неожиданно-поразительныя этническія впечатлѣнія, такъ же, какъ и впечатлѣнія физическія, вслѣдствіе самой своей неожиданной поразительности, новости и непривычности для нервовъ чувствъ, производили на нервную систему нашихъ предковъ ужасное, потрясающее впечатлѣніе, которое усиливалось еще преобладаніемъ первоначальной взаимной враждебности, кровожадности, хищничества и постоянныхъ набѣжническихъ войнъ варварскихъ народовъ. Тогда только тѣ народы и производили всего больше впечатлѣнія, которые появлялись съ фуроромъ, внезапно, неожиданно, были до того вовсе неизвѣстны и, особенно, если отличились какими-нибудь страшными, отталкивающими качествами. Вслѣдствіе этого первоначальнаго впечатлѣнія и воззрѣнія, еще въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ чуждые, неизвѣстные народы въ глазахъ русскаго народа казались какими-то пугалами, страшилищами или чудовищами, и представлялись въ безобразныхъ, отвратительныхъ и страшныхъ образахъ. Напримѣръ, еще въ Азбуковникахъ XVII вѣка о чуждыхъ и неизвѣстныхъ народахъ сообщались такія чудовищныя представленія: «въ анафистѣ, пустомъ лѣсу, живутъ дикіе люди, имущіе въ высоту 24 локтя и шею долгу». Или: «Охлаты есть дикіе люди, еже есть косматцы, понеже есть круглы, косматы и черны, обличія имущи львовы» [1]. Изъ того же источника проистекали разсказы про народы «Песьи-Головы» и т. п. Вслѣдствіе такого же первоначальнаго впечатлѣнія, когда славяне, переселяясь съ Дуная на берега Днѣпра и Волхова и распространяясь далѣе, впервые увидѣли чуждыя, незнакомыя имъ и невзрачныя племена финскія, они на первыхъ порахъ поражались изумленіемъ, съ чувствомъ внутренней непріязни «чудились» этимъ чуждымъ и неблагообразнымъ народамъ, и вслѣдствіе такого чувства прозвали эти народы: *чюдь*, *чудище-идолище*, *чюдь-бѣлоглазая*, *чюдь-сыроядцы*, *смерды*, то-есть гадкіе, скверные и т. п. Потомъ, когда неожиданно нахлынули на русскую землю татары, и они произвели также паническій страхъ въ

[1] Азбуковники. Рукоп. Солов. библ.

русскомъ народѣ, и это ужасное, потрясающее впечатлѣніе отразилось въ лѣтописяхъ самымъ мрачнымъ выраженіемъ панического ужаса и унынія, и сопровождалось сильнымъ возбужденіемъ чувствъ мистическихъ, духа аскетизма и молитвеннаго настроенія. Въ народной поэзіи, по первоначальному страшному впечатлѣнію, татарскій народъ прозванъ былъ «*змѣемъ-тугариномъ*». Но проходили вѣка въ ближайшемъ сожительствѣ, сообщеніи и торгово-промышленномъ обмѣнѣ вещей и понятій, и нервная организація русскаго народа мало-по-малу привыкла къ воспріятію впечатлѣній, какія на нее производили разныя финскія и тюрко-татарскія племена. При ближайшемъ ознакомленіи съ восточно-азіатскими народами, въ грубомъ, неразвитомъ типѣ ихъ не оказывалось никакихъ особенныхъ, обаятельныхъ качествъ, которыя бы могли возбудительно воздѣйствовать на дремлющую, неразвитую и слабо-воспріимчивую нервную организацію сѣверныхъ славянскихъ племенъ. Много бы значило въ судьбѣ сѣверныхъ славянъ, сильный пробуждающій толчокъ далъ бы ихъ нервной организаціи, еслибы, переселившись съ Дуная на сѣверъ, они сразу натолкнулись на сильныя, умственно-возбудительныя этническія впечатлѣнія. Но что̀ они встрѣтили? Они поселялись на сѣверо-востокѣ Европы, среди такихъ племенъ, которыя никакъ не могли произвести на ихъ нервную воспріимчивость, съ самаго начала, никакого сильнаго впечатлѣнія, а тѣмъ болѣе не могли произвести впечатлѣнія умственно-возбудительнаго, потому что представляли крайне низкую степень умственнаго развитія. Къ какому бы племени ни принадлежало московское курганное племя, въ средѣ котораго по преимуществу зарождался эмбріональный зачатокъ велико-русскаго народа и московскаго государства, во всякомъ случаѣ краніологическое развитіе этого племени не обнаруживаетъ ничего такого, что̀ могло бы особенно впечатлительно или особенно умственно-возбудительно подѣйствовать на нервно-мозговую воспріимчивость славянскаго племени съ самаго начала ихъ исторіи. Профессоръ анатоміи, г. Богдановъ, въ своемъ краніологическомъ изслѣдованіи московскаго курганнаго племени, сообщаетъ такіе общіе выводы о черепахъ этого племени: «Курганный черепъ Московской губерніи, если смотрѣть на него сверху или сбоку, представляется довольно длиннымъ и узкимъ. Norma verticalis по бо̀льшей части эллиптическая или удлиненно-яйцеобразная. Черепъ со стороны нѣсколько сжатъ и мало расширяется у теменныхъ бугровъ, которые вообще мало развиты. Незначительнымъ развитіемъ отличаются также Tubera frontalia, и лобная кость, постепенно закругляясь, переходитъ

въ высокое темя. Сжатость черепа съ боковъ часто сопровождается тѣмъ, что на серединѣ темени сводъ черепа крышеобразно приподнятъ... Особенно замѣчательно у курганнаго племени это сильное развитіе затылочной части черепа, выдающейся иногда очень значительно назадъ. Эта характеристическая форма затылка — узкость и длина черепа — составляетъ главныя особенности курганнаго племени. Черепа представляютъ сходство, и сходство довольно большое съ нѣкоторыми слѣпками съ череповъ каменнаго вѣка и басковъ. Типическій черепъ нашего курганнаго племени есть субъ-долихоцефалическій. Еще особенность череповъ та, что у мужчинъ сильно развита наклонность къ прогнатизму, женскіе черепа болѣе ортогнатичны. Наименьшій лицевой уголъ, найденный на мужскомъ черепѣ, есть 70°, тогда какъ на женскомъ 74°... У мужскихъ череповъ подносная точка стремится выдаться впередъ, а основаніе черепа, то-есть сумма тѣлъ черепныхъ позвонковъ, удлинниться. Челюсть начинаетъ особенно выдаваться отъ подносной точки у значительнаго числа череповъ, такъ что отсюда и личный уголъ выходитъ несравненно меньшій и выдается значительно бо̀льшій прогнатизмъ. Вообще, племя отличалось низкимъ лбомъ, и мужчины были особенно не презентабельны съ своими выдавшимися прогнатическими челюстями и зубами» [1]. Такое племя, у котораго развитіе задней затылочной части черепа сильно преобладало надъ развитіемъ передней, лобной части, и которое, вообще, характеризовалось значительнымъ развитіемъ прогнатизма и долихоцефализма и проч., такое племя, очевидно, физіологически неспособно было произвести на нервную организацію славяно-русскаго народа такого могущественнаго импульсирующаго впечатлѣнія, чтобы возбудить его къ исторической умственной дѣятельности. Точно также и въ историческія времена всѣ финскія племена и даже наиболѣе даровитыя племена татарскія не представляли никакихъ особенныхъ, обаятельно-поразительныхъ качествъ, которыя могли бы особенно впечатлительно и возбудительно повліять на нервную воспріимчивость славяно-русскаго народа. Напротивъ, славянорусское племя, присмотрѣвшись ближе ко всѣмъ этимъ азіатскимъ племенамъ, скоро почувствовало свое физическое и умственное преимущество передъ ними. Юрій Крыжаничь писалъ въ XVII вѣкѣ: «Въ отношеніи сосѣднихъ азіатскихъ народовъ мы себя держимъ надменно и презрительно отъ того, что само-

---

[1] Натурал. 1866 № 15 и 16, стр. 233 — 235: «Курганное племя Московской губерніи», изслѣд. професс. анатоміи г. Богданова.

ѣды, остяки и калмыки, сравнительно съ нами, кажутся грубыми, нечеловѣчными (нелюдскими) или варварами» [1]. Вслѣдствіе такого преимущества, скорѣе само славяно-русское племя производило наиболѣе сильное впечатлѣніе на азіатскія племена, чѣмъ послѣднія на него, и затѣмъ, путемъ физіологическаго смѣшенія съ ними, болѣе передавало имъ свой типъ, физическій и умственный, чѣмъ само усвояло ихъ типъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе постепеннаго, географическаго, колонизаціоннаго самораспространенія среди разныхъ азіатскихъ племенъ, народъ русскій мало-по-малу все-таки и самъ привыкалъ къ этимъ племенамъ, и до того сживался съ ними, что по своей нервной впечатлительности и воспріимчивости къ новымъ и оригинальнымъ качествамъ, и самъ невольно, пассивно воспринималъ и усвоялъ нѣкоторыя наиболѣе типическія качества азіатскихъ племенъ, съ которыми физіологически смѣшивался, и такимъ образомъ, почти повсюду приходилъ въ болѣе или менѣе замѣтное физіологическое соотвѣтствіе съ мѣстной этнографической средой. Поэтому, въ этническомъ составѣ славяно-русской народности большой контингентъ представляетъ кровь разныхъ азіатскихъ племенъ. «Всѣ писавшіе о древности россійскаго народа—говоритъ Лепехинъ—утверждаютъ, что бо̀льшая часть его произошла отъ чудскаго поколѣнія» [2]. И дѣйствительно, въ какую область русской земли мы ни заглянемъ, вездѣ мѣстныя этнологическія впечатлѣнія, вслѣдствіе физіологическаго смѣшенія азіатскихъ племенъ съ русскою народностію, замѣтно отпечатлѣлись на физическомъ, лингвистическомъ и умственномъ типѣ областныхъ варіантовъ русской народности. Напримѣръ, на сѣверо-востокѣ Россіи, по ту сторону уваловъ, въ области сѣверо-поморской или балтійско-двинской водной системы, на главномъ пути древней новгородско-славянской колонизаціи, — повсюду преобладали этническія впечатлѣнія финской народности, и тамъ бо̀льшая часть жителей «произошла отъ чуди и новгородцевъ» [3], или отъ обрусѣлыхъ самоѣдовъ, зырянъ и вогуловъ [4], или приняли въ себя народность карело-лопарскую [5], и до сихъ поръ весьма замѣтно сохраняютъ разные отпечатки и оттѣнки финскаго обличія [6].

---

[1] О Московск. Государст. розд. II, стр. 32.
[2] Путеш. Лепех. Спб. 1780 г. III, стр. 321.
[3] Лепехина, Путешеств. 1805. Ч. IV, стр. 277.
[4] Ibid III, 28. IV, 267, 268, 277, 285, 297.
[5] Kastren's, Reiseerinnerungen, 135, 153.
[6] См. также Дневникъ В. Н. Латкина во время путешест. на Печору въ

Вмѣстѣ съ физическимъ типомъ, сѣверо-восточные русскіе жители пассивно восприняли и усвоили и многія лингвистическія особенности сѣверныхъ финскихъ племенъ. «Одинъ разрядъ провинціализмовъ архангельскаго нарѣчія — говоритъ Шренкъ — суть остатки древне-славянскаго языка. Другой разрядъ провинціализмовъ принадлежитъ къ остаткамъ языка первобытной чуди. Еще многочисленнѣе слова, заимствованныя изъ нынѣ существующихъ языковъ сосѣдственныхъ народовъ—самоѣдовъ, зырянъ, лопарей и финновъ. Самоѣды въ особенности обогатили архангельское нарѣчіе своими словами, такъ же, какъ передали имъ и свою племенную одежду, и сообщили имъ самыя понятія о туземной тундрѣ. Въ частности, кольскій языкъ сильно заимствовалъ понятія и слова лопарскія, онежскій — финскія выраженія; южный мезенскій и шенкурскій усвоилъ много зырянскихъ словъ; сѣверный Мезенскій уѣздъ изобилуетъ самоѣдскими словами. Самымъ нечистымъ нарѣчіемъ говорятъ русскіе сосѣди зырянъ по средней Печорѣ; за то и зырянскій языкъ здѣсь сильно смѣшался съ русскимъ» [1]. Въ связи съ лингвистическими особенностями, при преобладаніи мрачныхъ впечатлѣній сѣверныхъ водъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ,—и финскія сказанія о водяныхъ и лѣсныхъ духахъ, и особенно финское кудесничество также произвели сильное впечатлѣніе на славяно-русскихъ переселенцевъ. И они, согласно съ финами, вѣрили въ водяныхъ и лѣшихъ [2], и сильно преданы были финскому кудесничеству, «были кудесе якоже арбуи въ Чуди» [3]. Точно такъ же было и по сю сторону уваловъ, въ области волжско-каспійской водной системы. Здѣсь господствовали этническія впечатлѣнія такихъ финскихъ племенъ, какъ весь, меря, мещера, мордва, чуваши, черемисы, а также татаръ, и потому здѣсь и въ физическомъ, и умственномъ типѣ русской народности весьма замѣтно отпечатлѣлись эти мѣстныя этническія впечатлѣнія. Напримѣръ, о жителяхъ Владимірской губерніи г. Семеновъ замѣчаетъ: «типъ финскаго племени можно еще и до сихъ поръ подмѣтить въ уѣздахъ Муромскомъ, Меленковскомъ, Гороховскомъ, Судогожскомъ и южной части Покровскаго» [4]. О жителяхъ Костромской губер-

---

1840 и 1843 годахъ. «Записки географ. общ.» 1853 г. кн. VII. Максимова, Годъ на сѣверѣ.

[1] А. И. Шренка: Областн. выраж. архангел. нарѣчія. Зап. геогр. общ. 1850. Кн. IV, стр. 128—131.

[2] Kastren's, Nordische Reise und Forschung. s. 85.

[3] Въ сѣверо-поморскихъ «Житіяхъ» много объ этомъ сказаній, напримѣръ, въ «Житіи Зосимы и Савватія Соловец.» и др.

[4] Географ. Слов. I, 486.

ніи г. Кржиболоцкій говоритъ: «Время не смогло совершенно измѣнить одного наружнаго вида, и дѣйствительно тамъ финскія племена сохранили еще свой типъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ восточныхъ уѣздахъ, въ которыхъ жители малорослы и уродливы, лѣнивы и невѣжественны» [1]. О жителяхъ Рязанской губерніи г. Барановичъ замѣчаетъ: «Къ сѣверу, къ границамъ Владимірской губерніи, въ жителяхъ мещерской стороны замѣтны признаки ихъ финскаго происхожденія, которые не въ состояніи изгладить скудная природа этого края: народъ въ этихъ мѣстахъ мелокъ, слабъ и не развитъ. Здѣсь мещера болѣе всего сохранила свой первоначальный типъ» [2]. О донскомъ казачьемъ населеніи Георги писалъ: «Бо̀льшая часть его имѣетъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ сомнѣнія, отъ матерей и праматерей татарокъ» [3]. То же замѣчаетъ Котельниковъ: «вошедшія въ донской казачій родъ нѣкоторыя калмыцкія, турецкія и татарскія племена, черезъ смѣшенія, измѣнились совершенно въ русскій родъ» [4]. Какъ на сѣверо-востокѣ, въ финской сторонѣ, въ типѣ русской народности замѣтно отобразились отчасти и умственныя впечатлѣнія финской народности, — такъ на юго-востокѣ, въ татарской сторонѣ, нервная организація русскаго народа пассивно воспринимала и нѣкоторыя черты татарскаго умственнаго типа: нѣкоторые русскіе принимали даже и татарскую вѣру [5]. Вообще нервная воспріимчивость русскаго народа до того привыкала къ впечатлѣніямъ разныхъ азіатскихъ народовъ, что повсюду областное русское населеніе постепенно приходило болѣе или менѣе въ физіологическое и умственное соотвѣтствіе съ мѣстными азіатскими племенами. Вслѣдствіе этого, какъ физическій, такъ и умственный типъ русской народности усвоилъ много такихъ восточно-азіатскихъ качествъ, которыя были весьма неблагопріятны для его умственнаго пробужденія и прогрессивнаго саморазвитія. Такъ, напримѣръ, путемъ физіологическаго смѣшенія народъ русскій усвоилъ нѣкоторыя несовершенства и уродливости физическаго типа такихъ азіатскихъ племенъ, какъ татары, калмыки, мещера, чуваши, черемисы, самоѣды, остяки, и т. д., какъ, наприм.: «любовь къ низкимъ лбамъ и узкимъ глазамъ, отвращеніе отъ маленькихъ ножекъ и стройнаго, тонкаго стана, наклонность безобразно румяниться гру-

[1] Кост. губ. 168.
[2] Рязанск. губер., стр. 132, 134.
[3] Опис. народ. 1799. Ч. IV, стр. 200—201.
[4] Описаніе Курмоярск. станицы въ Чтен. общ. истор.
[5] А. Э. I, 438.

быми красками и т. п.» [1]. Еще болѣе того народъ нашъ усвоялъ отъ нихъ азіатскую лѣность, апатію, равнодушіе и бездѣйствіе умозрительныхъ способностей, неизбѣжно усиливаемую суровымъ сѣвернымъ климатомъ, нервную притупленность и умственную дремоту сѣверныхъ азіатскихъ племенъ, весьма сильную наклонность и воспріимчивость ихъ къ кудесничеству и шаманизму, азіатскую порабощенность духа народнаго фатализму, азіатскій взглядъ на женщину, азіатскіе обычаи, въ родѣ брачнаго калыма, азіатскихъ привычекъ въ употребленіи пищи, одежды, домашней утвари и т. п., неопрятность и нечистоплотность такихъ сосѣднихъ племенъ, каковы, напримѣръ, зыряне, самоѣды, чуваши, остяки, буряты и проч. Невыгодный и невзрачный отпечатокъ всѣхъ подобныхъ качествъ азіатскаго типа на русской народности особенно ясно обнаружился, когда сами русскіе, увидѣвши европейцевъ, стали сравнивать себя съ ними. Послѣ вѣковаго, почти исключительнаго созерцанія невзрачнаго типа азіатскихъ племенъ, сравнивая физическій и умственный типъ русской народности и европейскихъ національностей, — лучшіе, передовые умы, несмотря на всѣ религіозно-національныя предубѣжденія, невольно очаровывались явнымъ превосходствомъ европейскаго интеллектуальнаго и физическаго типа. Замѣчательный публицистъ XVII вѣка Юрій Крыжаничъ сдѣлалъ такой выводъ изъ сравненія: «По красотѣ лица и физическому складу мы не можемъ сравняться съ красивыми народами. Языкъ нашъ неблагозвученъ (скрипливъ), непріятенъ, бѣденъ, и подлинно всѣхъ европейскихъ языковъ наибѣднѣе. Потому неудивительно, что разумы наши тупы и медлительны, косны. Всѣ знаменитые народы превосходятъ насъ разумомъ, а тому главная причина несовершенство нашего языка: мы себя держимъ надменно и презрительно оттого, что самоѣды, остяки и калмыки, сравнительно съ нами, кажутся грубыми, нечеловѣчными (нелюдскими) или варварами. Между тѣмъ, какъ это должно бы быть для насъ поводомъ не къ преимуществу, а къ униженію и къ поученію. Ибо сколько тѣ, азіатскіе народы, сравнительно съ нами, суть дики и звѣрски, столько мы, сравнительно съ другими народами, кажемся грубыми, невѣжественными (неумѣтельными); почему, вслѣдствіе нашей неучености и необразованности, иные

---

[1] Коллинсъ, 21—22: «Красотою женщинъ русскіе считаютъ толстоту. Они любятъ низкіе лбы и продолговатые глаза. Маленькія ножки и стройный станъ почитаются у нихъ безобразіемъ. Румяны ихъ похожи на тѣ краски, которыми мы украшаемъ лѣтомъ трубы нашихъ домовъ» и проч.

народы считаютъ насъ тоже дикими. Я же нахожу, что нашъ народъ средній между людскими (гуманными, цивилизованными) и дикими народами. Дикими зову татаръ, калмыковъ, остяковъ, цыганъ и подобныхъ имъ людей, которые ни домовъ, ни людскаго устройства не имѣютъ. Эти народы мы превосходимъ людскостію. Людскіе (образованные) народы, то-есть итальянцы, французы, нѣмцы, испанцы и древніе греки превосходятъ насъ людскостію и всѣми природными свойствами ума и тѣла: обличіемъ (наружностію), словомъ или бесѣдою, разумомъ, крѣпостію или бодростію, сердечностію или одушевленіемъ (живостію), работливостію и изобрѣтательностію въ наукахъ и проч. [1]

Такимъ образомъ физическій и умственный типъ азіатскихъ племенъ не только не могъ произвести сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія на нервную организацію русскаго народа, но еще передалъ ему многіе свои недостатки. Но вотъ, въ самомъ началѣ русской исторіи, приходятъ на Русь греки, въ то время, когда славянскія племена уже значительно свыклись съ азіатскими народами. Въ началѣ, и впечатлѣніе грековъ, какъ впечатлѣніе совершенно новое, непривычное и необычайное, производило непріятное, отталкивающее впечатлѣніе на нервную воспріимчивость славянскихъ племенъ, особенно впечатлительную только ко всѣмъ новымъ, рѣзкимъ и необычайнымъ явленіямъ и способную потомъ легко и скоро привыкать къ впечатлѣніямъ часто повторяющимся и дѣлающимся обыкновенными. Долго, масса славянскаго племени боялась грековъ, убѣгала отъ всего, что̀ занесено было отъ грековъ, изъ Византіи. Когда впервые появились изъ Греціи монахи и монахини, то одна встрѣча съ ними раздражительно и отвратительно дѣйствовала на нервы массы славянской. Еще въ XI вѣкѣ Ѳеодосій Печерскій обличалъ народъ: «се не погански ли творимъ? аще кто встрѣтитъ черница или черницу, то возвращается (бѣжитъ назадъ), такъ же какъ при встрѣчѣ коня лысаго или свиньи: «то те не поганско ли есть?» [2]. Но греки были уже далеко не то, что чудь-бѣлоглазая или финны и т. п. При ближайшемъ разсмотрѣніи грековъ, и физическій и особенно умственный типъ ихъ могъ вскорѣ произвести обаятельное впечатлѣніе на нервную воспріимчивость славянскаго племени ко всему новому и обаятельному. Въ умственномъ отно-

---

[1] О Москов. Государ. разд. 32, 37.

[2] См. Поученія Ѳеодосія Печерскаго въ Извѣст. II-го отдѣл. академіи наукъ, въ Христіан. чтен. и въ Исторіи русской церкви, еп. Макарія.

шеніи, греки, развитые идеями философіи Аристотеля или Платона, или твореніями Златоустовъ, Григорьевъ Богослововъ, Василіевъ Великихъ, — во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ, въ VIII и IX столѣтіи, стояли несравненно выше полудикихъ славянъ, которыхъ они называли варварами, по крайней мѣрѣ неизмѣримо превосходили ихъ своею діалектическою и схоластическою остротою ума. Притомъ, на ихъ сторонѣ была вся плѣнительная обаятельность византійской церковно-обрядовой внѣшности, которая на чувства каждаго дикаго племени могла производить могущественное, очаровательное впечатлѣніе. И вотъ, одна картина страшнаго суда, показанная греческими миссіонерами кіевскому князю Владиміру, произвела обаятельное впечатлѣніе на грубую, нервную чувствительность князя-язычника, утопавшаго въ азіатской чувственности. На пословъ Владиміра великолѣпная обстановка византійскаго богослуженія и всей церковной обрядности произвела впечатлѣніе, можно сказать, историческое, т.-е. такое, которое рѣшило религіозную судьбу славянскихъ племенъ, и которое, потому, и лѣтописецъ Несторъ отмѣтилъ и описалъ подробно, какъ замѣчательный фактъ въ психической жизни славянскихъ племенъ. Особенная, невиданная прежде, или, какъ выражались предки наши, «пречудная, предивная и преухищренная» архитектура храмовъ, обаятельная для глазъ и тоже никогда невиданная прежде византійская иконописная живопись, блестящіе золотые и серебряные кивоты, облаченья и оклады образовъ, евангелій, крестовъ, невиданные прежде поразительные иконописные лики на образахъ Христа, Богородицы, ангеловъ, святыхъ, страшнаго суда и т. п., никогда неслыханный прежде въ какихъ-нибудь лѣсахъ древлянскихъ и, потому, особенно поразительный для нервовъ слуха звонъ множества большихъ и малыхъ колоколовъ или «доброслушныхъ камбановъ», какъ говорили наши предки, блестящія золотомъ и серебромъ, убранныя и разноцвѣтно испещренныя ризы церковныя, неслыханное и поразительное для слуха лѣсныхъ дикарей громогласное хоровое, демественное пѣніе, необыкновенно-благоуханный для обонянія ѳиміамъ кадильный, ослѣпительный свѣтъ и блескъ множества свѣчей на блестящихъ серебрянныхъ и золотыхъ блиставшихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ и прочее, — все это не могло не подѣйствовать обаятельно на грубые нервы пословъ Владиміровыхъ, а потомъ и на нервы какихъ-либо древлянъ, сѣверянъ, полянъ, вятичей и т. д. И вотъ всѣ эти церковно-византійскія впечатлѣнія мало-по-малу до такой степени впечатлительно подѣйствовали на нервную систему русскаго народа, что онъ всѣ свои христіан-

скія идеи и вѣрованія ассоціировалъ потомъ съ впечатлѣніями церкви или храма, образа, темьяна, свѣчи церковной, креста, евангелія. И въ немъ, вслѣдствіе того, развилась сильная религіозная страсть къ устроенію и слушанью большихъ «доброслушныхъ камбановъ», къ украшенію не только церквей, но и домовъ своихъ, «якоже церкви», множествомъ образовъ, напримѣръ заразъ образовъ по тридцати и болѣе съ богатымъ, массивнымъ золотымъ и серебрянымъ убранствомъ и т. п. Тогда какъ идеи христіанскаго, евангельскаго ученья почти нисколько не возбуждали чувства и мысли массы народной и были вообще недоступны, непонятны слабо-воспріимчивому уму народному, — внѣшность храмовъ впечатлительно плѣняла внѣшнія чувства первыхъ, да и послѣдующихъ русскихъ христіанъ. «Днесь — писалъ, напримѣръ, кіевскій лѣтописецъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія, — днесь множество вѣрныхъ кіевлянъ и насельники окрестные начинаютъ имѣть все бо̀льшую и бо̀льшую любовь къ храму; утверждая ноги свои на благоукрашенномъ зданіи, и любезно взирая очима своима, отовсюду привлекаютъ веселіе въ душу, и имъ кажется, будто они на аеръ возносятся, и такъ съ любовію едва отходятъ» [1]. «Ничто же такъ обрадованну дѣлаетъ жизнь нашу, какъ еще въ церкви красованіе», — говорили благочестивые предки наши [2]. Церковное пѣніе или чтеніе на первыхъ порахъ, въ періодъ полнаго дѣйствія церковно-византійскихъ впечатлѣній, такъ впечатлительно дѣйствовало на нервную систему, особенно юношей, что иногда доводило ихъ до безсонницы или возбуждало въ нихъ энтузіазмъ къ аскетическому, пустынножительскому богосозерцанію. «Однажды упразднивъ себя, — говоритъ повѣсть о Никитѣ Переяславскомъ, — вошелъ онъ въ церковь и услышалъ — читаютъ книгу пророка Исаіи, вдругъ слышитъ слова: тако глаголетъ господь: «измыйтеся и чисти будите!» Онъ же, услышавъ эти слова, ужасенъ сталъ, и пришедъ въ домъ свой размышлялъ въ себѣ и всю ночь безъ сна пребылъ» [3]. Или, въ житіи Трифона Печенгскаго, просвѣтителя кольскихъ лопарей, читаемъ: «Церковное божественное сѣмя пало въ добрую бразду, въ его благое сердце: Нѣкогда услышалъ онъ на утрени поющихъ: «Пустыннымъ животъ блаженъ есть, божественнымъ раченіемъ воскриляющимся», — и отъ того часа возлюбилъ преподобный пустыню, сталъ ради мо-

[1] П. С. Р. Лѣт., т. II. стр. 154.
[2] Просвѣтитель Іосифа Волоколам, слово 7-е.
[3] Сборн. Солов. Библ. № 906.

литвы отлучаться отъ родителей, удалялся въ непроходимыя мѣста, не радя о зимѣ и знoѣ и о иныхъ пустынныхъ страхованіяхъ»[1]. Далѣе, византійскій, синаитскій или аѳонскій образъ монаха, подвижника, отрекшагося отъ міра, въ черной рясѣ, съ четками и крестомъ въ рукахъ уединявшагося въ пустыню, въ черный дикій лѣсъ, помышлявшаго не о земной, а о таинственной загробной жизни, день и ночь молившагося о спасеніи души, умерщвлявшаго плоть свою строгими постами и подвигами, — этотъ аскетическій образъ монаха - отшельника производилъ столь обаятельное впечатлѣніе на мистически-настроенную нервную систему нашихъ предковъ, что сталъ высшимъ идеаломъ ихъ нравственныхъ стремленій. И стремленіе къ монашеству, къ пустынножительству, вслѣдствіе этого впечатлѣнія, стало такою господствующею психологическою наклонностью допетровскихъ поколѣній, что монастыри и пустыни умножались съ каждымъ столѣтіемъ, такъ что, напримѣръ, въ XIV и XV столѣтіяхъ ихъ возникло до 150, а въ XVII вѣкѣ вновь прибавилось до 220, и въ 1762 году считалось всѣхъ монастырей до 966, изъ коихъ 726 были мужскіе и 240 женскіе[2]. Повсюду рѣзко выдававшіяся и господствовавшія впечатлѣнія монастырей и пустыней до такой степени впечатлительно дѣйствовали на нервную систему молодыхъ поколѣній, что стремленіе къ монашеству, основаніе новыхъ монастырей или пустыней, умерщвленіе плоти строгими постами и подвигами, повседневное и повсенощное молитвенное умонастроеніе, отреченіе отъ міра, отъ всѣхъ обаяній внѣшней физической красоты и чувственныхъ наслажденій стали высшимъ идеаломъ юношей и дѣвицъ. Древне-русскія жизнеописательныя повѣсти исполнены сказаніями о томъ, какъ юношѣ 13 или 15 лѣтъ, «еще юну сущу и плоти цвѣтущей, пріиде пламенное желаніе во иноческій чинъ», или какъ молодой человѣкъ, «прелѣпу жену оставляше», поживъ съ нею только 1 или 2 года, — съ горячимъ рвеніемъ уходилъ въ монастырь, «супруга же его остася юна суще и цвѣтомъ юности цвѣтуща», а потомъ и она посвящала себя аскетической жизни[3]. И безъ того, терема въ древней Руси были кельями. О русскихъ красавицахъ XVII вѣка Котошихинъ говоритъ: «отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ чужіе люди никто

[1] Сборн. Солов. Библіот. № 182.
[2] Ист. росс. іерарх. Т. II, стр. LXXX.
[3] Памят. стар. рус. литер. IV, 72, 73, 74 и мн. др.

ихъ и они чужихъ дюлей видѣти не могутъ; такъ же какъ и замужъ выйдутъ, и ихъ потому же люди видаютъ мало... Царевны, имѣя свои особые же покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху» [1]. Но при этомъ теремномъ, татарско-аскетическомъ затворничествѣ, многія дѣвицы до того обаялись еще впечатлѣніями монашеской жизни, византійскаго аскетизма, что всю жизнь свою посвящали умерщвленію плоти и безпрестаннымъ молитвамъ, и въ домахъ своихъ подвизались, какъ настоящія, самыя строгія, монахини. Напримѣръ, повѣстъ о Іуліяніи Муромской разсказываетъ: «сія Уліянія отъ младыхъ ногтей Бога возлюбила и Пречистую Матерь, имѣла во всемъ послушаніе и смиреніе, къ молитвѣ и посту прилежала; дочери тетки ея говорили ей: безумная, что въ такой младости плоть свою изнуряешь, и красоту дѣвственную губишь; и принуждали ее рано ѣсть и пить, но она не предавалась волѣ ихъ. Много разъ сверстницы ея звали ее на игры и пѣсни пустошныя, она же не приставала къ совѣту ихъ, говорила, что не умѣетъ играть и пѣть. Когда она вышла замужъ 16 лѣтъ, — то по вся вечеры довольно Богу молилась, творила колѣнопреклоненій по 100 и больше, то же и утромъ дѣлала. Потомъ умоляла мужа отпустить ее въ монастырь, но онъ не отпустилъ, и совѣщались жить вмѣстѣ, а плотнаго совокупленія не имѣти. Устроивъ мужу съ вечера постель, сама пребывала въ молитвѣ, и ложилась на печи безъ постели, только дрова острыми концами къ тѣлу подстилала, и желѣзные ключи подъ ребра свои подкладывала, и не много заснувши, тотчасъ вставала на молитву во всю ночь до свѣта... Зимой ходила безъ теплой одежды, и сапоги босыми ногами обувала, только подъ ноги свои орѣховыя скорлупы и острыя черепья вмѣсто стелекъ подкладывала, и тѣло утомляла», и проч. [2]. Точно такъ же поступали многіе юноши 12 и 15 лѣтъ, тоже весьма часто убѣгавшіе отъ родителей въ пустыни и монастыри. Особенно глубокое вліяніе оказалъ византизмъ на семью и семейное воспитаніе. Всѣмъ извѣстны весьма распространенныя въ старинной русской литературѣ поученія — «слово о злыхъ женахъ» и «притча о женстѣй злобѣ». Прототипомъ этого рода поученій служили слова Іоанна Златоустаго: *περὶ γυναικῶν πονηρῶν* и *περὶ γυναικῶν και καλλοῦς*. Въ славянскомъ переводѣ, слово Златоустаго поучало русское общество: «есть лучшее въ

[1] Котошихина, стр. 120.
[2] Пам. I, 63—67.

пустыни со звѣрьми жити, неже со злою женою: некій же звѣрь подобенъ женѣ язычнѣ и злѣ. Поистинѣ нѣсть иныя злобы горше злой жены и ничто же есть злѣе жены злоязычны, о зло оружіе діаволе острое... О злѣе всякаго зла жена злая. Во истину нѣсть злобы лютѣе жены злы» и проч. [1]. Плѣненные и вдохновленные этими поученіями, древне-русскіе грамотники прибавили къ нимъ еще и своихъ татарско-московскихъ воззрѣній на женщину, и такимъ образомъ «слово о злыхъ женахъ» и «притча о женстѣй злобѣ», подъ редакціей ихъ, вышли почти площадною, фанатически-злобною бранью самодуровъ и деспотовъ-мужей съ жалкими рабынями-женами [2]. Въ поученіяхъ этихъ доказывалось, что самое «естество женское зло», и потому съ аскетическимъ фанатизмомъ порицалось въ женщинѣ и все естественное, какъ напримѣръ красота лица, забота о нарядахъ и украшеніяхъ, любовь и стремленіе нравиться мужчинамъ, наклонность къ болѣе или менѣе пріятнымъ и привлекательнымъ жестамъ и тѣлодвиженіямъ, наклонность къ танцамъ или пляскѣ, стремленіе сказать нѣжное, ласковое или любезное словцо и т. п. Бѣда, если дѣвица танцовала или плясала и пѣла пѣсни. Строгая, византійко-аскетическая мораль, въ такомъ случаѣ, запугивала женскую молодежь страшною повѣстью «о нѣкоей дѣвкѣ танцовати обвыкшей и пѣти». «Дѣвка нѣкая, — гласила эта повѣсть, — во дни святые обаче во играхъ, въ веселіи, въ танцахъ пребываше; и нѣкоего дни отъ заутра даже и до вечера въ глумленіяхъ и танцахъ пребывше, въ вечеръ глубокій возвратися въ домъ свой, и сѣдя тако, дая себѣ покой, и воздремася мало, и въ томъ снѣ восхищена бысть отъ бѣсовъ; и занесоша ю бѣси въ геенну, и тамо ю тако опалиша, яко ни одинъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими вреды страшными обложися, и нестерпимый смрадъ испущая, и поополеніи единъ демонъ главню ей горячую въ уста ея вонзе, и рече: сіе за пѣсни и за танцы и за прелестныя ризы. Обудися воплемъ страшнымъ отъ болѣзни, кричаше, матери же и инымъ прибывшимъ, что ей сотворися, по-

[1] Для нагляднаго показанія, какъ цѣликомъ передавался русскому народу византійскій взглядъ на женщину, приведемъ, въ параллель, отрывки изъ подлиннаго поученія Златоуста: *Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι ευδόκησα ἤ μετὰ γύναικος πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Ουδὲν τοίνον θηρίον ̀εν κοσμω ̀εφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς Οὐκ ἐστι κακία ὑπερ κακίαν γυναικὸς πονηρᾶς. Οὐδε μία γαρ κακία συγκρίνεται γυναικὶ πονηρᾶ; ὦ τὸ κακον του διαβόλου καὶ οξὺτατον ὅπλον... ὦ κακὸν κακοῦ κακίστον γυνὴ πονηρὰ* и проч.

[2] См., напримѣръ, Памятн. стар. рус. литер. II, стр. 461—470.

вѣдая; призванный же священникъ на исповѣди ни единаго смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти» [1]. Бѣда, если женщина входила въ церковь послѣ той «нощи, когда плотною похотью съ своимъ мужемъ смѣсися»: тогда «болѣе легіона бѣсовъ» входило въ нее, и никакія «волшьбы» не помогали. И византійская мораль, на этотъ случай, твердила всѣмъ: «да се слышавше, мужіе и жены, не мозите въ церковъ внити окалявше плоть свою» и проч. [2]. Точно также тяжкимъ грѣхомъ считалось, съ византійско-аскетической точки зрѣнія, если юноши заглядывались на женскую красоту. Высшимъ правиломъ этой византійской аскетической педагогіи считалось положеніе: «Очеса отъ лѣпѣхъ отвращати, обратити око отъ жены благообразныя,—въ добротѣ бо женстей мнози прельстяшася, и отъ сего любовь, яко огнь, разгорается» [3]. На основаніи этой морали, родители внушали дѣтямъ: «еще, чадо, не давай очамъ воли, не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ отеческія дочери» [4]. Вообще, все воспитаніе дѣтей, такъ же какъ все устройство семьи, основано было на началахъ византійской педагогіи. Поученіе Іоанна Златоуста *περὶ παιδων ανατροφῆς* переведено было на церковно-славянскій языкъ, подъ заглавіемъ «О воскормленіи дѣтей», и послужило образцомъ для множества самородныхъ русскихъ поученій этого рода. Вся сущность воспитанія, по этимъ поученіямъ, полагалась «въ благовѣріи, любомудріи и добродѣтели», или, какъ сказано, въ подлинномъ словѣ Златоуста, *ἐν ευλαβεια και φιλοσοφὶα και τῆ κτῆσει της αρετῆς*. «Подобаетъ смотрѣти родителямъ, — поучало слово Златоуста въ славянскомъ переводѣ, — не яко да оставятъ дѣти богаты сребромъ и златомъ, но да благовѣрны и любомудры и добродѣтельны... Не полезну любовь отци о дѣтяхъ имутъ, нехотяще ранъ нанести на ня и словесы запретити... Не богатство дѣтемъ остави, но остави я наказаны страху Божію... Тѣмъ не ослабляй руки казня отъ юности сына, твоя бо мука милости есть... Аще бо любиши сына, учащай ему раны» и проч. Изъ всего этого поученія Златоуста предки наши съ особеннымъ сочувствіемъ усвоили идею о наказаніи дѣтей. Въ подлинномъ словѣ Златоуста о физическомъ наказаніи говорится немного и довольно мягко; употребляются, напримѣръ, выраженія: *επιτιμῆσαι* или: *ὃν σὺ μὴ δήσης*

---

[1] Пам. стар. рус. литер. I, 209.
[2] Ibid. Памят. I, 210.
[3] Памят. старин. русс. воспитанія, статья г. Лохвицкаго въ Чтен. общ. истор.
[4] Пам. I, стр. 2.

ὁ θεὸς δέσμοι если ты накажешь, Богъ свяжетъ и т. п. Въ славянскомъ же переводѣ выраженія о наказаніи распространены и усилены, и даже самое греческое слово *φιλεῖν* любить переведено словомъ *казнити* [1].

Вообще, Византія въ древней Руси такъ же впечатлительно и воспитательно дѣйствовала на русское общество своими преданіями, догматами, обрядами и церемоніями, какъ въ XVIII в. Франція или Парижъ своими идеями и новыми обычаями общественной жизни. Какъ при Петрѣ-Великомъ русскіе ѣздили учиться на Западъ, и особенно во Францію, «въ науку за море»,—такъ въ первые вѣка церковно-византійской пропаганды на Руси, русскіе путешествовали въ Византію въ студійскій и другіе монастыри учиться церковнымъ обрядамъ, списывать церковныя книги [2]. Какъ при Петрѣ-Великомъ и послѣ, вызывались съ Запада европейскіе ученые, доктора медицины и разные мастера и художники учить русскихъ европейскимъ наукамъ и искусствамъ, такъ въ XI и XII вѣкѣ вызывали на Русь грековъ учить русскій народъ византійской церковности: греки назначались учителями русскаго юношества въ церковныхъ училищахъ, какія устрояли князья [3]. Иноки греки, по словамъ лѣтописца, трудились при церквахъ, «учаще младенцевъ» [4]. Во времена удѣльныхъ князей, греческіе изографы переписывали греческіе подлинники или менологіумы, имѣвшіе весьма сильное вліяніе на церковно-обрядовыя понятія народа, и образовали сначала въ Кіевѣ, потомъ въ Новгородѣ византійско-русскія школы иконописи [5]. Какъ при Петрѣ-Великомъ и послѣ нѣмцы и французы были учителями русскихъ въ разныхъ гражданскихъ искусствахъ, въ гражданской и военной архитектурѣ, въ музыкѣ и проч , такъ при греческихъ митрополитахъ въ Кіевѣ, греки были главными учителями русскихъ въ церковно-обрядовыхъ искусствахъ, въ церковномъ пѣніи, въ церковной или иконописной живописи, въ церковномъ зодчествѣ и проч. [6].

---

[1] Именно, въ славянскомъ переводѣ сказано: «Отцу Богъ не точію родити дѣтей велитъ, но еже и *казнити* по рожденіи». А въ подлинникѣ сказано: *καὶ γὰρ πατέρα οὐ το γεννῆσαι μόνον ποιεῖ (θεὸς), ἀλλὰ καὶ το φιλεῖν μετα τὸ γεννῆσαι.*

[2] П. С. Л. 16. «Странникъ» Стефана Новгородца и «Путешеств.» діакона Игнатія у Сахарова въ «Сказан. рус. народа» т. II. Опис. рукоп. синодал. библіотеки, стр. 226—254, введ. стр. XI, Опис. рукоп. румянц. муз., стр. 516, 710, 711.

[3] Татищ. III, 196, 220, 338.

[4] Тат. II, 446, 239.

[5] Буслаева, Очерки стар. рус. литер. II, 345.

[6] См. Записк. археолог. общ. ст. Забѣлина: «О металлич. производствѣ

Какъ въ XVIII в. выписывали и переводили нѣмецкія и французскія книги ,такъ въ древней Руси выписывали и переводили однѣ греческія церковныя книги. У нѣкоторыхъ князей въ книгохранилищахъ было больше чѣмъ по 1000 однѣхъ греческихъ книгъ [1]. Духовныя лица и князья изучали греческій языкъ такъ же, какъ въ XVIII в. изучали французскій языкъ. Русскіе церковные учители поучали народъ по образцамъ греческимъ «яко же Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ», и сочиненія свои почти цѣликомъ наполняли выписками изъ твореній греческихъ отцовъ церкви, приводя иногда заразъ по 18 греко-восточныхъ церковныхъ писателей [2].

Таковы были, въ общихъ чертахъ, слѣдствія того впечатлѣнія, какое произвели греки на нервную организацію русскаго народа. Но проходили вѣка, и умственная воспріимчивость его мало-по-малу привыкала и къ этимъ, обаятельнымъ вначалѣ, впечатлѣніямъ церковно-обрядовой внѣшности. И затѣмъ наступилъ замѣчательный въ психической жизни большей части русскаго народа фазисъ постепеннаго притупленія нервной чувствительности къ внѣшне-обрядовымъ впечатлѣніямъ. «По хорошо извѣстному закону духа, говоритъ Милль, слово, первоначально связанное съ весьма сложной группой идей, отнюдь не вызываетъ всѣхъ этихъ идей въ умѣ всякій разъ, когда употребляется; оно вызываетъ лишь одну или двѣ идеи, отъ которыхъ умъ, по новымъ ассоціаціямъ, переходитъ къ другому ряду идей, не выжидая возбужденія остатка сложной группы... Такимъ образомъ, общія названія могутъ употребляться, не вызывая въ умѣ всего, означаемаго ими, вызывая нерѣдко весьма малую долю его или даже не возбуждая и ея. Поэтому нечего удивляться, что употребляемыя такимъ образомъ слова утрачиваютъ современемъ способность вызывать какія-либо присвоенныя имъ идеи, кромѣ тѣхъ, ассоціація съ которыми всего непосредственнѣе и сильнѣе или наиболѣе поддерживается событіями жизни. Остальное значеніе совершенно теряется, если умъ не сохраняетъ ассоціаціи, сознательно останавливаясь на идеяхъ... Общеизвѣстно, что въ предметахъ, которые одновременно и привычны и сложны, какъ предметы нравственные и общественные, множество важныхъ предложеній пользуются

въ древней Руси»; въ «Русской Старинѣ» Мартынова, статьи Максютина о церковномъ зодчествѣ; тоже въ Зап. археолог. общ. статью Равинскаго объ иконописи.

[1] Тат. III, 416.

[2] Содѣйствіе монастырей и церквей дух. образов. въ древней Руси Правосл. собес. 1859.

довѣріемъ и повторяются по привычкѣ, между тѣмъ какъ содержимыя ими идеи не могли бы быть объяснены и не проявляются на практикѣ. *Вотъ почему, столь многія ученія религіи и этики, столь полныя значенія и дѣйствительной силы для первыхъ обращенныхъ, выказали стремленіе быстро снизойти на степень мертвыхъ догматовъ*, послѣ того какъ ассоціація значенія съ словесными формулами перестала поддерживаться сопровождавшими ихъ введеніе преніями» [1]. Это же самое совершилось въ духѣ большей части русскаго народа съ ассоціаціей идей, возбужденныхъ впечатлѣніями церковно-византійской обрядности. Въ XVI вѣкѣ, благочестивые русскіе люди, по словамъ Максима Грека, самую книгу евангелія «внутрь уду и внѣ уду обильно украшали златомъ и сребромъ, а словесъ не принимали и не понимали». Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству Арсенія Глухаго, «въ книгахъ церковныхъ тòчію черниламъ вѣрили и письменамъ единымъ внимали, а смысла писаннаго ни сколько не разумѣли, не знали ни православія, ни кривославія, но божественныя писанія точію по черниламъ проходили, разума же въ нихъ не нудились понять» [2]. Такіе церковно-обрядовые предметы, какъ ѳиміамъ, свѣча, образъ, церковное пѣніе и проч., съ самаго начала еще могли произвести болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на нервы внѣшнихъ чувствъ нашихъ предковъ, и такимъ образомъ живо возбуждать такія рефлективныя движенія тѣла, какъ колѣнопреклоненія, крестное знаменіе и проч. Но они не могли возбудить никакой идеи въ мозгѣ, способной къ развитію. И по мѣрѣ привычки къ нимъ внѣшнихъ чувствъ, они теряли свою первоначальную силу. «Что значитъ одушевленная церковь купно съ вещественною церковью,—говоритъ Епифаній Славеницкій,—что жертвенникъ и трапеза, что катапетазма трапезная, литонъ священный, ѳиміатонъ съ ѳиміамы, что ризы церковныя, что символъ церковный, тѣло и вино въ евхаристіи, что алтарь, священные сосуды и проч., — это даже и священники не всѣ разумѣли, и въ умахъ народныхъ лежалъ мысленный камень непониманія и неразумѣнія священно-дѣйственныхъ образовъ» [3]. «Попы препростіи, — жаловался Димитрій Ростовскій, — не знаютъ нарицати тѣло христово тѣломъ христовымъ. Въ одной церкви сельской вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящія тайны? Попъ той не разумѣ словесе моего, и яко не домысляй, стояше молча. Паки рѣхъ:

---

[1] Логика. II, 223—225.

[2] Расколъ старообрядства. Казань. 1859, стр. 36—37.

[3] Предисл. къ скрижали, напечатан. въ 1655 г. въ Москвѣ.

гдѣ тѣло христово? Попъ оный ничего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ іереевъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда вземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую святыню» [1]. По жалобѣ Петра-Великаго, русскіе, «всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны, на строеніе церквей, на свѣчи и ладанъ» [2]. «Что же когда пойдемъ, — писалъ іеромонахъ Кохановскій при Петрѣ Великомъ, — до мужицкой или бабьей богословіи, то дойдемъ до смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, и которой не почитать? Яйцемъ или масломъ письмена, старыя или новыя? На доскѣ ли, на холстѣ ли, на бумагѣ ли? Которая пятница сильнѣйшая? которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды» и проч. [3]. Когда такимъ образомъ первоначальная впечатлительность къ церковно-обрядовымъ предметамъ притупѣла до такого безсмыслія, — тогда не оставалось никакого другого исхода этому мертвообрядовому направленію, какъ только выродиться въ расколъ старообрядства. Къ концу XVII вѣка такъ это и случилось. Вмѣстѣ съ такимъ ослабленіемъ или притупленіемъ первоначальной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ греческаго вліянія, — естественно, постепенно ослабѣли и тѣ обаятельныя впечатлѣнія, какія вначалѣ производили греки на нервную организацію славянорусскаго народа. Присмотрѣвшись, въ теченіе 7 или 8 столѣтій, ближе къ грекамъ, русскіе мало по малу поняли и ихъ умственныя и нравственныя качества. Еще въ XVI вѣкѣ русскіе начинали разочаровываться въ преимуществахъ греческаго вліянія. А въ XVII вѣкѣ передовые умы уже вполнѣ поняли, что умственныя впечатлѣнія греческаго вліянія не совсѣмъ благопріятны для развитія русскаго народа. Этотъ взглядъ на грековъ особенно установился, когда русскіе начинали уже воспринимать совершенно новыя впечатлѣнія, впечатлѣнія со стороны западно-европейскихъ національностей. Юрій Крыжаничь произнесъ такой строгій приговоръ: «Нѣмцы убѣждаютъ насъ ко всему новому... Греки же рѣшительно осуждаютъ всякую новизну, кричатъ и повторяютъ, что просто все новое есть зло. Разумъ же убѣждаетъ, что нѣтъ ничего злаго или добраго вслѣдствіе одной только новизны, но все доброе и все злое вначалѣ бываетъ ново. Нѣтъ нынѣ ничего древняго, что нѣкогда не было бы новымъ. Не слѣдуетъ отвергать вещей хорошихъ, потому только, что они

---

[1] Древн. росс. Вивліоѳ. XVII, стр. 86—87.
[2] Пекарскаго: Наука при Петрѣ, т. I, стр. 181.
[3] Пекарскаго. I, 493.

новы, ибо есть опасность ошибиться... Греки осуждаютъ всякое знаніе, всякую науку, и внушаютъ намъ невѣжество. Но разумъ убѣждаетъ, чтобы мы признавали, что невѣжество не родитъ никакого плода... Нѣмцы убѣждаютъ насъ, чтобы мы воспринимали всякую распущенность плоти и презирали жизнь монашескую, посты, ночныя молитвы и всякое умерщвленіе плоти. Греки же убѣждаютъ, чтобы мы соблюдали не только похвальное христіанское умерщвленіе, но сверхъ того вводятъ нѣкоторыя фарисейскія суевѣрія и суетное различныхъ видовъ благочестіе: тѣлеснымъ омовеніемъ посредствомъ воды хотятъ очищать пятна духа, и духовнымъ омовеніемъ (молитвою священниковъ) думаютъ очищать телѣсныя нечистоты. Разумъ же убѣждаетъ, чтобы мы не допускали плотской распущенности, а новые подозрительные неизвѣстные греческіе виды благочестія чтобы тщательно изслѣдовали... Греки въ политическихъ дѣлахъ указываютъ намъ и убѣждаютъ насъ поступать во всемъ по примѣру турецкой порты, по той причинѣ, что греки, будучи сами не учены и не искусны, не могутъ намъ въ этомъ дѣлѣ сказать ничего другаго, кромѣ того, что видятъ, дѣлается въ турецкой портѣ. Нѣмцы же порицаютъ всѣ убѣжденія, нравы и законы турокъ. Греки намъ льстятъ. Подслуживаясь ложью и баснями, съ цѣлію возвысить сіе царство, они нѣкогда покрыли его великимъ позоромъ и поставили въ большія затрудненія... Греки въ лицо надуваютъ насъ суетной славой, а сзади срамятъ. Они ищутъ нашихъ денегъ и средствъ жизни. Голодной ихъ жадности никогда не наполнить, какъ дыряваго горшка» [1]. Замѣчательно, что и масса народная въ XVII вѣкѣ также уже отрицала прежнюю силу умственнаго вліянія грековъ. Въ соловецкой челобитной заявленъ былъ, между прочимъ, такой протестъ противъ грековъ: «Мы утверждаемъ и представляемъ свидѣтеля Христа Бога на душу свою, что не только простые греческіе чернецы, но и самыя ихъ начальнѣйшія власти — архіереи, которые у насъ подъ началомъ были и нынѣ есть, ни мало истиннаго благочестія не знаютъ... У насъ поселяне имъ дивятся, и говорятъ, что де палестинскіе власти пастыри и учители называются, а сами лица своего перекрестить не умѣютъ: то какъ и чему имъ насъ поселянъ научить... Нынѣшніе греческіе учители пріѣзжаютъ изъ своей земли въ благочестивое царство русское не вѣру исправлять, но злата и сребра и вещей собирать, а міръ истощать» [2]. Нако-

[1] Розд. 54, стр. 174 — 189.
[2] Три челобитныя. Спб. 1861, стр. 173 — 175.

нецъ, несостоятельность греческаго вліянія рано или поздно и особенно при сближеніи съ европейцами, неизбѣжно должна была обнаружиться и тѣмъ вѣковымъ историческимъ фактомъ, что греки, передавшіе русскимъ однѣ церковныя книги, не передали имъ классическихъ произведеній древне-греческой науки и литературы, не передали философскихъ, математическихъ и физическихъ твореній древне-греческаго генія, напримѣръ твореній Аристотеля, Эратосѳена, Евклида, Архимеда, Аполлонія изъ Перги, Гиппарха и т. д. Вслѣдствіе этого, русскіе умы, цѣлые 7 или 8 столѣтій находясь подъ вліяніемъ умственныхъ впечатлѣній Греціи, воспитываясь греческой педагогіей, не испытали того сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія подъ вліяніемъ древне-греческой науки и литературы, которое возбудило на Западѣ такъ-называемое «возрожденіе наукъ» и сильно импульсировало западные умы къ смѣлой инціативѣ естество-испытательныхъ изслѣдованій. Не получая этого живаго впечатлѣнія или импульса древне-греческой науки и литературы, — русскій умъ, «отягченный уныніемъ и дебельствомъ плотнымъ», какъ выражались наши древніе писатели, находясь подъ вліяніемъ греческимъ, не могъ самъ собою возродиться и возбудиться къ живой, энергической инціативѣ научной самодѣятельности. Почти каждый древнерусскій писатель, отягощенный грубою закоснѣлостью и пассивностью мысли, ничѣмъ не возбуждаемой, смиренно говорилъ о себѣ: «азъ бо есьмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, худъ имѣя разумъ и промыслъ недоуменъ, ибо не былъ я въ Аѳинахъ отъ юности, и не научихся у философовъ греческихъ ни плетенія риторска, ни витійскихъ глаголовъ, ни Платоновыхъ ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стяжахъ, ни философіи, ни хитрорѣчія не навикохъ, и спроста отнюдь весь недоумѣнія наполнихся. Но надѣюсь на благодать Бога всемилостиваго и всемогущаго, да ми подастъ даръ святаго Духа, да ми воздвигнетъ умъ, отягченный уныніемъ дебельствомъ плотнымъ, яко да бы возмоглъ мало нѣчто написати» [1]. И вотъ это-то вѣковое лишеніе умовъ молодаго поколѣнія древней Руси живаго, умственно-возбудительнаго импульса древне-греческой науки и философіи, наконецъ тоже болѣе или менѣе понято было лучшими, передовыми умами, и, вслѣдствіе этого, заявленъ былъ протестъ противъ исключительно греческаго умственно-образовательнаго вліянія и съ этой стороны. «Дивно,—говорилъ русскій писатель и переводчикъ книгъ начала XVIII столѣтія Мак-

[1] Пам. IV. 119 — 120.

симовичъ,—дивно, что власть духовная, которой честь и долгъ нерушимый расширять ученіе о размноженіи наукъ на языкахъ политичныхъ ни мало не прилагало попеченія. Ибо у духовныхъ лицъ прежнихъ временъ былъ закоснѣлый обычай не переводить съ греческаго языка никакихъ другихъ книгъ, кромѣ церковныхъ, и то греческаго же чиноположенія, и эти только книги, переводя съ греческаго на славянскій языкъ, читать и почитать; а къ навыкновенію и изученію иностранныхъ языковъ (кромѣ славянскаго и греческаго) не было ни малѣйшаго усердія» [1]. Вслѣдствіе такого сознанія, очевидно, чувствовалась и высказывалась настоятельная необходимость европейскаго литературнаго и лингвистическаго образованія русскаго общества; необходимо было введеніе европейскаго языкознанія, европейскихъ книгъ, европейской науки и литературы. А для водворенія европейскаго лингвистическаго, научнаго и литературнаго образованія въ Россіи, нуженъ былъ предварительно новый, сильный умственный возбудительный толчокъ или импульсъ на медленно возбуждаемую нервную воспріимчивость русскаго общества, который бы произвелъ столь сильное, всеувлекающее впечатлѣніе на русскіе умы, чтобы они съ такимъ же увлеченіемъ и энтузіазмомъ предались изученію европейскихъ языковъ, европейской науки и литературы, съ какимъ увлеченіемъ и жаромъ прежде принялись за усвоеніе греческихъ церковныхъ обрядовъ и книгъ. А чтобы открыть полный и безпрепятственный доступъ западно-европейскимъ импульсамъ и дать имъ вполнѣ воздѣйствовать, — для этого необходимъ былъ такой могучій, энергическій геній, который силой своей воли могъ бы даже самихъ грековъ, какъ напримѣръ братьевъ Лихудъ, заставить учить русское юношество европейскимъ языкамъ, могъ бы заразъ вызвать болѣе 100 переводчиковъ, частію русскихъ, частью обрусѣлыхъ нѣмцевъ, и заставить ихъ почти день и ночь переводить, вмѣсто прежнихъ исключительно церковныхъ греческихъ книгъ, новыя европейскія научныя книги, частію въ Россіи, частію за границей. Такъкакъ народъ русскій все умственно-образовательное, даже самое христіанство, воспринималъ по инниціативѣ верховной, самодержавной власти, то послѣ генеалогическаго ряда прежнихъ великихъ князей и московскихъ царей, заботившихся только «о церковномъ устроеніи», о снабженіи русской церкви греческими церковными книгами и за то постоянно восхваляемыхъ въ предисловіяхъ этихъ церковныхъ книгъ, печатавшихся по ихъ по-

[1] Пекарскаго: Наука и литер. при Петрѣ 1. Т. I, стр. 193.

велѣнію, до Петра Великаго, — послѣ этихъ царей, — необходимъ былъ такой геніальный государь, который бы, вмѣсто перевода греческихъ церковныхъ книгъ, спеціально занялся введеніемъ европейскихъ книгъ и наукъ, и переводъ европейскихъ книгъ узаконилъ бы указомъ своимъ, какъ великое національное и государственное дѣло, и т. д. И вотъ такимъ геніемъ явился Петръ Великій — prince, — какъ отзывался объ немъ Делиль старшій, — prince aussi recommandable par son goût pour les sciences, que par la grande capacité dans l'art de regner [1], — государь, который даже грековъ братьевъ Лихудъ заставилъ учить русское юношество европейскому, италіянскому языку, который смѣло и энергически искоренялъ многіе суевѣрія и предразсудки, узаконенные или освященные греко-византійской традиціей [2] и, наконецъ, являясь не только императоромъ, но и членомъ парижской академіи наукъ, другомъ Лейбницевъ, Вольфовъ и многихъ другихъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, страстнымъ любителемъ европейскихъ наукъ, особенно астрономіи, математики, анатоміи и хирургіи и проч., издалъ свой знаменитый указъ о переводѣ европейскихъ книгъ, какъ о важномъ государственномъ и національномъ дѣлѣ [3]. Но что же обусловило появленіе этого генія, когда такимъ образомъ ни впечатлѣнія природы русской земли, ни впечатлѣнія восточно-азіатскихъ племенъ, ни впечатлѣнія греческаго вліянія не могли возбудительно и прогрессивно импульсировать интеллектуальныя способности русскаго народа? Мы пересмотрѣли всѣ впечатлѣнія, какія только дѣйствовали на русскій народъ въ теченіе всей его исторіи, и физическія и этническія, какія только извѣстны въ нашей исторіи, какъ выдающіеся, существенные факторы народнаго воспитанія. Остается только еще одинъ, особенно отличительно выдающійся въ нашей исторіи факторъ—это умственно-возбудительныя впечатлѣнія передовыхъ, западныхъ націй. Взглянемъ же теперь на историко-психологическое значеніе этихъ впечатлѣній.

---

[1] Пекарскаго. I, 347.

[2] Такъ, напримѣръ, онъ побудилъ греческаго патріарха Іеремію издать разрѣшительную грамату (7-го марта 1718 г.) объ употребленіи войску мяса по постамъ; издалъ нетолько «Духовный регламентъ», но и такіе указы, какъ, напримѣръ, указъ 28 февр. 1722 г., о строгомъ запрещеніи продажи чудотворцева меда, чудотворцева масла, чудотворцевыхъ веригъ и т. п., указъ о разрѣшеніи браковъ европейцевъ на православныхъ русскихъ женщинахъ, указъ о запрещеніи объявлять ложныя чудеса, новоявляемыя чудотворныя иконы и т. п., указъ о непривѣшиваніи въ церквахъ на образахъ всякихъ привѣсовъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ и вещей, и проч.

[3] П. С. Зак. № 4438.

Между тѣмъ, какъ ни впечатлѣнія восточно-азіатскія, ни впечатлѣнія византійскія не могли воздѣйствовать умственно-возбудительно и прогрессивно на нервную воспріимчивость русскаго народа, и подъ вліяніемъ ихъ умственная и соціальная жизнь народа пассивно воспринимала закоснѣло-неподвижный азіатско-византійскій складъ, среди русскаго народа все болѣе и болѣе стали появляться европейцы, особенно съ XVI столѣтія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и на нервную организацію или воспріимчивость русскаго народа все болѣе и болѣе начали дѣйствовать совершенно новыя, непривычныя и поразительныя впечатлѣнія западно-европейскія. Въ началѣ, однакожь, да даже еще и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, внезапное появленіе европейцевъ въ Россіи, какъ явленіе совершенно новое, небывалое и неожиданное, производило почти такое же страшное, ужасающее впечатлѣніе на нервы русскаго народа, какъ и появленіе, напримѣръ, татаръ. Пантофобически-запуганнымъ суевѣрнымъ русскимъ людямъ европейцы сначала казались пугалами, страшилищами. По свидѣтельству англичанина Карлейля, когда европейцы ѣхали въ Москву при посольствѣ, то народъ, увидя ихъ, до такой степени пугался, что съ трепетнымъ чувствомъ боязни или внутренняго отвращенія открещивался и спѣшилъ запираться въ свои избы, «какъ будто, — замѣчаетъ этотъ англичанинъ, — мы были зловѣщія птицы или какіе-нибудь пугалы»; только смѣльчаки, по словамъ Олеарія, выходили съ удивленіемъ, розиня ротъ, смотрѣть на европейцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы [1]. По первоначальному страшному или отвратительному впечатлѣнію ихъ на нервную раздражительность, — русскіе долго считали и называли европейцевъ «погаными, скверными». Въ XVI и XVII в. эти эпитеты постоянно прилагались къ имени нѣмцевъ или другихъ европейскихъ націй [2]. По этому чувству отвращенія, одно прикосновеніе къ европейцамъ, въ первыя времена сближенія съ ними, возбуждало нервную дрожь, какое-то идіосинкразическое отвращеніе и считалось оскверненіемъ. На этомъ основаніи, по свидѣтельству Герберштейна, когда великіе князья и цари принимали европейскихъ пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то тотчасъ же обмывали руку, чтобы стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе европейца [3]. Но, несмотря на то, приливъ европейцевъ въ Россію въ XVII вѣкѣ безпре-

---

[1] Карл. 205. Олеар. 346.

[2] П. С. Р. Лѣт. III, 283—305. V, 52, 73. Russovii Chronic. p. 39: Die Reussen fremde nationen *poganische* heissen.

[3] Herberst. 83.

рывно возрасталъ, и русскіе, по крайней мѣрѣ тѣ, которые наиболѣе вращались около посольскаго и аптекарскаго приказовъ, около двора царскаго, или около нѣмецкихъ ремесленныхъ мастерскихъ, эти русскіе, все ближе и ближе присматриваясь къ европейцамъ, все болѣе и болѣе сближаясь и ознакомляясь съ ними, мало по малу переставали дичиться и бояться ихъ. А чѣмъ больше они всматривались въ физическій и умственный типъ европейцевъ, тѣмъ больше примѣчали въ нихъ совершенно новыхъ, невиданныхъ и поразительныхъ особенностей и отличій нетолько отъ физическаго или умственнаго склада какихъ-нибудь самоѣдовъ, вогуловъ, зырянъ, чувашъ, черемисъ и т. п., но и отъ своего собственнаго національнаго типа, какъ наружнаго, такъ, въ особенности, умственнаго, и тѣмъ болѣе удивлялись этимъ необычайнымъ, невиданнымъ прежде для нихъ и поразительнымъ варіаціямъ европейскаго типа. Даже еще въ началѣ XVIII столѣтія на европейцевъ многіе смотрѣли съ удивленіемъ, какъ на диковинки и называли ихъ *диковинками* [1]. И вотъ этимъ-то диковинкамъ естественно-исторически суждено было произвести на нервную организацію русскаго народа самое могучее впечатлѣніе, такое, которое рѣшило всю его будущность, всю судьбу его умственнаго прогресса. Чѣмъ больше русскіе слышали о европейскихъ націяхъ, тѣмъ больше они узнавали ихъ прежде неслыханныя и невиданныя высокоразвитныя качества. Чѣмъ болѣе они видѣли европейцевъ, чѣмъ тѣснѣе сближались съ ними, чѣмъ болѣе всматривались въ нихъ, тѣмъ болѣе очаровывались, обаялись ихъ поразительными, физическими и умственными преимуществами. Еще въ XVI вѣкѣ, Максимъ Грекъ съ одушевленіемъ описывалъ русскимъ Парижъ, какъ средоточіе тогдашней европейской цивилизаціи: «Паризія, — говоритъ онъ, — градъ есть нарочитъ и многочеловѣченъ въ Галіехъ, иже нынѣ глаголются Франза, держава велія и преславна, и богатяща безчисленными благами, ихъ же первое и изрядное есть еже о философскихъ и богословскихъ догматахъ наказаніе и тщаніе туне подаваемо всѣмъ вкупѣ рачителямъ сицевыхъ изрядныхъ ученій. Наказателямъ бо сицевыхъ ученій оброки обильно даются по вся лѣта отъ царскихъ сокровищъ... Тамо обрящеши всяко художество, не точію богословію и философію священныя, но и внѣшняго наказанія (образованія), всяческія ученія, въ совершенное достиженіе свое руководящія рачителей своихъ, ихъ же множество многочисленно зѣло, яко же слышахъ отъ нѣкихъ. Отвсюду бо

---

[1] Пек. I, 162.

изъ западныхъ странъ и сѣверскихъ собираются въ предреченномъ велкком градѣ Паризіи желаніемъ словесныхъ художествъ, не точію сынове простѣйшихъ человѣкъ, но и самихъ тѣхъ, иже на царской высотѣ, и боярскаго, и княжескаго сана, овѣхъ убо сынове, овѣхъ же братья, овѣхъ же внучата и инако сродники, ихже каждо время довольно во ученіяхъ упражнився, возвращается въ свою страну, преполонъ всякія премудрости, и разума, и есть сицевый украшеніе своему отечеству: совѣтникъ бо ему есть предобръ и предстатель искусенъ и споспѣшникъ ему добрѣйшій во всемъ, елика потребна ему будутъ. Такимъ подобаетъ быти же и бывати своимъ отечествомъ, — продолжаетъ Максимъ Грекъ, обращаясь къ нашимъ боярамъ, — иже у насъ о благородіи и изобиліи богатства зѣло хвалятся, не точію самимъ о внѣшномъ женолѣпномъ украшеніи не радѣти, и блюсти себя отъ сребролюбія и всякаго лихоиманія, но еще и иныхъ понудити подражателемъ имъ быти» [1]. Послѣ такихъ обаятельныхъ слуховъ, какъ только стали русскіе отправляться за границу, «въ науку за море», и, послѣ московско-азіатскихъ типовъ, понятій и нравовъ, увидѣли на Западѣ во всемъ блескѣ невиданныя, неслыханныя прежде и, потому, необыкновенно-поразительныя для ихъ чувствъ чудеса или преимущества европейской цивилизаціи и жизни, то до такой степени стали очаровываться и увлекаться западною жизнью, что оставались тамъ, на Западѣ, и не хотѣли возвращаться на родину, несмотря на всѣ религіозныя, національныя и семейно-родовыя связи съ родиной и своимъ родомъ-племенемъ, связи, столь священныя по понятіямъ тогдашней православно-патріархальной философіи русскаго народа. Такъ еще при Борисѣ Годуновѣ посланы были въ Англію 5 человѣкъ русскихъ «для науки разныхъ языковъ и грамотъ», но они, какъ сказано въ одной грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича, до того «позадавнялп въ Англіи, не хотя видѣть смутъ и нестроенья московскаго государства, что не захотѣли вовсе возвратиться на родину, потому что извычны стали всякимъ обычаямъ англинскимъ, а иные изъ нихъ уже и служили при королевскомъ дворѣ, забыли, что они природные русскіе, а не иноземцы, и вѣры крестьянскія греческаго закона, что у нихъ отцы и матери и братья у всѣхъ живы, и всего роду-племени своего отбыли» [2]. Вообще молодое поколѣніе до того впечатлительно и воспріимчиво было къ со-

---

[1] Максимъ Грекъ. Рукоп. солов. библ. № 551.

[2] Записки акад. наукъ т. XI, кн. 1: извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Борисомъ Годуновымъ въ Англію въ 1602 г., стр. 91—96.

вершенно новымъ для него и обаятельнымъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и жизни, что поэтому родители, по свидѣтельству Кошихина, «для наученія и для обычая боялись отпускать дѣтей своихъ за границу, на западъ, страшась того— узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою отмѣнять и приставать къ инымъ, а о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили» [1]. Наконецъ, сравнивая физическій и умственный типъ русской народности и европейскихъ національностей, — лучшіе, передовые умы, несмотря на всѣ предубѣжденія, невольно очаровывались явнымъ превосходствомъ европейскаго интеллектуальнаго и физическаго типа. Мы видѣли уже, какъ Юрій Крыжаничь, путемъ этого сравненія, пришелъ къ явному предпочтенію физическаго, лингвистическаго и умственнаго типа европейцевъ. «По красотѣ лица и физическаго склада, — писалъ онъ, — мы не можемъ равняться съ красивыми европейскими народами. Языкъ нашъ неблагозвученъ (скрипливъ), непріятенъ, бѣденъ, и подлинно, всѣхъ европейскихъ языковъ наибѣднѣе. Потому, неудивительно, что и разумы наши тупы и медлительны, косны. Всѣ знаменитые европейскіе народы превосходятъ насъ разумомъ, а тому главная причина несовершенство нашего языка: ибо чего не можемъ рѣчью изречь, того не можемъ и думою замыслить, удумать, какъ бы то ни было нужно. Сколько азіатскіе народы, самоѣды, остяки, калмыки и другіе, сравнительно съ нами, суть дики и звѣрски, столько мы, сравнительно съ другими, европейскими народами, кажемся грубыми, невѣжественными (неумѣтельными); почему, вслѣдствіе нашей неучености и необразованности, иные народы считаютъ насъ тоже дикими. Татаръ, калмыковъ, остяковъ и другихъ дикихъ народовъ мы превосходимъ людскостію. А людскіе (образованные или цивилизованные) европейскіе народы, то-есть итальянцы, французы, нѣмцы, испанцы и древніе греки превосходятъ насъ людскостью, образованностію и всѣми природными свойствами ума и тѣла: обличьемъ (наружностью), словомъ или бесѣдою, разумомъ, крѣпостію или бодростію, сердечностью или одушевленіемъ (живостью), работливостью и изобрѣтательностью въ наукахъ. Мы же, въ сравненіи съ ними, тѣломъ мало приглядны, бесѣдою на половину нѣмы, въ наукахъ — невѣжды. Мы по наружности средніе, а инородники-европейцы красивы. Мы не краснорѣчивы, а инородники-европейцы обладаютъ даромъ слова, говорливы и обладаютъ рѣчами обличи-

[1] Кошихина, 8.

тельными, острыми, насмѣшливыми, колкими. Мы медлительны, не быстры разумомъ и простосердечны; они преисполнены всякихъ дарованій и знаній. Мы лѣнивы къ работѣ и къ наукамъ: они кромышленны и ни одного дорогого часу не пропустятъ безъ дѣла» [1].

Когда европейцы произвели на нервную организацію русскихъ людей такое сильное впечатлѣніе, обаяли ихъ преимуществами своего физическаго и интеллектуальнаго типа, тогда сильно возбудилась и постепенно все болѣе и болѣе наростала до высшей степени напряженія эта естественно-свойственная нервной организаціи русскаго народа особенная, до раздражительности впечатлительная нервная воспріимчивость ко всему новому, поразительному, представлявшему рѣзкій, неожиданный контрастъ съ прежними, привычными ассоціаціями впечатлѣній и идей. Въ XVII вѣкѣ эта вновь возбужденная нервно-мозговая воспріимчивость къ новымъ и обаятельнымъ впечатлѣніямъ западно-европейскаго типа достигла, путемъ генеративно-послѣдовательнаго развитія, такой степени напряженности, что обратилась, такъ-сказать, въ новое, особенное умственное качество, наслѣдственно передававшееся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Качество это Юрій Крыжаничь довольно характеристично назвалъ *ксеноманіей*, *чужебѣсіемъ*. Возбужденные поразительною новостью западно-европейскихъ впечатлѣній, передовые русскіе люди всему удивлялись, чюдились въ европейскомъ физическомъ и умственномъ типѣ, все ихъ обаяло, увлекало—и красивая физическая структура европейцевъ, и развитые, образованные европейскіе языки, сильные выразительностью и богатые содержаніемъ, и изящный европейскій нарядъ и т. д. «Мы возбуждены — писалъ Юрій Крыжаничь,— *ксеноманіей*, *чужебѣсіемъ*, то-есть что мы всякимъ чужимъ вещамъ *чюдимся*, и за нихъ уцѣпляемся, ихъ хвалимъ, возвеличиваемъ. Для того и принимаемъ инородниковъ (европейцевъ), и удивляемся, *чюдимся* ихъ лѣпому (красивому) образу, ихъ смѣлому говоренью и стройному житью... Безъ европейскихъ инородниковъ мы жить не можемъ. Отъ нихъ принимаемъ товары, отъ нихъ искусства, науки. Инородники, откупщики, резиденты, консулы, торговцы, полковники, рудознатцы, врачи, бисерники, живописцы, мастера колокольнаго дѣла, всякіе ремесленники и всякіе новокрещены изъ инородниковъ учатъ насъ своимъ обыкновеніямъ... Они прельщаютъ, приманиваютъ насъ именами академій, или высшихъ училищъ, и свободи-

[1] Юрія Крыжанича: «О Москов. Государствѣ». Раздѣлъ II, стр. 32—37.

нами (привиллегіями), данными ученикамъ, и твореніями докторовъ, магистровъ или учителей... Не диво, если чужебѣсіе съ ума свело столь многихъ нашихъ владѣтелей. Что говорю, многихъ? всѣхъ, всѣхъ. Изъ руссовъ, царь Иванъ Васильевичъ, и царь Борисъ Ѳедоровичъ, и наипаче растрига наполнили русскую землю нѣмцами. Сосѣдніе, европейскіе народы преодолѣваютъ, очаровываютъ насъ своею лѣпотою, оборотливостью или ловкостью, подвижностью (шагавостью), рѣчистостью, ласковыми бесѣдами, да игральными своими шагами. Чужебѣсіе насъ съ ума сводитъ. Ибо нѣтъ ни одного народа подъ солнцемъ, у котораго бы инородники, люди другихъ націй, пользовались такою честью и довѣренностью, принимались бы съ такою любовью, и гдѣ бы чужебѣсіе имѣло такую силу, какую имѣетъ у насъ. Или паче скажемъ: покамѣсть чужебѣсіе насъ однихъ особенно, больше всѣхъ соблазнило. Ибо мы имѣемъ языкъ найменѣе совершенный изъ всѣхъ европейскихъ языковъ, и почти нѣмой, разумы имѣемъ не крѣпкіе, не сильные, и лѣпоты (красоты физической) не имѣемъ почти никакой: потому и привыкаемъ, обыкаемъ чюдиться чужой рѣчистости, мудрости, разуму, а найпаче—лѣпому образу, а также игральнымъ искусствамъ и ласковымъ шагамъ, красивой походкѣ. И потому, какъ тѣ птицы, которыя лакомѣе глядятъ и чюдятся дѣламъ человѣческимъ или ловчимъ, бываютъ легче уловлены: такъ и мы, зіяя, розиня ротъ, глядимъ и дивимся европейской лѣпотѣ, и бываемъ отъ нихъ съ ума сведены» [1]. Увлекшись, обаявшись до такой степени самою физическою красотою европейскаго типа,—лучшіе, менѣе предразсудочные русскіе люди стали легче смотрѣть и на самые взаимные браки русскихъ и европейцевъ. Многіе русскіе мало по малу, безъ зазрѣнія православной совѣсти, стали выдавать своихъ дочерей замужъ за европейцевъ. Вслѣдствіе этихъ браковъ, рядомъ съ метисами русско-финскими, русско-татарскими и т. д., рядомъ съ «карымами» и обрусѣлыми лопарями, самоѣдами, зырянами, вогуличами, вотяками, пермяками, чувашами, черемисами, мещеряками и мордовцами, стали нарождаться въ массѣ русскаго народа и новыя, европейскія или русско-нѣмецкія генераціи. Уже съ давнихъ временъ, наряду съ 235 родами дворянства, происшедшими отъ восточно-азіатскихъ племенъ, и въ томъ числѣ наряду со 133 родами княжескими и дворянскими, происшедшими отъ выѣзжихъ изъ разныхъ татарскихъ ордъ—изъ крымской, ногайской, синей, золотой, большой, касуйской

[1] Юр. Крыжан. разд. 7, 16 и др.

и другихъ,—рядомъ съ этими азіатскими родами до 285 родовъ произошли отъ индо-германскаго племени: 152 дворянскихъ рода выѣхали изъ разныхъ краевъ Германіи, изъ Пруссіи, Даніи и Швеціи, 19 дворянскихъ родовъ произошли изъ Италіи, Венгріи и Англіи, 114 родовъ изъ Польши и т. д. [1]. По словамъ Юрія Крыжанича, «въ нарожанствѣ русскомъ нарождались поколѣнія мѣшанцевъ и перекрестковъ европейскихъ. Переводчики посольскаго приказа были большею частію обрусѣлые нѣмцы, послы наши были дѣти недавнихъ новокрещенцевъ-нѣмцовъ: primo nostri interpreti genere Germani, deinde nostri legati Germanornm neofitorum filii [2]. Такимъ образомъ, послѣ вѣковаго физіологическаго смѣшенія русской народности исключительно съ восточно-азіатскими племенами — финскими, тюрко-татарскими и монгольскими,—началось отчасти физіологическое сродненіе русской народности и съ западно-европейскими, индо-германскими національностями. Это обобщеніе или объединеніе національностей особенно возмущало приверженцевъ русской народности или «русскаго» «прироженья», какъ говорили въ XVII вѣкѣ. И Юрій Крыжаничь, какъ лучшій, передовой публицистъ XVII вѣка, поднялъ роковой вопросъ: смѣшиваться ли, сливаться ли русской народности съ европейскими національностями,—и самъ, по своему личному взгляду, рѣшалъ этотъ вопросъ отрицательно. «Гдѣ принимаются инородники въ народъ, — говорилъ онъ, — тамъ изъ разныхъ народовъ, языковъ, законовъ слагается одна народность смѣшанная, одно людство мѣшано, или въ особенности бываетъ смѣшеніе разныхъ воль, изъ котораго ничего добраго не можетъ родиться. Ибо не можетъ тамъ быть ни единомысліе, ни одновольность. Такъ, если кто видитъ себя родомъ изъ нѣмцевъ, тотъ къ нѣцамъ и тяготѣетъ. Поэтому, отнюдь не надо такихъ мѣшанцевъ припущать... А русское царство, въ смѣшеніи крови подражая туркамъ, принимаетъ всякаго вольноприходящаго, еще болѣе манитъ, проситъ, и принуждаетъ многихъ нѣмцевъ, чтобы окрестились, и тѣхъ людей, которые изъ своихъ тѣлесныхъ выгодъ крестятся, принимаетъ въ свой народъ и садитъ на высокія мѣста. Такіе новокрещеные и принятые въ нашъ народъ нѣмцы всякія наши дѣла отправляютъ, съ иными королями мирные договоры и торговые трактаты за-

---

[1] Родосл. книга русск. дворянъ, составл. по оффиціальн. и фамильн. документамъ въ послѣдней четверти XVII столѣтія въ царств. Ѳеодора Алексѣевича.

[2] Разд. 54, стр. 145.

ключаютъ и проч. Если русское царство когда разорится, то отъ тѣхъ перекрестковъ-нѣмцевъ или отъ ихъ отродковъ должно разориться. Смѣшиваться хотятъ человѣческою кровію, но во вѣки вѣчные волями не спаятся, не совокупятся въ одно. Внуки и правнуки, урожденные отъ перекрестковъ, всегда имѣютъ мысли разныя отъ природныхъ чисто-кровныхъ нарожановъ». Вслѣдствіе такого образа мыслей, Юрій Крыжаничь предлагалъ даже установить въ Россіи законъ, чтобы строго обязать всѣхъ русскихъ, особенно князей, бояръ или дворянъ,—отнюдь не выдавать своихъ дочерей за инородниковъ, за европейцевъ, а выдавать ихъ только за происхожденцевъ «славянскаго рода— не отъ иныхъ народовъ, а прямо отъ славянскаго рода и племени урожденныхъ, точно также жениться отнюдь не у инородниковъ, а только въ своемъ славянскомъ роду» [1]. Вопросъ, могутъ ли иностранцы жениться на православныхъ, не принимая греческаго исповѣданія, возникалъ еще въ 1644 году, когда пріѣзжалъ въ Москву датскій принцъ Вольдемаръ, чтобы жениться на одной изъ дочерей царя Михаила Ѳедоровича; но въ то время наши богословы рѣшили его отрицательно... Только Петръ-Великій указомъ 23-го іюня 1721 года окончательно разрѣшилъ браки европейцевъ съ русскими [2]. Одновременно съ этимъ указомъ, по повелѣнію Петра-Великаго, сочинено было святѣйшимъ синодомъ и въ 1721 г. напечатано даже особое «разсужденіе о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными», которое въ числѣ болѣе 1,600 экземпляровъ разослано было по эпархіямъ. Въ разсужденіи этомъ принципъ браковъ русскихъ съ европейцами, по повелѣнію Петра-Великаго, санкціонированъ былъ подтвержденіемъ святѣйшаго синода [3]. Всѣ эти факты ясно показываютъ, до какой степени русскіе стали увлекаться сближеніемъ съ европейцами. Эта въ высшей степени напряженная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ западныхъ націй, развившаяся въ значительной части допетровскаго поколѣнія до ксеноманіи, и сопровождавшаяся уже браками русскихъ и европейцевъ,—въ то же время болѣзненно раздражала нервную организацію людей суевѣрныхъ, пантофобически-настроенныхъ. Вслѣдствіе этой особенной нервно-мозговой возбужденности, въ русской народности произошелъ расколъ и съ неменьшею нервною раздражительностью застоналъ и завопилъ о послѣднихъ, антихристовыхъ временахъ, потому что нача-

---

[1] Разд. 31, 50, 54.

[2] Пол. Собр. Закон. VI №№ 3798 и 3814.

[3] Пекарскаго: «Наука и литер. при Петрѣ I», т. II, стр. 506—507.

лось не только умственное, но и физическое сродненіе русской народности съ европейскими національностями. Суевѣрнымъ, пантофобическамъ умамъ, страдавшимъ болѣзненною нервною раздражительностью, мерещилась послѣдняя Русь, чюдилось превращеніе, перерожденіе русскихъ въ нѣмцевъ. Ѳедоръ Дьяконъ вопилъ: «иного отступленія уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо и отъ сего часа на горшія измѣненія происходити будетъ царьми неблагочестивыми... О прелесте! понеже еси пестра; скверные нѣмцы, поляки и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію веліею почитаются... сплелись западные съ восточными». «Охъ, бѣдная Русь! восклицалъ протопопъ Аввакумъ, — что-то тебѣ захотѣлось «латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!» [1]. Паническій ужасъ и нервную раздражительность чувствовали эти суевѣры, когда впервые видѣли на русскихъ европейскую одежду. «Братія моя возлюбленная—восклицали они,—бѣда, и скорбь, и погибель роду христіанскому! отлучився вѣры православныя и возлюбивъ слабую, прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру,—позавидѣхомъ мы ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая; а Богъ не повелѣлъ на ризы невѣрныхъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкамъ взирати и зазирати, понеже Богу мерзко беззаконное шитье ихъ, и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ» [2]. Между тѣмъ, несмотря на эти возгласы крайнихъ приверженцевъ русской народности,—и возбужденная до страстнаго, мономаническаго увлеченія воспріимчивость къ новымъ умственно-возбудительнымъ впечатлѣніямъ западныхъ національностей, достигши до степени сильной нервно-мозговой напряженности, до «ксеноманіи», стала уже рѣшительно, какъ мы сказали, новымъ, генеративно-наслѣдственнымъ умственнымъ качествомъ въ передовомъ допетровскомъ поколѣніи и въ царскомъ родѣ. И какъ новое, выгодное измѣненіе или уклоненіе, по закону естественнаго подбора, она наслѣдственно передавалась изъ рода въ родъ, отъ отцовъ къ дѣтямъ. Царевичи воспитывались уже въ духѣ европейской «ксеноманіи», подъ вліяніемъ такихъ образованныхъ европейцевъ, какъ докторъ медицины англичанинъ Коллинсъ, нѣмецъ Энгельгардтъ (астрологъ), Блюментростъ и многіе другіе. Въ теченіе XVII столѣтія ихъ безпрестанно окружали уже до 36 европейскихъ докторовъ медицины, до 31 лекаря, до 19 аптекарей-алхимистовъ, не счи-

---

[1] См. «Русскій расколъ старообрядства». Казань. 1859 г., главу I.

[2] Сборн. Сол. библ. № 923 въ концѣ.

тая множества европейскихъ инженеровъ, архитекторовъ, полковниковъ, металлурговъ и проч. Всѣ эти иностранцы напечатлѣвали въ умахъ царевичей живую воспріимчивость къ европейскимъ идеямъ и обычаямъ, такъ что суевѣрные, пантофобическіе умы со страхомъ ожидали чего-то роковаго изъ царскаго рода и въ посланіяхъ къ царю съ болѣзненною нервною раздражительностью вопіяли противъ европейскаго воспитанія царевичей. Попъ Лазарь взывалъ къ царю Алексѣю Михайловичу въ посланіи «О изгубленіи власти правовѣрныхъ государей»: «Царю благородный! како времени сего не испытуешь: имѣеши у себя мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небеси и земли и хвосты звѣздъ измѣряющихъ аршиномъ: сихъ Спасъ глаголетъ быти лицемѣры, яко времени не изгодаешь, государь! Таковыхъ ли въ чести имѣешь и различными брашнами питаешь и хощешь внѣшними ихъ плеухами мирную власть свою устроити. Ни, ни! Ветхій законъ стѣнь благодати есть: когда отъ законовъ отеческихъ отступали, все злое имъ было тогда. Подобаетъ тебѣ, царю, заповѣдати *благовѣрнымъ чадамъ своимъ, да пребываютъ въ законахъ отеческихъ во вѣки неотступно!*» [1]. Когда, такимъ образомъ, въ царскомъ роду и въ лучшихъ передовыхъ людяхъ послѣдняго до-петровскаго поколѣнія, путемъ непрерывнаго и генеративно-усиливавшагося воздѣйствія совершенно-новыхъ и обаятельно-поразительныхъ впечатлѣній европейскаго типа, до ксеноманіи возбудилась и генеративно-наслѣдственно передавалась отъ отцовъ къ дѣтямъ живая, напряженная нервная впечатлительность и воспріимчивость къ обаятельнымъ физическимъ и умственнымъ качествамъ европейскихъ націй, а въ людяхъ пантофобически настроенныхъ возбуждались, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, нервная раздражительность и злоба,—тогда пробилъ естественно-историческій часъ рѣшенія роковаго національно-этнологическаго и естественно-психологическаго вопроса: воспринимать ли новыя, могущественно-возбудительныя умственныя впечатлѣнія, какія производили на высшіе слои русскаго общества западныя націи, и воспитываться ли, цивилизоваться ли подъ вліяніемъ ихъ—или же, слѣдуя византійской системѣ мистико-аскетическаго воспитанія, коснѣть въ восточно-азіатской умственной пассивности и застойчивости. Послѣ вѣковаго физіологическаго и сожительно-бытоваго смѣшенія и сродненія русскаго народа съ восточно-азітаскими племенами,—вступать ли въ органическій союзъ, въ физіолого-интеллектуальное соединеніе и обобщеніе съ передо-

---

[1] Расколъ старообрядства, стр. 94.

выми, высоко-развитыми національностями западно-европейскими, или же удаляться этого союза и, въ своей восточно-континентальной замкнутости, продолжать сливаться и сродняться съ недалекими и неразвитыми азіатскими племенами? Когда пробилъ роковой часъ рѣшенія этого физіолого-этнологическаго вопроса, тогда вся энергія нервно-мозговой впечатлительности и воспріимчивости къ импульсамъ и впечатлѣніямъ западно-европейскаго вліянія, генеративно-послѣдовательно развившись, путемъ естественнаго подбора, въ неискоренимое умственное качество послѣдняго до-петровскаго поколѣнія, въ *«ксеноманію»*, и наслѣдственно передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ самомъ царскомъ родѣ, имѣвшемъ наибольшую возможность воспринимать западно-европейскія впечатлѣнія,—наконецъ, по закону естественнаго подбора въ высшей степени напряженности и возбуждаемости унаслѣдована была въ царскомъ родѣ сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Явился геній живѣйшей нервной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ Запада—Петръ-Великій, genie imitatif, какъ назвалъ его Руссо.

Такимъ образомъ, и самый геній Петра-Великаго, разсматриваемый съ историко-психологической точки зрѣнія, есть не что иное, какъ именно эта въ высшей степени напряженная энергія той нервно-мозговой впечатлительности и воспріимчивости къ импульсирующимъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и науки, которая генеративно-послѣдовательно развивалась въ предшествовавшихъ Петру поколѣніяхъ и, по закону естественнаго подбора, наслѣдственно передаваясь изъ рода въ родъ, наконецъ, во всей полнотѣ зрѣлости и возбужденности, унаслѣдована была счастливой нервно-мозговой организаціей Петра-Великаго. Въ сущности же, это та же самая особенная наибольшая естественная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершено новымъ и неожиданно-поразительнымъ, которая, по общимъ психологическимъ законамъ, свойственна всѣмъ людямъ, но по особеннымъ климатическимъ и соціально-педагогическимъ условіямъ воспитанія нервной организаціи русскаго народа, въ наибольшей степени свойственна умамъ русскимъ. Въ сущности, это та же самая особенная нервная чувствительность и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ, непривычнымъ для нервовъ чувствъ и необыкновенно-поразительнымъ, которая и на низшей степени умственнаго развитія нашихъ предковъ рефлективно выражалась трепетнымъ преклоненіемъ передъ всѣмъ новымъ и внезапно-поразительнымъ. Въ геніѣ Петра-Великаго, эта особенная нервная воспріимчивость и впечатлительность достигла только высшаго нормальнаго развитія

и раціональнаго выраженія и направленія. Чтобы нагляднѣе показать, что геніальная воспріимчивость Петра-Великаго къ особенно-поразительнымъ впечатлѣніямъ Запада — естественнымъ, умственнымъ, научнымъ, соціальнымъ, экономическимъ и государственнымъ, есть не что иное, какъ высшая степень развитія и выраженія той же общей наибольшей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ и особенно-поразительнымъ, которая присуща нервной организаціи всего русскаго народа, — мы приведемъ здѣсь два или три примѣра какъ изъ физической, такъ и этнической или умственной сферы. Вотъ, напримѣръ, на самой нисшей, первобытной степени нервно-мозговаго развитія нашихъ предковъ, такія необычайныя явленія органической природы, какъ монстры, уроды или даже всѣ эмбріоны царства животнаго и, въ особенности, человѣческаго рода, какъ впечатлѣнія совершенно новыя, непривычныя для глазъ и неожиданно-поразительныя, на нервную чувствительность нашихъ предковъ производили страшное, потрясающее дѣйствіе и возбуждали въ нихъ чувство трепетнаго ужаса и изумленія. Нетолько непостижимый для первобытныхъ людей, физіологическій актъ рожденія человѣка возбуждалъ чувство ужаса и породилъ трепетное поклоненіе роду и рожаницѣ, которыхъ боялись и умилостивляли требами, жертвами, но и каждый, особенно недоношенный плодъ или эмбріонъ, каждый монстръ или уродъ производили на нервы чувствъ ихъ такое же ужасное, потрясающее впечатлѣніе. И, пораженные этимъ впечатлѣніемъ, при видѣ, напримѣръ, монстра или урода, они невольно, путемъ рефлексовъ съ зрительнаго нерва на всѣ чувствующіе органы и мышцы тѣла, приходили въ трепетное, судорожно-содрогательное потрясеніе во всемъ организмѣ, такъ что пораженные испугомъ и ужасомъ, падали на колѣни, и такимъ образомъ невольно, рефлективно преклонялись передъ уродами и недоношенными эмбріонами, какъ передъ богами. Въ одномъ древнемъ словѣ, обличающемъ языческія суевѣрія нашихъ предковъ, читаемъ: «кланяются они стеглороженію, роженію [*недоношеннаго порода*, мати бо его рожаючи оказися, и того (недошенаго порода) сотвориша богомъ, кланяются богу мужежену (уроду двуполому), тѣмъ же богамъ жертву творятъ и кладутъ и славянскій языкъ, и начаша требу творити своимъ богамъ роду и рожаницѣ» [1]. Въ средніе вѣка, когда, въ силу господствовавшаго вѣрованія, что Богъ творитъ совершенныя

---

[1] Лѣтоп. стар. рус. литературы: поученія, направл. противъ язычества. III, 99—100.

созданія, а дьяволъ стремится все портить, на уродовъ или монстровъ смотрѣли какъ на дьявольское извращеніе природы или «бѣсовское диво»—и въ средніе вѣка, такія аномаліи органической природы и даже разсказы о необыкновенныхъ дѣтищахъ или уродахъ человѣческихъ и животныхъ всѣхъ поражали чувствомъ ужаса, изумленія и удивленія; имъ чюдились, удивлялись, какъ великимъ дивамъ, и лѣтописцы отмѣчали ихъ въ лѣтописи, какъ страшныя чуда бѣсовскія, какъ «дива великія» [1]. И вотъ точно также, и на нервную впечатлительность Петра-Великаго, въ высшей степени воспріимчивую и живую, такое же сильное впечатлѣніе произвели эти необычайныя, непривычныя для глазъ и неожиданно-поразительныя произведенія природы—монстры человѣческіе и звѣриные, когда онъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ, и также поразили, изумили его, какъ поражали и изумляли они и всѣхъ допетровскихъ русскихъ людей. Вся разница впечатлѣнія состояла только въ томъ, что эти необычайныя явленія въ геніѣ Петра-Великаго возбудили уже не суевѣрное чувство страха и трепета, а равносильное ему чувство удивленія, изумленія и любопытства, и такимъ образомъ породили въ умѣ его не суевѣрное чувство трепетнаго религіознаго родопоклоненія, но равносильную этому чувству первую, зачаточную и энергическую идею познанія природы. Въ силу общей, естественно—наибольшей чувствительности и воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ, необычайнымъ, непривычнымъ для чувствъ,—и Петръ-Великій необыкновенно изумленъ былъ, когда, въ бытность свою въ Голландіи, въ первый разъ увидѣлъ знаменитый анатомическій театръ Рюиша, въ которомъ находилось, между прочимъ, до 110 однихъ человѣческихъ эмбріоновъ. И особенно онъ пораженъ былъ именно при видѣ монстровъ и эмбріоновъ: при видѣ одного эмбріона, или трупа ребенка, который былъ такъ хорошо сохраненъ, что казался живымъ и съ улыбкой на устахъ,—царь до того пораженъ былъ изумленіемъ и до того экзальтированъ былъ чувствомъ восторга и удивленія, что не могъ воздержаться, чтобы не поцаловать этотъ эмбріонъ. Съ трудомъ Петръ рѣшился выйти изъ кабинета, и потомъ много разъ возвращался въ него. Въ умѣ его, вслѣдствіе этого впечатлѣнія, запала такая сильная, безотвязная мысль о Рюишевомъ анатомическомъ театрѣ, что она стала потомъ его idea fixa, пока онъ не купилъ весь этотъ кабинетъ съ монстрами и эмбріонами за 50 тысячъ голландскихъ флориновъ. Какъ въ

---

[1] Волын. Лѣтопис. 344, 345.

умахъ первобытныхъ предковъ нашихъ впечатлѣнія, какія производили на нервы ихъ монстры, уроды, эмбріоны или, какъ они говорили, «недопошены породы», возбуждали чувство ужаса, трепета и породили суевѣрно-религіозный культъ: въ честь уродовъ, недоношенныхъ породовъ и въ честь рода и рожаницы,—такъ въ геніѣ Петра-Великаго, тѣ же впечатлѣнія, въ анатомическомъ театрѣ Рюйша, возбудили необыкновенное чувство удивленія, и породили въ немъ живѣйшую, страстную, до энтузіазма увлекавшую его идею собиранія «монстрозитетовъ», уродовъ, эмбріоновъ и, потомъ, вообще всѣхъ, какъ говорили тогда, «натуральныхъ раритетовъ, куріозитетовъ и всякихъ преудивительныхъ и чудественныхъ вещей», и, такимъ образомъ, какъ увидимъ дальше, были первымъ импульсомъ или источникомъ эмбріональнаго зачатка въ Россіи естествопознавательной мысли. Съ какимъ чувствомъ трепета, суевѣрные предки наши, при видѣ монстра или урода, съ пантофобическимъ нервнымъ потрясеніемъ и содроганіемъ преклонялись передъ нимъ, какъ передъ богомъ,—съ такимъ чувствомъ фавматологическаго энтузіазма, удивленія и любопытства Петръ-Великій, послѣ живѣйшаго впечатлѣнія, произведеннаго на него монстрами и эмбріонами въ Рюйшевомъ кабинетѣ, увлекся идеей собиранія этихъ особенныхъ произведеній природы въ кунсткамеру. И вслѣдствіе этого-то увлеченія, онъ издалъ 13 февраля 1718 года свой знаменитый указъ о доставленіи въ кунсткамеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, эмбріоновъ и проч. «Понеже извѣстно есть,—сказано въ этомъ указѣ,—что какъ въ человѣческой породѣ, такъ въ звѣрской и птичьей случается, что родятся монстры, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки, чего для передъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобы такіе (уроды) приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о дву головахъ, два, которые срослись тѣлами. Однакожъ въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть, но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйствія діавольскаго, чему быть не возможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ; но родятся отъ поврежденія внутренняго, также отъ страха и мнѣнія матерняго во время бремени, какъ тому есть многіе примѣры: чего испужается мать, такіе знаки на дитяти бываютъ; также, когда ушибется, или больна будетъ и проч. Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, при-

носили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то дана будетъ плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣрскую по 5 р., а за птичью по 3 рубля—за мертвыхъ. А за живыхъ: за человѣческую по 100 рублей, за скотскую и звѣрскую по 15 рублей, за птичью по 7 рублей. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; будеже съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то менѣе. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобы тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, и коменданты неповинны ихъ спрашивать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать, а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя, и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ. Вышереченные уроды, какъ человѣчьи, такъ и животныхъ, когда умрутъ, класть въ спирты; а будеже того нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось» [1]. Такъ возбудительно подѣйствовали на живую, нервную воспріимчивость Петра-Великаго ко всему новому и поразительно-замѣчательному, особенно выдававшіяся, неожиданно-поразительныя физическія впечатлѣнія натуральныхъ кабинетовъ на Западѣ. Точно также, въ высшей степени возбудительно ажитировали нервную впечатлительность его и всѣ совершенно новыя, и поразительно-замѣчательныя впечатлѣнія западной цивилизаціи, науки и жизни.

Какъ въ послѣднихъ допетровскихъ поколѣніяхъ, искони присущая нервной организаціи русскаго народа особенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ, непривычнымъ и необыкновенно выдающимся, вслѣдствіе неожиданно-поразительнаго воздѣйствія и постепеннаго усиленія западно-европейскихъ впечатлѣній, живо возбудила и генеративно-наслѣдственно развила, какъ новое, особенное умственное качество, «ксеноманію», или страстное, энтузіастическое обаяніе увлекательными качествами европейскаго типа, какъ впечатлѣніями совершенно новыми и особенно-поразительными, и такимъ образомъ генеративно-наслѣдственно подготовила рожденіе и направленіе генія Петра-Великаго, такъ и въ самомъ геніѣ Петра-Великаго совершался тотъ же психологическій процессъ. Именно, та же самая особенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и поразительнымъ, вслѣдствіе еще наиболѣе

---

[1] См. этотъ указъ у Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ I». т. I, тр. 54.

сильнаго импульса западно-европейскихъ впечатлѣній, породила и въ немъ въ высшей степени возбужденную энергію къ живѣйшему и быстрому воспріятію всѣхъ могущественно-обаятельныхъ впечатлѣній западной цивилизаціи и науки, какъ впечатлѣній совершенно новыхъ и необыкновенно-возбудительныхъ для нервной воспріимчивости. И такимъ образомъ, воспріимчивость эта была, далѣе, завязкой всецѣлаго умственнаго увлеченія и всѣхъ послѣпетровскихъ поколѣній впечатлѣніями и идеями западной цивилизаціи и науки. Въ самомъ дѣлѣ, изумительна эта необыкновенная нервная воспріимчивость генія Петра-Великаго ко всѣмъ поразительно-увлекательнымъ впечатлѣніямъ западнаго просвѣщенія. Такихъ впечатлительно-воспріимчивыхъ и всеувлекающихся государей не было, кажется, во всей европейской и даже всемірной исторіи. Едва-ли можно указать одинъ предметъ западной цивилизаціи и науки, который, впервые поражая зрѣніе Петра-Великаго, не производилъ бы сильнѣйшаго впечатлѣнія на его умъ. Путешествуя по Западу, заходилъ ли Петръ-Великій, напримѣръ, въ мастерскую голландскихъ машинистовъ фанъ-деръ-Гейденъ, изобрѣтателей пожарныхъ трубъ, онъ всему тамъ изумлялся въ произведеніяхъ механики, проводилъ тамъ цѣлые часы, удивляясь ловкости и изобрѣтательности этихъ европейскихъ машинистовъ, и съ тѣхъ поръ онъ въ теченіе всей своей жизни думалъ о машинахъ, о наученіи русскихъ механикѣ, и, въ частности, всю жизнь его занимала мысль о пріобрѣтеніи разныхъ европейскихъ машинъ и, въ томъ числѣ, въ особенности пресловутой машины perpetuum mobile Орфиреуса, о которой тогда трубили въ Европѣ. Вслѣдствіе этого впечатлѣнія, Петръ-Великій первый ввелъ въ Россію такую важную науку, какъ механика, и при немъ впервые переведены были съ европейскихъ языковъ и напечатаны въ Россіи книги по части механики. Или, вотъ, посѣтилъ Петръ-Великій парижскую академію наукъ — учрежденіе неслыханное и невиданное на Руси, — и тамъ все приводило его въ восторгъ и удивленіе, особенно все новое и достопримѣчательное по части науки; напримѣръ, съ величайшимъ вниманіемъ и необыкновеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ онъ модель машины, изобрѣтенной для легчайшаго подъема вверхъ воды и построенной съ соблюденіемъ труднѣйшихъ геометрическихъ правилъ, и съ живѣйшимъ вниманіемъ слушалъ объясненія дела-Фэ; съ такимъ же живѣйшимъ увлеченіемъ разсматривалъ онъ дѣйствіе новой подъемной машины, которая при меньшей силѣ дѣйствовала успѣшнѣе, нежели обыкновенныя подъемныя машины, а также опыты надъ двумя любопытными химическими

составами. И вотъ, подъ вліяніемъ всѣхъ подобныхъ живыхъ впечатлѣній, какія произвела на Петра-Великаго парижская академія наукъ, въ умѣ его тотчасъ же возбудилась энергическая идея объ основаніи подобной академіи наукъ въ Петербургѣ, и какъ только возвратился онъ изъ-за границы, тотчасъ же написалъ на меморіалѣ иностранца Фика «о нетрудномъ наученіи и воспитаніи молодыхъ россійскихъ дѣтей» такую резолюцію: «сдѣлать академію, а нынѣ пріискать изъ русскихъ кто ученъ и къ тому склонность имѣетъ; также начать переводить книги: сему учинить сего года начало»[1]. Осматривалъ ли, далѣе, Петръ-Великій въ Парижѣ коллегіумъ Мазарини, — онъ выходилъ съ живою идеею—основать подобную школу въ Россіи, и тутъ же разспрашивалъ объ издержкахъ, что можетъ стоить поподобное заведеніе. Заходилъ ли изъ коллегіума къ геометру Пижону, изобрѣтателю движущагося глобуса по системѣ Коперника, — съ живѣйшимъ любопытствомъ онъ удивлялся этому глобусу и тотчасъ же пріобрѣталъ его для себя за 2 тысячи экю. Разъ, увидѣвши химическіе опыты въ Парижѣ, — онъ потомъ съ величайшимъ любопытствомъ ѣздилъ смотрѣть химическіе опыты Жоффруа и Лемери. Разъ увидѣвши какую-нибудь хирургическую операцію, напримѣръ, глазную операцію, сдѣланную въ Парижѣ англичаниномъ Уальгозомъ надъ однимъ 65-лѣтнимъ слѣпымъ инвалидомъ, Петръ съ тѣхъ поръ страстно любилъ присутствовать при всѣхъ замѣчательныхъ анатомическихъ вскрытіяхъ и хирургическихъ операціяхъ, какія потомъ производились въ С.-Петербургѣ, и постоянно носилъ при себѣ въ особенномъ футлярѣ хирургическіе инструменты — два ланцета со шнеперомъ для кровопусканія, анатомическій ножъ, клещи для выдергиванія зубовъ, лопаточки для растиранія пластыря, ножницы, щупъ для ранъ и катетеръ. Разъ увидѣвши, напримѣръ, въ Голландіи у архитектора Симона Шейнфойта архитектурные чертежи и проч., и выслушавши лекціи объ архитектурѣ, Петръ-Великій чувствовалъ потомъ страстную наклонность къ архитектурѣ, къ геометріи и математикѣ, — и при себѣ постоянно носилъ другой футляръ съ математическими инструментами, съ циркулемъ, масштабомъ и другими инструментами, служившими ему для размѣренія представленныхъ чертежей архитектуры военной, гражданской и морской. И вслѣдствіе этихъ живыхъ впечатлѣній, Петръ-Великій тотчасъ же основалъ въ Россіи госпитали, хирургическія и математическія школы, и въ его царствованіе въ первый разъ появились

[1] Пекарскаго. I, 45.

на русскомъ языкѣ такія неслыханныя прежде математическія книги, какъ, напримѣръ, таблицы логариѳмовъ, тангенсовъ, секансовъ и пр., и много книгъ по части гидравлической механики и морской, гражданской и военной архитектуры. Разъ увидѣвши въ Европѣ астрономическія наблюденія, Петръ-Великій потомъ самъ сталъ съ особенною любовью наблюдать затмѣнія солнца и луны, такъ что велѣлъ англичанину Фарварсону, преподавателю въ математико-навигацкихъ школахъ, и астроному Брюсу всякій разъ извѣщать его, гдѣ бы онъ ни находился, хоть въ походѣ, о имѣющемъ быть затмѣніи солнца или луны, съ своими придворными любилъ бесѣдовать о законахъ небесныхъ движеній по системѣ Исаака Ньютона, и, по его повелѣнію, дважды переведена была книга Гюйгенса «Cosmotheros», въ которой впервые принята была въ Россіи система Коперника. А какое живѣйшее впечатлѣніе производили на необыкновенно воспріимчивый ко всему новому и замѣчательному умъ Петра-Великаго всѣ европейскія книги по части астрономіи, математики, механики, географіи, архитектуры и проч. Онъ, какъ страстный библіоманъ, увлекался ими. Бо̀льшая часть переписки его, напримѣръ, съ Брюсомъ, Виніусомъ, Мусинымъ-Пушкинымъ, Веселовскимъ, довѣреннымъ по дѣламъ въ Вѣнѣ, и другими лицами, бо̀льшая часть этой переписки состоитъ въ указаніи европейскихъ книгъ для перевода, въ побужденіи къ скорѣйшему окончанію перевода той или другой книги, въ порученіи купить на Западѣ ту или другую книгу и т. п. [1]. Напримѣръ, 11-го апрѣля 1716 года Петръ писалъ Мусину-Пушкину: «Братецъ! выберите добрыхъ латинщиковъ и отправьте ихъ въ Прагу для переводу книгъ: я непрестанно буду писать о переводѣ» [2]. Веселовскому въ Вѣну онъ писалъ: «Г. Веселовскій! сыщите книги! Лексиконъ универссалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Томаса Фрича, другой лексиконъ универссалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, который видѣлъ въ Англіи. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ сіе гораздо нужно» [3]. Пировалъ ли Петръ на свадьбѣ, напримѣръ, у князя П. Голицына 21-го сент. 1718 года, — у него на умѣ были тѣ книги, какія онъ узналъ въ Европѣ или отъ окружавшихъ его европейскихъ ученыхъ, и онъ тамъ же спрашивалъ Мусина-Пушкина: «для чего по сію

---

[1] Пек. 1, 205—206.
[2] Пек. 1, 232—233.
[3] Ib. 211.

пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній? Книга небольшая, а такъ мѣшкаете. Отпиши о семъ Лопатинскому». Присутствовалъ ли Петръ въ засѣданіи синода, — и тамъ у него на умѣ были европейскія книги, и тамъ онъ распоряжался, какъ, напримѣръ, 19-го ноября 1721 года, о переводѣ труда Пуффендорфа: De officiis hominis et civis [1]. Вслѣдствіе сильнаго, умственно-возбудительнаго впечатлѣнія, какое произвели на геній Петра европейскія науки, европейскія книги, онъ заставилъ болѣе сотни переводчиковъ переводить эти европейскія книги, частію въ Россіи, частію заграницей. И въ послѣдній годъ своего царствованія, именно 23-го января 1724 года, издалъ знаменитый указъ, въ которомъ писалъ: «для переводу книгъ зѣло нужны переводчики... того ради заранѣе сіе дѣлать надобно такимъ образомъ: которые умѣютъ языки, а художествъ не умѣютъ, тѣхъ отдать учиться художествамъ; а которые умѣютъ художества, а языку не умѣютъ, тѣхъ послать учиться языкамъ, и чтобы всѣ изъ русскихъ или иноземцевъ, кои здѣсь родились, или зѣло малы пріѣхали, и нашъ языкъ, какъ природный, знаютъ, понеже на свой языкъ всегда легче переводить, нежели съ своего на чужой. Художества же (переводить) слѣдующія: математическое хотя до сферическихъ тріангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ цивилисъ, анатомическое, ботаническое, милитарисъ и прочія тому подобныя» [2]. Точно такое же живѣйшее умственно-возбудительное впечатлѣніе произвели на необыкновенно воспріимчивую ко всему новому и замѣчательному нервную впечатлительность генія Петра-Великаго и всѣ невиданныя и неслыханныя на Руси, рѣзко-отличительныя формы и особенности европейской общественной жизни. Напримѣръ, послѣ азіатскаго затворничества русскихъ теремовъ, вдругъ увидѣлъ Петръ въ Парижѣ общественныя собранія, ассамблеи, на Руси неслыханныя и невиданныя,—и вотъ, очарованный ихъ блескомъ, роскошью, доставляемыми ими удовольствіями, и вообще важнымъ нравственно-образовательнымъ значеніемъ ихъ въ соціальной жизни, Петръ тотчасъ же учредилъ подобныя ассамблеи и въ Россіи, издалъ объявленіе или указъ, узаконявшій ассамблеи [3], самъ написалъ главные пункты, и поправлялъ корректуру напечатаннаго по его повелѣнію осо-

---

[1] Пекарскаго. 1, 213.
[2] П. С. З. VII, № 4438.
[3] П. С. З. V, № 3246

баго «объявленія, какимъ образомъ ассамблеи отправлять надлежитъ», гдѣ собственноручно написалъ, между прочимъ: «на ассамблеи приходить съ мужчинами и ихъ женамъ и дочерямъ», и самъ же росписалъ поимянный реэстръ: «кому ассамблеи держать» [1]. Или еще примѣръ: послѣ неуклюжаго азіатско-русскаго платья, длиннаго, широкаго, спальняго, подобнаго татарскимъ халатамъ и поповскимъ рясамъ, послѣ длинныхъ бородъ и усовъ на физіономіи русскихъ, — вдругъ Петръ во всей Европѣ увидѣлъ, что люди тамъ брѣютъ бороды и усы, и ходятъ въ платьѣ изящномъ, удобномъ, легкомъ, дѣловомъ. И вотъ, вслѣдствіе такого живаго впечатлѣнія, онъ издалъ указъ 1705 года, по которому всѣ, кромѣ духовенства, должны были носить съ 1-го января до пасхи верхнее платье саксонское, а исподнее, камзолы, башмаки и проч. — нѣмецкіе; лѣтомъ же — носить французскую одежду, отъ чего не избавлялись даже и крестьяне. Торговцамъ и портнымъ запрещено дѣлать русское платье, сапоги, башмаки и черкесскіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно было брить бороды и усы: тѣ, которые не хотѣли этого сдѣлать, платили, смотря по состоянію, 100, 60 и 30 рублей годовой подати. И до такой степени Петръ хотѣлъ скорѣе видѣть русскихъ похожими на европейцевъ, прежде всего по наружности, что о европейскомъ платьѣ и о бритьѣ бородъ и усовъ выходилъ указъ за указомъ [2]. Однимъ словомъ, всѣ впечатлѣнія, какія производили на жи-

---

[1] На этихъ ассамблеяхъ, — пишетъ Веберъ, въ одной комнатѣ танцуютъ, въ другой играютъ въ карты, также и, и особенно, шахматы, въ которые многіе, даже изъ самыхъ незнатныхъ русскихъ весьма искусны; въ третьей курятъ и бесѣдуютъ; въ четвертой дамы заводятъ различныя игры, которыя подаютъ поводъ къ смѣху... Вообще, ассамблеи приняты, какъ одно изъ лучшихъ нововведеній. Повелѣніе давать ихъ касается всѣхъ знатныхъ придворныхъ: они обязаны отправить ее хоть одинъ разъ въ зиму, и полицмейстеръ заранѣе извѣщаетъ того, въ домѣ котораго, по царскому усмотрѣнью, должно быть это празднество. Ассамблеи были и у духовныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, 26 дек. 1723 года, по изволенію Свят. прав. синода повелѣно членамъ его и прочимъ синоду подчиненныхъ приказовъ, въ судѣ засѣдающихъ, персонамъ быть въ ассамблеяхъ съ 26 числа и съѣзды имѣть пополудни въ третьемъ часу, и росписанъ реестръ, кому быть. Въ 8-мъ пунктѣ объявленія объ ассамблеяхъ объявлялось: первая ассамблея будетъ у князя-папы (т.-е. у Зотова), а потомъ будутъ слѣдоваться другія, кому сказано будетъ отъ того хозяина, у кого будутъ сидѣть на ассамблеѣ, а тотъ хозяинъ повиненъ спрашивать о томъ у принципаловъ, и у кого означатъ ассамблеѣ быть, то повиненъ оный хозяинъ тогда объявить тому, кому повелѣно имѣть ассамблею. (Пек. II, 435—436.

[2] Пекарскаго 1, 448.

вую умственную воспріимчивость Петра-Великаго, какъ разнообразныя особенности общественной жизни, такъ и разнообразныя государственныя учрежденія на Западѣ, столь возбудительно дѣйствовали на его нервную организацію, что все его царствованіе, всѣ его преобразованія и нововведенія, всѣ его указы и регламенты были живымъ отпечаткомъ этихъ впечатлѣній западной цивилизаціи, науки и жизни. И эта-то характеристическая черта нервной организаціи генія Петра-Великаго, эта его необыкновенно живая, до всеувлеченія и энтузіазма впечатлительная воспріимчивость ко всѣмъ великимъ, поразительнымъ и оригинальнымъ впечатлѣніямъ западной жизни, цивилизаціи и науки, въ сущности, какъ мы сказали, есть не что иное, какъ особенное проявленіе той же самой черты, которая свойственна нервной организаціи всего русскаго народа. Только въ геніи Петра-Великаго она достигла высшаго, напряженнѣйшаго возбужденія. И въ этомъ отношеніи Руссо мѣтко назвалъ геній Петра genie imitatif. Это былъ, дѣйствительно, по преимуществу геній необыкновенно живой впечатлительности ко всему новому и замѣчательному въ области цивилизаціи и науки, геній всеувлекающейся подражательной воспріимчивости. И эта-то сила генія Петра-Великаго составляла, далѣе, новый, могущественный импульсъ къ постепенному, генеративно-послѣдовательному возбужденію и развитію въ русскомъ обществѣ живой умственной воспріимчивости ко всѣмъ умственно-возбудительнымъ, развивающимъ, образовательнымъ и воспитательнымъ впечатлѣніямъ западной цивилизаціи и науки.

Вслѣдствіе сильнаго толчка, даннаго геніемъ Петра-Великаго и усиленнымъ импульсомъ западно - европейскихъ впечатлѣній,—и вновь-возбужденнымъ умственнымъ движеніемъ и развитіемъ послѣ-петровскихъ поколѣній или «петрова племени», какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, могущественно мотивировала та же самая естественная наибольшая предпріимчивость нервной организаціи русскаго народа только къ впечатлѣніямъ совершенно новымъ и наиболѣе поразительнымъ для чувствъ и для ума, вслѣдствіе которой еще въ XVII вѣкѣ, въ послѣднемъ до-петровскомъ поколѣніи до ксеноманіи возбудилась страсть къ воспріятію новыхъ обаятельныхъ качествъ и обычаевъ европейскихъ національностей. Вслѣдствіе этой коренной первоначальной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ новымъ и особенно поразительнымъ въ послѣ-петровскихъ поколѣніяхъ уже до энтузіазма усилилось спеціальное, такъ-сказать, мономаническое генератив-

но-наслѣдственное стремленіе къ всецѣлому воспринятію уже всѣхъ разнообразныхъ обаятельныхъ впечатлѣній западной жизни, цивилизаціи и науки. Цѣлый рядъ поколѣній, можно сказать, изумленъ былъ и новооткрытыми чудесами и обаяніями Запада и этимъ genie imitatif Петра-Великаго, который и самъ, всецѣло увлекшись Западомъ и устремивши взоры русскаго народа на Западъ, влачилъ, по выраженію поэта:

«Рядъ *изумленныхъ* поколѣній
«Рукой могучей за собой.

Въ первомъ и отчасти еще второмъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній особенно преобладала, до энтузіазма возбужденная воспріимчивость преимущественно къ обаятельнымъ впечатлѣніямъ наружнаго, физическаго типа европейскаго. А въ третьемъ ряду послѣ-петровскихъ поколѣній начинала проявляться уже энтузіастическая воспріимчивость и къ особенно поразительнымъ впечатлѣніямъ интеллектуальнаго европейскаго типа, къ идеямъ западной философіи и науки. И это весьма-естественно. Преобладающая воспріимчивость къ впечатлѣніямъ непосредственно-чувственнымъ, вещественнымъ, такъ-сказать, осязательнымъ и нагляднымъ, вслѣдствіе долговременнаго предварительнаго преобладанія внѣшнихъ чувствъ надъ разумомъ или мышленіемъ, всегда предшествуетъ преобладающей воспріимчивости къ впечатлѣніямъ чисто-умственнымъ, къ впечатлѣніямъ идей и т. п., потому что эта послѣдняя воспріимчивость необходимо предполагаетъ значительно высокую степень предварительнаго развитія чисто-умозрительной воспріимчивости, абстрактнаго мышленія. По этому принципу, въ первобытныя времена, на самой низшей степени умственнаго развитія, на антофобическую нервную чувствительность нашихъ предковъ къ впечатлѣніямъ новымъ, неиспытаннымъ и внезапнымъ особенно раздражительно дѣйствовали почти исключительно непосредственно-предметныя, реальныя впечатлѣнія внѣшняго физическаго и этнологическаго міра, каковы, напримѣръ, внезапныя впечатлѣнія свѣтовыя, звуковыя, электрическія, механическія, термическія или впечатлѣнія наружныхъ физическихъ типовъ, этнологическихъ, народныхъ и т. п. А въ новѣйшія времена, на наиболѣе высшей степени нашего умственнаго развитія, на нервную воспріимчивость и чувствительность нашу преимущественно дѣйствуютъ новыя и неиспытанныя нами прежде впечатлѣнія умственныя и нравственныя, и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, тѣмъ впечатлительнѣе, чѣмъ они новѣе и неожиданнѣе для насъ, чѣмъ болѣе они выходятъ изъ

обычной колеи нашихъ умственныхъ привычекъ, или чѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ чувство удивленія, удовольствія и наслажденія, или чувство страданія, страха и отвращенія. Таковы, напримѣръ, въ новѣйшее время, новыя идеи естественной и соціальной философіи, новыя соціологическія доктрины, новыя, поразительныя и необычайныя для нашихъ умовъ творческія произведенія, открытія и изобрѣтенія европейскаго генія, новая, особенно неожиданная агитація или волненіе умовъ, новое, неожиданное и рѣзко-выдающееся государственное или соціально-гражданское преобразованіе, нововведеніе, учрежденіе и т. п. Вотъ подобные фазисы генеративно-послѣдовательно проходила и сильно-возбужденная въ послѣ-петровскихъ поколѣніяхъ умственная воспріимчивость къ обаятельнымъ впечатлѣніямъ западной жизни, цивилизаціи и науки.

А. Щаповъ.

ЧТО̀ ТАКОЕ РАБОЧІЙ ДЕНЬ?

(По Марксу, Das Kapital. Hamburg, 1867).

Когда капиталистъ купилъ рабочую силу за ея *дневную цѣнность*, ему принадлежитъ употребленіе этой силы въ продолженіи рабочаго дня; онъ пріобрѣлъ этимъ право требовать, чтобы рабочій въ продолженіи дня работалъ на него. Но *что̀ такое рабочій день?* Нѣтъ сомнѣнія, что день этотъ меньше обыкновеннаго, натуральнаго дня въ 24 часа. Но на сколько? Капиталистъ имѣетъ свои воззрѣнія на такой интересный для него предметъ, какъ предѣлы рабочаго дня. Капиталистъ представляетъ собою въ этомъ случаѣ олицетворенный капиталъ; его душа — капитальная душа. А капиталъ имѣетъ единственное жизненное стремленіе—увеличиваться, создавать избытокъ цѣнностей, всасывать въ себя своею *постоянною* ча̀стію, средствами производства, возможно бо̀льшую массу излишняго труда. Капиталъ въ существѣ своемъ есть не что иное, какъ похороненный трудъ, но подобно вампиру, онъ оживаетъ чрезъ всасываніе живаго труда, и живетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ болѣе его всасываетъ. Время, въ продолженіи котораго работникъ трудится, есть вмѣстѣ съ тѣмъ время, въ продолженіи котораго капиталистъ *потребляетъ* купленную имъ рабочую силу. Если въ это время рабочій вздумаетъ нѣсколько минутъ отдохнуть, то буржуазная экономія, слѣдящая съ безпокойствомъ за движеніями работника, утверждаетъ, что работникъ обкрадываетъ капиталиста.

Капиталистъ опирается въ этомъ случаѣ на законъ *обмѣна товаровъ*. Онъ, какъ и всякій купецъ, старается извлечь какъ можно больше пользы изъ внутренней цѣнности купленнаго имъ товара.

Но противъ такого воззрѣнія капиталиста возвышаетъ свой голосъ работникъ:

«Товаръ,—говоритъ онъ капиталисту,—который ты купилъ,

отличается отъ всякаго другаго обыкновеннаго товара тѣмъ, что его употребленіе *создаетъ цѣнность*, и цѣнность бо̀льшую той, которая на него тратится. Это и было причиною, почему ты его купилъ. На что̀ ты съ своей стороны смотришь, какъ на увеличеніе капитала, на то я съ своей стороны смотрю, какъ на излишне выданное количество рабочей силы. Конечно, и ты, и я знаемъ на рынкѣ только одинъ законъ—законъ обмѣна товаровъ. И потребленіе товара принадлежитъ не продавцу, который его отчуждаетъ, а купцу, который его пріобрѣтаетъ. Итакъ, ты имѣешь право пользоваться моей рабочей силой въ продолженіи дня. Но посредствомъ ея ежедневной продажной цѣны я долженъ ежедневно вновь воспроизводить ее, чтобы имѣть возможность снова продавать. Независимо отъ естественнаго уменьшенія ея съ возрастомъ и т. п., я долженъ быть способенъ завтра работать съ тѣмъ же нормальнымъ состояніемъ силы, здоровья, бодрости, какъ и сегодня. Ты проповѣдуешь мнѣ постоянно о «бережливости» и «воздержаніи». Хорошо! Какъ разумный, бережливый хозяинъ, я буду беречь теперь мое единственное имущество, рабочую силу, не буду глупо расточать ее. Я буду ежедневно выдѣлять изъ нея, превращать въ движеніе, въ трудъ лишь столько, чтобы это не мѣшало ея нормальному дѣйствію и здоровому развитію. Безмѣрнымъ удлинненіемъ рабочаго̀ дня ты можешь въ одинъ день взять бо̀льшее количество моей рабочей силы, нежели я сколько могу вознаградить въ три дня. На сколько ты пріобрѣтешь черезъ это въ трудѣ, на столько я потеряю въ самой субстанціи моей рабочей силы. *Пользоваться* моею рабочею силою и *грабить* ее — это двѣ вещи совершенно разныя. Если средній періодъ жизни средняго работника, разумно употребляющаго свою силу, состоитъ изъ 30 лѣтъ, то цѣнность моей рабочей силы, купленной тобою на день, составляетъ $\frac{1}{365 \times 30}$ или $^1/_{10950}$ ея общей цѣнности. Но если ты потребляешь ее въ 10 лѣтъ, то ты платишь мнѣ ежедневно только $^1/_{3650}$ или $^1/_3$ ея цѣнности и поэтому обкрадываешь меня ровно на $^2/_3$ цѣнности моего товара. Ты мнѣ платишь за употребленіе моей рабочей силы въ теченіе *одного* дня, а между тѣмъ расходуешь ее столько, сколько стало бы на три дня. Это несогласно съ нашимъ условіемъ и съ закономъ обмѣна товаровъ: Потому я требую рабочаго дня *нормальной* длины, и обращаюсь съ этимъ требованіемъ не къ сердцу твоему; я знаю, что въ денежныхъ дѣлахъ молчитъ сердце. Быть можетъ, ты примѣрный гражданинъ, даже членъ общества покровительства животнымъ, и притомъ человѣкъ набожный, тѣмъ не менѣе, для дѣла, которое

ты представляешь собою по отношенію ко мнѣ, въ твоей груди не можетъ быть сердца. Если тебѣ кажется, что тамъ что-то бьется, то вѣрь мнѣ, что это отзывается мое собственное *сердцебіеніе*. Я требую *нормальнаго* рабочаго дня на томъ же основаніи, на какомъ всякій продавецъ требуетъ цѣнности своего товара».

Вотъ тѣ пререканія, которыя возникаютъ между рабочими и капиталистами относительно рабочаго дня. Они происходятъ потому, что рабочій день есть величина непостоянная, мѣняющаяся. Одна изъ его частей можетъ быть, правда, опредѣлена самымъ употребленнымъ временемъ работы до новаго возобновленія силъ работника, но общая величина этой части мѣняется смотря по величинѣ и продолжительности излишней работы. Такимъ образомъ рабочій день можетъ быть опредѣляемъ, но самъ въ себѣ онъ не опредѣленъ.

Впрочемъ, хотя рабочій день не есть величина твердая, а измѣняющаяся, но ея измѣненіе можетъ двигаться только внутри извѣстныхъ предѣловъ. Minimum этихъ предѣловъ нельзя опредѣлить, то-есть нельзя опредѣлить той части дня, которая необходима для возобновленія силъ работника. Но maximum этихъ предѣловъ опредѣленъ быть можетъ. Есть извѣстная граница, далѣе которой рабочій день не можетъ быть удлиняемъ. Эта граница устанавливается, вопервыхъ, *физическимъ предѣломъ рабочей силы*. Человѣкъ можетъ въ теченіе натуральнаго дня, состоящаго изъ 24 часовъ, истратить только опредѣленное количество жизненной силы, и мѣра этой траты составляетъ мѣру для физически возможнаго для него времени работы. Такъ лошадь изо дня въ день можетъ работать только до 8 часовъ. Извѣстная часть дня нужна для успокоенія силъ, для сна; другая часть дня нужна человѣку для удовлетворенія другихъ физическихъ нуждъ, для питанія и т. п. Кромѣ этихъ физическихъ предѣловъ есть предѣлы *нравственные* для длины рабочаго дня. Рабочему нужно время для удовлетворенія умственныхъ и соціальныхъ потребностей, количество и объемъ которыхъ опредѣляется общимъ состояніемъ культуры. Такимъ образомъ длина рабочаго дня не можетъ переходить абсолютныхъ физическихъ и болѣе или менѣе относительныхъ соціальныхъ предѣловъ. Но оба эти предѣлы очень эластичнаго свойства и даютъ возможность большимъ уклоненіямъ. Поэтому мы находимъ рабочіе дни въ 8, 10, 12, 14, 16, 18 и болѣе часовъ, однимъ словомъ, длины самой разнообразной.

Въ первые годы великаго промышленнаго переворота, начавшагося приложеніемъ къ производству силы пара, заработная

плата въ Англіи и на материкѣ была довольно высокая, но весьма скоро, по извѣстному экономическому закону, она понизилась до уровня самаго скуднаго пропитанія работника. Чѣмъ болѣе понижалась плата, тѣмъ успѣшнѣе капиталистъ употреблялъ въ свою пользу каждый часъ, каждую минуту труда своихъ рабочихъ. Лишенные образованія и матеріальныхъ средствъ, работники не могли путемъ ассоціаціи или другимъ какимъ либо путемъ создать себѣ независимое отъ капиталиста положеніе; они должны были вполнѣ подчиниться его условіямъ, выраженнымъ, приблизительно, въ такой формѣ: «пятнадцать часовъ въ день работы за два франка, или голодная смерть». Голодъ вынуждалъ рабочихъ соглашаться на такія условія, несмотря на то, что два франка зачастую соотвѣтствовали цѣнности не пятнадцати, а только пяти часовъ труда. Вся задача работодателя заключалась въ томъ, чтобы удерживать работника на фабрикѣ ежедневно какъ можно долѣе и чтобы пользоваться не только оплаченнымъ, но и неоплаченнымъ трудомъ его. Изъ этихъ-то атомовъ неоплаченнаго труда пролетаріевъ и создались тѣ громаднѣйшіе капиталы, которыми такъ гордится Европа и которые такъ роскошно тратятся паразитами и дармоѣдами европейскихъ націй.

Въ Англіи прежде чѣмъ гдѣ либо общественное мнѣніе обратило вниманіе на печальное положеніе рабочихъ, вынужденныхъ трудиться почти изъ хлѣба по пятнадцати часовъ въ день; прежде чѣмъ гдѣ либо здѣсь общественное мнѣніе убѣдилось, что для процвѣтанія промышленности не слѣдуетъ приносить человѣческихъ жертвъ новому Молоху. Но прежде чѣмъ оно пришло къ такому убѣжденію, работники должны были выдержать съ капиталомъ многолѣтнюю, весьма упорную борьбу. Въ этой борьбѣ государственная власть сначала была на сторонѣ капитала, но уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія ея сочувствіемъ стали пользоваться представители труда.

Первый уставъ о рабочихъ, изданный въ 1349 году, при Эдуардѣ III, вызванъ былъ къ существованію страшною моровою язвой, истребившею такое множество народа, что по окончаніи ея весьма трудно стало нанимать рабочихъ по *раціональнымъ цѣнамъ*. Эти-то раціональныя цѣны, равно какъ и раціональная продолжительность рабочаго дня, были установлены закономъ. Послѣдній пунктъ устава, интересующій насъ въ настоящую минуту, повторенъ былъ въ законѣ 1496 года такими словами: «Рабочій день для всѣхъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ долженъ, съ марта до сентября, начинаться въ пять часовъ утра и оканчиваться въ семь или восемь вечера.

При этомъ на завтракъ полагается часъ, на полдникъ полтора часа, на обѣдъ полчаса. Зимою работа должна начинаться въ пять утра и продолжаться до сумерекъ. Уставъ Елизаветы (1562) подтверждаетъ эти постановленія, ограничивая лишь время отдыха двумя часами зимой и двумя съ половиной—лѣтомъ (а не тремя, какъ установлено закономъ 1349 и 1496). За каждый прогульный часъ назначенъ былъ штрафъ въ одинъ пенни. На дѣлѣ, впрочемъ отношенія капиталистовъ къ рабочимъ были благопріятнѣе для послѣднихъ, чѣмъ можно было бы полагать на основаніи уставовъ.

Великій политико-экономъ и статистикъ Вильямъ Петти, въ сочиненіи своемъ, относящемся къ послѣдней трети семнадцатаго столѣтія, говоритъ: «Земледѣльческіе работники заняты у насъ ежедневно по десяти часовъ и принимаютъ пищу по три раза въ будни и дважды въ воскресенье. Обѣдъ ихъ продолжается два часа: отъ одиннадцати часовъ утра до часу пополудни».

Что касается работы малолѣтнихъ, то она далеко не была въ то время распространена до такой степени, какъ нынѣ. «Наши юноши, жалуется одинъ писатель семнадцатаго столѣтія, ничѣмъ не заняты, пока не сдѣлаются учениками; затѣмъ имъ много нужно времени, а именно семь лѣтъ, чтобы назваться совершенными мастерами».

До конца XVIII столѣтія, т.-е. до введенія машиннаго производства въ широкихъ размѣрахъ, капиталистамъ Англіи неудалось овладѣть всѣмъ временемъ и всею трудовою силою рабочаго. Капиталисты до конца XVIII вѣка жалуются, что *рабочій цѣлую недѣлю можетъ существовать на свой четырехдневный заработокъ*. Нѣкоторые изъ экономистовъ того времени радуются этому факту, другіе скорбятъ о немъ. Между противниками возникаетъ горячій споръ, поучительный даже для нашего времени. Вотъ слова Постльвайта, составителя извѣстнаго торговаго словаря: «Утверждаютъ, что работникъ, пріобрѣтающій четырехдневнымъ трудомъ своимъ все недѣльное содержаніе, не захочетъ трудиться въ теченіе цѣлой недѣли. Отсюда заключаютъ къ необходимости, посредствомъ налоговъ и другихъ стѣсненій, увеличить цѣну жизненныхъ припасовъ, съ цѣлью принудить ремесленника и фабричнаго трудиться всѣ шесть дней. Да будетъ же позволено мнѣ не согласиться съ этими политиками, ратующими за увѣковѣченіе невольничества въ Англіи. Они, эти политики, забываютъ, что работа, не перемѣшанная съ весельемъ, притупляетъ человѣка. Англичане гордятся геніальностію и искусствомъ своихъ ремесленниковъ и

фабричныхъ рабочихъ, искусствомъ, благодаря которому англійскіе товары всюду пользуются такою громкою славою. Чему приписать это? Вѣроятно, тому обстоятельству, что рабочіе наши имѣютъ довольно досуга, чтобы досыта повеселиться. Если же ихъ заставятъ трудиться круглый годъ по шести дней въ недѣлю, то не притупится ли тогда ихъ геніальность, не превратятся ли эти бойкіе и искусные работники въ вѣковѣчныхъ невольниковъ, не потеряютъ ли они всей славы своей? Можно ли ждать какихъ либо чудесъ искусства и ловкости отъ людей совершенно забитыхъ и изнуренныхъ? Англичанинъ совершаетъ въ четыре дня столько же работы, сколько французъ въ шесть дней; если же англичанинъ сдѣлается вѣчнымъ невольникомъ труда, то развѣ онъ не выродится, не падетъ ниже француза? Не говоримъ ли мы, что народъ нашъ военною храбростію своей обязанъ съ одной стороны — хорошему англійскому ростбифу, а съ другой нашему конституціонному духу свободы? Почему же не сказать, что особенною геніальностію своей, энергіею и искусствомъ рабочіе наши обязаны той свободѣ, съ какою они веселятся по своему и развлекаются? Надѣюсь, что они никогда не лишатся ни своихъ привиллегій, ни тѣхъ жизненныхъ удобствъ, благодаря которымъ они такъ бодры и такъ способны къ работѣ».

Но защитники капитала думали иначе. «Если уже самимъ Богомъ положено (говорятъ они) праздновать только седьмой день недѣли, то ясно, что остальные шесть дней должны принадлежать труду, и вовсе не грѣхъ принуждать рабочихъ къ исполненію этого Божьяго завѣта. Что всѣ люди, по натурѣ своей, склонны къ изнѣженности и лѣни, въ этомъ, къ сожалѣнію, убѣждаетъ насъ поведеніе нашихъ мануфактурныхъ рабочихъ, трудящихся среднимъ числомъ не болѣе четырехъ дней въ недѣлю, кромѣ случаевъ дороговизны жизненныхъ припасовъ. Но необходимо, чтобы они трудились всѣ шесть дней, какъ наши земледѣльцы. Земледѣльцы, трудясь шесть дней, чувствуютъ себя счастливѣйшими людьми, фабричная же наша чернь забила себѣ въ голову, что англичане, по природному праву, должны быть свободнѣе и независимѣе тружениковъ всякой другой страны. Эта идея, поскольку она вліяетъ на храбрость нашихъ солдатъ, еще можетъ принести нѣкоторую пользу, но чѣмъ меньше заражены ею мануфактурные рабочіе, тѣмъ лучше для нихъ и для государства. Работники никогда не должны считать себя независимыми отъ своихъ хозяевъ. Въ торговомъ государствѣ, каково наше, гдѣ семь восьмыхъ населенія вовсе не имѣютъ собственности, или имѣютъ ея

весьма мало, опасно поощрять всю эту рабочую чернь... Положеніе дѣлъ будетъ дурно до тѣхъ поръ, пока наши промышленные рабочіе не согласятся получать за шесть дней труда плату, получаемую ими нынѣ за четыре дня. Для этой цѣли, а также и для искорененія тунеядства, разврата и романтическаго бреда свободой, или, что то же, для уменьшенія подати, взимаемой въ пользу бѣдныхъ, для поднятія промышленнаго духа въ странѣ, для пониженія заработной платы въ мануфактурахъ, полезно было бы заключать бѣдныхъ, прибѣгающихъ къ общественной благотворительности, въ особаго рода идеальный рабочій домъ, который былъ бы для нихъ «домомъ ужаса». Здѣсь слѣдовало бы заставлять бѣдняковъ трудиться въ потѣ лица по четырнадцати часовъ въ день, за вычетомъ же времени ѣды, по 12 часовъ».

Двѣнадцать часовъ ежедневной работы въ идеальномъ рабочемъ домѣ! Въ 1770 году это кажется ужаснымъ, а шестьдесятъ-три года спустя, закономъ 1833 года, рабочій день дѣтей 13—18 лѣтъ ограниченъ былъ полными двѣнадцатью часами. Во Франціи Луи Бонапартъ пріобрѣлъ популярность изданіемъ закона, ограничивающаго рабочій день двѣнадцатью часами. Въ Цюрихѣ столько же часовъ должны трудиться на фабрикахъ десятилѣтнія дѣти; то же число часовъ постановлено закономъ для несовершеннолѣтнихъ въ Австріи. Какой замѣчательный прогрессъ въ теченіе цѣлаго столѣтія!

Домъ ужаса, о которомъ только мечталъ капиталистъ въ 1770 году, перешелъ въ концѣ восьмнадцатаго вѣка изъ области идеала въ дѣйствительность. Домъ ужаса нынѣ существуетъ и называется фабрикой.

Послѣ того, какъ капиталъ употребилъ цѣлыя столѣтія, чтобы довести рабочій день до возможно-большей величины, произошло, въ концѣ XVIII вѣка, страшное потрясеніе въ быту общества. Обращая въ свою пользу всѣ новѣйшія техническія изобрѣтенія, капиталъ всѣми своими силами сталъ эксплоатировать рабочихъ, не обращая вниманія ни на нравственныя ихъ потребности, ни на природныя склонности, ни на возрастъ и полъ. Забыто было даже различіе между днемъ и ночью, такъ что только особенное остроуміе помогло одному англійскому судьѣ, уже нашего столѣтія, въ судебномъ рѣшеніи правильно постановить — что слѣдуетъ считать на фабрикѣ днемъ и что ночью.

Когда рабочій классъ, сбитый съ толку непомѣрно быстрымъ развитіемъ машиннаго производства, нѣсколько очнулся и образумился, началась реакція въ смыслѣ охраненія личности ра-

ботника. Реакція эта прежде всего обнаружилась въ Англіи. Въ теченіе трехъ десятилѣтій (съ 1802 по 1833 г.), парламентъ, повинуясь голосу общественнаго мнѣнія, издалъ пять законоположеній объ ограниченіи числа часовъ работы на фабрикахъ, но былъ на столько бережливъ, что не пожертвовалъ ни копейки на приведеніе этихъ законовъ въ исполненіе, не позаботился назначить необходимыхъ блюстителей новыхъ законовъ. Потому-то всѣ эти парламентскіе акты остались мертвою буквой. До самаго 1833 года, дѣти и подростки употребляемы были на работу какъ днемъ, такъ и ночью, даже въ случаѣ надобности и днемъ и ночью.

Въ 1833 году изданъ былъ законъ, ограничивающій число часовъ работы на хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, пеньковыхъ и шелковыхъ фабрикахъ. Законъ этотъ гласитъ: «Обыкновенный фабричный рабочій день долженъ начинаться въ половинѣ шестаго часа утра и оканчиваться въ половинѣ девятаго вечера. Въ предѣлахъ этихъ пятнадцати часовъ *молодые люди (отъ 13 до 18 лѣтъ)* могутъ быть, по закону, заняты работой, но съ условіемъ, чтобы каждый отдѣльный работникъ занятъ былъ въ теченіе одного дня не болѣе двѣнадцати часовъ, кромѣ извѣстныхъ, особо изъясненныхъ случаевъ». Шестой отдѣлъ парламентскаго акта 1833 года постановляетъ, чтобы каждой личности, число часовъ работы которой ограничено, предоставлено было по крайней мѣрѣ полтора часа въ день на принятіе пищи и отдыхъ. Пріемъ на фабрики дѣтей моложе 9 лѣтъ воспрещенъ. Работа дѣтей отъ 9 до 13 лѣтъ ограничена восьмью часами въ день. Ночная работа (съ девяти часовъ вечера до половины шестаго утра) воспрещена для всѣхъ малолѣтнихъ (отъ 9 до 18 лѣтъ). Тогда же парламентъ постановилъ, чтобы съ 1-го марта 1834 года восьмью часами ограниченъ былъ рабочій день всѣхъ дѣтей моложе 11 лѣтъ, а съ 1-го марта 1836 года къ категоріи восьмичасовыхъ рабочихъ должны были быть отнесены всѣ дѣти моложе тринадцати лѣтъ.

Капиталисты были недовольны такими нововведеніями и шумно агитировали противъ нихъ. По капиталистической антропологіи, дѣтскій возрастъ оканчивается на десятомъ и ужъ не позже какъ на одиннадцатомъ году. Чѣмъ ближе подходилъ роковой срокъ вступленія парламентскаго акта о фабрикахъ въ законную силу, тѣмъ больше волновались фабриканты. Правительство, наконецъ, до такой степени напугано было ими, что готово было уже понизить предѣлъ дѣтскаго возраста съ 13 до 12 лѣтъ, но не рѣшилось на это, опасаясь волненій въ рабо-

чемъ классѣ. Законодательный актъ 1833 года вступилъ въ полную силу и остался неизмѣннымъ до 1844 года.

Но законъ 1833 года легче было издать, чѣмъ исполнить. Въ теченіе десятилѣтія, протекшаго съ 1833 года, инспекторы, поставленные надъ фабриками, безпрестанно жалуются, что примѣнить законъ на практикѣ почти невозможно. Пользуясь своимъ правомъ занимать, въ теченіе 15 часовъ дня, каждаго малолѣтняго, въ какое угодно время, работою, правомъ перерывать работу и различнымъ лицамъ назначать разные часы обѣда, фабриканты изобрѣли особаго рода систему, по которой малолѣтніе должны были работать по двѣ смѣны къ ряду: съ $5^1/_2$ утра до 2 пополудни и съ 2 до 8 вечера. Усчитать, повѣрить число часовъ каждаго рабочаго на многихъ большихъ фабрикахъ не оказывалось возможности.

Между тѣмъ, съ 1838 года работники стали смѣлѣе въ своихъ требованіяхъ. Они провозгласили желаніе свое, чтобы трудовой день ограничивался всего десятью часами. Нѣкоторые изъ фабрикантовъ сами возстали противъ злоупотребленій тѣхъ изъ своихъ собратій, которые, пользуясь благопріятными обстоятельствами, нарушали законъ 1833 года. Къ тому же началась сильная агитація противъ стѣснительнаго «Хлѣбнаго Закона». Фабриканты, которымъ выгодною казалась отмѣна пошлинъ на привозный хлѣбъ, вступили въ союзъ съ рабочими и насулили имъ всякихъ благъ. Дѣлу рабочихъ помогли и враги фабрикантовъ, торіи—землевладѣльцы, не пропустившіе случая обнаружить предъ общественнымъ мнѣніемъ гнусныя продѣлки нѣкоторыхъ фабрикантовъ съ своими рабочими.

Результатомъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ былъ дополнительный актъ о фабрикахъ, изданный 4-го іюня 1844 года. Къ числу прежнихъ категорій рабочихъ, находившихся подъ покровительствомъ закона, присоединены были *взрослыя женщины*, *трудъ которыхъ ограниченъ былъ* также *двѣнадцатью часами*, *и притомъ только дневными*. Въ первый разъ законодательство вынуждено было взять подъ свое покровительство работу взрослыхъ, и взрослые, конечно, не обидѣлись на него за такое явное нарушеніе «свободы труда». Работа дѣтей ограничена была $6^1/_2$, а при извѣстныхъ условіяхъ 7 часами въ день.

Чтобы воспрепятствовать фабрикантамъ держать дѣтей за работой двѣ смѣны къ ряду, законъ 1844 года постановилъ: «Рабочій день дѣтей и несовершеннолѣтнихъ начинается съ тѣхъ поръ, какъ хотя одинъ несовершеннолѣтній начнетъ свою работу на фабрикѣ. Такъ, напримѣръ, если несовершеннолѣт-

ній А начинаетъ въ 8 часовъ, а В въ 10, то и В долженъ окончить въ одно время съ А. Начало рабочаго дня должно быть указываемо какими-либо публичными часами, напримѣръ, часами ближайшей желѣзной дороги; съ ними долженъ сообразоваться и колоколъ на фабрикѣ. Фабрикантъ долженъ прибить къ стѣнѣ своего заведенія, напечатанное крупными буквами, объявленіе о началѣ, концѣ и перерывахъ работы. Дѣти, начинающія свое дѣло до 12 часовъ дня, уже не могутъ сидѣть за нимъ послѣ часа пополудни, слѣдовательно послѣобѣденная смѣна должна имѣть новый составъ дѣтей. Полтора часа на принятіе пищи должно быть удѣлено всѣмъ лицамъ, находящимся подъ покровительствомъ закона, въ одно и то же время дня, и при этомъ по крайней мѣрѣ одинъ часъ долженъ быть удѣленъ имъ до 3 пополудни. Ни одинъ малолѣтній работникъ не долженъ быть принуждаемъ къ работѣ до часу пополудни — безъ перерыва, по крайней мѣрѣ, на полчаса, для завтрака. Ни одинъ малолѣтній рабочій не долженъ оставаться во время обѣда или завтрака въ такомъ помѣщеніи фабрики, гдѣ производится какая-либо работа». Но и фабрикантамъ, на этотъ разъ, сдѣлана была уступка, а именно: наименьшій *возрастъ дѣтей, принимаемыхъ на фабрику, опредѣленъ былъ въ восемь лѣтъ, вмѣсто девяти.*

1846 и 1847 годы составляютъ эпоху въ экономической исторіи Англіи. Отмѣна пошлинъ на ввозный хлѣбъ, на ввозный хлопокъ и другіе сырые матеріалы, провозглашеніе полной свободы торговли — все это, повидимому, возвѣщало наступленіе золотаго вѣка. Съ другой стороны движеніе чартистовъ и агитаціи въ пользу дальнѣйшаго уменьшенія рабочаго дня достигли высшаго предѣла. Несмотря на многія препятствія, *десятичасовой билль 1847 года* прошелъ, и работа молодыхъ людей 13—18 лѣтняго возраста и всѣхъ женщинъ ограничена была въ 1847 году одиннадцатью, а въ 1848—десятью часами. Во всемъ остальномъ новый парламентскій актъ былъ лишь исправленнымъ изданіемъ закона 1833 года.

Капиталисты рѣшились воспрепятствовать примѣненію закона 1-го мая 1847 года и, какъ орудіе противодѣйствія, избрали самихъ работниковъ. Моментъ былъ выбранъ весьма удачно. Надлежитъ припомнить, что вслѣдствіе страшнаго кризиса 1846 — 47 годовъ фабричные рабочіе впали въ крайнюю бѣдность, такъ-какъ многія фабрики дѣйствовали лишь короткое время, другія же совсѣмъ стали. Весьма многіе рабочіе увидѣли себя въ самомъ плачевномъ положеніи, многіе впали въ долги. Можно было съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать,

что бѣдняки пожелаютъ увеличить число часовъ своей ежедневной работы, только бы уплатить свои долги и выкупить изъ залога имущество. И безъ того тяжкую нужду рабочихъ фабриканты постарались усилить общимъ уменьшеніемъ задѣльной платы, сначала на 10, потомъ еще на $8^1/_2$ и наконецъ еще на 17 процентовъ. Такъ старались хозяева подготовить своихъ рабочихъ къ агитаціи противъ закона 1847 года. Фабриканты не поскупились ни на какіе обманы, угрозы и обольщенія, но все было напрасно. Правда, съ полдюжины петицій подано было рабочими на «притѣсненія, причиненныя имъ вслѣдствіе новаго парламентскаго акта», но при устномъ допросѣ просители сознались въ томъ, что просьба ихъ была вынуждена фабрикантами. «Насъ притѣсняютъ, говорили рабочіе, но «актъ о фабрикахъ вовсе не виноватъ въ этомъ». Не успѣвъ заставить рабочихъ говорить въ интересахъ капитала, фабриканты тѣмъ настойчивѣе стали проводить свои идеи въ печати и парламентѣ. Они жаловались на инспекторовъ фабрикъ, назначенныхъ отъ парламента, какъ на какихъ-то членовъ конвента, которые безжалостно губятъ несчастныхъ работниковъ изъ-за несбыточныхъ утопій общечеловѣческаго усовершенствованія. Самъ инспекторъ фабрикъ Горнеръ допросилъ рабочихъ, и «эти несчастные» почти всѣ высказались въ пользу десятичасоваго рабочаго дня.

Потерпѣвъ неудачу, фабриканты прибѣгли къ новой хитрости: они стали принуждать взрослыхъ рабочихъ трудиться по пятнадцати часовъ въ день. Выдавая этотъ фактъ за выраженіе желаній всего рабочаго класса, фабриканты снова потребовали отмѣны десятичасоваго закона. Безжалостный фабричный инспекторъ Горнеръ допросилъ рабочихъ, трудившихся по 15 часовъ, и тѣ показали: «Мы конечно предпочли бы десятичасовую работу, даже за меньшее вознагражденіе, но для насъ не остается выбора: многіе изъ насъ лишены работы, и если мы не согласимся трудиться лишнее число часовъ, то насъ замѣнятъ другіе».

Усилія капиталистовъ не увѣнчались успѣхомъ, и 1-го мая 1848 года, десятичасовой билль вошелъ въ полную силу. Но въ то же время началась политическая реакція. Чартистская партія потерпѣла фіаско; вожди ея заключены были въ тюрьму, ея организація распалась, бодрость и самоувѣренность англійскихъ рабочихъ поколебались. Вскорѣ за тѣмъ парижское іюльское возмущеніе, залитое обильными потоками крови, соединило, какъ въ Англіи, такъ и на материкѣ, всѣхъ охранителей, многоразличныхъ оттѣнковъ, подъ одно знамя. Собственники и капиталисты, биржевые тузы и барышники, протекціонисты и

приверженцы свободы торговли, ханжи и вольнодумцы, молодыя вѣтреницы и старыя богомолки — все это слилось въ одну армію для спасенія собственности, религіи, семьи и общества. Рабочіе стали казаться опасными для государства людьми, фабриканты перестали съ ними стѣсняться. Работодатели вступили въ открытую войну не только съ десятичасовымъ парламентскимъ актомъ, но и со всѣмъ либеральнымъ законодательствомъ 1833 и 1847 года, положившимъ нѣкоторый предѣлъ злоупотребленію капиталистовъ временемъ и силами рабочаго.

Не слѣдуетъ забывать, что законы 1833, 1834 и 1847 г. составляютъ одно цѣлое, по скольку они не противорѣчатъ другъ другу, что ни одинъ изъ нихъ не ограничиваетъ числа рабочихъ часовъ для взрослыхъ мужчинъ и что съ 1833 г. законнымъ, нормальнымъ днемъ оставался пятнадцатичасовой промежутокъ времени между $5^1/_2$ ч. утра и $8^1/_2$ вечера. Только лишь работа малолѣтнихъ и женщинъ была ограничена, въ предѣлахъ этого нормальнаго дня, сначала двѣнадцатью, а потомъ десятью часами. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ постановленій, фабриканты удалили изъ своихъ заведеній многихъ женщинъ и малолѣтнихъ работниковъ и возстановили почти вышедшую изъ употребленія ночную работу взрослыхъ. Затѣмъ они прибѣгли къ другой хитрости. Зная, что законъ, ограничивая рабочій день десятью часами труда, требуетъ полуторачасоваго перерыва работы для принятія пищи и отдыха, фабриканты рѣшились пожертвовать этими полутора часами, но распредѣлили ихъ такъ, что рабочимъ приходилось *завтракать до 9 часовъ утра*, *обѣдать же послѣ 7 ч пополудни*, остальные же десять часовъ работать безъ перерыва и безъ отдыха.

Далѣе: законъ запрещаетъ выгонять на послѣобѣденную работу малолѣтнихъ, начавшихъ свой трудъ до 12 часовъ утра, но ничего не говоритъ о тѣхъ малолѣтнихъ, кои начинаютъ въ 12 часовъ и позже. Пользуясь этимъ недосмотромъ законодателя, фабриканты стали призывать дѣтей къ работѣ съ 12 часовъ утра и отпускать ихъ лишь въ $8^1/_2$ пополудни. При этомъ дѣти 8 — 13 лѣтъ оставались отъ 2 до 9 часовъ пополудни безъ всякой пищи.

Но независимо отъ этихъ уклоненій отъ смысла закона, самая буква его была часто нарушаема. Въ іюлѣ 1850 года фабричные инспекторы открыли, что 3,742 малолѣтнихъ работника на 275 фабрикахъ трудились сверхъ узаконеннаго числа часовъ и оставались въ своихъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ взрослыми, послѣ половины девятаго часа вечера. Въ Шотландіи нарушались законы 1833, 44 и 47 г. еще чаще и болѣе без-

наказанно, чѣмъ въ Англіи. Инспекторы привлекли многихъ фабрикантовъ къ суду, но судъ, составленный изъ тѣхъ же фабрикантовъ, большею частію оправдывалъ ихъ. Система посмѣнной и ночной работы вошла въ полную силу.

Одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ, Леонгардъ Горнеръ говоритъ: «Десять разъ я возбуждалъ судебное преслѣдованіе противъ нарушающихъ законъ фабрикантовъ, въ семи различныхъ судахъ, и только одинъ разъ нашелъ себѣ поддержку въ блюстителяхъ закона. Считаю дальнѣйшее преслѣдованіе безполезнымъ, вслѣдствіе того, что фабрикантъ и судьи умѣютъ обходить законъ. Статья парламентскаго акта, гласящая, что обѣдать должны рабочіе на фабрикѣ въ одно время, не исполняется въ Ланкаширѣ, а потому не могу быть увѣренъ, что женщины и молодые люди работаютъ тамъ не болѣе 10 часовъ въ день. Въ концѣ апрѣля 1849 года, на 118 фабрикахъ рабочіе заняты были гораздо болѣе времени, опредѣленнаго закономъ. Работа продолжается на нѣкоторыхъ фабрикахъ по 13½, даже по 15 часовъ ежедневно. Усчитать время работы каждаго несовершеннолѣтняго нѣтъ возможности. Одни и тѣ же несовершеннолѣтніе работники переводятся изъ прядильной мастерской въ ткацкую, съ одной фабрики на другую». «Есть ли какая-нибудь возможность контролировать такую систему, слѣдуя которой фабриканты играютъ рабочими руками какъ картами и такъ перепутываютъ часы работы и отдыха, что одна и та же группа рабочихъ сегодня оказывается занятою въ одномъ мѣстѣ, завтра въ тотъ же часъ, въ другомъ. Работникъ несвободенъ въ теченіе пятнадцати часовъ ежедневно. Въ этотъ періодъ времени его постоянно отрываютъ отъ одного дѣла и усаживаютъ за другое; короткими перерывами работы онъ не можетъ воспользоваться, чтобы отдохнуть въ своей семьѣ, по необходимости онъ идетъ въ харчевню или въ кабакъ, работница также избираетъ какое-нибудь увеселительное заведеніе». Двухлѣтняя борьба капиталистовъ съ рабочими увѣнчана была замѣчательнымъ успѣхомъ капиталистовъ. Одно изъ четырехъ верховныхъ судилищъ Англіи, а именно Court of Exchequer, постановило 8-го февраля 1850 года рѣшеніе, въ которомъ, между прочимъ, стояли слѣдующія слова: «хотя фабриканты и поступали противно духу закона 1844 года, но нѣкоторыя выраженія этого закона лишаютъ его всякаго значенія». Этимъ судебнымъ рѣшеніемъ нанесенъ былъ сильный ударъ «десятичасовому акту».

Работники были крайне недовольны этимъ и подобными судебными рѣшеніями, и недовольство свое выразили на шумныхъ сходкахъ въ Ланкаширѣ и Іоркширѣ. «Какъ—говорили они—

неужели десятичасовой актъ есть одинъ лишь обманъ, одна парламентская ловушка!» Многіе фабриканты, исполнявшіе требованія закона, поддерживали рабочихъ и высказывались противъ неправедныхъ судей. «Противорѣчивыя рѣшенія судилищъ—говорили они—ведутъ лишь къ анархіи. На что же это похоже: одинъ законъ дѣйствуетъ въ Ланкаширѣ, другой въ Іоркширѣ, одинъ — въ одномъ приходѣ, другой — въ другомъ! Фабриканты большихъ городовъ могутъ обойти законъ, могутъ ввести посмѣнную дневную и ночную работу на своихъ фабрикахъ, могутъ переводить рабочихъ съ одной фабрики на другую, въ провинціи же мы не имѣемъ для всего этого достаточнаго числа трудовыхъ рукъ».

Въ виду настойчивой оппозиціи рабочаго класса, парламентъ не рѣшился отмѣнить акта 1847 года, но нѣкоторыя уступки все же сдѣлалъ фабрикантамъ. По закону 5-го августа 1850 года, работницы и несовершеннолѣтніе вмѣсто десяти часовъ должны были трудиться десять съ половиной. Но за то ночная работа на фабрикахъ была вовсе запрещена. Фабрики должны дѣйствовать съ 6 часовъ утра до 6 вечера. Полтора часа должно быть удѣляемо рабочимъ на принятіе пищи и отдыхъ.

Одной категоріи фабрикантовъ удалось и на этотъ разъ, какъ и прежде, оставить за собою особыя права на работу малолѣтнихъ. Еще въ 1833 году хозяева шелковыхъ фабрикъ грозили закрыть свои заведенія въ случаѣ, если имъ запретятъ пользоваться трудомъ малолѣтнихъ всѣхъ возрастовъ, по десяти часовъ въ день. Намъ невозможно—утверждали они—набрать для себя достаточное количество подростковъ, выше тринадцатилѣтняго возраста. Желанная привиллегія была имъ дана, и только въ 1844 году дѣтямъ моложе одиннадцати лѣтъ запрещено было работать на шелковыхъ фабрикахъ долѣе, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, подчиненныхъ парламентскому акту. Но дѣти отъ 11 до 13 лѣтъ остались при прежней десятичасовой работѣ. Мало того: въ 1850 году имъ было накинуто парламентскимъ актомъ еще полчаса ежедневнаго труда. Такимъ образомъ, чтобы шелковые фабриканты могли имѣть мастеровъ съ особо развитыми и нѣжными пальцами, приносилось въ жертву здоровье многихъ тысячъ дѣтей. Чтобы довершить свою любезность относительно шелковыхъ фабрикантовъ, парламентъ освободилъ ихъ отъ обязанности заботиться о школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ. За то нигдѣ смертность малолѣтнихъ и взрослыхъ не достигаетъ такой значительной высоты, какъ на шелковыхъ фабрикахъ [1].

---

[1] Marks: Das Kapital, p. 271.

Если не очень хорошо жилось бѣднякамъ, трудившимся на фабрикахъ, подчиненныхъ парламентскому контролю, то каково же было положеніе рабочихъ, находившихся внѣ закона и пользовавшихся всѣми благами «свободной конкурренціи»! Въ тѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ число часовъ работы не было установлено закономъ, работники оставались ежедневно по пятнадцати, даже по шестнадцати часовъ и болѣе. Чтобы судить о положеніи этихъ мучениковъ труда, приведемъ нѣсколько фактовъ, заимствованныхъ изъ весьма достовѣрныхъ оффиціальныхъ источниковъ.

«Въ той части Ноттингэма, говоритъ London Daily Telegraph 1860 года, января 14, — гдѣ народонаселеніе занято кружевнымъ производствомъ, страданія и лишенія рабочихъ достигли высшей степени. Десятилѣтнихъ дѣтей поднимаютъ въ четыре, даже въ три часа утра съ ихъ грязныхъ постелей и заставляютъ почти изъ хлѣба работать до 11, даже до 12 часовъ ночи. Отъ тяжелой и продолжительной работы у нихъ ослабѣваютъ всѣ члены тѣла, скорчивается лицо, притупляется его выраженіе, и все человѣческое существо этихъ дѣтей до такой степени деревѣнѣетъ, что страшно посмотрѣть на нихъ. Не лучше и положеніе взрослыхъ. Эта система эксплоатаціи человѣка человѣкомъ есть система безграничнаго рабства, рабства въ физическомъ, моральномъ и соціальномъ отношеніяхъ. Что слѣдуетъ подумать о городѣ, въ которомъ составляется митингъ съ цѣлію ходатайствовать передъ правительствомъ объ ограниченіи рабочаго дня для взрослыхъ восьмнадцатью часами! Мы ораторствуемъ противъ виргинскихъ и королинскихъ плантаторовъ, но ихъ невольничій рынокъ со всѣми ужасами тѣлесныхъ наказаній развѣ страшнѣе медленнаго закланія человѣческой личности, совершаемаго ежедневно у насъ? и для чего приносятся эти человѣческія жертвы? для того, чтобы жены капиталистовъ могли рядиться въ кружевные воротнички и вуали».

Гончарная промышленность въ Стаффордширѣ была предметомъ трехъ изслѣдованій, предпринятыхъ по порученію парламента, въ 1841, 1860 и 1863 годахъ. Для нашей цѣли достаточно краткаго извлеченія изъ показаній малолѣтнихъ работниковъ, показаній, данныхъ ими парламентской слѣдственной коммисіи 1860 года. «Мнѣ семь лѣтъ восемь мѣсяцевъ, показалъ Уильямъ Вудъ. Прихожу на фабрику около 6 часовъ утра и оканчиваю работу въ 9 вечера. Вотъ уже семь или восемь недѣль, какъ я работаю по пятнадцати часовъ въ сутки». «Мнѣ двѣнадцать лѣтъ, показалъ другой гончаръ; зани-

маюсь переноскою изготовленной посуды въ сушильню и верченіемъ колеса. Прихожу въ заведеніе иногда въ 6, иногда въ 4 часа утра. Всю прошлую ночь пришлось мнѣ работать до 8 часовъ утра вмѣстѣ съ 8 другими мальчиками. Всѣ они, кромѣ одного, опять пришли въ заведеніе сегодня утромъ. Получаю я въ недѣлю три шиллинга шесть пенсовъ (1 р. 15 к.), но прибавки не бываетъ, когда проработаю всю ночь. На прошлой недѣлѣ работалъ я двѣ ночи напролетъ». По свидѣтельству врачей, въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ гончарное производство, средняя жизнь рабочихъ необыкновенно коротка, гончары представляютъ собою выродившееся, уродливое въ физическомъ и моральномъ отношеніи племя. Обыкновенно они очень дурно сложены, имѣютъ впалую и слабую грудь. Недолговѣчные, старѣютъ они прежде времени; флегматичные и малокровные, они обнаруживаютъ слабость своего тѣлосложенія частыми припадками диспепсіи, ревматизма и болѣзней печени. Больше же всего они подвержены груднымъ болѣзнямъ: пневмоніи, чахоткѣ и удушью. Имъ свойственъ особый видъ этой послѣдней болѣзни, извѣстный подъ именемъ гончарнаго удушья. Золотухой страдаетъ болѣе двухъ третей всего населенія горшечниковъ. Если вырожденіе населенія гончарныхъ округовъ не достигло болѣе ужасныхъ размѣровъ, то причиною этому служитъ наплывъ сюда свѣжаго населенія изъ болѣе здоровыхъ мѣстностей. «Нельзя не возмущаться при видѣ бѣдныхъ дѣтей — пишетъ одинъ докторъ — которыхъ здоровье принесено въ жертву корыстолюбію родителей или работодателей». Важнѣйшею причиной частыхъ болѣзней и высокой смертности малолѣтнихъ гончарныхъ работниковъ докторъ считаетъ продолжительность рабочаго дня.

Половина рабочихъ въ сѣрно- и-фосфорно-спичечной промышленности Англіи состоитъ изъ молодыхъ людей отъ тринадцати до восьмнадцатилѣтняго возраста. Производство это до такой степени прославилось своимъ вреднымъ дѣйствіемъ на рабочихъ [1] и своею отвратительною обстановкой, что въ немъ рѣшаются принимать участіе лишь самые жалкіе бѣдняки, «полумертвыя отъ голода вдовы, безпріютныя и невоспитанныя дѣти». Работа на спичечныхъ фабрикахъ продолжается отъ 12 до 15 часовъ въ сутки, пища принимается не въ опредѣленный часъ, а когда попало, не въ особыхъ помѣщеніяхъ, а въ рабочихъ комнатахъ, атмосфера которыхъ пропитана сѣрою или фосфоромъ. Данте въ этихъ «домахъ ужаса» нашелъ

[1] Спеціальная болѣзнь на спичечныхъ фабрикахъ — челюстная костоѣда.

бы дѣйствительность, неуступающую самымъ мрачнымъ картинамъ его фантастическаго Ада.

На обойныхъ фабрикахъ работа зимою продолжается обыкновенно съ 6 часовъ утра до 10 вечера, почти безъ перерыва. На вопросы слѣдственной коммисіи одинъ работникъ показалъ слѣдующее: «Когда сыну моему было еще только семь лѣтъ, я таскалъ его на себѣ на фабрику, гдѣ работалъ онъ по шестнадцати часовъ въ сутки. Работалъ онъ безъ перерыва и даже обѣдалъ стоя у машины, которой не смѣлъ ни остановить, ни оставить». Дѣти и взрослые въ мартѣ и апрѣлѣ 1863 года работали на обойныхъ фабрикахъ по 84 часа еженедѣльно.

Въ 1863 году общественное мнѣніе Англіи было крайне взволновано открытіями коммисіи, наряженной парламентомъ для изслѣдованія хлѣбопекарнаго производства. Твердый въ библіи, англичанинъ зналъ и прежде, что человѣкъ, если только онъ не ландлордъ и не капиталистъ, осужденъ въ потѣ лица заработывать хлѣбъ свой, но никакъ не подозрѣвалъ, что въ хлѣбѣ этомъ онъ долженъ вкушать извѣстную долю человѣческаго пота, смѣшаннаго съ разными нагноеніями, съ паутиной и тараканами, не говоря уже о квасцахъ, пескѣ и другихъ минеральныхъ ингредіентахъ. Возмущенное этимъ открытіемъ, общественное мнѣніе настояло на томъ, чтобы пекарни подчинены были особому надзору государственныхъ инспекторовъ. Занятый вопросомъ о фальсификаціи хлѣба, парламентъ не могъ не обратить вниманія на положеніе пекарей. Коммисіею обнаружено было, что въ пекарняхъ работа продолжается бо̀льшую часть ночи, при температурѣ 75—90 градусовъ, и что работники послѣ ночныхъ, весьма трудныхъ занятій, должны еще часовъ до пяти пополудни разносить хлѣбъ по городу. Находя, что такой продолжительный трудъ можетъ разстроивать здоровье несовершеннолѣтнихъ, парламентъ запретилъ работникамъ моложе 18-ти лѣтъ ночную работу въ пекарняхъ.

Непомѣрная продолжительность рабочаго дня замѣчена была и въ желѣзнодорожной эксплуатаціи. Въ Лондонѣ, назадъ тому лѣтъ пять, судъ присяжныхъ разсматривалъ дѣло по обвиненію троихъ желѣзнодорожныхъ работниковъ: кондуктора, машиниста и сигналиста. Обвинялись они въ томъ, что, по ихъ небрежности, случилось страшное несчастіе на желѣзной дорогѣ: сотни пассажировъ слишкомъ быстро перевезены были на тотъ свѣтъ. Обвиняемые единогласно показали: «Назадъ тому десять-двѣнадцать лѣтъ, ежедневная работа наша про-

должалась всего восемь часовъ, въ послѣдніе же пять лѣтъ рабочій день нашъ увеличился до 14, 18, даже до 20 часовъ, а при особенно сильномъ наплывѣ путешественниковъ намъ приходилось иногда работать по сорока, даже по пятидесяти часовъ къ ряду. Мы — обыкновенные люди, не циклопы. Послѣ извѣстнаго числа часовъ работы силы наши слабѣютъ, мы впадаемъ въ оцѣпененіе, мозгъ перестаетъ думать, глаза перестаютъ видѣть».

Изъ пестрой толпы истомленныхъ, измученныхъ тружениковъ и трудениць особенно выдаются двѣ фигуры, вовсе непохожія другъ на друга, и своимъ контрастомъ доказывающія, что предъ капиталомъ всѣ люди равны,—это модистка и кузнецъ. Въ послѣдніе дни іюня 1863 года лондонскія газеты напечатали у себя статейку, подъ заглавіемъ: «Смерть отъ излишней работы». Умерла модистка Мэри-Анна Уокли, 20-ти лѣтъ, работавшая въ одной придворной модной мастерской. Ежедневныя занятія ея продолжались 16 часовъ съ половиной, а въ модный сезонъ работала она иногда по 30-ти часовъ къ ряду, подкрѣпляя ослабѣвавшія силы свои хересомъ, портвейномъ и кофе. Было самое бойкое время — время заказовъ для бала въ честь только что привезенной въ Англію принцессы Уэльской. Мэри-Анна Уокли работала вмѣстѣ съ шестьюдесятью другими дѣвицами двадцать-шесть съ половиною часовъ безъ перерыва, въ комнатѣ, имѣвшей только треть необходимаго для здоровья каждой работницы воздуха. Ночью ложились онѣ по двѣ на одной постелѣ въ тѣсной каморкѣ. Мэри-Анна заболѣла въ пятницу, не окончивъ, къ сожалѣнію, послѣдняго урочнаго убора. Слишкомъ поздно призванный къ смертному одру врачъ высказался такъ: «Мэри-Анна умерла отъ чрезмѣрно продолжительной работы въ переполненной мастерской и отъ тѣсноты худо вентилированной спальни».

Если вѣрить поэтамъ, то на свѣтѣ нѣтъ человѣка здоровѣе, сильнѣе, веселѣе кузнеца. Встаетъ онъ рано, и еще до разсвѣта начинаютъ сыпаться искры отъ его ударовъ. Ѣстъ, пьетъ и спитъ онъ, какъ никто. При умѣренной работѣ кузнецъ — если только судить по удовлетворенію физическихъ потребностей — долженъ находиться въ одномъ изъ лучшихъ человѣческихъ положеній. Но въ дѣйствительности, особенно нынѣ, когда молотъ на кузницѣ приводится въ дѣйствіе силою пара, кузнецъ въ Англіи обремененъ непосильною работой, а потому не можетъ пользоваться ни здоровьемъ, ни благосостояніемъ. Средняя смертность кузнецовъ и всѣхъ работниковъ,

занятыхъ на металлическихъ заведеніяхъ, вполтора раза выше общей смертности англійскаго населенія.

Въ кузницахъ, плющильняхъ и другихъ металлическихъ заведеніяхъ Англіи и Шотландіи введена посмѣнная работа, непрерывающаяся ни днемъ, ни ночью, непрерывающаяся въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ даже на воскресенье. Каждому работнику приходится трудиться здѣсь по 12-ти часовъ въ сутки, но случается, что одинъ и тотъ же работникъ не отходитъ отъ своей машины по двѣ, по три смѣны къ ряду. На одной плющильной фабрикѣ несовершеннолѣтняго мальчика заставляли трудиться по четыре ночи въ недѣлю, при чемъ за ночною работою слѣдовала дневная до 8½ часовъ вечера, и это продолжалось шесть мѣсяцевъ. Другой мальчикъ, когда ему было девять лѣтъ, работалъ иногда по три двѣнадцатичасовыхъ смѣны къ ряду. «Третій—теперь ему десять лѣтъ — работалъ три дня въ недѣлю по 18-ти часовъ и три дня по пятнадцати; четвертый, нынѣ тринадцатилѣтній, работалъ цѣлую недѣлю по ночамъ, отъ 6-ти часовъ пополудни до 12-ти слѣдующаго дня; пятый работалъ на желѣзномъ заводѣ съ 6-ти часовъ утра до 12-ти ночи въ теченіе 14-ти дней, и теперь уже неспособенъ на такое сильное напряженіе».

Та же система посмѣнной работы существуетъ на стеклянныхъ и писчебумажныхъ фабрикахъ. Тамъ, гдѣ бумага производится машиннымъ способомъ, ночная работа составляетъ общее правило для всѣхъ процессовъ, кромѣ сортировки тряпья. На нѣкоторыхъ бумажныхъ фабрикахъ введена смѣшанная система, требующая отъ рабочихъ отъ 15-ти до 16-ти часовъ ежедневнаго труда.

Не менѣе пятнадцати часовъ трудятся взрослые и дѣти въ каменноугольныхъ копяхъ, лишенные солнечнаго свѣта и свѣжаго воздуха; не менѣе четырнадцати часовъ трудятся въ лѣтнюю пору земледѣльческіе поденщики.

Можно было бы продолжить до безконечности списокъ различныхъ отраслей труда, въ которыхъ здоровье рабочихъ приносится въ жертву промышленному Молоху; но сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, до какой степени необходимо вмѣшательство государства въ рѣшеніе вопроса объ установленіи предѣловъ рабочаго дня, и чтобы понять, почему англійскіе рабочіе объ уменьшеніи числа трудовыхъ часовъ хлопочутъ не менѣе, чѣмъ объ увеличеніи заработной платы. Какъ ни часто нарушаемъ былъ законъ на фабрикахъ, подчиненныхъ парламентскому надзору, все же положеніе рабочихъ на этихъ фабрикахъ было несравненно лучше положенія

*

тѣхъ, кои не пользовались покровительствомъ парламента. Весьма естественно, что рабочіе всевозможныхъ промышленныхъ заведеній стали заявлять свои права на такое же покровительство. Нѣкоторыя изъ этихъ заявленій были уважены парламентомъ. Въ десятилѣтіе отъ 1860 года до 1870 закону, ограничивающему рабочій день, подчинены были красильныя и бѣлильныя заведенія, затѣмъ чулочныя, горшечныя, сѣрно и фосфорно-спичечныя, пистонныя, обойныя, булочныя и нѣкоторыя другія. Но большинство рабочихъ Великобританіи и Ирландіи, а въ томъ числѣ все многочисленное земледѣльческое населеніе обоихъ острововъ, не пользуется благодѣяніями этого гуманнаго закона. Не слѣдуетъ еще забывать, что законъ прямо и положительно ограничиваетъ только работу женщинъ и малолѣтнихъ, взрослымъ же онъ благодѣтельствуетъ лишь косвенно. Тамъ, гдѣ фабриканты могутъ обойтись безъ содѣйствія малолѣтнихъ и женщинъ, рабочій день взрослыхъ, несмотря на покровительство закона, не ограничивается десятью часами. Но весьма много есть такихъ промышленныхъ заведеній, гдѣ хозяевамъ гораздо выгоднѣе останавливать на ночь работу, чѣмъ поручать взрослымъ мужчинамъ занятія, которыя за весьма дешевую цѣну могутъ быть исполнены малолѣтними и женщинами. Въ этихъ промышленныхъ заведеніяхъ благодѣянія десятичасоваго закона пользуются и взрослые работники.

Франція въ своемъ законодательствѣ о числѣ рабочихъ часовъ послѣдовала Англіи, но послѣдовала слишкомъ поздно, именно въ 1848 году. Нужна была февральская революція, чтобы вызвать къ существованію законъ о двѣнадцатичасовой работѣ. Законъ этотъ во многомъ уступаетъ своему англійскому оригиналу, но за то французскій радикальный способъ рѣшать соціально-экономическіе вопросы имѣетъ свои особыя преимущества. Французское законодательство сразу для всѣхъ мастерскихъ потребовало одинаковаго ограниченія рабочаго дня, между тѣмъ, какъ въ Англіи дѣло дѣлалось очень медленно. Притомъ во Франціи провозглашенъ былъ принципъ ограниченія рабочаго дня для всѣхъ, а не для малолѣтнихъ только, да женщинъ.

Нѣкоторые французскіе капиталисты пошли дальше законодательства, и ограничили рабочій день на своихъ фабрикахъ одиннадцатью часами. Между этими капиталистами особенно замѣчателенъ Дольфюсъ, обладатель большой фабрики въ эльзасскомъ городѣ Мюльгаузенѣ. Опытъ убѣдилъ этого фабриканта, что отъ уменьшенія рабочаго времени не страдаютъ

даже сами фабриканты. Уменьшивъ рабочій день на одинъ часъ, съ двѣнадцати на одиннадцать, Дольфюсъ нашелъ, что въ теченіе четырнадцати дней опыта на его 600 станкахъ выработано было не менѣе, чѣмъ прежде, а даже гораздо болѣе тканей, а именно: производство муслина увеличилось на $1^2/_3$ процента, производство же коленкора — на $4^1/_2$ процента. Это увеличеніе продукта соотвѣтствуетъ на его фабрикѣ прибавкѣ лишнихъ 37 станковъ (10 для муслина, 27 для коленкора). Если высчитать капитальную цѣнность этихъ сберегаемыхъ станковъ, а также издержки на ихъ помѣщеніе, на плату лишнимъ рабочимъ и, наконецъ, издержки на сберегаемое освѣщеніе и отопленіе фабрики въ теченіе свободнаго двѣнадцатаго часа, то получится весьма крупная цифра выгодъ для фабриканта, которыми онъ можетъ еще подѣлиться съ рабочими [1]. Нельзя не пожалѣть, что примѣру Дольфюса мало послѣдователей.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи рабочій день продолжается болѣе пятнадцати часовъ. Цюрихскіе жестяныхъ дѣлъ мастера въ февралѣ 1867 года заявили требованіе, чтобы работа ихъ зимою и лѣтомъ продолжалась всего 13 часовъ, а именно съ 6-ти утра до 7-ми вечера. Видя, что хозяева не желаютъ исполнить ихъ требованія, многіе мастера отказались продолжать свою работу. Нѣсколько недѣль продолжалась борьба, и, наконецъ, хозяева уступили. За жестяниками потянулись слесарные мастера и также потребовали уменьшенія трудоваго дня на одинъ часъ, безъ уменьшенія задѣльной платы, но не имѣли успѣха. Дальнѣйшія движенія рабочихъ въ Швейцаріи имѣютъ цѣлью скорѣе возвышеніе заработной платы, чѣмъ уменьшеніе трудоваго дня. Исключеніе составляетъ кантонъ Гларусъ, гдѣ вся община въ торжественномъ собраніи своемъ постановила ограничить число часовъ работы. На этомъ собраніи, 22-го мая 1864 г., высказано было, между прочимъ, слѣдующее: «Установленіе правильныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими въ высшей степени необходимо, особенно въ такомъ кантонѣ, который, быстро преуспѣвая въ промышленномъ отношеніи, испытываетъ на себѣ, какъ благодѣтельныя, такъ и вредныя дѣйствія прогресса. Повидимому, странно, что народное собраніе съ своею законодательною властью вмѣшивается въ отношенія капитала къ труду, въ отношенія, имѣющія характеръ вольнаго договора. Но это вмѣшательство необходимо. Господствующая у насъ промышленность охватываетъ все на-

---

[1] Unsere Tage, 1866, 7 Heft des 8 Bandes, стр. 480.

селеніе кантона и имѣетъ на благосостояніе его самое рѣшительное вліяніе, а потому государство должно позаботиться, чтобы устранены были неблагопріятныя для народнаго благосостоянія условія и *чтобы настоящее не завѣщало будущему слабосильнаго, истощеннаго поколѣнія.* Уже ради сохраненія нашей политической свободы мы обязаны воспрепятствовать образованію дряблаго поколѣнія, неспособнаго пользоваться и наслаждаться высшими благами жизни.

«Во всѣхъ другихъ государствахъ подобные вопросы разрѣшаются исключительно высшими сословіями, при особенномъ участіи фабрикантовъ. Ни въ Англіи, ни въ Бельгіи, ни даже во многихъ швейцарскихъ кантонахъ самъ народъ не имѣетъ права участвовать въ изданіи подобныхъ узаконеній. Въ Гларусѣ — дѣло другое. Рѣшеніе такого важнаго вопроса предоставляется народному собранію, состоящему изъ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ и только двухъ какихъ-нибудь дюжинъ фабрикантовъ. Не опасно ли это? *да*, если эти два класса общества станутъ враждовать другъ съ другомъ; *нѣтъ*, если оба они проникнутся сознаніемъ, что ихъ соединяютъ общіе интересы, что ударъ, наносимый одному классу общества, наносится вмѣстѣ съ тѣмъ и другому. Фабрикантъ, какъ человѣкъ, не можетъ не желать благосостоянія своихъ рабочихъ, и наоборотъ. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, полезно было бы сократить число часовъ ежедневной работы *до двѣнадцати*». Предложеніе было принято, несмотря на нѣкоторыя возраженія фабрикантовъ, доказывавшихъ, что отъ принятія такого закона погибнетъ промышленность Гларуса. Въ нѣкоторыхъ же промышленныхъ заведеніяхъ установлена была одиннадцати-часовая работа. Примѣру Гларуса послѣдовали остальные кантоны, въ которыхъ рабочій день гораздо больше 12 часовъ.

Въ Германіи вопросъ о сокращеніи трудоваго дня въ первый разъ серьёзно поднятъ былъ на сходкѣ нѣмецкихъ рабочихъ въ Лейпцигѣ, 23-го и 24-го октября 1864 года. Рѣшеніе этого важнаго вопроса поручено было особой коммисіи, предсѣдателемъ которой избранъ былъ Мертенсъ, изъ Гамбурга, бо̀льшую часть жизни проведшій за тяжкимъ трудомъ и неизмѣнившій рабочему знамени. Въ своемъ докладѣ общему собранію Мертенсъ говоритъ слѣдующее: «Если работники желаютъ имѣть тѣ же человѣческія и гражданскія права, какъ и остальное населеніе, то они должны пріобрѣсти себѣ это положеніе своими трудами и своимъ образованіемъ. Каждый работникъ долженъ образовать себя нетолько практически, но и теоретически; а чтобы этого достигнуть, работникъ долженъ имѣть достаточно

свободнаго времени. Человѣкъ, который влачитъ жизнь свою за однообразною, томительной работой, какъ вьючное животное, не можетъ сдѣлаться искуснымъ и мыслящимъ работникомъ, а еще менѣе—гражданиномъ, такимъ гражданиномъ, въ какихъ будетъ нуждаться государство въ то время, когда освободится отъ нынѣшняго унизительнаго взгляда на рабочаго.

«Потому-то одною изъ важнѣйшихъ задачъ рабочихъ собраній должно быть ограниченіе трудоваго времени.

«Могутъ возразить: только малая часть рабочаго класса воспользуется какъ слѣдуетъ вновь пріобрѣтеннымъ временемъ отдыха, большинство же безпутно растратитъ его въ кабакахъ, харчевняхъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, и бытъ этого большинства не улучшится, а скорѣе ухудшится. Этимъ друзьямъ и рачителямъ человѣчества можно отвѣтить, что, по той же логикѣ, слѣдуетъ и тѣлесное наказаніе считать величайшимъ благомъ для человѣчества и рабство — вѣрнѣйшимъ средствомъ оградить людей отъ злоупотребленія свободой. Даже еслибъ съ достовѣрностію было предсказано, что большинство рабочихъ дурно воспользуется лишнимъ свободнымъ временемъ, то и тогда мы съ тою же настойчивостью ратовали бы за сокращеніе рабочаго времени въ интересахъ благоразумнаго и способнаго къ самоусовершенствованію меньшинства тружениковъ, хотя бы пришлось намъ подвергать опасности тѣхъ, кои не умѣютъ цѣнить свободу и кои не оцѣнятъ ея дотолѣ, пока не сбросятъ съ себя рабскихъ цѣпей.

«Могутъ возразить еще: съ уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ сократится самое производство. Напрасное опасеніе! *Мыслящій и развитой работникъ создастъ своимъ трудомъ гораздо болѣе цѣнностей въ короткое время, чѣмъ тупоумный и истощенный въ продолжительное.* Это доказывается самимъ опытомъ. Опытомъ же дознано, что работникъ не можетъ съ одинаковымъ напряженіемъ трудиться впродолженіе всего длиннаго рабочаго дня: то на четверть часа онъ совсѣмъ сложитъ руки, то работаетъ вяло, невнимательно, особенно въ концѣ дня.

«Въ Гамбургѣ въ послѣднее время положеніе рабочихъ нѣсколько улучшилось: они работаютъ уже ежедневно не 14 часовъ, а тринадцать, съ 6 утра до 7 вечера, при чемъ два часа въ теченіе дня дается имъ на принятіе пищи и отдыхъ. Только хлѣбники, мясники и кузнецы работаютъ долѣе, но за-то они и отличаются наименьшимъ стремленіемъ къ образованію. Ни одинъ изъ хлѣбниковъ, мясниковъ и кузнецовъ не участвуетъ въ обществахъ, имѣющихъ цѣлію просвѣщеніе рабочаго класса.

«Хорошо бы, посредствомъ публичныхъ лекцій и популярныхъ, для всякаго понятныхъ, книжекъ указать работнику, на что̀ могли бы пригодиться ему лишніе часы досуга. Можно надѣяться, что просвѣщеннѣйшіе работодатели, понимая, какъ выгодно имѣть смышленыхъ и образованныхъ работниковъ, сами согласятся съ справедливымъ требованіемъ ограниченія трудоваго дня».

На третьей сходкѣ германскаго рабочаго союза, 3-го и 5-го сентября 1865 года, вопросъ о рабочемъ времени подвергнутъ былъ тщательному обсужденію вмѣстѣ съ вопросомъ о стачкахъ. Собраніе пришло къ окончательному убѣжденію въ томъ, что сокращеніе рабочаго времени положительно необходимо и полезно не только для самихъ работниковъ, но и для работодателей.

Въ октябрѣ 1865 года въ Аугсбургѣ собралась многочисленная сходка рабочихъ и заявила желаніе, чтобы занятія въ промышленныхъ заведеніяхъ начинались не въ 5 часовъ утра, а въ 6. Баварскому министерству подана была составленная въ этомъ смыслѣ просьба, подписанная многими сотнями лицъ. Министерство переслало эту просьбу на разсмотрѣніе къ мѣстнымъ городскимъ властямъ, которыя нашли въ ней много преувеличеній. Отвѣтъ послѣдовалъ такой: «Рабочій день не можетъ быть сокращенъ, безъ ущерба для аугсбургскихъ фабрикантовъ, до тѣхъ поръ, пока это сокращеніе не будетъ принято во всемъ таможенномъ союзѣ. Впрочемъ, вѣдь въ Англіи и Франціи рабочій день еще длиннѣе». (Въ Аугсбургѣ онъ не менѣе четырнадцати часовъ).

Въ концѣ 1865 года, особенное вниманіе обратила на себя рѣчь одного проповѣдника въ Хемницѣ, сказанная по случаю благодарственнаго торжества, совершавшагося послѣ жатвы. «Можетъ быть и правда — сказано между прочимъ въ этой рѣчи — что мелкая ремесленная промышленность должна быть вытѣснена фабричнымъ производствомъ. Но горе, горе намъ, если при этомъ нарушаться будетъ святыня семейной жизни, если работникъ, томящійся на фабрикѣ съ ранняго утра до поздняго вечера, не будетъ имѣть даже двухъ свободныхъ часовъ, чтобы зайти домой, обнять дѣтей и жену и вкусить вмѣстѣ съ ними, въ любви да въ согласіи, хлѣбъ насущный. Не добро это, братья! Глубокій разладъ въ сотняхъ рабочихъ супружествъ, дикость, безсердечіе мужей, ихъ страсть къ вину и игрѣ; слезы и кровь избитыхъ женъ, ранняя испорченность дѣтей — вотъ потрясающія душу впечатлѣнія нашего цвѣтущаго города, убѣждающія насъ, что мы страдаемъ отъ какого-

то страшнаго недуга, что въ погонѣ за золотомъ и внѣшними выгодами мы теряемъ драгоцѣннѣйшія блага царствія божія: христіанскую, семейную вѣрность и любовь. А потому я полагаю, что нашъ осенній праздникъ былъ бы истинно благодарственнымъ праздникомъ, еслибы владыки работы здѣсь, въ нашемъ городѣ, пожертвовали еще часочикъ рабочему на его обѣденный отдыхъ и тѣмъ укрѣпили бы его семейную жизнь и дали бы доступъ къ царству божію и правдѣ его въ тысячи и тысячи домовъ. Ибо общеніемъ трапезы — намъ хорошо извѣстна эта великая истина — сохраняется любовь».

Зная хемницкіе фабричные порядки и обычаи, легко понять, что слова проповѣдника имѣли магическое дѣйствіе. Въ этомъ саксонскомъ Манчестерѣ работники заняты съ 6 часовъ утра до 9 вечера, съ перерывомъ лишь на одинъ часъ для обѣда. Рѣчь произвела сильное волненіе, но «владыки работы» не тронулись справедливыми и скромными требованіями проповѣдника и даже, посредствомъ мѣстной духовной консисторіи, надѣлали ему много хлопотъ.

Въ 1867 году вопросъ объ ограниченіи рабочаго времени поднятъ былъ снова въ Лейпцигѣ «Обществомъ распространенія просвѣщенія между рабочими» (Arbeiterbildungsverein), по иниціативѣ самаго саксонскаго правительства. Къ обсужденію вопроса приглашены были общества типографщиковъ, каменщиковъ и плотниковъ, а также и нѣкоторыя личности, хотя и не принадлежавшія къ рабочему классу, но пользовавшіяся его довѣріемъ. Коммисія, которой поручено было разсмотрѣніе вопроса о рабочемъ времени, постановила, что болѣе 10 часовъ не должно трудиться на фабрикахъ и въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ. Работа по воскреснымъ днямъ должна быть запрещена положительно. Въ основаніе этихъ постановленій приведены были коммисіею слѣдующія соображенія: «Сокращеніе рабочаго времени гораздо важнѣе для тружениковъ, чѣмъ увеличеніе задѣльной платы. Къ чему можетъ послужить самая высокая плата, если тотъ, кто ее получаетъ, прикованъ какъ каторжникъ къ колесу работы и не имѣетъ времени почеловѣчески воспользоваться доходомъ отъ нея? Что у насъ въ Германіи, особенно же въ промышленно развитой Саксоніи уже обнаруживаются страшныя послѣдствія неумѣреннаго продленія рабочаго дня, это очевидный фактъ, подтверждаемый статистикою. Зло развилось уже до такой степени, что наше фабричное населеніе почти все состоитъ изъ людей безсильныхъ и дряблыхъ, какъ видно изъ отчетовъ рекрутской коммисіи.

«Нѣкоторые англійскіе поклонники свободы труда и торговли говорятъ: «Государство не имѣетъ никакого права уменьшать рабочее время и вообще вмѣшиваться въ отношенія работниковъ къ ихъ хозяевамъ, отношенія, основанныя на вольномъ договорѣ». Но наша гуманность должна протестовать противъ этихъ доводовъ, направленныхъ къ подавленію свободы во имя свободы. Правда, государство не имѣетъ никакого права нарушать свободу личности; но на государствѣ лежитъ обязанность защищать свободу личности, т.-е. охранять гражданина отъ притѣсненія, эксплоатаціи и совершеннаго подавленія другимъ гражданиномъ. Если препятствовать обиранію и безжалостной эксплоатаціи работника капиталистомъ значитъ посягать на права личности, то такимъ же посягательствомъ слѣдуетъ считать и мѣры, принимаемыя къ предотвращенію убійствъ. О свободномъ договорѣ между работникомъ и работодателемъ уже потому не можетъ быть рѣчи, что послѣдній, какъ капиталистъ, имѣетъ гораздо болѣе силы, а свободный договоръ можетъ существовать только между равносильными сторонами. Эта мнимая свобода есть произволъ, новый, болѣе ужасный видъ кулачнаго права, права сильнаго. Эта свобода есть общественная анархія, война всѣхъ противъ всѣхъ, уничтоженіе слабаго сильнымъ, сильнаго сильнѣйшимъ».

Несмотря на свою основательность и умѣренность, постановленіе лейпцигскаго собранія относительно десятичасовой работы не вошло въ законную силу, благодаря противодѣйствію фабрикантовъ и заводчиковъ. Всѣ дальнѣйшіе протесты несчастныхъ тружениковъ остались безъ всякихъ благопріятныхъ послѣдствій и навлекли лишь одни гоненія и непріятности безпокойнымъ «протестантамъ». Примѣръ Англіи медленно дѣйствуетъ на Германію; но бѣдствія нѣмецкихъ фабричныхъ рабочихъ такъ велики и зло, причиняемое непомѣрнымъ продленіемъ рабочаго дня, такъ сильно, что вопросъ о рабочемъ времени долженъ рѣшиться и въ Германіи весьма скоро.

Въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ вопросъ о рабочемъ днѣ началъ волновать умы съ 1850 года. Прежде всего затронутъ онъ былъ въ Массачузетѣ, гдѣ законодательное собраніе постановило ограничить съ 1 іюля 1851 года рабочій день десятью часами. Массачузетскій сенатъ долго сопротивлялся этому постановленію, но потомъ утвердилъ его. Примѣру Массачузета послѣдовали и нѣкоторые другіе штаты союза, но до 1866 года вопросъ не былъ рѣшенъ удовлетворительно, и не могъ быть рѣшенъ пока существовало въ юж-

ныхъ штатахъ невольничество. Работа бѣлокожихъ не могла быть вполнѣ ограждена отъ несправедливой эксплоатаціи, пока чернокожіе находились въ рабствѣ. Но когда невольничій трудъ исчезъ, для свободныхъ рабочихъ настала пора возрожденія. Первымъ результатомъ американской междоусобной войны была агитація въ пользу ограниченія рабочаго дня восьмью часами, агитація, взолновавшая всю Америку отъ Атлантическаго до Тихаго океана. Общій рабочій конгрессъ, собравшійся 16 августа 1866 года въ Балтиморѣ, объявилъ: «Первая и величайшая потребность нашего времени заключается въ освобожденіи труда отъ порабощенія капиталу, въ изданіи закона, которымъ бы установленъ былъ восьмичасовой предѣлъ работы. Мы рѣшились всю нашу силу употребить на достиженіе этой великой цѣли». Цѣль эта еще недостигнута, но потребность ограниченія рабочаго дня чувствуется такъ сильно, и средство для удовлетворенія этой потребности такъ много у крѣпкаго и энергичнаго американскаго народа, что близкое и удовлетворительное практическое рѣшеніе вопроса о рабочемъ днѣ можно считать несомнѣннымъ. Весьма поучительно то обстоятельство, что даже въ американскихъ штатахъ, гдѣ трудъ постановленъ въ весьма благопріятныя условія, капиталъ успѣлъ-таки поработить его до такой степени, что государство должно вступиться за работника чтобы обезпечить за нимъ право на досугъ, а вмѣстѣ съ досугомъ и на высшее духовное развитіе. Комитетъ, составленный изъ массачузетскихъ сенаторовъ и членовъ палаты представителей, выразился слѣдующимъ образомъ о необходимости ограниченія рабочаго дня: «При безпримѣрномъ благосостояніи и рѣшительномъ прогрессѣ наукъ и искусствъ, при усовершенствованіи машинъ, упрощающихъ трудъ, человѣкъ, создатель и первый виновникъ всѣхъ этихъ благъ, одинъ не двигается впередъ. Накопляя богатства, промышленность наша стремится превратить работника въ какую-то машину, въ существо безсмысленное, недоступное высшимъ стремленіямъ, подобное животному. Вотъ собственныя слова одного работника: «мы невольники, истощенные трудомъ, обезсиленные, искалеченные; у насъ вовсе нѣтъ времени образовать духъ свой и сердце: удивительно ли, что мы оказываемся презрѣнными, жалкими невѣждами?» «У меня есть сынъ, сказалъ другой работникъ; этого сына своего я готовъ лучше видѣть въ гробу, чѣмъ на фабрикѣ, гдѣ онъ долженъ былъ бы выстрадать все то, что̀ я выстрадалъ, гдѣ онъ долженъ былъ бы вынести болѣе мукъ, чѣмъ не-

вольникъ, въ этомъ испорченномъ и унизительномъ обществѣ». Тяжело было слышать эти слова, свидѣтельствующія о великомъ упадкѣ нашего рабочаго народа. Мужественная и гордая независимость работника прежнихъ временъ уступила мѣсто рабскому, продажному чувству; самоуваженіе и разсудительность — неувѣренности въ собственныхъ силахъ и невѣжеству; Прежней честной гордости своимъ трудомъ нѣтъ, а есть полная приниженность: стремленіе усовершенствоваться въ механикѣ замѣнилось исканіемъ упрощенныхъ, подчиненныхъ занятій. Вмѣсто диплома на благородство, на трудѣ лежитъ нынѣ клеймно невольничества. А потому члены комитета приходятъ къ слѣдующему убѣжденію: если необходимо спасти націю отъ вѣрной гибели, если необходимо дать техническимъ знаніямъ полное практическое приложеніе, если слѣдуетъ заботиться о здоровьѣ, жизни и нравственности народа, если наконецъ мы должны потомкамъ нашимъ обезпечить и завѣщать драгоцѣнныя блага свободы и самоуправленія, то мы должны понять важность вопроса объ ограниченіи рабочаго времени и справедливо рѣшить этотъ вопросъ. Горе народу, у котораго богатство возвышается, а личность человѣческая падаетъ»!

О печальномъ положеніи рабочаго класса въ Россіи говорено и писано было въ послѣднее время очень много, но можно сказать, что до настоящаго времени не сдѣлано даже и начала основательному изученію положенія нашихъ рабочихъ. По крайней-мѣрѣ до настоящаго времени не предпринимаемо было ни одного опыта для изслѣдованія одежды, питанія рабочихъ и т. д., подобно тому, какъ это много разъ дѣлалось въ Англіи для изученія жизни земледѣльческихъ и фабричныхъ работниковъ. Относительно того, сколько часовъ рабочій долженъ трудиться въ продолженіи дня, — у насъ не существуетъ никакихъ опредѣленій. Обыкновенно работникъ работаетъ столько, сколько велитъ хозяинъ. А при общей бѣдности и нерѣдкомъ голодованіи нашихъ рабочихъ, «свободной конкуренціи» между ними такъ много, что воля хозяина можетъ рѣшительно ничѣмъ не стѣсняться, кромѣ предѣловъ физической возможности.

В. П.

ИЗЪ ШАРЛЯ БОДЭЛЕРА.

Смолкаетъ безтолочь назойливая дня,
Нахальный жизни гамъ беззвучнѣе и тише...
Потёмки — солнца свѣтъ угасшій замѣня,
Одѣли трауромъ навѣсъ небесной крыши...
Ночь сходитъ медленно въ красѣ своей нѣмой,
Во всемъ величіи своемъ оцѣпенѣломъ,
Чтобы бѣднякъ забылъ на время голодъ свой,
И стыдъ забыли тѣ, чьей жизни—стыдъ удѣломъ!

И тѣломъ и умомъ измученный вконецъ,
И съ сердцемъ трепетной исполненнымъ печали,
Я ночь привѣтствую словами: наконецъ
Мракъ и безмолвіе вы для меня настали!
Не жду я отдыха — не жду я свѣтлыхъ сновъ,
Способныхъ освѣжить мой умъ многострадальный,
Но, мракъ таинственный — въ холодный твой покровъ
Я молча завернусь, какъ въ саванъ погребальный.

Н. Курочкинъ.

* *
*

Какъ долгой ночью ждетъ утра
Больной, томясь въ бреду,
Такъ въ этой безрасвѣтной тьмѣ
Я милой вѣсти жду.

День безконеченъ... грудь полна
Невыплаканныхъ слезъ.
Наступитъ ночь, — ко мнѣ бѣгутъ
Рои зловѣщихъ грезъ.

О, только бъ знать, что надъ тобой
Безъ тучъ восходитъ день,
Что, ясная, встрѣчаешь ты
Безъ слезъ ночную тѣнь!

Какъ стало бы свѣтло, тепло
Въ холодной этой тьмѣ!
Пусть воли нѣтъ... Пока придетъ
Есть счастье и въ тюрьмѣ!

Но дни и мѣсяцы идутъ...
Я жду, — напрасно жду...
Такъ въ ночь безсонную утра
Не ждетъ больной въ бреду.

М. М.

СОВРЕМЕННЫЯ УЧЕНІЯ

О НРАВСТВЕННОСТИ И ЕЯ ИСТОРІЯ.

III.

Нравственность[1].

Развитіе есть не только объективный фактъ наблюденія, но есть и субъективный фактъ сознанія. Мы можемъ видѣть не только на другомъ существѣ, что формы и отправленія его усложнились, что его средства поддержанія собственнаго существованія увеличились, что его дѣйствіе на окружающій міръ расширилось. Мы еще сознаемъ въ себѣ, что въ насъ происходитъ развитіе въ области мысли. Когда обстоятельства навели насъ на новую мысль, или когда мы ее усвоили изъ прочитанной книги, изъ выслушанной лекціи, мы знаемъ хорошо, что въ насъ произошелъ не только психическій актъ *измѣненія*, но что онъ совершился въ формѣ уясненія, расширенія мысли, что мы *болѣе* знаемъ или *лучше* понимаемъ, что мы стали умственно *выше*. Для *насъ* собственное развитіе есть не иное что, какъ сознаніе постепеннаго увеличенія знаній, уясненія мысли, и эти процессы сознаются въ формѣ *улучшенія* нашего мыслящаго существа, его *возвышенія*.

Это фактъ психологіи. Мы можемъ, впослѣдствіи, переносить термины *выше* и *ниже* въ другія сферы, гдѣ точнаго значенія эти термины не имѣютъ. Но ихъ первоначальное значеніе, ихъ первоначальный смыслъ для нашего сознанія можно искать лишь здѣсь.

Фактъ расширенія мысли, умственнаго развитія подходитъ

---

[1] Начало настоящей статьи читатели прочли въ прошломъ нумерѣ «Отеч. Зап.», подъ рубрикою: Иностранная литература.

подъ многообразную категорію *наслажденія*, а потому, въ числѣ другихъ фактовъ, представляетъ цѣль и орудіе животной борьбы за существованіе. Онъ увеличиваетъ наши средства поддерживать наше существованіе, вліять на окружающій насъ міръ, а потому, опять въ ряду другихъ подобныхъ же фактовъ, входитъ въ обширную категорію *полезнаго*, и, съ точки зрѣнія элементарнаго утилитаризма, долженъ быть поддержанъ, пока не приноситъ больше страданія, чѣмъ наслажденія, долженъ быть подавленъ, когда страданіе, отъ него получаемое, превосходитъ наслажденіе.

Но психологическое значеніе его этимъ не исчерпано. Развитіе представляетъ не только наслажденіе вообще, и даже не только наслажденіе, подлежащее оцѣнкѣ по его пользѣ, оно представляетъ состояніе духа, въ которомъ личность сознаетъ себя выше, чѣмъ была. Сойти на прежнее положеніе, — это для нея — *унизиться*, продолжать тотъ же процессъ, — это для нея — *возвыситься*. Метафизикъ можетъ оспаривать подобную разницу съ абсолютной точки зрѣнія неизмѣнныхъ законовъ вещества или ничтожества человѣческой мысли предъ единымъ, вѣчнымъ, всезнающимъ существомъ. Но, съ антропологической точки зрѣнія, *для человѣка* — это фактъ. То чувство, которое испытываетъ каждый, когда мысль его уясняется, знаніе расширяется, есть особенное состояніе духа, для котораго, съ точки зрѣнія субъективной, едва-ли можно найти выраженіе болѣе близкое, каково выраженіе — *возвышеніе* существа.

Каждый особенный аффектъ вызываетъ и особенный психическій рефлексъ, превращающійся, при нѣкоторой силѣ рефлекса и при удобныхъ обстоятельствахъ, въ рефлексъ физическій. Аффектъ наслажденія вызываетъ вообще желаніе. Аффектъ сознанія пользы вызываетъ разсчетъ, аффектъ сознанія возвышенія существа вызываетъ рефлексивный процессъ *обязательности*. Для человѣка, маломыслящаго, разсчетливость слаба, и хотя каждый разъ, когда ему представляется сознаніе пользы, оно вызываетъ разсчетъ, но перекрещивающіяся мгновенныя побужденія и влеченія — отодвигаютъ мысль отъ правильнаго пути рефлекса. Ребенокъ не можетъ разсчитывать собственную пользу, хотя мысль его и была бы уже способна къ надлежащимъ умозаключеніямъ; дикій ни за какія награды не въ состояніи отнести письма по назначенію, не отклоняясь отъ дороги; страстный человѣкъ всегда рабъ увлеченья. Между тѣмъ разсчетъ пользы есть процессъ весьма элементарный. Если въ немъ встрѣчаются безпрестанно уклоненія, если едва-ли найдется человѣкъ взрослый и опытный, который бы не сознался

въ многочисленныхъ увлеченіяхъ во вредъ себѣ, то тѣмъ болѣе понятно, что процессъ обязательности, возникающій въ рѣдкихъ случаяхъ сознанія новой мысли, остается заглушеннымъ для большинства личностей. Лишь человѣкъ, имѣющій случай ощущать послѣ незначительныхъ промежутковъ времени снова и снова наслажденія развитія, получаетъ нѣкоторую привычку къ этому *особенному* психическому рефлексу, начинаетъ отличать его въ себѣ и наконецъ становится настолько развитымъ человѣкомъ, что для него психическое понятіе *обязательности* представляется съ совершенною ясностію. Большинство остается чуждо этому понятію или приходитъ къ нему искусственнымъ путемъ: общество дѣлаетъ нѣкоторыя дѣйствія *принудительными* для личности. Привычка къ нимъ обращаетъ ихъ въ обязательныя и по внутреннему принужденію, но эта неосмысленная обязательность или дрессировка не имѣетъ ничего общаго съ внутреннимъ сознаніемъ обязательности, возникающей изъ умственнаго развитія. Развитіе есть *единственный* фактъ, вызывающій естественное сознаніе высшаго и низшаго состоянія. Онъ есть и единственный, къ которому психологически-правильно приложимъ терминъ *обязательности*. Внутренняя элементарная обязанность для личности одна — *обязанность развиваться.*

Такъ-какъ она возникла въ процессѣ работы мысли, то она представляется объективно, какъ обязанность работы мысли надъ всѣмъ, что̀ ей доступно, *обязанность критика.* — Какъ единственный источникъ достиженія высшаго состоянія изъ низшаго — критика и составляетъ *основную* обязанность личности, изъ которой вытекаютъ всѣ прочія, которая одна служитъ всѣмъ мѣркою и судьею, одна опредѣляетъ мысли и дѣйствія человѣка по степенямъ высшаго или низшаго ихъ достоинства, по отношенію ихъ къ развитію личности. Именно это распредѣленіе мыслей и дѣйствій по ихъ достоинству и ложится въ основу выдѣленія *нравственнаго* міра человѣка въ его особенности.

Но критика служитъ лишь неизбѣжнымъ орудіемъ и основнымъ камнемъ нравственнаго міра. Она составляетъ первую обязанность и средство оцѣнить обязанности, но ея область не ограничивается міромъ обязательнаго. Она направляется на вещи, невозбуждающія аффектовъ человѣка, точно также, какъ на предметы его желаній, на то, что̀ онъ наблюдаетъ, какъ и на то, что̀ его волнуетъ; на міръ объективной истины, какъ и на міръ дѣятельности, которую личность сознаетъ (призрачно или дѣйствительно) какъ произвольную. Эти двѣ области,

опираясь на элементарную обязанность критики, остаются во взаимномъ нераздѣльномъ отношеніи. Нравственная дѣятельность, имѣющая цѣлью развитіе, достиженіе высшаго состоянія, видитъ одну свою отрасль въ стремленіи къ высшему умственному благу — *къ истинѣ*, и это стремленіе становится одною изъ высшихъ обязанностей личности. Съ другой стороны критика, приложенная къ области нравственной дѣятельности, ставитъ задачею этой дѣятельности отысканіе пути *истиннаго* развитія личности, установленіе цѣлей, которыя бы подняли личность нравственно *выше* того, чѣмъ она стояла.

Если нравственная дѣятельность личности устремлена на то, чтобы стать выше, чѣмъ личность есть въ настоящемъ, то подобная дѣятельность возможна лишь при составленіи себѣ *представленія* о томъ, въ чемъ именно состоитъ это желательное высшее состояніе. Это представленіе составляетъ нравственный *идеалъ* личности. Степень развитія, *достигнутая* личностью, опредѣляетъ и *возможный* для нея идеалъ. По мѣрѣ ея развитія или ея упадка, идеалъ ея также развивается или атрофируется. По необходимымъ психическимъ законамъ строитъ человѣкъ, достигнувшій до сознанія обязательности развитія, свой нравственный идеалъ изъ данныхъ, существующихъ въ дѣйствительности. Этотъ идеалъ становится *нравственнымъ* побужденіемъ личности къ дѣятельности на ряду съ другими влеченіями и съ разсчетами пользы. Онъ составляетъ побужденіе особаго рода, и эта особенность характеризуется обыкновенно словами, — что стремленіе къ нему составляетъ *нравственное убѣжденіе* личности.

Сущность нравственнаго убѣжденія уже ясна изъ предыдущаго. Смотря по своему умственному развитію, человѣкъ приложилъ болѣе или менѣе удачно критику къ понятію о томъ, каковъ бы онъ долженъ быть, чтобы стать выше въ собственномъ сознаніи, а не опуститься ниже, и какова должна быть его дѣятельность, чтобы достигнуть этого высшаго достоинства, а не уронить его. Когда весь его наличный умственный матеріалъ употребленъ, то передъ нимъ стоитъ его *нравственный идеалъ*, какъ цѣль, и *нравственная дѣятельность*, какъ средство. Она заключается въ дѣйствіяхъ, воплощающихъ этотъ нравственный идеалъ въ жизнь. Но рядомъ съ влеченіемъ къ развитію, въ человѣкѣ присутствуютъ и многія другія влеченія, чуждыя этому элементу. Такъ-какъ они не ведутъ къ развитію, то они, какъ *низшія* или не нравственныя влеченія, съ точки зрѣнія этики, противополагаются влеченіямъ *высшимъ*, нравственнымъ. Отдѣленіе нравственныхъ влеченій отъ влеченій низшихъ—

есть первая обязанность, именно обязанность *составить* себѣ убѣжденіе. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ не можетъ отдать себѣ отчета, что именно принадлежитъ въ немъ къ развитію, слѣдовательно не вступилъ еще на ступень, гдѣ начинается нравственная человѣческая личность, какъ отличающаяся отъ мыслящаго животнаго.

Низшія влеченія могутъ истекать изъ самыхъ условій человѣческаго существа; это — *необходимыя потребности*. Они могутъ быть обусловлены общественною средою, въ которой человѣкъ живетъ; это—*привычки*. Они могутъ возникать въ человѣкѣ изъ индивидуальныхъ особенностей его личности и изъ индивидуальныхъ явленій его жизни, но съ такою быстротою, что критика мысли не успѣваетъ дѣйствовать, или съ такою силою, что критика не можетъ оказать своего вліянія; это—*аффекты и страсти*. Всѣ эти три рода увлеченій потому низшія, что въ нихъ во всѣхъ отсутствуетъ или вполнѣ безсильна критика, т.-е. процессъ, безъ котораго развитіе невозможно и который одинъ можетъ установить фактъ развитія. Имъ всѣмъ противополагаются высшія, *нравственныя* влеченія, отличающіяся признакомъ, что эти влеченія сопутствуются критикою и ею оправдываются, а потому составляютъ *нравственное убѣжденіе*.

Такъ-какъ нравственное убѣжденіе должно быть сопутствуемо критикою, а критика дѣйствуетъ непрерывно, расширяя и уясняя смыслъ, то обязательно нетолько *составитъ* себѣ убѣжденіе при помощи критики, но постоянною работою критики *развивать* свое убѣжденіе. Такъ-какъ низшія влеченія присутствуютъ въ человѣкѣ на ряду съ высшими, но изъ трехъ видовъ ихъ неизбѣжно удовлетвореніе лишь необходимыхъ потребностей, то привычки и аффекты, при столкновеніи ихъ съ влеченіями нравственными, развивающими, должны быть побѣждены въ процессѣ развитія. Если они побѣждаютъ, то развитіе не совершается; но оно обязательно; слѣдовательно развитой человѣкъ обязанъ отстаивать свои нравственныя влеченія противъ привычекъ и аффектовъ, т.-е. онъ обязанъ быть *твердъ* въ своемъ убѣжденіи. Эта *твердость* убѣжденія выказывается въ жизненной практикѣ и потому убѣжденіе требуетъ осуществленія. Развитой человѣкъ обязанъ *осуществлять* свое убѣжденіе въ жизни.

Нравственное убѣжденіе обязательно составить, развивать, поддерживать, осуществить; это все слѣдуетъ по необходимости изъ требованія развитія и критики. Это — признаки нераздѣльные съ самимъ понятіемъ объ убѣжденіи. Убѣжденіе

образуетъ область нравственности и выдѣляетъ ее изо всѣхъ другихъ психическихъ областей. Лишь тотъ, кто составилъ себѣ убѣжденіе—мыслитъ нравственно. Лишь тотъ, кто твердо поддерживаетъ и осуществляетъ его—живетъ нравственно. Поэтому въ составленіи убѣжденія—источникъ единственнаго достоинства человѣка; твердость убѣжденія—единственная личная добродѣтель (если можно употребить это слово), независимая отъ критики.

Замѣчательно, что Лекки въ многочисленныхъ спискахъ добродѣтелей, имъ приводимыхъ, только однажды упоминаетъ о твердости убѣжденія, и то въ связи съ убѣжденіемъ религіознымъ (I, 145). Между тѣмъ онъ не разъ имѣлъ случай говорить объ этомъ и даже близко подходилъ къ этому понятію въ сферахъ болѣе общихъ, именно когда онъ указываетъ на трудное положеніе человѣка, неуклонно слѣдующаго высшему идеалу, чѣмъ идеалъ общества, его окружающаго (I, 60); когда онъ говоритъ о геніальныхъ людяхъ (I, 61), что ихъ жизнь «была большею частью сознательнымъ и обдуманнымъ осуществленіемъ древняго миѳа: древо познанія и древо жизни стояли рядомъ, они предпочли избрать древо познанія, а не древо жизни»; когда, наконецъ, онъ говоритъ объ «удивленіи Прометею, т.-е. непреклонной добродѣтели подъ ударами всемогущей злобы, или атеисту, который безо всякой надежды на будущее воздаяніе терпитъ ужасную смерть скорѣе, чѣмъ отказывается отъ мнѣнія, безполезнаго для общества, терпитъ потому лишь, что вѣритъ въ истину этого мнѣнія». Во всѣхъ этихъ случаяхъ нравственная доблесть лежитъ въ твердости убѣжденія и она прельщаетъ насъ даже въ исторіи личностей, отстаивавшихъ ложныя, узкія, вредныя убѣжденія. Мы сознаемъ слабость и извращенность мысли, возмущаемся недостаткомъ критики, но не можемъ относиться безъ внутренняго уваженія къ *нравственному* элементу, воодушевлявшему этихъ людей, къ энергическому убѣжденію, для котораго они жили и умирали.

Выдѣленіе нравственной области въ психическомъ мірѣ опирается на особенность психическаго факта убѣжденія. Его можно считать призрачнымъ, какъ можно признавать призрачнымъ выдѣленіе произвольныхъ психическихъ явленій вообще. Съ точки зрѣнія метафизика оно можетъ быть и такъ; но *для человѣка* существуютъ произвольные процессы, психически отличающіеся отъ процессовъ непроизвольныхъ, и точно также *для человѣка* существуетъ область влеченій нравственныхъ, влеченій по убѣжденію, которая отличается отъ влеченій необхо-

димыхъ потребностей, отъ влеченій привычныхъ, отъ влеченій аффективныхъ. Признавая антропологическую точку зрѣнія единственнымъ правильнымъ принципомъ для построенія цѣльнаго и послѣдовательнаго міросозерцанія, я считаю совершенно правильнымъ построить этику на *особомъ* психическомъ фактѣ убѣжденія, каковъ бы ни былъ генетическій процессъ его. Психологъ совершенно правъ, отыскивая подъ нимъ болѣе общіе психическіе факты разсчета пользы и стремленія къ наслажденію; юристъ не только правъ, если онъ восходитъ къ неодолимымъ влеченіямъ для опредѣленія отвѣтственности личности, но обязанъ это дѣлать. Этикъ столько же правъ, когда онъ устанавливаетъ особенность факта, служащаго опорою его наукѣ, и по этой особенности устанавливаетъ предѣлъ ея области. Нравственная отвѣтственность существуетъ въ предѣлахъ нравственной обязанности, т.-е. въ предѣлахъ установившагося убѣжденія. Отвѣтственъ лишь развитой человѣкъ, на сколько онъ развитъ, и отвѣтственъ предъ своимъ убѣжденіемъ. Дѣйствіе по убѣжденію есть добро; дѣйствіе, не зависящее отъ убѣжденія, принадлежитъ къ области нравственно-безразличнаго, къ области древней адіаферы; нерѣшимость дѣйствовать согласно убѣжденію—безнравственна; дѣйствіе, противное убѣжденію, противонравственно, порочно или преступно. Сколько бы пользы или вреда ни вышло изъ дѣйствія, сдѣланнаго не по убѣжденію, это дѣйствіе нравственной цѣны не имѣетъ. Убѣжденіе можетъ быть очень ложно, очень извращено, очень вредно; противъ него, можетъ быть, слѣдуетъ бороться болѣе строгою критикою, расширеніемъ знанія, уясненіемъ мысли, но пока оно существуетъ въ личности, лишь *оно* опредѣляетъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно для личности. Лишь для области убѣжденія справедливы слова Лекки (I, 3): «сказать, что мы обязаны поступать такъ-то, составляетъ само по себѣ и независимо отъ всѣхъ послѣдствій ясную и достаточную причину для практическаго дѣйствія». Для нея лишь существуютъ: тотъ «явный фактъ широкаго различія и по роду и по степени нравственной стороны нашей природы отъ другихъ ея сторонъ», на который указываетъ авторъ (I, 38); положеніе, что «добродѣтель есть нѣчто болѣе разсчета и привычки» (I, 71); сознаніе «что слова: добро и зло—выражаютъ ясные основные мотивы, что эти мотивы по роду отличны отъ другихъ, что они—мотивы высшаго порядка, и что они влекутъ за собою чувство обязательности» (I, 72). Предъ обязательностью убѣжденія тайныя мысли и дѣйствія столь же безнравственны и преступны, какъ и дѣйствія явныя, хотя бы они

не принесли никому вреда. Убѣжденіе не исключаетъ разсчета, но разница его роли по теоріи утилитаризма и по теоріи раціональной этики заключается въ слѣдующемъ. Утилитарная нравственность предпосылаетъ разсчетъ, на основаніи разсчета составляетъ выводъ наибольшей пользы и требуетъ ему практическаго исполненія полезнѣйшаго. Раціональная этика требуетъ прежде всего составленія убѣжденія на основаніи критики, и за тѣмъ даетъ мѣсто разсчету для осуществленія этого убѣжденія, какъ сообразнаго требованіямъ развитія. Во имя убѣжденія личность, одушевленная новою мыслію, новымъ идеаломъ, *обязательно* вноситъ эту новизну въ свою жизнь и въ обиходъ общественной мысли; ни собственныя страданія, ни даже страданія другихъ не могутъ быть здѣсь приняты въ разсчетъ, потому что развитіе личности осуществленіемъ убѣжденія, развитіе общества увеличеніемъ массы истины, болѣе критическимъ отношеніемъ къ существуемому есть требованіе *высшее*, требованіе нравственное, перевѣшивающее *по достоинству* страданія низшаго рода.

Но еслибы этика остановилась на этомъ принципѣ убѣжденія, она бы впала въ то самое безразличіе идеаловъ, которое остановило Лекки. Одностороннія убѣжденія въ ихъ многочисленныхъ уклоненіяхъ были бы нравственно равноправны. Но это не такъ, и дальнѣйшій шагъ этики слѣдуетъ съ такою же строгостью изъ предыдущаго, какъ математическія теоремы въ ихъ неразрывной связи.

Лишь мыслящее существо можетъ быть существомъ развитымъ, такъ-какъ развитіе есть одно изъ особенныхъ проявленій мышленія въ теоріи и въ практикѣ; ставъ на ступень развитія, личность не можетъ отказаться отъ законовъ мышленія, такъ-какъ съ ними исчезло бы и самое ея развитіе. Поэтому если внѣ убѣжденія нѣтъ нравственности, то не можетъ быть и нравственнаго убѣжденія, если оно не раціонально. Убѣжденіе получилось, какъ результатъ критики, какъ уясненіе факта развитія, и потому оно не можетъ отрицать ни основнаго факта развитія, дающаго начало этикѣ, ни процесса критики, выработывающаго убѣжденіе, какъ психическій фактъ, отличный отъ другихъ психическихъ фактовъ. Убѣжденіе, отрицающее обязательность развитія и обязательность критики, есть убѣжденіе нелѣпое, само себя отрицающее, потому что, отрицая развитіе и критику, оно отнимаетъ всякій смыслъ у словъ *выше* и *ниже* въ психическомъ смыслѣ, у словъ *добро* и *зло*. Внѣ факта развитія и внѣ критики они безсмысленны, слѣдовательно, и убѣжденіе становится пустымъ звукомъ. Убѣжде-

нія могутъ различаться по тому, *въ чемъ* заключается развитіе, *каковы* должны быть основанія, пріемы и методы критики, но не можетъ отрицать этихъ принциповъ самихъ въ себѣ. Это даетъ намъ важную *объективную* мѣрку для этическихъ изслѣдованій. Раціональная, научная этика признаетъ, и не можетъ не признать безнравственнымъ все препятствующее развитію, все препятствующее свободной критикѣ. Она признаетъ, и не можетъ не признать обязанностію каждаго развитаго человѣка бороться всѣми силами противу всего, что̀ стѣсняетъ развитіе и критику. Это не произвольные афоризмы, но неизбѣжные логическіе выводы изъ основныхъ фактовъ. Отрицающій эти положенія, или отрицаетъ основные факты этики, слѣдовательно, самъ становится на внѣ-нравственную точку зрѣнія; или отрицаетъ логическій выводъ, слѣдовательно, становится на точку зрѣнія внѣ-разумную.

Физіологія и психологія здѣсь доставляютъ вводный фактъ тѣсной зависимости между тѣлесными и психическими процессами въ человѣкѣ. Развитіе психическое, о которомъ до сихъ поръ шла рѣчь, невозможно безъ развитія физическаго. Мысль извращается или атрофируется подъ вліяніемъ патологическаго состоянія тѣла. Личность человѣка есть личность цѣльная, нераздѣльная, физико-психическая, которая развивается правильно въ одномъ своемъ элементѣ лишь тогда, когда развивается въ своей цѣлости. Поэтому нравственное развитіе есть развитіе цѣльное и всестороннее. Необходимыя потребности тѣла должны быть удовлетворены точно такъ же, какъ необходимыя потребности духа; польза тѣла входитъ въ правильный разсчетъ разумной дѣятельности, какъ и польза мысли; развитіе способностей и силъ физическихъ такъ же нравственно, какъ развитіе способностей и силъ психическихъ. Для тѣла лишеніе необходимаго, пренебреженіе полезнаго, препятствіе развитія такъ же безнравственно, какъ и для мысли. Впрочемъ, этика, начинаясь съ различенія психическихъ явленій на высшія и низшія, вноситъ и въ этотъ анализъ подобное же различіе. Развитіе тѣла сдѣлалось обязательнымъ въ процессѣ выводовъ этики, лишь какъ *слѣдствіе* связи физіологическихъ процессовъ съ психическими. Идеалъ этики личности есть равномѣрное и всестороннее развитіе личности, но, при нарушеніи этой равномѣрности случайностями жизни, преобладаніе остается за тѣмъ, что̀ для этики лежитъ въ основаніи. Наблюденіе показываетъ, что когда необходимыя потребности тѣла удовлетворены, то развитіе физіологическихъ отправленій насчетъ мысли или преобладаніе физіологическихъ наслажденій заглушаетъ

мысль, и задерживаетъ самый процессъ ея развитія, между тѣмъ, какъ сама способность къ физіологическимъ наслажденіямъ скоро притупляется, и развитіе ихъ ограничено весьма тѣсными предѣлами. Преобладаніе психическихъ отправленій, при разумномъ ихъ направленіи, если и заглушаетъ физіологическія влеченія, то само представляетъ постоянно возрастающее количество наслажденій, и постоянно возрастающую способность развиваться. Все это приводитъ къ заключенію, что въ цѣльномъ развитіи личности *высшій* элементъ есть развитіе психическое, а *низшій*—физическое. Установивъ это отношеніе, раціональная этика *подчиняетъ* послѣднее первому. Развитіе физіологическихъ влеченій на столько нравственно и обязательно, на сколько оно *способствуетъ* развитію цѣльной личности; оно на столько безнравственно, на сколько *препятствуетъ* психическому развитію; оно безразлично между этими предѣлами.

Такимъ образомъ этика отдѣльной личности завершается уясненіемъ того самаго элементарнаго факта, съ котораго она началась. Наслажденіе развитія есть ея точка исхода; критика есть орудіе этого процесса; составленіе, развитіе, поддержаніе и осуществленіе убѣжденія составляютъ его сущность; обязательность всесторонняго развитія личности на основаніи ея убѣжденія составляетъ окончательный выводъ этой области этики. Достоинство личности заключается въ той ступени всесторонняго, человѣчнаго развитія, которой личность достигла, и высшій элементъ этого достоинства есть убѣжденіе личности, такъ-какъ оно лишь сообщаетъ нравственное достоинство и всему остальному. Идеалъ отдѣльной нравственной личности, это — личность, развившая до крайнихъ предѣловъ всѣ свои силы, всѣ свои способности на основаніи самой строгой и послѣдовательной критики, прилагающая эти силы и способности на основаніи самаго разумнаго и неуклоннаго убѣжденія къ дальнѣйшему развитію, и наслаждающаяся процессомъ этого развитія.

Сдѣлаю здѣсь попутно замѣчаніе, на которомъ, впрочемъ, я не имѣю въ виду долго остановиться. Весьма нерѣдко можно встрѣтить сближеніе областей прекраснаго и нравственнаго, и стремленіе провести между ними возможно-тщательную параллель. Едва-ли это традиціонное сближеніе слѣдуетъ признать глубокимъ и научнымъ. Психическій процессъ нравственнаго сознанія есть процессъ въ высшей степени простой, и потому дозволяетъ, такъ-сказать, *линейное* развитіе этики отъ самыхъ элементарныхъ фактовъ до высшихъ ея результатовъ.

Именно это сближаетъ построеніе этики съ математикою, о чемъ я уже говорилъ, и дѣлаетъ ее наукою выводною. Психическій процессъ эстетическаго сознанія, напротивъ, весьма сложенъ. Въ немъ участвуетъ элементъ чувственнаго наслажденія, элементъ воспроизведенія привычныхъ формъ и комбинацій ощущеній или представленій, элементъ аффективнаго волненія, элементъ нравственнаго развитія (а можетъ быть, еще и иные). Всѣ эти элементы, взятые въ отдѣльности, не составляютъ прекраснаго. Мы можемъ составить изъ нихъ множество комбинацій, въ которыхъ ничего прекраснаго не будетъ. Но есть нѣкоторыя ихъ комбинаціи, которыя, при своемъ появленіи, производятъ то *особенное* чувство, которое потрясаетъ наше существо сознаніемъ прекраснаго и его неодолимыми чарами. Это явленіе всего скорѣе можно сравнить съ явленіемъ электричества, гдѣ также входятъ элементы движенія, теплоты, свѣта, химическихъ процессовъ, каждый изъ которыхъ не есть электричество, но которые, при извѣстной комбинаціи, составляютъ то сложное явленіе, которое мы называемъ электрическимъ дѣйствіемъ. Эстетика можетъ сдѣлаться научною лишь путемъ индуктивнаго изслѣдованія, извлекая изъ ряда художественныхъ произведеній частныя истины теоріи прекраснаго и восходя отъ нихъ къ истинамъ болѣе общимъ. Но весьма понятно, что, при этихъ существенныхъ различіяхъ этики и эстетики, могутъ быть явленія, принадлежащія обѣимъ этимъ областямъ. Нравственный идеалъ можетъ представиться въ потрясающемъ обособленіи идеала художественнаго. Нравственное дѣйствіе можетъ заключать въ себѣ всѣ условія для произведенія впечатлѣнія эстетическаго. Эстетически-развитой человѣкъ можетъ придать отдѣльному своему поступку и цѣлой своей жизни художественную соразмѣрность, законченность, патетичность и привлекательность, хотя будетъ руководиться чисто-нравственными побужденіями. Нравственно-развитой художникъ внесетъ въ свои созданія всю силу своей критической мысли, всю непреклонность своего личнаго убѣжденія, хотя, *при процессѣ* творчества, вовсе не будетъ имѣть въ виду нравственныхъ цѣлей. Отъ этого художественное созданіе не сдѣлается менѣе прекраснымъ, какъ въ предыдущемъ случаѣ дѣятельность убѣжденій личности не потеряетъ своей нравственной цѣны отъ своего эстетическаго достоинства. Но всѣ подобныя совпаденія ничего не доказываютъ относительно параллелизма областей этики и эстетики; они подтверждаютъ лишь возможность всесторонняго, человѣчнаго развитія лично-

сти, одновременнаго для двухъ разныхъ психическихъ областей.

Этика отдѣльной личности служитъ основаніемъ для этики соціологической.

На элементарной точкѣ зрѣнія животныхъ побужденій человѣкъ относится къ людямъ, его окружающимъ, какъ ко всѣмъ прочимъ предметамъ. Они для него никакой цѣны не имѣютъ внѣ его физическихъ стремленій. Борьба за существованіе, господствующая во всемъ животномъ мірѣ, руководитъ и его. На сколько другіе люди помогаютъ *его* борьбѣ за существованіе, на столько онъ съ ними сближается. На сколько они мѣшаютъ ему, на столько онъ ихъ истребляетъ и преслѣдуетъ. Часто повторенное выраженіе: «человѣкъ для человѣка волкъ»— здѣсь буквально примѣнимо. Для всѣхъ личностей, и теперь погруженныхъ въ неисходную борьбу за существованіе, и теперь не существуетъ другаго руководства. Отстоять себя, доставить себѣ необходимое—вотъ весь ихъ нравственный, соціологическій и юридическій кодексъ. Это стремленіе инстинктивное, но оно вполнѣ оправдывается и съ точки зрѣнія этики. Она ставитъ обязанностію человѣку развитіе, но, чтобы развитіе стало *возможно*, надо отстоять свое существованіе и доставить себѣ необходимое. Всякій нравственно обязанъ стремиться къ развитію, слѣдовательно, борьба за существованіе, за добываніе необходимаго волчьимъ оружіемъ, есть безсознательное исполненіе нравственной обязанности, доставленія себѣ возможности развитія.

Эта борьба каждаго противъ всѣхъ встрѣчаетъ ограниченіе на всѣхъ трехъ психическихъ ступеняхъ, которыя указаны выше: общее всѣмъ животнымъ стремленіе къ наслажденію, общее всѣмъ мыслящимъ существамъ стремленіе къ пользѣ, и общее всѣмъ развитымъ людямъ стремленіе къ развитію нравственному приносятъ, каждое, свою долю въ этомъ процессѣ, выработывающемъ изъ животнаго разобщенія соціальное единство.

Между многими, прямо животными наслажденіями, встрѣчаемъ наслажденіе *сочувствія*, и стремленіе къ нему полагаетъ *первое* ограниченіе борьбы каждаго противъ всѣхъ. Изслѣдованія генезиса этого явленія еще не могутъ быть названы вполнѣ удовлетворительными, но мы его встрѣчаемъ уже въ до-человѣческомъ животномъ мірѣ, и какъ обычное сочувствіе общины безпозвоночныхъ, и какъ выборное сочувствіе высшихъ позвоночныхъ (птицъ и млекопитающихъ). Оно проявляется, какъ и въ мірѣ людей, преданностію и самоотверженіемъ от-

дѣльной особи, рѣже—жалостію и милосердіемъ. Есть нѣкоторое основаніе заключать, что физіологическая основа его заключается въ рефлексахъ сочувственной мимики, при которыхъ ощущающія существа повторяютъ непроизвольно мышечныя сокращенія, поражающія ихъ воображеніе у другихъ существъ. Мышечныя сокращенія, которыя вызываются психическими процессами наслажденія и страданія, вступаютъ въ столь тѣсную ассоціацію съ этими процессами, что, въ свою очередь, вызываютъ ихъ. Такимъ образомъ наслажденіе или страданіе, желаніе или отвращеніе одной особи вызываетъ въ ней мышечныя сокращенія опредѣленнаго рода; они, по рефлексу сочувственной мимики, передаются мышцамъ другой особи, вызываютъ въ послѣдней, путемъ ассоціаціи, подобный же психическій процессъ наслажденія или страданія, желанія или отвращенія—процессъ, который и образуетъ фактъ психическаго сочувствія. Впослѣдствіи привычка и наслѣдственность дѣлаютъ этотъ фактъ инстинктивнымъ, въ то же время, какъ развивающаяся дѣятельность воли, усиливая центры, задерживающіе мышечные рефлексы, ослабляетъ привычку и наслѣдственность сочувственной мимики. Окончательно психическое сочувствіе является процессомъ, въ которомъ участіе мышечной системы остается совсѣмъ незамѣтно.

Подтвердится ли эта теорія генезиса психическаго сочувствія или нѣтъ, это важно собственно для психологіи, а не для этики. Она имѣетъ въ человѣчествѣ историческаго времени и даже въ высшихъ позвоночныхъ готовый фактъ развившагося сочувствія, принимаетъ его за данный и вводитъ его въ свои изслѣдованія какъ фактъ наблюденія. Еще Юмъ замѣтилъ («Enquiry concern. moral. App. II): «Существуютъ духовныя страсти, побуждающія насъ непосредственно стремиться къ нѣкоторымъ цѣлямъ... Не трудно представить себѣ, что подобный случай мы имѣемъ при доброжелательствѣ и дружбѣ, и что, по основному складу нашего характера, мы можемъ желать счастія и добра другому человѣку. Это желаніе дѣлаетъ ихъ благомъ для насъ, и впослѣдствіи мы стремимся къ нимъ изъ-за совокупныхъ мотивовъ доброжелательства и собственнаго наслажденія». Сочувствіе есть явленіе элементарно-животное, предшествующее разсчету и критикѣ, входящее въ область аффективныхъ процессовъ и выбора. Оно усиливается и ослабляется отъ дѣйствія множества внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній; можетъ быть обращено на одну особь или на нѣсколько особей безъ всякаго повода, доступнаго изслѣдованію и объясняющаго это предпочтеніе; можетъ подчиниться обычаю и при-

вычкѣ или непобѣдимо бороться съ ними; можетъ уступить весьма слабому разсчету и весьма поверхностной критикѣ, или можетъ заглушить всякій разсчетъ и всякую критику; можетъ хранить во всѣхъ проявленіяхъ неизгладимые слѣды самого грубаго эгоизма или выказывать изумительные подвиги милосердія и самоотверженія. Но главная его особенность въ томъ, что въ одной и той же личности сочувствіе можетъ существовать подъ самыми различными формами въ отношеніи разныхъ особей, при чемъ мы не только имѣемъ группы, относительно которыхъ сочувствіе сильно, слабо или совсѣмъ отсутствуетъ, но и, при одинаковой силѣ сочувствія, оно различается нѣкоторыми особенностями. Эти особенности вызываются различіемъ зависимости, въ которой человѣкъ находится отъ тѣхъ, которыя вызвали его сочувствіе, или различіемъ достоинства, которое онъ за ними признаетъ. Къ личностямъ низшимъ онъ чувствуетъ жалость, которая возвышается до милосердія. Къ личностямъ высшимъ онъ чувствуетъ преданность, доводящую его до самоотверженія; личности, ему равныя, вызываютъ его пріязнь, развивающуюся до дружбы. Я уже сказалъ, что примѣръ этихъ аффективныхъ сближеній мы находимъ уже въ мірѣ зоологическимъ. Въ какой бы формѣ ни проявлялось сочувствіе, оно смягчаетъ борьбу между особями или прекращаетъ ее совершенно, замѣняя ее коопераціею. Такъ-какъ всякое уменьшеніе борьбы представляетъ большое поле для развитія, то сочувствіе становится элементомъ, оправдываемымъ со стороны этики. Но отсутствіе критики, лежащее въ самой сущности разнообразія сочувствій, выдѣляетъ ихъ вообще изъ области нравственности. Кромѣ того лишь форма пріязни и дружбы представляетъ обоюдное развитіе личностей; при другихъ же двухъ формахъ сочувствія мы имѣемъ развитіе однѣхъ личностей на счетъ другихъ, что̀ этика оправдать не можетъ. Я, впрочемъ, буду имѣть еще случай вернуться къ нравственной оцѣнкѣ аффективныхъ связей.

Нигдѣ разсчетъ пользы не имѣлъ такой важности, какъ въ замѣнѣ борьбы коопераціею. Можно сказать, что, въ большей части случаевъ историческаго перехода отъ борьбы къ общественной связи, этотъ переходъ совершался подъ вліяніемъ сознанія собственной пользы. Здѣсь утилитаризмъ получаетъ свое заслуженное мѣсто въ теоріи этики. Она ставитъ однимъ изъ самыхъ прочныхъ основаній соціологіи утилитарную истину: для мыслящихъ личностей борьба неразумна; прямой разсчетъ личной пользы, спокойствія въ наслажденіи, прочнаго и продолжительнаго наслажденія ведетъ къ сокращенію борьбы, а затѣмъ

къ прекращенію ея и къ замѣнѣ союзомъ людей для общей ихъ пользы, кооперацію для общаго блага. Такъ-какъ большинство людей, выработавшихся изъ состоянія неисходной борьбы за существованіе, способно руководиться разсчетомъ мысли и подавлять въ себѣ аффективныя увлеченія въ виду лучше понятой пользы, но недоступно болѣе тонкому анализу этики, то проповѣдь утилитаризма незамѣнима въ большей части случаевъ. Это *второе* ограниченіе борьбы каждаго противу всѣхъ разумнымъ разсчетомъ собственной пользы есть и самое значительное.

Но развитой человѣкъ ставитъ выше всего фактъ развитія и признаетъ свое достоинство въ томъ, чтобы приложить ко всей своей дѣятельности высшій мотивъ обязательности развитія. Поэтому, на точкѣ зрѣнія этики, необходимо критически установить: какое приложеніе имѣетъ обязательность личнаго развитія къ отношеніямъ между людьми? слѣдуетъ ли считать эти отношенія безразличными, или можно установить нравственную норму общественной связи? Не будетъ ли случаевъ, гдѣ борьба не только дозволительна, но обязательна во имя требованія развитія? и въ такихъ случаяхъ, самыя требыванія развитія не налагаютъ ли на формы борьбы опредѣленныя условія? Нельзя ли обобщить понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, построенное этикою отдѣльной личности, и основать нравственную связь на критикѣ чужаго достоинства, какъ нравственное убѣжденіе основывается на критикѣ личнаго достоинства? Критика чужаго достоинства и составляетъ *третье* ограниченіе борьбы каждаго противу всѣхъ, и единственное нравственное ограниченіе, потому что лишь оно связано съ фактомъ развитія.

Препятствія правильной критикѣ чужаго достоинства представляются въ необходимыхъ потребностяхъ человѣка, въ господствѣ обычая и въ некритическихъ убѣжденіяхъ или вѣрованіяхъ.

Необходимыя потребности ставили и ставятъ значительную часть человѣчества въ невозможность приступить къ критикѣ чужаго достоинства, потому что вся жизнь этой части человѣчества поглощается борьбою за существованіе. Историческія обстоятельства ставятъ иногда значительныя группы людей и цѣлыя общества въ подобную же необходимость отстаивать свое существованіе или необходимыя потребности человѣческаго существа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ я уже замѣтилъ, дѣло идетъ о доставленіи себѣ возможности развитія, а борьба за возможность развитія есть борьба нравственная, обязательная съ точки зрѣнія этики. Критика чужаго достоинства здѣсь усту-

паетъ мѣсто необходимости, и становится обязательною лишь при первой *возможности* своего проявленія.

Но обычай переноситъ задачу борьбы и на дальнѣйшую ступень общественнаго быта. Когда борьба перестала быть необходимостью, она остается въ привычкахъ культуры. Ее ограничиваютъ явленія сочувствія и разсчетъ пользы, но она, опредѣляя культурныя отношенія между людьми, вноситъ въ эти отношенія слѣды тѣхъ низшихъ ступеней развитія, на которыхъ возникли влеченія сочувствія и пользы. Сочувствія разбиваютъ людей на множество группъ, достоинство которыхъ становится очень различно въ глазахъ личности на основаніи чисто случайныхъ обстоятельствъ. Тѣ, къ кому я привязанъ, кого я жалѣю или кому я преданъ, получаютъ въ моихъ глазахъ преобладающее достоинство независимо отъ всякой критики, такъ-какъ пріязнь, жалость и преданность возникаютъ ранѣе критики. Люди, которыхъ я знаю, съ которыми живу, привычки которыхъ мнѣ знакомы, для меня имѣютъ высшее достоинство, чѣмъ люди мнѣ мало знакомые или чуждые по культурѣ. Люди различныхъ половъ, различныхъ національностей, различныхъ сословій, различныхъ общественныхъ положеній, различныхъ занятій, становятся людьми различнаго достоинства. Польза распространяетъ свой разсчетъ лишь на кружки людей, отношенія между которыми продолжительны, и потому постоянно стремится раздѣлить людей на двѣ категоріи: людей нужныхъ и ненужныхъ Относительно первыхъ разсчетъ требуетъ доведенія борьбы до минимума и замѣны ея общественною коопераціею. Относительно вторыхъ точка зрѣнія борьбы не имѣетъ никакого повода смѣниться другою высшею. Отсюда тѣсная связь замкнутыхъ сословій, изолированныхъ національностей, людей опредѣленной профессіи, съ значительнымъ развитіемъ разумной коопераціи внутри этого общества и съ обычаемъ самой беззастѣнчивой эксплуатаціи или самого высокомѣрнаго презрѣнія внѣ его. Обычай устанавливаетъ въ этомъ случаѣ два діаметрально различныхъ пониманія человѣческаго идеала и обязательной нравственности относительно людей, поставленныхъ случайностями жизни по ту или по другую сторону очарованнаго круга. Конечно, исторія своимъ неумолимымъ процессомъ принуждаетъ измѣнить іерархическую оцѣнку достоинствъ на основаніи сочувствій и расширить очарованные круги замкнутыхъ обществъ, но это вызываетъ новыя, столь же случайныя и некритическія распредѣленія людей по достоинству. Ни аффекты, ни разсчетъ прямой пользы не могутъ служить раціональнымъ основаніемъ для критики чужаго достоин-

ства, такъ-какъ самое понятіе о человѣческомъ достоинствѣ не имѣетъ смысла на почвѣ аффекта и разсчета. Это есть понятіе, выработываемое на почвѣ этики. Обычай, устанавливая культурныя отношенія между людьми, тѣмъ самымъ устраняетъ элементъ критики этихъ отношеній, а достоинство можетъ быть установлено лишь путемъ критики. И такъ обычный общественный строй есть строй, враждебный нравственному общественному строю. Критика мысли обязана постоянно перевѣрять и переработывать *обычную культуру*, чтобы внести въ общественную связь раціональную оцѣнку чужаго достоинства и развивать общественную *цивилизацію*.

Сочувствіе, какъ аффектъ, лежитъ внѣ области этики и разсчетъ пользы тоже къ ней не относится, но критика, которая обязательна съ точки зрѣнія этики, можетъ доставить болѣе полный и обширный матеріалъ, который можетъ послужить основою для развитія болѣе разумныхъ сочувствій и для болѣе широкаго разсчета пользы. Неразумность нашихъ влеченій и узкость нашего разсчета весьма часто болѣе зависятъ отъ недостаточности нашего умственнаго развитія, чѣмъ отъ нашихъ дурныхъ склонностей. Позволю себѣ привести нѣсколько весьма меткихъ мыслей Лекки по этому предмету. «Чтобы сожалѣть о страданіи, мы должны его представить себѣ,—говоритъ Лекки (I, 138),—и энергія нашей жалости обыкновенно и преимущественно зависитъ отъ живости нашего представленія». «Всякій замѣтилъ, какъ часто люди ставятъ свои собственныя наклонности или качества, какъ мѣру для всякаго добра, признавая несовершеннымъ, низшимъ или маловажнымъ все, что̀ очень отличается отъ этихъ наклонностей или качествъ. Это, обыкновенно, приписываютъ тщеславію, но оно, вѣроятно, въ бо̀льшей части случаевъ, происходитъ отъ слабости воображенія, отъ трудности, испытываемой большинствомъ людей, составить въ умѣ понятіе о характерѣ совершенно инаго рода, чѣмъ ихъ характеръ. Хорошій человѣкъ можетъ обыкновенно гораздо болѣе симпатизировать очень несовершенному характеру его собственнаго типа, чѣмъ гораздо совершеннѣйшему характеру другаго типа» (I, 164). «Большая часть жесткихъ сужденій въ мірѣ можетъ быть возведена къ недостатку воображенія. Главная причина сектаторскаго озлобленія заключается въ неспособности большинства людей понять враждебныя системы въ томъ освѣщеніи, при которомъ ихъ видятъ ихъ приверженцы, и вникнуть во внушаемое этими системами одушевленіе... Обыкновенно чрезмѣрна и строгость нашего суж-

денія о преступникахъ, потому что нашему воображенію легче представить себѣ дѣйствіе, чѣмъ состояніе духа... Человѣку съ сильными порочными страстями не потому такъ трудно высказаться предъ человѣкомъ добродѣтельнымъ по природѣ, что послѣдній добродѣтеленъ, а потому, что онъ незнающъ. Первому мѣшаетъ убѣжденіе, что второй можетъ не быть въ состояніи понять силу страсти, имъ никогда не испытанной... Нѣсколько близкое представленіе силы страсти, никогда нами не испытанной, пониманіе типа характера, радикально отличнаго отъ нашего характера, въ особенности же вѣрная оцѣнка беззаконности и глупости нравственнаго темперамента, неизбѣжно вызываемой дурнымъ воспитаніемъ — требуетъ силы воображенія, принадлежащей къ наиболѣе рѣдкимъ человѣческимъ качествамъ» (I, 140 и слѣд.). «Необразованный человѣкъ не можетъ себѣ представить ни сословія, ни національности, ни строя мысли, чуждыхъ его быту, между тѣмъ, какъ каждое увеличеніе знанія приноситъ съ собою и болѣе пониманія, а слѣдовательно, и сочувствія. Но увеличеніе его знанія составляетъ лишь самую меньшую долю измѣненія, въ немъ произошедшаго. Усиливается и его способность ясно представлять себѣ предметы. Каждая прочитанная книга, каждое умственное упражненіе пріучаетъ его возвышаться надъ предметами, непосредственно подлежащими его чувствамъ, распространять свои представленія на новыя области и воспроизводить въ своемъ воображеніи чужія мысли, чувства и характеръ съ живостью, недоступною дикому. Здѣсь заключается въ значительной степени источникъ того такта, съ которымъ развитый умъ научается различать самые нѣжные оттѣнки чувства и къ нимъ приноравливаться; здѣсь же источникъ раздражительнаго человѣколюбія, которое заставляетъ людей, по мѣрѣ ихъ цивилизаціи, живѣе представлять себѣ жестокость и возмущаться ею». Замѣчательно, что при этомъ ясномъ изложеніи зависимости сочувствія отъ привычныхъ представленій и степени образованности, Лекки, тѣмъ не менѣе, въ другомъ мѣстѣ (I, 48) находитъ «естественнымъ и справедливымъ» распредѣленіе сочувствій по случайностямъ группировки людей въ семьѣ и въ національности, «неестественнымъ и несправедливымъ»—отступленіе отъ этого культурнаго критерія.

Расширяя способность сочувствія критическимъ знаніемъ, мы легко убѣдимся, что эта способность зависитъ отъ тѣхъ элементовъ, которые намъ общи съ другими существами. Этика представила три ступени психическаго развитія: ощущеніе на-

слажденія и страданія, мысль способную къ разсчету, нравственное чувство, способное къ развитію убѣжденія. Внѣ этихъ трехъ степеней сочувствіе наше невозможно или фиктивно и болѣзненно, такъ-какъ область сознанія далѣе не идетъ, наука не представляетъ никакихъ аналогій и мы необходимо должны прибѣгнуть къ антропоморфизму, то-есть къ переселенію психическихъ явленій, наблюдаемыхъ въ себѣ, въ сферу, гдѣ нѣтъ ни органовъ, ни явленій, дозволяющихъ хотя бы гипотезу аналогіи съ психическими отправленіями. Сочувствовать камню, лѣсу и облакамъ можно лишь фиктивно, перенося на нихъ человѣческое существо. Сочувствіе вселенной, какъ началу ощущающему, мыслящему или нравственному, представляетъ столь же искусственный антропоморфизмъ въ поэзіи и болѣзненное явленіе въ метафизикѣ. Сочувствіе по ощущенію можетъ охватывать весь міръ животныхъ; сочувствіе по мышленію можетъ охватить нетолько весь человѣческій родъ, но и нѣкоторыхъ высшихъ позвоночныхъ, въ которыхъ работу мысли трудно не признать, а предѣлы развитія въ нихъ мысли до сихъ поръ опредѣлить нельзя, такъ-какъ правильные методы психическаго развитія не были къ нимъ приложены въ обширныхъ размѣрахъ. Сочувствіе по способности къ развитію убѣжденія, на основаніи данныхъ *современной* науки, нельзя распространить далѣе предѣловъ человѣчества. Такъ-какъ для этики важна лишь эта способность, то я остановлюсь лишь на ней.

По факту нравственнаго развитія люди представляются намъ распадающимися на четыре категоріи: люди раціональнаго убѣжденія, люди нераціональнаго убѣжденія, люди невыработавшіе въ себѣ убѣжденія, люди неимѣющіе возможности приступить къ выработкѣ убѣжденія. Съ перваго взгляду казалось бы, что эти четыре категоріи должны въ глазахъ развитаго человѣка образовать четыре ступени человѣческаго достоинства, но это ошибочно, и, внѣ всякаго дальнѣйшаго доказательства, ошибочность этого предположенія видна уже изъ того, что, признавая его вѣрнымъ, мы ни одного человѣка впродолженіе всей его жизни не могли бы поставить въ разрядъ людей высшаго достоинства. Нетолько немыслящій младенецъ, неопытный юноша и одряхлѣвшій старикъ неизбѣжно принадлежали бы къ существамъ низшаго достоинства, но каждый человѣкъ, переходя отъ бодрствованія ко сну, заболѣвая, раздражаясь аффектами, впадая въ невольныя ошибки мысли, отдыхая за пустяками отъ строгаго мышленія или отъ цѣлесообразной дѣя-

тельности, подпадалъ бы, по всей строгости оцѣнки достоинства, переходу въ низшій разрядъ людей. Впрочемъ, не трудно и прямо доказать невѣрность различенія достоинствъ людей по предшествующимъ категоріямъ. Развитіе есть процессъ не оконченный, но совершающійся. Онъ совершается въ личности путемъ сознательной работы мысли и путемъ вліянія общественной среды. Онъ совершается въ обществѣ путемъ безсознательнаго вліянія отношеній между людьми и наслѣдственной передачи незамѣтныхъ пріобрѣтеній, которыя становятся замѣтными лишь послѣ длиннаго ряда поколѣній. Человѣкъ съ ложнымъ убѣжденіемъ можетъ его исправить; человѣкъ безъ убѣжденія можетъ его выработать. Но еслибы это было и невозможно для данныхъ личностей, то эти личности могутъ дать нравственно-развивающееся потомство лишь въ томъ случаѣ, когда онѣ сами, и ихъ потомство будетъ находиться подъ постояннымъ вліяніемъ развивающей среды; но это дѣйствіе было бы невозможно при раздѣленіи людей на касты по достоинству ихъ убѣжденій. Подобное раздѣленіе препятствовало бы, или могло бы препятствовать появленію нравственно-развитыхъ людей въ будущемъ. Все это приводитъ къ заключенію, что достоинство каждой человѣческой личности измѣняется нетолько совершившимся въ ней развитіемъ, но тѣмъ развитіемъ, котораго источникъ, психическій или физіологическій, въ ней заключается. Говоря объ отношеніяхъ между людьми на основаніи критики чужаго достоинства, мы не вправѣ ограничить задачу взрослымъ или даже живымъ поколѣніемъ, но должны взять въ соображеніе, какъ личности, подготовившія это поколѣніе путемъ историческаго вліянія, такъ и личности будущихъ поколѣній, на достоинство которыхъ будутъ вліять современныя отношенія между людьми, какъ на современныхъ людей вліяли отношенія минувшаго. Исторія доказываетъ, что нѣтъ случая, гдѣ въ человѣкѣ можно было бы отрицать самый источникъ развитія, самую способность къ нему. Обстоятельства жизни мѣшали развитію одной личности и оно наступало при измѣненіи этихъ обстоятельствъ. Въ другихъ случаяхъ обстоятельства не дозволяли развиться цѣлому ряду поколѣній, но слѣдующія, попавъ въ болѣе выгодную обстановку, обнаруживали значительное развитіе, которое, поэтому, слѣдуетъ допустить въ источникѣ, въ возможности, и для предшествующихъ поколѣній. Есть расы, народы и общественные кружки, которые до сихъ поръ не высказываютъ значительнаго развитія, но заключить о ихъ неспособности къ развитію было бы для насъ такъ же опрометчиво,

какъ было бы опрометчиво для грековъ временъ Платона и Аристотеля отвергать возможность развитія Ньютоновъ въ дикомъ племени сѣверной Европы, Эпиктетовъ между ихъ рабами. Всѣ существующія данныя науки ведутъ къ заключенію, что различія между людьми по *возможности* нравственнаго развитія, въ нихъ заключающейся, указать нельзя, и что поэтому для всѣхъ людей надо признать *равное* достоинство съ точки зрѣнія этики.

Если мы признали за всѣми людьми равную возможность развитія или въ личности или въ рядѣ поколѣній, если въ нравственномъ развитіи мы видимъ ихъ достоинство, а свою нравственную обязанность видимъ въ дѣйствіи согласно убѣжденію, то неизбѣжно получимъ для себя нравственную обязанность поддерживать ихъ достоинство столько же, какъ собственное, то-есть обязанность содѣйствовать ихъ развитію столь же энергично и неуклонно, какъ мы обязаны стремиться къ собственному развитію. Отвергая это, мы или отвергаемъ, что мы обязаны поступать по убѣжденію, а это безнравственно; или не допускаемъ, что достоинство человѣческое заключается въ развитіи, а это противорѣчиво; или не признаемъ за всѣми людьми возможности развитія въ личности или въ рядѣ поколѣній, а это неосновательно. Поэтому нравственно и обязательно содѣйствовать развитію другихъ людей всѣми доступными намъ средствами, бороться за расширеніе этого развитія противъ всѣхъ препятствій, ему поставляемыхъ, и эта обязанность столь же строга, какъ обязанность составить себѣ убѣжденіе и его поддерживать. Оскорбленіе чужаго достоинства есть оскорбленіе *нашего* достоинства. Недѣятельность при видѣ стѣсненія чужаго развитія безнравственна. Участіе въ организаціи, стѣсняющей человѣческое развитіе, нравственно преступно.

Эта обязанность содѣйствовать развитію другихъ людей или обязательность убѣжденія, перенесенная въ область общественныхъ сношеній, есть *справедливость*, единственная нравственная связь общества. Ея короткая формула: *каждому по достоинству* исчерпываетъ нравственный элементъ соціологіи. О справедливости часто упоминается у Лекки, но наряду съ другими качествами, которыя онъ вноситъ въ свой списокъ добродѣтелей. Тѣмъ не менѣе, когда ему пришлось привести примѣръ качества, всегда остававшагося добродѣтелью въ глазахъ людей, онъ сказалъ (I, 80): «Никто никогда не утверждалъ, что справедливость — порокъ, а несправедливость — добродѣтель».

*

Онъ употребилъ нѣсколько страницъ на доказательство, что половая воздержность, правдивость были всегда добродѣтелями въ глазахъ людей, но не думалъ этого доказывать для справедливости, вѣроятно, не имѣя въ виду противорѣчія. Онъ цитировалъ лорда Кэмеса (Kames), отличающаго справедливость (впрочемъ, вмѣстѣ съ правдивостью), какъ добродѣтель безусловно-обязательную (of perfect obligation), и Вольтера, который писалъ: «Основной законъ нравственности дѣйствуетъ на всѣ народы, хорошо извѣстные. Истолкованіе этого закона представляетъ при тысячѣ обстоятельствъ тысячу различій; но сущность остается все тою же, и эта сущность — идея справедливаго и несправедливаго». Лекки могъ бы идти гораздо далѣе, и античный міръ представилъ бы ему многочисленныя свидѣтельства сознанія того преобладающаго значенія, которое принадлежитъ справедливости въ области нравственности, начиная съ полумиѳическихъ изреченій Гезіода, переходя черезъ рядъ философовъ, во главѣ которыхъ стоятъ Платонъ и Аристотель, и кончая истолкователями греческой мысли въ средѣ мыслителей и юристовъ римской имперіи. Лишь ложная мысль о равноправности различныхъ *обычныхъ* типовъ нравственности, вѣроятно, помѣшала и Лекки видѣть громадную разницу, заключающуюся въ обязательности справедливости отъ обязательности другихъ качествъ, признаваемыхъ имъ добродѣтелями.

Обязательность эта на столько сильна для человѣческаго ума, что нравственность людей, едва они выходятъ изъ положенія непосредственной борьбы за существованіе, постоянно располагалась и располагается *по типу* справедливости. Эгоистическій деспотъ, истощающій средства страны и проливающій кровь сотенъ тысячъ людей для своего удовольствія, для своего тщеславія, былъ увѣренъ, что онъ *правъ*, дѣлая это, такъ-какъ *его достоинство* неизмѣримо выше достоинства всѣхъ прочихъ людей. Безжалостныя дикія племена, поѣдая или порабощая иноплеменниковъ, вѣрили, что они *правы*, такъ-какъ *ихъ* племя *выше* другихъ по достоинству. Національныя ненависти, сословная эксплуатація, презрѣніе древняго гражданина къ рабу, средневѣковаго дворянина къ смерду, новѣйшаго богача къ пролетарію, ученаго филистера къ полуграмотному работнику и ловкаго дѣльца къ непрактическому ученому, военнаго бреттера къ мирному торгашу, и обратно,—всѣ эти раздѣленія, вызвавшія въ обществѣ столько страданій и вносившія въ него столько несправедливости, опираются на ложное осуществленіе формулы справедливости: каждому по достоинству. Формула

была вѣрна и осталась вѣрна, но недостаточная критика чужаго достоинства вызывала и вызываетъ безчисленныя ошибки въ ея приложеніи. Если прикладныя математическія науки представляютъ въ своей исторіи рядъ ошибочныхъ результатовъ вслѣдствіе того, что условія прикладнаго вопроса не были достаточно анализированы и введены въ выкладки, то еще ни одному ученому не вздумалось до сихъ поръ признать эти ошибки достаточнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ вѣрности математическихъ формулъ и законовъ, при пособіи которыхъ получены были ошибочные результаты. Точно также многочисленныя, ложныя приложенія начала справедливости нисколько не колеблютъ самаго начала: они требуютъ лишь болѣе строгой критики въ разборѣ обстоятельствъ, къ которымъ прилагается законъ справедливости. Формулою справедливости приходится руководствоваться въ соціологіи самому раціональному ученому, какъ ее инстинктивно прилагалъ дикій, для котораго борьба каждаго противъ всѣхъ ограничивалась лишь капризами сочувствія, неосмысленными обычаями и преданіями и самымъ поверхностнымъ разсчетомъ пользы. Результаты, полученные послѣднимъ, были очень несовершенны, между тѣмъ какъ первый можетъ гораздо ближе подойти къ соціологической истинѣ, но разница между ними будетъ преимущественно заключаться въ обширности и въ строгости критики, употребленной на приложеніе принципа справедливости къ данному случаю. Научность формулы справедливости заключается именно въ томъ, что она, оставаясь неизмѣнною и естественно обязательною во всѣхъ случаяхъ, доступна самому широкому развитію по своему содержанію, сообразно развитію личности и общества, и самому разнообразному приложенію въ различныхъ случаяхъ, сообразно всѣмъ частностямъ обстоятельствъ каждаго случая.

Какъ всякая формула, и формула справедливости получаетъ раціональный смыслъ лишь при уясненіи терминовъ, въ нее входящихъ. Лишь развитый человѣкъ можетъ надлежащимъ образомъ понять и приложить принципъ: каждому по достоинству. Вопервыхъ, лишь онъ можетъ усвоить себѣ убѣжденіе, что достоинство личности заключается въ ея нравственномъ развитіи, въ ея способности составить себѣ убѣжденіе и жить согласно ему. Вовторыхъ, лишь онъ можетъ дойти до сознанія равенства достоинства людей по возможности ихъ развитія въ личности или въ рядѣ поколѣній и вывести отсюда результатъ, что поступать съ каждымъ по его достоинству, значитъ под-

держивать и охранять его право на развитіе всѣми средствами, намъ доступными. Наконецъ, втретьихъ, лишь онъ, усвоивъ себѣ значеніе критики для всей области нравственности, можетъ вполнѣ сознать необходимость взять въ соображеніе, для справедливаго отношенія къ людямъ, всѣ обстоятельства ихъ положенія, ихъ необходимыя потребности, вліяніе на нихъ среды и ихъ индивидуальныя особенности. Все это заключается въ формулѣ: каждому по достоинству, но все это надо въ ней найти. При этомъ единообразная обязанность справедливости ко всѣмъ людямъ видоизмѣняется сообразно обстоятельствамъ. Обращу вниманіе на результаты этого видоизмѣненія въ виду четырехъ категорій, на которыя распадается человѣчество по его дѣйствительному, уже совершившемуся, нравственному развитію.

Отношеніе развитой личности къ людямъ раціональнаго убѣжденія очень просто. Справедливость относительно ихъ исчерпывается положеніями, указанными выше. Отстаивать ихъ право на заявленіе и на осуществленіе своихъ убѣжденій—есть прямая обязанность личности. Слѣдуетъ стремиться, хотя бы цѣною личныхъ и общественныхъ страданій, къ устраненію изъ общественнаго строя всего, что̀ мѣшаетъ этому праву, такъ-какъ все, что̀ мѣшаетъ ему, есть элементъ безнравственный и несправедливый. Убѣжденіе подлежитъ всегда развитію. Убѣжденія развитыхъ людей могутъ всего удобнѣе развиваться при искреннемъ общеніи ихъ мысли и при тѣсной ихъ связи между собою. Поэтому нравственно-развитые люди всего человѣчества обязаны, во имя справедливости, видѣть одинъ въ другомъ членовъ одной тѣсной человѣческой общины, связь которой выработана общечеловѣческой цивилизацiей, и члены которой обязаны поддерживать другъ друга всѣми своими силами для взаимнаго развитія и для проведенія въ жизнь своихъ убѣжденій.

Отношенія къ людямъ убѣжденнымъ, но убѣжденія которыхъ мы не считаемъ раціональными, уже усложняются необходимостію отнестись возможно-справедливѣе къ точкѣ зрѣнія намъ чуждой. Я уже сказалъ выше, что безусловно-враждебны нравственности лишь убѣжденія или, точнѣе, вѣрованія, на столько непослѣдовательныя, что они отрицаютъ самую основу нравственности: обязательность развитія и безусловной критики. Противъ нихъ люди нравственнаго убѣжденія обязаны, во имя своего убѣжденія, вести самую непреклонную полемику, пока дѣло ограничивается областью спора мнѣній. Нравственность невозможна при отрицаніи обязательности

развитія и критики. Вѣрованія, противныя этимъ началамъ, были всегда самыми ненравственными элементами въ человѣчествѣ. Они усиливали застой культуры противъ работы критической мысли, обращая обычай въ священное преданіе и облекая поклоненіе безсмысленной общественной формѣ кажущимся величіемъ убѣжденія. Подобно самымъ низшимъ явленіямъ человѣческаго существованія, подобныя вѣрованія могли вызвать весьма яркіе подвиги милосердія и самоотверженія, пріобрѣтали вслѣдствіе того значительное вліяніе на воображеніе неразвитой массы, но сила самоотверженія и подвижничество не увеличивали нравственнаго содержанія ученій, подрывавшихъ самыя основы нравственности, и не могли устранить грубую непослѣдовательность проповѣди, которая призывала человѣка къ высшему достоинству, отвергая единственный путь, которымъ можно отличить высшее отъ низшаго, именно свободную критику. Будемъ ли мы, съ утилитарной точки зрѣнія, измѣрять бѣдствія, принесенныя этимъ направленіемъ человѣчеству, или, съ точки зрѣнія справедливости, будемъ оцѣнивать задержку человѣческаго нравственнаго развитія вслѣдствіе этихъ ученій, въ обоихъ случаяхъ мы получимъ одинъ результатъ, тѣмъ болѣе бѣдственный, что люди этого вѣрованія никогда почти не оставались въ области спора мнѣній, но, при первой возможности, переходили къ насильственнымъ дѣйствіямъ для устраненія чужихъ убѣжденій или вѣрованій. Даже Лекки, полагающій (I, 148), что уваженіе (reverance) заслуживаетъ эпитетъ «прекраснаго» преимущественно предъ всѣми другими формами нравственнаго добра, даже и онъ не могъ не замѣтить слѣдующаго (I, 148) [1]: «Весьма сомнительно, не было ли оно (уваженіе) источникомъ бо̀льшаго несчастія, чѣмъ счастіе, вслѣдствіе большихъ бѣдствій, происшедшихъ отъ него въ формѣ религіозныхъ предразсудковъ и политическаго рабства». «Развитіе политической и философской искренности было неестественно задержано оппозиціею теологовъ, которые... высказали себя въ этомъ могучими противниками прогресса, стремясь въ продолженіи многихъ столѣтій уничтожить сочиненія, противныя ихъ взглядамъ; когда же власть ускользнула изъ ихъ рукъ, они стремились всячески противодѣйствовать безпристрастію мысли и сужденія и связать это безпристрастіе съ представленіемъ о грѣхѣ» (I, 146). «Сектаторское озлобленіе,

---

[1] Я при этомъ выкидываю оговорки, которыми Лекки пересыпаетъ свои выраженія.

возмутительныя преслѣдованія, слѣпая ненависть къ прогрессу, неблагородная поддержка всякой раздражающей неспособности и притѣсненія, глубокій сословный эгоизмъ, упорно продолжаемая оборона всякаго умственнаго и политическаго предразсудка, ребяческія, но каррикатурно-жестокія ссоры изъ-за мелкихъ догматическихъ различій, изъ-за одеждъ и подсвѣчниковъ составляютъ въ совокупности главныя черты церковной исторіи и потому могли естественно... побуждать людей дать клерикальному типу низшее мѣсто какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи» (I, 159).

Какъ ни вредны подобныя вѣрованія, но для справедливаго отношенія къ нимъ обязательно даже для нихъ поддерживать право «добросовѣстнаго состязанія» (fair play), о которомъ говоритъ Лекки, пока эти вѣрованія остаются въ области спора мнѣній. Тѣмъ болѣе это обязательно для всѣхъ убѣжденій, которыя мы признаемъ неправильными, но которыя сходятся съ нами на общей почвѣ признаній основъ нравственности: обязательности развитія, и безусловной критики. На сколько обязательно отстаивать свои убѣжденія путемъ полемики и практическаго опыта, на столько же обязательна поддержка права свободной критики (или политическая правдивость по Лекки) для всевозможныхъ мнѣній. Обязательно сознавать себя солидарнымъ со всякими притѣсненными мнѣніями, какъ бы ни далеко оно расходилось отъ нашего мнѣнія, какъ бы нелѣпымъ ни признавалось это мнѣніе. Общественный строй, стѣсняющій какое-либо проявленіе свободной критики, враждебенъ нравственному развитію, на какое бы проявленіе критики ни направлялись его удары.

Но дѣло становится совершенно инымъ, когда мнѣнія, признаваемыя нами неправильными, или безнравственными, сходятъ съ поля «добросовѣстнаго состязанія» на поле принужденія и преслѣдованій. Тогда справедливость обязываетъ развитаго человѣка сойти на почву прямой *борьбы* за право развитія. Дѣйствіе закона оцѣнки достоинствъ прекращается и наступаетъ эпоха, гдѣ разсчетливая борьба есть единственный законъ. Насиліе вызываетъ насиліе. Но утилитарное начало разсчета побуждаетъ ограничить борьбу крайнею необходимостію, а требованіе справедливости обязывается вернуться къ ея законамъ, какъ лишь противники введены снова въ предѣлы «добровѣстнаго состязанія». Полемика за истинныя убѣжденія противъ ошибочныхъ убѣжденій, и безнравственныхъ мнѣній, обязательна всегда, борьба съ приверженцами этихъ мнѣній за

право критики обязательна, несмотря на ея печальныя случайности, когда насильственныя мѣры противу критики вынуждаютъ къ борьбѣ.

Въ отношеніи къ личностямъ, невыработавшимъ убѣжденія, справедливость заключается въ доставленіи имъ нравственнаго развитія, котораго имъ не достаетъ, т.-е. въ пропагандѣ развитія. Здѣсь вопросъ усложняется тѣмъ, что пропаганда эта должна имѣть въ виду не навязываніе *содержанія* нашихъ убѣжденій, какъ догмата, принимаема на вѣру, но составленіе *собственныхъ* убѣжденій людьми, еще не ставшими на точку зрѣнія нравственности. Утилитаристъ можетъ проповѣдывать прямо результаты, имъ выработанные, такъ-какъ онъ имѣетъ въ виду лишь общую пользу осуществленія этихъ результатовъ, а будутъ ли они проведены въ жизнь механически, сдѣлаются ли они обычною рутиною, или станутъ искренними убѣжденіями, это для него безразлично. Проповѣдникъ раціональной нравственности имѣетъ постоянно въ виду возвышеніе личностей, развитіе въ нихъ убѣжденій, а потому для него существенной цѣлью остается возбужденіе въ обществѣ самостоятельной психической дѣятельности. Справедливость требуетъ относительно неразвитыхъ людей пропаганды критики вообще, педагогическаго дѣйствія въ смыслѣ образованія въ нихъ убѣжденій, а не полемики въ пользу истинныхъ убѣжденій. Эта полемика получитъ свое мѣстѣ на высшей точкѣ, когда люди составили себѣ убѣжденія, и когда дѣло идетъ о развитіи этихъ убѣжденій. При этомъ опять обычаи и вѣрованія, учрежденія и отношенія, препятствующія развитію твердыхъ убѣжденій, составляютъ обязательный предметъ вражды для личности на основаніи указанныхъ выше условій нравственности. Я уже говорилъ въ предъидущей главѣ, что пропаганда критики и развитія вноситъ весьма часто въ жизнь проводника и въ жизнь самаго общества болѣе страданій, чѣмъ наслажденій. Но она остается обязательной независимо отъ всякаго разсчета пользы. Она обязательна потому, что сообщаетъ *высшее* благо—развитіе, а это высшее благо не можетъ быть куплено слишкомъ дорого какимъ бы то ни было количествомъ страданій.

Что касается до того слоя человѣчества, который поставленъ условіями общественнаго строя въ невозможность даже приступить къ нравственному развитію, такъ-какъ борьба за существованіе поглощаетъ всѣ его силы, то требованіе справедливости здѣсь очень просто. Я имѣлъ уже случай коснуться этого предмета. Если борьба за добываніе необходима,

даже волчьимъ оружіемъ, какъ сказано выше, есть *безсознательное* исполненіе нравственной обязанности доставленія себѣ возможности развитія, то, для развитаго человѣка, *сознательное* стремленіе содѣйствовать людямъ къ достиженію этой послѣдней цѣли, есть безусловная обязанность. Обязательно съ точки зрѣнія этики, дать *возможность* развитія людямъ, неимѣющимъ этой возможности. Обязательно бороться противъ культурнаго строя, отнимающаго у части людей эту возможность. Если эта борьба можетъ быть успѣшно доведена до конца, путями добросовѣстнаго состязанія, то, конечно, обязательно остается въ его предѣлахъ. Но это случай очень рѣдкій. Если эти предѣлы недостаточны, то справедливость призываетъ развитаго человѣка на почву прямой борьбы, даетъ ему въ руководство разсчетъ цѣлесообразности мѣръ и напоминаетъ ему, что каковы бы ни были случайности борьбы, каковы бы ни были общественныя страданія, ею вызванныя, нравственное благо доставленія *возможности* нравственнаго развитія людямъ лишеннымъ этой возможности, не можетъ быть куплено слишкомъ дорого. Сдѣлать изъ существъ, живущихъ зоологической жизнью—нравственныхъ личностей, ввести ихъ въ процессъ историческаго сознательнаго прогресса, это важная обязанность, при которой умолкаютъ всѣ остальныя.

Изъ предыдущаго видимъ, что справедливость въ своихъ многоразличныхъ примѣненіяхъ не разъ приходитъ къ необходимости употреблять печальное орудіе борьбы. Пока общественный строй не заключаетъ въ себѣ условій признанія права всесторонняго личнаго развитія и права безусловной критики, борьба остается необходимостью даже во имя справедливости. Въ сущности эпоха борьбы есть эпоха прекращенія закона справедливости. Послѣдній ограничивается указаніемъ, когда слѣдуетъ начинать борьбу, и когда настаетъ минута ее кончить. Самая борьба имѣетъ *свои* законы. Когда справедливость произнесла свое: пора! борись! когда личность стала отстаивать животнымъ оружіемъ права критики и права осуществленія справедливѣйшаго общественнаго строя, то разсчетъ цѣлесообразности остается господствующимъ. Также вредно тратить силы на безполезную, невозможную борьбу, какъ безнравственно оставаться безучастнымъ зрителемъ несправедливости, когда борьба за справедливость возможна. Надлежащее подготовленіе средствъ къ борьбѣ есть обязанность, когда борьба идетъ за нравственныя цѣли. Не одно самоотверженіе важно въ разумномъ убѣжденіи, но и критика, оцѣнивающая средства осуществить свое убѣжденіе.

Такимъ образомъ общественная связь, опирающаяся на справедливости, представляется намъ въ видѣ всеобщей кооперацiи для всеобщаго развитія. Справедливость же заключается въ этой кооперацiи и въ содѣйствiи ей на основанiи твердаго убѣжденія и широкой критики необходимаго, возможнаго и нравственнаго въ каждомъ частномъ случаѣ. Это понятіе формулируется старинною формулою: каждому по достоинству — и служитъ единственною нравственною основою раціональной соціологiи.

Терминъ справедливости такъ высоко стоялъ во всѣхъ теоріяхъ нравственности, что его нерѣдко примѣняли совершенно неточно. Его существенная особенность въ томъ, что онъ выражаетъ неизмѣнный законъ съ текучимъ содержаніемъ. Его употребляли въ смыслѣ неизмѣннаго содержанія, что̀ давало поводъ съ одной стороны отрицать необходимость видоизмѣненія справедливости при разныхъ обстоятельствахъ, съ другой стороны отрицать самую неизмѣнность закона справедливости. Метафизики и юристы составляли себѣ въ какую-либо эпоху идеалъ справедливаго человѣка, принимая для него опредѣленное положеніе, опредѣленное развитіе, и получали для этого идеала весьма подробное содержаніе. Метафизики вносили въ свои построенія эту метафизическую справедливость. Юристы ставили этотъ идеалъ въ принудительный законъ и создавали легальную справедливость. То и другое оставалось фикціею, потому что, при различiи положенія людей въ отношенiи удовлетворенія необходимыхъ потребностей и въ отношенiи возможности развитія, одинъ и тотъ же идеалъ справедливаго человѣка былъ неисполнимъ для всѣхъ членовъ одного общества, тѣмъ болѣе для нѣсколькихъ поколѣній одного государства. Легальная справедливость вызывала ка̀ры за неизбѣжныя преступленія. Метафизическая справедливость порождала фразерство и лицемѣріе. Измѣнялись кодексы, измѣнялись метафизическія построенія, а съ ними и объективное содержаніе идеала справедливаго человѣка. Тогда являлись скептики, которые со смѣхомъ указывали на разнообразіе кодексовъ, на разнообразіе метафизическихъ объективныхъ идеаловъ, на безобразіе казней, поражающихъ преступниковъ по необходимости, по непобѣдимому вліянію среды, на карикатурность осужденія основныхъ человѣческихъ потребностей, и приходили къ выводу: безусловной справедливости не существуетъ! что справедливо по одну сторону Пиреней, то несправедливо по другую; что справедливо сегодня, то несправедливо

завтра. Для объективныхъ типовъ справедливости эти возраженія вѣрны. Но эти объективные типы метафизическихъ теорій и легальныхъ постановленій не имѣютъ ничего общаго со справедливостью раціональной этики. Она есть не болѣе, какъ перенесеніе на отношенія между людьми обязательности убѣжденія, критики и развитія; такою она была всегда, а, при нынѣшнемъ состояніи критики, она выработалась въ болѣе ясное представленіе обязательности участія во всеобщей коопераціи для всеобщаго развитія и содѣйствія осуществленію этой коопераціи въ возможно широкихъ размѣрахъ. Едва-ли можно, хотя съ тѣнью логики, оспаривать обязательность развитія, критики и убѣжденія, какъ основъ общественной связи; едва-ли возможно, хотя съ тѣнью основательности, отрицать, что, отступая отъ этихъ основъ, общество впадаетъ въ состояніе патологическое; едва-ли въ настоящее время можно не признать, что всеобщая кооперація для всеобщаго развитія есть высшій нравственный идеалъ человѣчества.

Всеобщая кооперація, какъ общественный идеалъ, есть точно также результатъ утилитарной теоріи, какъ и раціональной этики. Вообще въ результатахъ оба эти ученія на столько сходятся, что можно бы съ перваго вгляда признать безразличнымъ, которое изъ двухъ мы кладемъ въ основаніе построенія, какъ два различные метода той же науки. Но оно не совсѣмъ такъ, и, при болѣе внимательномъ сравненіи, легко замѣтить ихъ существенное различіе. Оба ученія опираются на основной психическій фактъ стремленія къ наслажденію; оба ставятъ общее благо или общественную связь, какъ всеобщую кооперацію, цѣлью жизни человѣка въ обществѣ. Оба прибѣгаютъ къ анализу реальныхъ обстоятельствъ для указанія человѣку практическаго пути дѣятельности въ данномъ частномъ случаѣ, — при чемъ оба противополагаютъ свое ученіе отвлеченной морали, устанавливающей рубрики добродѣтелей и пороковъ независимо отъ обстоятельствъ. Но уже анализъ утилитаризма отличенъ отъ анализа раціональной этики. Первый заключается въ разсчетѣ пользы, количествѣ наслажденій и страданій. Второй заключается въ критикѣ качественнаго отношенія фактовъ къ основному факту развитія. Затѣмъ сходство между ними прекращается. Утилитаристъ, сдѣлавъ разсчетъ количества благъ, минуетъ тотъ самый фактъ, который всего важнѣе для послѣдователя раціональной этики, фактъ убѣжденія. Утилитаристъ требуетъ дѣятельности, согласной съ разсчетомъ наибольшей общей пользы, относясь равнодушно къ тому, на сколько

эта дѣятельность выходитъ изъ убѣжденія, или изъ другаго мотива. Для него лучшее общество есть общая кооперація для *общей пользы*, хотя бы люди здѣсь большей частью играли роль машинъ. Раціональная этика требуетъ прежде всего развитія правильнаго убѣжденія, не придаетъ никакой цѣны дѣятельности безъ убѣжденія и видитъ въ идеалѣ общества общую кооперацію *для общаго развитія*. Съ точки зрѣнія этики, ученіе, не вносящее въ свое построеніе фактъ убѣжденія, не есть даже вовсе ученіе нравственное, хотя оно можетъ быть весьма важно въ соціологіи, помимо нравственныхъ цѣлей.

Развитіе, *критика*, *убѣжденіе*, *справедливость* — вотъ четыре пункта, исчерпывающіе ученіе раціональной этики и столь же тѣсно между собой связанные, какъ теоремы математики. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть выдѣленъ безъ нарушеній логическихъ связей и безъ затемненія всего остальнаго. Ни одинъ болѣе объективный элементъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ ними, потому что всякій добавочный элементъ можетъ имѣть въ различныхъ случаяхъ различныя отношенія къ задачамъ этики. Связь установленныхъ началъ, есть связь основная, неизмѣнная, и независящая ни отъ какихъ случайныхъ обстоятельствъ жизни и исторіи. Всѣ остальныя явленія подлежатъ суду этики, сообразно ихъ отношенію къ этимъ началамъ. Отвергнуть этотъ судъ можно лишь отвергая самый фактъ развитія, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ смыслъ словъ *выше* и *ниже* въ психическихъ явленіяхъ, смыслъ словъ *добро* и *зло*, исчезнетъ и вся область этики. Допустивъ этотъ судъ, приходится отвергнуть всякую прибавку или всякое отклоненіе отъ установленныхъ началъ; лишь *развитіе* и *критика* доставляютъ объективную мѣрку для отношеній явленій къ нравственности; лишь *убѣжденіе* доставляетъ субъективную ихъ мѣрку. Первыя два начала особенно важны для исторіи, имѣющей дѣло съ чужими мнѣніями и дѣйствіями; убѣжденія, существенныя для личностей, какъ указанія ея нравственной отвѣтственности передъ собой. *Справедливость* представляетъ самую тѣсную связь субъективнаго элемента съ объективнымъ, такъ-какъ степень содѣйствія всеобщей коопераціи для всеобщаго развитія можетъ быть оцѣнена объективно, но это содѣйствіе справедливо лишь тогда, когда оно вышло изъ твердаго убѣжденія.

Не знаю, удалось ли мнѣ передать читателю связь между истинами этики съ тою ясностію, съ которою она мнѣ представляется, и самыя истины ея высказать въ ихъ строгой не-

опровержимости. Но лишь твердая установка этихъ истинъ въ ихъ связи можетъ дать прочное основанiе для оцѣнки сложныхъ типовъ обычной исторической нравственности, для уясненiя процесса исторiи нравственности въ ея прогрессивныхъ и регрессивныхъ фазисахъ и для опредѣленiя той роли, которую развитiе нравственности играетъ въ общей исторiи человѣческой цивилизацiи.

ХИДГЕРЪ.

Неумирающій и вѣчно юный
Хидгеръ разсказывалъ: Я проѣзжалъ
Однажды шумнымъ городомъ. Въ саду
Я увидалъ тамъ человѣка
Съ корзиною, — и у него спросилъ,
Давно-ль стоитъ тутъ городъ? Продолжая
Сбирать плоды, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Вѣчно
Стоялъ онъ тутъ и вѣчно простоитъ».

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я проѣзжалъ. Отъ города того
Ни одного слѣда не оставалось;
Гдѣ онъ стоялъ, была пустыня. Тутъ
Сидѣлъ пастухъ и одиноко пѣсню
Наигрывалъ на дудкѣ; вкругъ него
Паслося стадо на зеленомъ лугѣ.
И я его спросилъ: давно-ль не стало
Тутъ города? Онъ продолжалъ играть
Въ свою свирѣль и мнѣ одно промолвилъ:
«Одно ростетъ, другое увядаетъ.
Я вѣчно здѣсь пасу свои стада».

Опять чрезъ пять столѣтій тою жь самой
Дорогой проѣзжалъ я. Предъ собою
Я увидалъ тутъ море; волны
Катились и шумѣли. Въ челнокѣ,
У берега привязанномъ, рыбакъ
Сидѣлъ, свои закидывая сѣти.
Я у него спросилъ, давно-ль тутъ море?
И моему вопросу засмѣявшись,
Онъ мнѣ сказалъ: «Какъ эти волны вѣчно

Гуляютъ и клубятся на просторѣ,
Такъ вѣчно здѣсь закидываютъ сѣти».

Чрезъ пять столѣтій тою же дорогой
Я снова ѣхалъ и нашелъ тутъ лѣсъ,
И въ чащѣ лѣса встрѣтилъ дровосѣка.
Подъ корень онъ рубилъ могучій дубъ,
И я спросилъ его: давно-ль явился
Тутъ лѣсъ? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Лѣсъ
Стоитъ здѣсь вѣчно, вѣчно въ немъ растутъ
Деревья и дрова мы вѣчно рубимъ».

Еще чрезъ пять столѣтій той дорогой
Поѣхалъ я, и вновь передо мною
Тамъ очутился городъ. Громкій гулъ,
Народный говоръ, стукъ колесъ повсюду
На улицахъ и площадяхъ. У встрѣчныхъ
Я спрашивалъ: давноль построенъ городъ?
Куда дѣвались темный лѣсъ и море,
И пастбище? Но словъ моихъ никто
И слушать не хотѣлъ, и всѣ кричали:
Такъ вѣчно шло на этомъ мѣстѣ, вѣчно, —
И вѣчно такъ пойдетъ.
Чрезъ пять столѣтій
Поѣду снова этою дорогой.

М. М—въ.

ДУХОВНОЕ ГОСПОДСТВО.

РИМЪ ВЪ XIX ВѢКѢ.

РОМАНЪ

Гарибальди.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ *.

I.

ЗАМОКЪ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Періодъ славы и величія, впродолженіе котораго Римъ былъ дѣйствительною «столицею міра», заканчивается съ паденіемъ республики, но республика теряетъ свое могущество и обаяніе уже съ Сципіонами. Послѣ сраженія при Замѣ, гдѣ Аннибалъ былъ разбитъ Сципіономъ, и когда Римъ не имѣлъ уже сколько-нибудь могущественныхъ враговъ—мелкія побѣды надъ безсильными народами уже не представляли римлянамъ особенной трудности. Такимъ образомъ, продолжая свои завоеванія и бо-

* Приступивъ къ переводу настоящаго романа, мы объяснили публикѣ, при какихъ условіяхъ мы начали это дѣло. Желая представить читателямъ нашимъ произведеніе Гарибальди, пока оно не потеряло еще интереса новости, мы поспѣшили переводомъ еще до выхода его въ свѣтъ въ полномъ объемѣ. Нынѣ оказывается, что художественная сторона романа капрерскаго отшельника не отличается особенными достоинствами. Несмотря на это, мы перевели первую часть романа цѣликомъ. Вторую же и третью, мы рѣшились соединить вмѣстѣ и представить публикѣ только въ извлеченіи, полагая, что анекдотическая сторона разсказа — для нашихъ читателей представить особеннаго интереса не можетъ. Сокращеніемъ анекдотической части романа, впрочемъ, мы только и ограничились, оставляя нетронутыми всѣ тѣ его мѣста, гдѣ авторомъ приводятся историческіе факты и событія, и не позволяя себѣ измѣнять ни одного изъ отступленій и разсужденій автора, гдѣ это только было возможно при условіяхъ нашей печати, такъ-какъ его взгляды представляютъ неоспоримый интересъ, какъ достояніе исторіи. *Прим. редакціи.*

гатѣя отъ сокровищъ легко побѣждаемыхъ народовъ, римляне перенесли свою дѣятельность па внутреннее соперничество, раздоры и несогласія, предавшись въ то же время самой утонченной и неумѣренной роскоши. Роскошь эта привела ихъ, какъ извѣстно, къ послѣдней степени паденія, когда они сдѣлались, такъ сказать, рабами своихъ рабовъ. Этимъ путемъ исполнилось надъ Римомъ правосудіе. Судьба заплатила имъ тою же монетою, какою они дѣйствовали противъ другихъ народовъ.

Но послѣднее время республики носитъ въ себѣ нѣчто величественное. Прежде своей погибели республиканскій Римъ выставляетъ на арену исторіи цѣлый рядъ исполиновъ, достойныхъ удивленія міра. Лукуллъ, Серторій, Марій, Силла, Помпей, Цезарь—все это имена такихъ полководцевъ, каждый изъ которыхъ могъ бы одинъ доставить нескончаемую славу любому изъ могущественныхъ народовъ.

Еслибы людямъ на землѣ было доступно совершенство, то типомъ такого совершенства могъ бы служить Цезарь, еслибы въ числѣ его качествъ находилась безкорыстная самоотверженность Силлы. Еслибы Цезарь обладалъ подобнымъ свойствомъ, то и я, вслѣдъ за историкомъ величія и паденія Римской имперіи, повторилъ бы, «что Цезарь былъ величайшимъ изъ всѣхъ великихъ людей, какіе когда либо существовали на свѣтѣ».

Такъ, помимо подвиговъ храбрости Силлы, исторія передаетъ о немъ слѣдующее:

Послѣ всѣхъ грозныхъ мѣръ, которыя были предприняты имъ для исправленія Рима, послѣ того, какъ онъ не остановился даже передъ приказаніемъ истребить заразъ восемь тысячъ гражданъ—однажды онъ велѣлъ собраться народу на форумъ, и сидя на мѣстѣ диктатора, еще разъ бросилъ ему въ глаза обвиненіе въ его неисправимой испорченности. Въ заключеніе своей рѣчи, онъ сказалъ: «Я принялъ диктатуру, съ полной надеждой на ваше исправленіе. Вижу однако, что мнѣ этого не достигнуть. Поэтому я рѣшился сложить съ себя власть и сдѣлаться простымъ гражданиномъ. Отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ я готовъ дать каждому, кто станетъ его отъ меня требовать». При этихъ словахъ онъ гордо сошелъ съ трибуны, и молча смѣшался съ народомъ.

Несмотря на множество находившихся тутъ римлянъ, никто не произнесъ противъ него ни одного обвиненія, за все время его управленія.

А между тѣмъ онъ казнилъ друзей, братьевъ, близкихъ,—многихъ изъ тѣхъ гражданъ, которые тутъ же находились!

Цезарь не былъ на столько жестокъ, какъ Сплла, и притомъ онъ значительно превосходилъ его обширностью своего ума, но при всемъ томъ не съумѣлъ послѣдовать его благому примѣру. Мало того, онъ не съумѣлъ нисколько обуздать своего честолюбія, и замыслилъ закрѣпить за собою власть вѣнцомъ монарха. Въ возмездіе за это онъ палъ отъ кинжаловъ «послѣднихъ» римлянъ-республиканцевъ.

На развалинахъ республики возникла имперія.

Хотя въ ряду императоровъ и попадались личности въ родѣ Траяна, Тита и Марка Аврелія, но бо̀льшая часть изъ нихъ была настоящими чудовищами. Жадность и сребролюбіе изъ превосходили всякое вѣроятіе. Всѣ безчисленныя сокровища, которыми они обладали по праву своего сана, не могли ихъ насытить, мысль о пріобрѣтеніи чужихъ богатствъ ихъ не оставляла, и горе было тѣмъ гражданамъ, о сокровищахъ которыхъ имъ дѣлалось извѣстнымъ! Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, дѣло всегда кончалось тѣмъ, что богатыхъ людей грабили и отбирали ихъ золото въ императорскую казну.

Богатые люди старались удаляться изъ Рима: одни спасались бѣгствомъ въ чужія страны, другіе старались селиться въ такихъ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ не могло бы ихъ преслѣдовать императорское корыстолюбіе. Въ числѣ послѣднихъ, во время властвованія Нерона, одинъ изъ потомковъ Лукулла— убѣжалъ на жительство къ той опушкѣ лѣса, гдѣ наши путники увидѣли старое зданіе. Зданіе это и было имъ воздвигнуто,—онъ поселился въ немъ, охраняя этимъ свою безопасность отъ покушенія на его богатства—того вѣнчаннаго хищника, который, ради одного своего удовольствія, не остановился даже передъ поджогомъ Рима.

Вѣроятно, многіе дубы, окружавшіе зданіе, помнили еще этого Марка Лукулла, сына знаменитаго полководца, наполнявшаго славою своихъ побѣдъ въ Азіи современный ему міръ.

Архитектура за̀мка была величественная и за̀мокъ отлично сохранился. Наружныя стѣны зданія, правда, были покрыты коегдѣ мохомъ и вѣковымъ плющемъ, но жилье внутри было отдѣлано заново его настоящими обитателями, и если не заключало въ себѣ всѣхъ удобствъ, какими отличаются новыя зданія, за то представляло цѣлый рядъ обширныхъ залъ и другихъ комнатъ, весьма чистыхъ и свѣтлыхъ.

Весьма долго за̀мокъ былъ безъ жильцовъ. За это-то время онъ и обросъ высокимъ плющемъ, и вѣковыя деревья, окружавшія его, такъ разрослись, что чуть не совершенно закрывали его со всѣхъ сторонъ. Это-то обстоятельство и послужило

поводомъ къ тому, что Драціо и его товарищи сочли его удобнымъ для своего водворенія. Кромѣ того, подъ за̀мкомъ находилось подземелье, могшее нетолько служить мѣстомъ для безопаснаго укрывательства, въ случаѣ нужды, но соединявшееся съ подземными ходами, шедшими на далекое пространство, и представлявшими значительное удобство на случай бѣгства.

У окрестныхъ жителей вся мѣстность около за̀мка считалась заколдованной.

Существованіе за̀мка подозрѣвали, но его никто не видалъ, не осмѣливаясь къ нему приблизиться, такъ-какъ народная молва считала его населеннымъ духами.

Между прочимъ, въ числѣ разсказовъ о за̀мкѣ, многіе жители передавали за вѣрное, что однажды, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, дочь богатаго князя К..., бывшаго на водахъ порта д'Анцо, приблизившись неосторожно къ опушкѣ лѣса съ двумя изъ своихъ прислужницъ, на глазахъ ихъ была унесена куда-то духами, и всѣ поиски за ней, предпринятыя ея отцомъ, по всѣмъ направленіямъ лѣса, остались тщетными.

Едва вошли наши путники въ самый за̀мокъ, какъ на встрѣчу имъ вышла молодая и красивая женщина, черноволосая и черноглазая, очевидно римлянка. Несмотря на присутствіе постороннихъ, она дружески поцаловалась съ Драціо, и только послѣ этого Драціо познакомилъ ее, какъ свою жену, съ Клеліей, Джуліей и Сильвіей.

Красота Ирены (такъ звали эту женщину) произвела на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе, Джона же просто повергла въ восторгъ, который въ немъ усилился еще болѣе, когда глазамъ общества, приглашеннаго Иреной во внутреннія комнаты, открылся въ одной изъ комнатъ накрытый столъ, уставленный въ изобиліи разными блюдами.

— Ты, значитъ, ждала меня сегодня? любовно обратился Драціо къ Иренѣ.

— Еще бы! Сердце мнѣ говорило, что ты, наконецъ, вернешься, отвѣчала она.

Было уже поздно. Въ залѣ зажгли огни, и Драціо, приложивъ къ губамъ своимъ рогъ, подалъ такой же сигналъ, какимъ онъ позвалъ къ себѣ въ лѣсу сторожа. Въ отвѣтъ на этотъ звукъ въ комнату появилось пятнадцать человѣкъ, одѣтыхъ точно также, какъ Драціо, молодыхъ и красивыхъ.

— Это мои друзья и товарищи, сказалъ Драціо, обращаясь къ дамамъ:—а теперь пора и за обѣдъ, или, вѣрнѣе, за ужинъ.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Драціо прежде всего приказалъ прислугѣ разлить гостямъ вермутъ и провозгласилъ тостъ за

свободу Италіи. Начатый такимъ образомъ обѣдъ прошелъ незамѣтно и весело, все общество скоро перезнакомилось между собою, и Джонъ съ удивленіемъ обратилъ свое вниманіе на то, съ какимъ уваженіемъ и довѣріемъ люди, которыхъ Орацiо называлъ своими товарищами, относились къ нему всякій разъ, когда онъ къ нимъ обращался.

Послѣ обѣда Ирена пригласила дамъ на свою половину, и пока служанка приготовляла для нихъ постели въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ, успѣла имъ разсказать всю свою біографію.

Вотъ вкратцѣ ея исторія.

Дочь одного изъ богатѣйшихъ римлянъ, князя К., не щадившаго никакихъ средствъ на ея образованіе, она съ малолѣтства особенно полюбила серьёзныя занятія, и сдѣлавшись взрослою дѣвушкою, до того пристрастилась къ изученію римской исторіи и подвиговъ ея героевъ, что это сдѣлалось ея главнѣйшимъ жизненнымъ интересомъ. Сравнивая славное прошедшее Рима съ его безславнымъ настоящимъ, она отъ души возненавидѣла чужеземцевъ и патеровъ, все то, что̀ обусловливало рабство ея роднаго народа.

Всякимъ развлеченіямъ и удовольствіямъ жизни въ столицѣ она предпочитала прогулки къ развалинамъ, которыхъ въ Римѣ такое обиліе. При этихъ прогулкахъ единственнымъ ея провожатымъ былъ старый слуга — защитникъ весьма плохой. За это ей дважды случилось весьма дорого поплатиться. Однажды ее оскорбили пьяные французскіе солдаты; въ другой разъ, когда она ночью любовалась Колизеемъ при лунномъ сіяніи, на нее напали воры, и ударомъ по головѣ свалили ея провожатаго. Въ оба раза ее спасалъ неизвѣстный человѣкъ, появлявшійся, какъ нарочно, подлѣ нея въ минуту опасности и исчезавшій прежде, чѣмъ она, придя въ себя, могла его отблагодарить. Привлекательный образъ этого незнакомца сильно подѣйствовалъ на ея воображеніе и запечатлѣлся въ ея сердцѣ. Однако, прошло весьма много времени прежде, чѣмъ ей удалось его встрѣтить. Встрѣча эта произошла случайно, и дѣвушка, несмотря на то, что происходила изъ самой развращенной аристократіи и принадлежала по рожденію къ самому развратному изъ дворовъ, чуждая всякой мысли объ опасностяхъ любви, и обрадованная встрѣчей, сама подошла къ незнакомцу. Это былъ, какъ читатели догадываются, Орацiо. Она высказала ему прямо, что его полюбила, но въ отвѣтъ Орацiо объяснилъ ей, что это чувство ей слѣдуетъ забыть, такъ-какъ ихъ общественное положеніе слишкомъ различно. «Знайте», сказалъ онъ,

«что я сирота и плебей, мало того, я изгнанникъ и приговоренъ къ смерти. Я осужденъ вести бродячую жизнь въ лѣсахъ и сбирры за мною охотятся, какъ за звѣремъ. Конечно, я считаю себя счастливымъ, что могъ хотя однажды говорить съ вами и слышать отъ васъ слова, сдѣлавшія меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но намъ остается только одно... разстаться! Прощайте же, и прощайте навсегда! Addio!...» Слова этого прощанія разбудили всю энергію въ дѣвушкѣ. «Знайте же», сказала она, «что я не могу разстаться съ вами... я найду въ себѣ довольно силы, чтобы въ своей привязанности не посмотрѣть ни на кого и ни на что. Я ваша, и ваша навсегда!» Послѣ этого, несмотря на то, что Ораціо ее всячески отговаривалъ, между ними было рѣшено, что онъ черезъ нѣсколько дней придетъ за ней и возьметъ ее съ собою въ свое жилище. «Съ тѣхъ поръ вотъ уже нѣсколько лѣтъ», окончила разсказщица, «я могла бы считать себя счастливѣйшею женщиною въ мірѣ, еслибы не одно горькое воспоминаніе, отравляющее мою жизнь. Отецъ мой не перенесъ моего бѣгства и вскорѣ умеръ съ горя и... одинокій!».

Джулія и Клелія, по окончаніи разсказа, всячески старались утѣшить Ирену, и было уже далеко за полночь, когда ея новыя знакомки ушли въ свои комнаты, отведенныя имъ въ замкѣ для ночлега.

II.

Гаспаро.

Исторія папства тѣсно связана съ исторіею разбоевъ въ Италіи. Такъ, въ средніе вѣка папы нанимали кондотьеровъ для того, чтобы властвовать, поддерживая въ Италіи междоусобія и безпорядки. Такъ, въ наши дни они нанимаютъ шайки разбойниковъ, чтобы противодѣйствовать возможности возрожденія Италіи.

Всякій, кому случалось быть въ Чивитта-Веккіи въ 1849 г., конечно, слышалъ о Гаспаро, знаменитѣйшемъ атаманѣ разбойнической шайки и родственникѣ кардинала А.... Многіе нарочно пріѣзжали издалека, чтобы взглянуть на него.

Гаспаро не принадлежалъ къ наемнымъ разбойникамъ и напротивъ внушалъ неимовѣрный страхъ папскому правительству своими постоянными побѣдами надъ жандармами и даже надъ войсками.

Побѣдить его силою правительство не могло, оно прибѣгло къ хитрости.

Оно вступило съ нимъ въ переговоры при посредствѣ общихъ родственниковъ его и кардинала. На самыя блестящія обѣщанія оно, конечно, при этомъ не скупилось.

Гаспаро понадѣялся на обѣщанія, и попался въ ловушку. Онъ былъ арестованъ, скованъ и посаженъ въ тюрьму въ Чивитта-Веккіи, гдѣ во время республики 1849 года всѣ мы его видѣли.

У Ирены былъ двоюродный братъ, князь Т... До него дошли слухи о прекрасной обитательницѣ зáмка, и онъ догадался, что это должна была быть Ирена.

Съ согласія кардинала А..., онъ рѣшился во что бы то ни стало избавить свою родственницу отъ плѣна, такъ-какъ онъ былъ увѣренъ, что она попала въ зáмокъ противъ воли.

Правительство позволило ему употребить для поисковъ цѣлый полкъ, находившійся подъ его начальствомъ, но трудность отыскать фантастическій зáмокъ среди непроходимыхъ лѣсовъ заставила его обратиться къ кардиналу съ просьбою назначить ему въ проводники общаго ихъ родственника Гаспаро, содержавшагося въ тюрьмѣ. Кардиналъ согласился на это. Гаспаро, узнавши о своемъ назначеніи, былъ радъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ освободиться изъ тюрьмы, и съ радостью согласился на роль проводника. Подъ прикрытіемъ конныхъ и пѣшихъ жандармовъ онъ былъ приведенъ въ Римъ днемъ, такъ-какъ ночью вести его опасались, зная, что многія лица изъ его шайки были еще живы и могли способствовать его побѣгу. Толпа народа, собравшаяся на улицѣ въ то время, когда его вели, была такъ велика, какъ рѣдко бываетъ даже при торжественныхъ шествіяхъ папы.

Когда его привели къ кардиналу А... и князю Т..., то ему были обѣщаны золотыя горы, если онъ только пособитъ спасти Ирену и поможетъ имъ въ предположенномъ ими окончательномъ истребленіи шайки разбойниковъ-либераловъ.

Слушая эти обѣщанія, Гаспаро думалъ:

«Ладно! благо я буду свободенъ, а тамъ уже мое дѣло... чтò мнѣ дѣлать и какъ мнѣ дѣлать».

Черезъ нѣсколько дней по водвореніи нашихъ героинь въ замкѣ, Орацiо пришлось встрѣтиться съ этимъ Гаспаро лицомъ къ лицу, въ лѣсу, прилегавшемъ къ замку.

Хотя въ числѣ товарищей Орацiо было много молодыхъ людей изъ богатѣйшихъ римскихъ фамилій, благодаря чему жители замка не нуждались ни въ чемъ, и провизіи у нихъ всегда было въ изобиліи, но за дичью и звѣрями приходилось имъ всѣмъ поочередно охотиться. Въ одну изъ такихъ охотъ Ора-

ціо, едва только успѣвшій разрядить свою двустволку по кабану, услыхалъ въ двухъ шагахъ отъ себя шумъ. Это не могъ быть Джонъ, такъ-какъ Джонъ только что побѣжалъ къ убитому кабану, иОраціо, опасаясь нападенія врасплохъ, сталъ наскоро снова заряжать карабинъ. Едва успѣлъ онъ это сдѣлать, какъ изъ-за деревьевъ показался старикъ, весь сѣдой, густо обросшій бородою, коренастый и сильно сложенный. Онъ былъ въ калабрійской шапкѣ, въ одеждѣ изъ чернаго бархата, и вооруженъ буквально съ головы до ногъ.Ораціо при видѣ его инстинктивно ухватился за кинжалъ, но незнакомецъ остановилъ его смѣлымъ взоромъ и твердымъ голосомъ:

— Остановись,Ораціо, тебѣ приходится имѣть дѣло не съ врагомъ, а съ другомъ. Я пришелъ сюда нарочно предупредить тебя объ опасности, угрожающей тебѣ и твоимъ, произнесъ Гаспаро.

— Что ты не врагъ мнѣ, я это вижу, такъ-какъ ты, еслибы въ этомъ состояла твоя цѣль, могъ бы уже убить меня, пока я тебя еще не замѣчалъ; вижу, что дѣло, слѣдовательно, не въ этомъ, тѣмъ болѣе, что я узнаю въ тебѣ того Гаспаро, о которомъ столько уже слышалъ, и о которомъ говорятъ, что его карабинъ не знаетъ промаха. Но что̀ же ты хочешь мнѣ сообщить?

— Сейчасъ все узнаешь, но прежде сядемъ гдѣ-нибудь.

Они усѣлись на пнѣ дуба, сваленнаго бурей, и Гаспаро разсказалъ все, какъ о предпріятіи кардинала и князя Т., такъ и о той роли, которую онъ самъ долженъ былъ играть въ этомъ дѣлѣ.

— Вмѣсто такого позорнаго дѣла, закончилъ онъ:—я предлагаю тебѣ свои услуги. Жажда мести къ патерамъ меня душитъ. Одно условіе, чтобы ты меня принялъ въ свое общество.

Ораціо задумался.

— Но вѣдь за тобою, Гаспаро, если вѣрить молвѣ, не одно убійство... Мы же имѣемъ совершенно другія цѣли, и до поры до времени еще не обагряли своихъ рукъ въ человѣческой крови.

Гаспаро сталъ горячо опровергать сомнѣнія Ораціо.

— Неужели и вы считаете меня, сказалъ онъ, между прочимъ: — за простаго разбойника? Но вѣдь тогда правительство не стало бы преслѣдовать меня съ такимъ ожесточеніемъ, какъ это было до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что я точно койкого спровадилъ на тотъ свѣтъ, но все это были лица, вполнѣ заслужившія свою участь. Не станете же вы обвинять меня

въ убійствѣ, напримѣръ, нѣсколькихъ полицейскихъ ищеекъ? Всѣ же другія мои преступленія состоятъ развѣ только въ томъ, что мнѣ не однажды случалось защищать сильнаго противъ слабаго. Могутъ ли хотя что̀-нибудь подобное сказать о себѣ патеры?

Слова Гаспаро были произнесены съ такою горячностію, въ звукѣ его голоса звучала такая искренность, что для сомнѣній не было мѣста, и Ораціо въ отвѣтъ крѣпко сжалъ его руку. Въ это время показался Джонъ, и они всѣ трое, захвативъ по дорогѣ убитаго кабана, отправились въ замокъ разсказать о происшедшемъ.

Между тѣмъ, другіе шпіоны князя, болѣе Гаспаро ему вѣрные, уже успѣли пронюхать и сообщить князю, что Ораціо и его друзья находились въ замкѣ. Князь, получивъ нѣкоторое понятіе о мѣстонахожденіи замка, рѣшился вести противъ него правильную аттаку или лучше сказать, облаву, такъ-какъ при многочисленности своей команды онъ могъ окружить всѣ выходы дорогъ, шедшихъ отъ замка.

Но и съ нимъ произошло то же, что̀ бываетъ съ полководцами, которые отъ избытка предосторожности, распредѣляя своихъ людей на слишкомъ значительное пространство, и озабочиваясь, чтобы повсюду было достаточно часовыхъ, пикетовъ, отрядовъ, дозорныхъ и т. д., сами себя ослабляютъ, оставаясь съ незначительною горстью людей для непосредственнаго дѣйствія. Подобные тактики главнѣйше заботятся не о томъ, чтобы побѣдить, а о томъ, чтобы обезпечить за собою побѣду, которая вслѣдствіе этого весьма часто и не удается.

Хотя мѣстоположеніе замка и было приблизительно извѣстно князю, но неточно. Гаспаро же, отправленный имъ именно для точнаго опредѣленія его, какъ мы знаемъ, не возвращался; и вотъ князь, сгорая желаніемъ какъ можно скорѣе кончить начатое дѣло, разослалъ тысячу человѣкъ своихъ людей по различнымъ направленіямъ такимъ образомъ, что изо всѣхъ отрядовъ, только одинъ тотъ, которымъ онъ лично предводительствовалъ и который направился прямо на сѣверъ отъ Рима, былъ на настоящей дорогѣ къ замку. Изъ другихъ отрядовъ, одни шли неохотно и даже не старались достигнуть цѣли, опасаясь стычекъ съ опаснымъ врагомъ, что̀ случается нерѣдко съ папскими солдатами; другіе, незнакомые съ расположеніемъ лѣса, блуждали по немъ безъ толку и часто возвращались на то самое мѣсто, откуда трогались.

Князь съ отрядомъ изъ двухсотъ человѣкъ, правда, самыхъ смѣлыхъ и преданныхъ ему, около четырехъ часовъ пополудни

находился уже въ виду замка. Приближаясь къ нему, онъ замѣтилъ, что и въ замкѣ были предприняты мѣры для защиты и отраженія, но разсчитывая на храбрость своихъ приближенныхъ и на помощь, которую ему подадутъ другіе отряды, онъ, какъ человѣкъ дѣйствительно храбрый, рѣшился дѣйствовать наступательно. Для этого онъ раздѣлилъ состоявшій при немъ отрядъ на двѣ половины; изъ одной онъ образовалъ застрѣльщиковъ, другую расположилъ колонной, и обнаживъ саблю, скомандовалъ атаку.

Орацio, еслибы только хотѣлъ, могъ бы избѣгнуть всякой встрѣчи съ войсками. Мы знаемъ, что подъ зàмкомъ было подземелье, которымъ все общество могло уйти до появленія отряда князя. Но ретироваться раньше, чѣмъ испробовать свои силы въ дѣлѣ съ папскимъ войскомъ, казалось Орацio дѣломъ позорнымъ. Поэтому въ зàмкѣ были наскоро возведены баррикады, во всѣхъ входахъ устроены бойницы, и вообще все было приведено въ порядокъ для упорной защиты.

Орацio отдалъ своимъ товарищамъ приказаніе не стрѣлять, пока войско не приблизится на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и потомъ уже цѣлиться въ кого-либо опредѣленно. Это было очень удачное распоряженіе. Осаждающіе быстро направлялись на замокъ, и уже цѣпь застрѣльщиковъ едва не достигла перестиля замка, когда дружный залпъ изъ замка свалилъ на землю именно столько людей, сколько было выстрѣловъ. Эта неожиданность на столько смутила осаждающихъ, что первою мыслью ихъ было обратиться въ бѣгство, но князь, во главѣ своей колонны, тотчасъ же появился за ними вслѣдъ и приблизился немедленно къ самому замку.

Орацio, какъ предусмотрительный начальникъ, распорядился заранѣе, чтобы все оружіе, находившееся въ замкѣ, было заряжено; кромѣ того, по мѣрѣ того, какъ слѣдовали выстрѣлы, новымъ заряженіемъ ихъ были заняты всѣ женщины и прислуга замка. Джону, которому тоже было поручено это дѣло, показалось постыднымъ оставаться съ женщинами, и, зарядивъ свой карабинъ, онъ всталъ подлѣ Орацio, и слѣдилъ за нимъ во все время дѣла, какъ его тѣнь.

Когда князь поравнялся съ баррикадою передней галлереи, и увидѣлъ происшедшую потерю въ людяхъ, то понялъ, съ какимъ противникомъ пришлось ему имѣть дѣло. Страхъ, написанный на лицахъ осаждавшихъ, казалось, могъ его навести на мысль о немедленномъ отступленіи, но, съ одной стороны, онъ понялъ, что отступленіе подъ огнемъ такого непріятеля, какъ защитники замка, сулило только одну безполезную смерть;

съ другой стороны, онъ стыдился такого отступленія, которое могло бы быть принято за бѣгство, и рѣшилъ попробовать взятіе баррикады.

Поэтому, приказавъ подать сигналъ къ штурму, онъ первый бросился на баррикаду, первый на нее вскочилъ, и, очутившись одинъ посреди ея защитниковъ, все еще махалъ съ отчаянною храбростію своею саблею.

Увидавъ его, Орацio сдѣлался безмолвнымъ отъ изумленія. Черты мужественнаго лица князя походили, какъ двѣ капли воды, на черты лица дорогой ему Ирены.

Карабинъ Орацio былъ заряженъ, и убить врага ему ничего не стоило, но на это онъ не рѣшился. Мало того, онъ отвелъ отъ груди его карабинъ, приставленный къ ней безцеремонно Джономъ. Выстрѣлъ послѣдовалъ, но попалъ въ одного изъ осаждающихъ, только что вскочившаго на баррикаду.

Немногіе солдаты, послѣдовавшіе за княземъ, были всѣ перебиты или на баррикадѣ, или уже при входѣ въ замокъ.

Наконецъ, неожиданное обстоятельство положило совершенно конецъ осадѣ, и разсѣяло осаждающихъ, начинавшихъ сбѣгаться къ замку отовсюду, подобно падающему снѣгу.

Изъ восточной части лѣса, въ то время, когда бо̀льшая часть осаждающихъ была уже возлѣ баррикады, и офицеры возбуждали солдатъ послѣдовать примѣру князя, раздался грозный крикъ десяти вооруженныхъ людей (а можетъ быть, ихъ тамъ и цѣлая сотня, подумали солдаты), и эти храбрые десять человѣкъ съ быстротою молніи набросились на правый флангъ осаждающихъ, и разсѣяли ихъ, какъ стадо овецъ.

Войско, устрашенное числомъ своихъ убитыхъ и этимъ неожиданнымъ натискомъ, обратилось въ спасительное бѣгство. Князь остался одинъ; онъ видѣлъ, какъ его солдаты бѣжали, и оцѣнилъ великодушіе поступка Орацio. Понимая, что продолжать борьбу безполезно, онъ отдалъ самъ свою саблю Орацio. Орацio ее принялъ, и видя, что враговъ болѣе не существовало, повелъ своего плѣнника къ Иренѣ.

III.

Новые союзники — и новыя бѣды.

За девятнадцатымъ вѣкомъ нельзя не признать значительныхъ заслугъ въ сферѣ прогресса. Я уже не говорю о громадности этого прогресса въ области точныхъ и естественныхъ наукъ, но обращаю вниманіе читателя только на нравственные успѣхи человѣчества.

Освобожденіе Италіи отъ духовнаго господства—одинъ изъ такихъ успѣховъ. Хотя дѣло это еще не вполнѣ осуществилось, но оно быстрыми шагами приближается къ своему концу.

И сами патеры больше всего содѣйствуютъ скорому приближенію этого конца.

Кто можетъ вычислить, на сколько могло бы усилиться папство, еслибы Пій IX продолжалъ начатое имъ нѣкогда дѣло реформы? Но Провидѣніе для блага Италіи ослѣпило честолюбиваго старика—и онъ очутился на пути своихъ предшественниковъ. Онъ сошелся съ чужеземцами и продаетъ имъ кровь своихъ единоплеменниковъ!

Итальянскій народъ, при солнечномъ свѣтѣ увидалъ, какъ папскіе слуги, съ распятіемъ въ рукахъ, появляются во главѣ чужеземныхъ войскъ [1], какъ они повсюду поддерживаютъ раздоры и возбуждаютъ разбойничество, отъ котораго уже столько пострадали наши южныя провинціи; какъ они не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ, ради безповоротнаго противодѣйствія единству Италіи, начало котораго такъ счастливо достигнуто нами.

Сближеніе аристократіи съ народомъ—тоже великое знаменіе прогресса нашего времени.

Хотя между высокорожденными и попадаются еще и въ наши дни люди злые и сильные, подъ масть средневѣковымъ баронамъ, готовые давить народъ безъ пощады и вздыхающіе объ утерянномъ «правѣ первой ночи», но ихъ едва-ли осталось еще много и бо̀льшая часть такъ-называемыхъ *благородныхъ* — дѣйствительно благородны по своему образу мыслей и дѣйствій. Они съ нами, они за народъ и часто наши стремленія тѣ же, что и ихъ стремленія.

Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Т. Если онъ и предпринялъ осаду замка, то, какъ мы уже говорили, на основаніи ложнаго предположенія, что Ирена попала въ руки убійцъ. Когда же онъ узналъ, что люди, противъ которыхъ онъ шелъ, были людьми совершенно инаго рода, и вдобавокъ римляне, то онъ почувствовалъ гордость, что его земляки такъ смѣлы и храбры. Обязанный, сверхъ того, жизнью великодушію Орацiо, онъ сразу призналъ въ немъ достойнаго мужа своей любимой сестры. Ирена, увидя своего двоюроднаго брата, напомнившаго ей отца, много плакала и просила у него прощенія; князь нѣжно обнялъ сестру и просилъ не вспоминать прошлаго, поздравляя ее съ удачнымъ выборомъ мужа.

---

[1] Я самъ видѣлъ монаховъ впереди австрійскихъ войскъ, шедшихъ противъ насъ. *Прим. Гарибальди.*

Орацiо, находившiйся при этой сценѣ, возвратилъ князю шпагу, со словами: «Люди храбрые и подобные вамъ, не должны быть лишаемы оружiя». Князь съ благодарностью пожалъ жесткую руку гордаго сына лѣсовъ.

Во время этой сцены появились въ зàмкѣ Аттилiо, Муцiо и Сильвiо съ семью своими товарищами. Десять храбрецовъ, появившихся такъ кстати и неожиданно въ лѣсу — были именно они. Сильвiо зналъ отлично зàмокъ Лукулла, и прежде часто бывалъ гостемъ Орацiо, такъ-какъ онъ былъ посредникомъ между городскими и сельскими друзьями свободы. Поэтому онъ сталъ проводникомъ небольшаго числа римскихъ гражданъ, узнавшихъ о бѣдѣ, грозившей замку и Орацiо, и съ ними вмѣстѣ явился въ лѣсу во время осады, какъ мы видѣли — съ огромной удачей.

Нужно ли разсказывать, какую радость въ зàмкѣ произвело появленiе нашихъ друзей. И Джулiя и Клелiя — были на седьмомъ небѣ отъ восторга.

Радовался и Орацiо встрѣчѣ съ ними, радовался онъ также и сближенiю съ княземъ, который въ новомъ для него обществѣ совершенно переродился. Великодушный и честный по своей натурѣ, князь въ душѣ давно уже страдалъ отъ униженiя своего отечества и искренно желалъ увидѣть его свободнымъ отъ духовнаго и чужеземнаго господства, но воспитанный вдали отъ Рима, и при иныхъ условiяхъ, нежели либеральная римская молодежь, посвятившая себя дѣлу освобожденiя, онъ силою обстоятельствъ оставался до этихъ поръ чуждымъ дѣлу нацiональнаго движенiя. Мало того, въ угоду отцу, онъ вступилъ въ папское войско, и этимъ загородилъ себѣ повидимому всякое сближенiе съ либеральными дѣятелями.

Но за то теперь, повязка спала съ его глазъ. Онъ понялъ, до какого героизма можетъ доводить страстное желанiе освобожденiя своего отечества, сразу оцѣнилъ добрыя качества своихъ новыхъ друзей, увлекся ими и рѣшилъ самъ съ собою вознаградить потерянное время, и съ этихъ поръ вполнѣ посвятить себя святому дѣлу Италiи.

Богатый и сильный, онъ могъ быть весьма полезенъ новымъ своимъ друзьямъ, а они съ своей стороны гордились тѣмъ довѣрiемъ, которое съумѣли вселить къ себѣ въ его сердцѣ.

Несмотря на успѣшное окончанiе дѣла, Орацiо однакоже не дремалъ. Онъ понялъ, что для правительства было важно открытiе существованiя зàмка и что оно, конечно, узнавъ уже разъ его мѣстонахожденiе, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не раззоритъ окончательно враждебнаго для него гнѣзда, хотя бы

для этого пришлось высылать противъ замка значительное войско и даже артиллерію. Поэтому на домашнемъ совѣтѣ между Орацiо, княземъ и Аттиліо было рѣшено, что замокъ необходимо на время оставить, если и не тотчасъ, такъ-какъ на военныя приготовленія правительству необходимо было все-таки употребить нѣкоторое время, то все-таки по возможности въ скоромъ времени. Въ отношеніи князя было рѣшено, что онъ отправится въ Римъ обратно, гдѣ его присутствіе можетъ быть полезно для друзей во многихъ отношеніяхъ. Рѣшено было, что онъ подастъ въ отставку, заявивъ кардиналу, что онъ выпущенъ изъ плѣна на единственномъ условіи, скрѣпленномъ его честнымъ словомъ, что онъ не станетъ дѣйствовать противъ Орацiо. На просьбу князя — признать его союзникомъ, Аттиліо отвѣтилъ небольшою записочкою (которую, въ случаѣ надобности, весьма удобно было проглотить) къ Регуло, гдѣ рекомендовалъ князя, какъ единомышленника. На обязанность князя возложили сообщеніе всѣхъ свѣдѣній, какія ему по его положенію удастся вызнавать, прежде другихъ — Регуло.

Въ первый же день послѣ осады были погребены всѣ умершіе, а раненымъ оказана необходимая помощь. Замѣчательно, что всѣ убитые и тяжело раненые были изъ папскаго войска. Изъ защитниковъ замка только трое получили незначительныя раны. Впрочемъ, кто знакомъ съ военною статистикою, тотъ не станетъ этому удивляться, такъ-какъ во всѣхъ сраженіяхъ количество раненыхъ и убитыхъ соотвѣтственно степени храбрости сражающихся; побѣдители обыкновенно теряютъ несравненно меньше людей, чѣмъ побѣжденные, а особенно вынужденные обратиться въ бѣгство.

Въ первую же ночь князь уѣхалъ въ Римъ и проводникомъ ему былъ... Гаспаро. Превращеніе стараго бандита въ искренняго либерала (и это Гаспаро доказалъ своими дѣйствіями во время осады) можетъ показаться для читателя страннымъ, но подобныя превращенія совершенно въ порядкѣ вещей. Я всего менѣе пессимистъ и глубоко вѣрую въ возможность исправленія самаго закоренѣлаго преступника. Я твердо вѣрю въ добрую природу человѣка, и если люди не улучшаются замѣтно съ ходомъ прогресса — то вся вина въ этомъ падаетъ на неумѣнье правительствъ. Кроткія мѣры и снисходительность — однѣ способны направить даже самаго злаго человѣка на хорошій путь, точно такъ же какъ ласкою можно укрощать даже дикихъ звѣрей.

Итальянскій народъ испорченъ, но чего же и ждать отъ народа, повергнутаго въ нищету чрезмѣрными податями, налогами

и акцизами, когда онъ при этомъ хорошо знаетъ, что всѣ эти поборы идутъ вовсе не на защиту государства, въ видахъ поддержанія національной чести, какъ это ему говорятъ, а на утучненіе цѣлой массы паразитовъ всякаго рода, всякихъ наименованій, паразитовъ, играющихъ по отношенію къ народу роль — насѣкомыхъ на растеніи, червей на трупѣ.

Кто станетъ отрицать, что населеніе южныхъ итальянскихъ провинцій было нравственнѣе въ 1860 году, при порядочномъ управленіи, нежели какимъ оно представляется теперь?

Тогда разбойничество почти не существовало, и во всей полицейской организаціи, какую мы теперь видимъ, тамъ не было даже и надобности. Теперь, при громадномъ количествѣ расходовъ, поглощаемыхъ содержаніемъ этой организаціи, тамъ и анархія, и нищета, и разбои. Такъ разсѣялись мечты населенія этихъ провинцій, которое, послѣ столькихъ вѣковъ тиранніи, послѣ блистательной революціи 1860 года, надѣялось имѣть наконецъ правительство, способное залечить ихъ вѣковыя раны, ждало отдохновенія, благосостоянія и прогресса!

Мудрено ли, что на прошлое Гаспаро, обществоОраціо взглянуло снисходительно и поручило ему сопровождать князя.

Опасенія Ораціо — сбылись. Папское правительство рѣшило немедленно напасть на за́мокъ не только при помощи всего своего войска и артиллеріи, но и при содѣйствіи иностраннаго войска. Для командованія экспедиціей былъ приглашенъ французскій генералъ съ извѣстнымъ именемъ, и предпріятіемъ торопились, чтобы успѣть произвести осаду къ первому дню пасхи. Всѣ приготовленія велись конечно въ тайнѣ, но Регуло и князь съумѣли все разузнать и своевременно предупредили Ораціо.

Ораціо воспользовался полученными свѣдѣніями, былъ наготовѣ встрѣтить всякую случайность, и имъ тщательно и прежде всего были осмотрѣны подземелья за̀мка, хорошо зналъ которыя особенно Гаспаро, уже воротившійся изъ Рима.

Римскія подземелья и катакомбы вообще заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первые христіане, гонимые римскими императорами-язычниками, весьма часто спасались въ катакомбахъ отъ ужаса преслѣдованія ихъ. Эти же мѣста служили имъ сборными пунктами для совѣщаній и совершенія обрядовъ ихъ новой религіи.

Подземелья давали также пріютъ всѣмъ гонимымъ и преимущественно рабамъ, съ жизнью и смертью которыхъ не церемонились чудовища въ родѣ Нерона, Каракаллы, Геліогобала и т. д.

Подземелья устроивались съ различными цѣлями: одни служили для храненія труповъ, другія прорывались для проложе-

нія водопроводныхъ трубъ, несшихъ цѣлые потоки прѣсной воды въ метрополію, когда число ея жителей превышало двухмилліонную цифру. Въ послѣднемъ смыслѣ особенно замѣчательно подземелье, называемое Cloaca Maxima, идущее отъ Рима къ морю. Кромѣ того много частныхъ богатыхъ людей не жалѣли громадныхъ затратъ на прорытіе подземелій, чтобы спасаться въ нихъ отъ грабительства императоровъ. Въ болѣе близкое намъ время подобныя подземелья служили убѣжищемъ отъ набѣговъ и рѣзни варваровъ. Почва Рима и его окрестностей, состоящая изъ вулканическаго туфа, представляетъ соединеніе всѣхъ благопріятныхъ условій для прорытія подземелій. Она уступчива для раскопокъ и въ то же время достаточно тверда для того, чтобы возводимые изъ нея стѣны и своды представляли собою достаточную прочность. Мнѣ не разъ случалось видѣть, что подземелья служили убѣжищемъ для цѣлыхъ стадъ и жилищемъ для пастуховъ.

Орацiо хотѣлъ воспользоваться подземельемъ главнѣйше для того, чтобы этимъ путемъ препроводить незамѣтно въ Римъ тяжело-раненыхъ, которыхъ сопровождали раненые легко, также какъ и сосѣдніе пастухи.

Я уже сказалъ, что наиболѣе тяжело-раненыхъ было изъ числа папскихъ солдатъ, но всѣ они перешли на сторону Орацiо, такъ-какъ во всей Италіи едва-ли найдется сколько нибудь честный солдатъ, который охотно служилъ бы папѣ. Когда пробьетъ для Рима часъ освобожденія отъ духовнаго господства — можно сказать навѣрно, что ни одинъ солдатъ не станетъ служить дѣлу папы. Защищать его останутся только чужеземцы-наемщики.

Удаливъ раненыхъ, помѣстивъ въ подземелье все, что только было болѣе цѣннаго и необходимаго въ зàмкѣ, запасшись провизіей на продолжительное время, разставивъ повсюду, гдѣ это было необходимо, часовыхъ и лазутчиковъ, Орацiо спокойно ожидалъ нападенія. Общество его значительно увеличилось съ приходомъ Аттиліо и его товарищей, съ присоединеніемъ къ бандѣ нѣкоторыхъ изъ папскихъ солдатъ и съ прибытіемъ изъ Рима нѣсколькихъ молодыхъ людей, которыхъ побудилъ къ этому слухъ о недавней побѣдѣ Орацiо. Всего въ бандѣ насчитывалось около 60 человѣкъ, разумѣется, не считая женщинъ.

Главное начальство надъ бандой принадлежало, по общему согласію, Орацiо, несмотря на то, что Аттиліо нѣкогда былъ во главѣ трехсотъ и считался главою римскаго движенія. Орацiо раздѣлилъ банду на четыре отряда, командованіе которыми было имъ поручено Аттиліо, Муціо, Сильвіо и Эмиліо, про-

званному Антикваріемъ, который до прибытіи Аттиліо былъ первымъ лицомъ въ бандѣ послѣ Ораціо. Съ прибытіемъ Аттиліо, Эмиліо передалъ ему свою власть, хотя тотъ отъ нея и отказывался, и рѣшился наконецъ ее принять только по усиленнымъ настояніемъ Ораціо, который говорилъ, что въ случаѣ его отказа и онъ сложитъ съ себя главное начальствованіе.

Такимъ самоотреченіемъ отличались наши защитники свободы. Освободить отечество или умереть! было ихъ девизомъ, и они не обращали никакого вниманія на мелкія отличія, которыми обыкновенно деспотизмъ портитъ одну половину націи, къ крайнему ущербу и усиленному гнету другой.

IV.

Римское войско.

«Теперь мнѣ приходится говорить о прекрасной странѣ, гдѣ человѣкъ является болѣе сильнымъ и могущественнымъ, нежели гдѣ бы то ни было, гдѣ чудеса энергіи и развитаго чувства не составляютъ рѣдкости. Земля, о которой я буду говорить, священна для человѣчества, такъ-какъ изъ нея вышелъ тотъ свѣтъ, который заблисталъ на весь міръ.

«И въ этой странѣ, вслѣдъ за эпохою могущественныхъ проявленій жизни, наступилъ сумракъ смерти. И въ этой странѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчаются только пустыни, покрытыя лѣсами и топями, гдѣ безотрадное молчаніе смѣнило тревожные и радостные звуки кипѣвшей нѣкогда жизни.

«Города покорителей міра исчезли, но множество развалинъ и памятниковъ древности еще громко напоминаютъ о минувшемъ величіи исчезнувшихъ поколѣній. Голосъ этотъ прорывается сквозь безмолвіе цѣлыхъ столѣтій, и латинскія мѣстности, несмотря на все свое раззоренное состояніе, представляются все-таки величественными.

«Суровая природа пустыни придаетъ особенную торжественность развалинамъ городовъ, гробницамъ и всѣмъ памятникамъ славнаго прошлаго. Посреди пустыни, на каждомъ шагу, путнику попадаются слѣды такого могущества, которое устрашаетъ его мысль. Часто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, на одномъ и томъ же обломкѣ камня, онъ прочтетъ исторію временъ самыхъ отдаленныхъ между собою. Передъ нимъ встанутъ какъ живые и страданія, и радости отжившихъ поколѣній. Вотъ колонны языческаго храма, въ которомъ древніе жрецы заставляли своихъ оракуловъ дѣлать прорицанія, помогавшія имъ держать массы

народа въ невѣжествѣ и незнаніи, а вотъ колонны другого храма, жрецы котораго, болѣе близкіе къ намъ по времени, тоже съумѣли изъ религіи сдѣлать орудіе самаго тяжкаго деспотизма. Тутъ цѣлая исторія скорби народа, старой забытой и новой, забвеніе которой еще далеко не наступило.

«Если путника можетъ повергнуть въ скорбь откликъ страданія несчастныхъ, которыхъ нѣкогда гордые патриціи оставляли погибать въ рвахъ и пещерахъ, то еще бо̀льшую скорбь должны въ немъ вызвать отзывы живаго крика страдальцевъ, томящихся донынѣ въ папскихъ темницахъ. Если въ нѣдрахъ земли покоится не мало праха древнихъ народныхъ защитниковъ, то хранитъ эта же земля не меньше останковъ мучениковъ, павшихъ еще недавно и погибающихъ и платящихъ своею кровью еще въ наши дни, за великое дѣло освобожденія родины отъ господства духовнаго.

«Но, задумываясь надъ бѣдствіями давно минувшаго и настоящаго, путникъ, несмотря на всю свою скорбь, ощущаетъ въ мысли своей нѣкоторую бодрость, видя, что его современники, несмотря на то, что цѣлыя столѣтія отдѣляютъ ихъ отъ славныхъ «отцовъ», съумѣли сохранить въ себѣ ихъ энергію для борьбы съ тираніею и замѣчая въ исторіи судебъ нашего несчастнаго отечества, что бѣдствія его никогда не продолжались особенно долго»[1].

Этимъ поэтическимъ отрывкомъ изъ сочиненія нашего славнаго автора исторіи древней Италіи, я счелъ удобнымъ замѣнить непосильное для меня сравненіе нашего настоящаго съ доблестями древняго Рима героическаго времени, такъ-какъ мнѣ приходится сказать свое слово о томъ сборищѣ итальянцевъ и чужеземцевъ, которое носитъ въ наши дни громкое названіе *римскаго войска*. Мнѣ кажется, что послѣ словъ Ванучи — легко понять, что̀ за люди могутъ составлять толпу, главное назначеніе которой защита папы, безсильнаго внушить къ себѣ въ римлянахъ всякое иное чувство, кромѣ презрѣнія.

Да, много усилій нужно было употребить патерамъ, чтобы въ странѣ, гдѣ «человѣкъ проявляется болѣе сильнымъ и могущественнымъ, нежели гдѣ бы то ни было», организовать себѣ войско изъ отчаянной сволочи!

Войско это составлено изъ римлянъ, надъ которыми надзираютъ чужеземцы, и изъ чужеземцевъ, находящихся подъ надзоромъ жандармовъ. И тѣ и другіе одинаково продажны, и тѣ и другіе — одного поля ягода.

---

[1] «Лаціумъ, его обитатели и города. Преданія о первыхъ вѣкахъ Рима, его императорахъ, революціяхъ и борьбѣ съ тираніей» (Атто Ванучи. Гл. I).

Званіе папскаго солдата пользуется всеобщимъ презрѣніемъ; чужеземцы вступаютъ въ ряды ихъ подъ предлогомъ ихъ облагороженія. Между тѣми и другими постоянный раздоръ, хотя преимущество все-таки остается на сторонѣ римлянъ, не умѣющихъ сгубить въ себѣ окончательно всякій слѣдъ прежней доблести.

Таково современное римское войско, и вотъ отчего наши изгнанники, зная о всѣхъ планахъ правительства, могли спокойно ожидать нападенія. Нападеніе это со дня на день все откладывалось, такъ-какъ въ папской пародіи на войско постоянно возникали новые раздоры и несогласія.

Чужеземцы хотѣли при аттакѣ составлять правый флангъ; римляне, считая себя по справедливости храбрѣе иноземцевъ, не хотѣли имъ уступать этой чести. Духовенство, неумѣвшее возстановить порядка, то выходило изъ себя отъ бѣшенства, то предавалось унынію и боязни.

Такимъ образомъ, первый день Пасхи, предназначенный для истребленія *разбойниковъ*, едва не сдѣлался днемъ гибели папскихъ наемщиковъ, и сдѣлался бы имъ непремѣнно, еслибы *умѣренныя* партіи итальянцевъ не сдерживали нетерпѣливыхъ римлянъ своими призывами къ «умѣренности и порядку».

Однако, Регуло и съ нимъ бо̀льшая часть трехсотъ, несмотря на призывы умѣренныхъ, не хотѣли остаться въ полномъ бездѣйствіи и, чтобы хотя нѣсколько повредить своему исконному врагу, приняли такой планъ: они возмутили римскую часть войска, которая, подъ предлогомъ того, что она должна составлять правый флангъ, отказалась идти въ походъ. Офицеровъ, думавшихъ принудить солдатъ къ исполненію своихъ приказаній — не слушались, а когда они для усмиренія возстанія призвали противъ своихъ—чужеземцевъ, то началась такая схватка, которая сдѣлалась жесточе всякаго сраженія... и чужеземцы со стыдомъ должны были ретироваться въ свои казармы.

Однимъ изъ самыхъ энергическихъ возмутителей войска былъ нашъ знакомецъ Дентато, которому какимъ-то чудомъ удалось выбраться живымъ изъ тюрьмы. Поклявшись въ непримиримой враждѣ къ своимъ гонителямъ, онъ ожидалъ только благопріятнаго случая имъ отомстить, и когда схватка окончилась, зная, что ему и его драгунамъ не предвидѣлось ничего хорошаго, еслибы они оставались въ Римѣ, онъ ускакалъ съ ними въ банду Орацію, гдѣ разсказъ его обо всемъ случившимся — былъ выслушанъ, конечно, съ особеннымъ удовольствіемъ и послужилъ къ общему веселью.

*

V.

Бракъ.

Изъ всѣхъ соглашеній, въ которыя люди входятъ добровольно, бракъ представляетъ наиболѣе почтенное и святое. Два лица вступаютъ въ связь на всю жизнь для обоюднаго счастія и становятся дѣйствительно счастливыми, если только достойны этого.

Достойны же они этого только тогда, когда, заключая бракъ, каждый думаетъ о счастіи другаго, когда основою брака — любовь чистая, которую еще древніе отличали отъ любви физической.

Всякій разсчетъ, всякія меркантильныя соображенія пятнаютъ подобное соглашеніе, обращая его въ грубую сдѣлку.

Люди уже улучшаются, едва они только думаютъ вступить въ бракъ. Они желаютъ обоюдно нравиться — почему и стараются быть лучше, чѣмъ были до тѣхъ поръ.

Сознаніе счастія въ бракѣ точно также способствуетъ нравственному совершенствованію супруговъ. Дѣти — улучшаютъ ихъ еще болѣе, дѣлая ихъ болѣе гуманными по отношенію къ другимъ людямъ, можетъ быть изъ простого разсчета, чтобы и другіе были гуманны и по отношенію къ ихъ дѣтямъ.

Къ несчастію невѣрность, почти постоянный спутникъ большинства современныхъ браковъ, но при этомъ съ чьей бы стороны ни происходила измѣна, измѣняющій, если только онъ не зачерствѣлъ въ порокахъ, всегда страдаетъ отъ упрековъ совѣсти, и весьма многіе супруги отдали бы многое, чтобы вернуться къ прежней своей чистотѣ, и еслибы это было возможно, вернувъ ее, съумѣли бы съ бо̀льшею твердостью противустать искушеніямъ.

Если эти строки попадутся на глаза людямъ молодымъ и еще чистымъ, то я хотѣлъ бы, чтобы они запомнили мой совѣтъ о сохраненіи супружеской вѣрности. Этимъ они предохранили бы себя отъ множества безполезныхъ страданій и даже при самой скромной обстановкѣ жизни, могли бы испытать возможное на землѣ счастіе. При добромъ согласіи мужа и жены, даже всякія бѣдствія переносятся супругами легче, чѣмъ людьми одинокими, и объ нихъ иногда даже сохраняется вовсе не тяжелое воспоминаніе, такъ-какъ самое бѣдствіе было смягчено ласками дорогаго существа.

Католическіе патеры и изъ брака, какъ и изъ крещенія, какъ и изъ воспитанія дѣтей, съумѣли сдѣлать себѣ монополію.

. . . .

Римъ—городъ, въ которомъ статистики насчитываютъ наибольшее число незаконныхъ рожденій. Проституція внѣ брака въ этомъ городѣ громадна. Но проституція въ бракѣ едва-ли еще не сильнѣе...

. . . .

Сильвія видѣла необходимость соединенія Аттиліо и Клеліи. Манліо, къ совѣту котораго она могла бы въ этомъ случаѣ обратиться, былъ далеко. Oраціо былъ единственнымъ представителемъ гражданской власти, и она простымъ чувствомъ отгадала, что его свидѣтельства было достаточно для прочности гражданскаго брака.

Бракъ Аттиліо и Клеліи былъ настоящимъ праздникомъ для всѣхъ обитателей замка. Особенно радовалась ему Ирена, нѣсколько лѣтъ назадъ сама справлявшая свою, подобную же «лѣсную свадьбу».

Обрученные поклялись другъ другу въ вѣрности у подножія величественнаго дуба. Джонъ украсилъ цвѣтами и свѣжими вѣтвями все пространство вокругъ этого дуба, и яркое солнце озарило счастливыя лица новобрачныхъ.

Вся патріархальная церемонія лѣснаго брака продолжалась всего нѣсколько минутъ, но все общество присутствовало при ней съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Ирена привѣтствовала молодыхъ слѣдующими словами:

«Вы совершили, дорогіе—великое дѣло. Отнынѣ вы навсегда принадлежите другъ другу. Отнынѣ и достояніе ваше, и горе, и радости—все общее. Въ своей обоюдной любви и уваженіи вы найдете прочное и положительное благо. Взаимное сочувствіе облегчитъ для васъ даже самыя бѣдствія, если они вамъ предстоятъ. Вы мужъ и жена передъ Богомъ и людьми и Богъ благословляетъ вашъ союзъ».

Брачный контрактъ, подписанный обоими супругами, былъ скрѣпленъ подписью Opaціо.

По окончаніи церемоніи молодые сѣли за праздничный обѣдъ, сопровождавшійся необычайнымъ одушевленіемъ всего общества. За обѣдомъ было провозглашено нѣсколько тостовъ, пѣли хоромъ патріотическія пѣсни, а маленькій Джонъ, тоже не желая отставать отъ другихъ, звучнымъ альтомъ пропѣлъ «God save the Queen» и «Rule Britannia».

Въ то время, когда обитатели замка, не опасаясь медленныхъ сборовъ къ ихъ преслѣдованію, затѣянному папскимъ правительствомъ, мирно проводили свое время, другіе наши друзья не забывали объ нихъ.

Послѣ бури, едва не потопившей «Клеліи», яхта благополучно вошла въ портъ Лонгоне. Гостепріимные жители окрестныхъ деревень съумѣли заставить Джулію, Манліо и Аврелію забыть скуку бездѣйствія, во все время, которое требовалось для приведенія яхты въ надлежащій видъ. Джулія была очень довольна знакомствомъ съ простотою нравовъ и патріархальностью быта сельскихъ жителей Италіи. Едва яхта стала на якорь, какъ обитатели небольшой деревни мыса Либери пристали къ яхтѣ на двухъ шлюпкахъ и объявили, что у нихъ большая просьба къ капитану судна. Просьба состояла въ томъ, что они просили капитана быть крестнымъ отцомъ новорожденнаго, такъ-какъ, по обычаю ихъ мѣстности, хозяева судовъ обыкновенно крестятъ всѣхъ, родящихся въ ихъ деревнѣ. Томсонъ, конечно, согласился. Джулія была крестной матерью. Такимъ образомъ, породнившись съ мѣстными жителями съ перваго шага на твердую землю, наши друзья проводили все время стоянки пріятно и незамѣтно. Когда они сходились всѣ вмѣстѣ, то не уставали говорить и вспоминать о Клеліи, Сильвіи, Аттиліо и Муціо; когда расходились, каждый отдавался своему дѣлу. Манліо обдумывалъ мраморную группу, главнымъ лицомъ которой должна была быть Джулія. Группу эту онъ разсчитывалъ высѣчь изъ мрамора немедленно по возвращеніи въ Римъ. Томсонъ педантически наблюдалъ за починкою яхты и почувствовалъ въ то же время нѣкоторую простительную слабость къ Авреліи, отчасти увлеченный ея добродушіемъ, отчасти сообразуясь съ испанской пословицей, что «Tiempro d'hambro no hai panduro» (при голодѣ нѣтъ хлѣба, который казался бы черствъ). Аврелія, какъ женщина свободная, не видѣла причинъ отказывать въ своемъ вниманіи «морскому волку», въ которомъ, однако, не было ничего страшнаго, и они къ обоюдному удовольствію сблизились весьма интимно. Джулія наблюдала мѣстные нравы, наслаждалась природой, много гуляла и рѣшила окончательно приготовить прочное убѣжище для всѣхъ нашихъ друзей. Что̀ она для нихъ придумала — мы сейчасъ увидимъ.

VI.

Уединенный островъ.

Въ Итальянскомъ архипелагѣ, начинающемся на югъ отъ Сициліи и оканчивающемся къ сѣверу Корсикой, находится небольшой островъ, почти пустынный. Почва его состоитъ изъ одного гранита, но на немъ нѣсколько источниковъ прѣсной воды, хотя лѣтомъ они отчасти засыхаютъ. Островъ покрытъ роскошною растительностью, хотя растенія бо̀льшею частью невысоки и принадлежатъ къ кустарниковымъ. Бури вырываютъ ихъ изъ земли безъ всякой жалости. Воздухъ, вслѣдствіе постоянныхъ морскихъ вѣтровъ, необычайно здоровый. Растенія по бо̀льшей части ароматическія, и когда путнику, занесенному случаемъ на островъ, приходится разводить костеръ, то горящія вѣтви распространяютъ вокругъ бальзамическій запахъ.

Немногочисленный скотъ, бродящій по горнымъ уступамъ, отличается своею крѣпостью, хотя вообще малорослъ. Небольшое число обитателей острова живутъ безъ роскоши, но съ изобиліемъ; охота, рыбная ловля, а отчасти и земледѣліе—вознаграждаютъ съ избыткомъ ихъ трудъ. Все же остальное, необходимое для жизни, доставляется имъ друзьями съ материка.

Жителей такъ мало, что на островѣ нѣтъ ни властей, ни полиціи, ни патеровъ. Богу молятся тамъ въ обширномъ храмѣ природы, куполомъ котораго небо, а паникадилами — солнце, луна и звѣзды.

Глава небольшой семьи жителей, пользующійся какъ бы первенствомъ на островѣ,—человѣкъ простой и обыкновенный, испытавшій на своемъ вѣку довольно и горя и радостей. Онъ имѣлъ счастіе оказать кое-какія услуги своему отечеству и угнетеннымъ землякамъ, но, какъ всякій человѣкъ, не свободенъ отъ различныхъ слабостей и недостатковъ. Будучи въ сущности космополитомъ, онъ, однако, безпредѣльно любитъ свое отечество — Италію, а Римомъ просто околдованъ. Онъ не любитъ патеровъ, какъ распространителей мрака и нищеты своего отечества, но лично каждому патеру онъ готовъ все простить, еслибы кто изъ нихъ высказался просто человѣкомъ. Несмотря, однако, на свою крайнюю терпимость и снисходительность, онъ безпощадный врагъ тѣхъ патеровъ, которые губятъ все чистое и возвышенное въ средѣ своей паствы.

Всю жизнь свою прожилъ онъ съ надеждою когда-нибудь увидѣть плебея нравственно-воскресшимъ, вездѣ и всюду онъ

стоялъ за его права — и постоянно. Но, къ крайнему своему прискорбію, онъ долженъ сознаться, что онъ обманывался, такъ-какъ ему не однажды случалось видѣть, какъ плебеи, взысканные счастіемъ и поднявшись въ своемъ общественномъ положеніи, вступали въ стачки съ деспотизмомъ и становились чуть ли не хуже любаго патриція.

Это, однакожь, не разувѣрило его въ возможности совершенствованія человѣчества, а заставило только сокрушаться о томъ, что прогрессъ вообще двигается такъ медленно.

Главнѣйшими врагами свободы народовъ онъ считаетъ демократическихъ или республиканскихъ доктринеровъ, которые сѣяли или сѣятъ революціи, ради самой революціи или въ видахъ личнаго возвышенія. Онъ увѣренъ, что подобные люди погубили всѣ возникавшія республики и, мало того, опозорили самое имя и значеніе республики. Для доказательства достаточно вспомнить, что даже великая французская революція 1789 года служитъ до сихъ поръ, благодаря имъ, какимъ-то пугаломъ и страшилищемъ, противъ тѣхъ, кто оказывается приверженцемъ этого образа правленія.

По его мнѣнію, лучшее правительство — правительство честныхъ людей. Въ подкрѣпленіе этой мысли онъ можетъ привести въ примѣръ паденіе всѣхъ республикъ, едва граждане, управлявшіе ими, переставали быть добродѣтельными и предавались порокамъ.

По его мнѣнію, свобода Италіи осуществилась бы тогда, когда народъ получилъ бы право имѣть выборное правительство, ему соотвѣтствующее. По его мнѣнію, такое правительство должно быть диктаторіальное, т.-е. единовластное. Такой формѣ правленія обязаны своею славою наиболѣе великіе народы земли.

Разумѣется, горе тѣмъ, кто вмѣсто Цинцината не съумѣетъ избрать никого, кромѣ Цезаря.

Диктатура въ Италіи должна быть ограниченною опредѣленнымъ срокомъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ, подобныхъ, напримѣръ, состоянію Соединенныхъ Штатовъ при Линкольнѣ, во время послѣдней войны, она можетъ быть продолжена. Наслѣдственность власти для Италіи несоотвѣтственна.

Впрочемъ, онъ чуждъ исключительности и полагаетъ, что хорошъ всякій такой образъ правленія, который желателенъ дѣйствительно для большинства націи, каковъ бы онъ ни былъ, такъ-какъ тогда онъ стоитъ республики. Для уясненія своей мысли онъ укажетъ хотя на Англію.

Къ современнымъ правительствамъ Европы онъ привыкъ относиться критически.

. . . .

Постоянныя арміи, и массы чиновниковъ, по его мнѣнію — зло. Испорченность народа поддерживается еще тѣмъ, что непроизводительные классы недовольствуются, для удовлетворенія своей страсти къ роскоши, пороковъ и прихотей, умѣреннымъ употребленіемъ богатствъ, но каждый хочетъ уничтожать несѣянное, по крайней мѣрѣ, за пятдесятъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, трудящаяся часть народа обременена повсюду непосильными налогами, а лучшій цвѣтъ ея молодежи насильственно отрывается отъ земледѣлія или полезныхъ ремеслъ и промысловъ. Предлогомъ для этого служитъ «защита отечества», но часто этимъ громкимъ словомъ прикрывается поддержаніе правительственнаго порядка, невыносимаго для народа. Опустѣніе и безплодіе полей, нищета и ропотъ народа — вотъ весьма нерѣдкій результатъ подобной системы.

Такимъ образомъ, въ большей части европейскихъ государствъ, войско непроизводительно поглощаетъ цвѣтъ населенія и требуетъ для своего содержанія громадныхъ издержекъ. За то и войны не заставляютъ себя долго ждать. Иногда довольно малѣйшаго предлога, чтобы началось страшное кровопролитіе, какъ будто народы могутъ разрѣшать свои недоразумѣнія при помощи одной крови.

Отшельникъ думаетъ, что еслибы европейскія государства составили между собой международный союзъ, въ основаніе котораго легло бы отрицаніе войны и разрѣшеніе международныхъ недоразумѣній конгрессами, то война, этотъ бичь людей и стыдъ нашего времени, исчезла бы безслѣдно. Тогда и въ постоянныхъ арміяхъ не было бы никакой надобности, и лучшія силы народа, вмѣсто того, чтобы посвящать свою дѣятельность безсмысленной рѣзнѣ, были бы обращены къ земледѣлію, промышленности и т. д., что̀, конечно, значительно способствовало бы усиленію благоденствія во всѣхъ націяхъ.

Таковы основныя убѣжденія отшельника и, каюсь, также и мои.

Этотъ-то островъ, гдѣ находился отшельникъ, вспомнила Джулія, обдумывая, гдѣ бы наши друзья могли найти себѣ вѣрное убѣжище. Манліо вполнѣ одобрилъ ея мысль и они рѣшили предварительно посѣтить островъ, откуда яхта могла бы снова уплыть къ континенту, для отысканія лицъ, остававшихся еще въ Италіи.

VI.

Отшельникъ.

Было одно изъ тѣхъ утръ, въ которыя человѣкъ невольно забываетъ всѣ скорби и бѣдствія жизни для того, чтобы всецѣло предаваться восхищенію красотами природы.

Веселая, ранняя заря расцвѣтила все небо свѣтлыми красками. Звѣзды, незадолго до того мелькавшія въ вышинѣ, блѣднѣли и таяли въ лучахъ яркаго сіянія восходившаго свѣтила, благодѣтельствующаго всему существующему. Легкій вѣтерокъ едва рябилъ поверхность Средиземнаго моря. Было свѣтло и радостно; дышалось необыкновенно легко.

«Клелія», подгоняемая незначительнымъ вѣтромъ съ востока, шла, граціозно покачиваясь, къ островку и съ палубы ея уже было видно, какъ этотъ островокъ массой пепельнаго цвѣта подымался изъ морской синевы.

Переходъ «Клеліи», вышедшей наканунѣ изъ порта Лонгоне, былъ спокойный и счастливый, чему, конечно, особенно радовались его римскіе пассажиры, невошедшіе еще особенно во вкусъ морскихъ удовольствій. Скоро яхта была замѣчена жителями острова, съ сѣверной его части.

Джулія уже не впервые посѣщала уединенный островъ, и каждый разъ прибытіе ея яхты было настоящимъ праздникомъ для его обитателей. Новость о приближеніи яхты быстро разнеслась по всему острову, и чуть не всѣ жители, дѣти, женщины и старики высыпали на прибрежье къ гавани, чтобы встрѣтить гостей. Отшельникъ тоже послѣдовалъ за другими, хотя ему, въ его годы и при его немощахъ, было и нелегко угоняться за молодежью.

Путниковъ встрѣтили съ громкимъ привѣтомъ. Джулія рекомендовала отшельнику своихъ римскихъ друзей, и онъ пригласилъ все общество въ свое жилище.

Едва гости успѣли нѣсколько оглядѣться, отшельникъ обратился къ Джуліи съ вопросомъ:

— Ну, какія новости привезли вы къ намъ изъ Рима? Освободился ли онъ отъ чужеземныхъ войскъ? Уменьшилось ли хотя сколько-нибудь угнетеніе народа патерами?

— Увы! вздохнула Джулія: — бѣдствія народа еще не кончились, и Богъ знаетъ, когда еще суждено имъ окончиться; иноземныя войска, правда, отозваны, но замѣнены тотчасъ же другими, и правительство вашей родины продолжаетъ подчинять

римскихъ солдатъ иноземнымъ, для того, чтобы гнетъ папскаго господства неослабно поддерживался.

Потомъ, остановившись на нѣсколько мгновеній и какъ бы собираясь сказать нѣчто очень горькое, Джулія продолжала:

— Хотя я и англичанка по происхожденію, но сердце мое принадлежитъ Италіи. Поэтому, вы поймете хорошо, какъ тяжело и стыдно мнѣ высказать вамъ послѣднюю новость: Римъ никогда не будетъ столицей Италіи! Правительство отрекается отъ мысли его пріобрѣтенія, и это позорное рѣшеніе, прихоть Наполеона — освящено парламентомъ!

Отшельникъ съ тяжелымъ недоумѣніемъ взглянулъ на Джулію.

— Какъ! вскричалъ онъ послѣ недолгаго раздумья: — неужели же это правда? О, позоръ всему нашему времени! О, страшное и невѣроятное безстыдство! И такъ, Италія, нѣкогда столь славная и великая, навсегда опозорена! Страна, считавшаяся нѣкогда садомъ, обратилась въ помойную яму!... Вы легко поймете, Джулія, что народъ обезсиленный, становится уже народомъ мертвымъ... Я вижу, что ничего, кромѣ отчаянія въ будущности такого народа, не остается.

И старикъ, вынесшій столько походовъ и войнъ, ради народнаго дѣла, вытеръ слезу, невольно катившуюся изъ глазъ на его морщинистое лицо.

VII.

Годовщина 30-го апрѣля.

Раннимъ утромъ 30-го апрѣля 1849 года, къ коменданту Джіаниколо привезенъ былъ французскій сержантъ, какъ плѣнникъ, попавшій въ засаду волонтеровъ въ минувшую ночь.

Едва онъ приведенъ былъ къ коменданту, какъ напуганный разсказами римскихъ патеровъ о томъ, что всѣ защитники Рима не что иное, какъ убійцы и разбойники, палъ передъ нимъ на колѣни и именемъ божіимъ сталъ заклинать, чтобы его не убивали [1].

Комендантъ усмѣхнулся, поднялъ его съ колѣнъ, успокоилъ и, обращаясь къ окружавшимъ его лицамъ, произнесъ:

— Однако это хорошій знакъ! Мы вѣроятно побѣдимъ; тщеславные наши гости едва только пожаловали, и одинъ уже успѣлъ довольно оригинально заявить римскимъ защитникамъ свою храбрость!

---

[1] Это фактъ историческій. *Прим. Гарибальди.*

Предсказаніе это, какъ извѣстно, оправдалось въ тотъ же самый день. Французы, высадившіеся въ Чивитта-Веккіи, и подъ ложнымъ именемъ нашихъ друзей прокравшіеся до Рима, смѣясь надъ добродушіемъ и храбростію римлянъ, должны были быть наказаны и были прогнаны со стыдомъ на свои суда, гражданами Рима.

Римляне помнятъ это славное число 30-го апрѣля, но праздновать его годовщину имъ, понятно, не позволяетъ правительство. Однако мысль о томъ, чтобы торжествовать память этого дня, живетъ не въ одномъ Римѣ, а во всѣхъ городахъ, еще подвластныхъ папѣ. Въ Витербо, гдѣ, во время нашего разсказа, не было еще ни своего, ни чужаго войска, населеніе согласилось отпраздновать эту годовщину, для чего и были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія. Но если въ Витербо не было войска, то городъ этотъ не имѣлъ недостатка въ шпіонахъ—и римское правительство этими современниками рыцарями было обо всемъ заранѣе предувѣдомлено.

Праздничный комитетъ постановилъ, чтобы въ этотъ день послѣ полудня всѣ работы въ городѣ были прекращены. Вся молодежь въ праздничныхъ одеждахъ съ трехцвѣтными перевязями на правой рукѣ должна была собраться къ этому времени на соборной площади, и оттуда церемоніальнымъ шествіемъ направиться къ римскимъ воротамъ города, чтобы этимъ какъ заявить свой привѣтъ древнему городу, нѣкогда владычествовавшему надъ міромъ, такъ и выразить свое уваженіе къ доблести тѣхъ его гражданъ, участіе которыхъ сдѣлало этотъ день незабвеннымъ для Италіи.

Папское правительство струсило не на шутку и, чтобы помѣшать во что бы то ни стало осуществленію этой демонстраціи, приказало новымъ иноземнымъ войскамъ, только еще нанятымъ, ускореннымъ маршемъ идти въ Витербо.

Такимъ образомъ, въ то время, когда населеніе, какъ бы забывая о своемъ долгомъ рабствѣ, предавалось оживленію праздника, и молодежь, вернувшаяся съ шествія къ римскимъ воротамъ, разгуливала по площади, предшествуемая музыкантами, гремившими патріотическіе гимны, когда женщины, обыкновенно болѣе мужчинъ склонныя къ сочувствію ко всему честному и славному, наполняли балконы и привѣтно махали проходящимъ трехцвѣтными знаменами,—изъ тѣхъ самыхъ воротъ, откуда только что возвратилась процессія, показалась колонна иноземнаго войска. Съ заряженными ружьями, ускореннымъ шагомъ, войско это вошло на главную улицу Витербо, гдѣ еще гуляли жители.

Впереди войска шелъ полицейскій агентъ съ нѣсколькими помощниками и торжественнымъ тономъ потребовалъ отъ публики, чтобы она разошлась.

Громкій и дружный свистъ былъ отвѣтомъ на его рѣчь. Нѣсколько камней, ловко брошенныхъ, задѣли агента и его товарищей. Испуганный представитель власти спрятался за солдатъ и умоляющимъ голосомъ обратился къ ихъ начальнику.

— Рѣжьте, бейте ихъ — бога ради. Стрѣляйте и пожалуйста не щадите этихъ каналій!

Просьба эта была совершенно излишнею. Въ воображеніи начальника уже возникла мысль и наградѣ и отличіи; зная при томъ, что возбужденіе ненависти народа къ пришлому войску, вообще операція небезвыгодная, немедленно скомандовалъ: на штыки!

Жители Витербо не были нисколько приготовлены къ схваткѣ; при томъ и имъ, какъ и жителямъ другихъ итальянскихъ городовъ, революціонные комитеты запрещали въ то время всякое дѣйствіе, и потому они тотчасъ же разсѣялись по разнымъ улицамъ, чему значительно помогли наступавшія сумерки и то, что во всемъ городѣ женщины, въ одно мгновеніе ока, и повсюду загасили огни.

Наемщикамъ пришлось нападать только на однѣхъ собакъ, да на ословъ, которые возвращались изъ деревень, нагруженные провизіею. Собаки подняли страшный лай, ослы завыли.

Блистательное дѣло, слѣдовательно, должно было само собою окончиться. Было около 10 часовъ вечера и по всему городу царила торжественная тишина. Войско разбило на площади бивуаки и храбрые воины, увѣнчанные *лаврами* славнаго дня, предались отдохновенію... Прохожихъ на улицѣ почти не было, и среди царившей повсюду тишины было слышно, какъ въ «Гостиницѣ Луны» большой колоколъ звонилъ къ табльдоту. Въ этой лучшей гостиницѣ города было накрыто пятьдесятъ кувертовъ, и все сіяло тою роскошью, которая въ наши дни уже никого не удивляетъ, ибо встрѣчается повсюду.

Одновременно съ звукомъ раздававшагося колокола, у подъѣзда гостиницы остановилась карета, изъ которой вышла дама въ дорожномъ платьѣ. Хозяинъ гостиницы проводилъ свою гостью въ лучшій изъ нумеровъ, и спросилъ ее, не желаетъ ли она ужинать у себя въ комнатѣ, но она заявила желаніе явиться за табльдотомъ.

Зала, когда въ нее вошла новопріѣзжая, была уже полна. Ее наполняли, впрочемъ, большею частью офицеры иноземнаго войска, но было и нѣсколько пріѣзжихъ итальянцевъ, также

какъ и коренныхъ жителей Витербо. При входѣ Джуліи (это была она), взоры всѣхъ присутствовавшихъ обратились на нее,— такъ поразительно хороша она была въ этотъ вечеръ.

Хозяинъ, уже сидѣвшій въ парадной одеждѣ на концѣ стола, поднялся при ея входѣ и любезно предложилъ ей занять первое мѣсто, по правую сторону отъ себя. Офицеры, видя это, тотчасъ же заняли мѣста, находившіяся по близости.

Джулія, замѣтя, что около нея толпились наемщики, уже раскаявалась, что она такъ скоро согласилась на предложеніе хозяина, но поправить ея ошибку — было уже невозможно.

Въ досадѣ она обвела глазами все общество и вдругъ увидала два глаза, устремленные прямо на нее. Глаза эти принадлежали Муціо, который сидѣлъ на другомъ концѣ стола, рядомъ съ Аттиліо и Ораціо.

Сначала Джулія подумала, что это не Муціо, и она обманывается. Она никогда не видала его такъ хорошо одѣтымъ, а Аттиліо и Ораціо она прежде встрѣчала только мелькомъ. Но сомнѣваться было трудно... это точно были они. Когда она въ этомъ убѣдилась, ей еще болѣе стало невыносимо ея сосѣдство, вызвавшее на ея щеки краски стыда... Между тѣмъ ни подойти къ Муціо, ни поклониться ему, въ то время, когда ей нужно было передать ему такъ много и такъ о многомъ разспросить его, не было рѣшительно никакой возможности, не возбуждая подозрѣній и не компрометируя его, въ то время, когда на нее смотрѣло пятьдесятъ человѣкъ.

Что̀ происходило въ это время въ душѣ Муціо — трудно и передать. Послѣ продолжительной разлуки съ Джуліей, онъ, наконецъ, увидѣлъ ее, но въ какомъ обществѣ! рядомъ съ чужеземцами, пришедшими проливать итальянскую кровь! Это непріязненное сосѣдство онъ считалъ оскорбленіемъ для Джуліи, и готовый, подобно своему тёзкѣ, Муцію Сцеволѣ, на всякую для нея жертву, чувствовалъ въ себѣ львиную силу и страшное негодованіе противъ враговъ Италіи.

Женщины обыкновенно отгадываютъ подобное душевное настроеніе, и мало того, уважаютъ только тѣхъ, кто способенъ его испытывать. Видя, какая буря кипитъ въ Муціо, она взглянула на него такимъ благодарнымъ взглядомъ, что чувство его тотчасъ же нѣсколько успокоилось.

Между тѣмъ офицеры завели между собою разговоръ о римскихъ дѣлахъ и утреннихъ происшествіяхъ и въ словахъ своихъ мало стѣснялись, разсуждая объ итальянцахъ съ своимъ обычнымъ къ нимъ презрѣніемъ.

Джулія не выдержала этого разговора и съ гордымъ видомъ

поднялась съ своего мѣста, чтобы уйти изъ залы. Друзья наши увидѣли это и тоже стали уже подниматься со стульевъ, чтобы подойти къ ней, какъ вдругъ раздавшійся дружный взрывъ смѣха, снова какъ бы приковалъ ихъ къ своимъ мѣстамъ.

Смѣхъ былъ вызванъ грубою шуткою одного изъ офицеровъ, который разсказывалъ, что при одномъ ихъ появленіи, витербцы разбѣжались отъ, нихъ какъ зайцы. «Хороши же — прибавилъ онъ—эти храбрые либералы, о которыхъ такъ много говорятъ!»

Друзья наши вышли изъ себя отъ негодованія и три перчатки разомъ полетѣли прямо въ лицо обидчику.

— А! милости просимъ, милости просимъ! продолжалъ острякъ, медленно повертывая и разсматривая перчатки. — Ихъ три — это очень пріятно! Вотъ, господа, новое доказательство храбрости итальянцевъ. Трое одновременно вызываютъ одного!... Трое противъ одного! Это порыцарски, нечего сказать...

И онъ залился насильственнымъ смѣхомъ, поддержаннымъ всѣми офицерами.

Давъ время стихнуть смѣху, Муціо всталъ со стула и громовымъ голосомъ произнесъ:

— Вы нѣсколько ошиблись въ своемъ счетѣ. Вызываютъ дѣйствительно трое, но только вызываютъ не одного, а всѣхъ васъ!...

При этихъ словахъ Ораціо и Аттиліо тоже поднялись съ своихъ мѣстъ и грозно взглянули на офицеровъ.

Слова Муціо произвели значительный эффектъ, различно отразившійся на обѣихъ партіяхъ, сидѣвшихъ за однимъ столомъ. Итальянцы съ благодарностью и уваженіемъ взглянули на своихъ соотечественниковъ, иноземцы же на мгновеніе просто онѣмѣли отъ изумленія. Но скоро находчивость одного изъ нихъ привела ихъ въ себя.

— Господа! поднялся онъ съ бокаломъ въ рукѣ: — я предлагаю общій тостъ за то пріятное обстоятельство, что мы нашли, наконецъ, между итальянцами достойныхъ себѣ противниковъ.

— А я, съ своей стороны, предлагаю другой, отвѣтилъ Ораціо: — а именно, за свободу Рима и скорѣйшее его очищеніе отъ всякой иноземной нечести!

Слова эти носили на себѣ такой оскорбительный характеръ и произнесены были съ такимъ выраженіемъ презрѣнія, что офицеры какъ бы инстинктивно схватились за ефесы своихъ шпагъ и, вѣроятно, тотчасъ же произошла бы общая схватка,

еслибы одинъ изъ офицеровъ, человѣкъ пожилой и хладнокровный, не остановилъ ихъ слѣдующими словами:

— Господа! удержитесь на время. Не забудьте, что мы пришли сюда водворять порядокъ, а не производить скандалы. Завтра рано утромъ трое изъ насъ, встрѣтясь съ нашими обидчиками, съумѣютъ поддержать нашу честь. Теперь намъ нужно только одно: увѣренность, что эти господа не исчезнутъ во время ночи и не лишатъ себя чести встрѣтиться завтра съ нами.

— Оставляя въ сторонѣ весь оскорбительный смыслъ этихъ словъ, отвѣтилъ Аттиліо: — мы можемъ только сказать одно. Мы готовы имѣть неудовольствіе провести всю эту ночь вмѣстѣ съ вами, и вмѣстѣ же идти на мѣсто дуэли, чтобы только не потерять счастливаго случая достойно отблагодарить враговъ нашей родины.

Офицеры стали бросать жребій, при помощи бумажекъ съ написанными на нихъ именами; жребій палъ на одного француза-легитимиста, на австрійца и на карлиста-испанца.

Трое другихъ офицеровъ были избраны въ секунданты. Трое изъ сидѣвшихъ итальянцевъ предложили въ свою очередь свои услуги своимъ землякамъ, а такъ-какъ оскорбленія были съ обѣихъ сторонъ, то было рѣшено, что дуэль будетъ на смерть, а враги одновременно сойдутся съ разстоянія въ пятнадцать шаговъ, вооруженные револьверами, саблями и кинжалами. Секунданты провели весь остатокъ ночи въ приготовленіи оружія, чтобы шансы обѣихъ сторонъ были уравнены.

Мѣсто дуэли было назначено въ Циминскомъ лѣсу.

Съ ранней зарей противники и ихъ секунданты пришли вмѣстѣ на назначенное мѣсто.

Дуэль, однако, не состоялась, такъ-какъ едва только были отмѣрены пятнадцать шаговъ и противники стали становиться у барьера, какъ вдругъ на той же дорогѣ, которою они пришли, показался иноземный отрядъ, съ знакомымъ уже намъ полицейскимъ агентомъ и нѣсколькими его помощниками.

Наступило общее недоумѣніе, во время котораго команда двинулась въ штыки на итальянцевъ.

Всѣ другіе, кому пришлось бы находиться на мѣстѣ нашихъ друзей, конечно, пустились бы въ бѣгство при такой неожиданной аттакѣ, но они, какъ мы знали, не были изъ числа людей, теряющихся отъ неожиданности или количественнаго превосходства непріятелей. Прежде всего они бросили испытующій взглядъ на своихъ противниковъ, чтобы убѣдиться, не было ли появленіе войска ихъ продѣлкой. Оказалось, однако, что всѣ шестеро чужеземцевъ были не мало удивлены этому

появленію, такъ что готовы были даже броситься на защиту своихъ противниковъ. Тогда друзья наши, обратясь лицомъ къ лицу къ войску, съ взведенными револьверами въ рукахъ, стали медленно и въ порядкѣ отступать къ чащѣ лѣса.

Не мало помогло имъ при этомъ то обстоятельство, что солдаты, увидя вмѣстѣ съ римлянами, противъ которыхъ они шли, своихъ офицеровъ, нѣсколько растерялись. Полицейскій агентъ, однакожь, спрятавшійся для безопасности за солдатъ, замѣтивъ это недоумѣніе, разгорячился и кричалъ войску: «да стрѣляйте же, стрѣляйте же бога ради! вотъ сюда, въ эту сторону, вотъ туда, куда они удаляются!» Въ то же время онъ приказалъ стрѣлять и своимъ агентамъ и двѣ пули одновременно задѣли двоихъ изъ отступавшихъ секундантовъ.

Аттиліо въ отвѣтъ на этотъ залпъ въ свою очередь выстрѣлилъ, и такъ удачно, что пуля срѣзала при своемъ полетѣ кончикъ носа агента, и онъ съ криками и воплями пустился бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ въ Витербо.

Такъ-какъ все это появленіе войска—было дѣломъ полиціи, которая черезъ своихъ агентовъ узнала о прибытіи въ Витербо трехъ изгнанниковъ — и хотѣла ихъ заарестовать, то съ бѣгствомъ раненаго агента, войско могло вернуться обратно, но командовалъ имъ нѣкто — капитанъ Тортиліа, закоренѣлый карлистъ, и ему показалось такимъ славнымъ и легкимъ дѣломъ изловить шесть итальянцевъ, что онъ снова скомандовалъ своимъ подчиненнымъ аттаку, и произнося безпрестанно испанскія ругательства «Voto a Dios» и «Coramba», самъ впереди войска погнался за ними.

Раненые секунданты—подъ прикрытіемъ нашихъ друзей—уже успѣли добраться до лѣса.Ораціо, Муціо и Аттиліо выдерживали пока было возможно нападеніе, но когда всѣ заряды ихъ револьверовъ были истощены, то положеніе ихъ, въ виду все ближе и ближе подходившаго непріятеля, становилось критическимъ.Ораціо вынужденъ былъ необходимостью прибѣгнуть къ своему рожку. Въ отвѣтъ на его сигналъ, изъ лѣсу, съ разныхъ сторонъ послышался страшный гулъ, и изъ чащи стали показываться люди. Это были товарищиОраціо, нѣкоторые изъ трехсотъ—находившіеся въ Циминскомъ лѣсу и только что прибывшіе изъ замка, на который ождалось новое нападеніе. Вмѣстѣ съ ними появились Клелія, Ирена и Джонъ—вооруженныя и готовыя въ битву. Иренѣ и Клеліи принадлежало повидимому начальство командой.

Новоприбывшіе не стали стрѣлять, но съ крикомъ Viva l'Italia, пошли въ штыки на озадаченное неожиданностью войско;

на солдатъ напалъ страхъ и офицеры ни командою, ни сабельными ударами не могли ихъ остановить отъ бѣгства. Тортиліа, какъ человѣкъ храбрый, бывшій сначала впереди солдатъ, теперь оставался послѣдній, ему казалось стыдно бѣжать. Аттиліо захватилъ его въ плѣнъ, несмотря на все его геройское сопротивленіе. Пустивъ въ догонку войска нѣсколько выстрѣловъ, чтобы отнять отъ него охоту возвращаться, итальянцы озаботились осмотромъ раненыхъ, которые были съ обѣихъ сторонъ. Раненыхъ папистовъ они отправили въ Витербо подъ прикрытіемъ отдавшихся въ плѣнъ, а съ своими и Тортиліа—котораго они оставали аманатомъ—удалились въ лѣсъ.

Клелію и Ирену со всѣхъ сторонъ осыпали поздравленіями. Муціо привѣтствовалъ въ лицѣ ихъ тѣхъ женщинъ, которыя должны явиться освободительницами Рима, — если несостоятельность мужчинъ для такого подвига станетъ еще продолжаться.

Не успѣлъ еще онъ окончить своей рѣчи, какъ вдругъ передъ изумленными взорами всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены предстала Джулія.

Она спѣшила на мѣсто дуэли, о которой только что узнала. Джонъ увидѣлъ ее еще издалека, и бросился къ ней на встрѣчу. Для бѣднаго мальчика она была всѣмъ: отечествомъ и семействомъ.

Она немедленно обмѣнялась со всѣми привѣтами, и тотчасъ же познакомилась съ Иреною, романическую исторію которой, по наслышкѣ, она уже знала.

VIII.

Въ лѣсу послѣ побѣды. Отступленіе.

Разсказавъ вкратцѣ Атилліо и Ораціо все происшедшее съ нею со времени отплытія яхты, и узнавъ отъ нихъ о происходившемъ въ замкѣ, Джулія подошла къ дорогому своему Муціо.

Она замѣтила перемѣну въ его внѣшности, и еще въ гостиницѣ Луны нетерпѣливо хотѣла его поздравить съ перемѣною его обстоятельствъ, но, какъ мы видѣли, этого тамъ ей не удалось.

Муціо, умѣвшій носить съ достоинствомъ самое рубище, при измѣнившихся обстоятельствахъ, разумѣется, сдѣлался еще изящнѣе.

А ему за это время, что называется, повезло. Сиккіо, незадолго до того умершій, успѣлъ передъ смертью своей розыскать кардинала Ф., — дядю по матери послѣдняго отпрыска семьи Помпео, разсказалъ ему всю исторію Муціо и пере-

далъ ему всѣ акты о его рожденіи и правахъ, которыя ему удалось достать. Прелатъ тотчасъ же отдалъ приказаніе одному изъ своихъ подчиненныхъ немедленно войти въ сношенія съ Муціо, доставить ему все необходимое и передать ему, что кардиналъ дѣлаетъ его наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ послѣ смерти, а при жизни постарается, затѣявъ процессъ съ паолотами, возвратить назадъ все у него похищенное.

Такая любезность кардинала зависѣла отъ того, что въ концѣ 1866 года подулъ надъ Италіей, какъ извѣстно, либеральный вѣтеръ, и кардиналъ считалъ нелишнимъ имѣть близкаго родственника въ средѣ героической молодежи. Мало того, онъ сталъ усиленно хлопотать о полученіи амнистіи для Муціо.

Хотя Джулія и не придавала особеннаго значенія перемѣнѣ обстоятельствъ Муціо, но встрѣча ихъ была весела и радостна.

Впрочемъ, въ этотъ день все общество было особенно весело настроено, отчасти отъ радости свиданія, отчасти, какъ это всегда бываетъ, вслѣдствіе только что одержанной побѣды.

Ненавидя всякое пролитіе человѣческой крови, я лично, признаюсь, всегда особенно хорошо настроенъ въ дни побѣды и испытываю въ такіе дни надъ собою живительное вліяніе какой-то, отчасти дикой радости. Несмотря на то, что мѣстность обыкновенно покрыта еще неубранными трупами, что время отъ времени доносятся до слуха стоны раненыхъ и умирающихъ, несмотря на все чувство усталости — каждый въ такіе дни веселъ и радостенъ, друзья крѣпче жмутъ другъ другу руку при встрѣчѣ, все носитъ какой-то праздничный видъ и всѣ исполнены одною только мыслью: «мы побѣдили! мы прогнали непріятеля!»

Пусть Манцони и въ подобныя минуты не забываетъ напоминать побѣдителямъ: «чему вы радуетесь, братья, убившіе своихъ братьевъ?»

Скоро ли еще наступитъ то время, когда народы дѣйствительно станутъ братьями?

Всѣ друзья наши весело расположились группами на яркой зелени лѣснаго ковра.

Сильвія, конечно, тотчасъ же стала разспрашивать Джулію о Манліо, и та, къ ея удовольствію, разсказала, что онъ живъ и здоровъ и гоститъ у отшельника.

Имя отшельника возбудило общее вниманіе.

— Ну, что̀? Какъ думаетъ онъ о римскихъ дѣлахъ? разомъ спросили ее нѣсколько голосовъ.

— Онъ вполнѣ съ вами своею мыслью, отвѣчала Джулія.— Его утѣшаетъ то геройское упорство, съ какимъ вы преслѣ-

дуете святую цѣль освобожденія Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ одобряетъ въ васъ ту сдержанность, изъ-за которой вы скорѣе соглашаетесь страдать и томиться въ изгнаніи, чѣмъ рѣшиться ранѣе срока на что-нибудь окончательное, что̀ въ случаѣ неудачи только помѣшало бы начинающемуся объединенію Италіи, и подало бы поводъ чужеземцамъ къ новымъ вмѣшательствамъ. Въ случаѣ же, если итальянское правительство будетъ продолжать свое позорное поклоненіе Франціи, разумѣется на вашей обязанности будетъ лежать — кончить все это дѣло самимъ. Онъ надѣется, что тогда ваши дѣйствія встрѣтятъ сочувственный откликъ во всякомъ честномъ итальянскомъ сердцѣ.

— Дожидаться-то только не легко, замѣтилъ въ отвѣтъ Муціо. — Мы выказали уже достаточно терпѣнія—этой добродѣтели ословъ... пора бы уже выказать намъ, что у насъ найдутся и кое-какія другія, болѣе человѣческія доблести.

— А далеко ли островокъ отшельника и поѣдемъ ли мы туда? спросила Сильвія, которую не оставляла мысль о Манліо.

— Еще бы, отвѣчала Джулія: — я вѣдь за этимъ сюда и пріѣхала. Намъ надобно только добраться до Ливорно, а тамъ стоитъ моя «Клелія». Кстати, Сильвія, я должна вамъ сказать новость: Аврелія вышла замужъ за капитана моей яхты. Благословлялъ ихъ самъ отшельникъ.

Новость эта всѣми была встрѣчена съ удовольствіемъ. Не успѣло общество объ ней еще достаточно наговориться, какъ замѣтило, что къ лѣсу приближается Сильвіо вмѣстѣ съ Камиллой.

Разсудокъ бѣдной дѣвушки возвратился отъ сильнаго чувства, которое пробудило въ ней прощаніе съ милымъ, когда онъ рѣшилъ навсегда оставить Римъ. Врачи знаютъ, что подобные случаи бываютъ.

Теперь Сильвіо только что узналъ объ утреннихъ происшествіяхъ, и торопился доставить друзьямъ извѣстія изъ города.

Когда друзья обмѣнялись привѣтствіями и Камилла ознакомилась съ обществомъ, Сильвіо сѣлъ рядомъ съОраціо и сказалъ:

— Я проходилъ сейчасъ черезъ Витербо, и что̀ тамъ дѣлается, просто трудно передать. Горожане почти не показываются на улицахъ, и кто имѣетъ какое-нибудь дѣло, старается какъ можно скорѣе пробѣжать по нимъ, чтобы не попадаться на глаза войску. Войско просто неистовствуетъ. Къ нему изъ Рима пришло значительное подкрѣпленіе, и солдаты, потерпѣвшіе неудачу у этого лѣса, стараются выместить свою досаду на мирныхъ жителяхъ. Они стрѣляютъ на воздухъ, для при-

данія себѣ значенія. Разграбили нѣсколько лавокъ, винный погребъ и большинство ихъ мертвецки перепилось. Новый отрядъ, только что пришедшій, кричитъ, что поругана честь знамени, и что поруганіе это необходимо обмыть въ итальянской крови. Только свистъ, шумъ и сумятица, позволили мнѣ проскользнуть незамѣченнымъ, чтобы передать вамъ все, что я видѣлъ. Но я все-таки не избѣгнулъ непріятностей. Когда я проходилъ мимо гостиницы Луны, изъ кареты, стоявшей у ея входа, выходили нѣсколько офицеровъ, только что пріѣхавшихъ изъ Рима. Всѣ люди гостиницы были заняты перетаскиваніемъ ихъ багажа, и одинъ изъ нихъ, багажа котораго никто не бралъ, выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія. Принявъ меня вѣроятно за носильщика, онъ потребовалъ отъ меня, чтобы я тотчасъ же взялъ его чемоданъ, и схватилъ меня за грудь, произнеся вѣское ругательство. Къ счастію, я успѣлъ дать знакъ Камиллѣ, чтобы она шла впередъ. Не теряя времени, я лѣвой рукой отцѣпилъ его руки, а правой, со всего размаху, ударилъ его по лицу. Онъ совершенно растерялся... а я, конечно, не теряя времени, бросился вонъ изъ города. По моимъ соображеніямъ, намъ здѣсь оставаться долго нельзя... Завтра утромъ, самое позднее, все войско навѣрное двинется на насъ.

— Въ этомъ лѣсу, усмѣхнулся въ отвѣтъ Ораціо: — мы въ состояніи выдержать битву съ цѣлымъ войскомъ папы. Насъ здѣсь, слава богу, достаточно, а женщины...

— Съумѣютъ сами защитить себя, сказали разомъ Джулія, Клелія и Ирена.

Наступали сумерки, и пора было подумать о подкрѣпленіи пищею. Къ счастію, Клелія всѣмъ уже распорядилась и у опушки стояли два мула, которые были нагружены провизіей. Она только мигнула Джону, и мальчикъ не заставилъ себя дожидаться. На свѣжемъ дернѣ появилась тотчасъ и скатерть и посуда.

Кто изъ людей не цѣнитъ современныхъ завоеваній культуры и цивилизаціи? Кто не предпочтетъ прочнаго и хорошаго дома, прохладнаго лѣтомъ, хорошо нагрѣвающагося зимой, нѣкотораго избытка и удобствъ во всемъ необходимомъ для людей, климатическимъ неудобствамъ пустынь, недостаткамъ и лишеніямъ бродячей жизни?

Къ несчастію, всѣмъ этимъ еще не всѣ люди пользуются. Лучше сказать, блага цивилизаціи достаются въ удѣлъ еще весьма немногимъ, составляя до сихъ поръ какъ бы монополію избранныхъ. Большинство совершенно отстранено отъ пользованія этими благами, такъ что вопросъ: принесла ли хоть что-

нибудь цивилизація бѣднымъ классамъ, самъ собою представляется каждому мыслящему человѣку. Можно ли при этомъ удивляться, что множество людей мечтаютъ съ завистью о первобытной простотѣ первоначальныхъ обитателей земли? Правда, тогда не существовало еще ни великолѣпныхъ дворцовъ, ни роскошной одежды, ни изысканнаго стола, но за то не было и неумолимыхъ сборщиковъ податей, ни массы препятствій для свободной жизни; у отцовъ не отнимали дочерей, для удовлетворенія похотямъ сильныхъ міра, не брали сыновей для того, чтобы обращать ихъ въ невольное и безсознательное пушечное мясо.

Впрочемъ, сельскій обѣдъ, въ родѣ того, какой предстоялъ нашимъ героямъ, въ обществѣ такихъ женщинъ, какъ Ирена, Джулія, Клелія — нельзя было бы промѣнять на самыя роскошныя пиршества.

Я вообще люблю эти бивуачные обѣды въ лѣсахъ, если даже они состоятъ изъ однихъ продуктовъ охоты и плодовъ, но для приготовлявшагося обѣда было запасено вдоволь всякой провизіи и значительное число фіаскъ [1] съ орвіетскимъ и монтепульчинскимъ виномъ. Прибавьте къ этому аппетитъ, какимъ должны были обладать наши друзья послѣ дня, проведеннаго такъ дѣятельно.

Когда все было приготовлено, общество усѣлось за обѣдъ. Все было весело и оживленно. Джулія, которой еще впервые приходилось присутствовать на подобномъ обѣдѣ, была въ полномъ восхищеніи. Джонъ, который съ пяти лѣтъ сталъ совершать морскія плаванія, разсказывалъ ей свои воспоминанія о Китаѣ, гдѣ его особенно поразило, что мужчины исполняютъ женское хозяйство, а женщины управляютъ джонками, нося на плечахъ своихъ дѣтей въ особенныхъ мѣшкахъ. Гаспаро разсказалъ обществу романическую исторію своей жизни. Онъ сдѣлался убійцею — изъ любви, спасая незнакомую дѣвушку отъ изнасилованія ея братомъ — патеромъ. Онъ влюбился въ нее, но такъ-какъ совершилъ убійство, хотя и въ видахъ защиты, долженъ былъ бѣжать въ лѣса отъ преслѣдованія закона. Его Алаба за нимъ послѣдовала.

— Убійство патера и еще другой случай, гдѣ мнѣ пришлось, защищая свою жизнь, положить на мѣстѣ напавшаго на меня негодяя, опредѣлили мою участь. Я попалъ въ такъ-называе-

---

[1] Фіаско—особеннаго рода стеклянная посуда, съ узкими горлышками, въ которой въ Италіи сохраняютъ вино, заливая сверху оливковымъ масломъ.
Прим. переводчика.

мые разбойники, встрѣтилъ въ лѣсу нѣсколько бѣглецовъ, такъ же несчастныхъ, какъ и я. Я организовалъ шайку для борьбы съ патерами; убійцъ и воровъ я въ нее не принималъ, и мнѣ удалось нагнать такой страхъ на папское правительство, что эти господа, рѣшаясь на какое-нибудь злодѣяніе, всегда думали: ну, а что, какъ Гаспаро насъ за это накажетъ? Нѣсколько лѣтъ сряду я просто царствовалъ въ лѣсахъ Кампаньи, и еслибы не поддался льстивымъ рѣчамъ моего родственника, кардинала А..., то поймать меня едва-ли удалось бы кому-нибудь. Но я довѣрился кардиналу, и за то отсидѣлъ четырнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, закованный въ кандалы. Въ тюрьмѣ я впервые услыхалъ о вашихъ подвигахъ, Ораціо, и, признаюсь, только и молилъ Бога о томъ, чтобы мнѣ удалось когда-нибудь послужить вамъ. Желаніе мое сбылось, и я охотно посвящаю весь остатокъ дней моихъ великому дѣлу освобожденія Рима.»

Въ подобныхъ разсказахъ время прошло незамѣтно и скоро наступила ночь. Утомленное общество заснуло подъ открытымъ небомъ. Для дамъ были устроены постели изъ плащей подъ навѣсомъ столѣтняго дуба. Орацiо разставилъ повсюду часовыхъ и назначилъ общее пробужденіе, едва настанетъ утренняя заря.

Иноземное войско, носящее, какъ бы вслѣдствіе исторической проніи, нѣкогда великое имя войска римскаго, тоже не теряло времени. Еще въ тотъ же вечеръ все начальство созвано было главнокомандующимъ въ военный совѣтъ для разрѣшенія вопроса, когда начать преслѣдованіе банды. Нѣкоторые изъ офицеровъ, и въ томъ числѣ маіоръ, получившій пощечину отъ Сильвіо, и все время запивавшій свой позоръ виномъ, были того мнѣнія, чтобы тотчасъ же идти на *разбойниковъ*, но главнокомандующій, человѣкъ хладнокровный, разсудилъ, что удобнѣе открыть дѣйствія съ зарею, такъ-какъ вечеромъ было почти невозможно собрать пьяныхъ солдатъ. Это мнѣніе восторжествовало.

На зарѣ стали бить сборъ; но собрать солдатъ, изъ которыхъ одни не успѣли еще отдохнуть послѣ прихода ускореннымъ маршемъ изъ Рима, а другіе еще не оправились отъ пораженія въ циминскомъ лѣсу, было не такъ-то легко и потребовало много времени. Такимъ образомъ, солнце уже заливало своими лучами Аппенины, когда войско приблизилось къ лѣсу, для вступленія въ который понадобились проводники изъ мѣст-

ныхъ жителей, взявшіеся за такое дѣло, разумѣется, не охотно, а по принужденію.

Между тѣмъ изгнанники, знавшіе всѣ тропинки лѣса, какъ свои пять пальцевъ, и поднявшіеся съ зарею, въ это время успѣли уже занять выгоднѣйшую позицію на вершинѣ горы, откуда они могли наблюдать со всѣхъ сторонъ за движеніями приближавшагося непріятеля.

Орацiо раздѣлилъ всю банду на двѣ части. Сто человѣкъ, подъ командою Муціо, были расположены имъ застрѣльщиками между скалами и рощей вершины горы, со стороны приближавшагося войска. Остальные двѣсти человѣкъ были построены въ колонну и находились за вершиной горы въ готовности къ немедленному нападенію.

Окончивъ боевой распорядокъ, Орацiо позвалъ къ себѣ капитана Тортиліа, сталъ разспрашивать его объ именахъ офицеровъ, лица которыхъ можно было уже весьма удобно разсмотрѣть въ зрительную трубу. Оказалось, что войско велъ самъ главнокомандующій папскими войсками, французскій генералъ Рошъ-д'Аррико.

Войско съ каждой минутой приближалось, и хотя Орацiо и не опасался предстоявшаго дѣла, но не могъ избавиться отъ того безпокойства, которое неизбѣжно долженъ испытывать военачальникъ, на рукахъ котораго лежитъ важная отвѣтственность за участь подчиненныхъ ему людей, передъ началомъ неминуемой схватки.

Одно изъ величайшихъ неудобствъ для бандъ на войнѣ составляетъ необходимость весьма часто оставлять на произволъ судьбы своихъ раненыхъ, или поручать ихъ заботамъ мѣстныхъ жителей, обыкновенно старающихся этого избѣгнуть, изъ опасенія скомпрометироваться.

Это соображеніе, также какъ и неравенство силъ, заставили Орацiо рѣшиться на отступленіе, съ тѣмъ, однако же, чтобы въ то же время показать чужеземному войску, что его не боятся свободныя итальянскія войска, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ.

Для этого онъ приказалъ Сильвіо, начальствовавшему аріергардомъ, построиться для защиты отступленія, а самъ, какъ искусный охотникъ, такъ расположилъ около себя своихъ стрѣлковъ, какъ будто предназначалъ ихъ для преслѣдованія кабана или оленя.

Сообщивъ свой планъ Аттиліо и сказавъ ему, чтобы онъ безъ торопливости совершалъ правильное и постепенное отступленіе, самъ онъ направился къ Муціо, стрѣлки котораго уже были

совершенно готовы къ встрѣчѣ непріятеля, быстро приближавшагося. Обмѣнявшись съ Муціо двумя-тремя словами, онъ съ двумя только товарищами занялъ самую высшую точку позиціи, откуда могъ все хорошо видѣть и наблюдать.

Генералъ Аррико, человѣкъ достаточно храбрый, направился прямо на позиціи, занятыя либералами. Авангардъ его былъ расположенъ цѣпью, а самъ онъ съ небольшими колоннами составлялъ его подкрѣпленіе.

При всякомъ сраженіи, для главнаго начальника чрезвычайно важно умѣть выбрать для себя такое мѣсто, откуда можно было бы видѣть поле сраженія на возможно бо̀льшее пространство. Это для него всегда бываетъ легче, если онъ держится на ряду съ первыми шеренгами своего войска.

Начальствующій необходимо долженъ знать обо всемъ, что̀ дѣлается во время сраженія; если онъ далеко отъ поля дѣйствія, то, кромѣ потери времени и той невѣрности, которая можетъ вкрасться въ извѣстія, сообщаемыя ему, онъ, что̀ всего важнѣе, не можетъ своевременно усиливать тѣ части своего войска, которыя преимущественно нуждаются въ подкрѣпленіи, и даже тогда, когда побѣда видимо клонится на его сторону, достаточно скоро отрядить на непріятеля легкіе отряды кавалеріи и пѣхоты, которые оканчиваютъ побѣду.

Но, какъ мы видѣли, въ этомъ смыслѣ ни съ одной стороны не было сдѣлано ошибки. Аррико, справедливо разсчитывая на превосходство своихъ силъ, прямо повелъ ихъ въ атаку, а Ораціо, разсчитывавшій на отступленіе изъ-за незначительной численности своихъ товарищей, располагалъ дать непріятелю чувствительный урокъ, чтобы охладить этимъ нѣсколько пылъ его натиска.

Неровность почвы и густота деревьевъ позволили Муціо расположить своихъ застрѣльщиковъ въ удобной и прикрытой позиціи. Онъ приказалъ сдѣлать залпъ только тогда, когда непріятель подойдетъ на разстояніе ружейнаго выстрѣла, и вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же уходить за задніе эшелоны.

Такъ ими и было сдѣлано, и съ этимъ первымъ залпомъ у непріятеля оказалось множество убитыхъ и раненыхъ. Авангардъ чужеземцевъ былъ разстроенъ, а колонны, шедшія съ храбрымъ Аррико во главѣ, нѣсколько смутились и уменьшили свой шагъ, что̀ дало итальянцамъ время отступить въ полномъ порядкѣ.

Когда Кортезъ, высадившись въ Мексикѣ, сжегъ свои корабли; когда извѣстная тысяча, покрывшая себя славою въ Мар-

салѣ, выйдя на берегъ Сициліи, оставила свои суда непріятелю, то успѣхъ обоихъ этихъ предпріятій обусловливался именно тѣмъ, что сражавшіеся сами отрѣзали себѣ всякій путь къ отступленію. Но итальянскимъ войскамъ весьма часто вредитъ близость границъ дружественныхъ державъ. Я самъ былъ очевидцемъ подобнаго скандала въ Ломбардіи въ 1848 году отъ близости границъ Швейцаріи и, къ несчастію, то же повторилось однажды на римскихъ поляхъ.

Въ настоящемъ, только что описанномъ мною случаѣ съ *тремя стами*, близость границъ итальянскихъ земель, не находящихся подъ господствомъ папы, тоже оказалась вредной для дѣла. Едва банда ее достигла, какъ, несмотря на то, что она состояла изъ людей, исполненныхъ храбрости, она стала разсѣеваться. Начальникамъ банды пришлось напомнить молодежи, что дѣло ихъ еще далеко не кончено, что родина ихъ еще томится въ рабствѣ, что на обязанности всѣхъ и каждаго лежало приготовляться въ новымъ дѣламъ, и несмотря на это, имъ пришлось на время проститься. Ораціо, Муціо, Аттиліо, Сильвіо, Гаспаро и Джонъ съ грустью направились по тосканской дорогѣ, чтобы достигнуть Ливорно и стоявшей въ его портѣ яхты, куда заблаговременно были ими отправлены женщины.

IX.

Скитанія.

Прошло нѣсколько времени послѣ всего нами описаннаго.

Отшельникъ былъ на континентѣ, куда онъ былъ вызванъ своими друзьями. Онъ покинулъ на время свое убѣжище для исполненія своего долга по отношенію къ Италіи, которой принадлежала вся его жизнь.

Ему предстояло странствованіе по различнымъ частямъ полуострова, начиная съ Венеціи.

Цѣлью его странствованія было содѣйствовать разобщенію правильныхъ взглядовъ на предстоявшіе выборы въ средѣ населеній, и, кромѣ того, способствовать распространенію свободы сознанія въ народѣ, долженствующей лечь въ основаніе будущаго величія Италіи и послужить великому дѣлу сверженія господства папы и пагубныхъ заблужденій католицизма.

Населенія повсюду встрѣчали съ энтузіазмомъ и криками одобренія своего печальника и человѣка изъ среды народа. Взглядамъ его сочувствовали, словамъ рукоплескали. Напоминаніе

его о томъ униженіи, въ какое повергло Италію духовное господство, вызывало стремленіе свергнуть тяготѣвшее иго; указанія на злоупотребленія патеровъ возбуждали взрывы негодованія...

Онъ говорилъ:

«Я глубоко вѣрую въ Бога, но ненавижу патеровъ, оскорбляющихъ Его имя.

«Богъ, отецъ всѣхъ народовъ, создалъ всѣхъ людей братьями для общаго счастія. Горе тѣмъ, кто раздѣляетъ людей на множество враждебныхъ партій, взаимно другъ друга проклинающихъ.

«Католицизмъ возбуждаетъ къ ненависти, къ рѣзнѣ, къ кровопролитіямъ. Католики предаютъ анаѳемѣ девятьсотъ мильйоновъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они не принадлежатъ къ ихъ кликѣ.

. . . .

«Жрецы невѣжества, преслѣдователи знанія, почему они не признаютъ участія Бога въ тѣхъ великихъ открытіяхъ, какія повѣдали міру Кеплеры, Галилеи, Ньютоны?

«Неужели мысль этихъ величайшихъ людей не служила выраженіемъ божественной мудрости, когда въ безконечныхъ пространствахъ вселенной они открывали цѣлые міры, и показали изумленнымъ народамъ, что законы движенія этихъ міровъ подчинены всеобщей гармоніи?

«За что̀ же Галилея, этого величайшаго изъ величайшихъ людей, предавали пыткѣ? Или сіяніе правды было невыносимо для нихъ, привыкшихъ къ сумраку лжи?

. . . .

«Возможно ли при этомъ братство людей?

«Католикъ считаетъ не католика осужденнымъ на вѣчное мученіе. Въ этомъ онъ не далеко ушелъ отъ дервиша, взывающаго къ избіенію камнями невѣрныхъ, или бонзы, отличающихся такою же религіозною нетерпимостію. Но турки и китайцы, по крайней-мѣрѣ, послѣдовательны, и невѣрные небезопасны даже на самыхъ улицахъ Стамбула и Кантона.

«Бо̀льшая часть войнъ, и самыя кровопролитныя были возбуждаемы патерами...

. . . .

«Движеніе въ Ирландіи возбуждено патерами. Боже избави, чтобы что либо подобное возникло въ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ изъ тридцати-трехъ мильйоновъ жителей почти половина католиковъ, и гдѣ, кромѣ того, столько самыхъ разнообразныхъ сектъ, одна другую ненавидящихъ!»

Такъ говорилъ отшельникъ толпамъ окружавшаго его народа. И толпы плакали, обливали слезами плащъ простаго человѣка, клялись быть съ нимъ и за него, и казались глубоко убѣжденными.

А на утро бо̀льшая часть этихъ самыхъ людей толпилась у костеловъ, покупая безсмыслѐнныя индульгенціи!

Таковъ народъ вообще, и таковымъ, вѣроятно, еще долго останется. Гнѣвъ его, производящій катаклизмы революціи, такъ же легко и скоро возбуждается, какъ легко и скоро гаснетъ.

Онъ, то готовъ въ одну минуту отдать всю свою кровь, то какъ смирное дитя покоряется каждому наименѣе достойному, подчиняется робко каждой, самой грубой хитрости, и гонится за малѣйшими выгодами и наслажденіями, какъ бы желая наскоро вознаградить себя за всѣ свои жертвы, за всю кровь свою...

Кто бы не всталъ за него, будь это Сократъ или Ріензи, Мазаніелло, Гракхи — онъ готовитъ всѣмъ одинакую участь. Ото всѣхъ отопрется онъ, казни всѣхъ будетъ безстрастнымъ зрителемъ...

. . . .

Пріемъ отшельника въ Венеціи былъ особенно торжественнымъ. Это и понятно, если вспомнить, что онъ уже до того дважды (въ 1848 и 1849 годахъ) готовъ былъ принять участіе въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ и сраженіяхъ царицы лагунъ.

Но въ первый изъ этихъ разовъ онъ, уже садившійся на корабль, долженствовавшій перевезти его въ Венецію, былъ задержанъ для защиты находившейся въ опасности метрополіи. Тамъ ему пришлось сразиться съ потомками Бренна, и кровью его обагрился гранитъ того самаго моста, гдѣ нѣкогда Горацій Коклесъ одинъ выдержалъ нападеніе цѣлаго войска Порсены.

Съ возвышенностей Пренесты и Веллетри ему сверхъ того удалось видѣть бѣгство тирана, отца того маленькаго тирана, который долженъ былъ отказаться отъ своей власти, вынужденный на это храбростію *тысячи*, и такимъ образомъ прекратить то правительство, которое носило названіе *отрицанія Бога*.

Тогда пришлось ему увидать и другое управленіе, назвать которое можно еще болѣе наглымъ отрицаніемъ бога, которое еще пагубнѣе для Италіи, составляя *чернокнижіе*.

Римъ палъ подъ ударами европейскаго деспотизма, боявшагося возрожденія его прежняго вліянія, испуганнаго призра-

комъ республики, палъ отъ руки Франціи, несущей за это свое наказаніе.

Бонапартъ, врагъ и гонитель всякой свободы, покровитель всякаго гнёта, захотѣлъ испытать свою силу надъ Римомъ, куда пробрался хитростію, и, совершивъ подвигъ оскорбленія націи, опрокинулся на Парижъ, на улицахъ котораго произвелъ 2-го декабря извѣстную бойню беззащитныхъ гражданъ, дѣтей, стариковъ и женщинъ.

Послѣ защиты Рима, отшельникъ, не теряя еще надежды на улучшеніе судебъ Италіи, вышелъ изъ него съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, готовыхъ на новыя битвы. Но для освобожденія Италіи нужна была не горсть храбрецовъ, которые всегда въ ней найдутся, а войско, которое могло бы выдерживать противодѣйствія многочисленныхъ непріятелей.

Правда, нынѣ народный духъ въ Италіи поднялся, и горсть храбрецовъ значительно увеличилась, но въ тѣ печальные дни населеніе было запугано и устрашено потерями, понесенными при защитѣ Рима.

Никто не являлся увеличить собою число надѣявшихся; напротивъ, каждое утро, по валявшемуся на землѣ оружію, можно было сосчитать, сколько оказалось бѣглецовъ. Оружіе это собиралось и складывалось на муловъ и телеги, сопровождавшіе колонну, и мало-по-малу количество телегъ и муловъ сдѣлалось значительнѣе числа воиновъ, и мало-по-малу надежда поднять народъ-рабовъ исчезала въ душѣ вѣрующихъ.

Въ Санъ-Марино отшельникъ, видя, что для битвы охотниковъ не было, долженъ былъ объявить волонтёрамъ разрѣшеніе возвращаться въ свои дома.

Онъ говорилъ: «Возвращайтесь по домамъ своимъ, но помните, что Италія не должна оставаться въ рабствѣ».

И тогда онъ рѣшился на отступленіе, но его окружало немало австрійскихъ и папскихъ дезертеровъ, приговоренныхъ къ растрѣлянію, и они-то хотѣли сопровождать отшельника въ послѣдней попыткѣ завладѣть Венеціей.

Съ тѣхъ поръ начались еще горчайшія испытанія для отшельника. Анита, неразлучный и вѣрный его другъ, не хотѣла оставлять его и при этой страшной крайности. Напрасно онъ старался ее убѣдить, чтобы она оставалась въ Санъ-Марино. Слабая, больная, утомленная женщина-героиня не слушала никакихъ увѣщаній. «Ты вѣрно разлюбилъ меня — умоляла она — что хочешь оставить?»

Окруженный австрійскими войсками, преслѣдуемый папской полиціей, остатокъ колонны волонтёровъ послѣ утомительнаго

ночнаго перехода вступилъ раннимъ утромъ въ ворота Чезенатико.

— Спѣшьтесь и обезоружьте ихъ! воскликнулъ отшельникъ небольшому числу лицъ, слѣдовавшихъ за нимъ верхами, указывая на австрійскую стражу, и растерявшаяся эта стража позволила себя обезоружить! [1] Благодаря этому, волонтёры могли добыть себѣ нѣсколько провизіи и родъ барокъ, куда они могли помѣститься.

Нельзя отрицать, что судьба нерѣдко покровительствовала отшельнику въ различныхъ, весьма трудныхъ предпріятіяхъ, но съ этихъ поръ для него началось тяжелое время трудностей, неудачь и несчастій. Буря, разразившаяся ночью надъ Адріатическимъ моремъ, обратила узкій портъ Чезенатико въ кипящую пучину, и для того, чтобы выдти изъ порта, тринадцать барокъ, нагруженныхъ людьми, должны были употребить невѣроятныя усилія. Только къ зарѣ можно было управиться, а на зарѣ же усиленное и многочисленное австрійское войско входило въ ворота Чезенатико.

Подулъ, однако, попутный вѣтеръ, и къ слѣдующему утру четыре барки на всѣхъ парусахъ вошли въ устье По. На одной изъ нихъ находились отшельникъ съ Анитою, Чичероваккіо съ сыновьями и Уго Басси. Анита была вынесена на берегъ отшельникомъ при послѣднемъ издыханіи! Девять остальныхъ барокъ нашли на австрійскую эскадру, которая, увидавъ ихъ при свѣтѣ полнолунія, открыла противъ нихъ жестокую каннонаду.

Подобно ищейкамъ, преслѣдующимъ звѣря, австрійскіе солдаты, отправленные догонять бѣглецовъ, рыскали по прибрежью. Анита лежала недалеко на полѣ, засѣянномъ рожью, и отшельникъ сидѣлъ подлѣ нея, поддерживая ея голову. Съ нимъ находился только одинъ и послѣдній товарищъ Леджеро [2], слѣдившій изъ-за просвѣтовъ ржи за движеніями непріятеля. Чичероваккіо, Басси и еще девять человѣкъ, избравшіе другой путь, чтобы избѣгнуть австрійцевъ, какъ это было условлено съ отшельникомъ, — всѣ были захвачены ими, и разстрѣляны, какъ собаки.

Ихъ было девять! Австрійцы, при помощи побоевъ, заставили девять крестьянъ вырыть въ пескѣ девять ямъ, и одинъ залпъ пикета покончилъ съ несчастными. Младшій сынъ римскаго

---

[1] Это фактъ достовѣрный. *Прим. Гарибальди.*

[2] Майоръ съ острова Маделены, онъ ни на одну минуту не хотѣлъ оставлять отшельника одного. Онъ его провожалъ въ Америку, и оттуда назадъ въ Италію.

трибуна (тринадцатилѣтній!) былъ еще живъ послѣ залпа, но штыкъ австрійца размозжилъ ему черепъ!

Басси и Пинцаги имѣли ту же участь въ Болоньи.

Самая чистая итальянская кровь проливалась, и папа пробирался къ своему новому величію по грудамъ труповъ.

Исторія папства — цѣлый рядъ такихъ событій, и папскую власть думаютъ увѣковѣчить въ Италіи!

Пусть на этомъ свѣжемъ примѣрѣ итальянцы увидятъ, съ какимъ жестокимъ хладнокровіемъ чужеземцы проливаютъ кровь ихъ сограждапъ.

Отшельникъ съ дорогою ношей умиравшей жены своей долго скитался между холмами нижняго По, — скитался до тѣхъ поръ, пока ему оставалось только закрыть потухшіе глаза Аниты и заплакать слезами отчаянія надъ ея холоднымъ трупомъ. Потомъ онъ ушелъ, пробираясь, какъ тать, по горамъ и лѣсамъ, всюду преслѣдуемый австрійскою и папскою полиціями. Но судьба его еще берегла для новыхъ попытокъ и новыхъ опасностей. Угнетатели Италіи снова встрѣтили его на своей дорогѣ, забрызганной кровью и загрязненной преступленіями... и они трусливо бѣжали отъ него, оставивъ, не окончивъ своихъ пиршествъ... И ковры ихъ роскошныхъ палаццо хранятъ на себѣ слѣды его грубой обуви!

И теперь Венеція, въ которую онъ такъ издавна стремился, встрѣчала его съ торжествомъ. Лагуны были заграждены гондолами, съ которыхъ неслись рукоплесканія человѣку въ простой красной рубашкѣ, но не запятнавшему себя ни трусостію и ни малѣйшимъ позоромъ, и олицетворявшему собою національную месть и готовность націи на дѣло освобожденія.

X.

Римъ въ Венеціи.

Было одиннадцать часовъ вечера, но число гондолъ на каналѣ не уменьшалось. Площадь св. Марка, иллюминованная и вся залитая свѣтомъ, была биткомъ набита народомъ. Отшельникъ стоялъ на балконѣ палаццо Чеккини, древняго зданія, находящагося на сѣверной части площади, и привѣтствовалъ народъ, въ отвѣтъ на что слышались съ площади оглушительныя заявленія сочувствія.

Отшельникъ былъ растроганъ, но мысль о томъ, какъ пагубно повліяло рабство и на венеціанцевъ, не оставляла его и въ эту минуту, и онъ страдалъ въ душѣ за всѣ бѣдствія, которыя были ими вынесены.

Настоящее Венеціи тоже не представлялось ему въ особенно радужномъ свѣтѣ. Хотя дѣло объединенія Италіи, очевидно, подвигалось впередъ и судьба за послѣднее время, казалось, ей благопріятствовала, но онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, сколько еще препятствій предстояло національному дѣлу до его благополучнаго разрѣшенія. Дѣло это въ его воображеніи весьма часто представлялось колесницей, которую народъ, усталый и замученный, везетъ на своихъ плечахъ, а всѣ враги его, употребляющіе власть свою только въ пользу своихъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей, въ то же время стараются тянуть, на сколько хватаетъ силы, назадъ, не обращая вниманія на то, что колесница отъ такого противодѣйствія можетъ изломаться. Новое правительство Венеціи чванится названіемъ вознаградительнаго (il governo riparatore), но свободно ли оно само на столько, чтобы могло дѣйствительно вознаградить Венецію за всѣ ея прежнія страданія и не послужитъ ли освобожденіе этой страны отъ Австріи усиленію и въ ней духовнаго господства, при той массѣ іезуитовъ и патеровъ, которыхъ безъ счета въ Италіи, и пагубное вліяніе которыхъ сказывается въ Италіи повсюду?

Занятый этими мыслями, отшельникъ испытующимъ взглядомъ смотрѣлъ на толпу, и шестидесятилѣтняя опытность помогала ему отличать въ этой, чуть не сплошной массѣ населенія города, едва освободившагося отъ продолжительнаго чужеземнаго господства, дѣйствительно добрыхъ гражданъ отъ множества мѣшавшихся съ нею подозрительныхъ личностей, тоже показывавшихъ видъ, что они сочувствуютъ народной радости.

Голосъ Аттиліо вывелъ его изъ этой созерцательной задумчивости.

— Обратите вниманіе на группу, стоящую въ отдаленіи направо. Видите ли вы эту высокую фигуру въ венеціанскомъ беретѣ? Держу пари, что это нашъ знакомецъ Ченчіо, присланный наблюдать за нами изъ Рима. Я съумѣю отличить этого тарантула между сотнями тысячъ людей, какъ бы онъ ни переряжался. Догадка моя до того меня интересуетъ, что я даже тотчасъ же пойду на площадь ее провѣрить.

Ченчіо, если читатели помнятъ, уже появлялся въ нашемъ разсказѣ. Это былъ тотъ мелкій агентъ Донъ-Прокопіо, которому Джіани поручилъ наблюденіе за студіей Манліо.

За послѣднее время онъ поднялся въ гору и былъ уже однимъ изъ главнѣйшихъ ищеекъ самого кардинала А... Зачѣмъ былъ онъ отправленъ въ Венецію, мы тотчасъ же узнаемъ.

Салонъ палаццо Чеккини былъ наполненъ публикою. Кромѣ

множества венеціанцевъ, дамъ и мужчинъ, тутъ же находились и нѣкоторые изъ нашихъ друзей. Клелія, Ирена и Джулія производили на общество необычайное впечатлѣніе своею красотою. Всѣ обратили вниманіе на трехъ красавицъ-римлянокъ (Джулія, сдѣлавшись женою Муціо, тоже стала считаться римлянкой, да и сама себя стала ею считать). Сильвія тоже была съ ними; не было только Авреліи, которая, изъ любви къ Томсону и не желая съ нимъ разлучаться, совершала всѣ рейсы на яхтѣ, примирясь даже со всѣми неудобствами моря.

Манліо, Ораціо и Муціо тоже находились въ салонѣ. Аттиліо, сообщивъ о своей догадкѣ отшельнику, тотчасъ подошелъ къ нимъ, и вмѣстѣ съ двумя послѣдними пошелъ на площадь провѣрять ее.

Пробраться черезъ толпу имъ было нелегко, но они употребили нѣкоторыя усилія и скоро отыскали переодѣтаго агента, замѣченнаго Аттиліо. Это былъ дѣйствительно онъ, и отшельникъ съ балкона видѣлъ, какъ наши друзья подошли къ нему, и Ораціо сильною рукою схватилъ его за руки.

— Ступай за нами, Ченчіо, грозно сказалъ ему Муціо: — намъ необходимо побесѣдовать.

Сыщикъ, узнавъ лицъ, окружившихъ его, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, но всякое сопротивленіе для него было невозможно, такъ-какъ еслибы начался шумъ, то настоящая роль его была бы открыта и народъ могъ сшутить съ нимъ плохую шутку.

Блѣдный, какъ смерть, шелъ онъ со своими провожатыми, которые, пробравшись черезъ толпу, вошли въ небольшой переулокъ, ведшій къ Riva degli Schiavoni, и привели его въ небольшую остерію, гдѣ приказали прислужнику отворить имъ одну изъ самыхъ отдаленныхъ и уединенныхъ комнатъ.

Объясненіе для Ченчіо предстояло невеселое. Цѣль, для которой онъ былъ отправленъ куріею въ Венецію, была темная...

Хотя костры, которые святая инквизиція съ такою любовью зажигала повсюду, уже потухли въ наши дни въ самой Испаніи, но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы достойные наслѣдники Торквемады совершенно отказались отъ удобства тѣхъ средствъ, къ которымъ они издавна привыкли для успѣшнаго осуществленія различныхъ своихъ плановъ. Они и теперь умѣютъ, когда это имъ нужно, не пренебречь кинжаломъ и ядомъ, и отыскать себѣ помощниковъ въ убійцахъ и разбойникахъ.

Двоюродный братъ Ирены, князь Т., слишкомъ горячо вошедшій въ свою роль новообращеннаго бойца свободы, по своему общественному положенію и связямъ показался для нихъ опаснымъ, и на совѣщаніи, происходившемъ въ куріи по этому

поводу, былъ негласно приговоренъ къ смерти. Исполненіе этого приговора поручено было Ченчіо, которому въ помощь были назначены восемь удальцовъ, преданныхъ душею и тѣломъ куріи. Совершить убійство признано было удобнымъ во время суматохи, которую долженствовалъ произвести пріѣздъ отшельника въ Венецію.

Изъ числа восьми помощниковъ главнаго руководителя игриваго замысла, четверо сторожили всѣ выходы «Гостинницы Викторіи», гдѣ остановился отшельникъ и куда, по всѣмъ соображеніямъ, князь Т... долженъ былъ непремѣнно зайти въ эти дни. Четверо другихъ ждали въ гондолѣ, нанятой на нѣсколько дней за баснословную цѣну. Гондольеръ, которому приходилось раздѣлять съ этими милыми незнакомцами скуку ожиданія чего-то, для него неизвѣстнаго, переносилъ ее охотно, такъ-какъ воображеніе его было возбуждено веселыми мечтами о той платѣ, какую ему придется получить по условію отъ своихъ нанимателей. Бѣдный! онъ, конечно, даже и не подозрѣвалъ, что въ секретной инструкціи, данной Ченчіо, было предписано, порѣшивъ съ княземъ Т., покончить и съ гондольеромъ, «для избѣжанія всякой пустой болтовни»! Ченчіо, впрочемъ, не взялъ на себя самый актъ исполненія убійства, но его роль состояла въ выслѣживаніи каждаго шага осужденнаго и въ выборѣ наиболѣе удобной минуты для того, чтобы его схватить. Къ его неудовольствію, ему въ этомъ помѣшали, грубо заставивъ на нѣкоторое время оставить свой наблюдательный постъ для объясненія съ тремя хорошо извѣстными ему лицами, вслѣдъ за которыми въ ту же комнату вошло и еще одно, также знакомое Ченчіо, но не способствовавшее ни мало къ возбужденію въ немъ успокоительныхъ мыслей.

Этимъ четвертымъ лицомъ былъ Гаспаро.

Гаспаро, послѣ распущенія банды трехсотъ, отправился въ Римъ и поступилъ слугою къ князю Т. Князь его принялъ съ радостью, полюбилъ какъ друга, и почти не разлучался. Съ нимъ же онъ пріѣхалъ въ Венецію, съ нимъ же отправился и въ этотъ вечеръ навѣстить отшельника.

Пока князь въ салонѣ палаццо бесѣдовалъ съ дамами, Гаспаро сидѣлъ на крыльцѣ гостинницы и слѣдилъ за толпами веселившагося народа. Поспѣшный выходъ изъ палаццо трехъ нашихъ друзей заинтересовалъ его, и увидѣвъ ихъ встрѣчу съ Ченчіо, онъ, догадываясь въ чемъ дѣло, пошелъ по ихъ слѣдамъ, видѣлъ, когда они вошли въ остерію и вслѣдъ затѣмъ и самъ явился туда же.

Друзья наши спросили у прислужника вина, и когда оно

было принесено, велѣли ему удалиться, сказавъ, что позовутъ его, когда фіаски опустѣютъ. По уходѣ слуги, Ораціо заперъ дверь комнаты извнутри и положилъ ключъ къ себѣ въ карманъ.

Ченчіо велѣли сѣсть, и всѣ четверо усѣлись около него.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ тягостнаго молчанія, впродолженіе котораго у Ченчіо не попадалъ зубъ на зубъ, и онъ не могъ выговорить ни одного слова, кромѣ безсвязныхъ звуковъ, несмотря на видимое желаніе его привести что-то въ свое оправданіе, Муціо обратился къ нему съ слѣдующими словами:

«Я хочу разсказать тебѣ, Ченчіо, одну исторію, которая, можетъ быть, тебѣ, какъ римлянину, и небезъизвѣстна. Въ случаѣ же, если она тебѣ будетъ новостью, постарайся внимательно вникнуть въ ея внутренній смыслъ:

«Однажды наши предки, первые римляне, наскучивъ деспотическими выходками перваго своего царя Рема, позволявшаго себѣ слишкомъ оригинальныя развлеченія, въ родѣ, напримѣръ, убійства брата своего Ромула за то, что тотъ перескочилъ черезъ прорытый имъ ровъ, порѣшили на совѣщаніи отъ него избавиться. Сказано—сдѣлано, и нѣсколько обнаженныхъ кинжаловъ повергли мертвымъ этого сильнаго человѣка, несмотря на его отчаянное сопротивленіе. Но за это убійство сенаторамъ пришлось бы отвѣчать народу, еслибы онъ о немъ узналъ, такъ-какъ народъ боготворилъ своего правителя. Что̀ было дѣлать сенату въ этомъ затруднительномъ случаѣ, что̀ сказать народу и какъ скрыть слѣды убійства?

«Каждый высказывалъ свое мнѣніе, но никто не придумалъ ничего такого, чѣмъ бы можно было пособить горю, пока одинъ старый сенаторъ не высказалъ слѣдующаго соображенія: «Народъ не повѣритъ ничему, если ему не отвести глазъ басней, которая льстила бы его суевѣрію. Разскажемте ему, что въ то время, когда покойный находился среди насъ, съ неба сошелъ Марсъ, считающійся его отцомъ, и высказавъ, что римляне за свои пороки недостойны болѣе имѣть своимъ правителемъ сына Бога, взялъ его живаго съ собою на небо».—Согласны, отвѣчали сенаторы, но куда же мы дѣнемъ его трупъ?—«Это дѣло совсѣмъ не трудное», отвѣчалъ тотъ же сенаторъ: «разрѣжемте трупъ на мелкіе куски, и пусть каждый подъ своею тогою пронесетъ къ Тибру и броситъ въ него кусокъ на пищу морскимъ чудовищамъ». Совѣту этому, Ченчіо, послѣдовали. Теперь мораль: если Рему, основателю Рима и сыну Марса, были устроены подобные похороны, то неужели для тебя, шпіона и доносчика, достаточно всѣмъ намъ надоѣвшаго, подобный конецъ можетъ быть сколько-нибудь предосудительнымъ».

*

И говоря это, Муціо впился въ старика своимъ гнѣвнымъ, огненнымъ взоромъ.

— Бога ради! ради всего святаго... закричалъ въ ужасѣ Ченчіо, между тѣмъ, какъ рыданія прерывали его слова:—не предавайте меня такой жестокой смерти... и я скажу вамъ все, все, что̀ вы только хотите.

— А смерть тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ ты доносилъ, тебѣ не казалась жестокой? холодно спросилъ его Муціо. — Отчего же за всѣхъ жертвъ твоего корыстолюбія тебѣ не поплатиться нѣсколько и самому?

Но Ченчіо было не до логической послѣдовательности. Онъ рыдалъ и рвалъ на себѣ волосы, умоляя о пощадѣ своихъ судей и давая торжественное обѣщаніе разсказать всѣ свои продѣлки.

— Начинай же съ объясненія цѣли настоящаго твоего пребыванія въ Венеціи... сказалъ Ораціо.

И всхлипывая, и дрожа, Ченчіо началъ разсказывать о порученіи убить князя Т...

Едва онъ произнесъ имя родственника Ирены, какъ Ораціо вышелъ изъ себя и схватилъ его за горло со словами: злодѣй и предатель!... но Аттиліо и Муціо остановили его отъ припадка невольнаго бѣшенства.

Ораціо выпустилъ Ченчіо изъ своихъ рукъ, и этимъ далъ ему возможность окончить признаніе.

— Если вамъ только дорога жизнь князя, закончилъ разсказъ свой Ченчіо:—то вамъ надобно немедленно отклонить и предупредить его о засадѣ восьми эммисаровъ, стерегущихъ его и ищущихъ порѣшить каждую минуту. Я вамъ укажу всѣхъ ихъ...

Времени терять было нѣкогда, и потому всѣ пять дѣйствующихъ лицъ этой сцены пошли вмѣстѣ разыскивать князя.

Между тѣмъ толпа на площади не уменьшалась и нѣсколько разъ вызывала отшельника на балконъ. При послѣднемъ его появленіи, вѣроятно, желая ярче выразить ему сочувствіе, она закричала: смерть патерамъ! Крикъ этотъ былъ не по душѣ отшельнику, и онъ вынужденъ былъ обратиться къ народу съ слѣдующими словами: «Зачѣмъ кричите вы: смерть патерамъ? Это крикъ нехорошій. Будемте лучше стараться, чтобы смерть не угрожала никому!»

Когда онъ произносилъ эти слова, сердце его сжималось отъ печальныхъ мыслей. Онъ, ненавидящій отъ всей души проли-

тіе человѣческой крови, сознавалъ, что освобожденіе Италіи потребуетъ еще не однажды рѣзни и истребленія людей!

Слова его не были даже и разслушаны толпою, и народъ, стоявшій далеко отъ палаццо Чеккини, до котораго донеслось только начало его рѣчи: *смерть патерамъ*, полагая, что словами своими отшельникъ призываетъ его къ мести, повторяла тысячью голосовъ этотъ крикъ и набросилась съ ожесточеніемъ на палаццо патріарха, находившійся въ этомъ концѣ площади св. Марка.

Чуть не въ одну минуту толпа, осадившая это палаццо, ворвалась въ него по главной лѣстницѣ, пробилась во всѣ его комнаты и изо всѣхъ оконъ полетѣли статуи, картины, драгоцѣнная утварь и мёбели патріарха... Варварствомъ могло бы показаться многимъ это кощунственное обращеніе съ произведеніями искусства, а въ числѣ сокровищъ палаццо находились многія геніальныя произведенія Рафаэля и Миккель-Анджело (художниковъ во всѣ вѣка покупали для своихъ услугъ великіе міра), но... народный гнѣвъ не знаетъ пощады... На произведенія искусства въ минуты разраженія этого гнѣва онъ смотритъ, какъ на эмблемы своего позора и униженія... Ему не до произведеній искусствъ, въ которыхъ онъ тогда не видитъ ничего великаго... Великимъ признается имъ въ такія минуты только достиженіе свободы и національное достоинство.

Къ счастію, патріархъ не сдѣлался жертвою взрыва народнаго негодованія. При самомъ началѣ раздавшихся криковъ угрозы, онъ успѣлъ уйти изъ палаццо черезъ потайную дверь, добраться до своей гондолы и на ней отправиться въ безопасное мѣсто.

Между тѣмъ смыслъ словъ отшельника и фраза «онъ противъ смерти» переходила изъ устъ въ уста и дошла до осаждавшихъ палаццо. Эти слова человѣка, любимаго и уважаемаго массами, подѣйствовали успокоительнымъ образомъ на ожесточившихся, и повсюду порядокъ въ нѣсколько минутъ самъ собою возстановился.

XI.

Римъ и Венеція.

Оваціи, какими народъ удостоивалъ отшельника, не могли ни на минуту отвлечь его мысли отъ тяжелаго раздумья о настоящемъ и прошедшемъ Италіи. Исторія судебъ Рима и Венеціи рисовалась въ его воображеніи со всею безпощадною ясностію правды.

Человѣкъ 2-го декабря, олицетворяющій ложь и неправду, врагъ всякой истины и свободы, игралъ въ освобожденіе древней метрополіи міра, славной страдалицы, изъ побѣдительницы обратившейся въ плачущую Ніобею, съ тѣмъ же изумительнымъ лицемѣріемъ, съ какимъ умѣетъ ее угнетать.

При этомъ онъ являлся какъ-бы выразителемъ міровой мести.

Тотила, во главѣ своихъ дикихъ ордъ, побѣдилъ Римъ, разрушилъ его и истребилъ его населеніе, и это было исполненіемъ божественнаго правосудія. «Обнажаяй мечъ отъ меча и погибнетъ!» Для чего римляне стремились къ завладѣнію міромъ? Для чего недовольствовались они тѣми естественными богатствами, которыя представляла имъ ихъ страна, и совершали свои завоевательные набѣги на самыя отдаленныя части свѣта? Для чего они губили, раззоряли, уничтожали всѣ народы, о существованіи которыхъ только знали, и обращали цѣлыя плодородныя страны въ жалкія и обширныя пустыни?

Въ отмщеніе за это другіе народы повергли ихъ въ рабство, нищету, бѣдствіе.

Послѣдователь Аттилы и Тотилы не могъ также не наброситься съ тайною радостію на легкую добычу, и, сжимая ее въ своихъ когтяхъ, онъ испытывалъ величайшее удовольствіе.

Ему побѣда эта была дорога, такъ-какъ она придавала блескъ началу его господства... Ему хотѣлось походить на своего дядю. Но, несмотря на то, что эта претензія на сходство съ дядею проглядываетъ въ цѣломъ рядѣ его дѣйствій, за нимъ никто не признаетъ этого сходства. Талантъ, энергія, геній не выпадаютъ на долю каждаго, кто пожелалъ бы ими обладать!

Варвары, овладѣвъ Римомъ, обратили его въ груды развалинъ. Современный герой лжи и ханжества не раззорялъ и не истреблялъ его, но оставилъ въ вѣчной и позорной отъ себя зависимости.

Только въ самое недавнее время, онъ, кажется, нѣсколько измѣнилъ свои мысли, видя, что власть его сдѣлалась почти невозможною, послѣ того, когда этотъ отступникъ революціи, чтобы заставить забыть свое плебейское происхожденіе, позволилъ себѣ у самыхъ границъ великой американской республики основать австрійское государство!

Истреблять свободу повсюду, гдѣ это только возможно, разрушать ее на всей поверхности міра — таково твое назначеніе въ наши дни, бѣдная Франція!

И новое итальянское правительство добровольно подчинилось оскорбительному гнёту, согласилось сдѣлаться въ угоду деспота сторожемъ Ватикана, запретить римлянамъ самую

мысль объ освобожденіи, закабалить ихъ духовному господству, и заставить Италію отказаться отъ надежды имѣть Римъ своею столицею, несмотря на то, что стремленіе къ этому было торжественно провозглашено и освящено парламентомъ того же самаго правительства!

Ни древняя, ни новая исторія не представляютъ ничего, что̀ бы могло равняться въ слабости съ подобнымъ правительствомъ. Или при всякомъ благѣ, достигаемомъ человѣчествомъ, должна существовать и темная тѣнь—униженія, страданія, зло?...

Я упомянулъ слово «благо», и дѣйствительно, несмотря на все, я считаю объединеніе Италіи великимъ благомъ, даже чудомъ, совершившимся на глазахъ нашихъ, несмотря на всѣ усилія, которыя употребляли внѣшніе и внутренніе ея враги для того, чтобы обезсилить, обмануть и разорить эту страдальческую страну.

Тѣнью этого блага—та систематическая народная порча, которая носитъ названіе управленія.

Порча эта достигла того, что народъ раздѣлился на двѣ группы. Одна изъ этихъ группъ закуплена для того, чтобы угнетать другую и держать ее въ вѣчномъ рабствѣ, страхѣ и нищетѣ!

Привѣтствую тебя, мощный мексиканскій народъ. Нельзя безъ зависти подумать о твоемъ постоянствѣ и отвагѣ, которыя помогли тебѣ освободить твою прекрасную родину отъ чужеземнаго гнёта!

Примите, храбрые потомки Колумба, отъ вашихъ братьевъ-итальянцевъ привѣтствіе вашему возрожденію!

Вы были въ одинаковомъ съ нами положеніи, и съумѣли изъ него выдти. Мы, исполненные тщеславія, толкуемъ безъ конца о славѣ, свободѣ, величіи... и, подчиняясь чужеземному вліянію, не умѣемъ достигнуть своего возрожденія, не смѣемъ добиться того, чтобы завоевать себѣ мѣсто въ средѣ свободныхъ народовъ!

Мы, у себя дома, не смѣемъ считать его своимъ, изъ опасенія, что насъ за это накажутъ; мы не смѣемъ заявить громко другимъ народамъ, что мы можемъ сами управляться въ нашей странѣ; мы не имѣемъ смѣлости отвести отъ груди нашей кинжала, приставленнаго къ ней чужеземцами!

Но, что̀ всего хуже, всего унизительнѣе, — это то, что мы покоряемся приказанію чужеземца, сказавшаго намъ: «жалкіе трусы! Я оставляю вамъ вашу родину, такъ-какъ весь міръ укоряетъ меня за то, что я сдѣлалъ ее своею добычей. Берегите ее, будьте ея палачами вмѣсто меня, но не смѣйте до нея дотрогиваться».

О, Римъ! дорогая мечта моя, городъ славы даже въ настоящую минуту своего унпженія. Когда ты освободишься? Или твое возрожденіе должно обрушиться катастрофою на весь существующій міръ!?

А подлѣ — Венеція.

Позорныя пятна рабства и тяжелые рубцы униженія народъ обыкновенно всегда умѣетъ, въ благопріятную минуту, обмыть и очистить въ своей крови. Классы просвѣщенные и богатые должны бы были, наконецъ, понимать эту истину и съумѣть отстранить отъ человѣчества повтореніе этихъ грубыхъ оргій неистовства и кровопролитія, обращающихъ массы народа въ изступленныхъ варваровъ первобытнаго міра.

Въ прежнія времена Венеція, побуждаемая своею ломбардской сестрой, умѣла обмывать кровью долгіе годы своего униженія и рабства. Теперь не то. Если она и освободилась отъ чужеземной власти, то, благодаря чужой доблести, а не своей собственной.

Освобожденіе ея не дѣло даже рукъ ея братьевъ-итальянцевъ. Нѣтъ! Освобожденіе ея брошено ей, какъ милостыня чуждымъ народомъ. Садовая покрыла славою Пруссію, и дала Италіи Венецію. И Италія приняла безъ краски стыдъ эту подачку, она ее не обидѣла!...

А между тѣмъ, и для народовъ, какъ для отдѣльныхъ людей, необходимо для существованія сознаніе собственнаго достоинства, необходимѣе даже, чѣмъ хлѣбъ для поддержки того животнаго прозябанія, въ какое хотятъ повергнуть Италію.

Нѣкогда царица Адріатики давала законы сильнымъ завоевателямъ. Рыканіе ея гордаго льва слышалось на дальнемъ Востокѣ. Правители Европы составляли противъ нея союзы, и при помощи завистливыхъ итальянскихъ республикъ покушались на ея лагуны, ею были отражаемы храбрыми сынами республики.

Кто можетъ теперь узнать въ венеціанцахъ — согражданъ Дондоло и Морозини? Имъ нужна была чужая помощь, чтобы освободиться! Освободившись, они попали въ силки, разставленные имъ «поскребышами Сеяна» [1], для которыхъ ничто не кажется унизительнымъ и позорнымъ!

Какъ долгій гнётъ измѣняетъ людей! Благородныя личности измѣняются въ жалкихъ гермафродитовъ! И вы не одни, венеціанцы! Потомки Леонида и Цинцината не уступаютъ вамъ въ своемъ вырожденіи!

[1] Raschiature di Seiano—выраженіе Гверацци. Такъ онъ называетъ умѣренныхъ.

Рабство выжигаетъ такое клеймо на челѣ человѣка, что онъ становится неузнаваемъ, и мало чѣмъ отличается отъ дикаго звѣря.

Но какъ ни низко упалъ итальянскій народъ, разорвать съ своимъ прошедшимъ окончательно онъ не можетъ.

Такъ, между прочимъ, у него осталось стремленіе къ развлеченіямъ и празднествамъ. Крикъ его: «хлѣба и зрѣлищъ!» и въ наши дни тотъ же самый, какъ въ давно минувшее время. И духовное господство старается удовлетворить эту его потребность торжественностію и роскошью своихъ процессій и обрядовъ, превосходящихъ своимъ блескомъ и роскошью все, что̀ существовало въ этомъ родѣ въ древности.

Кромѣ этого удовольствія созерцанія величія католическаго ритуала, заботливое правительство предоставляетъ народу всякія другія удовольствія и удобства, подъ однимъ условіемъ, ни на минуту не задумываться надъ судьбами и возрожденіемъ Италіи. Платить и разоряться сколько угодно итальянцы и имѣютъ полное право. Всякія игры, зрѣлища, развратъ самый разнообразный, проституція — все это готово къ ихъ услугамъ.

Только церемоніи обрученія дожа съ моремъ давно не видали венеціанцы.

А этотъ праздникъ былъ любимѣйшимъ для народа, когда народъ этотъ имѣлъ самоуправленіе, свое правительство, и дожа во главѣ этого правительства.

Въ день, назначавшійся для празднованія, il Bucintoro—роскошнѣйшая галера республики, разцвѣченная знаменами и разукрашенная коврами и позолотою, съ дожемъ, важнѣйшими членами правительства, иностранными посланниками и цвѣтомъ венеціанскихъ женщинъ въ праздничныхъ одеждахъ на палубѣ, — двигалась при громѣ музыки отъ палаццо св. Марка къ Адріатикѣ.

Кортежъ Буцинторо составляли множество другихъ галеръ и безчисленное число убранныхъ по праздничному гондолъ, на которыхъ находилась бо̀льшая часть населенія.

И была ты прекрасна въ такіе дни, царица Адріатики, когда твои Дондоло и Морозини бросали въ морскую глубь кольцо, торжественно объявляя море невѣстой республики, и какъ бы гарантируя этимъ то, что оно будетъ снисходительно къ морякамъ-венеціанцамъ. И была ты сильна тогда, республика, насчитавшая тринадцать вѣковъ своего существованія, и еслибы вслѣдъ за пышными своими обрученіями ты умѣла бы устроивать братскій банкетъ для твоихъ сестеръ, другихъ итальян-

скихъ республикъ, чужеземецъ, воспользовавшійся вашими раздорами, чтобы погубить васъ, никогда не посягнулъ бы на вашу свободу, никогда не достигъ бы обращенія васъ въ позорное рабство!

Заживите же раны, натертыя на рукахъ вашихъ кандалами; заживите рубцы, которыми покрыто все ваше изможженное тѣло, и не забывайте уже впредь никогда всѣхъ униженій вашихъ, и помните, что только соединенныя,—вы будете настолько сильны, что совладаете съ каждымъ чужеземнымъ врагомъ!

Чичероне, показывавшій отшельнику всѣ рѣдкости Венеціи, и разсказывавшій ему о томъ, какъ происходила обыкновенно церемонія обрученія дожа съ моремъ, сказалъ ему, улыбаясь: «Знаете ли, намъ все кажется, что мы когда-нибудь снова увидимъ подобную церемонію!»

XII.

Похожденія князя Т.

Въ то время, когда убійцы стерегли князя Т., а друзья наши разыскивали его съ Ченчіо, чтобы предупредить объ ожидавшей его опасности, онъ, ничего не предчувствуя, находился далеко отъ площади св. Марка, въ отдаленномъ концѣ Венеціи.

Князь Т., какъ я уже говорилъ, былъ человѣкъ не дурной, и способный ко всякому благородному порыву, но выросши среди развращенной аристократіи, онъ также легко подчинялся и всякому дурному вліянію, увлекался на каждомъ шагу, былъ легкомысленъ и любилъ сильныя ощущенія.

Былъ онъ также очень влюбчивъ, въ чемъ я, впрочемъ, не вижу почти ничего дурнаго при его молодости, принявъ въ соображеніе, что въ наши дни отъ подобной слабости не свободна даже и бо̀льшая часть стариковъ, нѣкоторые изъ которыхъ, несмотря на это, заслуживаютъ всякаго уваженія за свои достоинства.

Въ прежнее время, при существованіи «права первой ночи», для итальянскихъ аристократовъ, удовлетвореніе самыхъ утонченныхъ прихотей сластолюбія было донельзя удобно. Мало того, чуть не каждая плебеенка, удостоенная ихъ вниманіемъ, считала себя осчастливленною, и не была въ состояніи понимать своего позора и униженія.

Въ наши дни дѣло это нѣсколько измѣнилось, и хотя и теперь нерѣдкость встрѣчать могущественныхъ аристократовъ, для которыхъ все достижимо, такъ-какъ подъ маской либерализма они едва-ли еще не сильнѣе своихъ достойныхъ пред-

шественниковъ, но бо̀льшая часть изъ нихъ и въ любви, какъ во многомъ другомъ, стараются согласовать нѣсколько свои дѣйствія съ требованіями духа времени. Простолюдинки для нихъ тоже представляются женщинами, въ которыхъ можно влюбляться, за которыми можно ухаживать, которымъ можно отвѣчать чувствомъ на чувство, а не приказывать просто любить себя.

Князь Т. принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ аристократической молодежи, а потому и въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ отличался нѣкоторою деликатностью.

Это, однако же, не мѣшало ему предаваться времяпрепровожденію этого рода съ излишествомъ.

Въ Венеціи онъ былъ въ первый разъ, и исполнивъ то, что̀ считалъ своею обязанностью, явиться къ отшельнику съ привѣтствіемъ тотчасъ послѣ его пріѣзда и даже нанять себѣ помѣщеніе въ той же гостиницѣ Викторіи, гдѣ остановился отшельникъ и его друзья, онъ почувствовалъ, что онъ совершенно свободенъ и можетъ даже нѣсколько пожуировать.

Онъ слышалъ такъ много прежде о красотѣ венеціанокъ, видъ ихъ — женщинъ, приходившихъ къ гостиницѣ Викторіи изъ любопытства взглянуть на отшельника, толпилось у дверей этой гостиницы не мало — такъ на него сильно подѣйствовалъ, что онъ рѣшился посвятить первый же вечеръ своего пребыванія въ Венеціи поискамъ за какою-нибудь счастливою встрѣчею.

Не имѣя, впрочемъ, никакого опредѣленнаго плана на этотъ счетъ, онъ нѣсколько времени ходилъ между толпами, собравшимися на площади св. Марка. Многія венеціанки нравились ему, но ни одна не заставляла забиться сердце. Вдругъ замѣтилъ онъ молодую дѣвушку ослѣпительной красоты, только что отдѣлившуюся отъ группы, стоявшей подлѣ самой гостиницы. Очевидно, она приходила взглянуть на отшельника и теперь возвращалась домой.

Не думая, не разсуждая ни о чемъ, вѣтреный князь инстинктивно пошелъ вслѣдъ за нею. Но дѣвушка шла не оглядываясь и такъ быстро, что за нею трудно было поспѣвать. Пройдя нѣсколько улицъ, она остановилась у одного изъ каналовъ, гдѣ ждала ее гондола. Князь со всѣхъ ногъ бросился къ мѣсту, гдѣ она останавливалась, но легкая гондола уже мчала ее по каналу.

Подозвать гондольера, нанять другую гондолу и отправиться въ догонку за дѣвушкой, было для князя дѣломъ одной минуты.

«Зачѣмъ я ѣду и куда я ѣду?» мелькнуло въ головѣ князя: «можетъ быть, эта женщина даже и не стоитъ за собою уха-

живанія. Но нѣтъ, это было бы слишкомъ страшно! Дѣвушка эта такъ прекрасна и способна вселить такую глубокую къ себѣ страсть, что необходимо разузнать прежде всего, кто она, гдѣ она живетъ, а тамъ... будь, что будетъ!»

Гондола дѣвушки остановилась у небогатаго дома, безъ всякихъ украшеній. Дѣвушка взошла на лѣстницу, и легкая, какъ серна, стала по ней взбираться. У дверей втораго этажа стояла женщина со свѣчою, очевидно видѣвшая изъ окна ея прибытіе. Князь безсознательно тоже поднялся на лѣстницу. Женщина, встрѣтившая дѣвушку, повидимому, мать незнакомки, нѣжно ее поцаловала, и обѣ онѣ вошли въ комнаты, забывъ, очевидно впопыхахъ, затворить дверь на лѣстницу, и князь инстинктивно вошелъ вслѣдъ за ними...

Войдя въ комнату и очутившись съ глазу на глазъ съ двумя женщинами, изъ которыхъ одна видомъ своимъ внушала невольное къ себѣ уваженіе, а другая при вечернемъ освѣщеніи казалась еще ослѣпительнѣе по своей красотѣ, князь сразу почувствовалъ всю неловкость своего положенія, и чтобы выйти изъ него по возможности съ меньшими затрудненіями, обдумывалъ уже почтительную фразу для оправданія своего внезапнаго появленія ошибкою въ домѣ... какъ вдругъ сильная рука юноши, въ гарибальдійской рубашкѣ, схватила его сзади за плечи.

Это былъ женихъ дѣвушки, догонявшій ее въ третьей гондолѣ.

— Вы, кажется, г. волокита, сказалъ юноша: — не туда попали, куда думали. Убирайтесь-ка по добру по здорову на улицу, пока цѣлы, или я васъ вышвырну на лѣстницу...

Аристократическая гордость не позволила князю выслушать эту горькую правду безъ возраженій.

«Я никого здѣсь не думалъ оскорблять, но если вы считаете себя вправѣ говорить мнѣ дерзости, то я ихъ даромъ вамъ не спущу. Вотъ моя карточка. Я не прочь обмѣняться съ вами пистолетными выстрѣлами, и завтра до 12-ти часовъ буду ждать въ гостиницѣ Викторіи вашихъ посредниковъ.

— Такъ долго я дожидаться ихъ не заставлю, отвѣчалъ юноша, и заперъ дверь за уходившимъ княземъ.

Не особенно веселымъ послѣ такой неудачи возвращался князь домой, какъ у самаго входа остановленъ былъ нашими друзьями. Имъ уже удалось удалить убійцъ, такъ-какъ Ченчіо сказалъ имъ, что онъ получилъ изъ Рима отмѣну приказанія. Они, проискавъ понапрасну всюду князя, рѣшили, что они все-таки успѣютъ увидать его, когда онъ будетъ возвращаться домой, чтобы разсказать ему весь замыселъ противъ его жизни.

Князь старался казаться веселымъ въ обществѣ друзей и не сообщилъ имъ ничего о случившемся. Онъ не хотѣлъ подвергать ихъ опасности изъ-за своей неосторожности, а они, конечно, еслибы узнали о дуэли, то всѣ захотѣли бы быть его секундантами. Исключеніе сдѣлалъ онъ для одного Аттиліо, которому во время общаго разговора незамѣтно шепнулъ, чтобы онъ оставался ночевать, такъ-какъ у него до него есть дѣло. Когда пріятели стали прощаться, то Аттиліо, подъ предлогомъ необходимости сказать князю нѣсколько словъ по одному частному дѣлу, остался у него въ нумерѣ.

На зарѣ слѣдующаго утра легкій стукъ въ двери нумера показалъ князю, что наступила минута переговоровъ о дуэли. Когда дверь была полуотперта. въ комнату вошелъ незнакомый ему молодой человѣкъ и вѣжливо передалъ ему карточку съ письмомъ Морозини, на которой было написано: «Я принимаю вашъ вызовъ и жду васъ близь гостиницы въ гондолѣ. Со мною оружіе для двоихъ, но, пожалуй, захватите съ собою и ваше. Условія дуэли будутъ зависѣть отъ нашихъ секундантовъ».

Князь представилъ незнакомца Атилліо, и въ двѣ минуты все было рѣшено. Рѣшили стрѣляться на пистолетахъ. Сходиться съ двадцати шаговъ разстоянія и стрѣлять по произволу. Мѣсто дуэли назначалось за городской стѣной, и противникъ просилъ только одного, чтобы дуэль не откладывать, а стрѣляться, если только это князю возможно, тотчасъ же.

Это условіе было весьма раціональнымъ: оно избавляло противниковъ отъ непріятнаго ожиданія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ рѣшителенъ и твердъ человѣкъ, но если ему предстоитъ убить другаго или самому быть убитымъ, мысль о чемъ одинаково тяжела для человѣка, то самое лучшее — дѣйствовать уже безъ отлагательства, сокращая время ненужныхъ предварительныхъ страданій.

Я не сторонникъ дуэлей. По моему — неумѣнье людей рѣшать дѣла чести безъ кровопролитія — дѣло позорное, но какъ итальянецъ, и поэтому рабъ и илотъ,—я полагаю, что не имѣю даже права проповѣдывать общій миръ между людьми. Прощеніе обидъ—дѣло почтенное, но какъ можемъ мы ихъ прощать, когда насъ обижаютъ всѣ и каждый, на каждомъ шагу, когда мы обидно лишены нашихъ правъ, поруганы въ нашей чести и сознаніи — поддонками нашего же народа? Намъ не до прощенія обидъ, когда мы самое право жизни должны покупать цѣною униженія. Разумѣется, Италія отвергнетъ дуэли, когда она составитъ свободный народъ, и мы вступимъ въ прямое пользованіе нашими правами, которыя признаютъ за нами и дру-

гія страны, но въ наши дни угнетенія, произвола и привиллегій — я стою за дуэли — при рѣшеніи частныхъ споровъ.

Когда гондолы дошли до условленнаго мѣста, то противники и ихъ секунданты вышли на песчаное прибрежье. Шаги были отмѣрены, пистолеты осмотрѣны секундантами и вручены князю и Морозини. Оставалось только Атилліо подать знакъ троекратнымъ ударомъ въ ладоши, и противники могли сходиться и стрѣлять.

Уже два раза ударилъ въ ладоши Атилліо, какъ вдругъ съ мѣста, гдѣ стояли гондолы, послышался крикъ: остановитесь! и вслѣдъ за нимъ между соперниками появился сѣдой какъ лунь гондольеръ, и обратился къ нимъ со словами увѣщанія и скорби, не проливать безъ нужды дорогую итальянскую кровь, которая можетъ еще понадобиться отечеству. Старикъ говорилъ горячо и настойчиво, но слова его оказались безполезны. Его попросили удалиться, и условные сигналы снова были повторены. При третьемъ сигналѣ послѣдовали выстрѣлы: пуля князя задѣла плечо Морозини съ правой стороны; показалась кровь, но рана была легкая и поверхностная. Противникъ его, очевидно обладавшій бо̀льшею долею хладнокровія, выстрѣлилъ послѣ, на весьма близкомъ разстояніи, и пуля поразила князя въ самое сердце, такъ что онъ тотчасъ же, какъ снопъ, свалился на песокъ.

Когда слухъ о его смерти достигъ до Рима, это конечно доставило немало удовольствія куріи.

Смерть и погребеніе, всегда напоминаютъ извѣстную поэму нашего великаго Уго Фосколо, представляющую торжественный гимнъ въ честь умершихъ. Прославлять доблести мертвыхъ— дѣло полезное для возбужденія въ живыхъ желанія имъ подражать. Но я въ то же время врагъ той роскоши и помпы, какими окружаютъ патеры церемоніалъ погребенія людей богатыхъ или могущественныхъ. Эта роскошь похоронъ противна самой идеи смерти — равенства бѣднаго и богатаго, одинаково обращающихся въ прахъ. Тщеславіе и пышность похоронъ возмутительны и даже смѣшны (хотя смерть не должна бы была ни въ какомъ случаѣ давать поводъ къ смѣху), особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть погребаемаго доставляетъ только удовольствіе для жадныхъ наслѣдниковъ и съ общимъ равнодушіемъ принимается посторонними.

Но верхомъ безобразія—я считаю наемныхъ плакальщицъ, которыхъ я видѣлъ самъ въ Молдавіи на похоронахъ одного боярина, и которыя вѣроятно водятся и въ другихъ странахъ. Слезы за деньги — что̀ можетъ быть отвратительнѣе этого, слезы, когда

въ душѣ нѣтъ никакой скорби, а между тѣмъ плакальщицы, которыхъ я видѣлъ, обливались слезами, захлебывались отъ рыданій. Онѣ напоминали мнѣ тѣхъ парламентскихъ одобрителей, которые за деньги, полученныя ими, считаютъ своимъ долгомъ выражать свой восторгъ и кричать браво, при каждой рѣчи министровъ или другихъ правительственныхъ ораторовъ, какую бы дребедень ни приводили они въ этихъ рѣчахъ.

На похоронахъ князя Т. тоже не обошлось безъ большой и равнодушной толпы. Званіе покойнаго послужило, какъ это всегда бываетъ, приманкою для зѣвакъ. Среди равнодушныхъ проводниковъ князя, были дѣйствительно разстроены только Муціо, Атилліо и Гаспаро (Ораціо и Ирена ничего не знали; друзья съумѣли скрыть отъ нихъ извѣстіе о его смерти). Гаспаро просто рыдалъ.

Плакалъ онъ потому, что успѣлъ въ послѣднее время привязаться всею душою къ покойному, и цѣнилъ въ немъ человѣческое къ себѣ отношеніе.

Какъ легко аристократіи привязывать къ себѣ народъ, при малѣйшемъ ея желаніи этого. Какъ легко богатымъ людямъ, помогая несчастнымъ и обойденнымъ, даже небольшими средствами, пріобрѣтать себѣ приверженцевъ и друзей. Я часто объ этомъ думаю и удивляюсь, почему есть еще столько знатныхъ и богатыхъ людей, которые просто изъ небрежности не заботятся о народной любви. Я знаю, что между богатыми въ наше время весьма много людей, а особенно женщинъ, отличающихся высокою степенью сострадательности и милосердія, но къ несчастію, число ихъ все-таки ничтожно сравнительно съ количествомъ нуждающихся. А сколько еще между богачами и такихъ, которые не только равнодушны къ страданіямъ бѣдняковъ, но еще съ какимъ-то злорадствомъ стараются ихъ обижать, угнетать, преслѣдовать.

Конечно, улучшать положеніе бѣдныхъ прежде всего дѣло правительства, но ему, какъ всѣмъ извѣстно, не до того...

Богатые классы могли бы пособить этому злу, еслибы жертвовали на это дѣло хотя какую нибудь часть своихъ излишковъ. И тогда бы не существовало того возмутительнаго контраста, какой на каждомъ шагу представляетъ современное общество, когда рядомъ съ человѣкомъ, нуждающимся въ самомъ необходимомъ, едва не умирающимъ съ голода, видишь человѣка, незнающаго что̀ дѣлать съ своими избытками и впадающаго въ хандру отъ пресыщенія.

Погребальный поѣздъ приблизился къ кладбищу. Гробъ опустили въ могилу и не нашлось ни одного голоса, который ска-

залъ бы хоть слово въ память покойнаго. Бѣдный князь, при всемъ своемъ желаніи дѣлать добро, не успѣлъ еще ничего сдѣлать, сраженный преждевременной смертью... Что же можно было сказать о его добротѣ и доблестяхъ, проявить которыя онъ не имѣлъ даже и времени?

Иренѣ и Орацiо — о смерти князя объявилъ отшельникъ, когда Атилліо и Муціо уже вернулись съ похоронъ, объяснивъ имъ, что это было отъ нихъ скрыто для того, чтобы избавить Ирену отъ лишняго страданія. Новость эта поразила Ирену глубокою скорбью. Со смертью брата она дѣлалась наслѣдницею всѣхъ его богатствъ, но ни она, ни Орацiо объ этомъ даже и не вспомнили. А между тѣмъ въ Римѣ — патеры, увѣдомленные телеграммою о случившемся, озаботились уже конфискаціею домовъ князя, находившихся на территоріи папской области. Поспѣшность ихъ, впрочемъ, весьма понятна, если взять въ соображеніе, что люди этого рода обязаны самымъ своимъ званіемъ особенно дорожить тѣми сокровищами, которыя *не отъ міра сего*.

XIII.

Прощаніе съ Венеціей.

Послѣ похоронъ князя Т., отшельникъ недолго пробылъ въ Венеціи.

«Прощай Венеція», думалъ онъ, разставаясь съ ней: «и твой народъ, подобно другимъ итальянскимъ городамъ, отъ продолжительнаго подчиненія чужеземцамъ, утратилъ тотъ отпечатокъ величія, какимъ онъ отличался при Венье и Дондоло. Современные венеціанцы слабы и духомъ и тѣломъ и — также какъ и остальные ихъ итальянскіе братья, могутъ только тщеславиться своимъ славнымъ прошедшимъ!»

Нельзя не удивляться, какъ портитъ и вырождаетъ людей продолжительное рабство и господство духовныхъ! Взгляните на гордаго янки, какъ онъ смѣлъ, бодръ, силенъ и даже красивъ. Для него въ мірѣ нѣтъ ничего невозможнаго, и при самомъ отчаянномъ рискѣ онъ твердо произноситъ свое непреклонное: *впередъ!*

Таковъ же и англичанинъ, таковъ же и швейцарецъ.

Сравните съ этими смѣлыми людьми потомковъ Леонида или Брута, и вы увидите, какъ продолжительное рабство, и вѣчный страхъ изувѣчили ихъ, исказили самыя черты ихъ, измѣнили осанку и походку. Очевидно, что папа Стамбула и папа Рима стоютъ одинъ другаго.

Отшельнику случалось видѣть въ Константинополѣ грековъ, которые были въ наказаніе пригвождены ухомъ къ ихъ лавкамъ. Прохожіе съ презрѣніемъ смѣялись надъ ними, отворачивались отъ нихъ и называли ихъ плутами и негодяями, и они были дѣйствительно плуты и негодяи, такъ-какъ ихъ наказывали за плутни и мошенничества въ торговлѣ.

Римскіе нищіе, толпящіеся у колоннадъ своихъ храмовъ, конечно не возбуждаютъ такого отвращенія, какъ константинопольскіе греки. Они все-таки выше ихъ, хотя также нравственно изуродованы и испорчены до мозга костей.

И Венеція, какъ и другія ея итальянскія сестры, выродилась и развратилась!...

Эти печальныя мысли отшельника подтвердились фактами.

Хотя его появленіе въ Венеціи и страстная проповѣдь правды и произвела всеобщій энтузіазмъ; хотя, куда бы онъ ни шелъ, его всюду сопровождали толпы народа съ громкими криками, но этимъ все дѣло и ограничивалось. Ни однимъ совѣтомъ его не воспользовались.

Въ депутаты были избраны не тѣ лица, на которыхъ онъ указывалъ; патерамъ попрежнему льстили и кланялись...

А между тѣмъ, путь его былъ рядомъ оваціи.

Въ Падуѣ онъ отдохнулъ и помолодѣлъ душой, встрѣтивъ въ средѣ студентовъ этого славнаго университета, горячія чувства патріотизма и гуманности.

Въ Виценцѣ, Тревизѣ, Удинѣ, Беллуно, Фельтре, Конельяно всегда народъ встрѣчалъ его съ горячими знаками сочувствія, и благодарное воспоминаніе этого никогда не заглохнетъ въ его душѣ.

XIV.

Кайроли и его семьдесятъ товарищей. Кукки и друзья его.

Народы довольные и хорошо управляемые никогда не возмущаются. Бунты, возмущенія, революціи—послѣднее прибѣжище угнетенныхъ и рабовъ. Вызываются они тираннiей.

Бываютъ, конечно, исключенія, когда происхожденіе возмущеній нельзя объяснять прямо тиранніей, но косвеннымъ образомъ причины, вызывающія ихъ, все-таки результатъ нравственной или матеріальной тиранніи.

Въ Швейцаріи, въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ случались, и можетъ быть еще будутъ повторяться возмущенія, хотя эти страны и хорошо, относительно, управляются.

Но Зондербундъ въ Швейцаріи, и движеніе феніевъ въ Англіи — результатъ нравственной тиранніи патеровъ на невѣжественные классы населенія.

Недавняя страшная революція въ Соединенныхъ Штатахъ была слѣдствіемъ той матеріальной тиранніи, которою отличались южные плантаторы въ отношеніи къ своимъ чернымъ рабамъ и которою они хотѣли заразить и другіе штаты Союза.

Такимъ образомъ одна тираннія, такъ или иначе, всегда бываетъ причиною возмущеній.

Что Римъ страдаетъ и отъ нравственной и отъ матеріальной тиранніи — это едва-ли кто станетъ отрицать. Я же полагаю, что тираннія духовнаго господства, готоваго каждую минуту продавать римлянъ чужеземцамъ,—самая тяжелая, позорная, невыносимая тираннія, какая когда-либо существовала.

Была бурная, темная, холодная и дождливая октябрская ночь. Волненіе на Тибрѣ было необычайное; пристать къ берегу, покрытому скользкою и вязкою грязью и водяною пѣною, было почти невозможно. Семьдесятъ человѣкъ людей, одежда которыхъ не могла предохранить ихъ отъ ночнаго холода, носились по Тибру въ нѣсколькихъ баркахъ, тщетно отыскивая мѣсто, гдѣ бы можно было безопасно пристать. Всѣ они были вооружены револьверами и кинжалами и у нихъ было даже нѣсколько, хотя и плохихъ, ружей.

Въ эту ночь было назначено возстаніе въ Римѣ.

Въ городъ успѣло пробраться множество инсургентовъ изъ всѣхъ итальянскихъ провинцій. Аттиліо, Муціо, Орацio и т. д. уже были на своихъ мѣстахъ и распоряжались приготовленіемъ къ дѣлу своихъ товарищей.

Напрасно папская полиція употребляла всевозможныя мѣры для открытія заговорщиковъ, и арестовывала направо и налѣво, безъ счета,—людей, рѣшившихся пожертвовать своею жизнью, сошлось въ Римъ столько, что со всѣми ей невозможно было справиться.

Семьдесятъ человѣкъ, плывшихъ по Тибру, торопились на подмогу своимъ товарищамъ. Баркамъ ихъ удалось, наконецъ, пристать у горы св. Джуліано въ полночь съ 22-го на 23-е октября 1867 года.

— Въ четыре часа вечера мы должны идти на Римъ, сказалъ храбрый Энрико Кайроли, обращаясь къ своимъ друзьямъ. — До тѣхъ поръ мы можемъ отдохнуть въ этомъ казино, ожидая извѣстій отъ нашихъ изъ Рима, а въ назначенный часъ — въ походъ.

— Я считаю, однакожь, долгомъ своимъ предупредить васъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія:—что дѣло, предстоящее намъ, будетъ трудное. Поэтому, если кто-нибудь изъ васъ чувствуетъ себя больнымъ, или усталымъ, то пусть лучше онъ останется. Сердиться на него никто изъ насъ не станетъ и, дружески прощаясь, мы скажемъ ему: до свиданія въ Римѣ.

— Никто изъ насъ не отстанетъ! Мы всѣ идемъ, остановить насъ можетъ развѣ только одна смерть! отвѣтили въ одинъ голосъ прибывшіе.

— Однако, странно, что я не вижу ни проводника, который по условію долженъ вести насъ къ Риму, ни посланнаго, который долженъ бы былъ принести намъ извѣстія о ходѣ возстанія въ городѣ, обратился Джіованни Кайроли къ своему брату, возвратясь съ осмотра мѣстности: — а между тѣмъ мы просто въ волчьей ямѣ, окружены аванпостами папскихъ войскъ и на насъ могутъ каждую минуту напасть.

— Будемъ ждать, что̀ бы ни случилось, отвѣчалъ Энрико. — Мы пришли драться, и никакая опасность не должна страшить насъ при исполненіи того, что̀ было условлено.

Въ полдень только явился изъ Рима посланный, котораго ждалъ Кайроли. Онъ объявилъ, что такъ-какъ вечернее движеніе не дало никакихъ опредѣленныхъ результатовъ, то Кайроли должно будетъ дожидаться новыхъ распоряженій.

Посланный тотчасъ же былъ отправленъ назадъ сказать, что Кайроли съ товарищами готовъ и ждетъ только новыхъ извѣстій и распоряженій.

Никакихъ новыхъ распоряженій, однако, Кайроли не получалъ до пяти часовъ, а въ это время его присутствіе было замѣчено двумя папскими полка̀ми, и волей-неволей пришлось готовиться къ схваткѣ.

Первымъ подвергся нападенію Джіованни, который съ двадцатью-четырьмя товарищами составлялъ авангардъ, помѣстившись въ сторожкѣ одной виллы. Онъ, несмотря на многочисленность папскаго войска, смѣло выдержалъ его натискъ. Опасаясь, однако, дурнаго исхода дѣла, Энрико еще съ двадцатью-пятью юношами поспѣшилъ ему въ подкрѣпленіе. Братьямъ, при соединеніи ихъ, удалось разбить и прогнать войско, обратившееся въ бѣгство. Но въ это самое время новыя непріятельскія войска явились на помощь бѣжавшимъ и, занявъ позицію позади высотъ горы св. Джуліано, открыли безпощадный огонь по нашимъ героямъ.

Тогда Кайроли съ своими бросился въ штыки на войско и снова обратилъ въ бѣгство папистовъ, оставившихъ на полѣ

сраженія множество убитыхъ и раненыхъ. Но и защитники свободы понесли не мало урона. Оба брата Кайроли были убиты... Только наступившая ночь прекратила это геройское дѣло.

Въ то же самое время, въ стѣнахъ Рима происходила другая сцена, участниками которой былъ Кукки и множество римскихъ и провинціальныхъ патріотовъ, собравшихся на призывъ освободить Римъ или умереть.

Кукки, уроженецъ Бергама, былъ одною изъ самыхъ симпатичныхъ личностей, какія только выставила послѣдняя итальянская революція. Молодой, изящный, красивый, богатый, онъ происходилъ отъ одной изъ первыхъ ломбардскихъ фамилій. Онъ съумѣлъ подобрать себѣ такихъ товарищей, какъ Гверцони, Босси, Адамоли и множество другихъ смѣлыхъ людей, которые, пренебрегая ужасами пытки и всякими бѣдствіями, которыя могли имъ угрожать, подъ его главнымъ начальствомъ, завѣдывали всѣмъ дѣломъ римской инсуррекціи.

Бѣдный римскій народъ съ радостью подчинялся ихъ распоряженіямъ и просилъ только одного... оружія! Оружія этого посылалось ему заранѣе достаточно, со всѣхъ сторонъ Италіи, но лицемѣрное, флорентинское правительство, изворотливое и ловкое, съумѣло своевременно перехватить бо̀льшую его часть.

Если читатели вспомнятъ, что это самое правительство, неоднократно прежде того, распускало подъ рукою слухи, что достаточно двухъ или трехъ выстрѣловъ *даже на воздухъ*, чтобы его войска двинулись также на Римъ, то они легко поймутъ, какъ низко были обмануты защитники Рима! Выстрѣлы были однако сдѣланы, и бѣднымъ римлянамъ пришлось почти безоружнымъ бороться на улицахъ съ массами хорошо вооруженнаго войска и со множествомъ монастырской сволочи; имъ удалось-таки подорвать миною казарму зуавовъ и съ одними ножами побивать наемщиковъ, сильно вооруженныхъ.

Въ Трастеверіи находились всѣ наши старые знакомые: Аттиліо, Муціо, Ораціо, Сильвіо и Гаспаро. Съ ними были и уцѣлѣвшіе изъ *трехсотъ*, успѣвшихъ избѣгнуть преслѣдователей папской полиціи [1].

Народъ отыскалъ людей, способныхъ имъ управлять, и самоотверженно исполнялъ свой долгъ!

Все оружіе изъ замка Ораціо пошло въ ходъ и послужило значительной помогою трастеверинцамъ.

Жандармы, карабинеры, зуавы, драгуны, согнанные въ одну кучу, принуждены были бѣжать отъ ножей народа и выстрѣловъ небольшаго числа ружей, по Лонгаро къ мосту Св. Ан-

[1] Всѣхъ арестованныхъ въ Римѣ за эти дни насчитываютъ до 10 тысячъ.

гела. Народъ гналъ ихъ до самаго моста, но самый мостъ былъ укрѣпленъ: на немъ стоялъ цѣлый полкъ зуавовъ и артиллерія! Когда войско нестройною кучей вмѣстѣ съ гнавшимъ его народомъ взошло на мостъ, то начальникъ зуавовъ, распоряжавшійся защитою моста, не разбирая, что большинство вошедшихъ на него принадлежало къ папалинамъ, приказалъ открыть по нимъ огонь... Что̀ значило исполнителю папскихъ велѣній истреблять своихъ? Онъ зналъ, что за золото, въ изобиліи притекавшее въ сокровищницу св. Петра, можно немедленно накупить новыхъ негодяевъ въ двойномъ количествѣ противъ истребленныхъ. Главное дѣло было—истребить какъ можно болѣе инсургентовъ. И многіе инсургенты заплатили своею жизнію за попытку взойдти на этотъ пагубный мостъ, тѣмъ болѣе, что народъ, одушевленный необычайнымъ энтузіазмомъ, возобновлялъ это три раза съ ряду и каждый разъ ружейные залпы и градъ картечи, заставлялъ его отступать. Во главѣ народа, стремившагося на мостъ, были наши друзья; когда у нихъ не достало снарядовъ, они разбили свои ружья въ осколки о головы наемщиковъ и, вооружившись снова оружіемъ, валявшимся подлѣ убитыхъ, возбуждали энергію и героизмъ въ народѣ.

Первымъ изъ нихъ, павшимъ отъ пули, былъ старикъ Гаспаро; онъ палъ, сохраняя то же хладнокровіе, какимъ отличался во время всей своей жизни. Лицо трупа сохраняло улыбку: казалось, умирая, Гаспаро считалъ себя счастливымъ, что можетъ пожертвовать жизнью для блага человѣчества. Пуля поразила его въ сердце и смерть произошла мгновенно и безъ страданій.

Сильвіо палъ подлѣ Гаспаро; ядромъ ему перебило оба бедра. Въ то же самое время осколкомъ гранаты у Ораціо оторвало лѣвое ухо, а другимъ задѣло правую лопатку.

Муціо пуля попала въ грудь, и конечно убила бы его, еслибы не стукнулась о тяжелый англійскій хронометръ, подаренный ему Джуліей. Часы разбились въ дребезги, но Муціо спасся отъ смерти и отдѣлался только сильной контузіей.

Аттиліо былъ раненъ въ правую ногу, въ лѣвую щеку и контуженъ въ голову.

Раненыхъ и убитыхъ съ той и другой стороны было безъ числа; народный гнѣвъ вышелъ изъ всякихъ границъ, но послѣ троекратной попытки народъ долженъ былъ уступить превосходству силы наемщиковъ.

Ораціо понесъ на своихъ плечахъ трупъ Сильвіо, въ ближайшій отъ моста домъ, но встрѣтившіеся солдаты успѣли отнять у него этотъ трупъ и тѣло героя было разрублено на куски.

Солдаты не щадили ни дѣтей, ни женщинъ, ни стариковъ,

попадавшихся въ ихъ руки, и даже надъ самыми трупами высказывали свое звѣрство.

На Лунгаро существуетъ зданіе, занятое шерстяною фабрикою; на этой фабрикѣ трудится множество работниковъ. Насколько инстинкты рабочихъ чисты и возвышенны, ясно высказывается при торжественномъ свѣтѣ революціи. Работникъ обыкновенно является въ это время другомъ всѣхъ угнетенныхъ; онъ спасаетъ вещи, попадающіяся въ его руки, безъ всякой мысли, что онъ можетъ ими воспользоваться; онъ спасаетъ жизнь ослабѣвшихъ и угнетенныхъ; онъ призрѣваетъ раненыхъ, и если ему самому приходится драться, то выступаетъ смѣло одинъ противъ десяти.

Работники съ фабрики, о которой я говорю, видя перевѣсъ папскихъ войскъ, давно уже смѣшались съ сражающимися и многіе изъ нихъ успѣли уже заплатить жизнію за свою отвагу. На фабрикѣ оставались одни только старики. Когда оставшіеся на фабрикѣ увидали, что инсургентамъ приходится плохо, они незамедлили отворить ворота своего дома, чтобы дать въ немъ пріютъ преслѣдуемымъ или, по крайней мѣрѣ, значительной ихъ части. Когда въ ворота вошло достаточное количество спасавшихся, они ихъ снова затворили и отдали вошедшимъ всѣ топоры, шкворни и всякіе желѣзные и деревянные инструменты, могшіе служить къ ихъ защитѣ,—и въ то же время изо всѣхъ оконъ стали кидать въ войско утварью и мёбелью. У воротъ фабрики завязалась страшная схватка, въ которой народъ дѣйствовалъ ножами противъ войска. Видя, что на фабрику укрылось много народу, зуавы повели противъ зданія, въ которомъ она помѣщалась, правильную осаду, для чего набились въ дома, находившіеся напротивъ и около. Защитники Рима возвели въ воротахъ зданія и въ окрестностяхъ его—баррикады, и благодаря тому, что у нихъ еще оставалось нѣсколько оружія, могли съ перемѣннымъ счастіемъ продолжать еще нѣкоторое время борьбу съ осаждавшими.

Аттиліо, Ораціо и Муціо дрались съ отчаяннымъ мужествомъ; народъ, возбужденный ихъ примѣромъ, выказывалъ также замѣчательную энергію—но... у инсургентовъ стало недоставать снарядовъ, а къ осаждавшимъ подошло значительное подкрѣпленіе изъ свѣжаго войска.

Наступившія сумерки однакоже какъ бы покровительствовали инсургентамъ, которые, несмотря на то, что число ихъ постоянно уменьшалось, а снаряды все болѣе и болѣе истощались—продолжали устойчиво сопротивляться. Было семь часовъ вечера, когда колонна непріятеля, замѣтивъ, что выстрѣлы осаж-

денныхъ стали все больше рѣдѣть и рѣдѣть, предприняла атаку противъ зданія, направясь противъ главныхъ воротъ, въ которыхъ была воздвигнута баррикада, но которыя не были заперты.

Ораціо и Муціо—за этой баррикадой, вооруженные топорами и окруженные справа и слѣва храбрѣйшими изъ своихъ товарищей для защиты воротъ, были въ готовности дать отчаянный отпоръ атакующимъ и дорого продать имъ свою жизнь.

Аттиліо въ то же время разставлялъ людей во внутреннихъ входахъ зданія, тоже забарикадированныхъ. У всѣхъ оконъ втораго этажа было имъ собрано возможно бо̀льшее число работниковъ, на обязанности которыхъ было бросать въ атакующихъ тяжелые предметы, какіе только попадутся подъ руку. Окончивъ эти приготовленія и вооруженный одною только саблею, отнятою имъ отъ убитаго имъ же жандарма, онъ поспѣшилъ къ Аттиліо, чтобы находиться съ нимъ рядомъ на самомъ опасному мѣстѣ.

Внутренность фабрики представляла зрѣлище неутѣшительное. Множество труповъ убитыхъ горожанъ были свалены въ кучу—въ отдаленномъ углу двора. Множество раненыхъ лежали тамъ и сямъ по двору и въ комнатахъ нижняго этажа, но они старались не издавать ни малѣйшаго стона, чтобы не смущать имъ еще дѣйствовавшихъ своихъ товарищей.

Направо отъ входа, въ большой комнатѣ, стоялъ огромный столъ, освѣщенный посерединѣ большимъ канделябромъ. Весь столъ былъ заваленъ бинтами, холстомъ, корпіей, тряпками—всѣмъ, что̀ только можно было достать на фабрикѣ, для перевязки раненыхъ. Бутылки, фляги съ примочками и фляги съ виномъ тоже находились на столѣ въ изобиліи. Подлѣ стола стоялъ огромный чанъ съ водою—какъ для утоленія жажды раненыхъ, такъ и для обмыванія и перевязыванія ихъ ранъ.

Множество женщинъ, которыя всѣ дѣйствовали въ попыткѣ овладѣть мостомъ, ухаживали за ранеными и услуживали имъ. Клелія, Джулія и Ирена—были между ними. Камилла, отъ горя о смерти Сильвія, снова какъ бы потерявшая разсудокъ, машинально дѣлала то же, что и другія.

— Да, говорилъ Аттиліо Ораціо:—много я видѣлъ сраженій, но ничего подобнаго сегодняшней свалкѣ не помню. Утѣшительно только одно, что римляне ведутъ себя достойно своихъ предковъ.

«Всѣ спокойны и веселы, какъ будто ничего особеннаго не происходитъ, а между тѣмъ намъ придется выдержать натискъ такой массы войска, что едва-ли кто изъ насъ уцѣлѣетъ...

— Да, но прежде чѣмъ они ворвутся сюда — многихъ своихъ и они не досчитаются.

Между тѣмъ, какъ описываемое мною происходило въ Трастеверіи, отрядъ, предводительствуемый Кукки, Гверцони, Босси, Адамоли, и другими—тоже дѣйствовалъ съ отчаянною храбростью.

Взрывъ казармы зуавовъ былъ условнымъ сигналомъ открытія дѣйствій со всѣхъ сторонъ. Отрядъ этотъ, постоянно увеличивавшійся отъ сбѣгавшихся отовсюду волонтеровъ, успѣлъ обезоружить множество солдатъ, испуганныхъ взрывомъ. Тѣхъ, кто сопротивлялся, убивали, поэтому въ оружіи недостатка не было. Взрывъ, впрочемъ, произвелъ много шуму, а причинилъ мало вреда, вѣроятно, потому, что порохъ былъ отсырѣвшій или его было недостаточно. По крайней мѣрѣ клерикальныя и правительственныя газеты на слѣдующее утро увѣряли, что на воздухъ взлетѣли одни музыканты, все итальянцы, иноземцы же всѣ остались здравы и невредимы. Дѣло въ томъ, что убитыхъ между зуавами оказалось дѣйствительно много, а всѣ уцѣлѣвшіе выскочили на улицу, построились въ боевой порядокъ и открыли жестокій огонь по народу.

Отрядъ Кукки завязалъ съ этимъ войскомъ схватку; схватка была ужасная по сравненію численности отряда Кукки съ массами войска, но защитники Рима — поддерживали ее съ энергіей почти невѣроятной...

Въ то же время, когда завязалась эта отчаянная схватка у казармъ зуавовъ, Гверцони и Кастеляци, развѣвая знамя освобожденія, осадили съ нѣкоторымъ числомъ молодежи ворота св. Павла, такъ-какъ они знали, что за ними находился значительный складъ оружія. Для этого перебивъ всѣхъ гвардейцевъ, сторожившихъ ворота, они набросились на складъ. Оружія тамъ оказалось дѣйствительно много, но тамъ же ждала ихъ засада многочисленнаго войска, такъ что и имъ пришлось выдержать жестокую борьбу съ неравными силами и ничего не достигнуть.

XV.

Неудачи.

Вообще римскому народу нелегки были эти дни.

Губила его главнѣйше — его малочисленность.

Дѣйствительно, не всѣ обитатели Рима составляютъ римскій народъ; бо̀льшую часть ихъ вѣрнѣе назвать папскою челядью.

Въ самомъ дѣлѣ, отчислите отъ римскаго населенія папу,

кардиналовъ, монсиньоровъ и патеровъ, монашествующую братію, скопляющуюся тамъ чуть не со всего свѣта; причислите къ этому ихъ родственниковъ и родственницъ, чиновниковъ ихъ канцелярій, ихъ прислугу, кучеровъ, поваровъ и всѣхъ родственниковъ, мужчинъ и женщинъ, этихъ чиновниковъ и прислуги; прибавьте всю массу промышленниковъ и ремесленниковъ, существующихъ исключительною на нихъ работою,—и вы увидите, что того, что̀ собственно можно назвать народомъ, останется очень немного, нѣсколько семействъ средняго сословія, да развѣ еще перевозчики, да нищіе.

Въ римской Кампаньи, гдѣ невѣжество, насаждаемое патерами, пустило такіе глубокіе корни, сторонниковъ и приверженцевъ патеровъ, и людей, зависящихъ отъ нихъ, тоже не оберешься. Я уже говорилъ, что тамъ почти всѣ земли принадлежатъ духовенству.

Мудрено ли, что развращеніе народа въ папскихъ владѣніяхъ эпидемическое.

Но, какъ бы то ни было, нельзя не удивляться, къ какимъ мѣрамъ позволяетъ себѣ прибѣгать правительство въ отношеніи къ этому народу. Каждое письмо, получаемое во владѣніяхъ папы, непремѣнно подвергается предварительному разсмотрѣнію, и если въ немъ заключается хотя самомалѣйшій и невиннѣйшій намёкъ на политику, никогда не доходитъ по адресу. Никакая тайна, ни семейная, ни дружеская, не уважается. Число шпіоновъ невѣроятное!

Можно сказать безъ преувеличенія, что все населеніе раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ одна несетъ на себѣ невѣроятную тягу всевозможнаго гнета и нищеты, а другая получаетъ деньги за отягощеніе, преслѣдованіе и шпіонство надъ первой.

Неужели это правительство таково, что честные люди могутъ имъ удовлетворяться! Я нарочно говорю, ничего не скрывая. Пусть другіе народы разсудятъ хладнокровно, каковы условія жизни въ несчастной, измученной Италіи!

Братья Кайроли и ихъ товарищи заплатили своею жизнью за свой патріотизмъ и героическое вмѣшательство въ дѣло возстанія Рима. Заря 24-го октября, предвѣстница новыхъ бѣдствій, ожидавшихъ Римъ, озарила повсюду трупы, между которыми лежалъ и трупъ честнаго и молодого Энрико Кайроли, этого новаго Леонида. На лицѣ Энрико видна была улыбка презрѣнія; Джіованни Кайроли былъ еще живъ, но умиралъ

подлѣ трупа брата. Рядомъ съ нимъ лежали убитыми или смертельно ранеными, другіе, имена которыхъ исторія передастъ въ отдаленное потомство. Изъ *семидесяти* въ живыхъ оставалось очень немного, и всѣ они присоединились къ братьямъ своимъ, сражавшимся за римскими воротами.

Но и предпріятіе Гверцони, какъ я уже говорилъ, несмотря на всю его храбрость и опытность, пріобрѣтенную въ десяткахъ сраженій, не удалось. Скоро сдѣлалось очевиднымъ, что съ одними кинжалами и револьверами трудно было что-нибудь сдѣлать противъ хорошо вооруженнаго непріятеля. Отрядъ долженъ былъ разсѣяться, спасаясь отъ частыхъ выстрѣловъ, и Гверцони и Кастеляци были вынуждены, не видя почти никого изъ своихъ подлѣ себя, оставить невозможное дѣло и ждать другаго случая сразиться.

Кукки, Басси и Адамоли, во главѣ своего отряда, неустрашимо продолжали схватку, и завладѣли частью казармы зуавовъ, пуская въ дѣло даже кулаки и зубы, но и здѣсь въ концѣ концовъ пришлось уступить многочисленности непріятеля... и заря 24-го октября озарила и на этомъ мѣстѣ цѣлую груду труповъ, едва остывшихъ.

День наступалъ холодный, дождливый и мрачный.

XVI.

Послѣдняя катастрофа.

— Готовы ли вы, друзья? окликнули почти въ одинъ голосъ Орацiо, Муцiо и Аттиліо своихъ товарищей, и едва услышали они въ отвѣтъ дружное «готовы!», какъ масса папскаго войска, подобно лавинѣ, двинулась на ворота зданія.

Извнутри были загашены всѣ огни, и нападающимъ, которыхъ хорошо видѣли осаждаемые, нельзя было разглядѣть никого изъ осаждаемыхъ, такъ-что первые изъ покусившихся взойти на баррикаду пали съ разбитыми черепами подъ ударами топоровъ Орацiо и Муцiо, сабли Аттиліо и другихъ орудій защиты стоявшихъ съ ними товарищей.

Но хотя первый натискъ и неудался атаковавшимъ, жертвою его сдѣлался Орацiо и пуля изъ револьвера сразила его на повалъ, попавъ прямо въ сердце. Онъ умеръ мгновенно, сжимая въ рукѣ своей топоръ и едва успѣлъ крикнуть «Ирена!» Голосъ этотъ отдался болью въ сердцѣ Ирены, которая съ другими женщинами, хотя и не принимала прямаго участія въ защитѣ баррикады, но находилась подлѣ воротъ. Услышавъ крикъ дорогаго человѣка, она, внѣ себя отъ скорби, не обращая ни

малѣйшаго вниманія на опасность, бросилась на баррикаду, чтобы быть подлѣ Орацію, но едва она успѣла взойти на нее, какъ встрѣчная ружейная пуля, попавшая ей въ лобъ, положила и ее на мѣстѣ...

Едва Муціо и Орацію успѣли внести дорогія тѣла внутрь зданія и съ отчаяніемъ въ душѣ возвратиться къ своимъ постамъ, какъ войска возобновили аттаку. Отпоръ они встрѣтили отчаянный, такъ-какъ для осаждаемыхъ наступила такая минута, которыя бываютъ во время сраженій, когда сражающіеся теряютъ всякое опасеніе смерти и перестаютъ обращать вниманіе на всѣ пули и другіе снаряды, летящіе къ нимъ на встрѣчу. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Осаждаемые оставили всякія предосторожности и даже не замѣчали, какъ значительная часть ихъ гибла безъ всякой пользы, такъ-что, несмотря на то, что аттака снова была отражена, число защитниковъ баррикады все уменьшалось и уменьшалось...

Въ это время въ средѣ осажденныхъ, въ самыя страшныя для всѣхъ находившихся въ зданіи минуты, появился, какъ бы какимъ-то чудомъ, Джонъ. Онъ, какъ бѣлка, вскарабкался по стѣнѣ зданія и вскочилъ въ него изъ окна.

Джонъ, отпущенный Томсономъ съ яхты изъ Ливорно на нѣсколько дней въ отпускъ къ своимъ друзьямъ съ начала возстанія, былъ вмѣстѣ съ героями нашими въ Римѣ, всходилъ съ народомъ на мостъ и съ нимъ же попалъ на фабрику. Отсюда онъ тотчасъ же, впрочемъ, былъ посланъ Джуліей собрать свѣдѣнія, какъ идетъ возстаніе, въ различныхъ мѣстахъ Рима. Теперь онъ возвращался, и, какъ мы уже знаемъ, съ новостями самыми безотрадными. Благодаря своей энергической подвижности и юркости, молодой англичанинъ былъ очевидцемъ всѣхъ схватокъ.

Аттиліо и Муціо предчувствовали свою участь, такъ-какъ ждали съ минуты на минуту повторенія аттаки, но твердо рѣшились выдержать свой подвигъ до конца. Только мысль о гибели, предстоящей Клеліи и Джуліи, терзала ихъ сердце...

— Муціо, сказалъ обращаясь къ товарищу Аттиліо: — поди къ нимъ и убѣди ихъ, пока еще есть время, чтобы онѣ спасались и выходили съ задняго двора... Скажи имъ, что и мы послѣдуемъ вскорѣ за ними...

Послѣднюю ложь онъ считалъ необходимою, чтобы женщины послушались Муціо... Онъ вполнѣ понималъ, что минуты его сосчитаны и съ какой-то восторженностью ждалъ мученической смерти.

— Сказать я имъ могу все, что̀ хочешь, грустно отвѣчалъ

Муціо: — но я увѣренъ, что, вопервыхъ, теперь спастись имъ уже невозможно, а вовторыхъ, что еслибы и было возможно, то на врядъ-ли онѣ согласятся...

Хотя друзья говорили почти шопотомъ, но такъ-какъ къ каждому слову ихъ прислушивались всѣ окружавшіе ихъ, то и этотъ разговоръ былъ услышанъ рабочими. Одинъ изъ нихъ, сѣдой какъ лунь, подошелъ къ разговаривавшимъ и сказалъ имъ:

— Спастись еще можно; если вы только захотите, то можете спасти не только вашихъ женщинъ, но и сами уйти невредимыми. Я знаю потайной выходъ, которымъ можно безопасно удалиться.

Лучь надежды спасти дорогихъ своихъ озарилъ друзей, и такъ-какъ времени терять было нѣкогда, то они и рѣшились немедленно воспользоваться указаніями старика, посланнаго какъ бы самимъ Провидѣніемъ.

Муціо приблизился къ Клеліи и Джуліи, стоявшимъ по близости, и сообщилъ имъ о планѣ спасенія, но встрѣтилъ такое сопротивленіе, какого даже не ожидалъ. Онѣ не хотѣли ничего слушать и желали только погибнуть вмѣстѣ съ своими возлюбленными. Наконецъ, послѣ долгихъ убѣжденій, Муціо удалось уговорить ихъ спасаться, подъ тѣмъ условіемъ, что и онъ и Аттиліо тоже пойдутъ за всѣми, но только послѣ и позади всѣхъ, какъ, понятно, требовалъ самый ихъ долгъ. Такимъ образомъ, рѣшено было, что Клелія и Джулія пойдутъ за проводникомъ, подъ охраною Дентато и Джона, остальныя женщины вслѣдъ за ними, а Аттиліо и Муціо, съ остальными защитниками, послѣ всѣхъ.

А раненые? Увы, ихъ приходилось оставить непріятелю! Эта необходимость оставлять своихъ раненыхъ — составляетъ самое печальное, отталкивающее и страшное условіе — тѣхъ человѣческихъ боенъ, которыя носятъ названія сраженій!

Бѣдные раненые! При этихъ прискорбныхъ случаяхъ вы лишаетесь послѣдняго утѣшенія: лица близкія и дорогія вамъ удаляются отъ васъ, вмѣсто ихъ появляются враги, холодные, безпощадные, порою неотступающіе передъ звѣрствомъ наслажденія вашими муками, и обагренія своихъ штыковъ въ вашей крови!

Папскія же войска, подкрѣпленныя двадцатью тысячами французовъ, чувствовали себя сильными, и забыли, какъ часто волонтеры обращали ихъ въ бѣгство, а не разъ великодушно оставляли имъ самую жизнь [1].

[1] Напримѣръ, при Монтеротондо, послѣ того, какъ наемщики, наперекоръ всякому праву войны, убили парламентера маіора Тестори.

Прим. Гариб.

Когда итальянцы сражались въ Америкѣ, то (при С.-Антоніо) имѣя множество раненыхъ, они на своихъ плечахъ и на лошадяхъ перенесли ихъ всѣхъ, чтобъ не оставить ни одного своего раненаго живымъ въ рукахъ жестокихъ каннибаловъ [1].

Папскіе же солдаты не отступаютъ передъ каннибальствомъ.

Такъ послѣ славнаго дѣла при Монтеротондо, 25-го октября, волонтеры вынуждены были оставить трехъ раненыхъ. Солдаты, сопровождавшіе ихъ транспортировку въ Терни, изъ звѣрства на дорогѣ закололи ихъ штыками [2].

О, итальянцы! не оставляйте никогда своихъ раненыхъ на жертву папскимъ войскамъ!

И наши герои, какъ ни были они утомлены и измучены, какъ ни мало было имъ времени, все-таки озаботились тѣмъ, чтобы и раненые были спасены.

Старикъ-рабочій указалъ дверь въ подземелье, и въ него вошли женщины, раненые, и... весьма вѣроятно вошли бы и остальные защитники, съ Ораціо и Муціо, такъ-какъ не оставалось никакой надежды не только побѣдить, но даже продолжать сопротивленіе, еслибы...

Еслибы и тутъ, какъ почти всегда въ Италіи, не нашелся предатель...

Воспользовавшись суматохой, онъ написалъ на бумагѣ наскоро нѣсколько словъ, которыми извѣщалъ враговъ объ отступленіи осажденныхъ, и выбросилъ эту бумажку за окно.

Ее подняли и прочитали, и такъ-какъ защитниковъ дѣйствительно почти не было на баррикадѣ, то войска немедленно снова бросились въ аттаку, и въ нѣсколько минутъ уже могли ворваться на фабрику...

Аттиліо и Муціо и тутъ еще могли спастись бѣгствомъ, но этотъ способъ спасенія они сочли недостойнымъ имени римлянина, и потому, бросившись въ среду непріятеля, нанесли врагамъ нѣсколько ударовъ, и оба погибли смертію героевъ.

Солдаты, ворвавшіеся на фабрику, тотчасъ же принялись за грабежъ. О потайной двери, захлопнутой снова извнутри Дентато, имъ было и не вдомёкъ. Только утромъ отыскали они эту дверь, и могли догадаться, какимъ путемъ ушли отъ нихъ осажденные... Но было уже поздно, и ушедшіе были уже внѣ опасности...

---

[1] Ужасно признаваться, но итальянцы вынуждены были собственными руками убить одного смертельно раненаго, чтобы спасти его отъ мученій, какимъ способенъ былъ подвергнуть его непріятель. *Прим. Гариб.*

[2] Историческій фактъ. *Прим. Гариб.*

Въ первыхъ числахъ ноября 1867 года на Ливорнскую станцію желѣзной дороги, изъ только что пришедшаго поѣзда, вышли три дамы, старикъ и молодой мальчикъ.

Всѣ дамы были въ траурѣ. Одна изъ нихъ была, повидимому, иностранка.

Дамы эти были: Клелія, Джулія и Камилла. Сопровождали ихъ старикъ-работникъ, указавшій дверь въ подземелье, и съ которымъ Джулія не хотѣла болѣе разставаться, и Джонъ.

Вскорѣ появился и Дентато съ багажемъ путешественницъ.

Въ воксалѣ встрѣтилъ ихъ Томсонъ съ Авреліею.

Женщины поздоровались со слезами и молча; одинъ Джонъ могъ сказать Авреліи:

— Я целовалъ ихъ обоихъ мертвыми, подразумѣвая Orаціо и Ирену.

По грубой щекѣ Томсона тоже катилась слеза. Послѣ нѣкотораго молчанія, и, давъ дамамъ время выплакаться, онъ подошелъ къ Джуліи.

— Яхта наготовѣ, и я ожидаю вашихъ приказаній; можно выдти въ море, хоть сейчасъ, если это вамъ угодно.

— Да, Томсонъ, да, отвѣчала Джулія: — не будемте терять времени. Мы всѣ прямо ѣдемъ на яхту, и сегодня же въ море... Прочь, скорѣе прочь изъ Италіи. Въ странѣ этой, какъ говоритъ Алфьери, человѣкъ является болѣе могучимъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и доказательствомъ этому можетъ служить самая жестокость преступленій, какія тамъ совершаются...

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой сцены «Клелія» на всѣхъ парусахъ неслась къ берегамъ merry England, старой, веселой Англіи.

Возвратясь въ отечество, Джулія отдалась вполнѣ заботамъ о новой своей семьѣ, которая скоро увеличилась пріѣздомъ Манліо и Сильвіи, которые до того гостили у отшельника. Она поклялась не быть въ Италіи до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается свободной: тогда она думаетъ поставить памятникъ въ честь своего погибшаго друга и его товарищей-героевъ.

XVII.

Нѣсколько заключительныхъ словъ.

Италію въ наше время справедливо можно назвать пандемоніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, трудно найти другую страну, которая была бы щедрѣе ея надѣлена природой.

Вѣчно ясное небо, отличный климатъ, роскошная и разнообразная растительность. Населеніе бодрое и способное, которое ни въ чемъ не уступаетъ другимъ народамъ. При хорошемъ управленіи оно могло бы выставлять и отборное войско, и способныхъ моряковъ.

И всѣ эти преимущества и дары природы уничтожаются отъ дурнаго управленія и духовнаго господства.

Всюду, гдѣ могли бы быть изобиліе, знаніе, сила, встрѣчаются нищета, невѣжество, слабость и унизительное подчиненіе чужеземцамъ.

Правительство, жалкое и непопулярное, вмѣсто того, чтобы организовать національное войско, которое могло бы стоять на одномъ уровнѣ съ лучшими европейскими войсками, заботится только объ увеличеніи числа карабинеровъ для борьбы съ своими гражданами и для охраненія финансовъ, безполезно и непроизводительно растрачиваемыхъ.

Флотъ, который могъ бы соперничествовать съ флотами другихъ державъ, приведенъ въ самое жалкое состояніе, по недостатку въ немъ честныхъ и способныхъ начальниковъ.

Сами офицеры сознаются, что ни войско, ни флотъ никуда не годятся, и не выдержатъ ни малѣйшаго столкновенія съ внѣшними непріятелями. Годны они только для противодѣйствія тѣмъ, кого правительство считаетъ своими врагами внутренними...

Конецъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

I.

Послѣдніе эпизоды изъ исторіи волонтеровъ.

Аквапенденте. — Монтелибретти. — Верола. — Монтеротондо. — Ментана.

Я прошу отъ васъ не храбрости, а только постоянства.
G. [1]

Конецъ 1867 года ознаменовался цѣлымъ рядомъ кровавыхъ эпизодовъ для волонтёровъ.

Немало подвиговъ храбрости и самоотверженія проявили они, много выказали геройства. Многіе изъ папскихъ наемщиковъ обязаны сохраненіемъ своей жизни ихъ великодушію, несмотря на то, что предварительно запятнали себя жестокостію про-

[1] Слова самаго Гарибальди къ волонтерамъ.

тивъ нихъ, и поступали, какъ вандалы, какими всегда были и навсегда останутся.

Если въ моихъ описаніяхъ мнѣ приходилось писать желчью и чинить перо кинжаломъ, то я имѣлъ на это выстраданное право.

Кто можетъ оставаться хладнокровнымъ при видѣ Италіи, этой страны, благословенной самимъ Богомъ, въ томъ жалкомъ ея состояніи, въ какое она приведена людьми?

Кто можетъ относиться съ равнодушіемъ къ великодушнымъ и героическимъ попыткамъ борьбы ея сыновъ противъ толпы предателей, продающихъ изъ-за своихъ личныхъ интересовъ чужеземцамъ страну, гдѣ они родились, и народъ, трудомъ и кровью котораго они существуютъ.

Папство — это разъѣдающій ракъ Италіи. Къ счастію, вся Италія начинаетъ сознавать, что никакое благоденствіе невозможно въ «аду живыхъ» [1]. Со всѣхъ концовъ полуострова раздаются крики энтузіазма о близкомъ наступленіи паденія папства. Частные люди, управленія городовъ, иностранцы-друзья, способствуютъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами дѣлу освободителей, и должно думать, что Италія скоро должна освободиться отъ духовнаго гнёта.

Отважная молодёжь, желая участвовать въ народной славѣ, не устаетъ наполнять собою ряды защитниковъ свободы. Аквапенденте, Монтелибретти, Монтеротондо были какъ бы побѣднымъ гимномъ надъ наемными чужеземцами. Римскія поля были отъ нихъ очищены. Мосты, ведущіе въ вѣчный городъ, были взорваны на воздухъ, и дрожащіе патеры въ страхѣ ожидали въ Римѣ конца своего владычества.

Все, казалось, было окончено, и со всѣхъ сторонъ свѣта неслись привѣтствія и поздравленія той молодёжи, которая, повидимому, освободила Италію отъ гнёта, тяготѣвшаго надъ нею столько столѣтій. Но...

Не такъ было рѣшенно въ Парижѣ и Флоренціи. Франція прислала флотъ и войско, Флоренція вселила въ народъ страхъ и недовѣріе и внесла въ среду побѣдителей порчу и лишенія. Результатомъ этого совмѣстнаго дѣйствія была Ментана.

У волонтёровъ были отняты всѣ средства подвоза снарядовъ и всего необходимаго. Сношенія ихъ съ сосѣдними государствами были прерваны. Тѣ отряды, которые можно было обезоружить безъ опасности, были іезуитски обезоружены. Не одна тысяча волонтёровъ была соблазнена къ дезертерству. Наконецъ, занятіемъ *нѣкоторыхъ пунктовъ* римской территоріи подъ

---

[1] Петрарка.

видомъ противодѣйствія вступленію на нее французскихъ войскъ, приготовлялось все для Ментаны.

И, несмотря на все это, Ментана могла быть вторымъ 30-мъ апрѣлемъ [1]. Я видѣлъ самъ папскія войска бѣжавшими отъ выстрѣловъ изъ никуда негодныхъ ружей волонтёровъ. При Ментанѣ была минута, когда волонтёровъ можно было считать выигравшими сраженіе, когда все поле покрыто было непріятельскими трупами...

Но тутъ въ средѣ наемнаго войска раздался зловѣщій гулъ: «двѣ тысячи французовъ аттаковали арріергардъ волонтёровъ». Гулъ этотъ все усиливался, сталъ раздаваться между волонтерами, и наконецъ, лицо, заслуживающее довѣрія, сообщило извѣстіе это и мнѣ, подтвердивъ его словами: «я видѣлъ это самъ». Для сомнѣнія не оставалось мѣста!

Проклятіе! Вотъ до какой степени можетъ доходить человѣческая недобросовѣстность! какой урокъ для итальянской молодёжи!

Между нашими началось безпорядочное отступленіе. Ни моего голоса, ни голоса моихъ офицеровъ уже не слушали...

Прочитавъ все это, кто же можетъ меня обвинить, что перо мое омочено въ желчь?...

II.

Западня.

Въ короткій періодъ времени, въ октябрѣ и ноябрѣ 1867 года, защитники Рима сдѣлались дважды жертвою обмана.

Пользуясь моимъ пребываніемъ на Капрерѣ, и не стѣсняясь ничѣмъ, флорентинское правительство увѣрило партію движенія, что достаточно *только нѣсколькихъ выстрѣловъ, хотя бы на воздухъ*, чтобы его войско тотчасъ двинулось на Римъ.

И бѣдные римляне, повѣривъ этому обѣщанію, взорвали на воздухъ казарму папскихъ зуавовъ, и почти безоружные дрались на улицахъ Рима, какъ только можетъ драться народъ при такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

И ни одинъ солдатъ не былъ двинутъ къ Риму!

Кайроли и его товарищи были при этомъ принесены въ жертву. Множество римскихъ гражданъ пали отъ пуль и штыковъ иноземныхъ наемщиковъ или наполнили собою папскія тюрьмы.

---

[1] Въ Римѣ.

Не лучше было поступлено и съ волонтерами.

Между тѣмъ, какъ было объявлено, что при высадкѣ хотя бы одного французскаго солдата все войско двинется на Римъ, правительство дѣйствительно заняло своими войсками *нѣкоторые пункты* римской территоріи и размѣстило ихъ по границамъ, но для того только, чтобы обезоруживать волонтеровъ, какъ это произошло съ нѣкоторыми отрядами, и чтобы прекратить имъ всѣ пути для полученія пособій и изъ вспомогательныхъ комитетовъ и изъ заграницы.

Такимъ образомъ, оставивъ волонтеровъ безъ всякихъ средствъ и необходимыхъ снарядовъ, посѣявъ въ то же время въ рядахъ ихъ несогласія и раздоры, правительство осуществляло задуманный имъ тайно планъ совершеннаго ихъ истребленія.

Занявъ своими войсками римскую территорію, въ то время когда въ Римѣ находились значительныя войска французовъ, правительство развязало руки папскимъ войскамъ и дало имъ возможность всею массою дѣйствовать противъ волонтеровъ.

Несмотря на это, робкія и напуганныя предшествовавшими пораженіями папскія войска—не рѣшались дѣйствовать одни, и подкрѣпленію ихъ французскими войсками правительство не воспрепятствовало.

Не видя необходимости прямаго участія своими войсками въ дѣлѣ при Ментанѣ и считая даже подобное прямое участіе для себя неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ, правительство ограничилось тѣмъ, что хорошо вооруженныя итальянскія войска — цвѣтъ населенія — присутствовали холодными зрителями истребленія своихъ братьевъ—итальянцевъ!

Папскія войска отъ окончательнаго пораженія спасло только подкрѣпленіе французовъ. Ментанское дѣло, начавшееся въ часъ пополудни 3-го ноября — между волонтерами и папскими войсками, черезъ два часа ожесточенной битвы представлялось уже совершенно потеряннымъ для послѣднихъ. Эти войска почти повсюду сдались и волонтеры обратили ихъ въ бѣгство. Убитыхъ и раненыхъ у нихъ было множество...

Только новое подкрѣпленіе французскимъ войскомъ, заставъ врасплохъ волонтеровъ, уже радовавшихся побѣдѣ, заставило ихъ отступить.

. . . .

Такъ были дважды обмануты защитники Рима. Ничего подобнаго этимъ обманамъ не представляла до нашего времени исторія!

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА.

Поклоненіе мамонѣ и покаяніе.

Человѣческая жизнь—сновидѣніе, говорятъ философы-спиритуалисты, и еслибъ они были вполнѣ логичны, то прибавили бы: и исторія—тоже сновидѣніе. Разумѣется, взятыя абсолютно, оба эти сравненія одинаково нелѣпы, однако нельзя не сознаться, что въ исторіи дѣйствительно встрѣчаются по мѣстамъ словно провалы, передъ которыми мысль человѣческая останавливается не безъ недоумѣнія. Потокъ жизни какъ бы прекращаетъ свое естественное теченіе и образуетъ водоворотъ, который кружится на одномъ мѣстѣ, брызжетъ и покрывается мутною накипью, сквозь которую невозможно различить ни ясныхъ типическихъ чертъ, ни даже сколько-нибудь обособившихся явленій. Сбивчивыя и неосмысленныя событія безсвязно слѣдуютъ одно за другимъ, и люди, повидимому, не преслѣдуютъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ защиты нынѣшняго дня. Попеременно, они то трепещутъ, то торжествуютъ, и чѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать униженіе, тѣмъ жестче и мстительнѣе торжество. Источникъ, изъ котораго вышла эта тревога, уже замутился; начала, во имя которыхъ возникла борьба, стушевались; остается борьба для борьбы, искусство для искусства, изобрѣтающее дыбу, хожденіе по спицамъ и т. д.

Конечно, тревога эта преимущественно сосредоточивается на поверхности; однакожь едва-ли возможно утверждать, что и на днѣ въ это время обстоитъ благополучно. Что̀ происходитъ въ тѣхъ слояхъ пучины, которые слѣдуютъ непосредственно за верхнимъ слоемъ и далѣе, до самаго дна? пребываютъ ли они спокойными, или и на нихъ производитъ свое давленіе тревога, обнаружившаяся въ верхнемъ слоѣ? — съ полною достовѣрностью опредѣлить это невозможно, такъ-какъ вообще у насъ еще нѣтъ привычки приглядываться къ тому, что̀ уходитъ далеко въ глубь. Но едва-ли мы ошибемся, сказавши, что

*

давленіе чувствуется и тамъ. Отчасти оно выражается въ формѣ матеріальныхъ ущербовъ и утратъ, преимущественно же въ формѣ болѣе или менѣе продолжительной отсрочки общественнаго развитія. И хотя результаты этихъ утратъ съ особенною горечью сказываются лишь впослѣдствіи, однакожь можно догадываться, что и современники безъ особеннаго удовольствія относятся къ тѣмъ давленіямъ, которыя тяготѣютъ надъ ними.

Одну изъ такихъ тяжкихъ историческихъ эпохъ, вѣроятно, переживалъ Глуповъ въ описываемое лѣтописцемъ время. Собственная внутренняя жизнь города спряталась на дно, на поверхность же выступили какія-то злостныя эманаціи, которыя и завладѣли всецѣло ареной исторіи. Искусственныя примѣси сверху до низу опутали Глуповъ, и ежели можно сказать, что въ общей экономіи его существованія эта искусственность была небезполезна, то съ неменьшею правдой можно утверждать и то, что люди, живущіе подъ гнетомъ ея, суть люди не весьма счастливые. Претерпѣть Бородавкина для того, чтобъ познать пользу употребленія нѣкоторыхъ злаковъ; претерпѣть Урусъ-Кугушъ-Кильдибаева для того, чтобы ознакомиться съ настоящею отвагою — какъ хотите, а такой удѣлъ не можетъ быть названъ ни истинно-нормальнымъ, ни особенно лестнымъ, хотя съ другой стороны и нельзя отрицать, что нѣкоторые злаки дѣйствительно полезны, да и отвага, употребленная съ свое время и въ своемъ мѣстѣ, тоже не вредитъ.

При такихъ условіяхъ невозможно ожидать, чтобы обыватели оказали какіе нибудь подвиги по части благоустройства и благочинія или особенно успѣли по части наукъ и искусствъ. Для нихъ, подобныя историческія эпохи суть годы ученія, въ теченіи которыхъ они испытываютъ себя въ одномъ: въ какой мѣрѣ они могутъ претерпѣть. Такими именно и представляетъ намъ лѣтописецъ своихъ согражданъ. Изъ разсказа его видно, что глуповцы безпрекословно подчиняются капризамъ исторіи и не представляютъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о степени ихъ зрѣлости, въ смыслѣ самоуправленія; что, напротивъ того, они мечутся изъ стороны въ сторону, безъ всякаго плана, какъ бы гонимые безотчетнымъ страхомъ. Никто не станетъ отрицать, что это картина не лестная, но иною она не можетъ и быть, потому что матеріаломъ для нея служитъ человѣкъ, которому съ изумительнымъ постоянствомъ долбятъ голову, и который, разумѣется, не можетъ придти къ другому результату, кромѣ ошеломленія. Исторію этихъ ошеломленій лѣтописецъ раскрываетъ передъ нами съ тою безъискусственностью и правдою, которыми всегда отли-

чаются разсказы бытописателей—архиваріусовъ. По моему мнѣнію, это все, чего мы имѣемъ право требовать отъ него. Никакого преднамѣреннаго глумленія въ разсказѣ его не замѣчается; напротивъ того, во многихъ мѣстахъ замѣтно даже сочувствіе къ бѣднымъ ошеломляемымъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что, несмотря на смертный бой, глуповцы все-таки продолжаютъ жить, достатоточно свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ устойчивости и заслуживаетъ серьёзнаго вниманія со стороны историка.

Не забудемъ, что лѣтописецъ преимущественно ведетъ рѣчь о такъ называемой черни, которая и доселѣ считается стоящею какъ бы внѣ предѣловъ исторіи. Съ одной стороны, его умственному взору представляется сила, подкравшаяся издалека, и успѣвшая организоваться и окрѣпнуть, съ другой — разсыпавшіеся по угламъ и всегда застигаемые врасплохъ людишки и сироты. Возможно ли какое нибудь сомнѣніе на счетъ характера отношеній, которыя имѣютъ возникнуть изъ сопоставленія стихій столь противоположныхъ?

Что сила, о которой идетъ рѣчь, отнюдь не выдуманная — это доказывается тѣмъ, что представленіе объ ней даже положило основаніе цѣлой исторической школѣ. Представители этой школы совершенно искренно проповѣдуютъ, что чѣмъ больше уничтожать обывателей, тѣмъ благополучнѣе они будутъ, и тѣмъ блестящѣе будетъ сама исторія. Конечно, это мнѣніе не весьма умное, но какъ доказать это людямъ, которые на столько въ себѣ увѣрены, что никакихъ доказательствъ не слушаютъ и не принимаютъ? Прежде, нежели начать доказывать, надобно еще заставить себя выслушать, а какъ это сдѣлать, когда самъ жалобщикъ не умѣетъ съ достаточной убѣдительностью доказать, что его не слѣдуетъ истреблять?

— Говорилъ я ему: какой вы, сударь, имѣете резонъ драться? а онъ только знай по зубамъ щелкаетъ: вотъ тебѣ резонъ! вотъ тебѣ резонъ!

Такова единственно-ясная формула взаимныхъ отношеній, возможная при подобныхъ условіяхъ. Нѣтъ резона драться, но нѣтъ резона и не драться; въ результатѣ, виднѣется та печальная тавтологія, въ которой оплеуха объясняется оплеухою. Конечно, тавтологія эта держится на ниткѣ, на одной только ниткѣ, но какъ оборвать эту нитку? — въ этомъ-то весь и вопросъ. И вотъ само собою высказывается мнѣніе: не лучше ли возложить упованіе на будущее? Это мнѣніе тоже не весьма умное, но что же дѣлать, если никакихъ мнѣній еще не выработалось? И вотъ его-то, повидимому, держались и глуповцы.

Уподобивъ себя вѣчнымъ должникамъ, находящимся во власти вѣчныхъ кредиторовъ, они разсудили, что на свѣтѣ бываютъ всякіе кредиторы: и разумные и неразумные. Разумный кредиторъ помогаетъ должнику выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, и въ вознагражденіе за свою разумность получаетъ свой долгъ. Неразумный кредиторъ сажаетъ должника въ острогъ или непрерывно сѣчетъ его, и въ вознагражденіе не получаетъ ничего. Разсудивъ такимъ образомъ, глуповцы стали ждать, не сдѣлаются ли всѣ кредиторы разумными? И ждутъ до сего дня.

Поэтому, я не вижу въ разсказахъ лѣтописца ничего такого, что посягало бы на достоинство обывателей города Глупова. Это люди, какъ и всѣ другіе, съ тою только оговоркою, что природныя ихъ свойства обросли массой наносныхъ атомовъ, за которою почти ничего не видно. Поэтому о «свойствахъ» и рѣчи нѣтъ, а есть рѣчь только о наносныхъ атомахъ. Было ли бы лучше или даже пріятнѣе, еслибъ лѣтописецъ, вмѣсто описанія нестройныхъ движеній, изобразилъ въ Глуповѣ идеальное средоточіе законности и права? Напримѣръ, въ ту минуту, когда Бородавкинъ требуетъ повсемѣстнаго распространенія горчицы, было ли бы для читателей пріятнѣе, еслибъ лѣтописецъ заставилъ обывателей не трепетать передъ нимъ, а побѣдоносно доказывать несвоевременность и неумѣстность его затѣй?

Положа руку на сердце, я утверждаю, что подобное извращеніе глуповскихъ обычаевъ было бы не только не полезно, но даже положительно непріятно. И причина тому очень проста; разсказъ лѣтописца въ этомъ видѣ оказался бы *несогласнымъ съ истиною*.

Неожиданное усѣкновеніе головы маіора Прыща не оказало почти никакого вліянія на благополучіе обывателей. Нѣкоторое время, городомъ управляли квартальные, но такъ-какъ либерализмъ еще продолжалъ давать тонъ жизни, то и они не бросались на жителей, но учтиво прогуливались по базару, и умильно разсматривали, который кусокъ пожирнѣе. Но даже и эти скромные походы не всегда сопровождались для нихъ удачею, потому что обыватели на столько осмѣлились, что охотно дарили только требухой. Иногда они довольно зло при этомъ подшучивали надъ бѣдными попрошайками, хотя, впрочемъ, и не выходили изъ предѣловъ благопристойности.

— Что̀, крапивное сѣмя, мясца захотѣлось? спрашивалъ одинъ.

— Часто, братъ, ты мимо насъ похаживать сталъ! подсмѣивался другой.

— Мусоромъ бы вашу братью кормить слѣдовало! шутилъ третій.

И квартальные ничего. Постоятъ — постоятъ, вздохнутъ потихоньку, и ежели ничего не подадутъ — пойдутъ прочь, а подадутъ—поскорѣе прячутъ за пазуху, чтобъ не отняли.

— И не смѣй ты мнѣ на глаза казаться! обыкновенно присовокупляли даже такіе датели, которые сами очень хорошо понимали, «что онъ, братъ, хоть и квартальный, а тоже и ему пить-ѣсть надобно»!

Послѣдствіемъ такого благополучія было то, что въ теченіе цѣлаго года въ Глуповѣ состоялся всего одинъ заговоръ, но и то не со стороны обывателей противъ квартальныхъ (какъ это обыкновенно бываетъ), а напротивъ того, со стороны квартальныхъ противъ обывателей (чего никогда не бываетъ). А именно: мучимые голодомъ, квартальные рѣшились отравить въ гостиномъ дворѣ всѣхъ собакъ, дабы имѣть въ ночное время безпрепятственный входъ въ лавки. Къ счастью, покушеніе было во время усмотрѣно и заговоръ разрѣшился тѣмъ, что самихъ же заговорщиковъ лишили на время установленной дачи требухи.

Послѣ того, прибылъ въ Глуповъ статскій совѣтникъ Ивановъ, но оказался столь малаго роста, что не могъ вмѣщать ничего пространнаго. Какъ нарочно, это случилось въ ту самую пору, когда страсть къ законодательству приняла въ нашемъ отечествѣ размѣры чуть-чуть не опасные; канцеляріи кипѣли уставами, какъ никогда не кипѣли сказочныя рѣки млекомъ и медомъ, и каждый уставъ вѣсилъ отнюдь не менѣе фунта. Вотъ это-то обстоятельство именно и причинило погибель Иванова, разсказъ о которой, впрочемъ, существуетъ въ двухъ совершенно различныхъ варіантахъ. Одинъ варіантъ говоритъ, что Ивановъ умеръ отъ испуга, получивъ слишкомъ обширный сенатскій указъ, понять который онъ не надѣялся. Другой варіантъ утверждаетъ, что Ивановъ совсѣмъ не умеръ, а былъ уволенъ въ отставку, за то, что голова его, вслѣдствіе постепеннаго присыханія мозговъ (отъ ненужности въ ихъ употребленіи) перешла въ зачаточное состояніе. Послѣ этого, онъ будто бы жилъ еще долгое время въ собственномъ имѣніи, гдѣ и удалось ему положить начало цѣлой особи короткоголовыхъ (микрокефаловъ), которые существуютъ и доднесь.

Какой изъ этихъ двухъ варіантовъ заслуживаетъ бо̀льшаго довѣрія—рѣшить трудно; но справедливость требуетъ сказать,

что атрофированіе столь важнаго органа, какъ голова, едва-ли могло совершиться въ такое короткое время. Однакожъ, съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что микрокефалы дѣйствительно существуютъ, и что родоначальникомъ ихъ преданіе называетъ именно статскаго совѣтника Иванова. Впрочемъ, для насъ это вопросъ второстепенный; важно же то, что глуповцы, во времена Иванова, продолжали быть благополучными, и что слѣдовательно изъянъ, которымъ онъ обладалъ, послужилъ обывателямъ не во вредъ, а на пользу.

Въ 1815 году пріѣхалъ на смѣну Иванову виконтъ Дю-Шаріо, французскій выходецъ. Парижъ былъ взятъ;врагъ человѣчества на всегда водворенъ на островѣ Св. Елены; «Московскія Вѣдомости» заявили, что съ посрамленіемъ врага задача ихъ кончилась, и обѣщали прекратить свое существованіе; но на другой день взяли свое обѣщаніе назадъ, и дали другое, которымъ обязывались прекратить свое существованіе лишь тогда, когда Парижъ будетъ взятъ вторично. Ликованіе было общее, а вмѣстѣ со всѣми ликовалъ и Глуповъ. Вспомнили про купчиху Распопову, какъ она, вмѣстѣ съ Беневоленскимъ, интриговала въ пользу Наполеона, выволокли ее на улицу и разрѣшили мальчишкамъ дразнить. Цѣлый день преслѣдовали маленькіе негодяи злосчастную вдову, называли ее Бонапартовной, антихристовой наложницей и проч., покуда, наконецъ, она не пришла въ изступленіе и не начала прорицать. Смыслъ этихъ прорицаній объяснился лишь впослѣдствіи, когда въ Глуповъ прибылъ Перехватъ-Залихватскій и не оставилъ въ городѣ камня на камнѣ.

Дю-Шаріо былъ веселъ. Вопервыхъ, его французскому сердцу было радостно, что Парижъ взятъ; вовторыхъ, онъ столько времени настоящимъ манеромъ не ѣдалъ, что глуповскіе пироги съ начинкой показались ему райскою пищей. Наѣвшись досыта, онъ потребовалъ, чтобъ ему немедленно указали мѣсто, гдѣ было бы можно passer son temps à faire des bêtises, и былъ отмѣнно доволенъ, когда узналъ, что въ солдатской слободѣ есть именно такой домъ, какого ему желательно. Затѣмъ, онъ началъ болтать и уже не переставалъ до тѣхъ поръ, покуда не былъ, по распоряженію начальства, выпровоженъ изъ Глупова за границу. Но такъ-какъ онъ все-таки былъ сыномъ XVIII вѣка, то въ болтовнѣ его нерѣдко прорывался духъ изслѣдованія, который могъ бы дать очень горькіе плоды, еслибъ онъ не былъ въ значительной степени смягченъ духомъ легкомыслія. Такъ, напримѣръ, однажды онъ началъ объяснять глуповцамъ права человѣка; но, къ счастью, кончилъ тѣмъ,

что объяснилъ права Бурбоновъ. Въ другой разъ, онъ началъ съ того, что убѣждалъ обывателей увѣровать въ богиню Разума, и кончилъ тѣмъ, что просилъ ихъ признать непогрѣшимость папъ. Все это были, однакожъ, одни façons de parler, и въ сущности, виконтъ готовъ былъ стать на сторону какого угодно убѣжденія или догмата, если имѣлъ въ виду, что за это ему перепадетъ лишній четвертакъ.

Онъ веселился безъ устали, почти ежедневно устроивалъ маскарады, одѣвался дебардеромъ, танцовалъ канканъ и въ особенности любилъ интриговать мужчинъ [1]. Мастерски пѣлъ онъ гривуазныя пѣсенки (одна изъ нихъ «Un soir à la barrière» въ скоромъ времени сдѣлалась совершенно популярною въ Глуповѣ), и увѣрялъ, что этимъ пѣснямъ научилъ его графъ д'Артуа (впослѣдствіи французскій король Карлъ X), во время пребыванія въ Ригѣ. Ѣлъ сначала все, что попало, но когда отъѣлся, то сталъ употреблять преимущественно такъ-называемую нѣчисть, между которой отдавалъ предпочтеніе давленинѣ и лягушкамъ. Но дѣлъ не вершилъ, и въ администрацію почти совсѣмъ не вмѣшивался.

Это послѣднее обстоятельство обѣщало продлить благополучіе глуповцевъ безъ конца; но они сами изнемогли подъ бременемъ своего счастья. Они забылись. Избалованные пятью послѣдовательными градоначальничествами, доведенные почти до ожесточенія грубою лестью квартальныхъ, они возмечтали, что счастье принадлежитъ имъ по праву, и что никто, и даже ничто не въ силахъ отнять его у нихъ. Побѣда надъ Наполеономъ еще болѣе утвердила ихъ въ этомъ мнѣніи, и едва-ли не въ эту самую эпоху сложилась знаменитая пословица: шапками закидаемъ! — которая, впослѣдствіи, долгое время служила девизомъ глуповскихъ подвиговъ на полѣ брани.

И вотъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ прискорбныхъ событій, которыя лѣтописецъ именуетъ «безстыжимъ глуповскимъ неистовствомъ», но которыя гораздо приличнѣе назвать скоропреходящимъ глуповскимъ баловствомъ.

Начали съ того, что стали бросать хлѣбъ подъ столъ и креститься неистовымъ обычаемъ. Обличенія того времени полны самыхъ горькихъ указаній на этотъ печальный фактъ. «Было время», гремѣли обличители, «когда глуповцы древнихъ Платоновъ и Сократовъ благочестіемъ посрамляли; нынѣ же не токмо сами Платонами сдѣлались, но даже того горчае, ибо

[1] Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, ибо лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что этотъ самый Дю-Шаріо былъ, впослѣдствіи, подвергнутъ изслѣдованію и оказался женщиной. *Изд.*

едва-ли и Платонъ хлѣбъ божій не въ уста, а на полъ металъ, какъ нынѣшняя нѣкая модная затѣя то дѣлать повелѣваетъ». Но глуповцы не внимали обличителямъ, и съ дерзостью говорили: «хлѣбъ пущай свиньи ѣдятъ, а мы свиней съѣдимъ — тотъ же хлѣбъ будетъ!» И Дю-Шаріо не только не возбранялъ подобныхъ отвѣтовъ, но даже видѣлъ въ нихъ возникновеніе какого-то духа изслѣдованія.

Почувствовавши себя на волѣ, глуповцы съ какой-то яростью устремились по той покатости, которая очутилась подъ ихъ ногами. Сейчасъ же они вздумали строить башню, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ верхній ея конецъ непремѣнно упирался въ небеса. Но такъ-какъ архитекторовъ у нихъ не было, а плотники были неученые и невсегда трезвые, то довели башню до половины и бросили, и только, быть можетъ, благодаря этому обстоятельству, избѣжали смѣшенія языковъ.

Но и этого показалось мало. Забыли глуповцы истиннаго Бога и прилѣпились къ идоламъ. Вспомнили, что еще при Владимірѣ-Красномъ-Солнышкѣ, нѣкоторые вышедшіе изъ употребленія боги, были сданы въ архивъ, бросились туда и вытащили двухъ: Перуна и Волоса. Идолы, нѣсколько вѣковъ незнавшіе ремонта (строительныя коммисіи, на которыя возложены ремонтныя работы, были изобрѣтены лишь впослѣдствіи), находились въ страшномъ запущеніи, а у Перуна даже были нарисованы углемъ усы. Тѣмъ не менѣе, глуповцамъ показались они такъ любы, что немедленно собрали сходку и порѣшили такъ: знатнымъ обоего пола особамъ кланяться Перуну, а смердамъ — приносить жертвы Волосу. Призвали и причетниковъ, и требовали, чтобъ они сдѣлались кудесниками; но они отвѣта не дали, и въ смущеніи лишь трепетали воскрыліями. Тогда припомнили, что въ Стрѣлецкой слободѣ есть нѣкто, именуемый «разстрига Кузьма» (тотъ самый, который, если читатель припомнитъ, задумывалъ при Бородавкинѣ перейти въ расколъ), и послали за нимъ. Кузьма къ этому времени совсѣмъ уже оглохъ и ослѣпъ, но едва дали ему понюхать монету рубль, какъ онъ сейчасъ же на все согласился и началъ выкрикивать что-то непонятное стихами Аверкіева изъ оперы «Рогнѣда».

Дю-Шаріо смотрѣлъ изъ окна на всю эту церемонію и, держась за бока, кричалъ: sont ils bêtes! dieux des dieux! sont ils bêtes, ces moujiks de Gloupoff!

Развращеніе нравовъ развивалось не по днямъ, а по часамъ. Появились кокотки и кокодессы; мужчины завели жилетки съ неслыханными вырѣзками, которыя совершенно обнажали грудь; женщины устроивали сзади возвышенія, имѣвшія прообразова-

тельный смыслъ и возбуждавшія въ прохожихъ вольныя мысли. Образовался новый языкъ, получеловѣчій, полуобезьяній, но во всякомъ случаѣ, вполнѣ негодный для выраженія какихъ бы то ни было отвлеченныхъ мыслей. Знатныя особы ходили по улицамъ и пѣли: «A moi l'pompon», или: «La Vénus aux carottes»; смерды слонялись по кабакамъ и горланили комаринскую. Мнили, что во время этой гульбы хлѣбъ выростетъ самъ собою и потому перестали воздѣлывать поля. Уваженіе къ старшимъ исчезло; агитировали вопросъ, не слѣдуетъ ли, по достиженіи людьми извѣстныхъ лѣтъ, устранять ихъ изъ жизни, но корысть одержала верхъ и порѣшили на томъ, чтобы стариковъ и старухъ продать въ рабство. Въ довершеніе всего, очистили какой-то манежъ и поставили въ немъ «Прекрасную Елену», пригласивъ, въ качествѣ исполнительницы, дѣвицу Бланшъ Гандонъ.

И за всѣмъ тѣмъ, продолжали считать себя самымъ мудрымъ народомъ въ мірѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ глуповскія дѣла статскій совѣтникъ Эрастъ Андреевичъ Грустиловъ. Человѣкъ онъ былъ чувствительный, и когда говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ, то краснѣлъ. Только что передъ этимъ онъ сочинилъ повѣсть подъ названіемъ: «Сатурнъ, останавливающій свой бѣгъ въ объятіяхъ Венеры», въ которой, по выраженію критиковъ того времени, счастливо сочетавалась нѣжность Апулея съ игривостью Парни. Подъ именемъ Сатурна онъ изображалъ себя, подъ именемъ Венеры—извѣстную тогда красавицу Наталью Кириловну де-Помпадуръ. «Сатурнъ», писалъ онъ, «былъ обремененъ годами и имѣлъ согбенный видъ, но еще могъ нѣкоторое совершить. Надо же, чтобъ Венера, примѣтивъ сію въ немъ особенность, остановила на немъ благосклонный свой взглядъ»...

Но меланхолическій видъ (предтеча будущаго мистицизма) прикрывалъ въ немъ много наклонностей несомнѣнно порочныхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно было, что находясь при дѣйствующей арміи провіантмейстеромъ, онъ довольно непринужденно распоряжался казенною собственностью, и облегчалъ себя отъ нареканій собственной совѣсти только тѣмъ, что, взирая на солдатъ, ѣвшихъ затхлый хлѣбъ, проливалъ обильныя слезы. Извѣстно было также, что и къ мадамъ де-Помпадуръ проникъ онъ отнюдь не съ помощью какой-то «особенности», а просто съ помощью денежныхъ приношеній, и при ея посредствѣ избавился отъ суда, и даже получилъ выс-

шее противъ прежняго назначеніе. Когда же Помпадурша была, «за слабое держаніе нѣкоторой тайности», сослана въ монастырь и пострижена подъ именемъ инокини Нимфадоры, то онъ первый бросилъ въ нее камнемъ и написалъ «Повѣсть о нѣкоторой многолюбивой женѣ», въ которой дѣлалъ очень ясные намеки на прежнюю свою благодѣтельницу. Сверхъ того, хотя онъ робѣлъ и краснѣлъ въ присутствіи женщинъ, но подъ этою робостью таилось то пущее сластолюбіе, которое любитъ предварительно раздражить себя, и потомъ уже неуклонно стремится къ начертанной цѣли. Примѣровъ этого затаеннаго, но жгучаго сластолюбія разсказывали множество. Такимъ образомъ, однажды, одѣвшись лебедемъ, онъ подплылъ къ одной купавшейся дѣвицѣ, дочери благородныхъ родителей, у которой только и было приданаго что красота, и въ то время, когда она гладила его по головкѣ, сдѣлалъ ее на всю жизнь несчастною. Однимъ словомъ, онъ основательно изучилъ миѳологію, и хотя любилъ прикидываться благочестивымъ, но, въ сущности, былъ злѣйшій идолопоклонникъ.

Глуповская распущенность пришлась ему по вкусу. При самомъ въѣздѣ въ городъ, онъ встрѣтилъ процессію, которая сразу заинтересовала его. Шесть дѣвицъ, одѣтыхъ въ прозрачные хитоны, несли на носилкахъ перуновъ болванъ; впереди, въ восторженномъ состояніи, скакала предводительша, прикрытая одними страусовыми перьями; сзади слѣдовала толпа дворянъ и дворянокъ, между которыми виднѣлись почетнѣйшіе представители глуповскаго купечества (мужики, мѣщане и краснорядцы побѣднѣе кланялись въ это время Волосу). Дойдя до площади, толпа остановилась. Перуна поставили на возвышеніе, предводительша встала на колѣни, и громкимъ голосомъ начала читать «Жертву вечернюю» г. Боборыкина.

— Что такое? спросилъ Грустиловъ, высовываясь изъ кареты и кося исподтишка глазами на нарядъ предводительши.

— Перуновы имянины справляютъ, ваше высокородіе! отвѣчали въ одинъ голосъ квартальные.

— А дѣвочки... дѣвочки... есть? какъ-то томно спросилъ Грустиловъ.

— Весь синклитъ-съ! отвѣчали квартальные, сочувственно переглянувшись между собою.

Грустиловъ вздохнулъ, и приказалъ слѣдовать далѣе.

Остановившись въ градоначальническомъ домѣ, и освѣдомившись отъ письмоводителя, что недоимокъ нѣтъ, торговля процвѣтаетъ, а земледѣліе съ каждымъ годомъ совершенствует-

ся, онъ задумался на минуту, потомъ помялся на одномъ мѣстѣ, какъ бы затрудняясь выразить завѣтную мысль, но наконецъ какимъ-то неувѣреннымъ голосомъ спросилъ:

— Тетерева у васъ водятся?

— Точно такъ-съ, ваше высокородіе!

— Я, знаете, мой почтеннѣйшій, люблю иногда... Хорошо иногда посмотрѣть, какъ они... какъ въ природѣ ликованье этакое бываетъ...

И покраснѣлъ. Письмоводитель тоже на минуту смутился, однакожь сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ и нашелся.

— На что лучше-съ! отвѣчалъ онъ: — только осмѣлюсь доложить вашему высокородію: у насъ на этотъ счетъ лучше зрѣлища видѣть можно-съ!

— Гм... да?

— У насъ, ваше высокородіе, при предмѣстникѣ вашемъ, кокотки завелись, такъ у нихъ—это въ народномъ театрѣ какъ есть настоящій токъ устроенъ-съ. Каждый вечеръ собираются-съ, свищутъ-съ, ногами перебираютъ-съ, все одно — какъ настоящіе тетерева-съ!

— Любопытно взглянуть! промолвилъ Грустиловъ и сладко задумался.

Въ то время существовало мнѣніе, что градоначальникъ есть хозяинъ города, обыватели же суть какъ бы его гости. Разница между «хозяиномъ» въ общепринятомъ значеніи этого слова и «хозяиномъ города» полагалась лишь въ томъ, что послѣдній имѣлъ право сѣчь своихъ гостей, что̀ относительно хозяина обыкновеннаго приличіями не допускалось. Грустиловъ вспомнилъ объ этомъ правѣ, или лучше сказать о практическихъ его послѣдствіяхъ и задумался еще слаще.

— А часто у васъ сѣкутъ? спросилъ онъ письмоводителя, не поднимая на него глазъ.

— У насъ, ваше высокородіе, эта мода оставлена-съ. Со времени Онуфрія Иваныча господина Негодяева даже примѣровъ не было. Все лаской-съ.

— Ну-съ, а я сѣчь буду... дѣвочекъ!.. прибавилъ онъ, внезапно покраснѣвъ.

Такимъ образомъ, характеръ внутренней политики опредѣлился ясно. Предполагалось продолжать дѣйствія пяти послѣднихъ градоначальниковъ, усугубивъ лишь элементъ гривуазности, внесенной виконтомъ Дю-Шаріо, и сдобривъ его, для вида, извѣстнымъ колоритомъ сантиментальности. Вліяніе кратковременной стоянки въ Парижѣ сказывалось повсюду. Побѣдители, принявшіе впопыхахъ гидру деспотизма за гидру ре-

волюцій, и покорившіе ее, были въ свою очередь покорены побѣжденными. Величавая дикость прежняго времени исчезла безъ слѣда; вмѣсто гигантовъ, сгибавшихъ подковы и ломавшихъ цѣлковые, явились люди женоподобные, у которыхъ были на умѣ только милыя непристойности. Для этихъ непристойностей существовалъ особый языкъ. Любовное свиданіе мужчины съ женщиной именовалось «ѣздою на островъ любви»; грубая терминологія анатоміи замѣнилась болѣе утонченною; появились выраженія въ родѣ: «шаловливый мизантропъ», «милая отшельница» и т. п.

Тѣмъ не менѣе, говоря сравнительно, жить было все-таки легко, и эта легкость въ особенности приходилась по нутру такъ - называемымъ смердамъ. Ударившись въ политеизмъ, осложненный гривуазностью, представители глуповской интеллигенціи сдѣлались равнодушны ко всему, что̀ происходило внѣ замкнутой сферы «ѣзды на островъ любви». Они чувствовали себя счастливыми и довольными, и въ этомъ качествѣ не хотѣли препятствовать счастію и довольству другихъ. Во времена Бородавкиныхъ, Негодяевыхъ и проч., казалось, напримѣръ, непростительною дерзостью, если смердъ поливалъ свою кашу масломъ. Не потому это была дерзость, чтобы отъ того произошелъ для кого-нибудь ущербъ, а потому что люди, подобные Негодяеву, всегда отчаянные теоретики, и предполагаютъ въ смердѣ одну способность быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. Поэтому, они отнимали у смерда кашу и бросали собакамъ. Теперь этотъ взглядъ значительно измѣнился, чему, конечно, не въ малой степени содѣйствовало и размягченіе мозговъ — тогдашняя модная болѣзнь. Смерды воспользовались этимъ и наполняли свои желудки жирной кашей до крайнихъ предѣловъ. Имъ неизвѣстна еще была истина, что человѣкъ не одной кашей живетъ, и поэтому они думали, что если желудки ихъ полны, то это значитъ, что и сами они вполнѣ благополучны. По той же причинѣ, они такъ охотно прилѣпились и къ многобожію: оно казалось имъ болѣе сподручно, нежели монотеизмъ. Они охотнѣе преклонялись передъ Волосомъ или Ярилою, но въ то же время мотали себѣ на усъ, что если долгое время не будетъ у нихъ дождя, или будутъ дожди слишкомъ продолжительные, то они могутъ своихъ излюбленныхъ боговъ высѣчь, обмазать нечистотами и вообще сорвать на нихъ свою досаду. И хотя очевидно, что матеріализмъ столь грубый не могъ продолжительное время питать общество, но въ качествѣ новинки, онъ нравился и даже опьянялъ. Общество, во всѣхъ разнообразныхъ слояхъ своихъ, начиная отъ магна-

товъ интеллигенціи до самаго послѣдняго смерда, предавалось ему съ упоеніемъ, и мы безъ труда поймемъ это увлеченіе, если припомнимъ, что у этого общества назади стоялъ Бородавкинъ, а впереди виднѣлся Перехватъ-Залихватскій.

Все спѣшило жить и наслаждаться; спѣшилъ и Грустиловъ. Онъ совсѣмъ бросилъ городническое правленіе, и ограничилъ свою административную дѣятельность тѣмъ, что удвоилъ установленные предмѣстниками его оклады и требовалъ, чтобъ они бездоимочно поступали въ назначенные сроки. Все остальное время, онъ посвятилъ поклоненію Киприде въ тѣхъ неслыханно-разнообразныхъ формахъ, которыя были выработаны цивилизаціей того времени. Это безпечное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ было, однакожь, со стороны Грустилова большою ошибкою.

Несмотря на то, что въ бытность свою провіантмейстеромъ, Грустиловъ довольно ловко утаивалъ казенныя деньги, административная опытность его не была ни глубока, ни многостороння. Многіе думаютъ, что ежели человѣкъ умѣетъ незамѣтнымъ образомъ вытащить платокъ изъ кармана своего сосѣда, то этого будто бы уже достаточно, чтобы упрочить за нимъ репутацію политика или сердцевѣдца. Однако, это ошибка. Воры-сердцевѣдцы встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; чаще же случается, что мошенникъ даже самый грандіозный только въ этой сферѣ и является замѣчательнымъ дѣятелемъ, внѣ же предѣловъ ея никакихъ способностей не выказываетъ. Для того, чтобы воровать съ успѣхомъ, нужно обладать только проворствомъ и жадностью. Жадность въ особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть подъ судъ. Но какими бы именами ни прикрывало себя ограбленіе, все-таки сфера грабителя останется совершенно другою, нежели сфера сердцевѣдца, ибо послѣдній уловляетъ людей, тогда какъ первый уловляетъ только принадлежащіе имъ бумажники и платки. Слѣдовательно, ежели человѣкъ, произведшій въ свою пользу отчужденіе на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей (я согласенъ, что съ мошеннической точки зрѣнія, это будетъ человѣкъ очень способный), сдѣлается впослѣдствіи даже меценатомъ и построитъ мраморный палаццо, въ которомъ сосредоточитъ всѣ чудеса науки и искусства, то его все-таки нельзя назвать за это искуснымъ общественнымъ дѣятелемъ, а слѣдуетъ назвать только искуснымъ мошенникомъ.

Но въ то время, истины эти были еще неизвѣстны, и репутація сердцевѣдца утвердилась за Грустиловымъ безпрепятственно. Въ сущности, однакожь, это было не такъ. Еслибы

Грустиловъ стоялъ дѣйствительно на высотѣ своего положенія, онъ понялъ бы, что предмѣстники его, возведшіе тунеядство въ административный принципъ, заблуждались очень горько, и что тунеядство, какъ животворное начало, только тогда можетъ считать себя достигающимъ полезныхъ цѣлей, когда оно концентрируется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Если тунеядство существуетъ, то предполагается само собою, что рядомъ съ нимъ существуетъ и трудолюбіе — на этомъ зиждется вся наука политической экономіи. Трудолюбіе питаетъ тунеядство, тунеядство же оплодотворяетъ трудолюбіе — вотъ единственная формула, которую, съ точки зрѣнія науки, можно свободно прилагать ко всѣмъ явленіямъ жизни. Грустиловъ ничего этого не понималъ. Онъ думалъ, что тунеядствовать могутъ всѣ поголовно, и что производительныя силы страны не только не изсякнутъ отъ этого, но даже увеличатся. Это было первое грубое его заблужденіе.

Второе заблужденіе заключалось въ томъ, что онъ слишкомъ увлекся блестящею стороною внутренней политики своихъ предшественниковъ. Внимая разсказамъ о благосклонномъ бездѣйствіи маіора Прыща, онъ соблазнился картиною общаго ликованія, бывшаго результатомъ этого бездѣйствія. Но онъ упустилъ изъ виду, вопервыхъ, что народы даже самые зрѣлые не могутъ благоденствовать слишкомъ продолжительное время, не рискуя впасть въ грубый матеріализмъ, и вовторыхъ, что собственно въ Глуповѣ, благодаря вывезенному изъ Парижа духу вольномыслія, благоденствіе въ значительной степени осложнялось озорствомъ. Нѣтъ спора, что можно и даже должно давать народамъ случай временно вкушать отъ плода познанія добра и зла, но нужно держать этотъ плодъ твердой рукою и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы можно было во всякое время отнять его отъ слишкомъ лакомыхъ устъ и спрятать въ карманъ.

Послѣдствія этихъ заблужденій сказались очень скоро. Уже въ 1815 году въ Глуповѣ былъ чувствительный недородъ, а въ слѣдующемъ году не родилось совсѣмъ ничего, потому что обыватели, развращенные постоянной гульбой, до того понадѣялись на свое счастіе, что, не вспахавъ земли, зря разбросали зерно по цѣлинѣ.

— И такъ, шельма, родитъ! говорили они въ чаду гордыни.

Но надежды ихъ не сбылись, и когда поля весной освободились отъ снѣга, то глуповцы не безъ изумленія увидѣли, что они стоятъ совсѣмъ голыя. По обыкновенію, явленіе это приписали дѣйствію враждебныхъ силъ, и завинили боговъ за то,

что они не оказали жителямъ достаточной защиты. Начали сѣчь Волоса, который выдержалъ наказаніе стоически, потомъ принялись за Ярилу, и, говорятъ, будто бы въ глазахъ его показались слезы. Глуповцы въ ужасѣ разбѣжались по кабакамъ и стали ждать, что̀ будетъ. Но ничего особеннаго не произошло. Былъ дождь и было вёдро, но полезныхъ злаковъ на незасѣянныхъ поляхъ не появилось.

Грустиловъ присутствовалъ на костюмированномъ балу (въ то время у глуповцевъ была каждый день масляница), когда вѣсть о бѣдствіи, угрожавшемъ Глупову, дошла до него. Повидимому, онъ ничего не подозрѣвалъ. Весело шутя съ предводительшей, онъ разсказывалъ ей, что въ скоромъ времени ожидается такая выкройка дамскихъ платьевъ, что можно будетъ по прямой линіи видѣть паркетъ, на которомъ стоитъ женщина. Потомъ завелъ рѣчь о прелестяхъ уединенной жизни, и вскользь заявилъ, что онъ и самъ надѣется когда нибудь найти отдохновеніе въ стѣнахъ монастыря.

— Конечно, женскаго? спросила предводительша, лукаво улыбаясь.

— Если вы изволите быть въ немъ настоятельницей, то я хоть сейчасъ готовъ дать обѣтъ послушанія, галантерейно отвѣчалъ Грустиловъ.

Но этому вечеру суждено было провести глубокую демаркаціонную черту во внутренней политикѣ Грустилова. Балъ разгорался; танцующіе кружились неистово; въ вихрѣ развѣвающихся платьевъ и локоновъ мелькали бѣлыя, обнаженныя, душистыя плечи. Грустилову сдѣлалось досадно, что онъ не можетъ принять участія въ этой бѣшеной пляскѣ, не роняя своего градоначальническаго достоинства. Постепенно разыгрываясь, фантазія его умчалась, наконецъ, въ надзвѣздный міръ, куда онъ по очереди переселилъ вмѣстѣ съ собою всѣхъ этихъ полуобнаженныхъ богинь, которыхъ бюсты такъ глубоко уязвляли его сердце. Скоро, однакожь, и въ надзвѣздномъ мірѣ сдѣлалось душно; тогда онъ удалился въ уединенную комнату, и усѣвшись среди зелени померанцевъ и миртовъ, впалъ въ забытье.

Въ эту самую минуту передъ нимъ явилась маска и положила ему на плечо свою руку. Онъ сразу понялъ, что эта *она*. Она такъ тихо подошла къ нему, какъ будто подъ атласнымъ домино, довольно, впрочемъ, явственно обличавшемъ ея воздушныя формы, скрывалась не женщина, а сильфъ. По плечамъ разсыпались русыя, почти пепельныя кудри, изъ-подъ маски глядѣли голубые глаза, а обнаженный подбородокъ обнаруживалъ существованіе ямочки, въ которой, казалось, свилъ свое

гнѣздо амуръ. Все въ ней было полно какого-то скромнаго и въ то же время не безразсчетнаго изящества, начиная отъ духовъ violettes de Parmes, которыми опрысканъ былъ ея платокъ, и кончая щегольскою перчаткой, обтягивавшей ея маленькую аристократическую ручку. Очевидно, однакожь, что она находилась въ волненіи, потому что грудь ея трепетно поднималась, а голосъ, напоминавшій райскую музыку, слегка дрожалъ.

— Проснись, падшій братъ! сказала она Грустилову.

Грустиловъ не понялъ; онъ думалъ, что ей представилось, будто онъ спитъ, и въ доказательство, что это ошибка, сталъ простирать руки.

— Не о тѣлѣ, а о душѣ говорю я! грустно продолжала маска: — не тѣло, а душа спитъ... глубоко спитъ!

Тутъ только понялъ Грустиловъ, въ чемъ дѣло, но такъ-какъ душа его закоснѣла въ идолопоклонствѣ, то слово истины, конечно, не могло сразу проникнуть въ нее. Онъ даже заподозрилъ въ первую минуту, что подъ маской скрывается юродивая Аксиньюшка, та самая, которая, еще при Ѳердыщенкѣ, предсказала большой глуповскій пожаръ, и которая, во время отпаденія глуповцевъ въ идолопоклонничество, одна осталась вѣрною истинному Богу.

— Нѣтъ, я не та, которую ты во мнѣ подозрѣваешь, продолжала между тѣмъ таинственная незнакомка, какъ бы угадавъ его мысли: — я не Аксиньюшка, ибо недостойна облобызать даже прахъ ея ногъ. Я просто такая же грѣшница, какъ и ты!

Съ этими словами она сняла съ лица своего маску.

Грустиловъ былъ пораженъ. Передъ нимъ было прелестнѣйшее женское личико, какое когда-нибудь удавалось ему видѣть. Случилось ему, правда, встрѣтить нѣчто подобное въ вольномъ городѣ Гамбургѣ, но это было такъ давно, что прошлое казалось задернутымъ пеленою. Да; это именно тѣ самыя пепельныя кудри, та самая матовая бѣлизна лица, тѣ самые голубые глаза, тотъ самый полный и трепещущій бюстъ; но какъ все это преобразилось въ новой обстановкѣ, какъ выступило впередъ лучшими, интереснѣйшими своими сторонами! Но еще болѣе поразило Грустилова, что незнакомка съ такою прозорливостью угадала его предположеніе объ Аксиньюшкѣ. Стало быть, это не просто женщина, говорилъ онъ самъ себѣ; вѣдь пишутъ же въ романахъ о небожительницахъ — что̀, если она одна изъ таковыхъ?

— Я твое внутреннее слово! я послана объявить тебѣ тотъ свѣтъ Ѳавора, котораго ты ищешь, самъ того не зная! про-

должала между тѣмъ незнакомка: — но не спрашивай, кто меня послалъ, потому что я сама объявить о семъ не съумѣю!

— Но кто же ты? вскричалъ встревоженный Грустиловъ.

— Я та самая юродивая дѣва, которую ты видѣлъ съ потухшимъ свѣтильникомъ въ вольномъ городѣ Гамбургѣ! Долгое время находилась я въ состояніи томленія, долгое время безуспѣшно стремилась къ свѣту, но князь тьмы слишкомъ искусенъ, чтобы разомъ упустить изъ рукъ свою жертву! Однако, *тамъ* мой путь уже былъ начертанъ! Явился здѣшній аптекарь Пфейферъ и, вступивъ со мной въ законный бракъ, увлекъ меня за собой въ Глуповъ; здѣсь я познакомилась съ Аксиньюшкой,—и задача просвѣтленія обозначилась передо мной такъ ясно, что восторгъ овладѣлъ всѣмъ существомъ моимъ. Но еслибы ты зналъ, какъ жестока была борьба!

Она остановилась, подавленная скорбными воспоминаніями; онъ же алчно простиралъ руки, какъ бы желая осязать это непостижимое существо.

— Прими руки! кротко сказала она: — не осязаніемъ, но мыслью ты долженъ прикасаться ко мнѣ, чтобы выслушать то, что̀ я должна тебѣ открыть!

— Но не лучше ли будетъ, ежели мы удалимся въ комнату болѣе уединенную? спросилъ онъ робко, какъ бы самъ сомнѣваясь въ приличіи своего вопроса.

Однакожъ, она согласилась, и они удалились въ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ пріютовъ, которые, со временъ Микаладзе, устраивались во всѣхъ мало-мальски порядочныхъ домахъ города Глупова. Что̀ происходило между ними — это для всѣхъ осталось тайною; но онъ вышелъ изъ пріюта разстроенный и съ заплаканными глазами. *Внутреннее слово* подѣйствовало такъ сильно, что онъ даже не удостоилъ танцующихъ взглядомъ и прямо отправился домой.

Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на глуповцевъ. Стали доискиваться, откуда явилась Пфейферша. Одни говорили, что она не болѣе, какъ интригантка, которая съ вѣдома мужа, задумала овладѣть Грустиловымъ, чтобы вытѣснить изъ города аптекаря Зальцфиша, дѣлавшаго Пфейферу сильную конкуренцію. Другіе утверждали, что Пфейферша еще въ вольномъ городѣ Гамбургѣ полюбила Грустилова за его меланхолическій видъ, и вышла замужъ за Пфейфера единственно затѣмъ, чтобы соединиться съ Грустиловымъ и сосредоточить на себѣ ту чувствительность, которую онъ безполезно растрачивалъ на такія пустыя зрѣлища, какъ токованье тетеревовъ и кокотокъ.

Какъ бы то ни было, нельзя отвергать, что это была женщина далеко не дюжинная. Изъ оставшейся послѣ нея переписки видно, что она находилась въ сношеніяхъ со всѣми знаменитѣйшими мистиками и піетистами того времени, и что Лабзинъ, напримѣръ, посвящалъ ей тѣ избраннѣйшія свои сочиненія, которыя не предназначались для печати. Сверхъ того, она написала нѣсколько романовъ, изъ которыхъ въ одномъ, подъ названіемъ «Скиталица Доротея», изобразила себя въ наилучшемъ свѣтѣ. «Она была привлекательна на видъ», писалось въ этомъ романѣ о героинѣ, «но хотя многіе мужчины желали ея ласкъ, она оставалась холодною и какъ бы загадочною. Тѣмъ не менѣе, душа ея жаждала непрестанно, и когда въ этихъ поискахъ встрѣтилась съ однимъ знаменитымъ химикомъ (такъ называла она Пфейфера), то прилѣпилась къ нему безконечно. Но при первомъ же земномъ ощущеніи, она поняла, что жажда ея не удовлетворена. Какъ нѣкогда Сафо...» и т. д.

Возвратившись домой, Грустиловъ цѣлую ночь плакалъ. Воображеніе его рисовало грѣховную бездну, на днѣ которой метались черти. Были тутъ и кокотки и кокодессы, и даже тетерева — и все огненные. Одинъ изъ чертей вылѣзъ изъ бездны и поднесъ ему любимое его кушанье, но едва онъ прикоснулся къ нему устами, какъ по комнатѣ распространился смрадъ. Но что всего болѣе ужасало его — такъ это горькая увѣренность, что не одинъ онъ погрязъ, но въ лицѣ его погрязъ и весь Глуповъ.

— За всѣхъ отвѣтить, или всѣхъ спасти! кричалъ онъ, цѣпенѣя отъ страха — и, конечно, рѣшился спасти.

На другой день, раннимъ утромъ, глуповцы были изумлены, услыхавъ мѣрный звонъ колокола, призывавшій жителей къ заутрени. Давнымъ давно уже не раздавался этотъ звонъ, такъ что глуповцы даже забыли объ немъ. Многіе думали, что гдѣнибудь горитъ; но вмѣсто пожара, увидѣли зрѣлище болѣе умилительное. Безъ шапки, въ разодранномъ вицъ-мундирѣ, съ опущенной долу головой и бія себя въ перси, шелъ Грустиловъ впереди процессіи, состоявшей, впрочемъ, лишь изъ чиновъ полицейской и пожарной команды. Сзади процессіи слѣдовала Пфейферша, безъ кринолина; съ одной стороны ее конвоировала Аксиньюшка, съ другой — знаменитый юродивый Парамоша, замѣнившій въ любви глуповцевъ не менѣе знаменитаго Архипушку, который сгорѣлъ такимъ трагическимъ образомъ въ общій пожаръ (см. «Соломенный городъ»).

Отслушавъ заутреню, Грустиловъ вышелъ изъ церкви ободренный, и, указывая Пфейфершѣ на вытянувшихся въ струнку

пожарныхъ и полицейскихъ солдатъ («кои, и во время глуповскаго безпутства, втайнѣ истинному Богу вѣрны пребывали», присовокупляетъ лѣтописецъ), сказалъ:

— Видя внезапное сихъ людей усердіе, я въ точности позналъ, сколь быстрое имѣетъ дѣйствіе сія вещь, которую вы, сударыня моя, внутреннимъ словомъ справедливо именуете.

И потомъ, обращаясь къ квартальнымъ, прибавилъ:

— Дайте симъ людямъ, за ихъ усердіе, по гривеннику.

— Рады стараться, ваше высокородіе! гаркнули въ одинъ голосъ полицейскіе, и скорымъ шагомъ направились въ кабакъ.

Таково было первое дѣйствіе Грустилова послѣ внезапнаго его обновленія. Затѣмъ онъ отправился къ Аксиньюшкѣ, такъ-какъ безъ ея нравственной поддержки никакого успѣха въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла ожидать было невозможно. Аксиньюшка жила на самомъ краю города, въ какой-то землянкѣ, которая скорѣе похожа была на кротовью нору, нежели на человѣческое жилище. Съ ней же, въ нравственномъ сожитіи, находился и блаженный Парамоша. Сопровождаемый Пфейфершей, Грустиловъ ощупью спустился по темной лѣстницѣ внизъ, и едва могъ нащупать дверь. Зрѣлище, представившееся глазамъ его, было поразительное. На грязномъ голомъ полу валялись два полуобнаженные человѣческіе остова (это были сами блаженные, уже успѣвшіе возвратиться съ богомолья), которые бормотали и выкрикивали какія-то безсвязныя слова, и въ то же время вздрагивали, кривлялись и корчились словно въ лихорадкѣ. Мутный свѣтъ проходилъ въ нору сквозь единственное крошечное окошко, покрытое слоемъ пыли и паутины; на стѣнахъ слоилась сырость и плесень. Запахъ былъ до того отвратительный, что Грустиловъ въ первую минуту сконфузился и зажалъ носъ. Прозорливая старушка замѣтила это.

— Духи царскіе! духи райскіе! запѣла она пронзительнымъ голосомъ: — не надо ли кому духовъ?

И сдѣлала при этомъ такое движеніе, что Грустиловъ навѣрное поколебался бы, еслибъ Пфейферша не поддержала его.

— Спитъ душа твоя... спитъ глубоко! сказала она строго: — а еще такъ недавно ты хвалился своей бодростью!

— Спитъ душенька на подушечкѣ.. спитъ душенька на перинушкѣ... а боженька тукъ-тукъ! да по головкѣ тукъ-тукъ! да по темячку тукъ-тукъ! визжала блаженная, бросая въ Грустилова щепками, землею и соромъ.

Парамоша лаялъ пособачьи и кричалъ попѣтушиному.

— Брысь, сатана! пѣтухъ запѣлъ! бормоталъ онъ въ промежуткахъ.

— Маловѣрный! Вспомни внутреннее слово! настаивала съ своей стороны Пфейферша.

Грустиловъ ободрился.

— Матушка Аксинья Егоровна! извольте меня разрѣшить! сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Я и Егоровна, я и тараторовна! Ярали—мурзило! Волосъ—безъ волосъ! Перунъ, старый... Парамонъ — онъ уменъ! провизжала блаженная, скорчилась и умолкла.

Грустиловъ озирался въ недоумѣніи.

— Это значитъ, что слѣдуетъ поклониться Парамону Мелентьичу! подсказала Пфейферша.

— Батюшка, Парамонъ Мелентьичъ! извольте меня разрѣшить! поклонился Грустиловъ.

Но Парамоша нѣкоторое время только корчился и икалъ.

— Ниже! ниже поклонись! командовала блаженная: — не жалѣй спины-то! не твоя спина — божья!

— Извольте меня, батюшка, разрѣшить! повторилъ Грустиловъ, кланяясь ниже.

— Безъ працы не бенды кололацы! пробормоталъ блаженный дикимъ голосомъ, и вдругъ вскочилъ.

Немедленно вслѣдъ за нимъ вскочила и Аксиньюшка и начали они кружиться. Сперва кружились медленно, и потихоньку всхлипывали; потомъ круги начали дѣлаться быстрѣе и быстрѣе, покуда, наконецъ, не перешли въ совершенный вихрь. Послышался хохотъ, визгъ, трели, всхлебыванія, подобныя тѣмъ, которыя можно слышать только весной въ пруду, дающемъ пріютъ миріадамъ лягушекъ.

Грустиловъ и Пфейферша стояли нѣкоторое время въ ужасѣ, но, наконецъ, не выдержали. Сначала они вздрагивали и приcѣдали, потомъ постепенно начали кружиться, и вдругъ завихрились и захохотали. Это означало, что наитіе совершилось, и просимое разрѣшеніе получено.

Грустиловъ возвратился домой усталый до изнеможенія; однакожь, онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы подписать распоряженіе о наипоспѣшнѣйшей высылкѣ изъ города аптекаря Зальцфиша. Вѣрные ликовали, а причетники, въ теченіе многихъ лѣтъ питавшіеся одними негодными злаками, закололи барана, и мало того, что съѣли его всего, не пощадивъ даже копытъ, но долгое время скребли ножомъ столъ, на которомъ лежало мясо, и съ жадностью ѣли стружки, какъ бы опасаясь утратить хотя одинъ атомъ питательнаго вещества. Въ тотъ же день, Грустиловъ надѣлъ на себя вериги (впослѣдствіи оказалось, впрочемъ, что это были просто помочи, которыя дотолѣ

не были въ Глуповѣ въ употребленіи), и подвергнулъ свое тѣло бичеванію. «Въ первый разъ, сегодня я понялъ», писалъ онъ по этому случаю Пфейфершѣ, «что значатъ слова: *всладцѣ уязви мя*, которыя вы сказали мнѣ при первомъ свиданіи, дорогая сестра моя по духу! Сначала бичевалъ я себя съ нѣкоторою уклончивостью, но, постепенно разгараясь, позвалъ, подъ конецъ, деньщика, и сказалъ ему: хлещи! И что же? даже сіе оказалось недостаточнымъ, такъ что я вынужденнымъ нашелся расковырять себѣ на невидномъ мѣстѣ рану, но и отъ того не страдалъ, а находился въ восхищеніи. Отнюдь не больно! Столь меня сіе удивило, что я и доселѣ спрашиваю себя: полно страданіе ли это, и не скрывается ли здѣсь какой либо особливый видъ плотоугодничества и самовосхищенія? Жду васъ къ себѣ, дорогая сестра моя по духу, дабы разрѣшить сей вопросъ въ совокупномъ разсмотрѣніи».

Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ Грустиловъ, будучи однимъ изъ гривуазнѣйшихъ поклонниковъ мамона, столь быстро обратился въ аскета. На это могу сказать одно: кто не вѣритъ въ волшебныя превращенія, тотъ пусть не читаетъ лѣтописи Глупова. Чудесъ этого рода можно найти здѣсь даже болѣе, чѣмъ нужно. Такъ, напримѣръ, одинъ начальникъ плюнулъ подчиненному въ глаза, и тотъ прозрѣлъ. Другой начальникъ сталъ сѣчь неплательщика, думая преслѣдовать въ этомъ случаѣ лишь воспитательную цѣль, и совершенно неожиданно открылъ, что въ спинѣ у сѣкомаго зарытъ кладъ [1]. Если факты до такой степени диковинные не возбуждаютъ ни въ комъ недовѣрія, то можно ли удивляться превращенію столь обыкновенному, какъ то, которое случилось съ Грустиловымъ?

Но, съ другой стороны, этотъ же фактъ объясняется и инымъ путемъ, болѣе естественнымъ. Есть указанія, которыя заставляютъ думать, что аскетизмъ Грустилова былъ совсѣмъ не такъ суровъ, какъ это можно предполагать съ перваго взгляда. Мы уже видѣли, что такъ называемыя вериги его были не болѣе, какъ помочи; изъ дальнѣйшихъ же объясненій лѣтописца усматривается, что и прочіе подвиги были весьма преувеличены Грустиловымъ, и что они въ значительной степени сдабривались духовною любовью. Шелепъ, которымъ онъ бичевалъ себя, былъ бархатный (онъ и доселѣ хранится въ глуповскомъ архивѣ); постъ же состоялъ въ томъ, что онъ къ прежнимъ кушаньямъ прибавилъ рыбу тюрбо, которую выписывалъ изъ Парижа на счетъ обывателей. Что же тутъ удивительнаго, что

---

[1] Реальность этого факта подтверждается тѣмъ, что съ тѣхъ поръ сѣченіе было признано лучшимъ способомъ для взысканія недоимокъ. *Изд.*

бичеванiе приводило его въ восторгъ, и что самыя язвы казались восхитительными?

Между тѣмъ, колоколъ продолжалъ въ урочное время призывать къ молитвѣ, и число вѣрныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Сначала ходили только полицейскiе, но потомъ, глядя на нихъ, стали ходить и посторонніе. Грустиловъ съ своей стороны подавалъ примѣръ истиннаго благочестія, плюя на капище Перуна каждый разъ, какъ проходилъ мимо его. Можетъ быть, такъ и разрѣшилось бы это дѣло исподволь, еслибъ мирному исходу его не помѣшали замыслы нѣкоторыхъ безпокойныхъ честолюбцевъ, которые уже и въ то время были извѣстны подъ именемъ агитаторовъ и демагоговъ.

Во главѣ партіи стояли тѣ же Аксиньюшка и Парамоша, имѣя за собой цѣлую толпу нищихъ и калѣкъ. У нищихъ единственнымъ источникомъ пропитанія было прошеніе милостыни на церковныхъ папертяхъ, но такъ-какъ древнее благочестіе въ Глуповѣ прекратилось, то естественно, что источникъ этотъ значительно оскудѣлъ. Реформы, затѣянныя Грустиловымъ, были встрѣчены со стороны ихъ громкимъ сочувствіемъ; густою толпою, убогіе люди наполняли дворъ градоначальническаго дома: одни ковыляли на деревяшкахъ, другіе ползали на четверинкахъ, и всѣ единогласно требовали, чтобы обновленіе совершилось сію минуту, и чтобъ наблюденіе за этимъ дѣломъ было возложено на нихъ. И тутъ, какъ всегда, голодъ оказался плохимъ совѣтчикомъ, а медленныя, но твердыя и дальновидныя дѣйствія градоначальника подверглись превратнымъ толкованіямъ. Напрасно льстилъ Грустиловъ страстямъ калѣкъ, высылая имъ остатки отъ своей обильной трапезы; напрасно объяснялъ онъ выборнымъ отъ убогихъ людей (непосредственно объясняться съ толпой онъ отказался съ перваго же раза), что постепенность не есть потворство, а лишь вящшее упроченіе затѣяннаго предпріятія,—калѣки ничего не хотѣли слышать. Гнѣвно потрясали они своими деревяшками и громко угрожали поднять знамя бунта.

Опасность предстояла серьёзная, ибо для того, чтобы усмирять убогихъ людей, необходимо имѣть гораздо бо̀льшій запасъ храбрости, нежели для того, чтобы палить въ людей, не имѣющихъ изъяновъ. Грустиловъ понималъ это. Сверхъ того, онъ уже потому чувствовалъ себя беззащитнымъ передъ демагогами, что послѣдніе, такъ сказать, считали его своимъ созданіемъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали до крайности ловко. Во-первыхъ, они окружили себя цѣлою сѣтью доносовъ, посредствомъ которыхъ до свѣдѣнія Грустилова доводился всякій слухъ,

къ посрамленію его чести относящійся; вовторыхъ, они заинтересовали въ свою пользу Пфейфершу, посуливъ ей часть такъ называемаго посумнаго сбора (этимъ сборомъ облагалась каждая нищенская сумма; впослѣдствіи, онъ легъ въ основаніе всей финансовой системы города Глупова).

Пфейферша денно и нощно приставала къ Грустилову, въ особенности преслѣдуя его перепискою, которая, несмотря на короткое время, представляла уже въ объемѣ довольно обширный томъ. Основаніе ея писемъ составляли видѣнія, содержаніе которыхъ измѣнялось смотря по тому, довольна, или недовольна она была своимъ «духовнымъ братомъ». Въ одномъ письмѣ, она видитъ его «ходящимъ по облаку», и утверждаетъ, что не только она, но и Пфейферъ это видѣлъ; въ другомъ усматриваетъ его въ гееннѣ огненной, въ сообществѣ съ чертями всевозможныхъ наименованій. Въ одномъ письмѣ развиваетъ мысль, что градоначальники вообще имѣютъ право на безусловное блаженство въ загробной жизни, по тому одному, что они градоначальники; въ другомъ утверждаетъ, что градоначальники обязаны обращать на этотъ предметъ особенное вниманіе, такъ-какъ, въ загробной жизни, они противъ всякаго другого подвергаются истязаніямъ вдвое и втрое. Все равно, какъ папы или князья.

Въ данномъ случаѣ, письма ея имѣли характеръ угрожающій. «Спѣшу извѣстить васъ», писала она въ одномъ изъ нихъ, «что̀ я въ сію ночь во снѣ видѣла. Стоите вы въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ, и привязаны къ столбу, а привязки сдѣланы изъ змій и на груди (у васъ) дска, на которой написано: сей есть вѣдомый покровитель нечестивыхъ и агарянъ (sic). И бѣсы, собравшись, радуются, а праведные стоятъ въ отдаленіи, и, взирая на васъ, льютъ слезы. Извольте сами разсмотрѣть, не видится ли тутъ какого не совсѣмъ выгоднаго для васъ предзнаменованія?»

Читая эти письма, Грустиловъ приходилъ въ необычайное волненіе. Съ одной стороны природная апатія, съ другой, страхъ чертей — все это производило въ его головѣ какой-то неслыханный сумбуръ, среди котораго онъ путался въ самыхъ противорѣчивыхъ предположеніехъ и мѣропріятіяхъ. Одно казалось яснымъ: что онъ тогда только будетъ благополученъ, когда глуповцы поголовно станутъ ходить ко всенощной, и когда инспекторомъ-наблюдателемъ всѣхъ глуповскихъ училищъ будетъ назначенъ Парамоша.

Это послѣднее условіе было въ особенности важно, и убогіе люди предъявляли его очень настойчиво. Развращеніе нравовъ дошло до того, что глуповцы посягнули проникнуть въ тайну

построенія міровъ, и открыто рукоплескали учителю каллиграфіи, который, выйдя изъ предѣловъ своей спеціальности, проповѣдовалъ съ каѳедры, что міръ не могъ быть сотворенъ въ шесть дней. Убогіе очень основательно разсчитали, что если это мнѣніе утвердится, то вмѣстѣ съ тѣмъ разомъ рухнетъ все глуповское міросозерцаніе вообще. Всѣ части этого міросозерцанія такъ крѣпко цѣплялись другъ за друга, что невозможно было потревожить одну, чтобы не разрушить всего остального. Не вопросъ о порядкѣ сотворенія міра тутъ важенъ, а то, что вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ могло вторгнуться въ жизнь какое-то совсѣмъ новое начало, которое, навѣрное, должно было испортить всю кашу. Путешественники того времени единогласно свидѣтельствуютъ, что глуповская жизнь поражала ихъ своею цѣльностью, и справедливо приписываютъ это счастливому отсутствію духа изслѣдованія. Если глуповцы съ твердостію переносили бѣдствія самыя ужасныя, если они и послѣ того продолжали жить, то они обязаны были этимъ только тому, что вообще всякое бѣдствіе представлялось имъ чѣмъ-то совершенно отъ нихъ независящимъ, а потому и неотвратимымъ. Самое крайнее, что̀ дозволялось въ виду идущей на встрѣчу бѣды—это прижаться куда-нибудь къ сторонкѣ, затаить дыханіе и пропасть на все время, покуда бѣда будетъ кутить и мутить. Но и это уже считалось строптивостью; бороться же или открыто идти противъ бѣды — да упаси Боже! Стало быть, если допустить глуповцевъ разсуждать, то, пожалуй, они дойдутъ и до такихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, дѣйствительно ли существуетъ такое предопредѣленіе, которое дѣлаетъ для нихъ обязательнымъ претерпѣніе даже такого бѣдствія, какъ напримѣръ, краткое, но совершенно безсмысленное градоправительство Брудастаго (см. выше разсказъ «Органчикъ)? А такъ-какъ вопросъ этотъ длинный, а руки у нихъ коротки, то, очевидно, что существованіе вопроса только поколеблетъ ихъ твердость въ бѣдствіяхъ, но въ положеніи существеннаго улучшенія все-таки не сдѣлаетъ.

Но покуда Грустиловъ колебался, убогіе люди рѣшились дѣйствовать самостоятельно. Они ворвались въ квартиру учителя каллиграфіи Линкина, произвели въ ней обыскъ и нашли книгу: «Средства для истребленія блохъ, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ». Съ торжествомъ вытолкали они Линкина на улицу и, потрясая воздухъ радостными восклицаніями, повели его на градоначальническій дворъ. Грустиловъ сначала растерялся, и разсмотрѣвъ книгу, началъ-было объяснять, что она ничего не заключаетъ въ себѣ ни противъ религіи, ни противъ прав-

ственности, ни даже противъ общественнаго спокойствія. Но нищіе ничего уже не слушали.

— Плохо ты, вѣрно, читалъ! дерзко кричали они градоначальнику, и подняли такой гвалтъ, что Грустиловъ испугался и разсудилъ, что благоразуміе повелѣваетъ уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія.

— Самъ ли ты зловредную оную книгу сочинилъ? а ежели не самъ, то кто тотъ завѣдомый воръ и сущій разбойникъ, который таковое злодѣйство учинилъ? и какъ ты съ тѣмъ воромъ знакомство свелъ? и отъ него ли ту книжицу получилъ? и ежели отъ него, то зачѣмъ, кому слѣдуетъ, о томъ не объявилъ, но, забывъ совѣсть, распутству его потакалъ и подражалъ?—Такъ началъ Грустиловъ свой допросъ Линкину.

— Ни самъ я тоя книжицы не сочинялъ, ни сочинителя оной въ глаза не видывалъ, а напечатана она въ столичномъ городѣ Москвѣ, въ университетской типографіи, иждивеніемъ книгопродавцевъ Манухиныхъ! довольно твердо отвѣчалъ Линкинъ.

Толпѣ этотъ отвѣтъ не понравился, да и вообще она ожидала не того. Ей казалось, что Грустиловъ, какъ только приведутъ къ нему Линкина, разорветъ его пополамъ — и дѣло съ концомъ. А онъ, вмѣсто того, разговариваетъ! Поэтому, едва градоначальникъ разинулъ ротъ, чтобъ предложить второй допросный пунктъ, какъ толпа загудѣла:

— Что ты съ нимъ балы-то точишь! онъ въ Бога не вѣритъ!

Грустиловъ въ ужасѣ разодралъ на себѣ вицъ-мундиръ.

— Точно ли ты въ Бога не вѣришь? подскочилъ онъ къ Линкину, и, по важности обвиненія, не выждавъ отвѣта, слегка ударилъ его по щекѣ.

— Никому я о семъ не объявлялъ, уклонился Линкинъ отъ прямого отвѣта.

— Свидѣтели есть! свидѣтели! гремѣла толпа.

Выступили впередъ два свидѣтеля: отставной солдатъ Карапузовъ, да слѣпенькая нищенка Маремьянушка. «И было тѣмъ свидѣтелямъ дано за ложное показаніе по пятаку серебромъ», говоритъ лѣтописецъ, который въ этомъ случаѣ явно становится на сторону угнетеннаго Линкина.

— Намеднись, а когда именно не упомню, свидѣтельствовалъ Карапузовъ: — сидѣлъ я въ кабакѣ и пилъ вино, а неподалеку отъ меня сидѣлъ этотъ самый учитель и тоже пилъ вино. И выпивши онъ того вина довольно, сказалъ: всѣ мы, что человѣки, что скоты — все едино; всѣ помремъ и всѣ къ чортовой матери пойдемъ!

— Но когда же... заикнулся-было Линкинъ.

— Стой! ты погоди пасть-то розѣвать! пущай сперва свидѣтель доскажетъ! крикнула на него толпа.

— И будучи я приведенъ отъ тѣхъ его словъ въ соблазнъ, продолжалъ Карапузовъ:—кроткимъ манеромъ сказалъ ему: какъ же, молъ, это такъ, ваше благородіе? ужели, молъ, что человѣкъ, что скотина — все едино? и за что, молъ, вы такъ насъ порочите, что и мѣста другого, кромѣ какъ у чортовой матери, для насъ не нашли? Батюшки, молъ, наши духовные не тому насъ учили,—вотъ что! Ну, онъ это взглянулъ на меня этакъ съискоса: ты, говоритъ, колченогій (а у меня, ваше высокородіе, точно что подъ Очаковымъ ногу унесло), въ полиціи что ли служишь? взялъ шапку — и вышелъ изъ кабака вонъ.

Линкинъ разинулъ ротъ, но это только пуще раздражило толпу.

— Да зажми ты ему пасть-то! кричала она Грустилову: — ишь рѣчистый какой выискался!

Карапузова смѣнила Маремьянушка.

— Сижу я намеднись въ питейномъ, свидѣтельствовала она:— и тошно мнѣ, слѣпенькой, стало; сижу этакъ-то и все думаю: куда, молъ, ноньче народъ, противъ прежняго, гордѣе сталъ! Бога забыли, въ посты скоромное ѣдятъ, нищихъ не одѣляютъ; смотри, молъ, скоро и на солнышко прямо смотрѣть станутъ! Только и подходитъ ко мнѣ самый этотъ молодецъ: слѣпа, баушка? говоритъ. — Слѣпенькая, молъ, ваше высокое благородіе. — А отчего, молъ, ты слѣпа? — Отъ Бога, говорю, ваше высокое благородіе.—Какой тутъ Богъ, отъ воспы чай?—это онъ-то все говоритъ. — А воспа-то, говорю, отъ кого же? — Ну, да, отъ Бога, держи карманъ! Вы, говоритъ, въ сырости, да въ нечистотѣ всю жизнь копаетесь — а Богъ виноватъ!

Маремьянушка остановилась и заплакала.

— И такъ это меня обидѣло, продолжала она, всхлипывая: — ужь и не знаю какъ! За что же, молъ, ты Бога-то обидѣлъ? говорю я ему. А онъ не то, чтобы что, плюнулъ мнѣ прямо въ глаза: утрись, говоритъ, можетъ, будешь видѣть! — и былъ таковъ.

Обстоятельства дѣла выяснились вполнѣ; но такъ-какъ Линкинъ непремѣнно требовалъ, чтобы была выслушана рѣчь его защитника, то Грустиловъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, исполнить его требованіе. И точно: вышелъ изъ толпы какой-то отставной подъячій и сталъ говорить. Сначала говорилъ онъ довольно невнятно, но потомъ вникъ въ предметъ, и, къ общему удивленію, вмѣсто того, чтобы защищать, сталъ обвинять. Это до того подѣйствовало на Линкина, что онъ сейчасъ же не

только сознался во всемъ, но даже много прибавилъ такого, чего никогда и не бывало.

— Смотрѣлъ я однажды у пруда на лягушекъ, говорилъ онъ:—и былъ смущенъ діаволомъ. И началъ себя бездѣльнымъ обычаемъ спрашивать, точно ли одинъ человѣкъ обладаетъ душою, и нѣтъ ли таковой у гадовъ земныхъ! И взявъ лягушку, изслѣдовалъ. И по изслѣдованіи нашелъ: точно; душа есть и у лягушки, токмо малая видомъ и не безсмертная.

Тогда Грустиловъ обратился къ убогимъ, и сказавъ:

— Сами видите! — приказалъ отвести Линкина въ часть.

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не разсказываетъ дальнѣйшихъ подробностей этой исторіи, такъ что нельзя утверждать, былъ ли Линкинъ повѣшенъ, или просто умерщвленъ какимъ-нибудь другимъ образомъ. Въ перепискѣ же Пфейферши сохранились лишь слѣдующія строки объ этомъ дѣлѣ: «вы, мужчины, очень счастливы; вы можете быть твердыми; но на меня вчерашнее зрѣлище произвело такое дѣйствіе, что Пфейферъ не на шутку встревожился и поскорѣй далъ мнѣ принять успокоительныхъ капель». И только...

Но происшествіе это было важно въ томъ отношеніи, что если прежде у Грустилова еще были кой-какія сомнѣнія на счетъ предстоящаго ему образа дѣйствія, то съ этой минуты онѣ совершенно исчезли. Вечеромъ того же дня, онъ назначилъ Парамошу инспекторомъ глуповскихъ училищъ, а другому юродивому, Яшенькѣ, предоставилъ каѳедру философіи, которую нарочно для него создалъ въ уѣздномъ училищѣ. Самъ же усердно принялся за сочиненіе трактата: «О восхищеніяхъ благочестивой души», и черезъ три дня издалъ его въ свѣтъ.

Въ самое короткое время, физіономія города до того измѣнилась, что онъ сдѣлался почти неузнаваемъ. Вмѣсто прежняго буйства и пляски наступила могильная тишина, прерываемая лишь звономъ колоколовъ, которые звонили на всѣ манеры: и во вся, и въ одиночку, и съ перезвономъ. Капища запустѣли; идоловъ утопили въ рѣкѣ, а манежъ, въ которомъ давала представленія дѣвица Гандонъ, сожгли. Затѣмъ, по всѣмъ улицамъ накурили смирною и ливаномъ, и тогда только обнадежились, что вражья сила окончательно посрамлена.

Но злаковъ на поляхъ все не прибавлялось, ибо глуповцы отъ бездѣйствія весело-буйственнаго перешли къ бездѣйствію мрачному. Напрасно они воздѣвали руки, напрасно облагали себя поклонами, давали обѣты, постились, устраивали процессіи — Богъ не внималъ мольбамъ ихъ. Кто-то заикнулся-было сказать, что «какъ не какъ, а придется въ поле съ сохою выйдти», но

дерзкаго едва не побили каменьями, и въ отвѣтъ на его предложеніе утроили усердіе.

Между тѣмъ, Парамоша съ Яшенькой дѣлали свое дѣло въ школахъ. Парамошу нельзя было узнать; онъ расчесалъ себѣ волосы, завелъ бархатную поддевку, душился, мылъ руки мыломъ до бѣла и въ этомъ видѣ ходилъ по школамъ, и громилъ тѣхъ, которые надѣются на князя міра сего. Горько издѣвался онъ надъ суетными, тщеславными, высокоумными, которые о пищѣ тѣлесной заботятся, а духовною небрегутъ, и приглашалъ всѣхъ удалиться въ пустыню. Яшенька съ своей стороны училъ, что сей міръ, который мы думаемъ очима своима видити, есть сонное нѣкое видѣніе, которое насылается на насъ врагомъ человѣчества, и что сами мы не болѣе, какъ странники, изъ лона исходящіе и въ оное же лоно входящіе. По мнѣнію его, человѣческія души, яко жито духовное, въ нѣкоей житницѣ сложены, и оттоль, въ мѣрѣ надобности, спущаются долу, дабы оное сонное видѣніе въ скорости увидѣти и по маломъ времени вспять въ благожелаемую житницу благопоспѣшно возлетѣть. Существенные результаты такого ученія заключались въ слѣдующемъ: 1) что работать не слѣдуетъ; 2) тѣмъ менѣе надлежитъ провидѣть, заботиться и пещись, и 3) слѣдуетъ возлагать упованіе и созерцать — и ничего больше. Парамоша указывалъ даже, какъ нужно созерцать. «Для сего — говорилъ онъ: — уединись въ самый удаленный уголъ комнаты, сядь, скрести руки подъ грудью и устреми взоры на пупокъ».

Аксиньюшка тоже не плошала, но била въ баклуши неутомимо. Она ходила по домамъ, и разсказывала, какъ однажды чортъ водилъ ее по мытарствамъ, какъ она первоначально приняла его за странника, но потомъ догадалась и сразилась съ нимъ. Основныя начала ея ученія были тѣ же, что у Парамоши и Яшеньки, то-есть что работать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ созерцать. «И, главное, подавать нищимъ, потому что нищіе не о мамонѣ пекутся, а о томъ, какъ бы душу свою спасти», присовокупляла она, протягивая при этомъ руку. Проповѣдь эта шла столь успѣшно, что глуповскія копейки дождемъ сыпались въ ея карманы, и въ скоромъ времени она успѣла скопить даже довольно значительный капиталъ. Да и нельзя было не давать ей, потому что она всякому, не подающему милостыни, безъ церемоніи плевала въ глаза, и вмѣсто извиненія, говорила только: «не взыщи!»

Но представителей мѣстной интеллигенціи даже эта суровая обстановка уже не удовлетворяла. Она удовлетворяла лишь внѣшнимъ образомъ, но настоящаго уязвленія не доставляла. Конеч-

но, они не высказывали этого публично, и даже въ точности исполняли обрядовую сторону жизни, но это была только внѣшность, съ помощью которой они льстили народнымъ страстямъ. Ходя по улицамъ, съ опущенными глазами, благоговѣйно приближаясь къ папертямъ, они какъ бы говорили смердамъ: смотрите! и мы не гнушаемся общенія съ вами! но, въ сущности, мысль ихъ блуждала далече. Испорченные недавними вакханаліями политеизма и пресыщенные пряностями цивилизаціи, они недовольствовались просто вѣрою, но искали какихъ-то «восхищеній». Къ сожалѣнію, Грустиловъ первый пошелъ по этому пагубному пути и увлекъ за собой остальныхъ. Примѣтивъ на самомъ выѣздѣ изъ города полуразвалившееся зданіе, въ которомъ нѣкогда помѣщалась инвалидная команда, онъ устроилъ въ немъ сходбища, на которыя по ночамъ собирался весь такъ-называемый глуповскій бомондъ. Тутъ, сначала читали критическія статьи г. Н. Страхова, но такъ-какъ онѣ скучны, то скоро переходили къ другимъ занятіямъ. Предсѣдатель вставалъ съ мѣста и начиналъ корчиться; примѣру его слѣдовали другіе; потомъ, мало по малу, всѣ начинали скакать, кружиться, пѣть и кричать, и производили эти неистовства до тѣхъ поръ, покуда совершенно измученные не падали ницъ. Этотъ моментъ собственно и назывался «восхищеніемъ», а совсѣмъ не тотъ, когда читались статьи г. Страхова, какъ это неправильно утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи тогдашней старины.

Могъ ли продолжаться такой жизненный установъ и сколько времени? Опредѣлительно отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно. Главное препятствіе для его безсрочности представлялъ конечно, недостатокъ продовольствія, какъ прямое слѣдствіе господствовавшаго въ то время аскетизма; но съ другой стороны, исторія Глупова, примѣрами совершенно положительными, удостовѣряетъ насъ, что продовольствіе совсѣмъ не столь необходимо для счастія народовъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Ежели у человѣка есть подъ руками говядина, то онъ, конечно, охотнѣе питается ею, нежели другими менѣе питательными веществами; но если мяса нѣтъ, то онъ столь же охотно питается хлѣбомъ, а буде и хлѣба недостаточно, то и лебедою. Стало быть, это вопросъ еще спорный. Какъ бы то ни было, но безобразная глуповская затѣя разрѣшилась гораздо неожиданнѣе и совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, которыхъ вліяніе можно было бы предполагать самымъ естественнымъ.

Дѣло въ томъ, что въ Глуповѣ жилъ нѣкоторый, неимѣющій опредѣленныхъ занятій штабъ-офицеръ, которому было случай-

но оказано пренебреженіе. А именно, еще во времена политеизма, на имянинномъ пирогѣ у Грустилова, всѣмъ гостямъ подали уху стерляжью, а штабъ-офицеру, — разумѣется, безъ вѣдома хозяина,—досталась уха изъ окуней. Гость проглотилъ обиду («только ложка въ рукѣ его задрожала», говоритъ лѣтописецъ), но въ душѣ поклялся отомстить. Начались контры; сначала борьба велась глухо, но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ разгоралась все пуще и пуще. Вопросъ объ ухѣ былъ забытъ, замѣнился другими вопросами политическаго и теологическаго свойства, такъ что когда штабъ-офицеру, изъ учтивости, предложили присутствовать при «восхищеніяхъ», то онъ наотрѣзъ отказался.

И былъ тотъ штабъ-офицеръ доноситель...

Несмотря на то, что онъ не присутствовалъ на собраніяхъ лично, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что̀ тамъ происходило. Скаканіе, круженіе, чтеніе статей Страхова—ничто не укрылось отъ его проницательности. Но онъ ни словомъ, ни дѣломъ не выразилъ ни порицанія, ни одобренія всѣмъ этимъ дѣйствіямъ, а хладнокровно выжидалъ, покуда нарывъ созрѣетъ. Весьма возможно, что онъ ждалъ награды, и думалъ: пускай люди сіи предварительно погубятъ душу свою... И вотъ, эта вождѣленная минута наконецъ наступила: ему попался въ руки экземпляръ сочиненной Грустиловымъ книги: «О восхищеніяхъ благочестивой души»...

Въ одну изъ ночей кавалеры и дамы глуповскіе, по обыкновенію, собрались въ упраздненный домъ инвалидной команды. Чтеніе статей Страхова уже кончилось, и собравшіеся начинали слегка вздрагивать; но едва Грустиловъ, въ качествѣ предсѣдателя собранія, началъ присѣдать и вообще производить предварительныя дѣйствія, до восхищенія души относящіяся, какъ снаружи послышался шумъ. Въ ужасѣ бросились сектаторы ко всѣмъ наружнымъ выходамъ, забывъ даже потушить огни и устранить вещественныя доказательства... Но было уже поздно. У самаго главнаго выхода стоялъ Перехватъ-Залихватскій и вперялъ въ толпу оцѣпеняющій взоръ...

Но что это былъ за взоръ... О, Господи! что это былъ за взоръ!..

Н. Щедринъ.

ВЪ СТЕПИ.

Степная деревня, ея жизнь, печали и радости.

Зима. Тихій, ясный, морозный день. Передъ вами безконечная, ровная какъ скатерть, блестящая снѣговая даль. Кругомъ ни души. Вся запушоная, съ побѣлѣвшими рѣсницами, бѣжитъ ваша низенькая, крѣпенькая, пѣгая лошадка по узкой, мягкой дорожкѣ. Править ею нечего — она никуда не свернетъ въ сторону. Вамъ тепло, хорошо; на васъ такая пушистая теплая шуба. Вы прилегли къ спинкѣ саней и такъ-то славно, вольно дышите и мечтаете подъ ровный, мягкій стукъ копытъ. Маленькій ухабикъ— такъ покойно раскатились и качнулись санки. Дѣла у васъ спѣшнаго нѣтъ (въ степи никто не спѣшитъ). Вы ѣдете просто прокатиться къ сосѣду. Вы случайный здѣсь гость, пріѣхали въ вашу Петровку, съ мѣсяцъ какъ доставшуюся вамъ по наслѣдству отъ Богъ знаетъ для чего такъ долго жившаго дяди и почему-то теперь вдругъ ни съ того ни съ сего вздумавшаго умереть. Порядковъ здѣшнихъ вы не знаете. Что̀ за люди ваши сосѣди, тоже не знаете. Случайно вы встрѣтили въ городѣ, въ гостиницѣ загорѣлаго, толстаго помѣщика, разговорились съ нимъ—онъ оказался вашимъ сосѣдомъ, и такой онъ добрый, простодушный малый. Сегодня вы ѣдете къ нему въ первый разъ. Показался лѣсокъ. Всѣ запушились снѣгомъ снизу—и инеемъ сверху, стоятъ осинки и березки; дорога пошла лѣсомъ; изрѣдка развѣ сани зацѣпятъ за высоко срубленный пенекъ, и вы и санки покачнетесь и наклонитесь въ другую сторону. Поперегъ дороги и паралельно съ нею въ снѣгу глубокія зубчатыя ямки—это заячій слѣдъ: тутъ зайцевъ много. Но вотъ и лѣсокъ кончился, и опять началась равнина; опять глаза невольно щурятся—имъ больно смотрѣть на чистый, бѣлый снѣгъ и длинную блестящую поло̀су свѣта отъ солнца. Вы продолжаете мечтать. Любите ли нѣтъ вы этимъ заниматься—это все равно,—если зимой вы ѣдете одни въ саняхъ

и погода хороша—вы непремѣнно начнете мечтать. Воображеніе невольно разыгрывается. И что за вздоръ, думаете вы, что въ деревнѣ, зимой, говорятъ, жить нельзя? Чистый вздоръ. Маленькій тепленькій домикъ, каминъ, газеты, журналы, книги, сигары, два, три сосѣда. Тихо, покойно. Ни этого низкопоклонства, ни этой гоньбы за чинами и орденами, ни этихъ пошлыхъ визитовъ — этой язвы городской жизни — ничего здѣсь не надо. Да, великая истина:—ближе къ природѣ жизнь лучше! Лѣтомъ работа, дѣятельность. Надо будетъ выписать машинъ, да покончить съ этой трехполкой. Ваши мечты переходятъ уже въ непремѣнное почти рѣшеніе. А между тѣмъ смеркается. Солнце почти уже сѣло и сядетъ совсѣмъ еще минутъ черезъ пять. Давно уже видѣвшаяся деревня наконецъ передъ вами почти, но это пока кажется только, до нея еще версты двѣ навѣрно будетъ. Туда ли однако я попалъ? думаете вы. Кажется, такъ мнѣ толковали дорогу — проѣхать два свертка, на третьемъ повернуть и все вправо забирать. Ѣдетъ тоже къ селу мужикъ впереди васъ, увидалъ и сворачиваетъ. Передними ногами его лошадь уже ступила въ сугробъ и вязнетъ.

— Не нужно, не сворачивай, кричите вы ему.

— Это Ивановка?

— Ивановка, держась одной рукой за возжу, а другой срывая шапку, отвѣчаетъ мужиченко.

Вотъ и село. Совсѣмъ почти запушенныя и занесенныя снѣгомъ, длиннымъ рядомъ, какъ снѣговые холмики, протянулись мужицкія избы. Всѣ-то онѣ въ снѣгу, бѣлыя, только окна чернѣютъ. Вотъ и совсѣмъ уже стемнѣло и длинными полосками бѣжитъ яркій лучиній свѣтъ изъ низенькихъ оконъ. Вотъ, недалеко отъ церкви изба нѣсколько повыше, побольше, двойная—это поповская; нѣсколько поменьше, рядомъ, дьяконовская; дьячковой нельзя отличить. А вотъ какъ разъ посреди села, посреди улицы, маленькая, освѣщенная, совсѣмъ покачнувшаяся избенка съ скворешней и тряпкой на высокомъ шесту: это кабакъ. Еще сажень сто, сто пятьдесятъ, — и барская усадьба. Садъ, большой, густой, тихо стоитъ и дремлетъ. Изъ оконъ дома видѣнъ яркій свѣтъ. Что за народъ эти сосѣди? Самъ-то онъ добрый малый. Подъѣзжая, вы видите въ окна, какъ лакей принесъ и поставилъ на столъ самоваръ, какъ весело горитъ огонекъ въ каминѣ; какъ дочь, и, кажется, такая хорошенькая, стоитъ съ кѣмъ-то и смѣется у открытаго рояля. Вотъ гостиная съ мягкимъ матовымъ ламповымъ свѣтомъ; вы успѣли даже увидать и мягкую мебель въ бѣлыхъ чехлахъ... И такъ спокойно, тихо, безмятежно у васъ

па душѣ. Васъ такъ радушно встрѣтятъ, такъ вкусенъ покажется этотъ чай съ густыми сливками, съ мягкимъ и пышнымъ бѣлымъ хлѣбомъ. Такой наивной и доброй, простушкой покажется эта старшая дочь, что стояла и болтала у рояля, когда вы проѣхали мимо оконъ...

Славные люди и славная жизнь въ степныхъ деревняхъ. Такая простота, безъискусственность — ближе къ природѣ отъ того...

Для лѣтняго пейзажа потребуются, разумѣется, другія краски, но можно и его сдѣлать такимъ же теплымъ, красивымъ и уютнымъ. Для этого стоитъ только поступить такъ же, какъ мы поступили сейчасъ, т.-е. ни съ кѣмъ не заговорить, ни къ чему не присмотрѣться, а просто умилиться душою. Тогда опять все пойдетъ, какъ по маслу. И безконечныя равнины побурѣвшей уже ржи, такъ похожія на широкую шкуру огромнаго бураго медвѣдя; и ровные стройные взмахи косцовъ, и пляски и пѣсни въ селѣ, и огоньки въ избахъ и огоньки, ночующихъ въ поляхъ—все покроется мягкимъ изящнымъ колоритомъ.

Но Боже, какая безконечная разница явится въ вашемъ взглядѣ на эту жизнь, когда вы окунетесь въ нее съ головою и узнаете всю ея подноготную. Какой наглой ложью покажутся тогда вамъ эти первыя благодушныя впечатлѣнія!...

Такъ-какъ я не имѣю чести быть рожденнымъ для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ, для молитвъ, и такъ-какъ единственная цѣль этихъ очерковъ — голая правда, безъ всякой примѣси какой бы то ни были лжи, хотя бы и самой художественной, то я и прошу извинить, если сразу угощу читателя извѣстіемъ, что во всей, напримѣръ, Тамбовской губерніи едва-ли наберется десятокъ или два незаложенныхъ помѣщичьихъ имѣній, а изъ остальныхъ едва-ли три, четыре десятка имѣется такихъ, которыя не подлежатъ описи за просрочку въ опекунскій совѣтъ, приказъ или за неплатежъ частныхъ долговъ... Поэтому, мнѣ кажется, что уютная и болѣе или менѣе комфортабельная обстановка домашней жизни людей, находящихся въ такомъ далеко не поэтическомъ положеніи, способна вызвать настроеніе, неимѣющее ничего общаго съ тѣмъ, съ которымъ вы сейчасъ подъѣзжали къ дому добродушнаго загорѣлаго толстяка.

Не болѣе поэтической красоты будетъ заключаться и въ томъ извѣстіи, что въ этихъ низкихъ, запушенныхъ снѣгомъ и безконечнымъ рядомъ протянувшихся избенкахъ, изъ оконъ которыхъ такъ красиво бѣжитъ полосками свѣтъ на улицу, половина сидитъ ужь безъ хлѣба, пробиваясь кос-какъ работишкой,

да продавая послѣднюю скотину да отдавая въ наемъ ту землю, которую весною слѣдовало бы имъ самимъ сѣять, и которую теперь будетъ засѣвать цѣловальникъ, мѣстный лавочникъ, мѣщанинъ или два три мужика-богача.

Какъ, отчего, и для чего это устроилось,—объ этомъ нечего спрашивать.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого, а не какихъ нибудь другихъ причинъ, вы не встрѣтите теперь ни у кого, или почти ни у кого ни домашнихъ музыкантовъ, ни труппы волтижеровъ, ни даже псовой охоты. Развѣ гдѣ найдете трехъ, четырехъ борзыхъ, да и то какія-то жалкія, полуголодныя, смотрятъ онѣ вамъ въ глаза и только что не говорятъ вслѣдъ за хозяиномъ: а, да что тутъ еще толковать — все кончено!... Было и наше время. Были псы нужны—были и хороши...

Мнѣ разсказывали здѣсь слѣдующій, даже нѣсколько трогательный случай. Дѣло было осенью прошлаго года. Пріѣзжаетъ кто-то изъ сосѣдей къ одному здѣшнему, нѣкогда извѣстному псовому охотнику и говоритъ, что недалеко отъ его усадьбы встрѣтилъ шесть волковъ. Въ старомъ охотникѣ заиграла кровь; призываетъ онъ единственнаго оставшагося у него ради дряхлости доѣзжачаго и сообщаетъ ему извѣстіе. Ветеранъ отъѣзжаго поля подробно разспросилъ, въ какомъ именно мѣстѣ видѣли волковъ, куда они побѣжали, и задумался.

— Ну, что-жь? спросилъ баринъ.

— Не совладаешь.

— А если они разобьются по одиночкѣ?

— Не разобьются.

Всѣхъ собакъ было только три. Несмотря на это, баринъ велѣлъ осѣдлать двѣ лошади — себѣ и своему доѣзжачему. Волковъ нагнали въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и предполагали ихъ встрѣтить, но они по одиночкѣ не разбились.

— Пустимъ собакъ; можетъ, какого одного и отобьютъ.

— Не совладаемъ.

Собакъ пустили. Онѣ жарко бросились на волковъ, сцѣпились съ ними въ отчаянной дракѣ, но бой былъ слишкомъ неровенъ и собакъ разорвали. Когда охотники подскакали къ мѣсту битвы, все было уже кончено. Волки въ кучкѣ попрежнему побѣжали дальше, а собаки съ перекусанными горлами и распоронными внутренностями лежали всѣ окровавлены. Только одна была еще жива и лизала кровь на своихъ страшныхъ ранахъ.

Баринъ сошелъ съ лошади, пристально посмотрѣлъ ей въ глаза и она тутъ же издохла. Онъ шагомъ вернулся домой,

задумался, а знающіе его говорятъ, что его теперь и узнать нельзя.

Домашніе музыканты, волтижеры — это все вздоръ, чепуха; но собаки дѣло особенное. Потребность псовой охоты, потребность, сдѣлавшаяся органическою—вслѣдствіе ли традиціи, пустоты здѣшней обыденной жизни, вслѣдствіе ли того, наконецъ, что въ ней можно отыскать, какъ говорятъ, нѣкоторое подобіе войны — все равно; я утверждаю только, что ни о чемъ здѣсь такъ не тужатъ, какъ о положительной невозможности содержать въ настоящее время хотя сколько-нибудь порядочную стаю собакъ. Я, нисколько не преувеличивая значенія факта, могу сказать, что собаки довели десятки имѣній до публичной продажи и разстроили сотню прекрасныхъ состояній. Здѣсь всѣ еще живо помнятъ знаменитую охоту Л — на, имѣвшаго пятьсотъ своръ борзыхъ собакъ, къ нимъ, разумѣется, приличное количество гончихъ, годовалыхъ, полугодовалыхъ и новорожденныхъ — щенятъ, псарей, верховыхъ лошадей, разныхъ волкодавовъ и проч. Имѣніе его, двѣнадцать тысячъ десятинъ, положительно все пошло на собакъ. Когда Л — нъ выѣзжалъ осенью съ охотой, то захватывались подъ дизлокацію этой собачьей арміи цѣлыя волости. Тянулись десятки подводъ съ провизіей, кухней, фургонами для раненыхъ и больныхъ собакъ и т. д. Примыкали къ нему мелкотравчатые кто съ десяткомъ, кто съ сотней собакъ и охота принимала чудовищно-безобразные размѣры. Что̀ совершалось при этомъ въ деревняхъ во время ночлега—единому Богу извѣстно и имъ однимъ можетъ быть прощено...

Разсказы объ этихъ охотахъ и этихъ ночлегахъ, несмотря на то, что нѣтъ еще и десяти лѣтъ, какъ они прекратились, получили въ народѣ какой-то легендарный характеръ. Одни охотничьи наѣзды и пиры В—ва, извѣстнаго въ народѣ болѣе подъ названіемъ Евграфа (его имя)—цѣлый эпосъ. Впрочемъ, я не буду здѣсь объ этомъ распространяться, а составлю изъ нихъ особую главу.

Съ 19-го февраля 1867 года все это кончено, и какъ бы ни сложилась теперешняя новая жизнь, этому ужь не повториться никогда. Степная и особенно тамбовская деревня поразитъ васъ своей нищенской, грязной обстановкой и какимъ-то сѣренькимъ, унылымъ колоритомъ. То̀, что̀ называется русской избой въ архитектурѣ и что̀ въ дѣйствительности я видалъ только въ подмосковныхъ деревняхъ, здѣсь положительно нигдѣ вы не встрѣтите. Тамбовская изба — срубъ березоваго дерева, чаще всего квадратный пятиаршинникъ съ двумя окнами, съ печкой *по*

черному — безъ трубы. Столъ, три лавки, палати — и все это черное, закоптѣлое, продымленное до невѣроятности. Ничего нѣтъ удивительнаго, что грязь такой обстановки поражаетъ человѣка, привыкшаго болѣе или менѣе къ комфорту, но она удивляетъ даже мужиковъ другихъ губерній. Рязанцы, калужане и курскіе рабочіе козловско-воронежской дороги—въ ужасѣ отъ этой грязи. Въ деревняхъ, мимо которыхъ проходитъ дорога, и въ которыхъ они должны были основать свой ночлегъ, нанимая избы,—первою заботою ихъ было все выскоблить и вымыть. Нѣкоторыя партіи, не желая окунуться въ эту грязь, даже строили себѣ балаганы изъ тесу и жили въ нихъ, несмотря на начавшіеся уже сильные морозы. Само собою разумѣется, что главная причина такой поражающей неопрятности — бѣдность. Зажиточный мужикъ живетъ просторнѣе и потому чище, но все-таки грязно, страшно грязно. При тѣхъ же самыхъ условіяхъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что можно было бы жить въ тысячу разъ чище и удобнѣе. На желѣзную дорогу богатый мужикъ не наймется работать — это нечего доказывать, стало быть, всѣ эти калужане, рязанцы — народъ бѣдный, но отчего же они и одѣты чище и такъ брезгливо смотрятъ на здѣшній домашній бытъ? Разспрашивая кой-кого объ этомъ, мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать такое объясненіе: тамбовскій мужикъ пахарь, онъ цѣлый день возится въ землѣ и навозѣ — до чистоты ли ему? Рязанцы плотники, курскіе копальщики — работа ихъ чище. Они, можетъ быть, и не богаче, да работа-то ихъ такова, что при ней возможна опрятность, а какъ же вы будете чисты, возясь цѣлый день въ землѣ и въ навозѣ. Я слишкомъ мало еще толкался въ народѣ и вообще мало знаю другія, даже сосѣднія съ Тамбовской, губерніи, чтобы сказать что-нибудь противъ или за это объясненіе. Богатство тамбовскаго мужика выражается въ двухъ, трехъ маленькихъ лошадяхъ, десяткѣ овецъ, двухъ, трехъ коровахъ, нѣсколькихъ свиньяхъ, относительно просторной избѣ, а главное, въ трехъ и четырехлѣтнихъ кладушкахъ ржи. Самъ же онъ чѣмъ богаче, тѣмъ непремѣнно хуже одѣтъ и всячески старается казаться простачкомъ. Это положительно общая черта; я наблюдалъ ее почти во всѣхъ деревняхъ, гдѣ только мнѣ приходилось здѣсь бывать. Былъ я разъ у одного здѣшняго помѣщика, владѣльца нѣсколькихъ сотъ десятинъ земли, и почему-то считающаго за удобное отдавать ихъ въ аренду. На крыльцѣ мнѣ попался старикъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, худенькій, съ жалкой, робко-улыбающейся физіономіей, въ изорванномъ полушубкѣ, подпоясанномъ обрывкомъ веревки. За-

видя меня, онъ торопливо сорвалъ шапку и отвѣсилъ чуть не земной поклонъ.

— У васъ на крыльцѣ нищій стоитъ, сказалъ я моему знакомому.

Тотъ взялъ со стола какую-то мѣдную монету и пошелъ на крыльцо, но сейчасъ возвратился со смѣхомъ.

— Этотъ, батюшка, нищій богаче меня, это мой арендаторъ. Пойдемте-ка въ переднюю, поразсмотрите-ка его — онъ мнѣ деньги за землю принесъ.

Они начали считаться, а я тутъ же присѣлъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ ловко считалъ онъ процентные мѣсяцы на серіяхъ, будучи совершенно безграмотнымъ.

— Къ чему же ты это, старикъ, ходишь такимъ оборваннымъ, вѣдь это самому тебѣ должно быть скверно, да и люди-то всѣ смѣются? усовѣщевалъ я.

Старикъ распустилъ свою робко-глуповатую улыбку и захохоталъ.

— А пусть ихъ смѣются: такъ-то оно покойнѣе.

— Да что жь тутъ, развѣ разбойники у васъ?

— Нѣтъ, этого не слыхать, а все покойнѣе.

— Да чѣмъ же?

— Такъ, покойнѣе.

Хвастаться своимъ достаткомъ рѣшительно не принято, не въ обычаѣ; трезвый никогда не похвастаетъ, да и пьяный о деньгахъ, какія у него есть, ни за что не проболтаетъ. Все, что̀ можно, такъ это подгулявши съ пріѣхавшимъ къ нему на праздникъ или на свадьбу сватомъ, пойти на гумно и показать ржаныя кладушки. Хлѣбъ есть — вотъ его богатство; тамбовскій мужикъ охотно продаетъ лишнюю корову, овецъ, даже лошадь, только не хлѣбъ. Поэтому, нерѣдко вы увидите на гумнахъ шести, если даже и десяти и болѣе лѣтнія, кладушки ржи, проса, овса. Какъ бы онѣ ни были хорошо складены, но ихъ все-таки мочитъ дождь, снѣгъ, онѣ прѣютъ, точатъ ихъ мыши, но онѣ все-таки стоятъ и къ концу концовъ въ нихъ останется на половину и даже меньше зерна. При частыхъ и безпомощныхъ пожарахъ онѣ и вовсе гибнутъ. Но несмотря на это, продать хлѣбъ въ глазахъ зажиточнаго мужика развѣ только не преступленіе, но ужь глупость положительная. Прошлую осень, вслѣдствіе сильнаго спроса за границу, финляндскаго голода и, главное, благодаря козловской желѣзной дорогѣ, облегчившей доставку хлѣба, рожь, бывшая всѣ эти года не дороже полутора, двухъ и двухъ съ половиной руб. сер. за четверть, доходила одно время до неслыхан-

ной прежде цѣны — шести съ половиною рублей. Соблазнъ, кажется, огромный. А между тѣмъ, мужики все-таки ни за что не хотятъ продавать. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось заводить объ этомъ рѣчь.

— Ну, отчего не продаешь? вѣдь есть продажная?

— Есть-то, есть.

— Такъ что жь, зачѣмъ стало дѣло? Цѣна вѣдь хороша.

— Объ цѣнѣ что̀ говорить, какой же еще цѣны?

— Ну, и продавай.

— Все какъ-то бо̀язно.

— Да чего бо̀язно-то?

— А какъ не родится?

— Оставь запасъ.

— А какъ и на тотъ годъ не родится?

— Оставь запасъ и на тотъ годъ, оставь на три года.

— Страшно.

И рѣдко-рѣдко какой изъ имѣющихъ возможность продать зимнюю рожь—продастъ ее.

Такъ живо здѣсь еще воспоминаніе о страшномъ голодѣ, бывшемъ въ тридцать-девятомъ и сороковомъ годахъ. Голодъ былъ ужасный. Мнѣ десятки разъ приходилось выслушивать разсказы объ немъ, и чрезъ всѣ эти разсказы проходилъ всегда одинъ и тотъ же мотивъ: «Царь денегъ прислалъ тогда, да намъ-то они не попали...» Деньги, дѣйствительно, были присланы и переданы предводителямъ для роздачи на покупку хлѣба – это исторически вѣрный фактъ. Были составлены списки помѣщиковъ, которыхъ раздѣлили на двѣ категоріи — *благонадежныхъ* и *неблагонадежныхъ*. Благонадежными назывались тѣ, кому предводители считали возможнымъ отдать деньги прямо въ руки—не промотаютъ; неблагонадежнымъ покупали хлѣбъ и выдавали пособіе натурой. Но случилось какъ-то такъ, что благонадежные-то и оказались самыми неблагонадежными. Дороговизна хлѣба доходила до баснословной цѣны: напримѣръ, продавалась, вмѣсто 3, 4 руб. — по 40 и даже 50 рублей (разумѣется, ассигнаціями); народъ ѣлъ лебеду, мякину — открылась цынга, щеки трескались. Но при всемъ томъ нигдѣ не было ни малѣйшей попытки къ какому-либо возмущенію. Изъ множества разсказовъ объ этомъ ужасномъ времени, приведу здѣсь два слѣдующихъ, исторически вѣрныхъ.

«Какъ прислалъ намъ тогда царь деньги, вотъ генералы и поѣхали по господамъ рожь скупать. Цѣну набили ужасную.

Вотъ пріѣзжаютъ они къ одному помѣщику и спрашиваютъ, есть ли у него хлѣбъ продажный?

«— Есть, говоритъ.

«— Покажите.

«Посмотрѣли образцы и спрашиваютъ, почемъ хочетъ взять? Вы, говорятъ, положите подешевле — человѣкъ вы богатый, одинокій, помрете — все оставите, съ собою не возьмете...

«— Это, говоритъ, ужь мое дѣло — меньше 75 рублей за четверть не возьму.

«Тѣ такъ и ахнули. Какъ ни высока была цѣна, а такой еще и не слыхивалъ у насъ никто.

«Подумали, подумали генералы—нѣтъ, говорятъ, это вздоръ, если по такой цѣнѣ купить: насъ самихъ за это по шапкѣ. Вы, говорятъ, назначайте цѣну настоящую. А тотъ все свое: меньше 75 рублей не отдамъ, да и только. А запасъ у него былъ огромный — тысячъ пять четвертей. Какъ тутъ быть? Опять подумали генералы, переговорили между собою и отписали: такъ и такъ, молъ, ваше высокое величество, есть здѣсь помѣщикъ такой-то, безродный, одинокій и нашли мы у него запасы хлѣба большущіе, только цѣну хочетъ съ насъ слупить немилосердную, нехристіанскую. Что намъ подѣлать съ нимъ? Осерчалъ на него царь и пишетъ имъ: вы, генералы мои, его не трогайте, отберите у него только рýки (подписку), чтобы онъ никогда ниже этой цѣны никому рожь не продавалъ. Такъ генералы и сдѣлали—рожь не купили, а рýки отъ него отобрали. Такъ что жь, другъ ты мой любезный, какъ думаешь? —вѣдь умеръ съ тоски! Шло, говоритъ, мнѣ богатство въ руки великое — совладать не съумѣлъ — отъ себя пропалъ».

Это въ высшей степени простое рѣшеніе до того понравилось мужикамъ, что стоитъ только заговорить о голодномъ годѣ, какъ вамъ сейчасъ начнутъ объ этомъ разсказывать; разумѣется, въ разныхъ деревняхъ и разныхъ уѣздахъ варіяціи нѣсколько отличны одна отъ другой, но суть дѣла строго сохранилась. Это, повторяю, фактъ исторически вѣрный и я имѣлъ возможность его провѣрить.

А вотъ еще разсказъ, который тоже относится къ этому же времени, и который мнѣ кажется тоже не менѣе интересенъ.

Прихожу я какъ-то по веснѣ въ деревню, и такая она какая-то чудная, скучная. Дворы и избенки еле-еле держатся. Барскій домъ стоитъ съ заколоченными окнами, на крышѣ полынь ростетъ. Садъ огромный, великолѣпный, страшно запущенъ. Нѣсколько человѣкъ, слышно, тамъ что-то рубятъ. Спрашиваю, чья деревня?

— Барышень Т-хъ, говорятъ; да онѣ тутъ не живутъ, сдали на аренду купцу и землю и садъ и онъ теперь тамъ сосны и липки рубитъ.

— А сами онѣ гдѣ-жь?

— Сами въ Козловѣ живутъ, Богу все молятся, набрали приживалокъ, такъ съ ними и сидятъ.

— Можно туда пройти?

— Отчего же.

— И пострѣлять тамъ можно?

— Можно.

— Вальдшнепы-то есть тамъ? Птицы такія носастыя, съ голубя ростомъ?

— А! знаемъ! есть, есть, въ вишняхъ ихъ пропасть живетъ. Осенью тоже бываютъ.

Кликнулъ собаку и пошелъ. Самъ арендаторъ куда-то уѣхалъ, намѣтилъ какія дерева рубить, и человѣкъ пять мужиковъ рубятъ ихъ. Садъ дѣйствительно очаровательно хорошъ, тѣнистый, цѣлый паркъ; липки въ два обхвата; сосны, березы. Я пошатался по саду, что-то застрѣлилъ и подсѣлъ къ мужикамъ.

— Богъ помочь.

— Спасибо.

— Что это дѣлаете?

— Видишь, рубимъ. Липки на ульи пойдутъ, перепилимъ, а сосны въ городъ на базаръ свеземъ. А ты кто будешь?

Я назвался лакеемъ.

— Что же стрѣляешь? Себѣ или господамъ?

— Господамъ.

— Любятъ они этихъ птичекъ; носастыя какія! говорилъ мужикъ, разсматривая вальдшнепа. — Тутъ былъ тогда, давно еще, стрѣлецъ изъ здѣшнихъ дворовыхъ, такъ онъ все барышнямъ нашимъ ихъ стрѣлялъ. Любятъ онѣ ихъ. Въ голодный годъ сами-то онѣ тутъ не жили, такъ, бывало, Ефимка-то ихъ настрѣляетъ, сейчасъ нарочнаго съ ними и посылаютъ въ Рязань — господа-то наши тотъ годъ тамъ жили у дяденьки своего. Вотъ тѣ-то самыя я и видалъ какъ-то разъ. Нутро-то изъ нея вынутъ, да крапивой набьютъ—она и ничего сутокъ трое на жарѣ пролежитъ не протухнетъ.

Припомнилъ и другой, что и онъ тоже возилъ, когда его туда сѣчь прикащикъ посылалъ.

— Какъ сѣчь? Дальше и больше разболтались.

— Вишь дѣло было какъ: барышни наши какъ прочуяли, что голодъ подходитъ, такъ сейчасъ взяли да весь хлѣбъ, ка-

кой у нихъ былъ, продали, а сами въ Рязанскую губернію къ дяденькѣ своему и уѣхали жить на зиму. Остался здѣсь въ отчинѣ ихъ только одинъ управляющій, Павелъ Михайловичъ прозывался. Какъ подступилъ голодъ-то, хлѣбушко-то какъ поѣли весь, какой былъ, мы и пошли къ прикащику говорить: ѣсть нечего. А я, говоритъ, откуда его вамъ возьму. Ступайте къ барышнямъ въ Рязань. Выбрали мы изъ себя пятерыхъ умнѣйшихъ стариковъ и послали туда. Вышла къ нимъ старшая барышня и раскричалась: ахъ вы, говоритъ, такіе-сякіе, бунтовать хотите? Нѣтъ у насъ за это вамъ хлѣба. Такъ старики ни съ чѣмъ назадъ и вернулись. Пораспродали у кого какая была скотинишка — все хлѣба не хватаетъ — мякину, лебеду сталъ народъ ѣсть. Прослышали мы, наконецъ, что царь деньги прислалъ и хлѣбъ раздаютъ. Тѣ сказываютъ, другіе; раздаютъ, говорятъ. И надо для этого къ предводителю идти. Мы такъ и сдѣлали. А предводитель-то, изволишь видѣть, барышнямъ-то нашимъ родня былъ; мы и думаемъ: кому откажутъ, а ужь намъ-то навѣрно дадутъ — потому свой, братецъ ты мой... Вышелъ предводитель и спрашиваетъ: чьи вы, и что вы и за какимъ дѣломъ пришли? Поклонились ему старики и говорятъ: такъ и такъ-молъ хлѣба нѣтъ. Какъ нѣтъ? Да такъ нѣтъ, и все тутъ. Не можетъ быть, говоритъ, врёте вы, ослы! барышнямъ деньги на руки дали — онѣ благонадежныя. Идите къ нимъ. Да ужь были, говорятъ старики. Ну, что жь? Прогнали и на глаза не велѣли пускать. Покачалъ, покачалъ онъ головой; постойте, говоритъ, я напишу къ нимъ—хлѣбъ должны выдать. Вынесъ письмо: на-те вамъ, по немъ выдадутъ, только смотрите, бунтовать не смѣйте. Принесли старики это письмо въ деревню и говорятъ хлѣбъ будутъ выдавать—господамъ деньги на то отъ царя высланы и нашимъ барышнямъ тоже. Пошли къ управляющему, сказываютъ ему, какъ было дѣло. Не пущу, говоритъ, я васъ съ этимъ письмомъ къ барышнямъ — приказъ такой прислали, чтобы никого изъ васъ туда не пускать. Какъ тутъ быть?! Старики думали, думали и опять пошли къ прикащику. Тебѣ самому вѣдь сѣчь насъ не приказано? Нѣтъ. А если какой въ чемъ провинится, такъ въ Рязань его отсылать? Да. Напиши, что мы провинились въ чемъ, а ты туда сѣчь насъ посылаешь, мы тогда предводительское письмо и подадимъ. Да какъ же я напишу, что вы провинились, когда вы ни въ чемъ не виноваты, вѣдь васъ высѣкутъ. Ничего, не твоя бѣда, только выпиши, что провинились—придумай какую вину. И придумалъ, что будто въ саду березки рубили. Дѣло весною было, въ самую полую воду — грязь та-

кая стояла, что и разсказать нельзя. Запрягли мужики тогда двѣ тройки, сѣли на нихъ шестеро, взяли предводительское письмо, да другое отъ прикащика, да вотъ птичекъ-то этихъ, и поѣхали. Сутокъ пятеро никакъ ѣхали, наконецъ пріѣзжаютъ. Илья Ивановъ, вотъ его отецъ, и пошелъ въ домъ, и птичекъ взялъ. Доложили барышнѣ, вышла. Что ты? Да вотъ, говоритъ, вашей милости птичекъ привезъ. А мужикъ такая-то, я тебѣ скажу, плутà былъ, кого хочешь подведетъ... Взяла барышня птичекъ и возрадовалась. Дяденька! говоритъ, птичекъ какихъ мнѣ привезли изъ моей деревни.—Ихъ, душенька, зажарить надо, прикажи повару на кухню отнести. Вышла опять барышня. Ну, вотъ, за это, мужичокъ, спасибо, дайте ему вина рюмку. Илья Иванычъ сейчасъ въ ноги; простите, говоритъ, сударыня, провинились мы, березки у васъ порубили въ саду, прикащикъ письмо прислалъ, да вотъ и отъ предводителя. Такъ она моя сердечная и ахнула; даже и про птичекъ забыла. Такъ вотъ, говоритъ, вы какіе, бунтовать еще вздумали! Птичками хотите глаза отвести. Кличетъ опять дяденьку. Такъ и такъ говоритъ, почитайте-ка...

— Ну, что жь, высѣкли?

— Высѣкли.

— А хлѣба дали?

— Хлѣба не дали, а двѣсти рублей прислали. А сами-то вѣдь тысячи полторы изъ казны получили...

Только заговорите о голодномъ годѣ, и вы не оберетесь подобныхъ разсказовъ.

Кажется, послѣ этого нечего удивляться, отчего и какъ явилась въ народѣ привычка таиться и беречь хлѣбъ, несмотря иногда на очевидную возможность продать запасъ ничѣмъ не рискуя. Народъ таится, не говоритъ о своихъ достаткахъ. Оно, положимъ, достатковъ этихъ мало, но не говоритъ и тотъ, у кого онъ и есть. Я знаю здѣсь одно небольшое имѣньице двоpовъ двадцать, тридцать. Мужики прежде жили, говорятъ, смотрѣть страшно было; изъ всего Козловскаго уѣзда хуже ихъ постройки ни у кого не было. Въ старину жили и они хорошо, но въ послѣдніе 10—20 лѣтъ, подъ управленіемъ тоже одной старой дѣвы, обнищали. Пришло Положеніе 19-го февраля, и вотъ въ какихъ-нибудь годъ или два пообстроились, прикрылись, такъ что ихъ никто не узнавалъ. Доказывать, что послѣ воли народу живется легче — нечего, но все же въ годъ или два такъ разжиться они положительно не могли успѣть. Дѣло ясно: были спрятаны деньжонки. Когда стало безопасно вынуть ихъ на свѣтъ Божій — они и вынули.

Мнѣ нѣсколько разъ говорили объ этой деревушкѣ, и я нарочно ходилъ туда.

— Правда, что объ васъ вотъ то-то болтаютъ? спрашивалъ я какъ-то въ минуту откровенности.

— А тебѣ на что это?

— На что? Да такъ, къ слову пришлось.

— Можетъ, и правда. Ты хребетъ-то погни, попробуй, да и скажи мнѣ, захочется ли тебѣ добро свое прахомъ на вѣтеръ пускать, или нѣтъ?

То же самое теперь вотъ и съ пьянствомъ. Возьмите любую газету и читайте въ ней любую корреспонденцію изъ какой хотите губерніи — навѣрно въ концѣ, серединѣ или началѣ идетъ печалованіе объ этой *пагубной страсти*. Фактъ вѣренъ, пьянство значительное, а отчего? Я, разумѣется, не могу сказать, что вездѣ тѣ же причины, но здѣсь, послѣ обилія праздниковъ, едва-ли не главная слѣдующая. Съ изданіемъ Положенія 19-го февраля, число рабочихъ рукъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ, какъ извѣстно, убавилось почти на половину; особенно ощутительно это при спѣшныхъ работахъ, какъ напримѣръ, возкѣ снопов̕ъ на гумно. Прежде стоило только потребовать всѣхъ мужиковъ сгономъ, и дѣло въ шляпѣ — теперь этого нельзя. Долго не знали и не догадывались, какъ и чѣмъ заткнуть эту бѣду. Пробовали замѣнить недочетъ въ рабочихъ рукахъ батраками, но дѣло на ладъ не пошло: батрачество не прививается. Запашка *изполу* съ мужиками, тоже штука не ладная, и въ ней толку мало, а возни пропасть. Выписка рабочихъ изъ Пруссіи — положительное шутовство, да и не для всѣхъ возможно это дурачество. Практическіе люди, послѣ стольких̕ъ неудачъ сдѣлавшіеся еще умнѣе и практичнѣе, задумались и стали приглядываться и искать надежнаго и дешеваго средства вокругъ себя. Представьте же теперь ихъ радость, когда они нашли такое средство, что и дешево, и скоро, и всё-то достоинства въ немъ. Средство это, правда, давно ужь извѣстно, но на него почему-то прежде не обращали должнаго вниманія. Теперь оно оцѣнено по достоинству и съ каждымъ годомъ получаетъ все обширнѣйшее приложеніе въ сельско-хозяйственной жизни.

— Дайте мнѣ ведро водки, говоритъ современный тамбовскій *Архимедъ*:—и я этимъ рычагомъ сдвину куда угодно цѣлую деревню. И это не пустое хвастовство, а практически доказанная истина. Рычагъ этотъ имѣетъ тѣмъ бо́льшее достоинство, что и въ движеніе приводится чрезвычайно просто. Положимъ, вамъ надо запахать сто десятинъ; по положенію, вы разсчиты-

ваете и видите, что рабочихъ рукъ у васъ хватитъ на 50—60. Принанять на остальныя сорокъ—пятьдесятъ будетъ стоить вамъ 40—50 рублей, да еще найдете ли сейчасъ рабочихъ, а съ помощью рычага вы ихъ запашете за девять рублей. И вотъ, призываете вы вечеромъ вашего прикащика и дѣлаете на этотъ счетъ нужныя распоряженія. На утро этотъ прикащикъ запрягаетъ бѣговыя дрожки, садится на нихъ, ставитъ впереди себя ведерный боченокъ съ водкой и ѣдетъ по деревнѣ шагомъ. Раннее, очень еще раннее утро; солнце еще не вставало—только заря; избы топятся и изъ растворенныхъ дверей идетъ дымъ, выгоняютъ скотину. Вотъ заскрипѣли и растворились ворота, и изъ двора выѣзжаетъ мужикъ верхомъ на запряженной въ соху лошади; прикащикъ его увидалъ.

— Ѳедулъ Никитичъ, ты куда?

— Да вотъ попахаться было-собрался. А что? спрашиваетъ онъ уже въ свою очередь и поглядываетъ на боченокъ.

— Ничего. Такъ спрашиваю. Вчера было ваши мужики обѣщали намъ подсобить — такъ угощеніе везу.

— Какъ же это я-то не слыхалъ? удивляется Ѳедулъ:—я отъ міру не прочь.

— Пожалуй, чтожь. Намъ все-равно, какъ будто нехотя цѣдитъ прикащикъ:—теперь выставлю ведро, да ужо, какъ съ работы пойдете, еще два.

— Хотѣлось бы свою-то прежде запахать, раздумываетъ Ѳедулъ.

— А у тебя сколько?

— Сколько? Извѣстно, двѣ десятинки.

— Ишь махина какая — не успѣешь небось?

— Ну, какъ не успѣть!

— Такъ чтожь? А впрочемъ какъ знаешь — дѣло твое, неволить мы не можемъ.

— Это такъ... Что-же, я отъ міру не прочь. Куда сходиться-то, къ Семену Иванычу въ кабакъ, или къ Маринѣ цаловальничихѣ?

— Къ Семену Иванычу, говоритъ прикащикъ и ѣдетъ шажкомъ. Выѣзжаютъ другіе мужики. Та же самая исторія повторяется опять. На удивленіе этихъ, какъ они не слыхали вчера, что село обѣщало помочь, прикащикъ ссылается ужь на Ѳедула и т. д. Черезъ часъ все село, т.-е. мужики со всѣхъ почти дворовъ, собрались къ кабаку и распиваютъ ведро; вечеромъ они выпьютъ еще два обѣщанныхъ и будутъ положительно пьяные, а пятьдесятъ десятинъ запаханы. Нѣкоторымъ практикамъ этотъ рычагъ до того полюбился, что, нисколько не преувеличивая, можно сказать, что они приводятъ его въ движеніе

передъ каждой работой—пахатной, сѣвомъ, жатвой, возкой, молотьбой, и всегда съ равнымъ успѣхомъ.

Мужики, какъ и корреспонденты газетъ, всѣ въ одинъ голосъ кричатъ, что прежде въ сто разъ меньше пили, и все-таки пьютъ... Кто виноватъ?

Мнѣ нужна оговорка... Здѣсь же, въ очень многихъ имѣніяхъ, я встрѣчалъ прекрасное обыкновеніе — раздавать передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ порціи водки рабочимъ; но вѣдь тутъ нѣтъ ничего общаго, и развратную сцену, сейчасъ мною переданную, надѣюсь, люди, поддерживающіе этотъ обычай, не примутъ на свой счетъ.

А тутъ праздники. Богаче всего мужикъ здѣшній бываетъ осенью, когда весь хлѣбъ у него еще на лицо. Поэтому, и всѣ почти церкви выстроены въ честь осеннихъ праздниковъ. Въ эти-то праздники и бываетъ самое сильное пьянство, да еще на масляницу. На свѣтлую недѣлю вы рѣдко кого увидите пьянымъ, также какъ и на Троицу. Тутъ все пляшутъ и пѣсни играютъ. Но на престольный праздникъ и на масляницу—исключительное пьянство и пьянство повальное: тутъ бываютъ всѣ пьяны, и мужики, и бабы, и дѣвки, даже иногда 14—15 лѣтніе ребятишки. Одинъ мой знакомый становой показывалъ мнѣ вѣдомость его стана объ опившихся за нѣсколько лѣтъ, и вышло, что 9/10 изъ нихъ опились или на престольный праздникъ или на масляницу. Крестины, свадьбы, похороны, поминки и проч. тоже драгоцѣнные случаи напиться, но все не то. Это дѣло случайное, и главное, не имѣетъ эпидемическаго характера, какой имѣетъ пьянство масляницы.

Мнѣ десятки разъ приходилось читать въ газетахъ радостныя воркованья корреспондентовъ по поводу собранныхъ ими свѣдѣній о какомъ нибудь волостномъ или сельскомъ приговорѣ мужиковъ не заводить кабакъ у себя на селѣ, или, чтобы никто не смѣлъ водку пить. Это все жалкія и совершенно немощныя попытки отбиться отъ хорошо понимаемаго, но положительно непреоборимаго зла. Мнѣ лично приходилось быть свидѣтелемъ такихъ приговоровъ, и всѣ они ни къ чему не повели. Чаще всего эти комедіи устроиваются какимъ нибудь очень юнымъ и очень благонамѣреннымъ посредникомъ, но, къ сожалѣнію, совершенно незнакомымъ ни съ бытомъ мужиковъ, ни съ причинами пьянства. Соберетъ такой благонамѣренный юноша мужиковъ и поведетъ къ нимъ рѣчь, что пить-де, ребята, скверно, что вино врагъ вашъ и т. д. Мужики, разумѣется, все это слушаютъ и со всѣмъ этимъ согласны, уже по одному тому, что это говоритъ начальство. Да и кромѣ того, кто же, въ са-

момъ дѣлѣ, станетъ спорить, что пьянство не зло. Предлагаетъ посредникъ приговоръ. Разумѣется, его составятъ, назначатъ штрафъ съ того, кто его нарушитъ и... Можно напечатать въ газетѣ сотни двѣ горячихъ, но совершенно лишенныхъ практическаго смысла строкъ о такомъ «отрадномъ фактѣ». Мнѣ извѣстенъ здѣсь одинъ такой приговоръ, продержавшійся въ селѣ отъ пятницы до воскресенья. Узнавъ о такомъ скандалѣ, посредникъ тотчасъ же прискакалъ въ деревню, уже занесенную имъ въ списокъ трезвыхъ. Опять собралъ мужиковъ, опять сказалъ имъ рѣчь, еще горячѣе первой, но толку всетаки никакого не вышло.

— Кто первый напился?

— Мишка Лыданъ.

— Отчего же его не оштрафовали?

— Да чтожь съ него взять? его и за подушныя-то три раза ужь драли.

Посредникъ махнулъ рукой, да такъ ни съ чѣмъ и уѣхалъ.

Я положительно утверждаю, что пьянство отъ бѣдности. Чѣмъ беднѣе село, тѣмъ пьянѣе. По крайней-мѣрѣ, для деревень Тамбовской губерніи это несомнѣнный законъ. Ну, какъ вамъ, напримѣръ, понравится такой фактъ. Есть въ Липецкомъ уѣздѣ деревня Кочетовка, — вся она состоитъ изъ сорока дворовъ, а въ ней два кабака. Двадцать дворовъ, значитъ, содержатъ кабакъ. Бѣдна Кочетовка до невѣроятности. Изъ сорока дворовъ только въ восьми хватаетъ хлѣба до новаго, остальные живутъ въ полномъ смыслѣ слова изо дня въ день. Но я нигдѣ не встрѣчалъ такого пьянства, какъ въ Кочетовкѣ. Пьютъ рѣшительно всѣ, и старые и малые, и все-равно въ праздникъ ли, въ будни ли. Обитатели Кочетовки—государственные крестьяне. Я положительно не понимаю, чѣмъ и какъ они существуютъ. Воровства особеннаго не слышно, на заработки никуда не ходятъ. Неразрѣшимая загадка для меня ихъ существованіе. Повторяю: бѣдности такой я нигдѣ не встрѣчалъ; есть избы, въ которыхъ живетъ по шести и семи человѣкъ и которыя имѣютъ въ основаніи квадратъ четырехъ аршинъ и вышиною два съ половиной, много три; въ этой же клѣткѣ, тѣсной для одного медвѣдя, торчитъ, занимая четверть или одну треть ея пространства, еще и неуклюжая печь; въ этой же клѣткѣ зимой живутъ двѣ овцы, теленокъ, три, четыре курицы.

Есть тамъ одинъ мужикъ по прозванію Фролка Дудакъ, высокій, плечистый человѣкъ лѣтъ сорока-пяти. Онъ положительно все пропилъ; у него нѣтъ даже лошади; все имущество

его заключается теперь (я видѣлъ его и разспрашивалъ объ немъ нѣсколько недѣль тому назадъ) только изъ одного годовалаго поросенка, избы въ родѣ вышеописанной и двухъ четвертей ржи; у него нѣтъ даже сѣмянъ къ весеннему посѣву; правда, у него нѣтъ и семьи — онъ живетъ вдвоемъ съ женою — но вѣдь у него ничего нѣтъ и для существованія двоихъ. А между тѣмъ, это едва-ли не первый пьяница въ селѣ. Говорятъ, нужда всему научитъ. Она научила и Фролку доставать себѣ выпивку совершенно оригинальнымъ способомъ. Фролка силенъ, какъ я уже сказалъ, и, какъ записной пьяница, вертится постоянно на міру, т.-е. у кабака, гдѣ совершается обыкновенно судъ и расправа, гдѣ заключаются комерческія сдѣлки; слѣдовательно, онъ знаетъ всю общественную жизнь Кочетовки въ совершенствѣ, знаетъ кто съ кѣмъ въ ссорѣ, кто въ ладу, кто что купилъ, кто что кому продалъ. Поссорились двое за что нибудь, Фролка сейчасъ принимаетъ участіе, и по предложенію какой нибудь стороны, бьетъ другую; по окончаніи драки выпивка, что̀ и требовалось доказать. Примѣръ Фролки понравился, и теперь въ Кочетовкѣ подвизается на этомъ же поприщѣ еще и Артюшка Хромой. Но этотъ мужичишка слабый, да еще, какъ видите и изъ прозвища, хромой, слѣдовательно бываетъ всегда побиваемъ; тѣмъ не менѣе храбро лѣзетъ въ драку и послѣ пьетъ. Я имѣю основаніе утверждать, что Фролка составляетъ явленіе вовсе не спеціально только Кочетовское — ихъ можно найти, конечно, рядомъ и въ другомъ ближайшемъ селѣ, но что они продуктъ бѣдности—это, для меня, по крайней мѣрѣ, нисколько несомнѣнно.

Меня чрезвычайно занималъ вопросъ: какіе мужики больше пьютъ — временно-обязанные или государственные крестьяне, и я все-таки ничего не могу сказать положительнаго, кромѣ того, что̀ уже сказалъ, т.-е. что больше пьютъ тѣ, которые бѣднѣе, а которые бѣднѣе—временно-обязанные или государственные, этого, кажется, никто въ мірѣ не сообразитъ. Вѣрно только, что достаточно раззорены и тѣ и другіе; завидовать другъ другу имъ нечего...

Въ плачевномъ положеніи находится и дѣло тамбовской народной грамотности.

Въ каждомъ, сколько нибудь значительномъ селѣ, а ужь особенно въ такомъ, гдѣ волость, вы непремѣнно увидите возлѣ церкви и волостнаго правленія сѣренькій домикъ съ зеленой желѣзной крышей, надъ окнами котораго прибита вывѣска, гласящая, что домикъ этотъ — народная школа. Такіе домики въ се-

лахъ преимущественно государственныхъ крестьянъ; у временно-обязанныхъ же просто избы, крытыя соломою и отличающіяся отъ сосѣднихъ только тѣмъ, что онѣ двойныя, т.-е. двѣ избы, соединенныя теплыми сѣнями, и новенькія. Это видимое обиліе школъ и ихъ приличная наружность, однако, ровно еще ничего не доказываютъ. Эти школы нисколько не мѣшаютъ тому, что на сто неграмотныхъ иногда отыщется только одинъ умѣющій читать псалтирь и ни одного умѣющаго написать сколько нибудь грамотно свое имя. Есть цѣлыя деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одного грамотнаго.

Учатъ въ этихъ школахъ семинаристы, ожидающіе вакантныхъ священническихъ или дьяконскихъ мѣстъ. Уже одно то обстоятельство, что они ждутъ со дня на день этихъ вакансій и нынѣ — завтра распростятся со школою, исключаетъ всякую возможность какого бы то ни было успѣха. Схоластическіе же семинарскіе пріемы, докторальный тонъ, ни на что не нужная здѣсь дисциплина, разныя формальности и пр. окончательно отбиваютъ у народа всякую охоту отдавать туда дѣтей на выучку. Поэтому, съ гораздо бо̀льшимъ успѣхомъ подвизаются на поприщѣ народныхъ наставниковъ разные бывшіе конторщики, прикащики, выгнанные за пьянство, старые дьячки, успѣвшіе уже позабыть пріемы семинарской науки, и особенно *черпички*. Это слово я подчеркиваю и останавливаюсь на немъ, потому что его слѣдуетъ еще объяснить читателю.

Черничка — это въ большей части случаевъ такая же точно крестьянская дѣвушка, какъ и всѣ ея сверсницы въ селѣ, и отличается отъ нихъ только тѣмъ, что умѣетъ читать псалтирь; писать рѣдко, рѣдко какая знаетъ. Ее можно узнать и по костюму. Вмѣсто юбки и рубашки холстинной, бѣлой или красной ситцевой — обыкновенный нарядъ деревенской дѣвушки — она носитъ платье изъ чернаго ситцу съ маленькими бѣленькими крапинками величиною съ горошенку; ноги обуты въ такіе же точно башмаки смазной кожи, какіе вы увидите по праздникамъ и на всѣхъ. Голову она не повязываетъ, а покрываетъ чернымъ шерстянымъ платкомъ, собирая и закалывая его булавкою подъ бородой. Чернички непремѣнно дѣвушки, почему либо не вышедшія замужъ; это, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ довольно гласно пошаливать и имѣть даже одного, двухъ и болѣе дѣтей, прижитыхъ, по мѣстному выраженію, *съ вѣтру*. Но черничка тѣмъ не менѣе пользуетсявъ селѣ уваженіемъ, потому что если кто умретъ, она читаетъ псалтирь, у нея всегда есть въ запасѣ мята, ромашка, сулема, мышьякъ, синька, марена, ладонъ и пр. Заболѣлъ кто — идутъ къ чер-

ничкѣ. Пошалила красавица какая неосторожно съ паренькомъ — и она идетъ къ черничкѣ: у нея она получитъ *средствіе* скрыть свою шалость. Черничка же печетъ и просвиры для церкви. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства и того, что она читаетъ псалтирь по умершимъ, она, вмѣстѣ съ причтомъ, обходитъ село на рождество, пасху, престольный праздникъ и получаетъ свою долю дохода. Кромѣ этихъ поборовъ, село даетъ черничкѣ еще мѣстечко земли, чаще всего на берегу гдѣ нибудь, среди огородовъ, на краю села. На общественный же счетъ смастеритъ она себѣ и избенку, сложитъ въ ней печку, выбѣлитъ ее изнутри, и поживаетъ въ ней. Избенка эта, относительно другихъ, положительно чистенькая. Въ углу, въ кіоткѣ, сдѣланной сельскимъ столяромъ почти даромъ, за какую нибудь услугу, образа въ фольговыхъ ризахъ; передъ образами фарфоровая лампадка въ видѣ голубка съ розовыми или синими крылышками; подъ кіоткой столикъ, работы того же мастера, покрытый бѣлой салфеткой; на столикѣ единственная книга, которую она читаетъ и умѣетъ читать, — псалтирь. У противоположной съ дверью стѣны стоитъ кроват непремѣнно съ пуховикомъ и подушками въ ситцевыхъ наволочкахъ, изъ чего можете заключить, что жизнь свою тамбовскія чернички не стараются убивать и даже не притворяются это дѣлающими. Водится у чернички и вишневочка, и смородиновка; есть у нея и самоварчикъ, и чаекъ, и сахарокъ. Мнѣ самому десятокъ разъ приходилось чаевать у черничекъ. Устанешь на охотѣ, захочется чаю — гдѣ напиться? — Къ черничкѣ. Сейчасъ и самоварчикъ поставитъ, и сливокъ достанетъ, и кренделей; если у нея вышелъ весь запасъ, изъ кабака принесетъ, и все это за какихъ нибудь пятнадцать - двадцать копѣекъ. Вокругъ избы или, какъ онѣ сами называютъ, горенки, у чернички всегда садикъ, разумѣется маленькій — двѣ, три березки, сосенка, десятокъ яблонокъ, черемуха, три сливы и великое обиліе черной смородины. Если вы спросите, отчего у нея такъ много именно этой ягоды, черничка непремѣнно отвѣтитъ, и непремѣнно тоненькимъ голоскомъ, слѣдующую стереотипную фразу всѣхъ тамбовскихъ черничекъ вообще: «и я сама черная, да и ей-то отъ Бога показано весь вѣкъ черной быть...»

И живетъ черничка смирнехонько, втихомолку обдѣлывая свои дѣлишки. Только въ торжественные дни престольнаго или инаго какого крупнаго праздника, поминокъ у цѣловальника, крестинъ у дьячка и имянинъ мѣщанина, деревенскаго лавочника, черничка оффиціально показывается въ общество и потупя глаза и вздыхая повѣствуетъ о видѣніяхъ и явленіяхъ, кото-

рыхъ она удостоилась тогда-то, отходя ко сну или пребывая на молитвѣ. Но и это она разсказываетъ больше для формы, для приличія, такъ сказать, потому что и сама она очень хорошо знаетъ, что вретъ чепуху и никто ей изъ слушателей не вѣритъ, развѣ старуха какая.

Изъ всего этого вы теперь можете составить себѣ понятіе о томъ, что̀ такое тамбовская черничка. Такъ вотъ-съ, эти-то чернички, говорю я, гораздо больше приносятъ пользы дѣлу народной грамотности, чѣмъ всѣ учителя, семинаристы и красивенькіе сѣренькіе домики съ зелеными желѣзными крышами и бѣленькими вывѣсками. Черничка беретъ выучить и выучиваетъ читать двѣнадцати и тринадцатилѣтняго мальчика за рубль, много за два рубля серебромъ. Онъ ходитъ къ ней ежедневно съ своей азбучкой и привязанною къ ней на ниточкѣ деревянной указкой, и часа по два сряду нараспѣвъ выкрикиваетъ буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва! Это продолжается иногда цѣлый годъ. Когда мальчикъ кончитъ курсъ у чернички, т.-е. станетъ въ носъ разбирать псалтирь и въ совершенствѣ усвоитъ себѣ привычку глотать цѣлыя фразы, замѣняя ихъ какимъ-то мычаніемъ, долженствующимъ казаться быстро произносимыми словами, и когда найдутъ нужнымъ выучить его еще и писать, — его отдаютъ къ дьячку. Какъ ни старъ заштатный дьячокъ, какъ ни много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелъ, или его согнали съ семинарской скамьи, но онъ все-таки цѣнитъ себя гораздо дороже чернички, потому что глубоко проникнутъ сознаніемъ своего научнаго превосходства передъ нею, а слѣдовательно и цѣна его занятіямъ выше. Заштатный дьячокъ беретъ за выучку никакъ уже не меньше трехъ рублей. Курсъ у дьячка продолжается тоже годъ и совершенства ученикъ достигаетъ въ искусствѣ писанія тоже такого, какого достигъ въ искусствѣ чтенія у чернички. Но мальчикъ вышелъ все-таки хоть сколько нибудь грамотный, разберетъ хоть записку. Если онъ сынъ дворника, онъ запишетъ расходъ овса, кому что въ долгъ дано; если онъ сынъ старосты или сотника, онъ прочтетъ приказъ становаго отцу, а, главное, его-то сынъ будетъ ужь навѣрно грамотный. Повторяю, заштатные дьячки и чернички положительно самые первые подвижники народной грамотности. Я знаю здѣсь одну черничку, которая впродолженіе своей десятилѣтней педагогической и иной дѣятельности обучила грамотѣ тридцать-восемь дѣтей, въ томъ числѣ трехъ дѣвочекъ—результатъ, которымъ можетъ похвастаться далеко не всякій обитатель сѣренькаго домика съ зеленой крышей. Поэтому я твердо убѣжденъ, что еслибы, вмѣсто заведенія этихъ

домиковъ вновь, и вмѣсто пополненія комплекта имѣющихся на лицо семинаристовъ наставниковъ новыми,—расходуемыя на это деньги выдавали, по числу выученныхъ дѣтей, дьячкамъ и черничкамъ, дѣло было бы ладнѣе. Ничего такъ не боится народъ и ничто не вызываетъ въ немъ такое отвращеніе, какъ формальность, а сѣренькіе домики и преподаваніе въ нихъ именно на эту-то формальность и упираютъ больше всего. Семинаристъ-философъ или семинаристъ-богословъ не шутя воображаетъ себя философомъ и богословомъ и смотритъ на мужика съ неизмѣримо-великой высоты. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ мужики иногда по цѣлымъ часамъ безъ шапокъ стояли у крыльца сѣренькаго домика, ожидая выхода учителя, чтобы выпросить у него позволеніе сыну мальчику не ходить въ школу три-четыре дня по причинѣ какой нибудь спѣшной работы. Иное совсѣмъ дѣло старый дьячокъ. Философскіе взгляды изъ него давно уже выскочили; къ народу онъ относится безъ презрѣнія, потому что и онъ всѣхъ знаетъ въ селѣ и его всѣ знаютъ и живетъ онъ со всѣми одною жизнью и ходитъ даже въ одинаковомъ со всѣми нагольномъ тулупѣ; методъ же преподаванія и у древняго и у новенькаго питомца семинаріи рѣшительно одинъ и тотъ же. Кромѣ этого, на сторонѣ дьячка еще то немаловажное условіе, что онъ получаетъ плату со штуки, а не штатное жалованье, какъ учитель. Какъ ни мало можетъ быть неграмотный отецъ судьею въ познаніяхъ своего сына, но все же доберется, кто лучше выучиваетъ читать: старый ли дьячокъ, черничка ли, и, смотря по этому, туда и отдаетъ сына на выучку. Есть, значитъ, общественный контроль, своего рода конкуренція—вещь невозможная относительно школы и ея штатнаго учителя.

При нѣкоторыхъ школахъ, года съ два тому назадъ, основаны сельскія библіотеки. Но и ихъ задушила все та же формалистика и оффиціальность. Основаны онѣ по инниціативѣ посредника въ одномъ уѣздѣ и по инициіативѣ становаго пристава въ другомъ. Это бы, разумѣется, еще ничего не значило; но скверно то, что дѣлу, которое менѣе всего должно носить на себѣ казенный характеръ, именно его-то и придали. Прежде всего, изъ скуднаго до послѣдней возможности сбора заказали и прибили въ соотвѣтствіе одной уже имѣющейся бѣленькой вывѣскѣ еще другую, свидѣтельствующую, что въ такомъ-то селѣ, при школѣ, находится *фундаментальная сельская* библіотека и читальня. Купили «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», портреты Карамзина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Крылова и др., обдѣлали ихъ въ рамки и

*

повѣсили по стѣнамъ; а въ библіотекѣ, между тѣмъ, нѣтъ сочиненія ни одного изъ этихъ авторовъ, кромѣ Крылова. Спрашиваемъ, что это такое? Пошлость ли, неумѣнье ли приняться за дѣло, или просто насмѣшка надъ народомъ? Да еслибы и были въ школѣ, т.-е. въ библіотекѣ, сочиненія Пушкина, Лермонтова и Карамзина, что̀ бы понялъ изъ нихъ еле-еле читающій мальчикъ? Кромѣ портретовъ, на стѣнкахъ висятъ еще объявленія объ условіяхъ чтенія. Не мало курьёзнаго представляютъ собою и эти объявленія. Книгъ въ библіотекѣ, примѣрно, рублей на двадцать, а годовой абонементъ стоитъ пять рублей. Опять полнѣйшее незнаніе ни народа, ни его средствъ. Я не говорю уже о томъ, что выборъ книгъ крайне несостоятельный: точно составитель библіотеки зашелъ съ завязанными глазами въ книжный магазинъ и нахваталъ чего попало. И «Живописное Обозрѣніе», и «Иллюстрація», и «Будильникъ»— чортъ знаетъ что такое. Я знаю, что многіе жертвовали въ библіотеки книги, какія у кого были, и считались почему-либо не нужными, и мнѣ, пожалуй, скажутъ, что оттого-то и образовалась такая пестрая смѣсь. Это такъ. Ну, а для чего выписывались-то политическія газеты и иллюстраціи? Какому мужику онѣ нужны и интересны? Выписывать политическую газету для тамбовскаго мужика, твердо почему-то убѣжденнаго, что папа живетъ на водѣ, а міръ стоитъ на трехъ китахъ—развѣ не глупость? А эти абонементные пять рублей. Это какъ вамъ нравится? Тамбовскій мужикъ станетъ платить за чтеніе совершенно непонятныхъ и нисколько не интересныхъ для него, да вообще и какихъ бы то ни было книгъ, — пять рублей! Да этой притчѣ даже и названья прибрать нельзя. Мужикъ заплатитъ за чтеніе пять рублей! тотъ самый мужикъ, который полгода почти ходитъ къ дьячку торговаться въ какомъ нибудь рублѣ или полтинникѣ, изъ-за котораго у него чуть не расходится дѣло о выучкѣ сына грамотѣ; тотъ мужикъ, который не знаетъ, какъ годъ дотянуть не голодая, который живетъ въ сейчасъ мною описанной деревянной норѣ, не имѣя возможности построить отдѣльное теплое помѣщеніе для ягнятъ, телятъ и вслѣдствіе этого шесть мѣсяцевъ въ году живущій съ ними въ одной и той же клѣткѣ... Хотѣлось бы вѣрить, что все это затѣяно съ чистой любовью къ народу, а не изъ простаго подлаживанья подъ современный тонъ, ради одного бахвальства, но что-то плохо вѣрится... А между тѣмъ на эти пресловутыя библіотеки, — мнѣ не разъ доводилось слышать это,—представители туземной интеллигенціи возлагаютъ чуть ли не всѣ надежды по вопросу о преуспѣяніи народной грамотно-

сти. Объ нихъ шумятъ, толкуютъ, спорятъ, иные хвастаются, какъ дѣйствительно практическимъ шагомъ впередъ.

Эта практичность при устройствѣ народныхъ школъ и читаленъ всякій разъ напоминаетъ мнѣ жаркій споръ съ однимъ моимъ московскимъ пріятелемъ, членомъ общества распространенія въ народѣ полезныхъ книгъ, картинъ или свѣдѣній — не помню хорошо. Въ одно изъ свиданій моихъ съ нимъ, онъ хлопоталъ объ изданіи лубочныхъ картинокъ въ сколько-нибудь улучшенномъ и правильномъ противъ обыкновеннаго видѣ, а особенно старался о текстѣ подъ картинками. На мое замѣчаніе, что онъ занятъ дѣломъ совершенно безплоднымъ, онъ такъ и ахнулъ; онъ не зналъ и никакъ не хотѣлъ повѣрить, что народъ раскупаетъ у коробочниковъ эти картинки, совершенно не справляясь съ текстомъ и не будучи даже въ состояніи знать текстъ по той причинѣ, что какъ же народъ станетъ читать этотъ текстъ, когда онъ не умѣетъ читать? Мой пріятель, кажется, самый практическій и самый энергическій членъ общества, что же остальные? Кстати объ этихъ картинкахъ. Въ рѣдкой избѣ ихъ нѣтъ; да же у Кочетовскаго Фролки я видѣлъ такую картинку. Онѣ разносятся здѣсь владимірскими коробочниками и продаются по одной и по двѣ копѣйки за штуку. Литографій народъ не покупаетъ: во всѣхъ избахъ вы встрѣчаете только раскрашенныя. Литографіи же покупаются уже деревенской аристократіей: прикащиками, дьячками, священниками и пр. Больше всего распространены въ народѣ картинки, изображающія скачущихъ: Багратіона, Паскевича и пр., а потомъ духовныя. Иллюстрированныя же басни и сказки, т.-е. тѣ именно картинки, которыхъ смыслъ понятенъ послѣ прочтенія текста, рѣдко-рѣдко попадаются. Надо здѣсь, впрочемъ, сдѣлать исключеніе для извѣстной картинки— «мыши кота хоронятъ»; эта встрѣчается одинаково часто, какъ и скачущіе генералы и адскія мученія грѣшниковъ.

Вотъ и всѣ двигатели тамбовской народной грамотности. Выше, передавая сцены въ засѣданіи козловскаго земства, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я упомянулъ о рѣшеніи этого земства поддерживать старыя и заводить новыя школы при всѣхъ церквахъ уѣзда, а также и о томъ, чтобы гласные и посредники возможно чаще ревизовали эти школы. Само собою разумѣется, что это только одни слова, положимъ и очень хорошія, но все-таки слова, которымъ никогда не превратиться въ дѣло. Я уже сказалъ, что̀ было бы полезнѣе заведенія этихъ школъ. Впрочемъ, улучшатся или нѣтъ козловскія оффиціальныя народныя школы, это все равно,—народъ и безъ нихъ вы-

учится грамотѣ, потому что понялъ пользу грамотности и хочетъ учиться. Учатся не только 13 — 14 лѣтніе мальчики, но даже и 30 лѣтніе, женатые. Я знаю много этихъ примѣровъ.

Да наконецъ, успѣхъ школъ, кромѣ всего того, на что я уже указалъ, не пойдетъ далеко и потому, что дѣйствительно хорошее содержаніе ихъ и пріобрѣтеніе хорошаго учителя положительно не по средствамъ для тамбовскаго мужика. Онъ и такъ-то, какъ я уже говорилъ, еле-еле дышетъ. И потомъ еще слѣдующее обстоятельство. Тамбовскія деревни вообще очень не велики, особенно тѣ, въ которыхъ живутъ временно-обязанные. Обыкновенно сорокъ, пятьдесятъ дворовъ. Разстоянія между селами громадны: есть проселки въ десять и болѣе верстъ. Одно такое село содержать школу, конечно, не можетъ, причислить же къ нему еще нѣсколько сосѣднихъ, конечно, можно, особенно на бумагѣ, но это, разумѣется, такъ и останется одною пустою формальностью. Лѣтомъ въ деревнѣ всѣ заняты работою, и старые и малые, слѣдовательно дѣтямъ нѣтъ времени посѣщать школы, да лѣто же и считается каникулами, а зимой, гдѣ же ребёнку совершать за нѣсколько верстъ путешествіе въ школу. Тамбовская зима не неаполитанская: изъ десяти дней навѣрно впродолженіе восьми, несетъ страшная непогода. Надо знать, что̀ такое степная мятель и вообще что̀ такое степная зима, чтобы понять, что проектъ о приуроченіи нѣсколькихъ селъ для школы къ одному есть совершеннѣйшая нелѣпость. Лѣтомъ некогда, зимой невозможно.

Говоря о тамбовской деревенской грамотности и пьянствѣ, я до сихъ поръ ничего не сказалъ объ отношеніи къ этимъ вопросамъ очень значительной части тамбовскаго деревенскаго населенія—*молокановъ*.

О молоканахъ, т.-е., объ исторіи ихъ секты, въ литературѣ еще можно найти кое-что. Но объ ихъ современномъ домашнемъ бытѣ, объ ихъ современной пропагандѣ, словомъ, о живыхъ молоканахъ нѣтъ почти ничего. Поэтому, мнѣ хочется здѣсь кстати поразсказать объ нихъ что знаю. Молоканы составляютъ, какъ я сказалъ сейчасъ, очень значительную часть населенія тамбовскихъ деревень. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ въ дѣйствительности далеко больше, чѣмъ сколько показываютъ оффиціальныя свѣдѣнія. Ниже читатель увидитъ, почему я это утверждаю. Есть даже цѣлыя села молокановъ. Чаще же молоканы перемѣшаны съ православными, и это не только не стѣсняетъ ихъ, но напротивъ положительно по вкусу: представляется возможность для пропаганды домашней, се-

мейной, нетребующей ни особыхъ поѣздокъ въ православныя деревни, ни того риска, который болѣе или менѣе сопряженъ съ такой экспедиціей и проповѣдью. Цѣльныя же молоканскія деревни образовались (разумѣется, не всѣ) путемъ постепеннаго обращенія православныхъ. Когда вы входите въ деревню, въ которой вамъ сказывали, что есть молокаңы, и если вы хотите зайти именно къ нимъ, идите прямо въ самые лучшіе и самые большіе зажиточные дома — они навѣрно молоканскіе. Нисколько не рискуя впасть въ преувеличеніе, я могу утверждать, что молоканы втрое и даже вчетверо богаче живутъ противъ православныхъ. Прежде всего, при входѣ въ избу къ молокану, васъ удивитъ, говоря относительно, необыкновенная чистота и опрятность. Присмотрѣвшись, вы замѣчаете отсутствіе образовъ и лубочныхъ картинокъ. Вмѣсто нихъ, развѣшаны по стѣнамъ печатныя изрѣченія и стихи противъ пьянства, табаку, пѣсень, плясокъ и пр. Въ каждой избѣ, на полочкѣ, направо или налѣво отъ двери, надъ тѣмъ гвоздемъ, на которомъ обыкновенно виситъ полотенце, вы отыщите евангеліе, псалтирь, двѣ-три азбуки, чернильницу, бумагу, нѣсколько замусоленныхъ перьевъ, линейку, карандашъ, перочинный ножикъ и проч. Въ каждой же молоканской избѣ вы найдете самоваръ, нѣсколько чашекъ и жестяную коробочку (чаще всего отъ сардинокъ) съ сахаромъ; чай хранится въ сундукѣ, гдѣ и деньги. На всемъ вы найдетете отпечатокъ несомнѣннаго довольства и сравнительно бо̀льшаго комфорта (одна чистота уже чего стоитъ!). Васъ встрѣтитъ точно такое же радушіе, какъ вообще у всякаго мужика; не предложатъ только сбѣгать въ кабакъ за водкой, да и не пойдетъ никто, если даже попросите. Но чайкомъ васъ угостятъ охотно, особенно если вы скажете, что съ вами есть свой чай и сахаръ. Молоканы не курятъ и не нюхаютъ, но табакъ не вызываетъ той ненависти, какъ водка. Входя въ избу къ молокану и располагаясь у него пить чай или закусывать, я, разумѣется, всякій разъ спрашиваю:—можно ли курить?

— Кури, отчего же—это ничего, это не водка.

— А сами вы отчего же не курите?

— А вотъ прочти. И молоканъ указываетъ на вывѣшенный на стѣнѣ листокъ съ проповѣдью противъ нюханья или куренья табачнаго.

Меню деревенскаго мужицкаго обѣда, какъ извѣстно, не очень разнообразно: хлѣбъ, молоко, щи съ тараканами, каша, яица и—верхъ блаженства—баранину, если подадутъ, то непремѣнно вареную, холодную и страшно жирную—почти одно са-

ло. Изо всего этого я обыкновенно выбираю молоко, яица и ветчину. Но молоканы не ѣдятъ ветчины; поэтому, когда я ѣмъ яица и молоко, то свободно могу располагать ихъ обѣденнымъ столомъ, но какъ только вытаскиваю изъ мѣшка кусокъ ветчины, сейчасъ кто-нибудь изъ семьи торопливо проситъ не класть ее на столъ, пока не подложатъ бумажки. Но и ветчина, подобно табаку, не вызываетъ такого ожесточеннаго преслѣдованія, какъ водка. Ветчину не ѣдятъ единственно потому, что по свидѣтельству евангелія, Спаситель, изгнавъ бѣсовъ изъ одного больнаго, обратилъ ихъ въ свиней. Но водка—дѣло иное. Передъ молоканами воочію совершается матеріальное и нравственное паденіе отъ вина, при чемъ гибнетъ именно то, къ чему они стремятся. Каждый молоканъ непремѣнно старается разбогатѣть, но при этомъ, кромѣ тѣхъ общихъ побужденій, которыя заставляютъ и другихъ стремиться къ этой же цѣли, у молокана передъ глазами есть еще другая цѣль, для многихъ изъ нихъ еще болѣе цѣнная—усиливаніе пропаганды. Ничто такъ не помогаетъ успѣху ихъ проповѣди, какъ подкрѣпленіе ее указаніемъ на видимое ихъ довольство и на готовность помочь своей протекціей и деньгами всякому, кто перейдетъ на ихъ сторону. А вино все это разрушаетъ—какъ же не относиться имъ къ нему съ такой злобой?

Тамбовскій православный мужикъ (можно сдѣлать исключеніе развѣ для одного на тысячу) положительно не знаетъ, чѣмъ отличается православіе отъ католицизма или лютеранства (которыхъ даже названій этихъ онъ не знаетъ), и въ чемъ заключается самое православіе. Да иначе при повальномъ безграмотствѣ и быть не можетъ. Мужикъ иной знаетъ наизусть цѣлую обѣдню, но не объяснитъ ни одного члена символа вѣры. Совсѣмъ иное дѣло молоканъ. Онъ отлично знаетъ евангеліе, и при спорѣ зарѣжетъ васъ цитатами. Поэтому даже рѣдкій деревенскій священникъ рискуетъ съ ними пуститься въ споръ. Я былъ не разъ свидѣтелемъ ужаснѣйшихъ пораженій, имѣвшихъ послѣдствіемъ несомнѣнный переходъ очень многихъ изъ слушателей мужиковъ въ молоканство. Молоканъ, вооруженный такимъ отчетливымъ знаніемъ евангелія, всегда охотно выходитъ на споръ, и, какъ человѣкъ, горячо преданный своему дѣлу, говоритъ, разумѣется, твердо, бойко, перемѣшивая рѣчь цитатами, и при этомъ никогда не упуститъ удобнаго случая указать на несомнѣнный фактъ — свое молоканское матеріальное довольство, объясняя его видимымъ благоволеніемъ Бога за пребываніе въ чистой вѣрѣ. Вѣрятъ ли этому аргументу сами молокане, или нѣтъ —

я не могу утверждать, но что эти ссылки и указанія на богатство дѣйствуютъ—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Приходитъ пора платить подати; денегъ нѣтъ; не внесетъ мужикъ подать, его отдерутъ въ волостномъ, а затѣмъ у него продадутъ корову, овецъ, свиней — словомъ, срѣжутъ что-называется на нѣтъ. Передъ нимъ искушеніе обратиться къ молоканамъ. Онъ знаетъ, что они въ Бога вѣруютъ, и вся разница ихъ вѣры отъ его, доступная его понятіямъ, заключается только въ томъ, что они водку не пьютъ, образовъ не держатъ въ домѣ, табакъ не курятъ и свинину не ѣдятъ. Изъ всего этого его останавливаетъ только одно отсутствіе образовъ. Если удается поколебать его въ этомъ,—дѣло въ шляпѣ. Подати внесены, вина мужикъ больше не пьетъ, трубку забросилъ, и все пошло на ладъ: одинъ молоканъ продалъ ему за полцѣны корову, другой овцу, — этотъ порекомендовалъ его тому, другому, и черезъ какой-нибудь годъ или два изъ оборваннаго, забитаго мужика становится, относительно, очень даже зажиточный.

Кромѣ самой строгой трезвости, молокане обязаны своимъ довольствомъ еще и тому, что между ними царствуетъ полнѣйшее согласіе и всегдашняя готовность выручить другъ друга. Мнѣ говорили, что не было еще примѣра, чтобы разорился молоканскій дворъ: до этого положительно не допустятъ. Случилась съ однимъ бѣда — всѣ готовы на помощь, всѣ подѣлятся, кто чѣмъ достаточнѣе. Въ молоканскомъ селѣ, или вообще въ молоканскомъ обществѣ вы ни за что не увидите такой, напримѣръ, картины. Осенью, если есть общественный лѣсъ въ какомъ селѣ, его дѣлятъ, то-есть, разумѣется, часть его, на участки, по числу душъ или дворовъ, на срубъ. То же самое бываетъ и съ хворостомъ. Но еще задолго до этого оффиціальнаго дѣлежа начинается ночами воровство этого лѣса и хвороста. Воруютъ всѣ, и не считаютъ предосудительнымъ это, между прочимъ, и потому, что это наше же, дескать. При лѣсѣ, разумѣется, есть объѣздчикъ, который выбранъ или нанятъ изъ своего же села, и который, зная обычай, всегда готовъ скрыть грѣхъ за полштофъ. Всѣ это очень хорошо знаютъ; но попался какъ-нибудь случайно, все село поднимается на него. Собирается сходъ, рѣшаетъ отдать его въ руки посреднику или становому, или старшинѣ; мужикъ стонетъ. Наконецъ, одинъ какой-нибудь въ сторонѣ замѣчаетъ, что ужь Богъ съ нимъ, пусть *выставитъ ведро*, да другой разъ чтобы этого не было. Сейчасъ же одинъ по одному, всѣ соглашаются, выставляется ведро водки или два ведра,

и цѣлый день идетъ пьянство. Пьетъ и воръ, и его судьи— теперь самые закадычные его пріятели, и всѣ довольны... Всякій, конечно, согласится, что отсутствіе подобныхъ сценъ въ молоканскихъ обществахъ, кромѣ чести, имъ ничего не приноситъ...

Дѣлились молокане въ очень еще недавнія времена своимъ достаткомъ и съ мѣстной полиціей. Пріѣдетъ въ село исправникъ или становой, соберетъ ихъ, и начнетъ читать бумагу, что всѣхъ ихъ велѣно забрать съ женами и дѣтьми, и представить въ Тамбовъ. Иногда и знали молокане, что это вздоръ, да нечего дѣлать, чтобы отвязаться, соберутъ рублей по пяти съ двора и поднесутъ. Въ иныхъ мѣстахъ этотъ сборъ совершался даже правильно. Молокане, не дожидаясь объѣзда, сами собирали контрибуціи, и возили, куда слѣдуетъ.

И все это случалось очень еще недавно; но еслибы вы послушали, что̀ было лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ тому назадъ! Особенно много разсказовъ той поры сохранилось объ исправникѣ С-вѣ. По своему, это былъ замѣчательно изобрѣтательный человѣкъ. Онъ съумѣлъ даже молокановъ раззорить. Взносы ихъ ему разъ въ десять превышали подушные сборы, такъ что въ платежѣ этой контрибуціи участвовали даже многіе молокане другихъ уѣздовъ...

Отъ безграмотности, голода и грязи мнѣ предстоитъ теперь прямой переходъ къ той страшной безпомощности, съ которою тамбовскій мужикъ идетъ на встрѣчу холерѣ, оспѣ, сифилису. Пожалуйста, не придавайте никакого значенія всѣмъ этимъ комитетамъ, коммисіямъ о народномъ здравіи и т. п. Все это существуетъ положительно только на бумагѣ, и ни на вершокъ не проникаетъ въ жизнь тамбовской деревни. Такимъ же безрезультатнымъ характеромъ отличаются и принятыя, по этой части, мѣры здѣшнихъ земскихъ собраній: все та же канцелярская дѣятельность и тотъ же прогрессъ на страницахъ оффиціальныхъ бумагъ и протоколовъ. О томъ, какъ свободно гуляетъ здѣсь оспа и сифилисъ, можно составить себѣ понятіе по слѣдующему, напримѣръ, факту. Въ прошломъ году, весною, мнѣ довелось быть, какъ-то подъ вечеръ, все въ той же несчастной Кочетовкѣ. У церкви передъ папертью стоялъ мужикъ и дергалъ колоколъ за веревку. Изъ деревни неслись какіе-то безсвязные, дребезжащіе звуки. Изъ той, изъ другой избы выходили бабы, повязанныя бѣленькими платочками, и, окруженныя ребятишками, направлялись къ церкви. Въ рукахъ,

подъ шушпанами, что̀-то виднѣлось. Когда всѣ собрались къ паперти, изъ воротъ своего дома вышелъ священникъ, и, побрякивая церковными ключами, началъ переходить грязную, всю въ лужахъ, большую дорогу, отдѣляющую домъ отъ церкви. Направился и я туда же.

— Всѣ собрались? спросилъ онъ, отпирая церковную дверь.

— Кажись, всѣ, батюшка. Вонъ у Митьки пузанка дѣвчонка тоже совсѣмъ ужь издыхаетъ, — теперь, гляди, не отошла ли ужь, проговорила одна изъ бабъ.

— Ну, это ужь до завтра.

— Вѣстимо до завтра. Теперь когда ужь!

На каменныхъ ступенькахъ паперти стояло пять гробиковъ. Ихъ окружило пять матерей и десятка три или четыре ребятишекъ.

— Оспеннички, отвѣтила мнѣ баба, когда я удивился, что вдругъ столько дѣтей померло: — оспа валитъ страхъ, такъ изъ двора во дворъ и гонитъ.

— Такъ вы бы дѣтей къ сосѣдямъ на это время отсылали, у которыхъ еще нѣтъ заразы, а то что̀ же это вы дѣлаете — сюда-то ихъ привели.

— Да окуривать будемъ.

— Что̀ такое?

— Окуривать будемъ. Вотъ какъ будетъ попъ панихидку по нимъ служить, да какъ начнетъ ладономъ кругомъ курить, такъ въ этотъ самый духъ ребятишекъ-то и поставятъ. Помогаетъ.

— Можетъ быть. Ну, а почему же вы не прививаете оспу? Вѣдь есть оспенники?

— Есть-то — есть, да кто ее знаетъ, отчего. Оно все равно, что привита, что нѣтъ.

Оно и дѣйствительно все равно. Оспопрививатель свой районъ объѣзжаетъ года въ три или четыре одинъ разъ, да и прививаетъ-то такъ, что все равно, что она привита, что нѣтъ. Я тутъ же пересмотрѣлъ ручонки у всѣхъ ребятишекъ. Матери ихъ сказывали, у кого привита, у кого нѣтъ; на дѣлѣ же оказалась привитою только у двухъ.

Собравши такую обильную жатву въ Кочетовкѣ, оспа перешла отсюда, кажется, въ Алексѣевку, гдѣ, разумѣется, повторялось то же самое.

Еслибы земство, вмѣсто составленія протоколовъ о содержаніи разныхъ санитарныхъ комитетовъ, просто бы наняло доктора объѣхать уѣздъ и обревизовать оспу на дѣтяхъ, дѣло

было бы, кажется, ладнѣе. По крайней-мѣрѣ, сотни двѣ уцѣлѣло бы дѣтей въ уѣздѣ вслѣдствіе своевременной прививки.

Но все это, разумѣется, ничто въ сравненіи съ сифилисомъ. Оспа губитъ только одно поколѣніе; обратятъ вниманіе на нее, станутъ смотрѣть за правильнымъ прививаніемъ ея, и всѣ счеты съ нею покончены; но сифилисъ — дѣло другаго рода. Тутъ, кромѣ непосредственно заразившихся людей, гибнутъ въ будущемъ цѣлыя генераціи. И сифилисъ здѣсь страшно распространенъ, есть цѣлыя деревни зараженныя, и никому нѣтъ до этого дѣла. Изъ того, что̀ я разсказывалъ о домашней обстановкѣ тамбовскаго мужика, читатель можетъ понять, какую богатую почву пріобрѣлъ здѣсь для себя сифилисъ. Грязь, бѣднота, тѣснота — чего же еще!

Какія же мѣры принимаются противъ заразы? Положительно никакихъ, то-есть если хотите, пожалуй, и принимаются, но онѣ ограничиваются пріемами ртути, по рецепту мѣстной чернички. Наружная болѣзнь дѣйствительно быстро перестаетъ развиваться, и уходитъ, по мѣстному выраженію, *внутро*. Ужаснѣе всего въ этомъ случаѣ несчастныя дѣти: зеленыя, съ какими-то старческими личиками, съ головой, почти сплошь покрытой, какъ шапкой, тоненькимъ струпомъ, къ которому прилипли и присохли волосенки. Ихъ тоже лечатъ и, разумѣется, тѣмъ же. Чернички и бабки дѣлаютъ какую-то желтую мазь, въ составъ которой главнѣйше входитъ опять-таки ртуть и сѣра. Какъ-то я привозилъ въ Петербургъ одному доктору, моему университетскому товарищу, баночку такой мази. Разложивши ее, онъ никакъ не могъ понять, зачѣмъ примѣшивается туда еще шафранъ, который, по его увѣренію, несомнѣнно входитъ въ ея составъ. Потомъ, исполняя его же желаніе, я досталъ въ разныхъ уѣздахъ и въ разныхъ деревняхъ понемножку образчиковъ той же мази—всего я набралъ баночекъ тридцать. Но всѣ мои старанія узнать, что̀ примѣшивается въ мазь еще кромѣ ртути, сѣры и шафрану, такъ и остались совершенно напрасными. Разъ какъ-то зимою я ходилъ стрѣлять зайцевъ, прозябъ и зашелъ къ знакомой черничкѣ напиться чаю.

— А! Зайчикъ! обрадовалась она.

— Да, подстрѣлилъ, говорю.

Черничка стала его разсматривать.

— А что, я хочу васъ спросить: можно вамъ будетъ мнѣ заднія лапки и ушки его отрѣзать?

— Это зачѣмъ?

— Такъ, нужно.

Я поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего согласія на ампутацію заячьихъ ушей — объясненіе ея цѣли. Поломавшись, черничка призналась, что они нужны ей для мази!

— Для какой?

— Отъ французской.

— Ну, думалъ, обрадую я моего доктора, скажу ему о заячьихъ ушахъ, и купилъ у нея баночку мази, въ которой, по ея увѣренію, былъ и порошекъ изъ толченыхъ заячьихъ лапокъ. Но она соврала; въ баночкѣ этой мази, когда онъ ее изслѣдовалъ самымъ тщательнымъ образомъ, не оказалось и слѣда составныхъ частей костей или мяса. Послѣ всего того, что̀ я дѣлалъ для открытія этого секрета, я рѣшительно отказываюсь понять, какъ они умѣютъ такъ строго сохранить его.

Для того, чтобы заразилась вся деревня, достаточно, если сифилисъ попадетъ хотя въ чей-нибудь одинъ дворъ; черезъ пять, шесть лѣтъ не останется положительно ни одного здороваго семейства. Кто сколько-нибудь знакомъ съ мужицкимъ бытомъ, очень хорошо знаетъ, въ какихъ постоянныхъ, частыхъ, ежедневныхъ почти, сношеніяхъ находится каждая семья со всѣми остальными. Не достало хлѣба, не успѣли испечь, или не готовъ еще — сейчасъ къ сосѣду, а у сосѣда этотъ хлѣбъ пекла уже зараженная баба или дѣвка—ну, и кончено. Я ужь не говорю о такъ-называемыхъ непосредственныхъ зараженіяхъ. При помощи этого рода пропаганды сифилисъ расширяетъ свои владѣнія, разумѣется, еще быстрѣе. Надо замѣтить, что человѣкъ, небывавшій въ степныхъ губерніяхъ, рѣшительно откажется даже на половину повѣрить разсказамъ о туземной легкости нравовъ. Ни одинъ ловеласъ, если онъ только не уродъ какой-нибудь, никогда не встрѣчаетъ совершенно никакого отказа или сопротивленія; о разныхъ же прикащикахъ, конторщикахъ, письмоводителяхъ, становыхъ и вообще носящихъ нѣмецкое платье, безразлично представляющихся тамбовской крестьянкѣ *господами*, я и говорить не стану: всякая любовная связь съ ними, кромѣ чести и славы, ничего не приноситъ. Поэтому и рѣдкая — рѣдкая пятнадцати или шестнадцатилѣтняя крестьянская дѣвушка уже не опытная героиня посидѣлокъ и ночныхъ похожденій у моста, въ конопляхъ, на огородѣ и т. п. мѣстахъ свиданія. Шкаликъ или много косушка водки, фунтъ кренделей, нѣсколько жамковъ, расписанныхъ сусальнымъ золотомъ, обыкновенно продающихся на базарѣ по восьми, десяти коп. сер. за фунтъ, совершенно достаточный гонораръ за недѣлю самыхъ интимныхъ и продолжительныхъ свиданій. И это нисколько не компрометируетъ дѣвушку

ни въ ея собственныхъ, ни въ чьихъ-либо другихъ глазахъ. При выборѣ невѣсты сыну, отецъ смотритъ почти исключительно со стороны только одной ея экономической полезности, т.-е. сильна ли она и ловка ли въ работѣ. Фактъ совершенно понятный. Тому, у кого ѣсть нечего, чья жизнь зависитъ отъ страшно тяжелаго физическаго труда, тому, понятно, ужь не до ревности — лишь бы съ голоду не умереть. Не бракуетъ невѣсту за ея прошлое и женихъ, потому что онъ очень хорошо знаетъ, что эти отношенія—общее правило и потомъ, что приложеніе этого же самаго правила предстоитъ увидать ему еще и впереди, послѣ ея замужества, съ тою только разницею, что тогда, въ качествѣ мужа, онъ надаетъ ей тумаковъ, чѣмъ, впрочемъ, онъ угощалъ еще до женитьбы и своихъ полюбовницъ. Бо̀льшей разницы не будетъ. Скромность, относительная, разумѣется, замужнихъ можетъ быть совершенно объяснена недосугомъ, бо̀льшимъ количествомъ работы, изнуряющей женщину къ концу дня, на столько, что ужь ей не до амурныхъ похожденій у моста или въ конопляхъ. Поэтому, замужество для тамбовской крестьянской дѣвушки, съ ея точки зрѣнія, вовсе не находка.

«Гуляй, гуляй Маша,
Пока воля наша:
Замужъ отдадутъ
Такой воли не дадутъ»,—

услышите вы, проходя лѣтомъ, подъ вечеръ, по улицѣ. И это совершенно вѣрно; это такъ и есть на дѣлѣ. Пока Маша въ дѣвкахъ еще, ее бережетъ, жалѣетъ мать, не трудитъ работою, а поэтому и гульба у нея еще вѣртится на умѣ; а ужь какъ отдали замужъ, свекровь не пожалѣетъ — все кончено.

Прежде, наборы были рѣдки, служба солдатская долгая, помѣщики—я не говорю объ исключеніяхъ—отдавали преимущественно холостыхъ; солдатокъ поэтому было мало. Теперь же ихъ, по выраженію одного знакомаго мнѣ здѣшняго мужика, «до гибели». А такъ-какъ извѣстная вещь, что природа, выгнанная въ дверь, влетаетъ въ окошко, то и вы можете, принимая во вниманіе все вышеписанное, составить себѣ довольно вѣрное понятіе о положеніи безродныхъ солдатокъ... Я никогда не забуду, напримѣръ, слѣдующаго случая.

Когда я бываю въ деревнѣ, то, вопервыхъ, въ качествѣ единственнаго почти грамотника въ цѣломъ округѣ и потомъ вслѣдствіе того, что я никогда не отказываюсь писать письма и разныя прошенія и ничего за это не беру (дьячокъ беретъ

за письмо курицу), рѣдкую недѣлю мнѣ не приходится писать какого-нибудь солдатскаго письма.

Вотъ приходитъ ко мнѣ разъ знакомый мужикъ Михайло, по прозванію Копилка, и проситъ написать письмо къ сыну — сынъ солдатъ. Полагаю, моимъ читателямъ извѣстно, что̀ такое солдатское письмо, и потому я не буду здѣсь объ этомъ распространяться; но онъ, вѣроятно, не знаетъ, какъ оно пишется; къ тому, кто пишетъ, приходитъ почти вся родня и приходятъ за тѣмъ только, чтобы сказать: и отъ меня, дяди его, Василія Ѳедорова, нижайшее ему почтеніе. Такъ и на этотъ разъ пришло почти цѣлое семейство писать письмо. Надо замѣтить, что я наторѣлъ по этой части до удивительной виртуозности; знаю всѣ любимыя выраженія, и письма, мною писанныя, считаются во всемъ околодкѣ самыми лучшими, потому что я никогда не умничаю, а просто пишу подъ диктовку, и раскрашиваю время отъ времени письмо разными выраженіями, въ родѣ, напримѣръ, классическаго «по гробъ твоей жизни». Написалъ я даже и прелюдію, послалъ и родительское благословеніе и надо, значитъ, теперь писать уже отъ жены.

— Ну, пиши, заговорила баба: — супруга твоя Авдотья Семеновна цалуетъ тебя несчетное число разъ въ сахарныя твои уста.

— А объ сынѣ-то что жь, забыла? подсказалъ ей свекоръ.

— Объ сынѣ послѣ.

— Ну, что жь, объ сынѣ-то? спросилъ я, отправивъ поцалуй въ сахарныя солдатскія уста.

— Еще пиши: родился у меня въ нынѣшнемъ году сыночекъ...

Я остановился.—Зачѣмъ же ему объ этомъ-то писать?

— А чтожь? спросила наивно баба.

— Какъ что? — Сама знаешь—развѣ онъ тебѣ скажетъ спасибо.

— А онъ-то, что жь думаешь, безъ нея смиренничаетъ тамъ, что ли? вступился свекоръ.—Ничего, Дунька, я это дѣло самъ понимаю. Такихъ рожай! малый славный—весь въ отца, въ Гришку выкинулся: такой же курчавый.

— Ну, что-жь, писать? переспросилъ я у матери.

— Да вѣдь яжь тебѣ ужь сказывала — пиши. Чтожь теперь съ нимъ подѣлаешь. Не душить же его?

Такъ я и написалъ...

Свидѣтельствую также и тотъ фактъ, что солдатъ, придя въ отпускъ и увидя такое приращеніе своей семьи, нисколько не бываетъ въ претензіи, потому что очень хорошо знаетъ, что и

у него у самаго рыльце въ пушку, да и женины проказы вовсе не одиночное явленіе. Ну, и стало быть, претендовать не на кого и не изъ чего.

И такой прибылой сынъ, владѣлецъ двухъ отцовъ, оказываетъ—беру оффиціальное выраженіе,—своему законному родителю всю слѣдуемую по обычаю почтительность и покорность; активный же виновникъ его рожденія не предъявляетъ на него никакихъ правъ. Развѣ иногда, пьяненькій, смѣха ради, гдѣ нибудь въ кабакѣ, если малый вышелъ хорошій, похвастается своимъ авторствомъ. Но и только.

Изъ нижеслѣдующаго разсказа читатель увидитъ, какія вещи возможны здѣсь еще и по настоящее время. Восьмаго іюля бываетъ ежегодно деревенская ярмарка въ селѣ Избердей, Липецкаго уѣзда. Само-собою разумѣется, что эта ярмарка не больше не меньше какъ обыкновенный базаръ, только нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Пріѣзжаетъ десятка три мѣщанъ, торговцевъ краснымъ товаромъ, т.-е. ситцемъ, коленкоромъ, плохими шелковыми матеріями самыхъ отчаянныхъ цвѣтовъ и рисунковъ; пріѣзжаетъ нѣсколько семействъ цыганъ, торгуютъ лошадьми, воруютъ, а жены и дочери поютъ, пляшутъ и распутничаютъ съ управляющими, писарями, конторщиками, прикащиками, разными письмоводителями посредниковъ, становыхъ, слѣдователей и пр. и пр. Пріѣзжаетъ трактирщикъ, снимаетъ подъ заведеніе избу попросторнѣе, вывѣшиваетъ вывѣсочку съ изображеніемъ самовара и нѣсколькихъ чашекъ — и вотъ вамъ Избердеевская ярмарка. За исключеніемъ упомянутыхъ аристократовъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще пять-шесть мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, да десятокъ духовныхъ—весь остальной наличный составъ покупателей—мужики и особенно бабы и дѣвки. Для читателя, небывавшаго въ деревняхъ, надо сказать, что ярмарка своего рода праздникъ для всѣхъ окрестныхъ селъ, и поэтому бабы и дѣвки на ярмарку ѣдутъ всегда не иначе, какъ одѣвшись во все, что только есть у нихъ лучшаго. Посѣтительницы Избердеевской ярмарки наряжаются съ особеннымъ тщаніемъ еще и по той причинѣ, что знаютъ, что тамъ ихъ ждутъ упомянутые выше аристократы, съ которыми уже сведено знакомство, разумѣется, прежде, но съ которыми на этотъ разъ предстоитъ гульба не въ примѣръ пріятнѣйшая, т.-е. угощеніе орѣхами, жамками, кренделями, сусликами, а то, гляди, пожалуй, какой еще и платочекъ подаритъ, не то и вовсе кисейную рубашку купитъ.

Отправился, отъ нечего дѣлать, — благо близко, на эту ярмарку и я въ одну лошадь, на бѣговыхъ дрожкахъ. Потол-

каюсь, думалъ, въ народѣ и съѣзжу ночевать тутъ недалеко къ одному знакомому купцу на мельницу. Дѣло было часовъ въ пять послѣ обѣда Только я въѣхалъ на базарную площадь, слышу кто-то окликнулъ меня. Оборачиваюсь. Ба! знакомое созданіе — здоровенный юноша 25 лѣтъ, сынъ помѣщицы, прослужившій около года въ канцеляріи предводителя, вышедшій въ отставку и теперь, въ качествѣ одной изъ мелкихъ туземныхъ властей, совершенно безъ всякаго дѣла наслаждающійся природою и тремя бывшими горничными его матери.

— Куда это вы?

— Да вотъ, говорю, хочу ярмарку посмотрѣть.

— Пора, пора... вѣдь завтра все кончится, послѣдній день. Но ужъ за то, чѣмъ я васъ, батюшка, угощу. Тс! и онъ поцаловалъ кончики пальцевъ.

— Чѣмъ же это?

— Нѣтъ, не скажу, поѣдемте ко мнѣ.

— Некогда, говорю, куда, еще ѣхать!

— Ну вотъ, что за глупости! Я снялъ цѣлую ригу, навалилъ сѣна, постлалъ коврами, простынями—магометовъ рай! Вы что думаете? вѣдь я тамъ развѣ одинъ? У меня тамъ тридцать-шесть дѣвокъ вотъ ужъ вторыя сутки заперты. Ей-Богу!..

Подумалъ, подумалъ и согласился. Штука, должно быть, любопытная. У. вскочилъ ко мнѣ на дрожки, что̀-то крикнулъ стоявшей съ нимъ рядомъ дѣвкѣ или бабѣ, та кивнула ему и мы поѣхали.

— Перепелки мои всѣ цѣлы? спросилъ У. солдата-денщика или лакея своего, недвижно стоявшаго у запертыхъ воротъ риги.

— Всѣ цѣлы, вашебл-діе.

— Отпирай.

Изъ риги слышался визгъ, хохотъ, пѣсни. Замѣтно было, что узницы не особенно тяготились своими заключеніемъ.

— Перепелки мои! закричалъ У!—Ну! Что же, теперь купаться?..

— Далеко это?

— Нѣтъ, вонъ сейчасъ черезъ улицу.

У. сейчасъ же началъ раздѣваться, все снялъ съ себя, кромѣ сапоговъ, сорочки и дворянской фуражки съ краснымъ околышкомъ.

— Идемте!

Я тронулъ возжами и поѣхалъ за всей этой компаніей.

— Пѣсни пойте! командовалъ У.

Дѣвки, разумѣется, сейчасъ же запѣли.

Въ такомъ костюмѣ, окруженный своими перепелками, онъ перешелъ черезъ улицу, повернулъ направо и остановился на берегу, у моста.

— Ну! крикнулъ онъ.

Перепелки отошли отъ него шаговъ на десять и стали раздѣваться.

— Что-жь вы не слѣзаете съ дрожекъ? кричалъ онъ мнѣ, садясь на разостланный деньщикомъ на травѣ, у берега желтый фуляровый платокъ. — Ну, готовы жемки?

Солдатъ подалъ два свертка жемковъ.

— Н-н-ну! Перепелки мои!

И высоко поднявъ надъ головою руки съ свертками жемковъ, онъ съ разбѣга бросился въ воду, какъ-то не почеловѣчески, а полошадиному, крича и гогоча. Когда перепелки, одна по одной, тоже попрыгали въ воду и когда, окруживъ его, начали вырывать жемки, я услыхалъ уже совершенно лошадиное ржаніе, громко и рѣзко покрывавшее и звонкіе голоса и плескъ перепелокъ и далеко отдававшееся по рѣчкѣ...

— Это у него каждый годъ заведено, говорилъ мнѣ мой знакомый купецъ, когда я сталъ передавать ему эту сцену.

— И вѣдь какой насчетъ этого дѣла пакостникъ: намедни свояченица моя вѣдь насилу убѣжала отъ него, съ полверсты гнался, да, спасибо, мужикъ по дорогѣ въ телегѣ ѣхалъ, такъ ужь она къ нему кинулась: «спаси, говоритъ, увези меня», ну онъ и отсталъ.

— Да на что жь это ржетъ-то онъ полошадиному?

— А это ужь, значитъ, въ чувствіи своемъ онъ произошолъ, это у него первое дѣло: какъ увидалъ какую дѣвку, или бабу молодую, такъ сейчасъ и заржетъ. Это всегда...

Столько уже страницъ написалъ я о тамбовской деревнѣ, столько уже перечислилъ ея печалей, и не сказалъ еще ни одной радости... Мало ихъ, этихъ радостей. Да и какая радость сюда заберется, что ей тутъ дѣлать? Мнѣ не хочется размазывать описаніе разныхъ свадебныхъ обрядовъ, разныхъ отжившихъ уже свое время, празднованій на Троицу, на Ивана Купала, Семикъ и пр. Все это можетъ быть и очень поэтично, но современнаго смысла и значенія совершенно не имѣетъ. Да и играетъ во всемъ этомъ главную роль водка, ну, а объ ней я уже достаточно говорилъ, и радости въ ней мало. Мало радости и въ деревенскомъ помѣщичьемъ быту, о которомъ я еще ничего

не говорилъ, и о которомъ нельзя же ничего не сказать. Страшная, смертная царитъ здѣсь скука, такая скука, что и дѣваться не знаешь куда отъ нея. И дышетъ на меня здѣсь отовсюду эта скука, вовсе не потому, что мои радости и мои печали не ихъ радости и не ихъ печали; нѣтъ, имъ самимъ, между собою, самимъ съ собою скучно. Каковы бы ни были радости прошлаго времени, но все же онѣ радовали людей. Еслибы эти письма я писалъ въ то время, я бы могъ говорить объ этихъ радостяхъ, все равно, сочувствовалъ ли бы я имъ, или нѣтъ, но теперь, какъ же говоритъ о томъ, чего нѣтъ? Не воодушевитъ же увеселеніе для тамбовскихъ помѣщиковъ, когда они и сами не знаютъ, куда сбѣжать со скуки...

Баллотировка, эта великая радость временъ прошедшихъ, утратила теперь все свое значеніе и всю прелесть. Нѣтъ теперь и чудовищныхъ съѣздовъ, когда собирались, бывало, по цѣлому уѣзду къ кому-нибудь на имянины и когда вся эта толпа, по нѣскольку дней и ночей сряду, пила, ѣла, плясала. Прошла пора и чудовищныхъ охотъ. Но объ охотахъ я уже говорилъ. Не радуетъ никого и наступленіе когда-то знаменитой лебедянской ярмарки, куда, бывало, съѣзжалась вся сосѣдняя холостежь, цыганы, ремонтеры и гдѣ ставились на карту лошади, заводы, дѣвки, цѣлыя деревни. Давно ли я живу на свѣтѣ, а и я еще помню у сосѣдей и домашнюю музыку, и домашній балетъ...

Утрата этихъ радостей ничѣмъ не замѣнена.

Столкнется у кого-нибудь случайно два-три семейства и начнутъ проектировать, какъ бы устроить хотя театръ что ли или литературный вечеръ съ музыкой, но даже и эти проектированья, которымъ уже ничто не можетъ мѣшать, ни недосугъ, ни средства, какъ-то вялы, искусственны: всѣ очень хорошо знаютъ, что изъ этихъ проектовъ положительно ничего не выйдетъ, кромѣ одной пустой болтовни. А празднаго времени такъ много, такъ хочется убить его какъ-нибудь. Читать привычки не сдѣлано, и давитъ всѣхъ скука. Примутся убивать ее и станетъ еще скучнѣе. Затѣютъ, положимъ, барышни кататься зимою. «Ты, Катя, смотри же пріѣзжай, и ты, Маша, и ты Люба». Съѣдутся. Велятъ имъ хмурые родители запречь тройку и поѣдутъ онѣ, однѣ одѣнешеньки, безъ «кавалеровъ», потому что печальные родители больше ужь не посылаютъ въ городъ, гдѣ стоитъ полкъ, за офицерами. Проѣдутъ нѣсколько верстъ, прозябнутъ, вернутся, ихъ встрѣтятъ опять тѣ же хмурыя лица, и станетъ имъ еще скучнѣе, еще тошнѣе.

Удастся, наконецъ, какъ-нибудь устроить «литературный»

вечеръ. Но и тутъ того гляди бѣда. Выбрала какая-нибудь Машенька для чтенія, ну хоть, положимъ, «Огородника» что ли некрасовскаго, да и прочитала на грѣхъ. Господи, что тутъ поднимается! И безнравственная-то она, и чего, чего только не наслушается она и дома, и на сторонѣ о себѣ не узнаетъ!

Невыразимо жалки мнѣ эти Катеньки, Сонички, Лизаньки. Умственной жизни нѣтъ у нихъ, разумѣется, никакой, нѣтъ и физической радости: негдѣ имъ ни поплясать, ни въ горѣлки поиграть, ни интрижку какую свести. Сидятъ онѣ себѣ сиднемъ, что называется, ни сами никуда, ни къ нимъ никто. Развѣ заѣдетъ становой приставъ за какой-нибудь недоимкой; ну и отведутъ сколько-нибудь душу, узнаютъ хоть сплетни уѣздныя. Я никогда и не подумаю сравнить ихъ горькую жизнь съ бѣдной, но вольной здоровой жизнью крестьянки. Какъ это можно! Та вольная птица. Обыкновенно у насъ толкуютъ объ искусственности столичной жизни. Нѣтъ, я бы показалъ, до чего съумѣли извратить всѣ человѣческія понятія о чести, обязанностяхъ и правахъ женщины здѣсь, гдѣ, кажется, такія ужь непосредственныя и постоянныя отношенія къ природѣ, гдѣ все это рѣшительно ужь ни на что не нужно и гдѣ все совершается единственно въ силу одного обезьянства.

Немилосердно длиненъ тамбовскій осенній и зимній деревенскій день! Если барину стукнуло пятьдесятъ, то вотъ какъ онъ его проводитъ. Подымется съ громаднаго двуспальнаго ложа, украшеннаго рѣзными изображеніями амуровъ, сердецъ, и надѣваетъ ваточный халатъ и красные торжковскіе сафьянные сапоги. Въ передней, холодной, съ промерзшими окнами, надъ грязнѣйшимъ мѣднымъ тазомъ изъ такого же грязнаго рукомойника, при помощи полусоннаго, оборваннаго и вонючаго Степки, совершается умовеніе. Рано еще. Всего еще четыре, много пять часовъ утра, до свѣту долго; солнце встанетъ въ восемь. Въ залѣ, на ломберномъ желтомъ столикѣ, приготовятъ самоваръ. Старуха экономка стоя наливаетъ чай, а баринъ начинаетъ ходить по комнатамъ, съ трубкой. Являются за разными приказаніями прикащики, конюха, поваръ, староста. Всѣ они уже получили приказанія съ вечера еще; теперь же они приходятъ спросить, не будетъ ли какихъ измѣненій. Хожденіе взадъ и впередъ по комнатамъ съ трубкою, продолжается до 8 часовъ. Экономка все это время стоитъ, зѣваетъ, поправляетъ платокъ у себя на шеѣ или на головѣ, щиплетъ кончикъ фартука. Въ девять часовъ опять чай. Этотъ чай разливаетъ уже сама барыня и самоваръ поданъ уже на большой «банкетный» столъ, что стоитъ среди зала и который, несмотря на то, что имѣетъ

столько же ножекъ, сколько у паука, все-таки ходуномъ ходитъ. Чаще всего баринъ съ барыней не въ духѣ, а потому говорятъ другъ другу шпильки, придираются къ Катенькамъ, Машенькамъ за какую-нибудь разстегнутую пуговку или булавку. Послѣ чая баринъ идетъ по хозяйству, барыня идетъ въ дѣвичью, а Катенька садится къ своему «гробу», какъ зоветъ она разбитое въ дребезги фортепьяно, и начинаетъ разыгрывать русскіе романсы. Баринъ наткнулся на пьянаго конюха, который велъ поить жеребца и упустилъ его. По старому, его слѣдовало сейчасъ же, тутъ же... ну, а теперь, что съ него возьмешь? Огорченіе. Барыня, у которой когда-то вся гостиная была биткомъ набита дворовыми дѣвками, брюхатыми и небрюхатыми, стрижеными или нестрижеными, теперь очень естественно въ тоскѣ, чувствуя свое одиночество и видя въ дѣвичьей только трехъ-четырехъ старухъ, бывшихъ кружевницъ, теперь ни къ чему негодныхъ, и которыя остались у нея единственно ради этой негодности и древности своей. Одной, еще видящей кое-что, было дано такое дрянное, самое простое кружево, то-есть узоръ: авось, думала барыня, сплететъ, все Катенькѣ годится на что-нибудь. Но старуха чортъ-знаетъ что напутала. Огорченіе. Слышала Катенька въ прошломъ году, зимою, на балѣ въ клубѣ, въ ихъ уѣздномъ городѣ, куда ее насилу отпустили съ теткой, прехорошенькій романсъ, пѣтый тамъ цыганами: «Не уѣзжай, голубчикъ мой». Катенькѣ онъ очень понравился; по пріѣздѣ домой, она его какъ-то и запой. Услыхали да такую ей задали головомойку, что Катенька три дня проплакала. «Мой домъ, сударыня, мой домъ не распутный какой, чтобъ въ немъ эти мерзости распѣвать. Если ужъ вамъ пріятно, такъ можете идти куда угодно, но здѣсь я этого не позволяю!» и т. д. и т. д. Теперь Катенькѣ страхъ хочется спѣть: «Не уѣзжай, голубчикъ мой», но она боится, и это весьма натурально причиняетъ ей огорченіе. Въ часъ пообѣдаютъ. Старшіе лягутъ отдыхать, а Катенька... должно быть, и она тоже отдыхаетъ, потому что, когда она придетъ къ вечернему чаю, у нея глазки красные, припухшіе. Вечеромъ баринъ раскладываетъ гранъ-пасьянсъ или играетъ самъ съ собой въ преферансъ; барыня гадаетъ; Катенька перебираетъ что-нибудь у себя въ комодѣ или опять стонетъ на фортепьяно. Въ девять ужинъ и повальный сонъ.

Но скука этой жизни все-таки ничто въ сравненіи со скукой, какая царитъ въ домѣ стараго уѣзднаго баллотировочнаго авторитета. Желчь и гнетущая сварливость тамъ еще ужаснѣе, потому что всѣ эти огрызки исполнены безконечнаго самолюбія. Такъ или иначе, всѣ они выдавались изъ ряда, главенствова-

ли, ворочали, и теперь... Меня особенно интересовалъ здѣсь одинъ старикъ, игравшій когда-то видную, первую роль, а теперь засѣвшій безвыходно въ своемъ углу. Ни одинъ лакей у него не въ состояніи прожить больше мѣсяца, это ходячая галда какая-то. У него до ста дѣлъ съ прислугою. Онъ съ утра до ночи пишетъ жалобы къ посредникамъ, становымъ! и все это жалобы на убѣжавшую прислугу... Разумѣется, всѣ онѣ остаются безъ послѣдствій, но онъ все-таки пишетъ, длинный, худой, ожесточенный.

Можно здѣсь отыскать, пожалуй, еще два-три типа. Хороши и либеральничающіе со скрежетомъ зубовнымъ. Хороши...

— Ну, а молодое поколѣніе, молодые дѣятели?

Молодое поколѣніе? Ну, молодежь, какъ извѣстно, любитъ веселиться, а потому объ ней рѣчь впереди; объ ней мнѣ придется говорить, когда я буду разсказывать о центрахъ степной веселой жизни, о Липецкѣ, Тамбовѣ, Саратовѣ.

Сергѣй Атава.

СУЗДАЛЬЦЫ И СУЗДАЛЬСКАЯ КРИТИКА.

Физическое основаніе жизни. Новая философія и позитивизмъ. Лекція *Гексли*. («Космосъ». Второе полугодіе. № 2).

Позитивизмъ и современная наука. Огюстъ Контъ и Гексли. *Р. Конгрева*. (Id. № 4).

Позитивизмъ и современная наука. Отвѣтъ *Гексли* Конгреву (Id. № 5).

Было время, — и оно еще и теперь не совсѣмъ кончилось,— когда романисты изображали въ своихъ произведеніяхъ не живыхъ людей, а нѣкоторыя реализированныя отвлеченія. Писатель бралъ какое-нибудь нравственное или умственное качество, положительное или отрицательное, похвальное или непохвальное, тщательно очищалъ его отъ постороннихъ примѣсей и затѣмъ облекалъ соотвѣтственными плотью и кровью. Въ злодѣяхъ, фигурировавшихъ въ подобныхъ произведеніяхъ, никогда, ни разу во всю жизнь не пробивалась ни одна искра божія; на добродѣтельныхъ людяхъ не было и намека на какое либо пятно. И какъ бы все еще недовѣряя своимъ силамъ, все еще недовольный полнотою реализаціи отвлеченія, романистъ придавалъ злодѣю безобразный физическій обликъ и прозвище Ножова, Злодѣева, Воровскаго, Гордячкина, а добродѣтели—ангельскую красоту и звучное имя графа Добротворова, княгини Великодушной и проч. Конечно, теперь намъ трудно читать безъ смѣха произведенія, въ которыхъ этотъ эстетическій пріемъ проявляется въ полной силѣ, но не слѣдуетъ забывать, что онъ составлялъ совершенно законный продуктъ своего времени. Здѣсь въ литературѣ, какъ въ зеркалѣ, отразилась вся суть извѣстной ступени общественнаго развитія. Въ этомъ эстетическомъ пріемѣ можно замѣтить, вопервыхъ, послѣднюю, въ своей серіи явленій, отрыжку древняго вѣрованія, что Богъ не одного Каина отмѣтилъ своимъ собственнымъ перстомъ, но отмѣчаетъ вообще людей, какъ порочныхъ, такъ и безпорочныхъ. Далѣе, слѣдуетъ имѣть въ виду, что отцы и дѣды наши, въ силу окружавшихъ ихъ формъ общественности,

любили и должны были любить психическую оцѣнку одноцвѣтную и яркую, какъ красная рубаха: одинъ неловкій или недостойный шагъ, — и человѣкъ изъ согрѣшившаго превращался въ грѣшника, изъ сдѣлавшаго глупость — въ глупца; одинъ честный и благородный поступокъ, — и вмѣсто человѣка передъ обществомъ стоитъ ярко вычищенная медаль за спасеніе погибающихъ, и у этой медали нѣтъ оборотной стороны. Барство и рабство, «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», — вотъ что̀ носилось въ воздухѣ и сказалось въ суздальской работѣ старинныхъ романистовъ. Только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ исторія заставляла людей становиться ближе другъ къ другу, другъ къ другу, такъ сказать, прижиматься, явилась возможность болѣе многосторонняго психическаго анализа. Мало по малу явилось и окрѣпло убѣжденіе, что одноцвѣтныхъ людей въ жизни не бываетъ, что всѣ мы люди болѣе или менѣе пестрые, на которыхъ окружающія условія иногда самымъ причудливымъ образомъ располагаютъ перемежающіяся и пересѣкающіяся полосы свѣта и тѣни. Разобрать эти полосы свѣта и тѣни, разглядѣть и различить ихъ, не разсѣкая однако въ то же время цѣльной индивидуальности, — такова одна изъ задачъ современнаго искусства. Работа эта нелегкая, и европейская поэзія могла подойти къ ней, только пройдя сквозь горнило байронизма и романтизма съ его знаменитою формулою — le laid c'est le beau.

Очевидно, что альтернатива «или въ зубы или ручку пожалуйте» имѣетъ двоякаго рода корни: незнакомство со степенью вліянія обстоятельствъ на складъ души, и недостатокъ уваженія къ тѣмъ качествамъ, за которыя суздалецъ (употребляю это выраженіе для краткости) желаетъ поцѣловать ручку, равно какъ и недостатокъ ненависти къ качествамъ противоположнымъ, за которыя тотъ же суздалецъ готовъ разбить зубы. Такая постановка вопроса можетъ показаться парадоксальною, но она совершенно вѣрна. Поясню дѣло примѣромъ. Какъ-то нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я думалъ издать сборникъ классическихъ сочиненій противъ смертной казни, съ какой бы точки зрѣнія въ сочиненіяхъ этихъ смертная казнь ни отрицалась. Развивая эту мысль въ присутствіи одного моего легкомысленнаго знакомаго, я упомянулъ, между прочимъ, о книжкѣ Гизо «De la peine de mort en matière politique», какъ о достойной перевода и изданія. Съ этого именно сочиненія я даже и хотѣлъ начать изданіе сборника. Мой легкомысленный знакомый прервалъ меня слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Ну, Гизо-то не стоитъ издавать, потому что онъ потерялъ всякое значеніе послѣ Бокля». Признаюсь, неожиданность этого возраженія до такой степени меня ошеломила, что я не вдругъ могъ понять — гдѣ лежатъ, не говорю логическія, а хоть грамматическія основанія мысли моего легкомысленнаго знакомаго. Только послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, я сообразилъ, что Гизо на-

писалъ исторію цивилизаціи (и даже двѣ), что подало поводъ моему знакомому сопоставить его съ Боклемъ, который тоже написалъ исторію цивилизаціи, а такъ-какъ сопоставленіе это выгодно не для Гизо, а для Бокля, то отсюда слѣдуетъ, что послѣ книги Бокля не имѣетъ смысла изданіе книги Гизо о смертной казни. Вотъ что называется «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Ясно, что мой знакомый, вопервыхъ, не вѣдалъ, что говорилъ, а вовторыхъ, не менѣе ясно, что онъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ идеямъ Бокля и отрицательнымъ отношеніемъ къ смертной казни въ гораздо меньшей степени, чѣмъ это можно бы было заключить съ перваго взгляда. Примѣръ этотъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ предметомъ нашей замѣтки. О старинныхъ романахъ и господствующей въ нихъ суздальской, одноцвѣтной оцѣнкѣ мы заговорили только для сравненія. Занимаютъ же насъ здѣсь барскія и рабскія отношенія не къ художественнымъ образамъ, а къ системамъ, теоріямъ, и къ живымъ людямъ, поскольку они являются носителями и представителями различныхъ философскихъ, научныхъ, общественныхъ системъ и теорій. Если легкомысленный человѣкъ, знакомясь съ рядомъ сочиненій извѣстнаго автора, какъ-нибудь нечаянно наткнется въ нихъ прежде всего на какую-нибудь очевидную ошибку, то онъ, не разбирая, поскольку эта ошибка вяжется съ совокупностью взглядовъ автора, станетъ къ автору въ отношенія барскія; его девизомъ станетъ энергическое «въ зубы». Если, наоборотъ, легкомысленный человѣкъ наткнется на мысль, ясную, какъ божій день, то, хотя бы эта мысль и не занимала особенно виднаго мѣста въ соображеніяхъ автора, легкомысленный человѣкъ лобъ прошибетъ, кланяясь ему. Это еще лучшія изъ барскихъ и рабскихъ отношеній къ мыслителю, потому что легкомысленный человѣкъ можетъ схватить свое «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте» просто съ вѣтру. Во всякомъ случаѣ, элементы этой альтернативы тѣ же самые, что и въ суздальской фабрикаціи героевъ старинныхъ романовъ: недостаточное знакомство съ предметомъ, которому человѣкъ покланяется, или который предается имъ оплеванію, и недостатокъ уваженія къ тѣмъ самымъ началамъ, во имя которыхъ, повидимому, поклоненіе и оплеваніе происходятъ. Это основанія, общія для всякаго проявленія принципа такъ-называемой безусловной вмѣняемости, — положительной и отрицательной, — взваливающей на личность безусловную отвѣтственность за все когда либо и при какихъ либо обстоятельствахъ этою личностью сдѣланное. При этомъ, промахи и удачныя мысли, ошибки и хорошія дѣла естественно получаютъ несоотвѣтственные ихъ дѣйствительному значенію размѣры, и вышеприведенная альтернатива всплываетъ неизбѣжно. Всѣми силами души желали бы мы предостеречь читателя отъ такого суздальства вообще и отъ такого суздальскаго отношенія къ мыслителямъ въ особенности. Да не поду-

маетъ однако читатель, чтобы мы приглашали его къ эклектизму. Напротивъ, мы рекомендуемъ ему полную оригинальность и самостоятельность мысли. Эклектизмъ исходитъ изъ того убѣжденія, что во всѣхъ, когда либо существовавшихъ теоріяхъ и системахъ есть извѣстная доля истины и извѣстная доля заблужденія. Мы же твердо вѣримъ, что есть системы и теоріи, въ которыхъ нѣтъ ничего истиннаго. Эклектизмъ, далѣе, строитъ на своемъ основномъ положеніи методъ, который мы, не обинуясь, можемъ назвать однимъ изъ самыхъ плохихъ философскихъ методовъ. Эклектизмъ полагаетъ, что путемъ сопоставленія различныхъ системъ и теорій можетъ быть получена истинная теорія, ибо, при сопоставленіи, заблужденія въ ту и другую сторону взаимно сокращаются и остается только одна чистая истина. Пріемъ этотъ, не говоря о прочихъ его недостаткахъ, вовсе не исключаетъ возможности барскихъ и рабскихъ отношеній къ мыслителямъ. Сравнивайте всевозможныя системы и теоріи, сопоставляйте ихъ сколько хотите,—это дѣло очень полезное, но не надѣйтесь встрѣтить во всѣхъ нихъ истину и не надѣйтесь получить истину при помощи сложенія и вычитанія, къ которымъ сводится вся работа эклектиковъ. Барско-рабскій элементъ даже неизбѣженъ при подобной работѣ, потому что приступать къ ней человѣкъ можетъ, а въ принципѣ даже долженъ, безъ всякихъ собственныхъ убѣжденій и взглядовъ. Тогда какъ отсутствіе барско-рабскаго легкомыслія обусловливается присутствіемъ твердыхъ убѣжденій и глубокаго и искренняго уваженія къ тѣмъ началамъ, которыя человѣкъ исповѣдуетъ, которыя онъ признаетъ своими. Еслибы суздальскій романистъ дѣйствительно уважалъ великодушіе, онъ бы непремѣнно увидѣлъ. что его княгиня Великодушина таскаетъ дѣвокъ за волосы; точно также, еслибы онъ дѣйствительно презиралъ порокъ, то никакой надобности валить всѣ шишки на какого-нибудь бѣднаго Макара ему бы не предстояло. Онъ и съ великодушіемъ и съ порокомъ собственно такъ мало даже знакомъ, что каждую минуту дрожитъ, какъ бы ему не промахнуться, и торопливо взваливаетъ гору достоинствъ одесную и гору недостатковъ ошую. Писатель, дѣйствительно уважающій великодушіе, не стѣснится представить его въ образѣ Квазимодо и подслушаетъ его и у разбойника. Суздальскій романистъ трусъ. И такой же трусъ, напримѣръ, мой вышеупомянутый легкомысленный знакомый, боящійся послѣ Бокля найти что-нибудь у Гизо. Всякая трусость есть невѣріе въ свои силы, въ себя, трусость нравственная — невѣріе въ свои идеалы. Конечно, наша старая Русь, представлявшая такой изумительный механизмъ въ видѣ восходящей системы лакеевъ, если смотрѣть на машину снизу, и нисходящей системы баръ, если смотрѣть сверху, не могла способствовать укрѣпленію нравственной смѣлости, но мы можемъ имѣть то печальное утѣшеніе, что и въ старой Европѣ многіе не брезгаютъ легкимъ дѣ-

ломъ осуществленія принципа «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Само собою разумѣется, что осуществленіе это можетъ иногда имѣть мѣсто не по легкомыслію осуществляющаго, а по его злонамѣренности. И не всегда можно отличить легкомысліе отъ злонамѣренности, тѣмъ болѣе, что послѣдняя можетъ иногда получить довольно благовидную наружность, представляя продуктъ временнаго личнаго раздраженія, а не постояннаго злостнаго, сознательнаго, систематическаго напиранія въ извѣстную сторону.

Суздалецъ — трусъ. Но, въ предѣлахъ, огороженныхъ его трусостью, онъ смѣлъ до... чего хотите. Онъ не посмѣетъ подсмотрѣть великодушіе въ разбойникѣ, но та беззавѣтная храбрость, съ которою онъ наваливаетъ добродѣтели на издыхающаго подъ этою ношею графа Добротворова, та беззавѣтная смѣлость, съ которою онъ валитъ шишки на бѣднаго Манара, — по истинѣ изумительна. Суздалецъ не посмѣетъ найти свѣтлую точку ни въ доктринѣ, находящейся почему-нибудь въ опалѣ, ни въ ея живыхъ представителяхъ, но храбрость его граничитъ съ геройствомъ, когда онъ начинаетъ по своему бомбардировать подлежащихъ бомбардированію. Суздалецъ — это заяцъ съ львиной гривой. Это весьма топорной работы музыкальный инструментъ, способный воспроизводить только двѣ ноты, но въ то же время способный всякаго оглушить усерднымъ воспроизведеніемъ этихъ двухъ нотъ. Ревность онъ имѣетъ не по разуму. Все или ничего — вотъ съ какимъ требованіемъ подходитъ онъ ко всякому ученію, ко всякой школѣ, ко всякой партіи, ко всему, однимъ словомъ, къ чему онъ только подходитъ. Какой тебя краской съ ногъ до головы вымазать, красной или желтой? «Въ зубы или ручку пожалуйте?» — вотъ вопросы, постоянно волнующіе суздальца. И какъ только суздалецъ — какой бы то ни было степени, отъ легчайшаго легкомыслія до тяжеловѣснѣйшей недобросовѣстности — примется за свое малярное дѣло, вы тотчасъ же по пріемамъ его узнаете, что въ его духовномъ нутрѣ не хватаетъ именно той свѣтлой краски, которую онъ столь усердно и широко расточаетъ, а присутствуетъ, напротивъ, та темная краска, на которую онъ впрочемъ не менѣе щедръ. Нарисовалъ вамъ романистъ одноцвѣтнаго графа Добротворова, — будьте увѣрены, что романистъ во всю свою жизнь ни одного добраго дѣла не сдѣлалъ, даже не знаетъ и понять не можетъ, какъ эти самыя добрыя дѣла дѣлаются.

Въ прошломъ году въ журналѣ «Заря» была напечатана, если не великая, какъ полагаетъ сама «Заря», то очень большая статья г. Данилевскаго «Европа и Россія». Въ главѣ, напечатанной въ майской книжкѣ, г. Данилевскій желаетъ опредѣлить «различіе въ психическомъ строѣ» народовъ славянскихъ съ одной стороны и романо-германскихъ съ другой. Къ дѣлу этому онъ приступаетъ, повидимому, съ большою осторожностью. Онъ го-

ворить, что нельзя такъ-себѣ, зря, ухватиться за какую-нибудь этнографическую особенность и на ней выстроить цѣлый народный характеръ, что въ этомъ случаѣ нельзя довѣряться даже самымъ добросовѣстнымъ и наблюдательнымъ путешественникамъ; ибо, справедливо разсуждаетъ г. Данилевскій, одинъ путешественникъ случайно наталкивается на одно свойство, другой столь же случайно встрѣчаетъ другое, и трудно судить, которое изъ этихъ свойствъ для даннаго народа наиболѣе характеристично. Для открытія въ народномъ характерѣ дѣйствительно національныхъ и притомъ достаточно важныхъ чертъ, слѣдуетъ обратиться къ исторіи народа. Если намъ удастся прослѣдить во всей исторической жизни народа одну какую-нибудь особенность, проявляющуюся такъ или иначе, но постоянно, то можно утвердительно сказать, что эта особенность и важная и характерная. Такъ разсуждаетъ г. Данилевскій, разсуждаетъ прекрасно, и вы никакъ не ожидаете, что это не болѣе, какъ приготовленіе къ суздальской работѣ. Немедленно вслѣдъ за своимъ прекраснымъ разсужденіемъ г. Данилевскій заявляетъ: «Одна изъ такихъ чертъ, общихъ всѣмъ народамъ романо-германскаго типа, есть *насильственность* (Gewaltsamkeit)». Затѣмъ г. Данилевскій ровно на *четырехъ* страницахъ комкаетъ полторы тысячи лѣтъ европейской исторіи для доказательства своего положенія, и *четыре* же страницы употребляетъ на прогулку по исторіи русской для изысканія въ ней слѣдующаго: «вообще не интересъ составляетъ главную пружину, главную двигательную силу русскаго народа, а внутреннее, нравственное сознаніе, медленно подготовляющееся въ его духовномъ организмѣ, но всецѣло обхватывающее его, когда настаетъ время для внѣшняго практическаго обнаруженія и осуществленія». Таковъ путь, избранный г. Данилевскимъ для рѣшенія важнаго и многотруднаго вопроса о преобладающихъ чертахъ всего романо-германскаго и всего славянскаго міра, за все время ихъ существованія. Почтенный сочинитель полагаетъ, что это путь единственный, за неимѣніемъ такой статистики, которая могла бы числами выразить относительную частость или рѣдкость проявленія того или другаго качества, въ томъ или въ другомъ народѣ. Кое-какая статистика этого рода, впрочемъ, имѣется, но, къ сожалѣнію, она не разрѣшаетъ подлежащаго вопроса съ суздальскою смѣлостью трусости или трусостью смѣлости. По этому поводу я разскажу анекдотъ. Разъ какъ-то я былъ въ здѣшнемъ университетѣ на защищеніи магистерской диссертаціи. Въ диссертаціи находилась, между прочимъ, статистическая таблица, приведшая въ большое изумленіе одного изъ оффиціальныхъ оппонентовъ. «Помилуйте, — укорялъ онъ магистранта, — вы говорите, что въ Баденѣ приходится одинъ подсудимый на 245 жителей, а въ Ганноверѣ 1 на 12. Вѣдь и то Германія, и это Германія», и оппонентъ развелъ руками. Магистрантъ отвѣтилъ, что цифры эти заимствованы имъ изъ извѣстнаго труда Легуа и что

Германія Германіи рознь... Оппонентъ былъ изъ любителей суздальской живописи: коли — молъ — называешься ты Германіей, то веди себя погермански, а то что это за безпорядки? только мыслителей съ толку сбиваешь... Но я припоминаю опять анекдотъ. Одному древнему скептику показывали въ храмѣ изображенія людей, которые исполнили обѣты, данные ими богамъ въ минуту кораблекрушенія. «Неужели — спрашивали скептика жрецы—неужели ты и теперь не вѣришь въ нашихъ боговъ? Ты видишь,—вотъ сколько людей спаслось обѣщаніемъ совершить богоугодное дѣло». Скептикъ отвѣчалъ вопросомъ: «А гдѣ изображенія тѣхъ, которые, давши обѣты, все-таки погибли?» Скептикъ былъ не изъ суздальцевъ... Возвратимся къ г. Данилевскому. Становится этотъ публицистъ на западной окраинѣ Россіи, берегъ въ руки компасъ и, опредѣливъ съ помощію его, гдѣ находится востокъ и гдѣ западъ, можетъ западъ мрачною краской насильственности, а востокъ свѣтлой краской кротости; къ первому обращается съ энергическимъ «въ зубы», ко второму съ заискивающимъ «ручку пожалуйте». На вяземскихъ пряникахъ выпечатываютъ надпись «сія коврижка вяземская». Едва-ли на работѣ г. Данилевскаго требуется выпечатать: «сія работа суздальская». Вопросъ теперь въ томъ: дѣйствительно ли г. Данилевскій столь уважаетъ кротость и ненавидитъ насильственность, какъ то, повидимому слѣдуетъ заключить по его суздальскимъ пріемамъ? и дѣйствительно ли г. Данилевскій столь любитъ Россію, какъ онъ о томъ говоритъ? Вынужденнымъ нахожусь отвѣчать отрицательно. Еслибы г. Данилевскій дѣйствительно очень любилъ Россію, онъ не сталъ бы утверждать такую неправду (потому что это въ самомъ дѣлѣ неправда), будто, мы, русскіе, колонизировали Сибирь Совершенно мирно, тунгусовъ и остяковъ не били, въ рабство не обращали и вообще насильственно съ ними не поступали. Совсѣмъ бы ему не понадобилось въ такомъ количествѣ сыпать шишки добродѣтели на Макара русской исторіи, да и самъ Макаръ въ нихъ не нуждается. Прошелъ онъ свою тысячу лѣтъ, видѣлъ всякаго ненастья вдоволь, не мудрено, что и спотыкаться ему приходилось. Зачѣмъ-же г. Данилевскому шишки добродѣтели понадобились? Очевидно, что онъ любитъ не Россію, какъ она есть, а Россію нарумяненную и набѣленную, а это ужь что за любовь. Россія можетъ обратиться къ г. Данилевскому съ извѣстными словами, такъ много смѣшившими генерала Бетрищева: полюби насъ черненькими, а бѣленькими-то насъ и всякій полюбитъ. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы мы дѣйствительно тунгусовъ не били, такъ отчего же и имъ насъ не любить? Въ такой же малой мѣрѣ г. Данилевскій любитъ кротость и ненавидитъ насильственность, ибо онъ рекомендуетъ намъ взять, завоевать, освободить, а всѣ эти дѣйствія по необходимости насильственны.

И такъ всегда бываетъ съ суздальскою работою. Древній греческій философъ Эмпедоклъ выдавалъ себя за бога и, чтобы скрыть свою смерть, бросился въ жерло Этны. Всѣ концы были такимъ образомъ спрятаны, и люди думали, что Эмпедоклъ вознесся на небо. Но изверженіе Этны выдало его тайну, выбросивъ его мѣдную сандалію. Такъ-то и съ суздальцами: у каждаго изъ нихъ есть своя Этна и своя мѣдная сандалія. За послѣднее время наша литература обогатилась десятками двумя романовъ, въ которыхъ извѣстная часть нашей молодежи изображается проводящею время въ различныхъ глупыхъ, преступныхъ и скандальныхъ занятіяхъ. Сія работа суздальская, это несомнѣнно, смѣлость трусости и трусость смѣлости достигаютъ здѣсь своей кульминаціонной точки. Но полагаете ли вы, что романисты, съ такимъ азартомъ изобличающіе, напримѣръ, любострастныя наклонности своихъ героевъ, дѣйствительно проникнуты искреннимъ отвращеніемъ къ связаннымъ съ этими наклонностями порокамъ и преступленіямъ? Полагаете ли вы, что они столь дорожатъ цѣломудріемъ, какъ это можно бы было заключать изъ поверхностнаго обзора ихъ суздальской рьяности? Вы не полагаете? И я тоже не полагаю. Еще бы помѣщикъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ въ моментъ заказыванія повару пирога на четыре угла, въ моментъ сладострастнаго причмокиванія и приговариванія задыхающимся голосомъ: «да поджарь... да подрумянь... да осетровыхъ щекъ положи» и проч.; еще бы милѣйшій Пѣтухъ сталъ утверждать, что онъ ненавидитъ пироги на четыре угла!

Весьма любопытно присутствовать при столкновеніи двухъ суздальцевъ различной масти, т.-е. когда одинъ посуздальски предаетъ оплеванію тотъ самый предметъ, которому другой, тоже посуздальски, поклоняется; если, напримѣръ, одинъ суздалецъ говоритъ, что практическимъ выводомъ изъ всѣхъ «новѣйшихъ теорій» является необходимость воровать яблоки, что̀ непохвально; а другой суздалецъ утверждаетъ, что практическій выводъ дѣйствительно таковъ, но что воровать яблоки похвально; или если одинъ суздалецъ заявляетъ, что всѣ, положимъ, «нигилисты» стремятся къ изнасилованію или обольщенію дѣвицъ, а другой говоритъ, что ни одинъ «нигилистъ» никогда ничего подобнаго не совершалъ. Въ послѣднемъ случаѣ оба суздальца понимаютъ подъ словомъ «нигилизмъ» не какую-нибудь ясно опредѣленную и обозначенную теорію, а случайную совокупность часто совсѣмъ не вяжущихся между собою идей и поступковъ, не химическое, такъ сказать, соединеніе, а простую смѣсь. Очевидно, что еслибы дебатирующіе суздальцы близко принимали къ сердцу вопросъ объ отношеніяхъ между мужчинами и женщинами, то они не допустили бы существованія соотвѣтственной части «нигилизма» въ видѣ простой смѣси, а разо-

брали бы дѣло какъ слѣдуетъ. Еслибы суздалецъ—защитникъ нигилизма, какъ простой смѣси, дѣйствительно горячо желалъ честныхъ и свободныхъ отношеній между полами, то ему незачѣмъ было бы отрицать факты. Всякому клубничному романисту—обличителю нигилизма онъ могъ бы безъ малѣйшей трусости сказать: да, между тѣми, кого называютъ и кто самъ называется нигилистами, есть глупцы и негодяи, но что же изъ этого слѣдуетъ? Если кто нибудь, начитавшись Прудона, вздумалъ, что онъ можетъ совершенно правомѣрно воровать яблоки, то какое до этого дѣло Прудону и мнѣ, уважающему Прудона? Если подъ знаменемъ христіанства горѣли инквизиціонные костры, то только суздалецъ будетъ опираться на это обстоятельство для пораженія христіанства; только суздалецъ будетъ отрицать самый фактъ инквизиціи, воображая при своей трусости, что такою смѣлостью онъ дѣйствительно защищаетъ христіанство; и только суздалецъ станетъ защищать инквизицію. Искренній христіанинъ, какъ и искренній нехристіанинъ, найдутъ себѣ болѣе солидныя точки опоры въ самомъ христіанствѣ.

Суздальцы всѣхъ оттѣнковъ — народъ крайне вредный. Соединяя въ себѣ заячью натуру съ львиной гривой, они напускаютъ туману во всякое дѣло. По отношенію къ мыслителямъ и отдѣльнымъ мыслямъ, къ которымъ они обращаются съ своимъ «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», суздальцы способны возбудить къ себѣ чувство самаго живаго негодованія и омерзѣнія. Мыслитель работаетъ двадцать, тридцать лѣтъ. Устаетъ, наконецъ, его измученная работой голова; безсонныя ночи, нерадостные дни дѣлаютъ свое дѣло, умъ слабѣетъ, и мыслитель сбивается съ дороги, впадаетъ, положимъ, въ мистицизмъ. И вотъ на могилѣ этого несчастнаго труженика поднимаются суздальскія сатурналіи. Одни суздальцы начинаютъ бить лбомъ передъ именемъ великаго покойника и молятся на его печальныя заблужденія такъ же аляповато - усердно, какъ и на добытыя имъ истины. Другіе суздальцы хватаются за его ошибки и вопятъ: что̀ можетъ выдти путнаго изъ Виѳлеема? что̀ можетъ сказать истиннаго человѣкъ, который говоритъ такую-то и такую-то безсмыслицу? Это просто помѣшанный! О, суздалецъ! шапку долой передъ этимъ помѣшаннымъ, шапку передъ нимъ ты долженъ снять, потому что его свалила работа, до которой тебѣ какъ до звѣзды небесной далеко. Пусть суздальцы продѣлываютъ свою пляску скомороховъ, если безсонныя ночи и нерадостные дни мыслителя убиты съ начала до конца на проведеніе дикой идеи, нелѣпыхъ положеній. Но если въ работахъ мыслителя, помимо его заблужденій, бьетъ широкой струей свѣтлая истина и если суздальцы здѣсь начинаютъ свою сатурналію и, хватаясь за заблужденіе, задергиваютъ имъ весь рядъ работъ мыслителя, то да будетъ имъ стыдно. Да будетъ имъ стыдно особенно у насъ, въ Россіи, если они по легко-

мыслію или въ виду какихъ-либо стороннихъ цѣлей извращаютъ факты и, выставляя на показъ одну сторону дѣла, загораживаютъ дорогу другой сторонѣ.

Между западными мыслителями есть нѣсколько такихъ, которымъ судьба точно будто выдала патентъ на привиллегію служить мишенью для суздальскихъ упражненій. Къ нимъ принадлежитъ, напримѣръ, Фурье. Заговоривъ объ его теоріяхъ, суздалецъ непремѣнно сейчасъ же съѣдетъ на анти-китовъ и анти-львовъ, па превращеніе морской воды въ лимонадъ и проч. Но едва-ли кто привлекаетъ къ себѣ вниманіе суздальцевъ въ такой мѣрѣ, какъ Огюстъ Контъ. Кто только его не лягалъ и не лягаетъ! Я сказалъ выше, что любопытно бываетъ присутствовать при столкновеніи двухъ суздальцевъ разной масти. Но еще любопытнѣе, когда въ дѣло замѣшается третій суздалецъ; когда суздалецъ, указывая публикѣ на битву двухъ другихъ суздальцевъ, говоритъ: вотъ, милостивые государи, поучительная битва, изъ которой можно вывести весьма важныя заключенія. Изъ такого сраженія можно дѣйствительпо вывести многія любопытныя заключенія, но отнюдь не тѣ, которыя подразумѣваются рекомендующимъ суздальцемъ. Недавно русская публика имѣла случай присутствовать при подобной битвѣ суздальцевъ на страницахъ журнала «Космосъ», пріютившаго у себя полемику Гёксли и Конгрева о Контѣ и положительной философіи. Первымъ суздальцемъ является здѣсь — говорю это съ величайшимъ сожалѣніемъ — Гёксли, вторымъ—Конгревъ, третьимъ—редакція «Космоса». Дѣло происходило такъ. Гёксли въ одной своей публичной лекціи пренебрежительно отозвался о философіи Конта; англійскій позитивистъ Конгревъ поднялъ перчатку; Гёксли отвѣчалъ Конгреву, окончательно выругавъ Конта, а редакція «Космоса» помѣстила у себя эту полемику, снабдивъ ее своими примѣчаніями. Меня кто-то упрекнулъ въ печати за то, что я начинаю свои статьи съ мелочей. Фактъ, сознаюсь, указанъ вѣрно, но происходитъ онъ не вслѣдствіе излишней придирчивости, а просто потому, что пріятно смести съ дороги мелкій соръ и знать, что съ мелочами дѣло уже покончено. Начинаю и на этотъ разъ съ мелочей, именно съ примѣчаній редакціи.

Первое примѣчаніе гласитъ такъ: «Въ этой статьѣ англійскій естествоиспытатель высказываетъ свое мнѣніе о пресловутомъ позитивизмѣ вообще и о философіи О. Конта въ частности. Мы уже показали, впрочемъ только мимоходомъ, что мы невысоко ставимъ позитивизмъ Конта и его послѣдователей, вошедшій у насъ въ моду, вѣроятно вслѣдствіе невѣжественнаго незнакомства съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями. Предлагаемая статья можетъ служить подтвержденіемъ нашихъ взглядовъ на позитивизмъ, которые мы намѣрены были изложить въ особой статьѣ съ цѣлью опредѣлить истинный размѣръ, обыкновенно слишкомъ преувеличи-

ваемый, заслугъ и достоинствъ позитивизма. Авторитетъ Гёксли избавитъ насъ отъ необходимости быть слишкомъ подробными въ нашихъ разъясненіяхъ и доказательствахъ, что̀ было бы нужно въ виду нашихъ противниковъ, не очень разборчивыхъ на полемическіе пріемы, всегда уклоняющихся отъ сущности дѣла и могущихъ по обыкновенію объяснять наши сужденія о позитивизмѣ и Контѣ какими-нибудь несущественными мотивами, или же повести такую рѣчь, что «Контъ-де слишкомъ либераленъ, что мы не можемъ подробно и ясно изложить его либеральныхъ заслугъ и радикальныхъ взглядовъ (изложить *что?* или *чего?*), поэтому принуждены бываемъ не договаривать, ставить точки; отчего наши статьи и кажутся слишкомъ вздорными и невѣжественными, а на дѣлѣ онѣ очень либеральны». Авось либо имя Гёксли остановитъ это нахальство либеральничающихъ невѣждъ, желающихъ прикрываться пустыми и пошлыми словоизверженіями».

Авторитетъ Гёксли дѣйствительно авторитетъ очень почтенный. Но, вопервыхъ, авторитетъ авторитетомъ, а взвѣшивать то, что̀ онъ говоритъ, все-таки не мѣшаетъ. Я постараюсь это сдѣлать ниже, не ставя никакихъ точекъ и не уклоняясь отъ сущности дѣла. Вовторыхъ, авторитету Гёксли, столь презрительно, какъ увидимъ, отзывающагося о Контѣ, можно противопоставить авторитеты не менѣе солидные. Напримѣръ:

«Одинъ современный писатель, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто либо, для возвышенія научнаго уровня исторіи, презрительно отзывается о ней въ слѣдующихъ словахъ: «L'incohérante compilation de faits déjà improprement qualifiée *d'histoire*». *Comte, Philosophie positive,* vol. V, p. 18. Въ методѣ и выводахъ этого великаго творенія есть многое, съ чѣмъ я не могу согласиться, но было бы несправедливо отрицать его необыкновенныя достоинства» (Бокль: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», изд. Тиблена. I, 4).

«Но никто изъ названныхъ писателей не взглянулъ такъ философически на этотъ законъ (законъ опредѣленныхъ пропорцій въ химіи), какъ Контъ, «Philosophie positive», vol. III, pp. 133—176. Это одна изъ лучшихъ главъ его глубокаго, но плохо понятаго сочиненія» (id. 44).

«Этотъ замѣчательный отрывокъ Смита едва-ли много читается въ настоящее время; но его очень хвалитъ одинъ изъ величайшихъ философовъ нашего времени, Контъ, «Phil. pos.», vol. VI, p. 319. (Id. 183).

Контъ, въ своемъ «Курсѣ положительной философіи», «ясно, полно и удобопонятно изложилъ и отчасти создалъ то, что̀ назвалъ положительной философіей» (Милль, О. Контъ и позитивизмъ, 7).

«Въ виду этого онъ предпринялъ ту изумительную систематизацію философіи всѣхъ предшествующихъ наукъ отъ математики до физіологіи, систематизацію, которая одна, еслибы

онъ не сдѣлалъ ничего другаго, поставила бы его, во мнѣніи людей понимающихъ, въ число главныхъ мыслителей вѣка... Касательно первыхъ пяти основныхъ наукъ своего ряда, Контъ достигъ предположенной цѣли съ успѣхомъ, которому едва-ли можно достаточно надивиться. Даже менѣе изумительную часть его общаго обозрѣнія — томъ о химіи и біологіи, который уже тогда стоялъ ниже дѣйствительнаго состоянія этихъ наукъ и находится далеко позади нынѣшняго положенія ихъ — даже этотъ томъ намъ никогда не случалось открывать безъ того, чтобы не почувствовать каждый разъ всей обширности умозрѣній, заключенныхъ въ немъ, и не убѣдиться, что путь поставить эти науки на совершенно-раціональную ногу, далеко еще не вполнѣ усвоенный большинствомъ занимающихся разработкою ихъ, нигдѣ такъ успѣшно не былъ указанъ (id. 49, 50).

«Въ своемъ «Cours de philosophie positive» Огюстъ Контъ сдѣлалъ для XIX столѣтія то же, что Бэконъ сдѣлалъ для XVII: онъ выразилъ въ этомъ великомъ твореніи всѣ прогрессивныя стремленія предыдущихъ вѣковъ». (Льюисъ: «Исторія философіи», 804).

«Cours de philosophie positive» представляетъ намъ величайшую философскую систему, какая когда-либо существовала, такъ-какъ эта система есть самая вѣрная изъ всѣхъ; нѣкоторыя неизбѣжныя несовершенства въ подробностяхъ не заставятъ насъ забыть совершенства цѣлаго и мы должны быть признательны великому мыслителю, выработавшему эту систему» (id., 814).

Самъ Спенсеръ, наконецъ, къ которому Гёксли относится съ такимъ уваженіемъ и который такъ некрасиво придирчиво относится къ Конту, долженъ сознаться, что Контъ «представилъ общее изложеніе воззрѣній и метода, выработаннаго наукой» («О причинахъ разногласія съ Контомъ», 37); что «вмѣсто смутной и неопредѣленной идеи Контъ далъ міру идею опредѣленную и въ высокой степени выработанную; что въ развитіи этой концепціи онъ выказалъ замѣчательную широту воззрѣній, много оригинальности, громадную плодовитость мышленія, необычайную силу обобщенія» (39). «Вѣрная или ошибочная — говоритъ тотъ же Спенсеръ — но система Конта породила въ цѣломъ несомнѣнно важные и благотворные перевороты въ мышленіи многихъ умовъ и породитъ такіе же результаты въ еще большемъ числѣ умовъ. Не менѣе несомнѣнно и то, что не малое число мыслителей, уклоняющихся отъ общихъ воззрѣній Конта, было горячо возбуждаемо его соображеніями. Цѣлостное представленіе научнаго знанія и метода— вѣрно ли оно было построено или ошибочно—не могло не расширить въ значительной степени пониманія многихъ читателей. Контъ имѣлъ еще ту особенную заслугу, что онъ освоилъ людей съ идеей соціальной науки, основанной на другихъ наукахъ. Я убѣжденъ, что помимо этихъ благотворныхъ резуль-

татовъ общаго характера и силы философіи Конта, на страницахъ его труда разсѣяно множество широкихъ идей, которыя цѣнны не только какъ стимулы мысли, но и по дѣйствительной своей истинѣ» (64).

Такъ говорятъ о Контѣ первоклассные европейскіе мыслители, относящіеся къ нему совершенно независимо. Я нарочно не цитировалъ ни одного изъ людей, признающихъ себя учениками Конта, хотя и между ними, напримѣръ, Литтре самъ представляетъ авторитетъ почтенный, тѣмъ болѣе, что, признавая себя открыто ученикомъ Конта, онъ относится къ своему учителю не посуздальски, не такъ, какъ, напримѣръ, Конгревъ. Правда, Гёксли нашелъ въ философіи Конта «весьма мало и даже рѣшительно ничего такого, что имѣло бы какую-нибудь научную цѣнность, и взамѣнъ того нашелъ много особенностей, столь же противныхъ самой сущности науки, какъ и все, что есть противонаучнаго въ католическомъ ультрамонтанствѣ». Правда, Гёксли есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ ученыхъ и, въ качествѣ таковаго, заслуживаетъ полнаго уваженія. Но сомнѣваюсь, чтобы кто-либо поставилъ его даже рядомъ съ цитированными выше людьми по силѣ мысли, за исключеніемъ развѣ Льюиса, да и тотъ въ дѣлѣ философіи имѣетъ больше правъ быть выслушаннымъ. Во всякомъ случаѣ, если Милль, Бокль, Льюисъ, да и Спенсеръ могутъ быть зачислены въ штатъ «либеральничающихъ невѣждъ» и уличены въ «невѣжественномъ незнакомствѣ съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями», то я право предпочитаю лучше остаться съ ними, чѣмъ идти на суздальскія пиршества ученой и нелиберальничающей редакціи «Космоса». Если имѣть въ виду авторитеты, и если Бокль и Милль, при всей своей независимости по отношенію къ Конту, и Спенсеръ, при всей своей придирчивости, находятъ, что вопросъ о зависимости общественной науки отъ наукъ низшихъ Контомъ въ общемъ поставленъ и разрѣшенъ правильно; и если тутъ же, рядомъ, напримѣръ, г. Жуковскій заявляетъ, что Контъ «высказывалъ довольно дѣтскія мысли насчетъ сближенія нравственнаго знанія съ точными пріемами изслѣдованія» (см. статью «Рикардо и его теорія цѣнности» во 2-мъ № «Космоса»), то, при всемъ уваженіи къ авторитету г. Жуковскаго, я осмѣливаюсь склоняться на сторону авторитетовъ Бокля, Милля и Спенсера. Надо замѣтить, что Гёксли и самъ ссылается на авторитеты. Такъ онъ ссылается на Милля, и мы увидимъ, что онъ дѣлаетъ это недобросовѣстно; на Спенсера, и мы увидимъ, что оба они впадаютъ въ одну и ту же ошибку; наконецъ, на Уэвеля. Относительно послѣдняго я припоминаю положительное заявленіе Милля (въ «Логикѣ»), что Уэвель не понялъ Конта ни на волосъ. Одинъ изъ соредакторовъ «Космоса», г. Антоновичъ, въ предисловіи къ своему переводу «Исторіи индуктивныхъ наукъ» Уэвеля, считаетъ его мыслителемъ неваж-

нымъ. Поэтому, подстрекаемый авторитетами Милля и г. Антоновича, я долженъ признать авторитетъ Гёксли, отчасти опирающійся на авторитетъ Уэвеля, довольно сомнительнымъ. Прошу г. Антоновича извинить мнѣ разговоръ о его переводѣ «Исторіи индуктивныхъ наукъ». Я знаю, что онъ долженъ ему напомнить то печальное время, когда онъ, г. Антоновичъ, еще не имѣлъ права разсылать во всѣ стороны эпитеты «невѣжественный», «полупросвѣщенный», «портящій дурнымъ переводомъ хорошія книги», и проч. Нынѣ г. Антоновичъ это право имѣетъ...

Вступительное примѣчаніе редакціи насчетъ авторитета есть единственное, достойное нѣкотораго вниманія. Я противопоставилъ авторитету Гёксли другіе авторитеты, разсмотрю ниже возраженія Гёксли, но къ примѣчаніямъ редакціи «Космоса» болѣе уже не возвращусь, развѣ какъ-нибудь мимоходомъ. Для характеристики ихъ рекомендую читателямъ вставить соотвѣтственныя имена въ слѣдующій отзывъ, сдѣланный когда-то одною изъ нашихъ газетъ о московской этнографической выставкѣ: «Какой характеръ имѣлъ первый славянскій съѣздъ въ Россіи? какія были его цѣли... и результаты? характеръ былъ восклицательный—больше изъ междометій; цѣли разныя, препинательныя: кому хотѣлось политики, кому языка, а кому просто духа; результаты, наконецъ, пока очень вопросительные, а общее впечатлѣніе—недоумѣніе». Примѣчанія эти кропаются по такому рецепту: берется фраза противника и между различными частями ея предложеній вставляются *оскобленныя* (поставленныя въ скобкахъ) энергическія, восклицательно-препинательнаго свойства *слова*, *слова*, *слова*, какъ говоритъ Гамлетъ Полонію. Напримѣръ, одна изъ моихъ вышенаписанныхъ фразъ можетъ получить отъ почтенной редакціи «Космоса» такую обработку: «Во всякомъ случаѣ (*ужь будто и во всякомъ?!*), если Милль, Бокль, Льюисъ, да и Спенсеръ могутъ быть зачислены (*нѣтъ, это вы можете быть зачислены, а не они*) въ штатъ «либеральничающихъ невѣждъ» (*вздоръ и ложь!*) и уличаемы въ «невѣжественномъ незнакомствѣ съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями» (*какое низкое предположеніе!*), то я право предпочитаю лучше остаться съ ними, чѣмъ идти на суздальскія пиршества ученой и нелиберальничающей редакціи «Космоса» (*никто васъ и не приглашаетъ*). Манера эта, сильно напоминающая критическіе пріемы гг. Антоновича и Посторонняго Сатирика въ «Современникѣ», есть, надо правду сказать, манера довольно плохая и довольно бездоказательная, а потому отъ обзора примѣчаній редакціи «Космоса» къ полемикѣ Конгрева и Гёксли я себя считаю вправѣ уволить.

Одинъ мой знакомый говоритъ, что отвѣтъ Гёксли Конгреву написанъ будто съ просонокъ. Я нахожу это замѣчаніе очень вѣрнымъ и характернымъ. Статья написана именно будто въ

томъ состояніи, когда человѣкъ только-что проснулся, неясно различаетъ окружающіе предметы и не можетъ себѣ дать яснаго отчета, что̀ собственно онъ видѣлъ во снѣ и что̀ существуетъ въ дѣйствительности. Еслибы такую статью написалъ кто-нибудь другой, напримѣръ, кто-нибудь изъ почтенныхъ редакторовъ «Космоса», то никто не обратилъ бы на нее большаго вниманія, и всякій только пожалъ бы плечами и улыбнулся. Но такъ-какъ подъ статьей стоитъ уважаемое имя Гёксли, то нѣтъ сомнѣнія, что она задѣнетъ за живое и не такихъ людей, какъ Конгревъ. По всей вѣроятности, она вызоветъ, можетъ быть даже уже вызвала, солидныя возраженія и преимущественно въ англійской печати. До сихъ поръ мнѣ удалось видѣть только одно возраженіе Гёксли въ видѣ короткой замѣтки, напечатанной въ журналѣ «La philosophie positive» (septembre-octobre 1869) и подписанной Г. В. (G. W.). Я приведу здѣсь эту замѣтку, не потому, чтобы придавалъ ей какое-нибудь особенное значеніе—ни ссылаться, ни вообще какъ-нибудь опереться на нее я не имѣю намѣренія, а просто потому, что полемика Гёксли и Конгрева у русской публики передъ глазами, быть можетъ ею многіе заинтересовались, и слѣдовательно лишній документъ здѣсь не помѣшаетъ. Вотъ эта замѣтка:

«Въ рѣчи о «физическомъ основаніи жизни», читанной гг. Гёксли въ Эдимбургѣ и переведенной въ «Revue des cours scientifiques» (17-го іюля 1869), я не безъ удивленія встрѣтилъ слѣдующее мѣсто: «Изучая характеристическія черты положительной философіи, я нашелъ въ ней очень мало и могу даже сказать ничего такого, что̀ имѣло бы хоть какую-нибудь научную цѣнность, и, наоборотъ, нашелъ много такихъ особенностей, которыя въ такой же мѣрѣ противны самому существу науки, какъ и все, что̀ есть противонаучнаго въ ультрамонтанскомъ католичествѣ». Признаюсь, мнѣніе это показалось мнѣ до такой степени плоскимъ, хотя оно и высказано человѣкомъ, пользующимся въ своей спеціальности справедливымъ уваженіемъ, что я большаго значенія ему не придалъ; я думалъ, что это одна изъ тѣхъ бутадъ, какія часто проскакиваютъ у ученыхъ, когда они начинаютъ говорить о вещахъ, имъ незнакомыхъ. Но г. Гёксли счелъ нужнымъ распространиться о своихъ взглядахъ въ любопытной статьѣ, напечатанной въ «Fortnightly Review» (1-го іюня 1869 г.), гдѣ онъ приходитъ къ заключенію, что позитивная философія есть не болѣе, какъ сплетеніе противорѣчій и нелѣпостей. Конечно, всякій вправѣ высказывать свои мнѣнія о той или другой философской доктринѣ; но, чтобы не попасть въ комическое положеніе, надо по крайней мѣрѣ имѣть обстоятельное понятіе о предметѣ, подлежащемъ сужденію. Г. же Гёксли, повидимому, не особенно близко знакомъ не только съ позитивной философіей, но и съ философіей вообще; скажу болѣе—онъ не знаетъ, что̀ такое *философія*. Прошу извиненія у г. Гёксли, но я и себѣ оставляю свободу

мнѣнія и, какъ и онъ, я постараюсь доказать утверждаемое мною цитатами изъ его рѣчи и изъ его статьи. Я заимствую у него даже ту форму аргументаціи, которую онъ употребляетъ, критикуя позитивизмъ.

«I. *Я говорю, что г. Гёксли не знаетъ, что̀ такое философія.* Прежде всего я замѣчу, что въ обѣихъ лежащихъ передо мною статьяхъ онъ ни разу ясно не говоритъ, что̀ онъ разумѣетъ подъ философіей; а между тѣмъ это было бы очень важно. Приходится искать опредѣленія философіи въ изложеніи его философскихъ идей, что̀ представляетъ большія затрудненія. То изъ его словъ слѣдуетъ заключить, что философія есть, по его мнѣнію, «*духъ* новой науки»; то эта же самая новая философія обращается въ «оцѣнку границъ физическаго изслѣдованія»; то, наконецъ, задача философіи сводится къ изученію фактовъ и ихъ законовъ. Я не буду говорить о томъ, на сколько эти странныя опредѣленія другъ другу противорѣчатъ; но мнѣ важно показать, что ни одно изъ нихъ не можетъ служить опредѣленіемъ *философіи*. Въ самомъ дѣлѣ, г. Гёксли, говоря о философіи, думаетъ только о наукѣ. Но наука не всегда же существовала. Не относятся ли къ философіи политеизмъ, католицизмъ и всѣ другія системы вѣрованій, ничего не заимствовавшія у науки? Не относятся ли къ философіи многочисленныя метафизическія школы, которыя такъ долго царили на землѣ? Я понимаю, что объ этихъ теоріяхъ можно отозваться какъ о плохой философіи, но я не понимаю, какъ можно давать философіи такое опредѣленіе, которое исключаетъ все, сдѣланное прошедшими вѣками. До тѣхъ поръ, пока г. Гёксли не выразитъ намъ своихъ мнѣній объ этомъ предметѣ болѣе обстоятельно, я считаю себя вправѣ говорить, что онъ не знаетъ, что̀ такое философія.

«II. *Я говорю, что онъ незнакомъ съ исторіей философіи вообще.* Да и какое же тутъ знакомство, когда онъ не чувствуетъ надобности въ опредѣленіи области философіи? Но, кромѣ этого отрицательнаго доказательства, у меня есть и положительныя. Онъ на каждомъ шагу толкуетъ о *новой философіи*, которую проситъ не смѣшивать съ философіей Конта и которую приписываетъ Юму. Но Юмъ, писавшій въ XVIII вѣкѣ, есть философъ не особенно *новый*, и неужели 80 лѣтъ послѣ смерти шотландскаго скептика прошли совершенно безслѣдно? Г. Гёксли объ этомъ не подумалъ. Ему просто надо было противопоставить авторитету Конта другой авторитетъ; онъ взялъ Юма, который былъ у него подъ рукой. Это, конечно, проще и удобнѣе, чѣмъ изучать всю массу новыхъ идей, принесенныхъ XIX вѣкомъ, но простые и удобные пріемы въ философіи не всегда наилучшіе. Оцѣнилъ ли по крайней мѣрѣ г. Гёксли настоящею цѣною характеръ философіи Юма, великаго мыслителя, котораго онъ является панегиристомъ и котораго и я глубоко уважаю? Вотъ отрывокъ изъ рѣчи одного англійскаго епископа, который

г. Гёксли считаетъ выраженіемъ духа *новой* философіи: «Всякая наука основывается на изученіи фактовъ, наблюденныхъ чувствами. Преданія старыхъ философій помрачили нашъ опытъ, примѣшавъ къ нему много вещей, находящихся внѣ чувственнаго воспріятія; и наша наука останется несовершенною, пока окончательно не исчезнутъ эти примѣси. Метафизика, напримѣръ, говоритъ намъ, что такой-то наблюденный фактъ есть причина, а такой-то — дѣйствіе этой причины; но строгій анализъ показываетъ, что чувства наши не наблюдаютъ ни причинъ, ни дѣйствій: они свидѣтельствуютъ, что такой-то фактъ слѣдуетъ за другимъ фактомъ, и послѣ извѣстнаго числа опытовъ они убѣждаются, что второй фактъ непремѣнно слѣдуетъ за первымъ; слѣдовательно понятіе причины и дѣйствія мы должны замѣнить понятіемъ неизмѣнной послѣдовательности. Старая философія учитъ насъ опредѣлять предметъ различеніемъ его существенныхъ свойствъ отъ свойствъ случайныхъ; но опытъ не знаетъ ни существеннаго, ни случайнаго; онъ видитъ только, что извѣстные признаки принадлежатъ предмету и, послѣ извѣстнаго числа наблюденій, свидѣтельствуетъ, что одни изъ этихъ признаковъ всегда бываютъ въ предметѣ, тогда какъ другіе могутъ иногда и отсутствовать... Такъ-какъ всякое знаніе относительно, то понятіе о необходимости должно быть изгнано вмѣстѣ со всѣми другими преданіями». Какъ! Такъ вы это-то называете новой философіей? эти общія мѣста, давно извѣстныя, непринадлежащія даже и Юму, потому что въ XVIII вѣкѣ ихъ можно было встрѣтить вездѣ, и въ настоящее время отрицаемыя только какою-нибудь горстью отсталыхъ метафизиковъ? Но если новая философія характеризуется только этимъ, то гдѣ же разница между новѣйшимъ пантеизмомъ Фейербаха, матеріализмомъ, детерминизмомъ, позитивизмомъ? Тѣнь Давида Юма, которая, по мнѣнію г. Гёксли, должна содрогнуться при видѣ забвенія его заслугъ въ философіи, едва-ли можетъ себя чувствовать польщенною такимъ панегирикомъ. Юмъ сдѣлалъ больше, а главное нѣчто лучшее, и, еслибы онъ очутился среди насъ, онъ, безъ сомнѣнія, весьма изумился бы тому, что послѣ ста лѣтъ изученія и прогресса, столь общія и ходячія идеи торжественно украшаются именемъ новой философіи. Но допустимъ на мгновеніе, что въ этомъ дѣйствительно состоитъ истинная философская система и что Юмъ открылъ ее, какъ Колумбъ Америку, хотя не трудно было бы показать, что она открыта уже Галилеемъ и во всякомъ случаѣ была защищаема Тюрго, Кантомъ, Дидро, Кондорсе по крайней мѣрѣ такъ же хорошо, какъ и Юмомъ. Но должны ли опыты шотландскаго философа считаться неподвижнымъ и непогрѣшимымъ евангеліемъ и не прибавили ли къ нему чего-нибудь работы нашего вѣка? Должно ли вычеркнуть труды Сенъ-Симона, Бэна, Милля, я не упоминаю о Контѣ, потому что г. Гёксли утверждаетъ, что онъ не сдѣлалъ ничего новаго. Это весьма странное смѣшеніе неваж-

ныхъ общихъ идей съ вопросами о методѣ, составляющими настоящую область философіи. Въ виду такого совершеннаго незнакомства съ исторіей философіи, въ виду этого записыванія въ счетъ Юму такихъ вещей, которыхъ не чуждъ и Аристотель, не имѣю ли я права сказать, что г. Гёксли взялся не за свое дѣло?

«III. Отсюда уже очевидно, что г. Гёксли не въ состояніи оцѣнить роли положительной философіи. А потому и критика его ограничивается пріискиваніемъ въ шести толстыхъ томахъ курса Конта противорѣчій и частныхъ ошибокъ. Извѣстно, что критиковать философское сочиненіе и находить въ немъ противорѣчія очень легко, когда въ ходъ пускается пріемъ, который столь часто употребляется г. Дюпанлу въ его многочисленныхъ брошюрахъ и который состоитъ въ выдергиваніи отдѣльныхъ фразъ и пришиваніи ихъ одна къ другой. Но даже и въ этомъ столь легкомъ дѣлѣ г. Гёксли не обнаружилъ особеннаго искусства. Вотъ примѣръ. Онъ говоритъ, что достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ физикой, чтобы видѣть, какъ скудны были знанія Конта и неудачны его оцѣнки; и въ доказательство онъ приводитъ, между прочимъ, его нападки на Юнга и Френеля за ихъ гипотезу эфира, составляющую «основаніе новѣйшей физики». Но въ рѣчи его я нахожу слѣдующее мѣсто: «Если существуетъ физическая необходимость, то она состоитъ въ томъ, что камень, предоставленный самому себѣ, падаетъ на землю. Но что̀ въ сущности мы знаемъ и что̀ *можемъ* знать объ этомъ послѣднемъ явленіи? Только то, что, по всеобщему человѣческому опыту, камни, поставленные въ извѣстныя условія, всегда падали на землю». Такимъ образомъ гипотеза тяготѣнія должна быть исключена, «какъ фантомъ, порожденный нашимъ собственнымъ воображеніемъ», а совершенно аналогичная гипотеза, объясняющая явленія свѣта, должна служить «основаніемъ новѣйшей физикѣ»! Можетъ ли далѣе этого простираться презрѣніе къ логикѣ и къ здравому смыслу? Такъ-какъ г. Гёксли заводитъ здѣсь рѣчь о физическихъ наукахъ и приглашаетъ всѣхъ математиковъ, физиковъ и проч. согласиться съ нимъ, что книга Конта не имѣетъ никакого значенія, то да позволено мнѣ будетъ сослаться на авторитетъ, котораго онъ, безъ сомнѣнія, отрицать не станетъ. «Намъ хотѣлось бы—говоритъ Брьюстеръ въ давно уже извѣстномъ трудѣ (Edimb. Review. 1838)—представить читателю нѣсколько образцовъ того способа, который г. Контъ употребляетъ для обработки этихъ трудныхъ и представляющихъ глубокій интересъ вопросовъ, его простого, но сильнаго краснорѣчія, его высокой умственной силы, его исторической точности, безпристрастія его оцѣнокъ, полнаго отсутствія личныхъ и національныхъ предразсудковъ. Читатель на каждомъ шагу чувствуетъ, что по лабиринту астрономическихъ открытій его ведетъ проводникъ надежный и искусный, самъ коротко знакомый со всѣми труднѣйшими мѣстами этого лаби-

ринта. Философъ, состарѣвшійся на службѣ наукѣ, не можетъ желать имѣть лучшаго историка и цѣнителя». Я думаю, что въ физическихъ наукахъ авторитетъ Брьюстера стоитъ по крайней мѣрѣ не ниже авторитета Гёксли.

«Я не буду возражать на замѣчанія г. Гёксли о Контовомъ законѣ трехъ фазисовъ и о его классификаціи наукъ, потому что замѣчанія эти и не новы, и основаны на соображеніяхъ, въ высшей степени поверхностныхъ. Притомъ-же цѣль моя состоитъ не столько въ защитѣ позитивной философіи отъ нападокъ англійскаго профессора, сколько въ указаніи, какъ мало онъ знакомъ съ предметомъ, о которомъ говоритъ. Истинная оригинальность философіи Конта заключается не столько въ *доктринѣ*, сколько въ *методѣ*; новость ея главнѣйше заключается въ доказательствѣ того великаго факта, составляющаго главный пунктъ новой философіи, что положительный методъ приложимъ къ соціальнымъ явленіямъ наравнѣ со всѣми другими естественными явленіями. Ничего этого г. Гёксли не видѣлъ и не понялъ. Онъ не замѣтилъ, что Контъ былъ бы невозможенъ безъ трудовъ его непосредственныхъ предшественниковъ, между которыми естественно находится и Давидъ Юмъ. Онъ не понялъ, что величіе Юма только укрѣпляется такою философіею, которая позволяетъ безпристрастно отнестись къ исторіи человѣческой мысли.

«При видѣ первоклассныхъ ученыхъ, которымъ вдругъ приходитъ въ голову приняться за рѣшеніе вопросовъ, отъ которыхъ ихъ спеціальныя занятія всегда держали ихъ въ отдаленіи, я всегда спрашиваю себя: какой злой духъ толкнулъ ихъ на эту дорогу; какой злой духъ толкнулъ ихъ изъ области, гдѣ они трудятся такъ блистательно, въ такую, гдѣ ихъ труды не могутъ подняться даже до уровня посредственности. Этотъ же вопросъ я задалъ себѣ и по прочтеніи двухъ статей г. Гёксли».

Нѣкоторыя обстоятельства побуждаютъ насъ нѣсколько дополнить приведенный въ этой замѣткѣ отзывъ Брьюстера о Контѣ. Брьюстеръ не только хвалилъ Конта, а и порицалъ его труды. Такъ въ той же статьѣ онъ говоритъ, напримѣръ: «установивъ физическія науки въ слѣдующемъ порядкѣ: барологія, термологія, акустика, оптика и электрологія, авторъ нашъ, въ отдѣльныхъ лекціяхъ, обращается къ выясненію общей идеи каждой изъ этихъ отраслей. Лекціи эти запечатлѣны тою-же солидностію, какъ и весь трудъ, и содержатъ весьма поучительныя и цѣнныя разсужденія. Мы должны однако сознаться, что лекція объ оптикѣ насъ совершенно не удовлетворила. Это сухой экстрактъ изъ прошедшей и настоящей исторіи науки. Авторъ бѣгло, поверхностно и недостаточно справедливо относится къ блестящимъ открытіямъ своихъ соотечественниковъ (Малю, Араго, Біо и Френеля). Хотя и здѣсь встрѣчаются указанія вѣрныя, однако мы должны признать,

*

что авторъ недостаточно знакомъ съ новѣйшими пріобрѣтеніями оптики, и это видно изъ его частыхъ нападокъ на теорію волненія, въ которой онъ видитъ фантастическую идею, способную задержать дальнѣйшее развитіе науки. Эта важная ошибка, которую мы не ожидали встрѣтить у такого сильнаго мыслителя, зависитъ отъ двухъ причинъ: одна заключается въ томъ, что авторъ не признаетъ научными гипотезы, относящіяся къ способу возникновенія явленій; другая причина та, что авторъ незнакомъ съ важностію, которою обладаетъ въ настоящее время теорія волненія въ дѣлѣ предвидѣнія и объясненія явленій. Хотя теорія волненія и принимаетъ *эфиръ*, невидимый, невѣсомый, присущій всѣмъ тѣламъ и простирающійся отъ нашего глаза до послѣднихъ предѣловъ звѣзднаго неба, но тѣмъ не менѣе, насколько она объясняетъ весьма сложныя и необъяснимыя инымъ образомъ явленія, поскольку она способствуетъ предвидѣнію весьма важныхъ фактовъ, теорія волненія должна заключать въ себѣ, хотя бы она и была ложна какъ физическая теорія, нѣчто дѣйствительно соотвѣтствующее истинной причинѣ свѣта. Въ этихъ границахъ, теорія волненія заслуживаетъ быть принятою въ качествѣ драгоцѣннаго орудія и замѣчательной и плодотворной философской концепціи». Г. Г. В. не привелъ этой части отзыва Брьюстера вѣроятно просто потому, что она ему не была нужна и могла бы отвлечь его въ сторону частнаго вопроса объ отношеніи Конта къ гипотезѣ эфира. Я-же привожу ее въ предупрежденіе какихъ-либо суздальскихъ уличеній и толкованій и оберегаю при этомъ не себя — потому что не причисляю себя ни къ одной изъ фракцій позитивистовъ, — а самихъ-же позитивистовъ: эта часть отзыва заимствована мною изъ книги «Auguste Comte et la philosophie positive» позитивиста Литтре, одного изъ редакторовъ того самаго журнала «La philosophie positive», въ которомъ напечатана замѣтка г. Г. В. Значитъ, на этомъ по крайней мѣрѣ пунктѣ, позитивисты уличенію въ передержкахъ не подлежатъ.

Читатель замѣтилъ, можетъ быть, одну любопытную особенность въ статьѣ г. Г. В.: въ ней ни разу не упоминается имя Конгрева. Гексли полемизируетъ съ Конгревомъ, позитивистомъ, ученикомъ Конта, и журналъ, спеціально посвященный распространенію и развитію идей Конта, относится къ полемикѣ о Контѣ такъ, какъ будто бы въ ней и не принималъ никакого участія Конгревъ, товарищъ и единомышленникъ. Дѣло въ томъ, что Конгревъ и журналъ «La philosophie positive», хотя и ученики Конта, но вовсе не товарищи и не единомышленники. Мало того, если «La philosophie positive» на своихъ страницахъ никогда не допускаетъ ни полемики, ни даже упоминанія о единомышленникахъ Конгрева, то единомышленники эти напротивъ относятся къ сотрудникамъ позитивистскаго журнала крайне враждебно и о розни своей съ ними напоми-

наютъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Разъясненіе этого обстоятельства для нашей цѣли, т.-е. для оцѣнки критики позитивизма Гёксли, весьма важно. Кстати, мы опредѣлимъ, по возможности ясно, и свои собственныя отношенія къ Конту.

Дѣятельность Конта относится къ первой половинѣ нашего вѣка: родился онъ въ 1798 году, умеръ въ 1857; первое сочиненіе его «Plan des travaux nécessaires pour reorganiser la société» напечатано въ 1822 году, послѣднее «Synthèse subjective ou Système Universel des Conceptions propre á l'Etat Normal de l'Humanité»—въ 1856 году. Въ то время, когда началась и ясно обозначилась философская карьера Конта, Европа въ умственномъ отношеніи представляла въ высшей степени пеструю, разношерстную картину. Слабые остатки философіи XVIII вѣка и католическая реакція де-Местра и Бональда; положительная наука и Священный Союзъ; доктринеры и нѣмецкіе «Sturm und Drang Periode»; Гегель и соціалисты; промышленность и Кузенъ съ братіею, — все это рвало на клочки умственныя силы, тянуло ихъ въ разныя стороны и мутило старую Европу, собиравшуюся отдохнуть послѣ великаго погрома революціи и имперіи. Надъ всею этою пестротой царила одна глубокая, коренная рознь, рознь практической дѣятельности и теоретической, жизни и науки. Разразилась іюльская революція. Одинъ изъ друзей Гёте бѣжитъ къ великому поэту поговорить объ этомъ вопросѣ дня. Поэтъ-натуралистъ встрѣчаетъ его словами: «Ну, что̀ вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Изверженіе волкана произошло; все въ огнѣ, и теперь ужъ не можетъ быть рѣчи о сдѣлкахъ». Разговоръ продолжается въ томъ же тонѣ, но черезъ нѣсколько минутъ оказывается, что Гёте говоритъ не объ «этихъ людяхъ», а о знаменитомъ спорѣ между Кювье и Жоффруа де-Сентъ-Иллеромъ, происходившемъ во французской академіи, по вопросу объ измѣняемости видовъ, за нѣсколько дней до революціи.—Гегель доказываетъ, что все истинное въ идеѣ истинно и объективно. На это Кантъ замѣтилъ, что не все равно *имѣть* тысячу долларовъ или *думать*, что имѣешь ихъ. Гегель презрительно отвѣтилъ насчетъ долларовъ, что «daran ist philosophich nichts zu erkennen». Развивая свое знаменитое положеніе, что бытіе и небытіе тождественны, тотъ же Гегель задаетъ себѣ вопросъ: все ли равно, что мой домъ существуетъ и не существуетъ, что существуетъ воздухъ и не существуетъ и т. п.? И отвѣчаетъ такъ: «Въ этихъ примѣрахъ подразумѣваются частныя цѣли, напримѣръ, полезность, и на основаніи этихъ частныхъ цѣлей спрашивается: все ли мнѣ равно, существуютъ ли извѣстныя полезныя вещи или нѣтъ? Но философія есть именно такое ученіе, которое должно освободить человѣка отъ безчисленнаго множества конечныхъ стремленій и цѣлей, и сдѣлать его на столько равнодушнымъ къ нимъ, что для него дѣйствительно должно быть все равно, существуютъ

эти вещи или нѣтъ». — И нетолько съ практическою жизнью такъ рѣзко и безповоротно разошлась тогдашняя философія. Она и науки знать не хотѣла и въ лицѣ Шеллинга и Гегеля апплодировала Гётеву возстанію противъ Ньютоновой теоріи цвѣтовъ. А Гёте, въ подтвержденіе своихъ доводовъ, аргументировалъ, между прочимъ, такимъ образомъ: «Какъ-будто что-нибудь существуетъ только тогда, когда это можно доказать математически. Глупо было бы, еслибы кто-нибудь не вѣрилъ любви своей возлюбленной, потому что она не можетъ доказать ее по математикѣ». Поэзія, въ свою очередь, обращалась съ такими репримандами, напримѣръ, въ лицѣ Шиллера къ астрономіи:

Schwatzet mir nicht soviel von Nebelflacken und Sonnen!
Ist die Natur nur gross, weil sie zu zählen euch gibt?
Euer Gegenstand ist der erhabenste freilich im Raume;
Aber, Freunde, im Raum wohnt das Erhabene nicht!

Въ сферѣ практическихъ вопросовъ шла та же всесторонняя грызня, хотя время это можетъ быть названо временемъ единовременнаго существованія, въ политикѣ, въ наукѣ, въ философіи, молочныхъ зубовъ и гнилыхъ зубовъ мудрости. Одни элементы, какъ католицизмъ де-Местра, нѣмецкая метафизика, доживая свои послѣдніе дни, напрягали всѣ силы и достигали предсмертно колоссальнаго развитія. Другіе, какъ соціализмъ, только прорѣзывались и принимали колоссальные размѣры по своей молодости, не заботясь о томъ, что въ нихъ можетъ быть подрублено положительною наукою и практическою жизнью.

Контъ былъ пораженъ этой умственною анархіею. Я не говорю, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе именно на приведенные мною примѣры разладицы, случайно взятые изъ умственной жизни Германіи — съ этою жизнью Контъ былъ знакомъ весьма мало и то изъ вторыхъ рукъ. Но разладица носилась въ воздухѣ и такъ или иначе сказывалась вездѣ. Такая ужь историческая станція была, станція на пути отъ 1789 къ 1848 и дальнѣйшимъ годамъ. Люди, расходившіеся въ своихъ теоретическихъ посылкахъ, приходили къ приблизительно одинаковымъ практическимъ результатамъ; люди, согласные въ исходномъ принципѣ, расходились на практикѣ. Въ историческую колесницу Европы впряглись лебедь, щука и ракъ. Въ области спеціально политическихъ вопросовъ свободно мыслящіе люди распадались на двѣ группы, какъ ихъ тогда называли, «критическую» и «органическую». Первые хотѣли политическихъ реформъ, вторые—соціальныхъ. Контъ принадлежалъ сначала къ первымъ, но черезъ нѣсколько времени по выходѣ изъ политехнической школы онъ сблизился съ Сенъ-Симономъ, однимъ изъ главныхъ вожаковъ «органистовъ». Впослѣдствіи Контъ чуть не проклиналъ время своего сближенія съ Сенъ-Симономъ и утверждалъ, что этотъ эпизодъ изъ его жизни имѣлъ пагубное вліяніе на его развитіе. Это одна изъ тѣхъ

несправедливостей, какихъ такъ много говорилъ и дѣлалъ Контъ. Такъ-какъ въ полемикѣ Гёксли и Конгрева рѣчь идетъ и о нравственномъ характерѣ Конта, то можетъ быть не лишне будетъ замѣтить, что, какъ человѣкъ, Контъ былъ далеко ниже мыслителя. Не то, чтобы на его имени лежало какое нибудь крупное пятно, какое нибудь черное или преступное дѣло. Нѣтъ, съ нимъ въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой возможности сравнивать, напримѣръ, Бэкона. Напротивъ, всѣ нравственно неодобрительные поступки Конта запечатлѣны какою-то странною, почти ребяческою наивностью. Тѣмъ не менѣе мы должны съ большимъ сожалѣніемъ признать, что его нравственный уровень былъ несравненно ниже уровня его умственной силы. Какъ бы то ни было, года черезъ три Контъ совершенно разошелся съ Сенъ-Симономъ и въ дальнѣйшемъ развитіи его ученія, какъ при жизни, такъ и по смерти самого Сенъ-Симона, не только не принималъ никакого участія, но имѣлъ съ сенъ-симонистами нѣсколько очень враждебныхъ столкновеній. Съ этихъ поръ, Контъ весь отдался одной великой работѣ, отъ которой не отступалъ до самой своей смерти. Конечная цѣль его состояла въ реорганизаціи общества, цѣль, занимавшая его еще въ почти дѣтскомъ возрастѣ. Но, пройдя ступени вѣры въ дѣйствительность реформъ политическихъ и въ болѣе глубокія, но внѣ положительныхъ знаній стоящія реформы соціальныя, Контъ убѣдился наконецъ, что прочная и коренная реорганизація общества можетъ имѣть мѣсто только по установленіи строго-научнымъ путемъ законовъ общественныхъ явленій. Мысль о необходимости новаго общественнаго порядка, и притомъ порядка, основаннаго на безспорныхъ началахъ науки, развита Контомъ съ такою небывалою силою и обстоятельностью, что даже въ высшей степени враждебный и въ высшей степени несправедливый къ нему Гёксли принужденъ сказать: «Изъ изученія сочиненій Конта я вынесъ убѣжденіе, — за возбужденіе котораго я вѣчно ему буду благодаренъ, — что устройство общества на новыхъ и исключительно научныхъ началахъ есть не только практическое предпріятіе, но и единственный политическій предметъ, въ самомъ дѣлѣ заслуживающій нашихъ усилій и нашей борьбы» (Космосъ, № 5, стр. 78). Чрезъ всю дѣятельность Конта, не исключая и его позднѣйшихъ заблужденій, свѣтлою нитью проходитъ одна простая, но глубокая идея: необходимость такъ экономизировать силы природы и человѣка, чтобы трата ихъ вознаграждалась соотвѣтственною прибылью. Я не утверждаю, чтобы онъ гдѣ нибудь такимъ именно образомъ формулировалъ свою задачу, но присутствіе этой идеи для меня очевидно и въ его анализѣ трехъ методовъ мышленія, и въ его законѣ трехъ фазисовъ, и въ классификаціи наукъ, и въ постройкѣ философій отдѣльныхъ наукъ, и въ переходѣ къ утвержденію необходимости субъективнаго метода въ общественной наукѣ, во множествѣ, наконецъ, част-

ностей его позднѣйшихъ и въ цѣломъ ниже всякой критики стоящихъ сочиненій. Въ виду этой идеи, можетъ быть имъ самимъ смутно сознаваемой (въ чемъ я, впрочемъ, отнюдь не убѣжденъ) или по крайней мѣрѣ въ виду болѣе спеціализированнаго выраженія этой идеи, — въ виду необходимости новаго и правильнаго, въ смыслѣ науки, общественнаго порядка, Контъ предпринялъ и совершилъ дѣло, по истинѣ гигантское. Требовалось опредѣлить границы человѣческой природы и заставить людей принять какъ для теоретической, такъ и для практической дѣятельности, такой девизъ: только то, что могу, но все, что могу. Для этого Контъ подвергъ строгому анализу тѣ способы мышленія, разнохарактерностью которыхъ обусловливалась умственная анархія общества. Такихъ способовъ оказалось три: теологическій, метафизическій и положительный. Затѣмъ Контъ опредѣлилъ ихъ преемственную связь и относительное значеніе, а равно и отношеніе ихъ къ другимъ факторамъ общественной жизни. Требованіе экономіи умственныхъ силъ само собою должно было отодвинуть назадъ какъ стремленіе проникнуть въ сущность явленій, познать вещи въ себѣ. такъ и излишнюю спеціализацію знаній. Корабль человѣческой мысли былъ нагруженъ страшно, черезъ край; въ составъ груза входило много въ высшей степени драгоцѣнныхъ вещей, но много было и совершенно негоднаго баласта; вдобавокъ все это валялось въ безпорядкѣ и затрудняло управленіе ходомъ корабля. Задача слѣдовательно была двойная: выкинуть за бортъ человѣческой мысли всю неподлежащую ея вѣдѣнію область непознаваемаго, и расположить познаваемое, если можно такъ выразиться, по линіи наименьшаго сопротивленія. Первая половина задачи рѣшена Контомъ такимъ образомъ: ни сущности явленій, ни дѣйствительной ихъ первичной причины мы не знаемъ и, по природѣ своей, знать не можемъ; мы знаемъ только самыя явленія, поскольку они подлежатъ наблюденію и опыту, и тѣ постоянныя взаимныя отношенія, въ которыя они, по свидѣтельству нашего опыта, другъ къ другу становятся, и самое это знаніе только относительное. Имѣлъ ли Контъ относительно этой доктрины предшественниковъ? Имѣлъ очень многихъ. Предшественниковъ не имѣлъ только извѣстный первый портной. Приставать къ Конту на этомъ общемъ пунктѣ съ вопросомъ: что ты сказалъ новаго? и сообразно съ этимъ выдвигать ту или другую сторону суздальской альтернативы «либо ручку пожалуйте, либо въ зубы» — есть величайшая нелѣпость. Прогрессъ положительныхъ философскихъ идей не имѣетъ никакого сходства съ прогрессомъ огнестрѣльныхъ оружій и освѣтительныхъ снарядовъ, при какомъ мы нынѣ присутствуемъ: здѣсь дѣйствительно вооружили вы сегодня арміи ружьями Шасспо и купили свѣчку Шандора, завтра—если вы хотите быть au courant, слѣдить за прогрессомъ, бросайте Шасспо и Шандора и покупайте Врадія и не знаю еще кого; послѣ

завтра опять бросайте и опять покупайте и т. д. Такое коловращеніе постоянной смѣны *метафизическихъ* системъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ исторіи философіи. Ибо метафизикъ черпаетъ свой матеріалъ изъ самаго себя, изъ собственной личности, и, исчерпавъ себя до дна, т.-е. превратившись въ выѣденное яйцо, передаетъ своимъ наслѣдникамъ право съизнова начать такое самоѣденіе. Но не то бываетъ съ положительною, научною стороною философскихъ системъ. Контъ выразилъ въ своей основной доктринѣ условія, необходимыя для истинно научнаго изслѣдованія, и потому естественно, что всѣ предъидущія научныя работы необходимо удовлетворяли требованіямъ положительной философіи, иначе онѣ не были бы научными. Такимъ образомъ всѣ люди науки до Конта были его практическими предшественниками. Но онъ имѣлъ и теоретическихъ предшественниковъ. Отдѣлить область непознаваемаго отъ области доступнаго человѣческому вѣдѣнію было задачею многихъ умовъ даже въ глубокой древности, и для того, чтобы прослѣдить всю филіацію этой идеи слѣдуетъ, быть можетъ, подняться до древнѣйшихъ скептиковъ, до Пиррона, современника Александра Македонскаго. Но слѣдуетъ замѣтить, что большинство этихъ предшественниковъ не могли остановиться во время и, вмѣстѣ съ баластомъ, выбрасывали за бортъ и вещи первой необходимости. Сомнѣнія въ возможности познать нумены, вещи въ себѣ, вещи, каковы онѣ дѣйствительно, а не только каковыми онѣ намъ представляются, сомнѣнія эти и совершенное отрицаніе этой возможности сплошь и рядомъ вели къ сомнѣніямъ и къ прямому отрицанію неизмѣнности причинной связи, существованія внѣшняго міра и проч. Чисто діалектическимъ путемъ нетрудно добѣжать до такихъ выводовъ, и въ метафизической системѣ они могутъ занять свое законное мѣсто; но съ точки зрѣнія науки и положительной философіи такіе выводы могутъ быть разсматриваемы только какъ попытки поднять кверху обѣ ноги заразъ. Были наконецъ еще болѣе близкіе предшественники, которымъ удалось подойти вплотную къ опредѣленію естественныхъ рамокъ умственной дѣятельности человѣка. Между ними Юмъ занимаетъ очень видное мѣсто. Однако между нимъ и Контомъ есть одна важная разница. Юмъ утверждалъ — какъ видитъ читатель изъ приведенной въ статьѣ г. Г. В. выписки изъ рѣчи англійскаго епископа, на которую Гексли указываетъ какъ на доктрину Юма и «новой философіи», — что не только мы не знаемъ причинъ явленій, а только ихъ послѣдовательность и сосуществованіе, но что собственно и нѣтъ такихъ причинъ, которыя бы не были продуктами другихъ причинъ. Съ точки зрѣнія скептической философіи Юма это былъ выводъ справедливый. Съ точки-же зрѣнія положительной философіи причины эти не подлежатъ ни утвержденію, ни отрицанію. Въ окончательномъ результатѣ мы должны признать вмѣстѣ съ Миллемъ, что «ос-

нованіе философіи Конта отнюдь не составляетъ его исключительной собственности: это общее наслѣдіе вѣка, хотя далеко неусвоенное многими даже сильными умами. Такъ-называемая положительная философія есть не новѣйшее изобрѣтеніе Конта, но простое признаніе традицій всѣхъ великихъ научныхъ умовъ, открытія которыхъ сдѣлали людей тѣмъ, что̀ они суть. Самъ Контъ никогда и не смотрѣлъ иначе на свое ученіе, но онъ сдѣлалъ его своимъ способомъ его обработки». (Auguste Comte et le positivisme, par J. Stuart Mill. Paris, 1868, p. 9. Цитирую по французскому переводу, потому что русскій сдѣланъ очень плохо). Милль справедливо замѣчаетъ далѣе, что для основательнаго знакомства съ предметомъ, мы должны знать не только что̀ онъ есть, но и въ чемъ состоятъ особенности отрицающихъ его, борящихся, соперничающихъ съ нимъ предметовъ. Контъ исполнилъ эту работу, разграничивъ и подвергнувъ анализу теологическое и метафизическое міросозерцанія. Но этого мало. Дѣло не только въ томъ, чтобы ясно опредѣлить область непознаваемаго и опредѣлить и отбросить теологическія и метафизическія объясненія явленій. Мы не знаемъ и не можетъ знать нуменовъ, вещей въ себѣ, мы знаемъ только феномены въ ихъ связи послѣдовательности и сосуществованія; но самые эти феномены, какъ представители различныхъ (феноменально различныхъ) областей познаваемаго, имѣютъ различныя степени сложности и потому требуютъ для своего изслѣдованія различныхъ пріемовъ. Требуется слѣдовательно расположить весь матеріалъ познаваемаго, какъ я выразился, по линіи наименьшаго сопротивленія. Требованіе это Контомъ блистательно удовлетворено при помощи его классификаціи наукъ. Мы увидимъ ниже, до какой степени не понялъ этой классификаціи Гексли. Раздѣливъ науки на абстрактныя и конкретныя и предоставивъ будущему классификацію послѣднихъ, какъ въ настоящее время еще недостаточно опредѣлившихся, Контъ сосредоточилъ свое вниманіе на наукахъ абстрактныхъ. Порядокъ, въ которомъ онъ ихъ расположилъ, извѣстенъ: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Соціологія — цѣль жизни Конта, оказалась такимъ образомъ наверху лѣстницы, размѣрами и высотой своей способной оттолкнуть каждаго. Но, разъ убѣдившись, что общественная наука можетъ быть построена не иначе, какъ на основаніи низшихъ наукъ, Контъ не задумался подняться по этой лѣстницѣ, не пытаясь однако скрыть отъ себя трудности предпринятаго имъ дѣла. Шагъ за шагомъ прошелъ онъ эту тяжелую дорогу и написалъ послѣдовательно одна за другою философіи шести наукъ своего ряда. Это не курсы математики, астрономіи, физики и т. д., потому что главное вниманіе въ нихъ устремлено на анализъ пріемовъ, наиболѣе пригодныхъ для той или другой науки, для изслѣдованія той или другой группы явленій; задача эта можетъ только отчасти входить въ обыкновенные, такъ называемые

курсы, имѣющіе главною цѣлью передачу результатовъ науки, а не изслѣдованіе ея методовъ. Здѣсь-же, при изложеніи философіи отдѣльныхъ наукъ, Контъ имѣлъ случай на каждой изъ нихъ повѣрить свой законъ трехъ фазисовъ. Нечего и говорить, что такая громадная работа, не могла обойтись безъ частныхъ ошибокъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивляться надо тому, что сумма ошибокъ все-таки такъ ничтожна.

Контъ былъ уже близокъ къ берегу. Онъ уже съ замѣчательнымъ успѣхомъ справился съ соціальной динамикой, довольно неудачно съ соціальной статикой. Онъ даже счастливо ступилъ на берегъ, провозгласивъ необходимость субъективнаго метода въ общественной наукѣ. Жизнь и наука готовы были сблизиться, наука о природѣ и наука общественная — слиться въ одно цѣльное и живое міросозерцаніе. Но множество причинъ помѣшало осуществленію этого великаго дѣла. Страшная работа мысли (до какой степени напряженно работалъ Контъ, можно видѣть изъ того, что весь первый томъ его «Курса» написанъ въ три мѣсяца), семейныя непріятности (послѣ нѣсколькихъ лѣтъ не особенно счастливой жизни Контъ развелся съ женой; трудно судить эти duels domestiques, какъ выражается Контъ въ одномъ письмѣ къ Миллю, но по отзывамъ, какъ самого Конта, такъ и другихъ, его жена была прекрасная женщина), гнетущая бѣдность (онъ перебивался уроками математики, иногда журнальной работой, получалъ одно время субсидію отъ трехъ англійскихъ почитателей, между которыми не безъинтересно видѣть извѣстнаго автора исторіи Греціи — Грота), — все это постепенно подломило необыкновенныя умственныя силы Конта. Онъ сошелъ съ ума еще въ 1826 году, при самомъ началѣ публичныхъ лекцій, составившихъ впослѣдствіи курсъ положительной философіи. Лекціи эти были имъ возобновлены только черезъ два года. Сумасшествіе не оставило, повидимому, никакихъ слѣдовъ. Но, послѣ развода съ женой, онъ, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторыя указанія, подвергся новому душевному разстройству, которое не было такъ сильно, какъ первое, но продолжалось до конца его жизни. Этому, кажется, помогло отчасти и запоздалое чувство любви къ г-жѣ де-Во. Я укажу, наконецъ, еще на одну важную причину неудачи Конта въ области соціологіи: какъ уже было замѣчено выше, Контъ соединялъ съ громадными умственными силами довольно ординарный, чтобы не сказать болѣе, нравственный характеръ. Его общественный идеалъ былъ очень не высокъ, а разъ принятъ субъективный методъ въ общественной наукѣ, обстоятельство это, и помимо сумасшествія, должно было крайне невыгодно повліять на все построеніе «Позитивной политики». Низкій уровень его общественнаго идеала сказался нетолько въ «Позитивной политикѣ», а и въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ и въ «Курсѣ положительной философіи», когда онъ еще держался за объективный методъ (читатель знаетъ, что, по нашему мнѣнію,

объективный методъ въ общественной наукѣ невозможенъ). Какъ бы то ни было, въ своемъ новомъ направленіи Контъ шелъ очень быстро. Скоро онъ провозгласилъ новую религію, объявилъ себя первосвященникомъ, создалъ культъ, составилъ новый календарь и надѣлалъ бездну глупостей, давшихъ впослѣдствіи столь обильную пищу суздальцамъ различныхъ мастей. Мы не будемъ приводить примѣровъ, это и грустно и ненужно; для всякаго непредубѣжденнаго человѣка должно быть очевидно, что послѣдніе годы жизни Конта ставить ему въ счетъ нельзя. Ученики Конта распались на двѣ группы. Одни, которыхъ можно назвать собственно позитивистами, остались вѣрными идеямъ «Курса положительной философіи»; другіе — ихъ можно, пожалуй, назвать контистами — приняли всего Конта цѣликомъ, отъ первой до послѣдней строки. Это — суздальцы. Къ нимъ относятся въ Англіи Бриджъ, Конгревъ, Бертонъ, во Франціи — Робине, Блиньеръ и другіе. Къ Литтре и другимъ позитивистамъ контисты относятся крайне враждебно, называютъ ихъ отщепенцами, еретиками. Позитивисты, въ свою очередь, изъ деликатности никогда не говорятъ о контистахъ. Такимъ образомъ, эти двѣ фракціи учениковъ Конта отнюдь не должны быть смѣшиваемы, и подняться на это дѣло можетъ только суздальская критика. Поэтому, когда Гёксли громитъ Конгрева, одного изъ самыхъ ярыхъ контистовъ, поскольку послѣдній отстаиваетъ вторую половину философской дѣятельности Конта, то позитивистамъ до этого обстоятельства дѣла весьма мало, и они имѣютъ право примѣнить къ этому обстоятельству слова самого Гёксли, съ которыми онъ обращается къ англійскому прелату насчетъ Конта. Они могутъ сказать: «Пусть почтенный профессоръ сокрушаетъ Конгрева тяжестью своей діалектики и разрываетъ его на куски, какъ новаго Агага; мы не будемъ пытаться остановить его руку».

Мнѣ бы хотѣлось теперь опредѣлить, для ясности дѣла, свои собственныя отношенія къ позитивизму. Я буду кратокъ, тѣмъ болѣе, что не разъ уже имѣлъ случай касаться нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся пунктовъ ученія Конта. Вмѣстѣ съ обѣими фракціями учениковъ Конта, я принимаю основныя положенія позитивизма о границахъ изслѣдованія, положенія, ни мною и ни однимъ, по крайней мѣрѣ, позитивистомъ (контисты, можетъ быть, есть и такіе, да и то не ручаюсь) не передаваемые въ исключительную собственность Конта. Его классификацію наукъ я признаю одною изъ величайшихъ философскихъ концепцій, какія когда-либо являлись на свѣтъ Божій, и надѣюсь показать, что Гёксли не понялъ ни ея, ни Контова анализа различныхъ научныхъ методовъ. Законъ трехъ фазисовъ, не удовлетворяющій меня окончательно, я признаю, однако, обобщеніемъ въ высшей степени замѣчательнымъ, а нападки на него Гёксли — въ такой же степени неосновательными. Затѣмъ мы расходимся съ обѣими фракціями учениковъ Конта.

Соглашаясь съ контистами, что Контъ поступилъ правильно, перейдя къ субъективному методу въ общественной наукѣ, мы тѣмъ самымъ расходимся съ позитивистами, которые утверждаютъ необходимость въ соціологіи метода объективнаго, и нѣкоторыя попытки приложенія этого метода (съ характеромъ ихъ русская публика могла отчасти познакомиться по статьямъ г. Вырубова въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ») мы считаемъ совершенно неудовлетворительными. Соглашаясь съ позитивистами въ томъ, что «Позитивная политика» Конта есть произведеніе до послѣдней степени слабое (позитивисты полагаютъ, что слабость эта есть результатъ примѣненія субъективнаго метода, мы же приписываемъ ее другимъ причинамъ),—мы тѣмъ самымъ расходимся и съ суздальцами-контистами, принимающими и религію, и культъ, и календарь Конта и проч. Еще одно обстоятельство. Въ ближайшей связи съ закономъ трехъ фазисовъ находится вѣрованіе Конта и позитивистовъ, что, слѣдя за прогрессомъ умственнымъ, мы можемъ получить ясное понятіе о прогрессѣ и другихъ общественныхъ факторовъ. Литтре, впрочемъ, принимаетъ, кажется, это вѣрованіе съ довольно большими ограниченіями. Когда я познакомился съ великимъ произведеніемъ Конта, я имѣлъ на этотъ счетъ свои собственные, достаточно уже установившіеся взгляды; я полагалъ именно и полагаю, что законовъ прогресса слѣдуетъ искать въ развитіи самой общественности, то-есть въ развитіи и послѣдовательной смѣнѣ различныхъ формъ коопераціи. Знакомство съ Контомъ меня въ этомъ не разубѣдило. Эти личныя строки внушены мнѣ желаніемъ показать, что мною не руководятъ никакія фракціонныя соображенія. Притомъ же, опровергая возраженія Гёксли, я не буду имѣть повода указать на пункты своего разногласія съ доктринами позитивистовъ, а мнѣ не хотѣлось бы, чтобы мнѣ была приписана бо̀льшая доля согласія съ ними, чѣмъ какая существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Занимающая насъ полемика была вызвана слѣдующими словами Гёксли: «Я нашелъ въ вашихъ газетахъ (Гёксли читалъ публичную лекцію въ Эдимбургѣ) краснорѣчивую рѣчь *о границахъ физическаго изслѣдованія*, которую за день до этого произнесъ предъ членами философскаго института извѣстный прелатъ англійской церкви. Эта рѣчь вращается около этого же предмета границъ философскаго изслѣдованія; и я никакъ иначе не могу лучше высказать здѣсь мои собственныя мысли объ этомъ предметѣ, какъ поставивши ихъ въ параллель съ мыслями, которыя архіепископъ іоркскій высказалъ столь просто и вообще столь точно. Но, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать здѣсь предварительное замѣчаніе о фактѣ, который особенно меня удивилъ. Примѣняя къ этому опредѣленію границъ физическаго изслѣдованія, которое я вмѣстѣ со многими учеными считаю вѣрнымъ, названіе *новой философіи*, архіепископъ начинаетъ свою рѣчь отождествленіемъ этой *новой философіи* съ

положительной философіей Огюста Конта (на котораго онъ смотритъ, какъ на основателя ея) и затѣмъ сильно нападаетъ на этого философа и на его ученія. Пусть почтенный прелатъ сокрушаетъ Огюста Конта тяжестью своей діалектики и разрываетъ его на куски, какъ новаго Агага; я не буду пытаться остановить его руку. Когда я изучалъ характеристическія черты положительной философіи, то нашелъ въ ней весьма мало, я могу даже сказать рѣшительно ничего такого, что̀ имѣло бы какую-нибудь научную цѣнность, и, взамѣнъ того, нашелъ много особенностей, столь же противныхъ самой сущности науки, какъ и все, что̀ есть противонаучнаго въ католическомъ ультрамонтанствѣ. Вообще философію Огюста Конта, мнѣ кажется, можно охарактеризовать практически, назвавши ее католицизмомъ безъ христіанства. Но что̀ можетъ быть общаго между философіей Огюста Конта и *новой философіей*, какъ ее опредѣляетъ архіепископъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей рѣчи (слѣдуетъ характеристика «новой философіи», сдѣланная архіепископомъ йоркскимъ и приведенная у насъ выше, въ замѣткѣ г. Г. В). Въ этомъ отрывкѣ дѣйствительно указаны черты, которыя могутъ характеризовать духъ *новой философіи*, если разумѣть подъ этимъ словомъ духъ новой науки; но я не могу не удивляться, когда подумаю, что образованное и ученое общество Эдимбурга могло безъ малѣйшаго протеста слушать, что основателемъ этихъ ученій называютъ Огюста Конта. Никто не обвинитъ шотландцевъ въ томъ, что они вообще забываютъ своихъ національныхъ знаменитостей; но тѣнь Давида Юма не должна ли была задрожать во гробѣ, когда въ четырехъ шагахъ отъ дома, въ которомъ онъ жилъ, вы могли слушать безъ выраженія ропота, какъ его характеристическія доктрины приписываются французскому писателю, который жилъ 60 лѣтъ спустя, и тяжелыя и многословныя сочиненія котораго такъ мало напоминаютъ силу мысли и удивительную точность слога того, котораго я не боюсь назвать превосходнѣйшимъ мыслителемъ XVIII вѣка, хотя этотъ вѣкъ произвелъ и Канта?» («Космосъ», № 2-й, стр. 162 и слѣд.).

Спрашивается теперь, съ чего архіепископъ йоркскій взялъ, что указанныя имъ доктрины, которыя Гёксли признаетъ основаніями «новой философіи», принадлежатъ Конту. Положимъ, что архіепископъ грубо заблуждается, указывая на Конта, какъ на основателя этихъ доктринъ, или отдавая ихъ ему въ исключительное владѣніе. Но вѣдь какое-нибудь основаніе архіепископъ имѣлъ же, и основаніе это, безъ сомнѣнія, было очень основательное: архіепископъ, безъ сомнѣнія, просто изложилъ общую часть ученія Конта, какъ понялъ ее при чтеніи сочиненій Конта. Гёксли и не отрицаетъ, чтобы нѣчто, близко подходящее къ его *новой философіи*, не находилось въ сочиненіяхъ Конта. Онъ только возмущается тѣмъ, что забыто право первородства Юма. Итакъ, существенные элементы «новой филосо-

фіи» у Конта изложены, допустимъ даже, что они завалены кучей несообразностей, допустимъ, что Контъ ихъ просто выписалъ у Юма; а Гёксли, какъ видно изъ его отвѣта Конгреву, не думаетъ уличать Конта въ заимствованіи у Юма, и дѣлаетъ даже предположеніе, что Контъ Юма и не читалъ. Но если такъ, и если духъ новой философіи есть духъ новой науки, то какой смыслъ имѣетъ заявленіе Гёксли, что онъ не нашелъ у Конта *рѣшительно ничего* такого, что̀ имѣло бы научную цѣнность? Вопросъ этотъ мы, впрочемъ, задаемъ только мимоходомъ и большой важности ему не придаемъ, какъ не придавалъ, вѣроятно, особеннаго значенія и Гёксли своей первой внезапной вылазкѣ противъ Конта. Что касается до филіаціи идей положительной философіи, я говорилъ объ этомъ выше. Вопросъ о специальныхъ отношеніяхъ философіи Юма къ философіи Конта я не могу рѣшить собственными силами, такъ-какъ знакомъ съ сочиненіями Юма изъ вторыхъ рукъ. Но, признавая себя въ этомъ дѣлѣ судьей не компетентнымъ, я, однако, оставляю за собой право выбрать себѣ судью компетентнаго. Я выбираю Милля, авторитетъ котораго въ дѣлѣ философіи стоитъ безспорно выше авторитета Гёксли. У Милля же я читаю слѣдующее. Отмѣтивъ Бэкона, Декарта и особенно Ньютона, какъ близко подошедшихъ, въ болѣе отдаленныя времена, къ уразумѣнію основной доктрины положительной философіи, Милль говоритъ, что «во всей своей общности она была впервые схвачена Юмомъ, который забѣжалъ нѣсколько далѣе Конта», именно отрицая нетолько возможность познаванія, а и самое существованіе причинъ и сущностей. «Между прямыми наслѣдниками Юма, говоритъ далѣе Милль, писатель, наилучше изложившій и защищавшій основную доктрину Конта, есть докторъ Томасъ Броунъ. Доктрина и духъ философіи Броуна вполнѣ позитивны, и нѣтъ лучшаго приготовленія къ позитивизму, какъ первая часть его лекцій» («A. Comte et le positivisme», 9). Кажется, ясно, что, по Миллю, по крайней мѣрѣ, патріотическое воззваніе Гёксли къ жителямъ Эдимбурга не особенно основательно. Развѣ, можетъ быть, и Милля обличить въ недостаткѣ патріотизма? Но не съ однимъ Миллемъ придется это сдѣлать. Льюисъ, напримѣръ, въ своей исторіи философіи, воздаетъ должную дань почтенія и удивленія генію Юма, но въ концѣ концовъ открыто становится въ ряды позитивистовъ и приноситъ Конту дань уваженія еще бо̀льшую. Насколько я могу судить о философіи Юма, я думаю, что къ Конту могутъ быть *по малой мѣрѣ* примѣнены уже цитированныя мною слова его противника, Спенсера, именно, что «вмѣсто смутной и неопредѣленной идеи, Контъ далъ міру идею опредѣленную и въ высокой степени выработанную».

Приведенныя слова Гёксли вызвали отвѣтъ Конгрева. Это, какъ уже сказано, суздалецъ, то-есть человѣкъ, могущій сослужить пріятелю службу только на манеръ прославленнаго мед-

вѣдя, слишкомъ неразумно отгонявшаго мухъ отъ лица человѣка. Его статью, успащенную примѣчаніями редакціи «Космоса», мы обойдемъ совсѣмъ, какъ незаслуживающую никакого вниманія. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что статья положительнаго суздальца-Конгрева, по своему сдержанному и приличному тону, составляетъ рѣзкій контрастъ съ энергическими, хотя довольно безтолковыми, восклицательно-препинательнаго свойства примѣчаніями отрицательныхъ суздальцевъ— редакціи «Космоса».

Отвѣтъ Гёксли Конгреву начинается очень игриво. Гёксли вспоминаетъ о томъ времени, когда онъ впервые сталъ читать Конта, съ разными шуточками и прибауточками. Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о степени остроумія этихъ шуточекъ и прибауточекъ, мы съ сожалѣніемъ должны сказать, что здѣсь же Гёксли дѣлаетъ первый шагъ на скользкомъ пути суздальской критики. Передо мной лежитъ книжка нѣкоего Пуату «Les philosophes français contemporains et leurs systêmes religieux» (Paris, 1864); книжка очень поверхностная и написанная въ защиту началъ, нынѣ выживающихъ свои предпослѣдніе дни въ Римѣ. И, однако, этотъ Пуату обнаруживаетъ въ своихъ сужденіяхъ о позитивизмѣ гораздо менѣе суздальства, чѣмъ Гёксли. Онъ говоритъ, напримѣръ: «Положительная или позитивная философія прошла нѣсколько фазисовъ. Сначала она желала ни болѣе, ни менѣе, какъ реорганизовать всѣ науки и создать новую, верховную науку—науку соціальную. Но скоро основатель позитивизма не удовлетворился этою цѣлью: его соблазнила роль пророка; онъ выдумалъ *позитивную* религію, провозгласилъ ея догматы и составилъ катехизисъ. Наконецъ, —и этотъ третій періодъ продолжается до сихъ поръ, — позитивная философія благоразумно отказалась отъ этихъ гордыхъ претензій и обратилась просто въ научную форму скептицизма» (devint une forme savante du scepticisme) (85). Это очень неглубокое сужденіе, но не суздальское: авторъ не свалилъ въ одну кучу все, что̀ обыкновенно называется позитивизмомъ, а усмотрѣлъ въ немъ вещи, между собою очень различныя. Передо мной лежитъ другая книга, извѣстная книга Луи Рейбо о «современныхъ реформаторахъ». Въ ней я читаю: «Философія Конта — философія только по имени. Это просто механическій переходъ отъ геометріи, черезъ физику и химію, къ человѣку и человѣчеству. Здѣсь все автоматично и искусственно. Нѣсколько позже Контъ обратился, онъ имѣлъ видѣніе, какъ Павелъ на дорогѣ въ Дамаскъ, онъ проникся религіознымъ чувствомъ и возвратился къ идеямъ догмы и культа. Но и здѣсь его преслѣдуетъ гордость. Онъ хочетъ создать нѣчто новое, вмѣсто того, чтобы довольствоваться готовымъ. Печальное извращеніе мысли, оправдываемое только болѣзненнымъ состояніемъ мозга». Это тоже не особенно глубоко, но суздальства здѣсь все-таки меньше, чѣмъ у Гёксли. Гёксли и не думаетъ различать «позити-

вистовъ» и «коптистовъ», первую половину дѣятельности Конта и вторую. Глумясь надъ намѣреніемъ Конта «réorganiser, sans Dieu ni roi, par le culte systématique de l'Humanité»—«разрушенное зданіе современнаго общества», Гексли нисколько не обращаетъ вниманія на то, что значительнѣйшая и вліятельнѣйшая часть позитивистовъ, учениковъ Конта, не имѣютъ ничего общаго съ его культомъ человѣчества. Это, очевидно, тотъ самый суздальскій критическій пріемъ, который былъ недавно въ такомъ ходу у нашихъ отечественныхъ суздальцевъ—романистовъ и публицистовъ. Къ этому именно пріему должны быть отнесены слова редакціи «Космоса»: «благодаря ему, у насъ затаптывались мысли самыя здравыя, начинанія самыя благія, и люди, наиболѣе искренніе, наиболѣе проникнутые желаніемъ добра и истинной пользы, столь легко смѣшивались въ одинъ разрядъ съ площадными повѣсами» (№ 2. Предисловіе редакціи къ статьѣ «Рикардо и его теорія цѣнности»).

А тотъ украдкою киваетъ на Петра!

Но, можетъ быть, Гексли не зналъ, что позитивисты распадаются на два лагеря и что Контъ, въ послѣдніе годы своей жизни, находился въ состояніи полной невмѣняемости? Нѣтъ, Гексли это зналъ, потому что онъ говоритъ, что читалъ книгу Литтре, въ которой имѣется подробное изложеніе дѣла; потому что онъ упоминаемъ (правда, только однажды) о «людяхъ, старающихся провести разграничивающую линію между общимъ духомъ «положительной философіи» и духомъ «политики» и послѣдующими сочиненіями». Знакомство это слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть и въ словахъ его: «я отъ души радъ, что попалъ въ руки Конгрева, а не въ руки кого нибудь изъ его сотоварищей, способности и сила которыхъ хорошо извѣстны мнѣ, и которые повели бы противъ меня иную систему атаки, которую было бы не такъ легко отразить». Посмотримъ же на возраженія Гексли. Они раздѣляются на четыре параграфа, озаглавленные такъ: 1) «Позитивизмъ есть католичество безъ христіанства»; 2) «Законъ трехъ фазисовъ развитія науки»; 3) «Классификація наукъ»; 4) «Позитивизмъ противенъ самой сущности науки».

Первый и послѣдній параграфы, несмотря на различіе заглавій, трактуютъ объ одномъ и томъ же, именно о той плоскости общественнаго идеала Конта, о которой мы уже упоминали выше. Что общественный идеалъ Конта весьма приближался къ организаціи католичества—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ и самъ говорилъ, что воюетъ только съ *доктриной* католичества, считая его *организацію* достойною многолѣтія. Но какое это отношеніе имѣетъ къ основнымъ положеніямъ Конта? Гексли, отправляясь отъ соціологическихъ заблужденій Конта и въ частности именно отъ его принципа новой духовной власти, пытается ихъ несостоятельностью

доказать «противонаучность» всей положительной философіи. Это крайне легкомысленно, посуздальски легкомысленно. Отправляясь отъ совершенно вѣрной идеи, что общественная наука можетъ быть построена не иначе, какъ при существенной и непосредственной помощи біологіи, Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что общество есть организмъ. Считая такое представленіе объ обществѣ въ высшей степени превратнымъ и ненаучнымъ, долженъ ли я, имѣю ли я какое нибудь логическое право отбросить и исходную точку Спенсера? Это значило бы «все или ничего», «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Другое дѣло было бы, еслибы Гексли доказалъ существованіе органической связи между всѣми частями ученій Конта. Но Гексли этого не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать, потому что какъ никакъ а Юма онъ въ Контѣ все-таки встрѣтилъ бы. Гексли ссылается, правда, на свидѣтельство самого Конта, что его философія и политика связаны неразрывно, но свидѣтельство Конта не имѣетъ здѣсь ровно никакого значенія, ибо всякій мыслитель полагаетъ, что всѣ части его ученія составляютъ одно неразрушимое цѣлое. Постороннему же, безпристрастному наблюдателю очень не трудно увидѣть бѣлыя нитки. Рѣшая вопросъ на суздальскій манеръ Гексли, можно пожалуй сказать, что доктрины столь любезнаго ему Юма находятся въ органической связи съ консервативными и даже прямо ретроградными политическими убѣжденіями этого знаменитаго философа. И безъ сомнѣнія самъ Юмъ находилъ, что между его философіей и его ненавистью къ политической свободѣ никакой розни нѣтъ. Но кто же бы ему повѣрилъ? Я, по крайней мѣрѣ, охотнѣе повѣрю слѣдующей не суздальской, но мѣткой характеристикѣ Бокля: «Проницательный геній Юма подсказалъ ему, что въ философіи и въ чисто отвлеченныхъ сторонахъ религіозныхъ ученій ничего не можетъ быть сдѣлано, безъ смѣлой и ничѣмъ не стѣсняемой свободы изслѣдованія. Но тутъ рѣчь шла о свободѣ его собственнаго класса, о свободѣ мыслителей. Сухость его мысли не дозволила ему распространить свое сочувствіе за предѣлы мыслящихъ классовъ, т.-е. классовъ, съ чувствами которыхъ онъ непосредственно вѣдался. Это доказываетъ, что его политическія ошибки произошли не отъ недостаточности изслѣдованій, какъ вообще полагали, а скорѣе отъ холодности темперамента. Вотъ что останавливало его на пути и сообщило его сочиненіямъ странный видъ — видъ твореній глубокаго и оригинальнаго мыслителя, половины XVIII вѣка, защищающаго практическія доктрины столь нелиберальныя, что осуществленіе ихъ немедленно приводило бы къ деспотизму, и въ то же время защищающаго такія смѣлыя и свѣтлыя отвлеченныя доктрины, которыя стояли не только далеко впереди его вѣка, но, въ извѣстной степени, опережаютъ и нашъ вѣкъ» (Исторія цивилизаціи. II, 386). Пріятно остановиться на этихъ свѣтлыхъ строкахъ послѣ аляпова-

тыхъ, суздальскихъ выходокъ Гёксли. Вы съ разу видите, что Бокль, такъ отчетливо разглядѣвшій въ Юмѣ полосы свѣта и тѣни, знаетъ цѣну свѣту и тѣни, дѣйствительно любитъ свѣтъ и дѣйствительно не любитъ тьмы. Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь вывелъ подобное же заключеніе и о Гёксли, по его размашистому обращенію съ Контомъ. Защищать политическій идеалъ Конта мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены и изъ выходокъ Гёксли, наполняющихъ первый и четвертый параграфы его возраженій, отмѣтимъ только одну, побочную. Гёксли, признавая себя некомпетентнымъ въ вопросахъ соціологическихъ, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ ему бесѣдовать очень развязно и объ нихъ, ссылается на авторитетъ Милля, который разобралъ мнѣнія по этому предмету Конта и «съ силой» и «съ строгостью, по временамъ доходящею даже до презрѣнія». Это положительно ложь, не столько въ словахъ (хотя и тутъ собственно «презрѣніе» изобрѣтено самимъ Гёксли), сколько въ тонѣ и въ недомолвкѣ. Книга Милля о Контѣ переведена на русскій языкъ, и каждый читатель можетъ убѣдиться, что Милль съ величайшимъ уваженіемъ относится къ Конту вообще и къ его заслугамъ въ соціологіи, въ частности. Правда, Милль, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими людьми, со включеніемъ и прямыхъ учениковъ Конта, совершенно отвергаетъ вторую половину дѣятельности Конта, почти исключительно посвященную разработкѣ соціологіи. Но, не говоря уже о томъ, что и здѣсь Милль относится къ Конту не посуздальски, и здѣсь находитъ многія цѣнныя мысли и указанія, — Милль принимаетъ всю соціальную динамику Конта, принимаетъ методъ, предложенный имъ для соціологіи (а съ философской точки зрѣнія, на которую Гёксли никакъ не можетъ подняться, вопросъ о методѣ есть вопросъ о наукѣ), признаетъ, наконецъ, образцовымъ Контовъ анализъ отношеній соціологіи къ низшимъ наукамъ.

Второй и третій тезисы Гёксли—несостоятельность и противорѣчивость закона трехъ фазисовъ и классификаціи наукъ — для насъ гораздо интереснѣе. Третій параграфъ Гёксли начинаетъ съ указанія нѣкоторыхъ частныхъ ошибокъ въ шести томахъ Курса положительной философіи. Дѣло это не трудное, такъ что Гёксли могъ бы, по всей вѣроятности, найти такихъ ошибокъ гораздо больше, чѣмъ нашелъ: онъ ихъ приводитъ только четыре—одну изъ второго тома, двѣ изъ третьяго и одну изъ шестого. Двѣ изъ нихъ могли бы быть до извѣстной степени оспариваемы, но дѣло не въ этомъ. Мнѣ хочется только указать, въ параллель мнѣнію Гёксли о несостоятельности Контовыхъ предсказаній вѣроятной будущности той или другой отрасли знанія—его замѣчательное указаніе на вѣроятную будущность и историческое значеніе науки о языкѣ (помнится, въ примѣчаніи къ одной изъ лекцій четвертаго тома). Послѣ этого указанія четырехъ ошибокъ, Гёксли переходитъ

къ разбору закона трехъ фазисовъ. Онъ утверждаетъ, что все когда-либо объ этомъ законѣ Контомъ сказанное, есть не что иное, какъ рядъ противорѣчій, не говоря уже о томъ, что законъ этотъ находится въ противорѣчіи съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей. Для доказательства этого положенія Гексли дѣлаетъ, вопервыхъ, довольно длинную выписку изъ перваго тома Курса положительной философіи, суть которой заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Этотъ великій основный законъ, по моему мнѣнію, можетъ твердо опираться какъ на раціональныхъ доводахъ, почерпнутыхъ изъ изученія нашей организаціи, такъ и на исторической провѣркѣ, основанной на внимательномъ изученіи прошедшаго. Этотъ законъ заключается въ томъ, что каждое изъ нашихъ основныхъ понятій и каждая отрасль нашихъ знаній проходитъ послѣдовательно три различные теоретическіе фазиса: фазисъ теологическій или фиктивный; фазисъ метафизическій или отвлеченный; фазисъ научный или положительный. Иными словами, человѣческій умъ по своей природѣ послѣдовательно употребляетъ, въ каждомъ изъ своихъ изслѣдованій, три метода философствованія, *характеры которыхъ существенно различны и даже радикально противоположны другъ другу* (курсивъ, какъ въ этой, такъ и въ слѣдующей выпискѣ, принадлежитъ Гёксли). Отсюда три рода философій, *взаимно исключающихъ другъ друга*, или три главныя системы воззрѣній на совокупность явленій». По Гёксли, изложеніе это резюмируется такъ: «a) человѣческій разумъ въ силу неизмѣнной необходимости подчиненъ закону, который можетъ быть доказанъ a priori, на основаніи сущности самаго разума; и съ другой стороны, если справиться въ исторіи, мы увидимъ, что разумъ всегда подчинялся этому закону. b) Каждая отрасль человѣческихъ знаній проходитъ три фазиса, начиная непремѣнно съ перваго. c) Эти три фазиса взаимно исключаютъ другъ друга, такъ-какъ они существенно и даже радикально-противоположны между собою». Затѣмъ Гёксли дѣлаетъ другую длинную выписку, изъ четвертаго тома Контова курса, гдѣ дѣло идетъ вотъ о чемъ: «Собственно говоря, теологическая философія, даже во время нашего индивидуальнаго и общественнаго дѣтства, не могла быть строго всеобщею, т.-е. въ отношеніи къ нѣкоторымъ родамъ явленій, *наиболѣе простые и обыкновенные факты всегда объяснялись естественными причинами, вліяніемъ естественныхъ законовъ, а не безусловнымъ произволомъ сверхъестественныхъ силъ*. Напримѣръ, знаменитый Адамъ Смитъ въ своихъ философскихъ опытахъ весьма удачно замѣтилъ, что нигдѣ и никогда не изобрѣтался Богъ тяжести. *То же самое вообще происходитъ въ отношеніи къ предметамъ, даже болѣе сложнымъ, къ явленіямъ элементарнымъ и до того привычнымъ, что совершенная неизмѣняемость ихъ дѣйствительныхъ отношеній должна была поражать самаго наименѣе подготовленнаго наблюдателя*. Въ нравственномъ и общественномъ

мірѣ, къ которому положительной философіи тщетно загораживали путь нѣкоторые противники, необходимо существовало во всѣ времена понятіе объ естественныхъ законахъ по отношенію къ простѣйшимъ явленіямъ вседневной жизни, чего очевидно требовалъ общій ходъ нашего реальнаго, индивидуальнаго и общественнаго существованія, такъ-какъ невозможна была бы никакая предусмотрительность, еслибы всѣ явленія человѣческой жизни постоянно приписывались сверхъестественнымъ силамъ. *Нужно замѣтить даже объ этомъ предметѣ, что, напротивъ того, первоначальное неполное понятіе о первыхъ естественныхъ законахъ присущихъ индивидуальнымъ или общественнымъ актамъ, фиктивно перенесенное на всѣ явленія внѣшняго міра, послужило, какъ видно изъ предшествующихъ нашихъ объясненій, съ самаго начала основнымъ принципомъ теологической философіи* [1]... *Такимъ образомъ первоначальный зародышъ положительной философіи въ сущности такъ же первобытенъ, какъ и зародышъ теологической философіи, хотя онъ могъ развиться только значительно позже послѣдней.* Такое понятіе крайне важно для нашей соціологической теоріи; оно показываетъ ея совершенную раціональность». Отрывокъ этотъ Гёксли резюмируетъ такъ: «а) На дѣлѣ человѣческая наука не подчинялась неизмѣнно закону трехъ фазисовъ, слѣдовательно необходимость этого закона не можетъ быть доказана апріористическимъ путемъ. b) Значительнѣйшая часть нашихъ понятій всякаго рода вовсе не проходила всѣхъ трехъ фазисовъ и въ особенности перваго, какъ говоритъ намъ самъ Контъ. c) Положительный фазисъ съ первыхъ же шаговъ человѣческаго мышленія болѣе или менѣе одновременно существовалъ съ теологическимъ фазисомъ». Сравнивая оба свои резюме *a*, *b*, *c* (резюме, по истинѣ, абецедарныя), Гёксли находитъ, что они другъ другу противорѣчатъ. Это справедливо, но это дѣло Гёксли, а не Конта. При поверхностномъ обзорѣ двухъ вырванныхъ Гёксли изъ курса отрывковъ, дѣйствительно можетъ показаться, что они противорѣчатъ другъ другу, но весьма поверхностный обзоръ составляетъ для этого необходимое условіе. Контъ доказываетъ справедливость своего закона на огромномъ количествѣ фактовъ. Гёксли не послѣдовалъ за нимъ въ этомъ пути, что̀ было бы хотя неизмѣримо труднѣе, чѣмъ вырывать два клочка, но за то и неизмѣримо основательнѣе. Положимъ, что Гёксли не считалъ нужнымъ терять такъ много времени, но, если человѣкъ берется критиковать цѣлую философскую систему, то для него обязательно, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ духомъ этой системы. И еслибы Гёксли дѣйствительно изучилъ духъ положительной философіи, то онъ увидѣлъ бы, что параграфы а) его обѣихъ резюме не имѣютъ

---

[1] Не имѣя подъ руками Контова курса, я, къ сожалѣнію, не могу исправить этой фразы. очевидно, переведенной безбожно.

съ точки зрѣнія положительной философіи никакого значенія, ибо съ этой точки зрѣнія апріористическія доказательства «на основаніи сущности самаго разума» — не существуютъ, не то что они вѣрны или не вѣрны, а просто не существуютъ. Онъ увидѣлъ бы далѣе, что положительная философія, опять-таки по самому духу своему, абсолютныхъ рѣшеній не даетъ. И если положительная философія выдвигаетъ законъ трехъ фазисовъ, то она дѣлаетъ это не зря, а указываетъ на тѣ условія, которыя заправляютъ послѣдовательною смѣною теологическаго, метафизическаго и положительнаго міросозерцаній. И если мы видимъ, что въ такомъ-то данномъ случаѣ одинъ изъ фазисовъ отсутствуетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуютъ и тѣ условія, которыми онъ въ другихъ случаяхъ вызывается, то обстоятельство это не только не даетъ права обвинять Конта въ противорѣчіяхъ, а напротивъ блистательно поддерживаетъ Контовъ анализъ. Познакомившись съ духомъ положительной философіи, Гексли замѣтилъ бы, что было бы совершенно противно этому духу утверждать, что три фазиса смѣняютъ другъ друга съ тою безпощадностью и внезапностью, какую старые геологи приписываютъ фазисамъ исторіи земли; а внимательнѣе и добросовѣстнѣе читая Конта, Гексли убѣдился бы, что Контъ никогда ничего подобнаго не утверждалъ. Утверждать, что исторія движется скачками, могутъ только теологи и метафизики. По Конту же, теологическое, метафизическое и положительное міросозерцанія, исключая другъ друга *логически*, въ принципѣ, — *фактически* смѣняютъ другъ друга только въ извѣстные моменты развитія. Гексли очень смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что взаимно исключающіяся міросозерцанія существуютъ единовременно, и я понимаю, что съ суздальской точки зрѣнія это невозможно. Но Контъ стоялъ не на суздальской точкѣ зрѣнія. Онъ ясно видѣлъ, что для того, чтобы смѣнить другъ друга не въ силу откровенія или созерцанія собственнаго духа, а въ силу реальнаго хода вещей, три взаимно исключающіяся системы убѣжденій необходимо должны существовать единовременно. Эти три фазиса взаимно вытѣсняются, но для этого они должны бороться, а борьба предполагаетъ единовременное существованіе по крайней мѣрѣ двухъ враждебныхъ элементовъ. Замѣчательное философское безсиліе Гексли, особенно замѣтное, какъ увидимъ ниже, въ его критикѣ Контовой классификаціи наукъ, достаточно проявляется и здѣсь. Онъ никакъ не можетъ отдѣлить логическій порядокъ отъ порядка эмпирическаго, и потому сомнѣвается въ возможности практическаго сосѣдства логически взаимно исключающихся вещей. Но такое сосѣдство, къ сожалѣнію, возможно встрѣтить на каждомъ шагу. Не только въ извѣстномъ историческомъ періодѣ теологическое, метафизическое и положительное міросозерцанія могутъ безпрепятственно уживаться рядомъ, они могутъ уживаться даже въ одной и той же

личности и все-таки логически исключать другъ друга. Тому живой примѣръ соотечественникъ и товарищъ Гёксли по наукѣ — Оуэнъ, научныхъ, положительныхъ заслугъ котораго никто не станетъ отрицать, что̀ не мѣшаетъ однако ему погрязать въ то же время въ міросозерцаніи довольно первобытномъ. Что касается до исключеній изъ закона трехъ фазисовъ, на которыя Гёксли, по самому же Конту, указываетъ съ столь побѣдоноснымъ видомъ, то къ нимъ должны быть приложены правила критики, общія для всѣхъ исключеній. А такихъ правилъ два. Вопервыхъ, какъ велико число этихъ исключеній сравнительно съ числомъ случаевъ, подходящихъ подъ законъ Конта?— Число это ничтожно. Вовторыхъ, какъ велико логическое значеніе этихъ исключеній? Опровергаютъ они законъ трехъ фазисовъ логически, или же могутъ быть приведены съ нимъ въ соглашеніе?—Могутъ, ибо, какъ мы уже упоминали, законъ трехъ фазисовъ, какъ добытый не супранатуральнымъ и не метафизическимъ путемъ, покоится цѣликомъ на анализѣ естественныхъ и историческихъ условій; и поэтому если условій, необходимыхъ, съ точки зрѣнія самаго закона трехъ фазисовъ, для порожденія теологическаго, напримѣръ, объясненія данный случай не представляетъ, то отсутствіе теологическаго фазиса является здѣсь исключеніемъ, только подтверждающимъ основанія закона. При опредѣленіи умственнаго характера той или другой эпохи, той или другой ступени развитія науки, той или другой личности, слѣдуетъ имѣть въ виду относительное значеніе элементовъ, привходящихъ въ эту эпоху, эту ступень, эту личность. Древніе римляне, безъ всякаго сомнѣнія, сообразовались въ своемъ земледѣліи и садоводствѣ съ естественными законами; они, пожалуй, знали эти законы. Но не могу же я признать, что они находились въ положительномъ фазисѣ развитія, если я знаю, что они, невольно игнорируя свои собственные труды, приписывали все дѣло особой покровительницѣ плодовъ—Церерѣ, человѣка, уничтожившаго жатву, приносили этой самой Церерѣ въ жертву и пр. У меня есть знакомый татаринъ, человѣкъ очень практическій, очень хорошо, повидимому, понимающій, что деньги онъ добываетъ неустаннымъ шляньемъ съ халатами по Петербургу. Но, право, я боюсь отнести міросозерцаніе моего Камаля къ положительному фазису, тѣмъ болѣе, что онъ объяснилъ мнѣ недавно, почему онъ не хочетъ взять билета котораго нибудь изъ внутреннихъ займовъ съ выигрышами: «Аллахъ захочетъ, такъ и безъ билета выиграешь».

Кромѣ приведенныхъ, Гёксли ссылается еще на одно мѣсто у Конта, которое, по его, Гёксли, мнѣнію, уличаетъ Конта въ противорѣчіи. Вотъ это мѣсто: «Истинный духъ всякой теологической и метафизической философіи состоитъ въ то̀мъ, что для нихъ принципомъ, объясняющимъ явленія внѣшняго міра, служитъ наше непосредственное воспріятіе человѣческихъ явленій; между тѣмъ какъ положительная философія, напротивъ,

всегда отличается тѣмъ, что она необходимо и раціонально подчиняетъ понятіе о человѣкѣ понятію о мірѣ». Противорѣчіе съ прежними цитатами Гёксли видитъ въ томъ, что здѣсь «три фазиса на практикѣ сведены къ двумъ». У меня есть персикъ, яблоко и слива. Ни того, ни другаго, ни третьяго вы никогда не видали. Я описываю вамъ ихъ, разсказываю, чѣмъ они другъ отъ друга отличаются, говорю, что это плоды различные. Но затѣмъ объясняю вамъ, что персикъ и слива могутъ у насъ произрастать только въ оранжереяхъ, тогда какъ яблоки ростутъ и въ нашемъ климатѣ на открытомъ воздухѣ. Ради всѣхъ святыхъ, скажите мнѣ, неужели же я впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и забылъ о различіяхъ, существующихъ между персикомъ и сливой? Я утверждаю, что объектъ зоологіи есть міръ животныхъ, ботаники — міръ растеній, минералогіи — минералы. Затѣмъ я утверждаю, что зоологія и ботаника изучаютъ представителей органической жизни, а минералогія завѣдуетъ неорганическими формами вещества. Неужели мои тезисы противорѣчатъ другъ другу? Есть три міросозерцанія: одно полагаетъ, что человѣкъ есть цѣль природы, другое видитъ цѣли природы внѣ человѣка, третье отрицаетъ существованіе цѣлей природы; первыя два допускаютъ цѣлесообразность устройства вселенной, послѣднее отрицаетъ ее. Неужели и это противорѣчіе?

И послѣ этой суздальской оцѣнки закона трехъ фазисовъ Гёксли заявляетъ, что «люди науки не имѣютъ обыкновенія обращать особенное вниманіе на «законы», устанавливаемые подобнымъ образомъ!» Въ Гёксли, по крайней мѣрѣ, заслуженномъ и уважаемомъ человѣкѣ науки, такая гордость совершенно неумѣстна.

Гёксли противопоставляетъ исторической теоріи Конта свою собственную. Можетъ быть, она окажется и прекрасною, когда Гёксли разовьетъ ее подробнѣе и провѣритъ фактами. Но въ томъ видѣ, какъ она теперь напечатана, я не думаю, чтобы она была достойна особеннаго вниманія «людей науки». Это впрочемъ ихъ дѣло. Я съ своей стороны скромно замѣчу, что какъ послѣ Пушкина всякій можетъ безъ искры таланта и оригинальности написать довольно гладкіе русскіе стихи, такъ и послѣ Конта всякій можетъ указанные имъ элементы, теологическій, метафизическій и положительный, расположить въ на видъ оригинальную схему. Гёксли не вноситъ въ построеніе Конта никакого новаго принципа, не дѣлаетъ въ немъ никакой поправки, а только перекрещиваетъ положительный фазисъ въ «физицизмъ», а фазисъ теологическій въ «антропоморфизмъ». Я сказалъ, что онъ не дѣлаетъ въ теоріи Конта никакой поправки, и это справедливо, если не считать поправкою то обстоятельство, что онъ спуталъ строго различаемые у Конта порядокъ логическій и порядокъ эмпирическій. Три маленькія разгонистаго шрифта странички Космоса, на которыхъ Гёксли

противопоставляетъ закону трехъ фазисовъ свою собственную теорію, я прочиталъ не только не съ предубѣжденіемъ, а скорѣе съ чувствомъ совершенно противоположнымъ, потому что самъ невполнѣ удовлетворенъ закономъ трехъ фазисовъ. (Я изложилъ свои сомнѣнія во второй статьѣ «Что̀ такое прогрессъ?»). Но я долженъ былъ совершенно разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ.

Обратимся къ критикѣ классификаціи наукъ. Здѣсь мы встрѣтимъ еще болѣе полное выраженіе философскаго и критическаго безсилія Гёксли. Классификація наукъ Конта, какъ и законъ трехъ фазисовъ, по мнѣнію Гёксли, противорѣчитъ и самой себѣ и фактамъ. Контъ различаетъ, какъ извѣстно, науки абстрактныя, отвлеченныя и конкретныя, описательныя. Предметъ первыхъ есть «раскрытіе законовъ, управляющихъ различнаго рода явленіями въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ, какіе только можно представить себѣ». Вторыя «заключаются въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существъ». «Это весьма ясно можно видѣть — цитируетъ Гёксли Конта — если сравнить общую біологію съ зоологіею и ботаникою въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ, изслѣдовать законы жизни вообще и опредѣлить способъ жизни каждаго живаго тѣла въ частности — двѣ совершенно различныя вещи. *Эта вторая задача необходимо основана на первой*». «Эти послѣднія слова, отмѣченныя мною курсивомъ, — критикуетъ Гёксли — показываютъ, что познанія Конта по физической наукѣ далеко неточны и что они заимствованы единственно изъ книгъ. Какъ! «спеціальное изслѣдованіе живыхъ существъ основано на общемъ изученіи законовъ жизни!» Такъ-какъ Конгревъ сообщаетъ намъ, что онъ посвятилъ себя физіологіи, я готовъ отказаться отъ своего мнѣнія; но нѣкоторое понятіе, которое я имѣю объ этихъ вопросахъ, приводитъ меня къ заключенію, что еслибы Контъ практически мало-мальски былъ знакомъ съ біологической наукой, онъ далъ бы совершенно обратный видъ своей фразѣ и призналъ бы, что мы не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни другаго знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальномъ изученіи живыхъ существъ. Слѣдовательно Контъ въ высшей степени неудачно выбралъ свой примѣръ».

Осмѣливаюсь утверждать, что Контъ выбралъ свой примѣръ чрезвычайно удачно. Осмѣливаюсь утверждать, что еслибы Гёксли оказывалъ побольше уваженія къ логикѣ, и внимательнѣе и добросовѣстнѣе читалъ сочиненія Конта — онъ никогда бы не написалъ приведенныхъ строкъ. Осмѣливаюсь утверждать, что строки эти въ высшей степени дурно рекомендуютъ критическій талантъ Гёксли. Но такъ-какъ примѣръ біологіи справедливо уважаемому біологу Гёксли оказывается мало доступнымъ, то я возьму сначала другой. Различныя физическія и химическія причины образовали неорганическія формы веще-

ства, называемыя минералами. Всѣ существующіе на землѣ минералы составляютъ предметъ минералогіи, науки конкретной, описательной по преимуществу. Эта конкретная наука находится въ зависимости отъ абстрактныхъ наукъ, и именно химіи, физики и математики (отъ послѣдней зависитъ, по крайней-мѣрѣ, кристалологія). Но химія, напримѣръ, изучаетъ химическія свойства тѣлъ не только минераловъ, а и органическихъ тѣлъ, и такихъ неорганическихъ, которыя въ природѣ не встрѣчаются, а приготовляются въ лабораторіяхъ искусственно. То же самое относится и къ физикѣ, и къ математикѣ. И такъ конкретная наука — минералогія, и науки абстрактныя — математика, физика и химія преслѣдуютъ цѣли различныя. Теперь вопросъ въ томъ: имѣлъ ли бы право Контъ сказать, что «задача минералогіи необходимо основана на задачахъ физики, химіи и математики», другими словами, что конкретная наука покоится на выводахъ соотвѣтственныхъ абстрактныхъ наукъ, а не наоборотъ? По Гёксли онъ не имѣлъ бы этого права, и Гёксли могъ бы сослаться на то обстоятельство, что еще Аристотель наблюдалъ и изучалъ минералы, безъ всякой помощи химіи, которая явилась гораздо позже. Но въ такомъ случаѣ Гёксли вновь пришлось бы смѣшать логическій порядокъ съ эмпирическимъ и эмпирическіе законы съ раціональными, какъ онъ это и дѣлаетъ относительно конкретной и абстрактной біологіи. Эмпирическимъ закономъ называется такой, который завѣдомо истиненъ относительно нѣкоторыхъ случаевъ, но не можетъ быть правомѣрно распространенъ на случаи сосѣдніе, ибо мы не знаемъ, какими причинами этотъ законъ обусловливается. Напримѣръ, синильная кислота и морфинъ содержатъ въ себѣ много азота, и, представляя въ другихъ отношеніяхъ весьма мало сходства, оба оказываются сильными ядами. Наблюденіе это совершенно вѣрное, но пока оно остается на этой эмпирической ступени, и не разложено на болѣе простые элементы, до тѣхъ поръ мы не имѣемъ никакого права утверждать, что какое-нибудь третье тѣло съ огромнымъ содержаніемъ азота тоже непремѣнно ядовито. Дальнѣйшіе, гораздо болѣе сложные опыты и наблюденія могутъ убѣдить насъ, что всѣ сильно азотистыя тѣла ядовиты, но только въ такомъ случаѣ, если эти опыты и наблюденія разъяснятъ намъ, почему азотъ въ этихъ случаяхъ оказывается элементомъ, вреднымъ для организма. Когда мы узнаемъ эту причинную связь между разстройствомъ организма и присутствіемъ сильно азотистыхъ веществъ, законъ перестанетъ быть эмпирическимъ, обратится въ раціональный, и мы, узнавъ, что такое-то вещество содержитъ много азота, будемъ имѣть полное право сказать, что это вещество ядовитое. Легко можетъ оказаться, что ядовитость морфина и синильной кислоты обусловливается вовсе не размѣромъ содержанія въ нихъ азота, а какими-нибудь другими ихъ свойствами, отъ нашего

наблюденія до сихъ поръ ускользавшими. Ясно, что пока относительно извѣстной группы явленій мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только эмпирическіе законы, наука этихъ явленій не существуетъ, хотя опытовъ и наблюденій можетъ быть накоплено уже достаточно. Аристотель могъ, конечно, изучать и наблюдать минералы, могъ открыть даже нѣкоторые грубые эмпирическіе законы въ этой области, но минералогія, какъ наука, можетъ получить значеніе не иначе, какъ по установленіи законовъ математики, физики и химіи, то-есть тѣхъ абстрактныхъ наукъ, которыя разсматриваютъ извѣстную группу свойствъ тѣлъ въ примѣненіи ко всевозможнымъ случаямъ. Точно такъ же конкретная біологія, состоящая изъ зоологіи, ботаники и палеонтологіи, существовала раньше біологіи абстрактной, но существовала только въ эмпирическомъ видѣ, то-есть существовала, какъ сборникъ матеріаловъ, и не существовала, какъ наука. Гексли только смѣшонъ, когда онъ предлагаетъ Конту дать его оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній между абстрактною и конкретною біологіею обратный видъ. Контъ никогда и не думалъ отрицать, что «мы не можемъ имѣть объ общихъ законахъ жизни другаго знанія, кромѣ того, которое основано на спеціальномъ изученіи живыхъ существъ». Контъ прямо и неоднократно указываетъ, — и это неизбѣжно вытекаетъ изъ основныхъ положеній его философіи,—что конкретныя науки начали развиваться раньше абстрактныхъ, но неизбѣжно *послѣ* абстрактныхъ принимаютъ дѣйствительно научный характеръ, то-есть вырываются изъ фазиса отрывочныхъ наблюденій и эмпирическихъ законовъ. Гексли опять-таки только смѣшонъ, когда говоритъ: «И если отвлеченныя науки обнимаютъ собою воображаемые случаи примѣненія законовъ, изслѣдуемыхъ каждою изъ нихъ, то неужели онѣ не обнимаютъ и предметовъ конкретныхъ наукъ, которые, конечно, легко представить себѣ уже по одному тому, что они существуютъ?» Это возраженіе не имѣетъ и тѣни основательности. Каждая отвлеченная наука занимается только извѣстною группою свойствъ тѣлъ, то-есть предметовъ конкретныхъ наукъ. Физика занимается физическими свойствами тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, химія — химическими, біологія изслѣдуетъ только законы жизни, и въ этомъ именно смыслѣ абстрактныя науки обнимаютъ собою не «воображаемые», а всевозможные случаи примѣненія своихъ законовъ. И опять-таки все дѣло въ томъ, что Гексли смѣшиваетъ эмпирическіе законы съ раціональными, на которые, съ теченіемъ времени, эмпирическіе законы разлагаются. А между тѣмъ, въ этомъ именно обстоятельствѣ лежитъ полное логическое и историческое оправданіе какъ Контова раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, такъ и его классификаціи абстрактныхъ наукъ. Гексли имѣлъ полное право согласиться или несогласиться съ основнымъ принципомъ этой классификаціи, лежащимъ именно въ разли-

ченіи эмпирическихъ обобщеній отъ обобщеній строго-научныхъ. Затѣмъ, въ качествѣ добросовѣстнаго критика, онъ долженъ бы былъ посмотрѣть, какъ Контъ исполнилъ поставленную имъ себѣ задачу. Но Гёксли не только не сдѣлалъ этого, а даже именно слона-то и не примѣтилъ. Онъ не выразилъ ни согласія, ни несогласія съ основнымъ взглядомъ Конта, онъ объ немъ просто умолчалъ. Быть можетъ, онъ его проглядѣлъ? Въ первомъ случаѣ это недобросовѣстно, а во второмъ Гёксли не обнаружилъ большой проницательности. И по истинѣ злой духъ толкнулъ его въ область философской критики, въ которой онъ такъ слабъ.

Читатели, я очень хорошо вижу неловкость своего положенія, я очень хорошо понимаю, что многіе изъ васъ увидятъ въ моемъ разборѣ возраженій Гёксли то суздальское «разрушеніе авторитетовъ», которое было у насъ когда-то въ модѣ, и которому немало послужила и нынѣшняя редакція «Космоса». Иному изъ васъ можетъ показаться весьма дерзкимъ мое обращеніе съ первоклассньмъ европейскимъ ученымъ, пользующимся огромнымъ и заслуженнымъ кредитомъ. Но, читатель, я, во-первыхъ, уже сослался на исключающіе мнѣнія Гёксли о Контѣ авторитеты первоклассныхъ европейскихъ мыслителей; вовторыхъ, я не приглашаю васъ вѣрить мнѣ на слово: имѣяй очи видѣти, да видитъ; втретьихъ, наконецъ, я ни на минуту не желалъ бы поколебать вашего уваженія къ ученымъ трудамъ и заслугамъ Гёксли. Да избавитъ меня Богъ отъ такого суздальства. Но да избавитъ меня Богъ и отъ того противоположнаго суздальства, которое обнаружила редакція «Космоса», обращаясь къ статьѣ Гёксли съ суздальскимъ «ручку пожалуйте». Ниже я скажу свое мнѣніе о поведеніи въ этомъ дѣлѣ редакціи «Космоса», а теперь замѣчу только, что эта въ другихъ случаяхъ столь многоглаголивая и много-примѣчающая редакція не снабдила статей Гёксли ни однимъ примѣчаніемъ, за исключеніемъ вступительнаго, насчетъ авторитетовъ. Не то, чтобы я считалъ примѣчанія этой редакціи очень цѣнными, но было бы очень желательно знать мнѣніе ея о нѣкоторыхъ частныхъ взглядахъ Гёксли, было бы даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ для нея обязательно выразить свое мнѣніе. Такъ, вѣроятно, не я одинъ и ждалъ, и желалъ встрѣтить примѣчаніе редакціи къ слѣдующей тирадѣ Гёксли, по поводу мнѣнія Конта, что «всякое научное образованіе, неначинающееся изученіемъ математики, грѣшитъ въ своемъ основаніи»: «Образованіе, весь секретъ котораго заключается въ переходахъ отъ легчайшаго къ болѣе трудному, отъ конкретнаго къ отвлеченному, должно идти по Конту совершенно инымъ путемъ, и переходить отъ отвлеченнаго къ конкретному!» Было бы весьма любопытно знать мнѣніе редакціи «Космоса», на сколько легокъ предлагаемый Гёксли путь изученія, напримѣръ, физики или астрономіи безъ знакомства съ математикой. Это было

бы желательно знать въ виду разъясненія собственныхъ взглядовъ редакціи на педагогическій порядокъ наукъ. Когда-то, когда «Космосъ» издавался еще въ видѣ еженедѣльной газеты, въ немъ была категорически выражена нынѣ опровергаемая Гёксли мысль, что образованіе должно начинаться съ математики. Поэтому читатели «Космоса» должны находиться въ нѣкоторомъ недоумѣніи. И недоумѣніе это должно усиливаться еще путаницею, вносимою сюда напечатанными въ «Космосѣ» статьями «Рикардо и его теорія цѣнности», и «Новѣйшія изслѣдованія по вопросу народонаселенія». Въ статьяхъ этихъ, имѣющихъ цѣлію обработку общественной науки при непосредственной помощи математики, обнаруживается крайнее шатаніе по вопросу о значеніи математики вообще и ея роли въ общественной наукѣ въ особенности. Статьи эти поучительны во многихъ отношеніяхъ. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ собственно потому, что и въ нихъ трактуется о Контѣ и положительной философіи. «Такъ-называемая позитивная философія — говорится въ предисловіи редакціи къ статьѣ «Рикардо и его теорія цѣнности» — резонируя въ лицѣ Огюста Конта на тэму нравственныхъ вопросовъ, чуждыхъ послѣднему по его образованію и мало знакомыхъ ему въ существѣ, могла считать безнадежнымъ, чтобы масса пестрыхъ и зыбкихъ, на первый взглядъ, явленій нравственной и психической области могла когда-нибудь быть подчинена такому же точному измѣренію, классификаціи и дисциплинѣ, какъ и рядъ другихъ болѣе простыхъ на видъ фактовъ. Этой философіи, говоримъ мы, несмотря на свое названіе позитивной философіи, простительно было оставаться философіей глазомѣра, и всего менѣе позитивной философіей въ дѣлѣ нравственныхъ фактовъ». Затѣмъ редакція «Космоса» намекаетъ на то, что ей извѣстны «спеціальныя изслѣдованія дѣйствительно позитивнаго характера, правда, немногочисленныя, но драгоцѣнныя въ нравственной литературѣ, можетъ быть вовсе незнакомыя ни русскому читателю, ни русской журналистикѣ», и что эти одной редакціи «Космоса» (по крайней-мѣрѣ, въ Россіи) извѣстныя изслѣдованія «давно отвели свое надлежащее историческое мѣсто и старымъ взглядамъ на этотъ предметъ позитивистовъ, да и самой позитивной философіи Конта». Къ сожалѣнію, это указаніе слишкомъ таинственно, почтенная редакція не пожелала подѣлиться съ русскою публикою своимъ драгоцѣннымъ секретомъ. А между тѣмъ, для нея, повидимому, было нравственно обязательно опубликовать свой секретъ. Статья Гёксли едва-ли разобьетъ «вошедшій у насъ въ моду» позитивизмъ, и потому если редакція «Космоса» признаетъ его въ такой мѣрѣ зловреднымъ, то ей надлежало выдвинуть свою тяжелую артиллерію. Тѣмъ не менѣе русская публика приглашается къ построенію храма богу, вѣдомому только двумъ русскимъ жрецамъ науки, на подобіе аѳинскаго храма богу не-

вѣдомому. А это тѣмъ печальнѣе, что въ ближайшую связь съ этимъ невѣдѣніемъ и вхожденіемъ въ моду позитивизма редакція «Космоса» ставитъ существованіе у насъ «полупросвѣщенныхъ резонеровъ», «наивныхъ болтуновъ на политическія тэмы», которые, правда, только смѣшны почтенной редакціи «Космоса», но которые въ то же время «въ тягость своему родному брату», которые суть «враги обществу, Каины его лучшихъ дней», которыхъ, наконецъ, по нѣсколько фантастическому предположенію редакціи, «не родила бы родная мать, еслибы она могла ясно видѣть дѣло, которое они дѣлаютъ». (Всѣ эти выраженія заимствованы мною изъ того же предисловія къ статьѣ «Рикардо и его теорія цѣнности»). Въ чемъ же, однако, дѣло, и что̀ скрывается подъ этою, черезчуръ уже таинственною мантіею олимпійскаго величія? Въ чѐмъ состоятъ тѣ «дѣтскія мысли насчетъ сближенія нравственнаго знанія съ точными пріемами изслѣдованія», которыя высказывалъ Контъ, и въ чемъ не дѣтскія мысли, коихъ на этотъ счетъ держится редакція «Космоса»?

Начнемъ съ послѣднихъ. «Космосъ» полагаетъ, что всякая отрасль знанія начинаетъ свои изслѣдованія при помощи методовъ болѣе или менѣе грубыхъ, несовершенныхъ,—словомъ, «ограничивается общими способами врожденнаго глазомѣра». Но наступаетъ, наконецъ, для науки такой моментъ, когда ей приходится прибѣгнуть къ «вооруженнымъ пріемамъ изслѣдованія», каковые пріемы сводятся къ математическому анализу явленій. Нравственныя и политическія науки находятся донынѣ на ступени «способа глазомѣра», но способу этому наступаетъ конецъ и въ этой области. Такъ въ наукѣ экономической — экономисты и соціалисты исчерпали всѣ средства, какія можетъ дать способъ глазомѣра, и потому наукѣ приходится «выбирать между празднымъ перебалтываніемъ стараго или пріемомъ новыхъ методовъ». Такимъ образомъ «Космосъ» сводитъ всѣ методы изученія явленій къ двумъ: къ «способу врожденнаго глазомѣра» и къ математическому методу, оставляя неразъясненнымъ, въ чемъ именно тотъ и другой состоятъ. Подъ «способами врожденнаго глазомѣра», очевидно, слѣдуетъ разумѣть вещи весьма и весьма различной научной цѣнности. Допустимъ, что упоминаемый, хотя и неразъясняемый «Космосомъ» математическій методъ есть нѣчто опредѣленное, и для всѣхъ наукъ въ извѣстномъ моментѣ развитія обязательное. Но біологія и нравственныя и политическія науки, до сихъ поръ въ этотъ моментъ нѐвступавшія, прошли, однако, немало ступеней, существенно различныхъ. Сравнительно анатомическая точка зрѣнія, вивисекціи, микроскопъ, химическій анализъ, — не суть ли это все ступени «способа врожденнаго глазомѣра» въ біологіи? Съ другой стороны, пиѳагорейцы совали математику всюду; знаменитый, хотя слишкомъ часто страдавшій бѣлою горячкою Эдгаръ Поэ сопрягалъ математику съ по-

эзіей; Мальтусъ выразилъ важный соціологическій законъ двумя пропорціями. Но былъ ли въ этихъ случаяхъ прилагаемъ таинственно рекомендуемый «Космосомъ» математическій методъ, и если былъ, то вѣрно ли? «Космосъ» даже и не говоритъ о методѣ, а разсказываетъ, что есть, де, способы врожденнаго глазомѣра, а есть и болѣе вооруженные пріемы, пріемы математическіе. Въ виду этого тумана читателю поневолѣ должны придти въ голову вопросы: да на сколько же приложеніе математики къ высшимъ наукамъ гарантируетъ насъ отъ ошибокъ, свойственныхъ «врожденному глазомѣру»? Какимъ образомъ это приложеніе должно происходить? Правда, «Космосъ» даетъ примѣры этого приложенія, и именно къ теоріи цѣнности и къ вопросу народонаселенія. Но примѣры эти не только ничего не объясняютъ, а, какъ увидимъ, напускаютъ туману еще пущаго.

Я сказалъ, что біологія не вступала въ моментъ «вооруженныхъ пріемовъ», и прибавлю теперь, что она въ него и не можетъ вступить, если подъ «вооруженными пріемами» разумѣть математическій анализъ. «Космосъ» смотритъ на это дѣло иначе. «Въ настоящее время — говорится въ томъ же курьёзномъ предисловіи—всѣ болѣе разработанныя отрасли знанія или вступили въ прямой союзъ съ высшими способами анализа, или стремятся къ тому, и только развѣ въ нашей литературѣ можно встрѣтить такія мнѣнія, по которымъ чѣмъ сложнѣе наука, тѣмъ менѣе она нуждается въ совершенныхъ методахъ, въ доказательство чего и указывается на физіологію и химію, неимѣющихъ будто бы никакого касательства къ математикѣ. Но такія наивныя вещи возможны развѣ въ нашей литературѣ. Сами физіологи очень хорошо знаютъ, что тѣ отдѣлы физіологіи, которые болѣе разработаны другихъ, какъ, напримѣръ, физіологія зрѣнія, всѣ основаны на математикѣ». Мнѣ пріятно заявить, что почтенный авторъ, столь мальтретируя литературу, къ которой принадлежитъ самъ, дѣлаетъ ошибокъ почти столько же, сколько говоритъ словъ. Конечно, было бы нелѣпо утверждать, что сложнѣйшія науки не нуждаются въ совершенныхъ методахъ. Но, вопервыхъ, никто этого въ нашей литературѣ и не утверждалъ, не утверждали по крайней-мѣрѣ тѣ, въ кого авторъ мѣтитъ; а вовторыхъ, авторъ впадаетъ здѣсь въ такъ-называемое круговое умозаключеніе (petitio principii), ибо вопросъ именно въ томъ и состоитъ, насколько совершеннымъ орудіемъ можетъ служить математика въ высшихъ наукахъ. Въ нашей литературѣ говорилось нѣсколько (очень впрочемъ немного) разъ не то, что біологія и соціологія не нуждаются въ совершенныхъ методахъ, а то, что математическій анализъ въ этихъ областяхъ неприложимъ. Ошибается авторъ и въ томъ, что «такія наивныя вещи возможны развѣ въ нашей литературѣ». Нѣтъ, онѣ не только возможны, а и существуютъ и въ западной

литературѣ. Я не буду ссылаться на самаго Конта, ибо ученая редакція «Космоса» убѣждена въ его невѣжествѣ, но вотъ что говоритъ писатель, когда-то пользовавшійся большимъ уваженіемъ этой редакціи: «Въ томъ же сочиненіи (въ Курсѣ Конта), особенно въ третьемъ томѣ, вполнѣ разобраны предѣлы приложимости математическихъ началъ къ развитію другихъ наукъ. Подобныя начала, очевидно, непримѣнимы тамъ, гдѣ причины, опредѣляющія какой либо родъ явленій, такъ мало доступны нашему наблюденію, что мы не можемъ, соотвѣтственнымъ наведеніемъ, обнаружить ихъ численные законы; или гдѣ причины до того многочисленны и представляютъ такую сложную смѣсь, что еслибъ даже законы ихъ были извѣстны, то вычисленіе совокупнаго дѣйствія превзошло бы силы исчисленія, въ теперешнемъ его состояніи о вѣроятномъ будущемъ; наконецъ, гдѣ сами причины постоянно измѣняются, какъ напримѣръ въ физіологіи и еще болѣе, если это возможно, въ соціальной наукѣ. Математическія рѣшенія физическихъ вопросовъ становятся прогрессивно болѣе трудными и несовершенными, по мѣрѣ того, какъ вопросы теряютъ свой отвлеченный и гипотетическій характеръ и приближаются къ той сложности, которая дѣйствительно существуетъ въ природѣ. Это до того справедливо, что, за предѣлами явленій астрономическихъ и наиболѣе сходныхъ съ ними, математическая точность достигается обыкновенно «въ ущербъ реальности изслѣдованія». Даже въ астрономическихъ вопросахъ, «несмотря на удивительную простоту ихъ математическихъ началъ, нашъ слабый умъ оказывается неспособнымъ успѣшно прослѣдить логическія сочетанія законовъ, опредѣляющихъ явленія, — какъ скоро мы пытаемся одновременно сообразить болѣе двухъ или трехъ существенныхъ вліяній» (Philosophie Positive. III, 414—416). Какъ замѣчательный примѣръ этого, не разъ уже была приводима задача о трехъ тѣлахъ: полное рѣшеніе такого, сравнительно простаго вопроса было не по силамъ самымъ проницательнымъ математикамъ. Поэтому мы можемъ себѣ представить, какъ призрачна была бы надежда съ пользою примѣнить математическія начала къ явленіямъ, зависящимъ отъ безчисленнаго множества частичекъ тѣлъ, — напримѣръ, къ явленіямъ химіи и, еще болѣе, физіологіи. По подобнымъ же причинамъ начала эти остаются непримѣнимыми къ еще сложнѣйшимъ изслѣдованіямъ, предметами которыхъ служатъ явленія общественныя и государственныя» (Милль. Система логики. II, 156). Правда, логика Милля есть сочиненіе не новое, хотя и едва-ли замѣненное чѣмъ-нибудь болѣе новымъ, но Милль выражаетъ тотъ же взглядъ и въ недавней своей книгѣ о Контѣ и позитивизмѣ, которую я уже не разъ цитировалъ. И такъ, «Космосъ» ошибается, утверждая, что «такія наивныя вещи возможны развѣ только въ нашей литературѣ». Я думаю впрочемъ, что здѣсь ошибки не было; я думаю, «Космосъ» зналъ,

что онъ говоритъ неправду; кто у насъ не читалъ логики Милля? а гг. Антоновичъ и Жуковскій, безъ сомнѣнія, прочли ее съ тѣмъ добросовѣстнымъ вниманіемъ, которое ихъ столь характеризуетъ вообще и котораго наконецъ требовалъ и самый предметъ книги. Я думаю, что «Космосъ» сказалъ неправду изъ скромности. Дѣйствительно, подняться на неизмѣримую высоту надъ русской литературой, увидѣть въ ней Каиновъ, которыхъ бы не родила родная мать и проч.—это дѣло немудреное. Но уличать одного изъ виднѣйшихъ мыслителей Европы въ «нахальствѣ либеральничающихъ невѣждъ, желающихъ прикрываться пустыми и пошлыми словоизверженіями»,—это было бы уже слишкомъ сильно, и «Космосъ» снисходительно скрылъ грѣхъ провинившагося мыслителя. Я даже думаю, что намекая на какія-то таинственныя, ей одной извѣстныя изслѣдованія, поражающія позитивизмъ на смерть, редакція «Космоса» говоритъ неправду опять-таки изъ скромности: эти «драгоцѣнныя» изслѣдованія принадлежатъ, по всей вѣроятности, самой редакціи. Присутствіе при такой скромности соотечественниковъ доставило мнѣ большое удовольствіе. Съ другой стороны пріятно было за «Каиновъ, которыхъ бы не родила родная мать», ибо въ сосѣдствѣ Милля они должны себя чувствовать все-таки недурно.

Классифицировать какіе бы то ни было предметы, а слѣдовательно и науки можно въ виду очень разнообразныхъ цѣлей и на основаніи очень разнообразныхъ принциповъ. Всякая классификація въ извѣстной мѣрѣ искусственна, и достоинство и значеніе ея должны быть измѣряемы, вопервыхъ, важностью предположенныхъ цѣлей, а вовторыхъ тѣмъ, насколько классификація этихъ цѣлей достигаетъ. Классификація наукъ Конта имѣетъ тройную цѣль: расположить доступныя человѣку явленія въ порядкѣ ихъ возрастающей сложности и убывающей общности; представить послѣдовательность логическаго и историческаго порядка, въ которомъ различныя отрасли знанія опираются другъ на друга, и наконецъ представить іерархію наукъ въ педагогическомъ отношеніи. Цѣлямъ этимъ Контова классификація наукъ удовлетворяетъ вполнѣ, если не считать двухъ-трехъ частностей, которыя не могли быть аранжированы сообразно всѣмъ тремъ цѣлямъ классификаціи заразъ; таково, напримѣръ, довольно произвольное расположеніе различныхъ отдѣловъ физики. Кстати, «Космосъ» смущенъ «физіологіей зрѣнія, которая вся основана на математикѣ», но смущеніе это совершенно тщетно, ибо та часть физіологіи зрѣнія, которая «основана на математикѣ», т.-е. оптика, имѣетъ свое мѣсто, по классификаціи Конта, въ физикѣ, а ни Контъ, ни Милль и никакой Каинъ никогда не отрицали, что физика есть одна изъ тѣхъ немногихъ наукъ, въ которыхъ математика играетъ весьма важную роль; напротивъ, и Контъ, и Милль, и Каины на это обстоятельство всегда указывали. Гёксли, отзвонивъ свой

суздальскій звонъ по поводу раздѣленія наукъ на абстрактныя и конкретныя, — звонъ несложный, мы привели все, что̀ говоритъ по этому поводу Гёксли, — возраженій противъ Контовой классификаціи наукъ абстрактныхъ самъ не дѣлаетъ, а ссылается на возраженія Спенсера. Спенсеръ же въ своихъ опытахъ о «Генезисѣ наукъ» и о «классификаціи наукъ» дѣйствительно выставляетъ много возраженій противъ классификаціи Конта, но построены они главнымъ образомъ на томъ же смѣшеніи эмпирическаго и строго-научнаго состоянія нашихъ знаній, въ которое впадаетъ и Гёксли, говоря объ отношеніяхъ конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ. Контъ никогда не думалъ утверждать, чтобы его линейная филіація наукъ изображала практическое развитіе всѣхъ нашихъ знаній, какова бы ни была ихъ относительная цѣнность. Контъ, напротивъ, неоднократно говоритъ, что всѣ отрасли нашего знанія должны были зародиться если не единовременно, то во всякомъ случаѣ не въ томъ строго логическомъ порядкѣ, на какомъ построена его классификація наукъ. Эмпирическій порядокъ развитія знанія представляетъ собственно полнѣйшій безпорядокъ, въ которомъ, повидимому, нѣтъ никакой возможности оріентироваться. Какое нибудь грубое, «по способу врожденнаго глазомѣра», біологическое наблюденіе дѣлается въ извѣстномъ мѣстѣ и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, особенно благопріятныхъ; наблюденіе это уносится педагогическимъ путемъ въ другія мѣста, переносится въ другія обстоятельства, и здѣсь оно становится зародышемъ нѣкоторыхъ законовъ механики, отъ которыхъ въ свою очередь возможенъ прыжокъ къ какому нибудь эмпирическому соціологическому обобщенію и т. д., и т. д. Мнѣ недавно случилось слышать или читать мнѣніе, что идея общественнаго равенства, составляющая, по Спенсеру, основаніе соціологіи, и изобрѣтеніе вѣсовъ, существенно помогли другъ другу. Я не буду разбирать, насколько это мнѣніе справедливо, но во всякомъ случаѣ очевидно, что подобную неожиданную помощь отъ области весьма отдаленной легко могла получать каждая отрасль нашихъ знаній. Контъ, разумѣется, понималъ это очень хорошо. Онъ не только говорилъ объ этомъ, но даже указывалъ на необходимость обратить особенное вниманіе на нѣкоторые случаи того, что̀ можно бы было назвать возвратнымъ движеніемъ наукъ; именно тѣхъ случаевъ, когда высшая и болѣе сложная наука оказываетъ косвенную или непосредственную помощь низшей и болѣе простой наукѣ. Я уже говорилъ объ этомъ въ статьѣ объ «аналогическомъ методѣ въ общественной наукѣ». Но великая заслуга Конта, безспорно свидѣтельствующая о необыкновенной философской силѣ его ума, состоитъ въ томъ, что онъ съумѣлъ уловить въ этой пестрой и сложной сѣти руководящую нить. Не претендуя на формулировку движенія знанія вообще, которое никакой формулировкѣ и не поддается, Контъ указалъ ту зависимость, въ которой находятся другъ отъ друга науки

абстрактныя, не какъ сборники матеріаловъ, отрывочныхъ наблюденій, эмпирическихъ законовъ, т.-е. законовъ грубыхъ, подлежащихъ разложенію на болѣе простые элементы, законовъ, справедливыхъ только въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ, — а *какъ науки*. Біологія, какъ собраніе безсвязныхъ наблюденій и опытовъ, грубыхъ обобщеній, практическихъ медицинскихъ правилъ, эмпирическихъ законовъ, не только могла, а и должна была существовать раньше низшихъ наукъ, но, какъ наука, она опирается на нихъ и слѣдуетъ за ними и логически, и педагогически, и исторически. Отцомъ соціологіи Контъ считаетъ еще Аристотеля, но, какъ наука, соціологія не существуетъ и по сіе время, и появится она только тогда, когда люди, изучающіе общественную жизнь и ея законы, обопрутся на законы біологіи. Въ этомъ именно указаніи на совпаденіе логическаго порядка развитія наукъ съ порядкомъ историческимъ, понятымъ не «по способу врожденнаго глазомѣра», состоитъ главное достоинство Контовой классификаціи, столь дурно оцѣненное Спенсеромъ, а вслѣдъ за нимъ и Гексли. Цитированный мною выше, для сравненія съ Гексли, Пуату приводитъ изъ сочиненія Литтре «Paroles de philosophie positive» слѣдующее краткое резюме классификаціи Конта: «Безъ математики невозможны ни астрономія, ни физика; химія безсильна безъ помощи физики; безъ химіи непонятенъ важнѣйшій жизненный фактъ— питаніе; а исторія, соціологія невозможны безъ помощи законовъ біологическихъ». Пуату по этому случаю иронически замѣчаетъ, что, дескать, Аристотель и Монтескьё никуда, значитъ, не годятся и что, значитъ, для управленія народами необходимо ознакомиться съ «важнѣйшимъ жизненнымъ фактомъ, съ питаніемъ». Иронія Пуату очень плоска, но въ сущности она одного происхожденія съ возраженіями и Спенсера и Гексли. Не говоря уже о томъ, что знакомство съ фактомъ питанія весьма и весьма не лишнее дѣло для управленія народами, Контъ никогда не утверждалъ, чтобы даже довольно важныя соціологическія изслѣдованія не могли имѣть мѣста помимо біологіи. Людямъ практическимъ, людямъ, поставленнымъ въ необходимость дѣйствовать или обсуждать чужія дѣйствія, некогда дожидаться строго научной постановки общественныхъ вопросовъ. Они руководствуются запасомъ своего практическаго опыта, личнаго и историческаго, и поневолѣ стоятъ на почвѣ эмпирической. Но наука общественная все-таки невозможна безъ существенной помощи біологіи. Остальныя науки могутъ, правда, оказать нѣкоторыя услуги, какъ напримѣръ, химія анализомъ почвы и климата, но услуги эти будутъ всегда по необходимости второстепенными. Что же касается до математики, то ея роль въ общественной наукѣ совершенно ничтожна, что блистательно подтверждается двумя вышеупомянутыми статьями «Космоса». Такимъ образомъ съ точки зрѣнія классификаціи наукъ Конта «вооруженнымъ пріемомъ» въ общественной наукѣ дол-

жно считаться примѣненіе къ ней не математическаго анализа, а законовъ жизни, законовъ біологическихъ. Пусть читатель познакомится съ превосходнымъ изложеніемъ идеи этой зависимости соціологіи отъ біологіи у Конта, и онъ изумится той дерзости — я готовъ бы былъ сказать тому нахальству, еслибы желалъ состязаться съ «Космосомъ» въ энергіи ругани—съ которою «Космосъ» толкуетъ о «дѣтскихъ» мысляхъ Конта, противопоставляя имъ свои недоваренныя разсужденія о «способахъ врожденнаго глазомѣра» и математическомъ анализѣ общественныхъ явленій. Но Контъ не у всѣхъ подъ руками, онъ не переведенъ на русскій языкъ, да наконецъ пусть за нимъ останется роль подсудимаго. Прочтите изложеніе той же идеи у Спенсера, отрывочныя замѣчанія по этому же предмету у Гэккеля, — и вы увидите, до чего можетъ довести людей суздальская альтернатива «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте». Тотъ подозрительный паѳосъ, съ которымъ «Космосъ» третируетъ «Каиновъ», проникая даже въ возможное настроеніе ихъ матерей въ моментъ ихъ рожденія; тотъ не менѣе подозрительный апломбъ, съ которымъ гг. Антоновичъ и Жуковскій относятся къ одному изъ величайшихъ мыслителей новѣйшаго времени, — разрѣшаются невѣроятно комическимъ образомъ. Едва-ли бо̀льшаго посмѣянія достойна была извѣстная синица, которая надѣлала весьма много шуму, но моря не зажгла.

Поломавшись надъ Контомъ, понегодовавъ на Каиновъ, Космосъ приступаетъ наконецъ къ замѣнѣ, въ области политической экономіи, «способа врожденнаго глазомѣра» математическимъ— я не скажу методомъ, но положимъ математическами пріемами. Авторъ находитъ, что это именно и есть путь, на который должна вступить нынѣ политическая экономія. «Тутъ — говоритъ авторъ — *прежде всего* — старыя экономическія школы должны будутъ найти свое категорическое выраженіе, а слѣдовательно и свою надлежащую оцѣнку» и т. д. Но я тщетно ждалъ, что̀ будетъ послѣ этого *прежде всего*. Когда съ такою помпою возвѣщается новый методъ въ наукѣ и на всѣ стороны разсыпаются, какъ бы изъ рога изобилія, упреки въ невѣжествѣ, мы вправѣ ожидать,что намъ разскажутъ, въ чемъ состоитъ новый методъ, т.-е. тотъ путь, которымъ, по мнѣнію предлагающаго, могутъ быть получены законы извѣстнаго цикла явленій. Но никакихъ подобныхъ разъясненій намъ не даютъ. Далѣе, мы вправѣ ожидать, что если ужь авторъ не хочетъ пускаться въ теоретическія разсужденія о своемъ методѣ, то онъ покажетъ намъ его по-крайней мѣрѣ практически, изслѣдуя и находя, при его помощи, какіе либо законы явленій. Но и подобнаго ничего намъ не даютъ. Намъ говорятъ только, что «Мальтусъ указалъ на законъ размноженія народонаселенія, какъ на раціональную причину неравномѣрнаго распредѣленія продукта въ обществѣ, а на ренту — какъ на естественный налогъ, при посредствѣ котораго совершалась цивилизація»; что Рикардо «разработалъ

самый процессъ учета, самый порядокъ, какимъ распредѣленіе достигало того конца, въ которомъ оно нуждалось по теоріи Мальтуса»; что Рикардо «придалъ своей обработкѣ ту строгость, точность и законченность, которыя почти граничили съ аналитическимъ построеніемъ системы, математической формулировкой экономическихъ теоремъ»; что самъ Рикардо не далъ этихъ формулъ, но что онѣ «легко могутъ быть построены изъ его положеній и примѣровъ» и что наконецъ «мы (Космосъ) примемъ этотъ трудъ на себя». Но, милостивые государи, гдѣ-же тутъ новый методъ? Вы просто взялись выразить математическимъ языкомъ теорію Рикардо, и ничего больше вы и не дѣлаете. Я не утверждаю, чтобы это было безполезно, но гдѣ-же обѣщанный переворотъ въ наукѣ и исчезнованіе экономистовъ и соціалистовъ? Рикардо дошелъ до своей теоріи «способомъ врожденнаго глазомѣра», но онъ могъ бы заказать любому математику перевести ее на математическій языкъ, отъ чего она нисколько не измѣнилась бы. Надо, впрочемъ, сказать, что передъ нами только отрывокъ изъ труда автора и что переворота слѣдуетъ искать, повидимому, не здѣсь, а въ томъ сравненіи между различными экономическими теоріями, которое должно имѣть мѣсто по переводѣ ихъ на математическій языкъ. Если такова дѣйствительно мысль автора, то это конечно пріемъ, болѣе достойный названія новаго метода. Однако, методъ этотъ, сильно напоминающій эклектическій методъ въ философіи, едва-ли достоинъ названія метода хорошаго. Получили вы рядъ математическихъ формулъ, выражающихъ, положимъ, теоріи цѣнности Рикардо, Прудона, Кэри и проч. Но такъ-какъ писателями этими ихъ теоріи получены «по способу врожденнаго глазомѣра», то сравнивать вамъ приходится не иное что, какъ результаты глазомѣрнаго способа, математически выраженные, т.-е. нисколько неизмѣненные, а только приведенные къ «своему категорическому выраженію». Слѣдовательно мы въ сущности ни на шагъ не подвинулись впередъ, и можетъ только показаться, что мы облегчили себѣ возможность сравненія. Но и это облегченіе довольно сомнительно, ибо сравненіе голыхъ формулъ ни къ чему повести не можетъ. Формулы могутъ здѣсь имѣть только то достоинство, что онѣ вкратцѣ покажутъ, что, положимъ, мѣновая цѣна, по изслѣдованіямъ такого-то, сдѣланнымъ «по способу врожденнаго глазомѣра», слагается изъ такихъ-то и такихъ-то элементовъ, обусловливается такими-то и такими то моментами и находится къ нимъ въ такихъ-то и такихъ отношеніяхъ; по изслѣдованіямъ, тоже глазомѣрнымъ, другаго автора, эти элементы и отношенія группируются иначе; по третьему автору ихъ слѣдуетъ расположить опять иначе, вычеркнуть одинъ изъ элементовъ, введенныхъ въ построеніе другими, и ввести новый, другими не указанный и т. д. Но если мы захотимъ подвергнуть всѣ эти изслѣдованія анализу, то ни въ какомъ случаѣ намъ математика здѣсь не поможетъ, а придет-

ся намъ обратиться къ исходнымъ точкамъ изслѣдованій и провѣрить ихъ какимъ нибудь инымъ способомъ; придется посмотрѣть, вѣрны ли были ихъ посылки, правильно ли выведены заключенія, вѣрны-ли наблюденія и вообще факты, легшіе въ основаніе теоріи и т. д. Обращеніе къ математическимъ формуламъ для краткаго выраженія извѣстнаго положенія отнюдь не составляетъ новости и не разъ бывало употребляемо и въ политической экономіи, и въ біологіи. Но употребленію математическихъ формулъ никто и никогда не придавалъ значенія переворота въ наукѣ, потому что оно и дѣйствительно никакого переворота учинить не въ силахъ. Лейкартъ предложилъ для плодовитости формулу:

$$F = \frac{m}{n},$$

гдѣ F есть степень плодовитости, m — количество пластическаго матеріала, прибывающаго въ организмъ матери, n — количество матеріала, потребляемаго новою особью. Очевидно, что формула эта есть не болѣе, какъ выраженныя уравненіемъ нѣсколько печатныхъ страницъ, ничего къ нашимъ знаніямъ, какъ формула, не прибавляющая. Математическая формулировка не устранила недостатковъ «способа врожденнаго глазомѣра», она не ввела, напримѣръ, вліянія мужскаго организма на степень плодовитости. Очевидно также, что еслибы вы, на основаніи другихъ наблюденій, получили другую формулу для степени плодовитости, то сравненіе ея съ формулою Лейкарта не повело бы ни къ чему, а пришлось бы вамъ сравнивать свои наблюденія и опыты съ наблюденіями и опытами Лейкарта. По Гэккелю, степень наслѣдственности, т.-е. степень сходства потомковъ съ родителями, прямо пропорціональна времени, въ теченіе котораго приплодъ находится въ связи съ организмомъ матери и обратно пропорціональна разницѣ размѣровъ между организмами матери и приплода. Обозначая степень наслѣдственности буквою H, время связи — t, размѣръ материнскаго организма — v, размѣръ организма новорожденнаго — v', я получу формулу:

$$H = \frac{t}{v - v'}$$

Я могу сдѣлать эту формулу болѣе точною, вводя въ нее вмѣсто абсолютнаго числа дней непосредственной связи родительскаго организма и организма приплода (t) — отношеніе этого времени къ средней продолжительности жизни недѣлимаго. Но ни эта и никакая другая чисто математическая поправка ни на волосъ не измѣнятъ закона, предлагаемаго Гэккелемъ, и не введутъ въ него вліянія отцовскаго организма на степень наслѣдственности. За этой поправкой никакъ уже невозможно обращаться къ математикѣ. Равнымъ образомъ поправка эта не получится сравненіемъ безчисленнаго множества подобныхъ же голыхъ формулъ.

Во всякомъ случаѣ очевидно, что въ предлагаемомъ «Кос-

мосомъ» переводѣ экономическихъ теорій на математическій языкъ нѣтъ никакого математическаго анализа, нѣтъ никакого новаго метода, нѣтъ устраненія «способа врожденнаго глазомѣра» и не предвидится наконецъ отъ этого перевода ни исчезновенія, ни примиренія соціалистовъ и экономистовъ. Это просто упражненія въ математикѣ. Если ужь «Космосу» такъ желательно примѣненіе математическаго анализа къ явленіямъ общественной жизни, то ему слѣдовало бы внять голосу Гёксли. «Соціальныя явленія, говоритъ Гёксли, суть результаты взаимныхъ дѣйствій, происходящихъ между членами общества, т.-е. между людьми и между ними и міромъ, въ которомъ они живутъ. Но на языкѣ физической науки, употребляющей матеріалистическій языкъ, потому что того требуетъ сущность предметовъ этой науки, — поступки людей, насколько ихъ можетъ изучать наука, суть результаты молекулярныхъ измѣненій матеріи, изъ которой мы состоимъ; и эти измѣненія когда нибудь попадутъ въ область изслѣдованій физика». Не раздѣляя этой надежды Гёксли, я не могу однако отказать его требованіямъ отъ общественной науки въ невѣроятно громадныхъ логическихъ преимуществахъ передъ требованіями «Космоса». Сведите соціальныя явленія къ молекулярной механикѣ, если можете, и тогда прилагайте къ нимъ математическій анализъ, а до тѣхъ поръ не толкуйте о математическимъ методѣ и — послушайтесь Конта — поищите для соціологіи «вооруженныхъ пріемовъ» въ области біологіи. Чтеніе Конта убѣдило бы васъ, можетъ быть, также, что есть огромная разница между математическими упражненіями на готовыя соціологическія темы и математическимъ анализомъ общественныхъ явленій. Первыя возможны, но не особенно цѣнны; второй былъ бы вѣроятно очень цѣненъ, но онъ невозможенъ.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ статья «Новѣйшія изслѣдованія по вопросу народонаселенія». Здѣсь нѣтъ предисловія отъ редакціи, и можетъ быть по этому самому, нѣтъ никакихъ Каиновъ, никакихъ уличеній Конта въ необразованности, никакихъ толковъ о переворотахъ въ наукѣ и вообще никакого туману. Авторъ просто разсказываетъ, какъ, почему и къ какимъ выводамъ относительно движенія народонаселенія приходили статистики. Но для насъ интересно въ этой статьѣ собственно только слѣдующее любопытное признаніе: «По своему существу вопросъ о приростѣ населенія, какъ слагающійся собственно изъ двухъ вопросовъ, вопроса о плодовитости и вопроса о смертности, есть вопросъ чисто-физіологическій. Но физіологія не даетъ никакого отвѣта на эти два частные вопроса. Она ничего не знаетъ о кривыхъ, по которымъ совершается развитіе жизненной силы или вѣрнѣе живучести въ организмѣ, и объ естественной мѣрѣ плодовитости. Поэтому общественная наука не имѣла никакихъ основаній, на которыхъ она могла бы приступить къ рѣшенію вопроса чисто-теоретическимъ спо-

собомъ. Ей предстояло основать всѣ средства свои на эмпирическихъ данныхъ, вопросъ изъ чисто-физіологическаго, какимъ онъ былъ по существу, долженъ былъ стать вопросомъ статистики. А извѣстное дѣло, въ какой дальній ящикъ откладывается рѣшеніе вопроса, разъ оно сводится на эмпирическій путь. Въ эмпирическихъ данныхъ изслѣдователь получаетъ рядъ послѣднихъ результатовъ, въ которыхъ скрывается сложное дѣйствіе иногда весьма разнообразныхъ причинъ, вскрыть и измѣрить которыя составляетъ дѣло величайшей трудности. Поэтому-то всѣ попытки теоретическаго построенія закона народонаселенія остаются до сихъ поръ совершенно тщетными. Основныя *постоянныя* вопроса,—представленія о такихъ основныхъ величинахъ, какъ напримѣръ естественная мѣра плодовитости, остаются крайне смутны и неопредѣленны. Въ этомъ отношеніи мы остаемся еще при той неопредѣленности, которою долженъ быть довольствоваться знаменитый Лапласъ въ то время, какъ приступилъ къ своимъ вычисленіямъ по статистикѣ народонаселенія».

Итакъ, общественная наука, вооруженная «вооруженными пріемами» математики, но неимѣющая возможности опереться на біологію, на законы жизни, не можетъ подвинуться дальше эмпирическихъ законовъ. Но, милостивые государи, за что же вы такъ напустились на Конта, такъ презрительно относитесь къ его «дѣтскимъ» мыслямъ насчетъ сближенія нравственныхъ и политическихъ наукъ съ науками низшими, такъ тонко намекаете на никому кромѣ васъ неизвѣстныя изслѣдованія, убивающія позитивизмъ, такъ гнѣвно обрушиваетесь на позитивистовъ; за что и зачѣмъ вы все это продѣлываете, когда въ концѣ концовъ приходите къ тѣмъ же заключеніямъ, какія далъ и Контъ? Вы сами видите, что «вооруженные пріемы» математики нисколько не гарантируютъ насъ въ общественной наукѣ отъ «способа врожденнаго глазомѣра». Зачѣмъ же вы уподобились неблагоразумной синицѣ, пообѣщавшей исполнить дѣло, неисполнимое не только для нея, синицы, но неисполнимое вообще? Ни одинъ позитивистъ не отрицаетъ статистики, какъ средства для полученія болѣе или менѣе грубыхъ эмпирическихъ законовъ, которыми практика, бѣдная даже этими несовершенными средствами, можетъ руководствоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но это средства тѣмъ не менѣе все-таки несовершенныя; несмотря на помощь математики, они остаются на степени «способовъ врожденнаго глазомѣра». И Контъ былъ совершенно правъ, упрекая Кетле, когда тотъ придалъ статистикѣ несоотвѣтственное названіе соціальной физики. Статистика, по самому существу своему, ограничивается добываніемъ эмпирическихъ законовъ при помощи математическихъ пріемовъ. Соціальная же физика, соціологія, общественная наука должна подняться выше и этихъ пріемовъ, и добываемыхъ ими законовъ и опереться на біологію. За что же вы,

милостивые государи, обругали Конта и позитивистовъ? за что подняли противъ нихъ свой столь стремительный и столь неудачный походъ? Зачѣмъ вы такъ хвалились, идучи на рать, когда вамъ приходится столь постыдно возвращаться? Эхъ, кабы за всякою мантіей олимпійскаго величія и за всякимъ таинственнымъ покрываломъ Изиды да было соотвѣтственное содержаніе... Кабы всякой бодливой коровѣ, да Богъ рогъ даровалъ... И въ какое же время «Космосъ» вздумалъ называть «дѣтскими» соображенія Конта объ относительномъ значеніи математики и біологіи для общественной науки! Въ то самое время, когда мы, можетъ быть, находимся уже наканунѣ дѣйствительнаго и глубокаго переворота въ общественной наукѣ, переворота, имѣющаго быть произведеннымъ именно біологіею, а не математикой. И переворотъ этотъ отнюдь не ограничится законами народонаселенія, хотя начнется, по всей вѣроятности, съ нихъ. Стоитъ только вдуматься хоть въ вышеприведенную формулу плодовитости Лейкарта, которая, несмотря на свою неполноту, приблизительно все-таки вѣрна, чтобы убѣдиться въ этомъ. Теорія же Дарвина несомнѣнно окончательно выведетъ общественную науку на новый широкій и плодотворный путь. Я не хочу прикрываться мантіей олимпійскаго величія и таинственнымъ покрываломъ Изиды. Я не хочу сказать, что я знаю вполнѣ, какъ и какія именно новыя перспективы откроетъ біологія общественной наукѣ и какъ именно повліяетъ она въ частности на экономическія теоріи; я не хочу сказать, что у меня въ рукахъ есть ключъ къ этой загадкѣ, разрѣшеніе которой такъ желательно и уже такъ близко. Этого ключа въ настоящую минуту нѣтъ ни у кого, а тѣмъ болѣе у меня, простаго журнальнаго работника. Но я радуюсь, имѣя случай указать русской читающей молодежи тотъ путь, которымъ она, поставленная въ болѣе благопріятныя условія, можетъ дойти до великой задачи. Точно также радуюсь я, имѣя возможность защищать такую философію, какова философія положительная, хотя—повторяю—я не позитивистъ, если разумѣть подъ позитивистами ту или другую фракцію учениковъ Конта. И я увѣренъ, что еслибы мать моя могла предвидѣть дѣло, которое я дѣлаю, она не отказалась бы родить меня. Я думаю даже, что это предвидѣніе облегчило бы ея муки.

Я началъ суздальцами, суздальцами и кончу. Я не стану касаться суздальства Гексли, потому что оно для насъ мало интересно и, какъ суздальство европейское, безъ сомнѣнія, найдетъ себѣ должную оцѣнку въ Европѣ. На Западѣ позитивизмъ имѣетъ уже нѣкоторые корни, и такія плохія статьи, какъ статья Гексли, отнюдь не могутъ тамъ отвлечь отъ позитивизма то вниманіе, которое онъ къ себѣ все болѣе и болѣе привлекаетъ. Доктрины Конта завоевываютъ себѣ въ Европѣ все болѣе и болѣе прочное мѣсто, что̀ можно видѣть уже изъ того почтенія, съ которымъ къ нимъ относятся люди, далеко

не вполнѣ съ Контомъ солидарные. Мы привели выше мнѣнія о Контѣ и позитивизмѣ Бокля, Милля, Льюиса, Спенсера, но уваженіе къ Конту далеко не ограничивается Англіею и этими блестящими именами. Я только-что прочелъ главу о Контѣ и позитивизмѣ въ исторіи философіи Дюринга («Kritische Geschichte der Philosophie von ihren Anfängen bis zur Gegenwart», Berlin, 1869), просмотрѣлъ замѣчательную книгу Ланге — «Исторія матеріализма» («Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart», 1866) и вижу, что «либеральничающіе невѣжды, невѣжественно незнакомые съ болѣе удовлетворительными философскими направленіями и желающіе прикрываться пустыми и пошлыми словоизверженіями», существуютъ и въ Европѣ. Почтительное отношеніе къ Конту и его доктринамъ въ Ланге достойно особеннаго вниманія. Очевидно, въ западной Европѣ прошло уже то время, когда можно было морочитъ людей, сваливая въ одну кучу обѣ половины дѣятельности Конта и навязывая всѣмъ позитивистамъ религію Конта и его общественные идеалы. Другое дѣло у насъ въ Россіи, а потому поведеніе редакціи «Космоса» въ этомъ отношеніи заслуживаетъ болѣе спеціальной оцѣнки.

Весь крестовый походъ «Космоса» противъ Конта и позитивизма мотивируется тѣмъ, что «позитивизмъ вошелъ у насъ въ моду». Во вниманіе къ возможнымъ печальнымъ послѣдствіямъ этого заблужденія, «Космосъ» печатаетъ статьи Гёксли, въ которыхъ не указывается на то, что существуютъ двѣ совершенно различныя формы позитивизма; печатаетъ возраженіе суздальца-контиста Конгрева, прямо объясняя, что такъ именно, какъ Конгревъ, разсуждаютъ и всѣ позитивисты, хотя самъ Гёксли упоминаетъ, что есть позитивисты посильнѣе Конгрева, и заявляетъ при этомъ, что къ такому напечатанію онъ, «Космосъ», побуждается «долгомъ безпристрастія», тогда какъ долгъ безпристрастія требовалъ отъ него совсѣмъ не того; далѣе «Космосъ» печатаетъ отрывокъ изъ отзыва одного французскаго журнала о предлежащей полемикѣ, въ каковомъ отзывѣ значится, что вотъ-де позитивизмъ стремится сдѣлаться религіей и за это наказуется отъ руки Гёксли; наконецъ, «Космосъ» успащаетъ статью Конгрева оскобленными примѣчаніями, въ которыхъ заботливо поучаетъ насъ, что слѣдуетъ заниматься наукой, а не «мистическими соціологическими построеніями Конта». Все это заставляетъ меня пригласить «Космосъ» сознаться, что если его и нельзя прямо уличить въ лжесвидѣтельствѣ, то во всякомъ случаѣ онъ продѣлываетъ передъ русскою публикою крайне-недобросовѣстную мистификацію. «Космосъ» дѣйствуетъ такъ, какъ-будто бы у насъ кто-нибудь стремится къ установленію новой духовной власти въ смыслѣ печальныхъ фантазій несчастнаго Конта въ періодъ его сумасшествія; какъ-будто у насъ гдѣ-нибудь исповѣдуется «культъ человѣчества», кто-нибудь поклоняется «великому существу»,

«великому фетишу» и «великой средѣ», кто-нибудь промѣнялъ православные святцы на календарь Конта и т. д. «Космосъ» дѣлаетъ ложный доносъ. Еслибы кто-либо изъ членовъ редакціи «Космоса» остановилъ меня на улицѣ и сталъ бы мнѣ съ паѳосомъ объяснять: «Да развѣ вы не знаете, какъ постыдно воровать платки изъ кармана?! развѣ вы не знаете, что это дѣяніе преслѣдуется и человѣческимъ и божескимъ правосудіемъ?!»—то на меня, безъ сомнѣнія, стали бы подозрительно смотрѣть прохожіе, а городовой, пожалуй, и въ часть потащилъ бы. Такимъ образомъ, я испыталъ бы на себѣ всѣ послѣдствія ложнаго доноса, хотя редакторъ «Космоса» ни разу не сказалъ мнѣ прямо: милостивый государь, вы украли у меня носовой платокъ, или: я видѣлъ, какъ вы украли носовой платокъ. «Космосъ» дѣлаетъ ложный доносъ. Онъ дѣлаетъ его, вопервыхъ, властямъ предержащимъ, указывая имъ, что вотъ такіе-то люди стремятся къ ниспроверженію установленныхъ общественныхъ и религіозныхъ порядковъ; тогда какъ никто къ ихъ ниспроверженію не стремится. Я не говорю, чтобы «Космосъ» хотѣлъ сдѣлать этотъ ложный доносъ, но тѣмъ не менѣе, онъ его дѣлаетъ. Но уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «Космосъ» сознательно дѣлаетъ ложный доносъ обществу на небольшую группу людей, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ позитивизму. Доносъ «Космоса», повторяю, ложенъ. Если не считать статей г. Ватсона въ «Современникѣ» и статьи покойнаго Писарева «Историческія идеи Огюста Конта» въ «Русскомъ Словѣ», которыя написаны уже довольно давно, то вотъ къ чему сведется все вхожденіе у насъ въ моду позитивизма. Въ майской книжкѣ «Современнаго Обозрѣнія» была напечатана статья «Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе», въ которой авторъ, г. П. Л., отдавая должную дань уваженія заслугамъ Конта, относится тѣмъ не менѣе критически къ обѣимъ половинамъ его философской дѣятельности; авторъ указываетъ даже, что въ позитивизмѣ, какъ онъ существуетъ нынѣ, есть важный органическій недостатокъ, мѣшающій ему обратиться въ цѣльную философскую систему. Писалъ о Контѣ и позитивизмѣ и я, въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но мои отношенія къ позитивизму указаны выше; и если я въ коротенькомъ предисловіи къ книгѣ Милля «О подчиненности женщинъ» не считалъ нужнымъ выставлять на видъ пункты своего разногласія съ позитивистами, то тѣмъ не менѣе я и тутъ указалъ на различіе между позитивизмомъ и контизмомъ, равно какъ и на недобросовѣстность людей, ихъ смѣшивающихъ. Нѣсколько иначе относятся къ Конту и позитивизму гг. Лесевичъ и де-Роберти («Политико-экономическіе этюды»). Но и ихъ нельзя заподозрить въ культѣ человѣчества и поклоненіи великому существу, великому фетишу и великой средѣ, ибо оба они очень отчетливо различаютъ «Курсъ положительной философіи» отъ «Позитивной политики» и другихъ сочиненій Конта. Г. Лесевичъ, помнится, даже посвятилъ цѣ-

лую статью указанію отношеній, существующихъ между позитивистами и контистами. Вотъ и все, если не считать перевода на русскій языкъ книжекъ Льюиса и Милля о Контѣ, которыя собственно принадлежатъ не нашей литературѣ, да наивной рецензіи книжки г. де-Роберти, помѣщенной въ журналѣ «Дѣло». И такъ усиленныя приглашенія «Космоса» бросить поклоненіе великому фетишу, бросить религію Конта и его мистическія соціологическія построенія, приглашенія эти, представляя ложный доносъ, оказываются вмѣстѣ съ тѣмъ въ такой же мѣрѣ безсмысленными, какъ извѣстная пѣсня о томъ, какъ «Ѳедоръ вишни воровалъ въ своемъ огородѣ». Суздальская критика, презирающая всякія препоны для одноцвѣтной оцѣнки личности, партіи, школы, философской системы, очень удобна. но она можетъ завести человѣка въ мѣста, весьма нехорошія. Суздальская критика, какъ уже было говорено, коренится въ томъ обстоятельствѣ, что начала и интересы, повидимому, съ такимъ жаромъ защищаемые суздальцемъ на словахъ, на дѣлѣ имъ и понимаются и принимаются къ сердцу въ степени далеко меньшей. И это обнаруживается и въ суздальскомъ походѣ противъ позитивизма, предпринятомъ «Космосомъ».

«Космосъ» сталъ издаваться въ прошломъ году, сначала въ видѣ еженедѣльной газеты. Въ первой же статьѣ перваго нумера, трактовавшей о необъятности и величіи вселенной, космоса, «Космосъ» отъ этой необъятности и величія въ одинъ прыжокъ перешелъ къ гг. Хану, Скарятину и еще кому-то. Одинъ рецензентъ замѣтилъ новому журналу, что популярно-научное обозрѣніе, столь убѣжденное въ необъятности и величіи космоса, могло бы пренебречь гг. Ханомъ и Скарятинымъ. «Космосъ» отвѣчалъ на это, что дѣйствительно, миссія его состоитъ не въ пререканіяхъ съ гг. Ханомъ и Скарятинымъ, но что тѣмъ не менѣе необъятность и величіе космоса не помѣшаютъ ему строго осуждать журналистику «либеральную» и въ особенности «Отечественныя Записки» и «Петербургскія Вѣдомости». И дѣйствительно, необъятность и величіе космоса не помѣшали: въ особенности «Отечественныя Записки» были строго обсуждаемы и осуждаемы. Затѣмъ появилась извѣстная книжка гг. Антоновича и Жуковскаго, изъ которой видно, что редакторы «Космоса» недовольны г. Некрасовымъ, а такъ-какъ г. Некрасовъ участвуетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», то расходившаяся суздальская логика, по принципу «либо въ зубы, либо ручку пожалуйте», требовала распространенія недовольства и на «Отечественныя Записки», которыя и были обруганы шушерой и шелухой. На этомъ дѣло не остановилось—суздальская логика никакихъ предѣловъ не знаетъ—и началась ругань на Конта и позитивистовъ, ибо объ нихъ съ уваженіемъ говорилось въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но разъ на суздальскій зубокъ попалъ Контъ, тутъ уже и рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы разсмотрѣть въ

немъ полосы свѣта и тѣни: валяй все въ одну кучу, какая тутъ невмѣняемость; и вотъ Конту—«въ зубы», Гёксли—«ручку пожалуйте». Все это въ порядкѣ вещей, но тѣмъ не менѣе все это ясно свидѣтельствуетъ, что интересы науки, столь азартно «Космосомъ» защищаемые, на дѣлѣ не особенно ему дороги. Милостивые государи, я самъ готовъ воздать должное г. Некрасову, какъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, но все-таки полагаю, что крайне неосновательно сосредоточить во всемъ космосѣ свое вниманіе на личности г. Некрасова; крайне неосновательно направлять теченіе «Космоса», имѣя въ виду только это средоточіе. Въ космосѣ и кромѣ г. Некрасова есть многое, достойное вниманія.

Съ вашими силами, господа, и съ вашимъ рвеніемъ я бы, чѣмъ Конгрева оскобленными словами осыпать, сдѣлалъ вотъ что: взялъ бы книжку Милля о Контѣ и позивитизмѣ (только не русскій переводъ, онъ плохъ и съ пропусками), — которая, какъ уже сказано, относится къ Конту съ уваженіемъ, но критически, да и представилъ бы разборъ ея русской публикѣ. Но, замѣтьте, не слѣдуетъ дѣлать возраженій такого сорта: «Я (*вздоръ и ложь*) хочу (*мало ли бы вы чего захотѣли*) показать (*ничего вы, кромѣ своего невѣжества, не покажете*)» и проч. Эта штука стара, ее бросить пора. Равнымъ образомъ ругаться не слѣдуетъ. Если вы скажете, что вотъ такой-то «невѣжественъ», «Каинъ», «либеральничающій невѣжда», то вы этимъ ничего не докажете, не докажете даже того, чтобы вы обладали обширными познаніями.

Я пересмотрѣлъ свою статью, чтобы увидѣть, не уклонился ли я гдѣ-нибудь отъ сущности дѣла. Нѣтъ, кажется, нигдѣ не уклонился. Не поставилъ ли я гдѣ нибудь многоточія, этого столь нелюбимаго «Космосомъ» знака препинанія? Въ многоточіяхъ грѣшенъ, ихъ у меня два:

1) «Прошу извиненія у г. Антоновича за разговоръ о его переводѣ «Исторіи индуктивныхъ наукъ» Уэвеля. Я знаю, что разговоръ этотъ долженъ ему напоминать то печальное время, когда онъ еще не имѣлъ права разсыпать во всѣ стороны уличенія въ невѣжествѣ. Нынѣ г. Антоновичъ это право имѣетъ»...

2) «Кабы всякой бодливой коровѣ да Богъ рога даровалъ...»

Я надѣюсь, что редакція «Космоса» не посѣтуетъ на меня за эти два многоточія, и потому съ спокойнымъ духомъ ставлю третье: Эмпедоклъ такъ и остался бы во мнѣніи древнихъ грековъ богомъ, еслибы Этна не выбросила его мѣдной сандаліи; по этой сандаліи всѣ узнали, что Эмпедоклъ былъ простымъ смертнымъ, желавшимъ провести своихъ соотечественниковъ...

Ник. Михайловскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Выводы естествознанія по отношенію къ основнымъ началамъ религіи. *Изъ сочиненія Le procès du matérialisme par F. Lucas. Переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1870.*

Въ послѣднее время вы на каждомъ шагу — на улицѣ, въ газетѣ, въ журналѣ, въ книгѣ — можете встрѣтить мнѣніе, что мы, русскіе, слишкомъ преклоняемся передъ западною наукою, что пора бы намъ изобрѣсти и свою собственную и сбросить съ себя новое монгольское иго—иноземную интеллектуальную опеку. На улицѣ, въ газетѣ, въ журналѣ, въ книгѣ, вы можете натолкнуться на людей, стоящихъ въ торжественной позѣ и съ паѳосомъ, хотя отчасти ни къ селу ни къ городу, призывающихъ тѣни Кирѣевскихъ и Хомякова. Все это совершается уже не въ первый разъ, но нынѣ воскресаетъ съ особенною силою, и этого нельзя не замѣтить. Какъ кому, а намъ такой приливъ кажется признакомъ скораго и уже безповоротнаго отлива, если, разумѣется, въ дѣло не замѣшаются какія либо неожиданныя внѣшнія обстоятельства, которыя, впрочемъ, могутъ только болѣе или менѣе отодвинуть неизбѣжный конецъ. Мысль наша можетъ показаться парадоксальною, но никакого парадокса тутъ нѣтъ. Сторонники особенной русской самородка-науки, хотя и называютъ значительную часть своихъ противниковъ отрицателями и укоряютъ ихъ въ недостаткѣ развитія положительной стороны ихъ доктринъ, сами до сихъ поръ ограничиваются отрицательною дѣятельностью; русской науки вѣдь все-таки еще никакой нѣтъ. Мы думаемъ, что ея и не будетъ, хотя надѣемся, что Россіи предстоитъ внести свою крупную долю въ общую сокровищницу человѣческой мысли. Истина эта представляется намъ до послѣдней степени очевидною и отнюдь для насъ не обидною, и, какъ и всякой истинѣ, ей раньше или позже предстоитъ полное торжество. То обстоятельство, что она у насъ многими не признается, объясняется именно чисто-отрицательною дѣятельностью сторонниковъ самородной науки. Пока они только собираются на рать, имъ кажется дѣломъ весьма легкимъ побѣдоносно вернуться назадъ, ибо все дѣло можетъ совершаться въ туманѣ. Но

когда наконецъ сборы достигнутъ такого пункта, что предосудительно было бы еще затягивать ихъ, то ратники неминуемо увидятъ утопичность своего предпріятія. Намъ кажется, что сборы уже начинаютъ приближаться къ этому поворотному пункту. Туманъ еще прибываетъ и будетъ прибывать еще нѣкоторое время, но разсѣется онъ гораздо быстрѣе, чѣмъ накоплялся, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и увѣренность въ возможности особенной русской науки и философіи: увѣренность эта можетъ существовать только въ туманѣ, какъ только ночью могутъ блестѣть щелкуны—свѣтляки. Говоря, что провозвѣстники особенной русской науки, выйдя на рать, убѣдятся въ утопичности своихъ пророчествъ, мы разумѣемъ не то, чтобы не могло явиться совершенно новыхъ и совершенно самостоятельныхъ русскихъ изслѣдованій въ какой бы то ни было сферѣ мысли. Нѣтъ, мы находимъ даже, что русская мысль находится, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ мысль западная, скованная, кромѣ цѣпей догматики, еще цѣпями метафизики, тогда какъ у насъ послѣднія не могутъ имѣть никакого значенія. И тѣмъ не менѣе никакой особенной русской науки, оторванной отъ науки западной, ожидать не слѣдуетъ. Пусть русскій историкъ, экономистъ, натуралистъ, философъ дастъ вѣрный новый взглядъ, новое наблюденіе, — и этотъ взглядъ и это наблюденіе въ ту же минуту перестанутъ быть русскими, ибо Европа, уже ратующая, а не собирающаяся только на рать, очень довольна изрѣченіемъ своего Мольера: je prend le mien partout où je le trouve. Можно думать, что къ тому времени, когда наши сборы на рать достигнутъ своего кульминаціоннаго пункта, этотъ девизъ европейской науки сдѣлается и нашимъ девизомъ; ибо мы увидимъ, что въ огромномъ западномъ умственномъ арсеналѣ есть нѣчто и для насъ пригодное, какихъ бы мы воззрѣній на дѣла міра сего и того ни придерживались. Въ сущности, отрицая мольеровское правило въ теоріи, мы и теперь прибѣгаемъ къ нему на практикѣ. Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ особенно тщательно и усердно развивается предвозвѣщеніе особой русской науки и мысль о враждебности къ намъ и непригодности для насъ западныхъ измышленій. И тѣмъ не менѣе мы прочли недавно въ этомъ журналѣ мнѣніе, что блаженной памяти нѣмецкая идеалистическая философія есть до сихъ поръ единственное прибѣжище для здоровыхъ философскихъ умовъ. Въ томъ же журналѣ прочитали мы нѣчто въ такомъ родѣ: вотъ вы ругаете г. Писемскаго, а послушайте-ко, что объ его произведеніяхъ говорятъ почтенные нѣмецкіе критики. Итакъ, есть и на западѣ «единственный» кладезь истины; есть и на западѣ почтенные люди, способные понимать русскую жизнь и оцѣнять русскихъ романистовъ. Очевидно, что еслибы публицистъ, настаивающій на особенности русской науки и противоположности ея наукѣ западной и въ то же время вѣрующій въ

«единственность» нѣмецкой философіи, былъ вынужденъ отъ отрицательной дѣятельности перейти къ положительной; еслибы онъ былъ вынужденъ изложить свою философскую систему, то онъ изложилъ бы не свою, какую-нибудь особенную русскую систему, а систему Гегеля, Фихте, Шеллинга. Съ другой стороны, еслибы онъ создалъ свою собственную систему, то, если она ужь не очень эксцентрична, существуетъ большая вѣроятность, что система найдетъ себѣ сторонниковъ и въ Европѣ. Поэтому-то мы и держимся приведеннаго взгляда на скорое окончаніе вызываній тѣни Хомякова. Самое слово «западникъ» должно исчезнуть, какъ только мы приглядимся къ западу и увидимъ, что его умственный капиталъ состоитъ изъ множества пластовъ, весьма между собою различныхъ. Тогда мы станемъ откровенно черпать (какъ черпаемъ теперь не откровенно) изъ научнаго капитала запада то, что̀ намъ нужно, а онъ у насъ—то, что̀ нужно ему. Но, если самый фактъ черпанія не заключаетъ въ себѣ чего либо предосудительнаго и для нашего національнаго самолюбія обиднаго; если наконецъ въ немъ завѣдомо повинны люди, негодующіе на него въ теоріи, то тѣмъ не менѣе черпаніе должно происходить съ крайнею осторожностію. Это важно именно въ виду крайняго разнообразія оружій западнаго арсенала. Было бы, напримѣръ, очень неосновательно заимствовать у запада его положительную науку и вмѣстѣ съ тѣмъ его поземельное устройство. Эти два элемента, хотя и существуютъ единовременно, суть однако представители совершенно различныхъ фазисовъ бурной и сложной исторіи, пронесшейся надъ Европой. И мы видимъ, что тѣ изъ нашихъ такъ называемыхъ западниковъ, которые находили для насъ нужнымъ и пригоднымъ западное поземельное устройство, отвергали вмѣстѣ съ тѣмъ западную науку, какъ выкидываетъ изъ своей сѣти рыбакъ случайно попавшую въ нее лягушку. Въ свою очередь «западники», преклонявшіеся передъ западною наукою, горячо отстаивали даровой надѣлъ землею и общинное землевладѣніе, т.-е. нѣчто совершенно отличное отъ европейскихъ порядковъ. И тѣ и другіе дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно послѣдовательно, ибо черпали осторожно.

Эти нехитрыя мысли пришли намъ въ голову при чтеніи книжки, заглавіе которой выписано надъ нашей замѣткой. Брошюрка эта составляетъ одно изъ звѣньевъ цѣлой серіи изданій, имѣющихъ цѣлью «восполнить въ нашей литературѣ недостатокъ апологетическихъ сочиненій, служащихъ къ разоблаченію современнаго религіознаго невѣрія во всѣхъ его родахъ». Эти сочиненія выходятъ подъ общимъ заглавіемъ «Матеріализмъ, наука и христіанство. Сборникъ сочиненій современныхъ писателей». Издатель сборника «желаетъ сохранить свое имя въ неизвѣстности», а редакторомъ состоитъ протоіерей Іоаннъ Заркевичъ. Изъ заявленія отъ редакціи видно, что лежащая передъ нами брошюра есть уже седьмое по счету «апо-

логетическое сочиненіе, восполняющее» и проч. Къ сожалѣнію, намъ не попадались первыя шесть; однако это не мѣшаетъ намъ имѣть довольно опредѣленное понятіе о характерѣ и степени цѣлесообразности всего сборника. Ибо, вопервыхъ, авторы шести прежнихъ изданій, каковы Прессансэ, Новиль, Поль Жанэ, болѣе или менѣе извѣстны; вовторыхъ, эти предъидущія изданія имѣютъ цѣлью разработку тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ («Мозгъ и мысль», «Человѣкъ и обезьяна», «Іисусъ Христосъ и его время», «Тѣло и душа»), тогда, какъ предлежащее извлеченіе изъ сочиненія Люка̀ должно выразить самый корень воззрѣній редакціи: дѣло идетъ, какъ видно изъ заглавія, о сведеніи на очную ставку выводовъ естествознанія съ основными началами религіи. Мы не смѣемъ и думать затрогивать столь важный вопросъ въ бѣглой библіографической замѣткѣ. Вся наша задача ограничивается отвѣтомъ на одинъ вопросъ: насколько «Сборникъ сочиненій современныхъ писателей» можетъ удовлетворить своему назначенію, т.-е. разсѣянію «заблужденій, которыя въ послѣднее время разными путями проникли и въ наше общество». Мы рѣшаемся дать отвѣтъ неутѣшительный. Мы рѣшаемся сказать, что «Сборникъ» своей цѣли достичь не можетъ. Не то, чтобы мы сомнѣвались въ достаточномъ знакомствѣ редакціи «Сборника» съ современною наукою. Нѣтъ, судя по ссылкамъ, редакція знакома и съ Фогтомъ, и съ Ляйелемъ и даже съ «Врачебнымъ словаремъ» Никитина, 1835 года. Точно такъ же мало сомнѣваемся мы и въ полной готовности редакціи вести дѣло добросовѣстно. Мы вполнѣ вѣримъ искренности редакціи, когда она говоритъ: «При обыкновенныхъ условіяхъ человѣческаго положенія, христіанское слово вѣры несомнѣнно плодотворнѣе тамъ, гдѣ подготовлена почва для него подобными изслѣдованіями; тѣмъ болѣе это нужно сказать о невѣріи нашихъ дней, которое высшею честью для себя считаетъ ссылаться на современную науку, и вдругъ увидитъ, что наука не даетъ ему на это никакого права. *Каждое сочиненіе, по мѣрѣ выхода изъ типографіи, продается и отдѣльно*». Все это прекрасно. И тѣмъ не менѣе основная мысль «Сборника» кажется намъ совершенно несостоятельною, ибо черпать у Запада намъ, по части опроверженія религіозныхъ заблужденій, рѣшительно не приходится. Старуха Европа пережила много фазисовъ вѣры и невѣрья. Она не можетъ быть раздѣлена, какъ можно раздѣлить насъ на вѣрующихъ и невѣрующихъ. На что, напримѣръ, Агассицъ человѣкъ вѣрующій; западные натуралисты то и дѣло упрекаютъ его за примѣшиваніе теологическихъ соображеній къ научнымъ изысканіямъ. Но поражать религіозныя заблужденія мнѣніями Агассица *у насъ* дѣло совершенно невозможное. Агассицъ насчитываетъ милліоны лѣтъ на образованіе земныхъ пластовъ и развитіе жизни на землѣ. Можемъ ли мы, русскіе, принять это положеніе? Нѣтъ, ибо мы знаемъ, что земля существуетъ только съ небольшимъ

шесть тысячъ лѣтъ. Агассицъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о видѣ и классификаціи говоритъ: «Легко показать, что причина ходячихъ мнѣній, преувеличивающихъ разницу между человѣкомъ и обезьяною, коренится въ незнаніи древними, и особенно греками, о существованіи орангъ-утанговъ и шимпанзе». Или: «Сознаюсь, что я не вижу разницы между духовными силами ребенка и молодого шимпанзе». Мы ни на минуту не сомнѣваемся, что въ брошюрѣ «Человѣкъ и обезьяна», вошедшей въ составъ «Сборника», излагаются иныя воззрѣнія на этотъ предметъ. Въ Европѣ не только натуралисты, а и многіе богословы допускаютъ такія произвольныя толкованія Св. Писанія, дѣлаютъ такія уступки современному невѣрію, что намъ весьма трудно оріентироваться въ этой путаницѣ и выбрать нѣчто для насъ подходящее. Если прибавить къ этому, что авторы статей «Сборника» отнюдь не суть *люди науки*, какъ думаетъ почтенная редакція, то станетъ очевидною неудачность плана «Сборника». Редакція говоритъ о «невѣріи нашихъ дней, которое высшею честью для себя полагаетъ ссылаться на современную науку, и вдругъ увидитъ, что наука не даетъ ему на это никакого права». Это «вдругъ» не случилось однако въ Европѣ, гдѣ впервые явились вошедшія въ «Сборникъ» сочиненія. Они тамъ не убѣдили никого и еще менѣе могутъ убѣдить кого-либо у насъ. Какъ людямъ вѣрующимъ, намъ нетрудно усмотрѣть, что здѣсь споръ идетъ не между вѣрою и невѣріемъ, а между большимъ невѣріемъ и малымъ невѣріемъ. И зрѣлище это способно не укрѣпить чувство вѣры, а только ввести въ соблазнъ. Повидимому, и самой редакціи должны были придти въ голову эти простыя соображенія; ибо ей съ первой же страницы приходится пестрить книжку выписками опровергательнаго свойства. Такъ иностранный авторъ говоритъ, что атомы вѣчны въ прошедшемъ и будущемъ. Православная и даже вообще христіанская редакція такого положенія допустить очевидно не можетъ, и въ примѣчаніи мы дѣйствительно видимъ энергическое возраженіе въ томъ направленіи, что атомы обязаны своимъ существованіемъ власти Бога и слѣдовательно имѣютъ опредѣленное начало. Далѣе иностранный авторъ говоритъ, что наука показала намъ, что въ началѣ вселенной былъ хаосъ. Православная редакція справедливо возражаетъ, что «это, прежде всего, мы узнали не изъ науки, а изъ божественнаго откровенія, прежде чѣмъ еще создалась самая наука». Авторъ говоритъ о раскаленномъ состояніи земли и постепенномъ ея охлажденіи; редакція возражаетъ: «все это слабыя гипотезы, для которыхъ нѣтъ научныхъ доказательствъ». И т. д. Наконецъ, редакціи такая работа надоѣдаетъ, и она пропускаетъ безъ апелляціи такого рода произвольныя толкованія: «первыя звѣнья физіологическихъ цѣпей выходятъ изъ рукъ Создателя не всѣ разомъ, но послѣдовательно, такъ-какъ дни въ библейскомъ текстѣ можно считать за дѣйствительныя

геологическія эпохи» (13); или такія заявленія: «намъ совершенно неизвѣстно и, быть можетъ, мы никогда и не узнаемъ, какими были на землѣ первыя органическія существа и когда они появились» (33). Далѣе редакція, повидимому, нашлась вынужденною безъ церемоніи урѣзывать текстъ «человѣка науки» и «друга вѣры». Такъ, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, судя по безцвѣтности, безцѣльности и отрывочности этого текста. Мы, впрочемъ, готовы взять свое предположеніе назадъ, ибо съ подлинникомъ незнакомы. Не можемъ однако не отмѣтить слѣдующей странности. Люка̀ приводитъ изъ книги Бытія сказаніе о сотвореніи міра и, при помощи произвольныхъ толкованій въ родѣ вышеприведеннаго, старается подвести къ одному знаменателю библейское сказаніе и новѣйшія понятія о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на землѣ. При этомъ онъ пропускаетъ совершенно разсказъ о событіяхъ четвертаго дня творенія и ставитъ (а можетъ быть ставитъ и не онъ, а переводчикъ) вмѣсто него двѣ строки точекъ. Повидимому, тутъ такая механика. Въ книгѣ Бытія говорится, что въ третій день Богъ отдѣлилъ воду отъ земли и повелѣлъ землѣ произвести растенія; въ четвертый создалъ солнце, луну и звѣзды; въ пятый рыбъ и птицъ и т. д. Насколько повѣствованіе книги Бытія касается послѣдовательнаго сотворенія организмовъ, оно (разумѣется, съ натяжками) можетъ быть отождествляемо съ взглядами нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ. Но едва-ли найдется въ Европѣ ученый, который согласился бы признать, что небесныя тѣла созданы послѣ растеній. Поэтому мы думаемъ, что въ томъ мѣстѣ подлинника, которое переведено на русскій языкъ двумя строками точекъ, находятся какія-либо легкомысленныя сужденія, которыя редакціи пришлось выкинуть. Если же Люка̀ самъ пропустилъ разсказъ о четвертомъ днѣ, то это свидѣтельствуетъ только о его желаніи сѣсть между двухъ стульевъ. Всякія подобныя попытки неминуемо кончаются паденіемъ. И еслибы мы вздумали опровергать современныя религіозныя заблужденія, то мы бы смѣло противопоставили библейское сказаніе дерзости науки, мы непремѣнно бы возстановили разсказъ о четвертомъ днѣ. Правда, мы не могли бы уже тогда говорить, что за насъ и наука, но тѣмъ ярче выдалась бы наша вѣра. Притомъ же Люка̀, на сколько его изъ русскаго перевода уразумѣть можно, все равно же есть представитель науки. Онъ, повидимому, принадлежитъ къ тѣмъ межеумкамъ, которые желаютъ примирить идеалистическую философію съ данными современной науки. Это можно, между прочимъ, заключить изъ сопоставленія слѣдующихъ его двухъ фразъ: 1) «Между тѣмъ, какъ матеріалистическая школа выставляла на показъ новѣйшія открытія, чтобы чистосердечно (?) извлекать изъ нихъ доказательства, гибельныя для ученія религіи, спиритуалискическая школа защищала себя почти только систематическимъ, часто несправедливымъ отрицаніемъ самыхъ очевидныхъ фактовъ» (I). 2)

«Надо признать, вмѣстѣ съ свободно-мыслящими людьми, что права истины абсолютны. Еслибы научными даннымъ былъ дѣйствительно нанесенъ смертельный ударъ спиритуалистической философіи, то никто, быть можетъ, не имѣлъ бы права жаловаться на тѣ опасности, какія могли бы угрожать всему человѣчеству. Но въ дѣйствительности этого нѣтъ» (74). И такъ, авторомъ предприняты собственно защита и ремонтъ зданія спиритуалистической философіи. А такъ-какъ сія послѣдняя у насъ не обижена, ибо не существуетъ — есть у насъ правда г. Страховъ, но одна ласточка весны не дѣлаетъ — то едва-ли предстояла какая-нибудь надобность въ лежащей передъ нами книжкѣ.

Итакъ съ Запада черпать можно, но съ большою осторожностью, и въ особенности не слѣдуетъ брать оттуда желаніе сѣсть между двухъ стульевъ: надлежитъ всегда садиться на какой-нибудь одинъ. Эклектизмъ есть продуктъ трусости мысли. Вотъ какой совѣтъ даемъ мы, заподозрѣнные, уличенные, обвиненные въ западничествѣ! Славянофилы побѣдили! Басню эту можно бы было и болѣе пояснить. Мы вообще не совѣтовали бы Россіи черпать изъ того пласта исторіи, къ которому относится метафизическая философія, а въ пластѣ этомъ есть ингредіенты, и политическіе, и экономическіе, и юридическіе. Желательно было бы, чтобы, въ своемъ развитіи, Россія совершенно обошла этотъ пластъ, а это дѣло пока еще не невозможное. Мы обращаемся къ славянофильству: mein Liebchen, was willst du noch mehr?!

Краткая исторія Россіи *для народнаго и солдатскаго чтенія, съ приложеніемъ четырехъ историческихъ картъ и хронологической таблицы.* Аркадія Столыпина. *С.-Петербургъ. 1869 г.*

Нашъ народъ, — этотъ Илья Муромецъ, сидящій сиднемъ и рѣдко проявляющій признаки своей жизненности, — подвергался и до сихъ поръ подвергается очень странному обращенію со стороны россійскихъ сочинителей, которые очевидно разсчитываютъ на то, что въ Ильѣ Муромцѣ недостаточно развиты умственныя способности, чтобы отличать мякину отъ хлѣба, а ерунду отъ дѣльнаго слова. На сколько вѣренъ этотъ предосудительный разсчетъ, — мы рѣшать здѣсь не станемъ; но онъ несомнѣнно существуетъ и, только благодаря ему, возникла и держится у насъ, такъ-называемая, *народная* литература, обильная всякаго рода чепухою, начиная разсказами Скобелева и кончая изданіями *слѣпца* Ширяева (какъ онъ постоянно публикуетъ о себѣ) и зрячихъ, но недальновидныхъ гг. Кушнерева, Столпянскаго, Студитскаго и другихъ. Разсчетъ этотъ появился, — какъ оно и подобаетъ, — во времена крѣпостнаго права, когда на народъ смотрѣли, какъ на взрослаго и шальнаго ребенка, котораго можно, пожалуй, и поучить кое-чему; но такъ, чтобы онъ не зазнался, не вошелъ во вкусъ ученія

и не нарушилъ, — чего Боже сохрани! — своихъ прирожденныхъ обязанностей: кротости и послушанія властямъ предержащимъ. Согласовать между собою науку и безправное состояніе было довольно-таки трудненько, но наши сочинители не робѣли и побѣдоносно справились съ своею задачею. Они и въ книжкахъ стали проповѣдывать народу о смиреніи и безусловной покорности, восхваляли, въ своихъ повѣстяхъ и историческихъ разсказахъ, только такія личности, которыя воплощали въ себѣ помянутыя качества, любили говорить о суетѣ земнаго странствованія (приберегая выгоды его для себя) — и все это мнимонаучное, разгильдяйное по своему тону пустословіе (нельзя-де съ народомъ говорить серьёзно) клонилось къ тому, чтобы костыль прикащика и фуражка становаго пристава не утрачивали ни на іоту своего обаятельнаго вліянія на умы меньшей братіи. Съ наукой и литературой обходились въ этомъ случаѣ такъ, какъ обошлась крестьянская баба, въ извѣстномъ анекдотѣ, съ пшеничною мукою. «Мужъ! — говорила эта крестьянка — украдь мнѣ у барина пшеничной муки: я напеку изъ нея хлѣбовъ; годится ѣсть и намъ, и ребятишкамъ» — «Ишь ты вздумала! Ну, а увидятъ у насъ пшеничные хлѣбы, спросятъ: гдѣ взяли муку?» — «Не бойся, успокоивала жена, я и изъ пшеницы надѣлаю такихъ хлѣбовъ, что не отличить отъ ржаныхъ». Этотъ же резонъ, повидимому, успокоивалъ и нашихъ филантроповъ-сочинителей: науку они старались такъ приблизить къ невѣжеству, чтобы ихъ невозможно было отличить, и чтобы никто не опасался, что отъ водворенія на Руси такой общипанной и кургузой литературы могли произойти какія нибудь зловредныя послѣдствія...

Книжонка, лежащая передъ нами, принадлежитъ именно къ тому сорту народной литературы, который расплодился у насъ въ дни крѣпостнаго права и продолжаетъ до сихъ поръ свое существованіе; это — наука хуже невѣжества, пшеничный хлѣбъ хуже ржанаго и даже мякиннаго. На сотнѣ страничекъ небольшаго формата и разгонистаго шрифта г. Аркадій Столыпинъ желаетъ познакомить народъ со всѣми событіями русской исторіи — отъ призванія Рюрика до нашихъ дней; и мало того, что хочетъ познакомить съ фактами, но намѣревается также прагматически связать ихъ, провести въ нихъ извѣстную тенденцію, вѣроятно, по мнѣнію автора, наиболѣе приличную и спасительную для народа. Книжка начинается вопросами: что̀ такое исторія? и какая польза отъ изученія ея? Здѣсь мы узнаемъ слѣдующее: «Первые люди жили въ пещерахъ, прикрывали наготу свою звѣриными шкурами, полей обработывать не умѣли и питались чѣмъ Богъ послалъ. Могли они такъ существовать только потому, что жили тамъ, гдѣ было теплѣе; въ такія же холодныя страны, какъ напримѣръ въ Россію, они и не заходили. (Авторъ, собственнымъ умомъ, дошелъ до этой истины, ибо вопросъ о томъ, какой

гдѣ былъ климатъ при образованіи земнаго шара, и въ одномъ или въ разныхъ мѣстахъ появились человѣческія расы, — далеко не рѣшенъ наукою). Наконецъ людей народилось такъ много, что имъ надо было повсюду разбрестись; тѣ, которые пошли на сѣверъ, т.-е. въ холодныя страны, начали придумывать средства противъ холода: строить дома и печи; тѣ, которые пошли на югъ (да вѣдь они ужь были тамъ?), начали принимать мѣры противъ зноя. Исподоволь дошло до того, что начали строить дворцы, выдумали желѣзныя дороги и столько всякихъ вещей, что и не пересказать... Какъ же все это сдѣлалось? Одинъ человѣкъ на своемъ вѣку немного можетъ выдумать. Сдѣлалось это *очень просто* (ужь будто такъ просто?): какой нибудь умный человѣкъ выдумаетъ полезную вещь и научитъ сына, ка̀къ ее сдѣлать; сынъ къ этой вещи еще что нибудь приспособитъ да своимъ дѣтямъ передастъ; такъ и пойдетъ изъ рода въ родъ. Слѣдовательно: люди не перемерли всѣ отъ холода и голода только потому, что они выучились отъ своихъ предковъ, какъ сохраниться отъ этихъ напастей, т.-е. *знаютъ, какъ жили и что выдумали ихъ отцы и дѣды. Это знаніе — какъ жили, что выдумали, и что дѣлали отцы и дѣды и называется исторіей»* (курсивъ въ подлинникѣ). Выходитъ, стало быть, что исторія научитъ мужика не умереть съ голоду и холоду? Жаль, что г. Столыпинъ не написалъ этой книжки немного пораньше, когда у насъ свирѣпствовалъ голодъ: — какъ бы расхватали ее голодные поселяне! — Опредѣливъ такъ вѣрно исторію, какъ суммарную мудрость и агломератъ всѣхъ возможныхъ наукъ, г. Столыпинъ не менѣе удачно оцѣняетъ пользу, которая можетъ послѣдовать за изученіемъ такой удивительной науки. «Не зная исторіи — говоритъ онъ — приходится молчать въ обществѣ образованныхъ людей, когда рѣчь пойдетъ о томъ, что *совершается въ свѣтѣ, т.-е. о политикѣ* (опять курсивъ въ подлинникѣ: это авторъ опредѣляетъ политику); потому что все, что теперь совершается, происходитъ отъ того, что прежде совершилось: не знавши прежняго, не поймешь настоящаго. Даже и газетъ нельзя читать съ толкомъ, не зная исторіи: ежеминутно могутъ встрѣтиться разныя непонятныя историческія слова. Какъ часто случается видѣть офицера, произведеннаго изъ солдатъ, или купца, вышедшаго изъ крестьянскаго сословія, которые, въ бесѣдѣ или въ собраніи, вмѣсто того, чтобы вести разговоръ съ своими равными, стоятъ у притолоки да хлопаютъ глазами. Зная исторію, такого стыда не можетъ случиться». Ну, не блажнымъ ли ребенкомъ представляется нашъ народъ въ глазахъ г. Столыпина? Учись, молъ, душенька, исторіи, а не то стыдно будетъ: папашенька разсердится, тетенька конфектокъ не дастъ и —

Въ садъ гулять не выйдетъ няня
И дитя не поведетъ.

И такъ, чтобы русскіе поселяне не умерли съ голоду и не «хлопали глазами, стоя у притолоки», г. Столыпинъ преподноситъ имъ въ даръ «краткую исторію Россіи» — впрочемъ не безмездно, какъ слѣдовало бы поступить такому сострадательному человѣку, а за полтину серебра, которая не такъ-то легко достается народу, и могла бы подъ часъ, даже и безъ книжки, но повѣрнѣе ея — спасти человѣка отъ голодной смерти. «Но за эту кровную полтину народъ узнаетъ множество небезъинтересныхъ вещей и пріобщится, такъ сказать, къ европейской цивилизаціи: можно ли тутъ торговаться и сбивать цѣну на хорошій товаръ?» возразятъ намъ издатели книжки. Посмотримъ однако поближе: что̀ же именно узнаетъ народъ и насколько разовьется его здравый смыслъ послѣ пожертвованія полтины въ пользу доброхотнаго автора? Узнаетъ онъ, вопервыхъ, что «важныя дѣла или эпохи совершаются въ свѣтѣ по волѣ божіей» (ну, это не особенная мудрость, и за нее не стоитъ платить такъ дорого: всякій деревенскій дьячокъ сообщитъ ее по сходной цѣнѣ); что въ Европѣ живутъ все христіанскіе народы, и изъ *нехристей въ нее затесались* только евреи да турки» (стр. 13), «что православная крестьянка никогда не выдетъ замужъ за калмыка» (стр. 58), что «въ Африкѣ — самая дичь» (стр. 14), что мы должны гордиться именемъ русскихъ, потому что «ни одно государство съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ существуетъ, не было такъ велико, какъ Россія» (стр. 18). Нельзя сказать, чтобы эти географическія свѣдѣнія и нравственныя сентенціи были особенно полезны для нашего народа: насчетъ *нехристей* мы уже давно стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что если ихъ терпитъ земля, то только по молитвамъ русскихъ угодниковъ; о пространствѣ нашего государства мы тоже освѣдомлены надлежащимъ порядкомъ. Что же касается собственно до событій русской исторіи и до выдающихся личностей въ ней, то г. Столыпинъ держится, въ своемъ разсказѣ, старпннаго дисциплинарнаго взгляда, о практическомъ примѣненіи котораго немало позаботились, блаженной памяти, квартальные поручики и капитаны-исправники. Для него всякое усиленіе центральной власти есть благодѣяніе, оказываемое народу, всякое расширеніе народныхъ правъ равносильно безчинству и безобразію. Удѣльные князья не могли «усовершенствовать свою часть» (подлинное выраженіе г. Столыпина), потому что не знали надъ собою одной крѣпкой руки; по той же причинѣ «въ Новгородѣ, на вѣчахъ, т.-е. на мірскихъ сходкахъ, творились безобразія и всѣхъ *мутила* одна женщина Мароа Посадница» (стр. 70). Василій Шуйскій не удержался на престолѣ, потому что не былъ «прирожденнымъ царемъ» (а Михаилъ Ѳедоровичъ былъ имъ?) и, кромѣ того, возвысился «посредствомъ мятежа»; равномѣрно съ нимъ, не могъ имѣть успѣха и Борисъ Годуновъ, хотя онъ — «съ дьявольскою хитростью (хорошо, еслибы всѣ хитрили такимъ об-

разомъ) привлекаетъ къ себѣ всѣ сердца русскихъ людей мудрымъ правленіемъ и щедрыми милостями». Отпаденіе раскольниковъ произошло единственно по ихъ «глупости и тупости»; Пугачовъ воспользовался тоже «глупостью народной», и если атаманы уральскихъ казаковъ попустили бунтъ и не могли справиться съ нимъ, то произошло это оттого, что они «на бѣду были не *настоящіе* генералы, а *выборные*» (стр. 112) (Вѣроятно, и генералы тоже должны быть прирожденные?). О первой французской революціи дается мимоходомъ слѣдующее понятіе: «Еще въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, во Франціи *произошла революція въ родѣ нашей самозванщины* (!!): неистовство и безобразіе дошли до того, что французы казнили даже своего законнаго короля, не говоря уже о множествѣ сановниковъ, о невинныхъ женщинахъ и дѣтяхъ, которыхъ кровь текла ручьемъ по улицамъ Парижа. Къ счастію еще, что во французской артиллеріи служилъ въ то время поручикъ Бонапартъ, который такъ хорошо понялъ легковѣрный характеръ своихъ, земляковъ, что успѣлъ въ короткое время примѣниться къ нимъ» и пр. и пр. Впрочемъ, къ этому неприрожденному государю авторъ относится снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ, на томъ основаніи, что онъ былъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ міра. «Солдатъ — морализируетъ при этомъ г. Столыпинъ — обязанъ уважать геройство и храбрость (только эти качества и обязанъ онъ уважать?) даже въ кровномъ врагѣ своемъ, для того, чтобъ и врагъ его уважалъ; подраться можно (!), а послѣ драки надо обняться». Осудивъ политическое движеніе во Франціи, какъ неистовство и безобразіе, авторъ не пощадилъ и второй половины царствованія Александра I-го, такъ-какъ въ это время многіе русскіе, побывавъ въ Парижѣ,— «заразились тамъ вольнодумствомъ, а потомъ вышли въ Петербургѣ на площадь передъ сенатъ да и начали голосить; но всѣ были взяты» и пр. и пр. Развязный и безцеремонный тонъ всѣхъ этихъ описаній, сентенцій и характеристикъ весьма напоминаетъ намъ тѣхъ уличныхъ панорамщиковъ, которые, тыкая пальцемъ въ стекло своего незатѣйливаго прибора, считаютъ нужнымъ присоединять къ удовольствіямъ зрѣнія поучительность комментаріевъ въ такомъ родѣ: «вотъ, молъ, городъ Парижъ — какъ заѣдешь, угоришь»! или: «вотъ вамъ городъ Варшава: она прежде была шершàва, а теперь маленько посгладилась» и т. п. Насколько авторъ строгъ къ Мареѣ Посадницѣ, къ личности которой относился сочувственно даже самъ Карамзинъ, несмотря на свое пристрастіе къ централизующему государственному началу, настолько же онъ склоненъ возвеличивать Іоанна Грознаго (за ежовыя рукавицы, въ которыя онъ забралъ народъ), забывая или снисходительно прощая при этомъ всѣ безсмысленныя звѣрства, оттолкнувшія отъ царя-опричника даже благодушнаго историка «государства россійскаго». «По нашему мнѣнію — такъ заканчиваетъ авторъ характерис-

тику этого лица—всякій простой русскій человѣкъ скорѣе поймётъ Іоанна Грознаго, чѣмъ любой нѣмецкій историкъ. Кому изъ насъ не приводилось встрѣчать, не только въ простомъ народѣ, но и промежъ образованнаго общества, такихъ суровыхъ главъ семейства, которые заставляли трепетать весь свой домъ и безотвѣтно исполнять малѣйшую ихъ прихоть? А въ то же время эти грозные люди были и набожны, и милостивы къ нищей братіи. Отъ такого человѣка кажется (только кажется?!) никому и житья нѣтъ, а помри онъ—весь домъ пошелъ вверхъ дномъ: робкій сынъ не въ силахъ справиться съ отцовскимъ наслѣдіемъ, а ловкій слуга или прикащикъ все къ своимъ рукамъ прибираетъ». Оправданіе это очень не дурно: стало быть, не перерѣжь Іоаннъ половины Новгорода, то все на Руси «пошло бы вверхъ дномъ». Даже Владиміра Мономаха, этого излюбленнаго земскаго князя, возвеличеннаго народомъ именно за то, что онъ руководился въ своихъ дѣйствіяхъ желаніями и потребностями своей страны, даже этого лучшаго князя удѣльно-вѣчеваго періода авторъ выхваляетъ больше всего за то, что онъ совершилъ впервые обрядъ вѣнчанія себя на царство, безъ чего, по мнѣнію г. Столыпина, не могла бы и процвѣтать русская земля.

Читаешь эту *досужую*, но не *дѣльную* стряпню, и просто не вѣришь себѣ: въ книжкѣ, изданной для народа, самъ-то народъ представленъ какими-то идіотами и тупицами, которыхъ мнѣнія и нужды не должны приниматься въ соображеніе государственной властью, которые существуютъ, кажется, только затѣмъ, чтобы «драться» невѣдомо съ кѣмъ и невѣдомо за что, а подравшись — «обниматься», опять-таки неизвѣстно по какому побужденію. Авторъ принимаетъ весь народъ за рекрутъ или рядовыхъ, да и то добраго стараго времени, когда дѣйствовало правило: «не разсуждай, а исполняй», приведшее насъ къ севастопольской развязкѣ. Участіе народа въ политической жизни своей страны до того не нравится г. Столыпину, что онъ клеймитъ его даже на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ назадъ и, безобразно коверкая факты, стремится доказать, что такое участіе всегда приводило къ буйству и дебоширству. Словомъ, еслибы полковникъ Скалозубъ возсталъ изъ своей преждевременной могилы (впрочемъ, многіе сомнѣваются въ его кончинѣ, предполагая, что это онъ пишетъ подъ псевдонимами гг. Маркова, Ратча и др.)—то онъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ одобрилъ бы такой историческій пріемъ и предложилъ бы эпиграфомъ для этой книжки свою знаменитую фразу: «фельдфебеля въ Вольтеры дамъ».

А еще вы, г. Столыпинъ, толкуете о нашей «дружбѣ» съ Америкой; ну что, если американцы возьмутъ да и переведутъ для курьезу ваше произведеніе? Стыдъ, срамъ — да и только! «Не стоило бы—скажутъ насмѣшливо наши американскіе друзья— освобождать русскихъ крестьянъ, еслибы ихъ умственно-

му развитію не суждено было пойти дальше этихъ жалкихъ издѣлій досужихъ грамотѣевъ». Въ самомъ дѣлѣ, какое дебоширство должно бы происходить каждый день въ Америкѣ по теоріи г. Столыпина! А между тѣмъ ничего: живутъ себѣ эти американцы припѣваючи и не завидуютъ другимъ странамъ, гдѣ процвѣтаетъ дѣятельность гг. Столыпиныхъ, Паульсоновъ и Юркевичей со всею ихъ свитою.

Историческій очеркъ раскольническаго ученія о бракѣ. (*Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ*). *Выпускъ I. (Отъ начала раскола до царствованія императора Николая I). Экстраординарнаго профессора с.-петербургской духовной академіи* И. Нильскаго. *С.-Петербургъ. 1869 г.*

Въ числѣ народныхъ «бѣдъ», потрясавшихъ собой нашу тысячелѣтнюю, но небогатую внутреннимъ смысломъ историческую жизнь, не послѣднее мѣсто занимаетъ церковный расколъ, который, начавшись съ мелкихъ обрядностей, дошелъ, въ нѣкоторыхъ своихъ сектахъ, до выработки замѣчательныхъ взглядовъ на религіозные вопросы и общественныя отношенія. Исторія раскола тѣмъ именно и поучительна, что по ней можно прослѣдить, какъ созрѣвало и крѣпло, независимо отъ государственной опеки и часто даже наперекоръ ей, самостоятельное мышленіе русскаго народа. Какой, въ самомъ дѣлѣ, долгій путь скептическаго анализа надлежало пройти этому народу, чтобы отъ внѣшняго, формальнаго пониманія религій, какъ оно обнаружилось въ спорахъ о двуперстномъ знаменіи, хожденіи посолонь и т. п. — придти къ тому стойкому раціонализму, который явственно сказывается въ религіозномъ мышленіи духоборцевъ и молоканъ? Съ другой стороны, какая бездна безсмыслія и дикаго изувѣрства отдѣляетъ этихъ самыхъ молоканъ отъ хлыстовъ, скопцовъ и т. п. фанатиковъ, тоже вышедшихъ изъ народа подъ вліяніемъ другихъ, тяжелыхъ условій русской жизни. Связать воедино всѣ эти, по виду, разрозненные факты, обнять мыслью и логическій путь, и ненормальныя отъ него уклоненія въ расколѣ — вотъ прямая обязанность писателей, которыхъ пытливый умъ не ограничивается въ исторіи одной ея анекдотической и курьёзной стороною. Надо сказать правду, что въ послѣднее время, благодаря сравнительно-льготнымъ условіямъ русской прессы, исторія раскола сдѣлалась болѣе доступна критической обработкѣ; но мы все-таки далеко не можемъ утверждать, чтобы въ нашей литературѣ выяснились окончательно даже крупнѣйшіе фазисы религіознаго разномыслія на Руси. Объ иныхъ вопросахъ не говорится совсѣмъ, о другихъ говорится — по двусмысленно и уклончиво; *цѣльнаго* взгляда на расколъ еще не высказано нигдѣ, хотя матеріаловъ для него накопилось уже достаточно. Изслѣдованіе г. Нильскаго, лежащее передъ нами, даже не обогащаетъ литературы раскола никакими новыми идеями; но вопросъ, взятый имъ, такъ инте-

ресенъ самъ по себѣ, что даже въ сухомъ изложеніи, преисполненномъ длинныхъ, неудобочитаемыхъ цитатъ, онъ можетъ расшевелить любознательность читателя. Какъ сложилась семейная жизнь въ русскомъ расколѣ? Какія формы выработала она для себя, оторвавшись отъ традиціонной почвы? — вопрошаетъ г. Нильскій, и отвѣчаетъ на это пространнымъ трактатомъ, въ которомъ факты говорятъ гораздо краснорѣчивѣе авторскихъ размышленій. Мы воспользуемся прежде этими фактами, а потомъ скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи автора къ своему предмету.

Извѣстно, что на первыхъ порахъ лица, возставшія противъ церковныхъ преобразованій Никона и получившія, по соборному постановленію 1666—7 года, названіе раскольниковъ, не имѣли въ виду устроить свою религіозную жизнь на какихъ нибудь новыхъ началахъ, но хотѣли только спасти «древнее благочестіе», удерживая безъ малѣйшей перемѣны ту церковную практику, которая существовала, какъ правильная, при предшественникахъ Никона. Къ этому мы прибавимъ съ своей стороны, что раскольники смотрѣли на дѣло совершенно такъ же, какъ какой нибудь крутицкій митрополитъ Іона (и даже самъ патріархъ Филаретъ) въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, во время исправленія «Потребника». Ученыхъ справщиковъ этой книги, по приказанію Іоны, потребовали къ отвѣту, обвиняли въ еретичествѣ и засадили въ тюрьму единственно за то, что они вычеркнули изъ «Потребника» ненужную поправку: *и огнемъ* въ молитвѣ водоосвященія: «пріиди, Господи, и освяти воду сію Духомъ твоимъ и огнемъ». Отсюда возникли противъ нихъ обвиненія, что они — «Духа святого не исповѣдаютъ, яко огнь есть». За это одного изъ справщиковъ, а именно архимандрита Діонисія, отказавшагося дать взятку въ 500 р., душили «дымомъ на палатяхъ», морили голодомъ и выводили въ кандалахъ на площадь, гдѣ народъ забрасывалъ его грязью какъ еретика. Страданія мнимыхъ еретиковъ продолжались цѣлый годъ и кончились, только благодаря вмѣшательству іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, который, прибывъ въ Москву съ сборомъ милостыни, не безъ труда убѣдилъ Филарета, уже патріарха, въ ненужности прибавки: «и огнемъ». (См. «Русскіе исповѣдники просвѣщенія», статья г. Соловьева, «Рус. Вѣстн.» 1857 г. № 17). Такое невѣжественное упорство въ сохраненіи буквы священнаго писанія, — и притомъ буквы, искаженной переписчиками, объясняется очень просто повальной безграмотностью и непроходимою тупостью, господствовавшей въ допетровское время. Митрополитъ газскій, Паисій Лигаридъ, занимавшійся, по порученію Алексѣя Михайловича, опроверженіемъ «Челобитной» соловецкаго монастыря (между русскими іерархами не нашлось человѣка, способнаго на такой трудъ), не даромъ говорилъ, что все это «наводненіе ересей истекало и возрастало на общую пагубу отъ лишенія и неимѣнія народ-

ныхъ учителей». Понятно, что, коренясь въ слѣпой привер-женности къ старинѣ, расколъ, и въ ученьи о бракѣ, не отхо-дилъ спачала слишкомъ далеко отъ мнѣній и обычаевъ, приня-тыхъ въ господствующей церкви. Вся разница состояла въ томъ, что, по мнѣнію раскольниковъ, слѣдовало употреблять при обрядѣ вѣнчанія не новыя, а старопечатныя книги и благословлять бра-чущихся двуперстнымъ знаменіемъ. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, покуда живы были «истинные іереи», т.-е. рукоположен-ные до Никона, у которыхъ раскольники могли вѣнчаться, не нарушая старыхъ церковныхъ правилъ. Но положеніе это долж-но было усложниться, когда правительство рѣшилось твердо преслѣдовать расколъ, и число священниковъ, вѣрныхъ преда-нію, стало быстро убывать какъ по причинѣ естественной смер-ти, такъ и вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на нихъ духов-ною и свѣтской властями. Тогда появились новые, роковые вопросы: откуда достать священниковъ, поставленныхъ по «древ-нему чину», и можно ли вѣнчаться въ «еретическихъ» церквахъ, по исправленнымъ книгамъ и съ нарушеніемъ прежнихъ обря-довъ? Между духовенствомъ, возстававшимъ противъ церков-ныхъ распоряженій Никона, былъ только одинъ епископъ, Па-велъ Коломенскій, который могъ, нѣкоторое время, пополнять законнымъ образомъ раскольничью іерархію; но и онъ умеръ въ самомъ началѣ раскола; слѣдовательно сторонникамъ древ-няго благочестія, рано или поздно, угрожала опасность остаться совсѣмъ безъ священниковъ и безъ церковныхъ таинствъ. Это предвидѣли раскольники и однажды спросили самого Павла Коломенскаго: какъ имъ быть въ случаѣ прекращенія правиль-ной іерархіи? Отвѣтъ Павла передается различно раскольника-ми, смотря по сектѣ, къ которой принадлежитъ они. Такъ, по-повцы, въ оправданіе своего обычая принимать бѣглыхъ по-повъ, совершая надъ ними мvропомазаніе, утверждаютъ, что Па-велъ Коломенскій указалъ именно на это средство для сохра-ненія благодати за «новорукоположенными» священниками; без-поповцы же, отвергающіе церковную іерархію по причинѣ «оску-дѣнія священной руки», говорятъ, что коломенскій архіерей запретилъ своимъ послѣдователямъ всякое общеніе съ право-славною церковью и заповѣдалъ совершать нѣкоторыя таинства, какъ напр., крещеніе и покаяніе, самимъ мірянамъ. На сторо-нѣ безпоповцевъ стоитъ и такой авторитетъ, какъ знаменитый протопопъ Аввакумъ, который внушалъ раскольникамъ непри-миримую ненависть къ новопоставленному духовенству. «А съ водою какъ онъ (т.-е. никоніанскій священникъ) пріидетъ въ домъ твой — такъ писалъ раздраженный протопопъ къ своимъ духовнымъ чадамъ — а въ дому бывъ, водою намочитъ, и ты послѣ его выметн метлою, а робятамъ вели по запечью отъ него спрятаться, а самъ съ женою ходи тутъ и виномъ его пой, а самъ говори: «прости, бачка, нечисты... и не окачива-лись, недостойны къ кресту». Онъ кропитъ, а ты рожу-то въ

уголъ вороти, или въ мошну въ тѣ поры полѣзай да деньги ему добывай. А жена за домашними дѣлами поди да говори ему, раба Христова: «бачка, какой ты человѣкъ! аль по своей попадьѣ не разумѣешь? не время мнѣ! Да какъ-нибудь отживите его. А хотя и омочитъ водою тою; душа бы твоя не хотѣла». Вслѣдствіе этой ненависти къ новой церковной іерархіи, значительная часть раскольниковъ отказалась совсѣмъ отъ совершенія таинствъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя, по завѣту Павла Коломенскаго, могли поддерживаться и мірскими людьми. Затѣмъ безпоповщинскій расколъ, оторвавшись отъ всякой традиціонной связи съ господствующей церковью, пошелъ своей особой дорогою, и въ немъ образовалось скоро новое разномысліе относительно брака, о которомъ раскольники не могли почерпнуть изъ преданія никакого категорическаго рѣшенія. До этого рѣшенія имъ приходилось добираться посредствомъ разныхъ доводовъ и соображеній, которые, конечно, измѣнялись, смотря по развитію личности, бравшейся за самостоятельное рѣшеніе спорнаго вопроса. Здѣсь-то и обнаружилась внутренняя, органическая сила, о присутствіи которой въ расколѣ наша публика имѣетъ еще, до сихъ поръ, весьма слабое понятіе. Въ первое время по образованіи раскола идеи безбрачія, вслѣдствіе невозможности «правильнаго» совершенія брачнаго таинства, получили, повидимому, господство въ массѣ раскольниковъ, чему способствовали многія обстоятельства, изъ которыхъ одно — именно вражда съ господствующей церковной іерархіей — уже упомянуто нами. Эта вражда вызвала у протопопа Аввакума прямое запрещеніе раскольникамъ — вѣнчаться въ православныхъ церквахъ: «Аще вѣнчаеми бываютъ у нихъ, то не браки, а прелюбодѣющіи; аще ли имутъ истинныхъ іереевъ, да вѣнчаются снова. Аще кто не имать іереевъ да живетъ просто». Эту послѣднюю фразу: «да живетъ просто» нужно, по всей вѣроятности, понимать какъ требованіе безбрачной жизни, потому что самъ Аввакумъ былъ усерднымъ ея защитникомъ и часто «унималъ другихъ отъ блуда»; но справедливо также и мнѣніе г. Щапова (противъ котораго полемизируетъ однако г. Нильскій), что эта фраза, растолкованная въ извѣстномъ смыслѣ, пришлась какъ нельзя болѣе кстати для распущенности нравовъ, составлявшей типическую черту въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Едва-ли возможно сомнѣваться, что широкое удовлетвореніе половыхъ страстей, которое такъ прилично и удобно прикрывалось обѣтомъ вынужденнаго безбрачія, было не послѣднею причиной того, что пропаганда брака, въ видѣ гражданскаго сожитія мужа съ одною женою, находила сильный отпоръ въ раскольничьей средѣ. Подобное стѣсненіе, конечно, не нравилось тѣмъ благочестивымъ людямъ, которые скоро привыкли къ тому, чтобы ихъ духовныя сестры приносили имъ (говоря раскольничьимъ языкомъ) «пустынные плоды своего чрева»; уклоняясь отъ брака подъ благовиднымъ предлогомъ, они сохраняли за собой

право имѣть сколько угодно «стряпухъ» и «посестрій»; но лицемѣрный декорумъ былъ при этомъ соблюденъ, и имъ оставалось только искусно прятать концы своихъ любовныхъ связей. Впрочемъ, нѣкоторыя секты (какъ напр. стефановщина) мало обращали вниманія даже на соблюденіе этого декорума и — по словамъ самого г. Нильскаго — ихъ наставники частенько жили «въ кельяхъ на уединеніи съ зазорными лицы и съ духовными дочерьми». И такое явленіе нисколько не удивительно: формальное благочестіе древней Руси, передъ которымъ такъ умиляются наши любители старины, ничего другаго и не могло скрывать подъ собою, кромѣ животной разнузданности, плохо замаскированной лицемѣрными обрядами. Извѣстенъ напр. обычай нашихъ предковъ занавѣшивать образа въ комнатѣ, приготовляясь къ нѣкоторому грѣховному дѣлу... Лики угодниковъ не видѣли грѣха, и совѣсть грѣшника была успокоена. Счастливыя исключенія, разумѣется, встрѣчались всегда, но они не измѣняли общаго характера нашего религіознаго благочестія, крайне узкаго, односторонняго, поглощеннаго одною внѣшностью и обрядностью. Кромѣ того, на помощь нравственной распущенности, пришли и другія обстоятельства, которыхъ также не слѣдуетъ терять изъ виду. Первое изъ нихъ заключалось въ томъ, что, по общему мнѣнію раскольниковъ, вслѣдъ за упадкомъ древней вѣры, настанетъ, въ кратчайшій срокъ, царство антихриста; слѣдовательно истиннымъ христіанамъ нечего было и хлопотать о женѣ и дѣтяхъ. Тотъ же Аввакумъ, много подвизавшійся по части распространенія раскола, удостоился первый видѣть народившагося антихриста. «Я, братія мои, — пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій — видѣлъ антихриста, собаку бѣшеную право видѣлъ. Плоть у него вся смрадъ и зѣло дурна, огнемъ пышетъ изо рта, а изъ ноздрей и изъ ушей пламя смрадное исходитъ». А въ 1669 г., по всему пространству необъятной Россіи, раскольники, бросивъ всѣ свои обычныя занятія, бѣгутъ цѣлыми семействами изъ домовъ въ лѣса и пустыни и здѣсь, собравшись толпами, постятся, молятся, приносятъ другъ другу покаяніе въ грѣхахъ, пріобщаются старинными дарами и, надѣвъ чистыя рубахи и саваны, ложатся въ заранѣе приготовленные гробы. Изъ этихъ гробовъ, въ ожиданіи трубы архангела, раздается заунывный напѣвъ:

> Древянъ гробъ сосновый
> Ради меня строенъ;
> Въ немъ буду лежати,
> Трубна гласа ждати.
> Ангелы вострубятъ,
> Изъ гробовъ возбудятъ.
> Я хотя и грѣшенъ,
> Пойду къ Богу на судъ и пр. и пр.

На сей разъ ангелы однако не вострубили, и пришествіе антихриста откладывалось потомъ на различные сроки. Такъ, напримѣръ, его ожидали въ 1691 г., затѣмъ въ 1699 г., наконецъ, въ 1702 г. Этотъ послѣдній срокъ, среди начавшихся реформъ Петра-Великаго, казавшихся большинству неправославными, антихристіанскими, представлялся до того вѣроятнымъ, что мысль о наступленіи царства антихристова въ началѣ XVIII-го вѣка сдѣлалась достояніемъ нетолько раскольниковъ, но и многихъ изъ православныхъ, и проповѣдь Талицкаго, возвѣщавшаго близкое разрушеніе міра, выслушивалась съ одинаковымъ страхомъ какъ самимъ народомъ, такъ и высшими лицами изъ духовенства и бояръ. Вслѣдствіе этого, безпоповщинскіе учителя, какъ это видно изъ ихъ сочиненій, требуя отъ своихъ послѣдователей безбрачной жизни, никогда не упускали случая, для большей убѣдительности своихъ словъ, указывать на скорое появленіе антихриста, какъ на обстоятельство, которое дѣлаетъ излишними долговременныя житейскія связи. Второе обстоятельство, также повліявшее на отрицаніе брака, по крайней мѣрѣ, въ извѣстный періодъ времени, кроется въ тѣхъ звѣрскихъ гоненіяхъ, которыя подняты были на раскольниковъ, начиная съ 1684 г., ихъ прежней покровительницей, Софьей Алексѣевной. Внезапно, въ этомъ году, появилось противъ раскола постановленіе, узаконявшеее пытки и «огненную смерть» для тѣхъ, кто «не принесетъ покоренія св. церкви», подвергавшее жестокому наказанію тѣхъ православныхъ, которые скрывали у себя раскольниковъ и не доносили объ нихъ, осуждавшее «на смерть безъ всякаго милосердія» раскольничьихъ перекрещивателей, хотя бы они раскаявались и «св. таинъ причаститися желали истинно», подвергавшее кнуту всѣхъ перекрещивавшихся у раскольниковъ, даже и въ томъ случаѣ, если опи «учнутъ винитися безъ всякія противности», и наконецъ, осуждавшее на кнутъ даже тѣхъ раскольниковъ, которые «отъ неразумѣнія или въ малыхъ лѣтахъ, стояли въ упрямствѣ въ новоисправленныхъ книгахъ» и пр. и пр. Вслѣдъ затѣмъ начались военныя экзекуціи, которыя распространили еще бо̀льшій ужасъ въ раскольничьемъ населеніи. «Лютое нападеніе,—по выраженію раскольниковъ,—суровое свирѣпство, звѣриная наглость» храбрыхъ воиновъ, посылаемыхъ для этой междоусобной рѣзни, наводили панику на цѣлыя области и заставляли подумать о средствахъ избавиться отъ мученій. Менѣе фанатическіе ревнители старой вѣры спасались бѣгствомъ въ сосѣднія страны — въ Польшу, Швецію, Турцію, Пруссію и на Кавказъ. При этомъ поголовномъ бѣгствѣ положено было основаніе знаменитой слободѣ Вѣткѣ на землѣ пана Халецкаго, и «мнози течаху въ оная прославляемая мѣста». Яростные же фанатики, предвидя «нашествіе мучителей и ихъ наѣздъ съ оружіемъ и съ пушками», сжигали себя сами, цѣлыми массами, для полученія царствія небеснаго. Въ 1687 г. раскольники, въ числѣ 2,700 человѣкъ, сожглись въ Палеостров-

скомъ монастырѣ; въ томъ же монастырѣ въ 1689 г. сгорѣло до 500 раскольниковъ. Въ 1693 г., въ одной деревнѣ Новгородской губерніи, сожглось до 800 раскольниковъ, а въ 1709 г., по донесенію іеромонаха Игнатія св. Дмитрію Ростовскому, въ одномъ его приходѣ — «сожглося душъ обоего пола и всякаго возраста 1,920, кромѣ иныхъ окрестныхъ селъ и деревень, въ коихъ безчисленное множество народа пожглося», такъ что «наполняшеся воздухъ отъ труповъ сгарающихъ смрадной вони на многи дни». Св. Дмитрій Ростовскій, какъ извѣстно, неослабно наблюдалъ за раскольниками... Вообще, вслѣдствіе узаконенія 1684 г., у насъ погибла не одна тысяча народа. Въ такое суровое время народу некогда было думать объ утѣхахъ семейной жизни, и вопросъ о бракѣ, естественно, устранялся на задній планъ. Даже поповщина, рѣшившаяся принимать къ себѣ бѣглыхъ поповъ «новаго поставленія», при помощи которыхъ могла бы безпрепятственно совершать свои браки, воздерживалась, въ это время, отъ семейной жизни передъ ежеминутной грозою смертной казни или мучительныхъ пытокъ. Но поголовныя избіенія раскольниковъ — собственно за ихъ религіозное несогласіе — прекратились со вступленіемъ на престолъ Петра I. Суровый указъ 1684 г. продолжалъ еще существовать въ качествѣ неотмѣненнаго закона, но практическое приложеніе его, съ самаго начала царствованія Петра, сдѣлалось мягче, снисходительнѣе, хотя раскольники являлись, въ большинствѣ случаевъ личными врагами молодаго царя. Правда, и при Петрѣ, особенно въ первые годы, было не мало случаевъ преслѣдованія раскольниковъ; но эти преслѣдованія были больше дѣломъ личнаго усердія второстепенныхъ властей (какъ, напримѣръ, Питерима, прозваннаго Петромъ «равноапостольнымъ»), нежели слѣдствіемъ внушеній самаго государя. Терпимость и даже индиферентизмъ Петра къ конфессіональнымъ распрямъ достаточно извѣстны изъ исторіи, и отсюда безошибочно опредѣляется его отношеніе къ расколу, какъ къ религіозному толку. Насмѣшливый реформаторъ и раціоналистъ, устроивавшій публичныя пародіи на муфтіевъ и патріарховъ, подъ именемъ «всешутѣйшаго Собора», не могъ враждовать серьёзно съ двухперстнымъ знаменіемъ и хожденіемъ посолонь. Больше не нравились ему борода и стариннаго покроя платье, какъ вывѣски стараго суевѣрія и невѣжества — и за нихъ раскольники должны были расплачиваться особымъ штрафомъ. Въ 1702 г. Петръ всенародно объявлялъ, что онъ «совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину, на его отвѣтственность, пещись о блаженствѣ души своей», и обѣщалъ при этомъ «крѣпко смотрѣть, чтобы никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и въ частномъ отправленіи богослуженія, обезпокоенъ не былъ». Въ томъ же году случилось Петру проходить изъ Архангельска въ Повѣнецъ черезъ извѣстную рѣку Выгъ (по имени которой названа безпоповщинская Выговская пустыня), и ему

было доложено, что на этой рѣкѣ живутъ раскольники. «Пускай живутъ!—отвѣчалъ онъ по свидѣтельству историка Выговской пустыни—и поѣхалъ смирно яко отецъ отечества благоутробнѣйшій». Вскорѣ послѣ этого (въ 1705 г.) Петръ, чрезъ своего любимца Меншикова, входитъ даже въ прямыя сношенія съ обитателями «пустыни»—бывшей главнымъ притономъ тогдашней безпоповщины —и, въ награду за согласіе ихъ работать на повѣнецкихъ заводахъ, даетъ имъ указомъ право на открытое, свободное отправленіе богослуженія по старопечатнымъ книгамъ. Поручая въ 1706 г. Питериму заняться обращеніемъ раскольниковъ въ Нижегородской губерніи, Петръ внушалъ ему: «съ противниками церкви съ кротостію и разумомъ поступать, по апостолу: быхъ беззаконнымъ, яко беззаконенъ, да беззаконныхъ пріобрящу, быхъ всѣмъ вся да всяко нѣкіе спасу — а не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ». Въ 1708 г., когда Карлъ XII вступилъ въ Малороссію и достигъ стародубскаго края, нѣкоторые изъ стародубскихъ раскольниковъ напали на непріятеля, нѣсколько сотенъ побили, а живыхъ привели плѣнниками къ государю, бывшему тогда въ Стародубѣ. За такой патріотизмъ Петръ тогда же приказалъ переписать всѣхъ стародубскихъ раскольниковъ и утвердилъ ихъ за собою «съ тѣмъ, чтобъ впредь оными никто не могъ владѣть». Въ 1714 г. Петръ торжественно даруетъ раскольникамъ право, наравнѣ со всѣми другими подданными, жить въ селеніяхъ и городахъ «безо всякаго сомнѣнія и страха», только бы они объявляли о себѣ въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и записывались въ платежъ двойнаго оклада. Дальше, указами 1719, 1720 и 1722 годовъ, позволено было раскольникамъ не ходить на исповѣдь, вѣнчаться не у церкви, носить бороду и платье стараго покроя, съ условіемъ только платить за всѣ эти льготы опредѣленную денежную пеню. Всѣми этими мѣрами Петръ показалъ, что, не видя серьёзной опасности въ религіозномъ «пререканіи» раскольниковъ съ государственной церковью, онъ подводитъ его подъ разрядъ обыкновенныхъ полицейскихъ провинностей, за которыя достаточно брать, въ видѣ штрафа, усиленный подушный окладъ. Штрафъ же этотъ обращался на заведеніе флота, на прорытіе каналовъ, на устройство школъ и т. п. потребности реформы. Только въ самомъ концѣ своего царствованія, убѣдившись изъ дѣла царевича Алексѣя и многихъ другихъ частныхъ случаевъ, что раскольники ведутъ подкопъ — не противъ одной лишь церковной обрядности, но и противъ всѣхъ европейскихъ нововведеній, Петръ причислилъ раскольничьи дѣла къ «злодѣйственнымъ» и снова обратился — хотя далеко не съ прежней жестокостью — къ тому уголовному арсеналу, который былъ у него подъ руками. Лично раздраженный и лично ненавидимый раскольниками, спасая отъ разрушенія свое любимое дѣло, Петръ забылъ уже тутъ свою прежнюю умѣренность и просвѣщенные взгляды на расколъ. Тѣмъ не менѣе,

раскольники, въ царствованіе Петра, чувствовали себя гораздо спокойнѣе и безопаснѣе, чѣмъ прежде, а главный пріютъ безпоповщины—Выговская пустыня, въ которомъ умный и хитрый настоятель Андрей Денисовъ успѣлъ убѣдить своихъ подчиненныхъ въ возможности соединенія истиннаго христіанства съ подданствомъ Петру, разбогатѣлъ до такой степени, что обитатели его, нѣкогда сами терпѣвшіе голодъ, нашли возможнымъ помогать изъ своихъ средствъ не только раскольникамъ, бывшимъ въ зависимости отъ монастыря, но и посторонним лицамъ, разумѣется, съ тайною цѣлью привлечь ихъ въ свои ряды. Фанатизмъ Выговскихъ скитовъ, выражавшійся прежде въ открытой враждѣ къ власти и въ покушеніяхъ къ самосожигательству, сталъ теперь, мало-по-малу, слабѣть, а вслѣдъ затѣмъ началъ ослабѣвать и ихъ прежній аскетизмъ. Проповѣдники суроваго житія, проводившіе прежде сами строгую жизнь, — теперь, среди всеобщаго изобилія и довольства, стали позволять себѣ такія утѣхи въ жизни, которыя ясно показывали, что ревнители иноческаго подвижничества далеко не прочь и отъ наслажденія благами міра сего. «Пустынные плоды чрева инокинь» приносились все чаще и чаще, и самъ Андрей Денисовъ, доказывавшій необходимость безбрачной жизни, началъ снисходительнѣе смотрѣть на брачное сожитіе раскольниковъ, видя въ немъ средство избавиться отъ перемѣннаго разврата. Если прибавить къ этому, что ученіе о близкой кончинѣ міра, также служившее препятствіемъ къ брачнымъ союзамъ, хотя и продолжало существовать въ Выговскомъ скиту, но уже только въ одной теоріи, да и то не вполнѣ мирилось съ спокойнымъ, обезпеченнымъ положеніемъ раскольниковъ,—то мы легко поймемъ, что удовольствія правильно-организованной семейной жизни снова стали рисоваться въ воображеніи людей, отдохнувшихъ отъ преслѣдованій. Къ тому же, въ ихъ средѣ уже перевелись тѣ выходцы изъ разныхъ монастырей, которые хотѣли весь раскольническій міръ превратить въ одну громадную монастырскую общину. Тогда-то и обнаружилось въ безпоповщинскомъ расколѣ сильное движеніе въ пользу брака, которое повело сначала къ литературной полемикѣ, а потомъ и къ распаденію самаго раскола на двѣ враждебныя партіи. Первымъ раскольникомъ, признавшимъ, что бракъ, заключенный въ православной церкви, слѣдуетъ считать законнымъ и не расторгать,—былъ Ѳеодосій Васильевъ, который вздумалъ, въ концѣ XVII вѣка, основать отдѣльное раскольническое общество, съ тѣмъ, чтобы самому стать во главѣ его. Съ этою цѣлью Ѳеодосій оставилъ Новгородъ, убѣжалъ со всею семьею въ Польшу и здѣсь положилъ основаніе особому раскольническому толку, получившему, по его имени, названіе ѳедосѣевщины. Своимъ ученіемъ о бракѣ Ѳеодосій сталъ въ противорѣчіе съ своими прежними единомышленниками—поморцами, и это дало поводъ къ спорамъ между ними, окончившимся не въ пользу брака. Ѳеодосій, какъ видно, слишкомъ слабо мотивировалъ свое уклоненіе

отъ прежнихъ взглядовъ, и потому, хотя онъ самъ устоялъ до конца жизни въ своемъ противорѣчіи, но послѣдователи его, замѣтивъ недостаточность его доказательствъ, признали нужнымъ, вскорѣ послѣ его смерти, разводить всѣхъ повѣнчанныхъ до перехода въ расколъ — «на чистое житіе». Гораздо стойче и рѣшительнѣе была поддержка, оказанная браку, Иваномъ Алексѣевымъ—однимъ изъ стародубскихъ раскольниковъ, попавшимъ въ упомянутую нами перепись при Петрѣ. Это былъ весьма умный и энергическій человѣкъ, очень начитанный и наблюдательный, незакрывавшій глазъ на недостатки своего общества. Наставниковъ ѳедосѣевскихъ онъ безъ церемоніи сравнивалъ за ихъ невѣжество и умственную слѣпоту, съ «нѣкими нетопырями темными, кои зрящихъ истинно досаждаютъ», и открыто нападалъ на тотъ безшабашный развратъ, которому предавались эти наставники, прикрытые благовидной ширмой иноческаго житія. Долго думая надъ вопросами о бракѣ, Алексѣевъ пришелъ къ тому заключенію, что вынужденное безбрачіе безпоповцевъ имѣло нѣкогда историческое оправданіе въ отсутствіи правильнаго священства и въ строгомъ аскетизмѣ первоначальныхъ безпоповцевъ, жившихъ, по стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ лѣсахъ и пустыняхъ; но что теперь второе изъ этихъ условій замѣнилось полнѣйшей физической разнузданностью, а о чистотѣ нравовъ нѣтъ и помину. Что же касается до перваго условія, которое Алексѣевъ, какъ вѣрный раскольникъ, обязывался признавать съ прежней рѣзкостью, — то онъ постарался обойти его совсѣмъ въ этомъ вопросѣ, доказывая, что священникъ есть только простой свидѣтель при совершеніи брака и что самый бракъ есть тайна, но не въ смыслѣ *таинства*, какъ понимаетъ его православная церковь—таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерское вѣнчаніе и благословеніе сообщается брачущимся особенная благодать св. Духа, — а въ смыслѣ таинственнаго значенія супружеской любви, какъ образа *любви* Христа къ церкви. Продолжая развивать свой взглядъ на бракъ, Алексѣевъ говорилъ, что бракъ установленъ самимъ Богомъ еще при созданіи первыхъ людей, что основаніемъ его служитъ благословеніе, данное Богомъ Адаму и Евѣ, и чрезъ нихъ и всѣмъ имъ потомкамъ, и что поэтому, для заключенія брака, требуется не особенная благодать, исходящая отъ іерея, но соблюденіе слѣдующихъ трехъ правилъ: вопервыхъ, согласіе вѣнчающихся на бракъ, при взаимной любви; вовторыхъ, «общенародное» выраженіе этого согласія передъ свидѣтелями (къ числу которыхъ принадлежитъ и священникъ), а, наконецъ, втретьихъ — согласіе родителей, необходимое для того, чтобы выразить въ немъ законную родительскую власть надъ дѣтьми, и, также, чтобъ не допустить въ бракѣ какихъ либо злоупотребленій, напримѣръ, близкаго родства, дурнаго выбора жениха или невѣсты и проч. Но что же послѣ этого значитъ церковное вѣнчаніе брака, принятое во всѣхъ христіан-

*

скихъ церквахъ? Это, по словамъ Алексѣева, не больше, какъ «общенародный христіанскій обычай», неимѣющій прямаго отношенія къ существу брака; введено же церковью вѣнчаніе для того, чтобы имъ отличить законное сопряженіе брачущихся лицъ отъ блуднаго сожитія, въ соотвѣтствіе «нѣкоему чину», употреблявшемуся при заключеніи браковъ еще въ ветхомъ завѣтѣ между іудеями, и «общенародному обычаю», существовавшему въ древности въ разныхъ формахъ и существующему донынѣ между язычниками. Отсюда Алексѣевъ дѣлаетъ выводъ, что, при неимѣніи православнаго священства, можно вѣнчаться и въ церкви еретической. Христіанскій общенародный обычай чрезъ это будетъ соблюденъ, а благодать, необходимая для брака, которой еретики не имѣютъ, зависитъ не отъ вѣнчанія, а отъ первоначальнаго Божія благословенія. «Очевидно—присовокупляетъ г. Нильскій—что Алексѣевъ смотритъ на бракъ съ естественной, а не съ христіанской точки зрѣнія, и разумѣетъ собственно бракъ, такъ-называемый, гражданскій» (стр. 122). Для подкрѣпленія этого гражданскаго брака, Алексѣевъ заимствовалъ свои аргументы и изъ большаго катихизиса, и изъ Кормчей книги, и изъ церковной исторіи, причемъ выказалъ замѣчательную богословскую эрудицію и ловкую діалектику, съ которой не всегда удачно борется г. экстраординарный профессоръ духовной академіи. Прежде всего Алексѣевъ выбралъ изъ большаго катихизиса и изъ Кормчей книги такія опредѣленія брака, въ которыхъ — по словамъ г. Нильскаго — «*повидимому*, подается та мысль, что единственнымъ основаніемъ брака служитъ первоначальное божіе благословеніе, данное въ лицѣ Адама и Евы всѣмъ ихъ потомкамъ, и затѣмъ — взаимное согласіе желающихъ вступить въ бракъ, выраженное словами передъ свидѣтелемъ». Такъ, напримѣръ, въ большомъ катихизисѣ, на вопросъ: что̀ есть бракъ? дается такой отвѣтъ: «бракъ есть тайна, ею же женихъ и невѣста отъ чистыя любви своея въ сердцѣ своемъ усердно себѣ изволятъ и согласіе между собою, и обѣтъ сотворятъ, яко произволительно по благословенію Божію въ общее и нераздѣльное житіе сопрягаются: *якоже Адамъ и Ева прежде паденія и безплотьскаго смѣшенія правъ и истинный бракъ имѣста*»; а на вопросъ: «кто есть дѣйственникъ тайны брака?» говорится, что — вопервыхъ, Богъ, сказавшій: «раститеся и множитеся», а вовторыхъ, сами брачущіеся, давшіе другъ другу обѣты вѣрности. Объ участіи священника не упоминается совсѣмъ. Въ Кормчей же книгѣ сказано: «форма есть образъ или совершенія брака, суть *словеса совокупляющихся*, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающая», и это выраженіе: *предъ іереемъ* привело Алексѣева къ той мысли, что священникъ, участвующій въ заключеніи брака, есть небольше, какъ одинъ изъ свидѣтелей взаимнаго согласія жениха и невѣсты на вступленіе въ брачный союзъ, но отнюдь не совершитель этого священнодѣйствія,

Далѣе, изучая библейскую и «многія другія исторіи», Алексѣевъ замѣтилъ, что было время, когда браки заключались въ обществѣ человѣческомъ безъ всякаго «священнословія», т.-е. безъ всякаго внѣшняго обряда, по одному взаимному согласію лицъ, желавшихъ вступить въ бракъ, съ дозволенія родителей брачившихся. Такъ, по словамъ Алексѣева,—«по Адамѣ сущіи народы на единомъ любовномъ основаніи брака начало и конецъ творяху. Начало сего — благохотѣніе взаимное, конецъ же — словеса общаго хотѣнія родителей жениха и невѣсты и самихъ жениха и невѣсты». Такъ заключались браки въ «естественномъ законѣ даже до закона писаннаго», и не только между язычниками, но и между іудеями. Въ примѣръ подобныхъ браковъ между послѣдними Алексѣевъ указываетъ на бракъ Исаака съ Ревеккою. Въ послѣдствіи времени, говоритъ Алексѣевъ, у язычниковъ браки стали совершаться въ капищахъ, у іудеевъ же установился обрядъ приведенія брачущихся въ храмъ. Но такъ-какъ этотъ обрядъ явился уже въ законѣ писанномъ, а браки заключались прежде и считались законными, то очевидно — говоритъ раскольничій учитель — что заключеніе браковъ въ храмахъ и капищахъ было учреждено не потому, чтобы безъ этого брачныя сопряженія не имѣли законности и силы, но единственно для того, чтобы, кромѣ согласія родителей, а также жениха и невѣсты, дать мѣсто еще и «согласію общенародному» и тѣмъ, съ одной стороны, сдѣлать бракъ формально болѣе твердымъ, а съ другой — предохранить вступившихъ въ него отъ разнаго рода нареканій, показавъ всѣмъ и каждому, что они начали свое сожитіе не «яко тати», какъ дѣлаютъ блудники, а «подобательнымъ путемъ», т.-е открыто, черезъ бракъ. Переходя затѣмъ къ исторіи новозавѣтной, Алексѣевъ и въ ней нашелъ основанія думать, что церковное вѣнчаніе не имѣетъ существеннаго значенія для брака. Такъ онъ говоритъ, что и въ церкви христіанской «первѣе бяше бракъ, сему же послѣдоваша церковное дѣйство», и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на книгу Діонисія Ареопагита «о церковномъ священноначаліи», изъ которой будто бы видно, что при апостолахъ не было еще обычая совершать браки въ церкви, такъ-какъ Діонисій, перечисляя разныя таинства, не говоритъ ничего о вѣнчаніи брака. Алексѣевъ ссылается также и на другое обстоятельство изъ практики первенствующей церкви, — именно на то, что, при обращеніи язычниковъ къ вѣрѣ христовой, церковь совершала надъ ними крещеніе, міропомазаніе и др. таинства, но никогда не совершала надъ ними брака, если они находились до обращенія въ брачномъ сожитіи, а позволяла имъ жить по прежнему, какъ мужу и женѣ. Точно также, продолжаетъ Алексѣевъ, поступала церковь и съ еретиками, и притомъ не только съ такими, которыхъ принимали чрезъ одно отреченіе отъ ереси, но и съ такими, надъ которыми, при пріемѣ ихъ, совершалось

крещеніе. Наконецъ, Алексѣевъ указываетъ на то, что церковь православная никогда не перевѣнчивала лицъ православныхъ же, но вступавшихъ въ бракъ, по какимъ либо обстоятельствамъ, въ церквахъ еретическихъ. Всѣ эти разсужденія, вкратцѣ приведенныя нами, быть можетъ, ошибочны съ догматической точки зрѣнія; но они имѣютъ огромную важность для историка, наглядно показывая, что нашъ расколъ—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ наиболѣе развитыхъ его представителей — не удовольствовался однимъ формализмомъ и религіозною казуистикой, но затронулъ, въ нѣкоторыхъ сектахъ, весьма важные вопросы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ общественной жизни. Стоитъ замѣтить, что простой раскольникъ-крестьянинъ, небывшій ни въ какихъ школахъ и академіяхъ, одною силой умственной пытливости, дошелъ до того, что могъ совершенно перенести вопросъ о бракѣ съ церковной на гражданскую почву, то-есть сдѣлать изъ брака тотъ общественный договоръ, который только очень недавно въ Европѣ получилъ равноправное положеніе съ церковной формою брака. Врядъ-ли послѣ этого можно отрицать въ расколѣ присутствіе дѣятельной мысли и внутреннее прогрессивное движеніе, только замедляемое внѣшними препятствіями.

Доводы Алексѣева въ пользу брака нашли себѣ много приверженцевъ и служатъ до настоящаго времени опорною точкой для поморцевъ, вступающихъ въ бракъ. Но ѳедосѣевцы отвергнули ихъ какъ еретичество, забывъ, что, въ такомъ случаѣ, самъ основатель ихъ секты былъ упорнымъ еретикомъ. Роли перемѣнились: поморцы, прежде нападавшіе на бракъ, сдѣлались его сторонниками, а ѳедосѣевцы, которымъ приличнѣе было бы, съ самаго начала, не противиться этому нововведенію, стали озлобленно нападать на «новоженовъ», рѣшавшихся войти хоть на полчаса, для совершенія брака, въ православную церковь. Началась ожесточенная борьба, продолжавшаяся довольно открыто въ царствованіе Екатерины и Александра, такъ-какъ въ это время, — особенно при Александрѣ, — расколъ пользовался уже значительнѣйшими, противъ прежняго, послабленіями и льготами. На сторонѣ брака, какъ гражданскаго обряда, который возможно совершать даже и при отсутствіи священника, стояли: Емельяновъ, одинъ изъ настоятелей покровской часовни въ Москвѣ и Павелъ Любопытный, извѣстный раскольничій писатель. Противъ брака вооружались: знаменитый основатель преображенскаго московскаго кладбища купецъ Ковылинъ, названный «отличнымъ бракоборцемъ», и бѣглый заводскій крестьянинъ, Гнусинъ, — «семиименная особа» (по выраженію Павла Любопытнаго), разгуливавшая по Россіи подъ семью различными именами. Аргументы Алексѣева въ защиту брака дополнялись и развивались его послѣдователями— и въ этой передѣлкѣ раскольничій бракъ сдѣлался окончательно гражданскимъ актомъ, такъ что въ Покровской часовнѣ, гдѣ

совершались подобные браки, вошло въ обычай составлять особые свадебные контракты, подписываемые женихомъ и невѣстой (стр. 339).

Нельзя не поблагодарить г. Нильскаго за трудолюбивое собираніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, бросающихъ новый свѣтъ на исторію нашего раскола; но нельзя не указать также и на пристрастный тонъ, съ которымъ относится онъ къ нѣкоторымъ мнѣніямъ и даже къ фактамъ, имъ излагаемымъ. Такъ, напримѣръ, ему очень хочется доказать, что раскольничьи гражданскіе браки никогда не признавались нашимъ правительствомъ законными, а между тѣмъ изъ его доказательствъ выходитъ только то, что правительство часто колебалось въ своемъ взглядѣ на этотъ вопросъ, и что св. синодъ нерѣдко пользовался случаемъ, чтобы расторгать такіе браки. Но въ одномъ дѣлѣ, приведенномъ у Павла Любопытнаго (стр. 343), а именно въ дѣлѣ раскольника Монина, женившагося по обряду поморской церкви, митрополитъ Платонъ, а за нимъ и святѣйшій синодъ, рѣшили этотъ вопросъ въ пользу Монина. Въ другой разъ тульская духовная консисторія привлекла къ отвѣтственности одного безпоповца за его бракъ, но св. синодъ, принявъ во вниманіе гражданскія узаконенія, на которыя сослался отвѣтчикъ, приказалъ преслѣдованіе это прекратить (стр. 403). Стало быть, были гражданскіе законы, служившіе, такъ-сказать, щитомъ для раскольниковъ. Они, дѣйствительно, приводятся у самого г. Нильскаго. Первый законъ, на который ссылались раскольники, изданъ Петромъ въ 1719 г. и упомянутъ Екатериной II въ 1762 г. при вызовѣ бѣглыхъ раскольниковъ изъ-за границы; онъ состоитъ въ томъ, что раскольничьи браки, совершенные «не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей» — не расторгались, но только оплачивались извѣстнымъ штрафомъ, также какъ, напримѣръ, ношеніе бороды. Второй законъ — это высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта (по дѣлу поручика Шелковникова о разводѣ его съ женою), въ которомъ говорится: «для охраненія твердости брачныхъ союзовъ постановить правиломъ, чтобы никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не допускали и не утверждали между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи или какое либо другое произвольное ихъ желаніе, клонящееся къ разрыву супружескаго союза». Постановленіе это распространялось «на всѣ христіанскія исповѣданія, т.-е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ онъ принимается за гражданскій актъ». Раскольники сейчасъ же причислили свои браки къ числу гражданскихъ актовъ, допускаемыхъ закономъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ, повидимому, согласилось съ этою ихъ претензіею. По крайней мѣрѣ, въ томъ же 1819 г., министерство внутреннихъ дѣлъ не утвердило тѣхъ положеній комитета войска донскаго, которыми браки раскольниковъ, со-

вершенные внѣ церкви, признавались недѣйствительными, а совершатели такихъ браковъ предавались суду наравнѣ съ учителями раскола. Положенія эти были найдены «противными правиламъ кротости и служащими съ одной стороны поводомъ къ ожесточенію раскольниковъ, а съ другой — побужденіемъ прибѣгать къ средствамъ обмана и подлога» (стр. 405). Такая резолюція министерства показываетъ, что не одинъ московскій магистратъ смотрѣлъ на «брачную книгу» Покровской часовни, какъ на официальный документъ, подтверждающій раскольничьи браки

Отъ Кяхты до Москвы. *Исторія ящика чая. Очерки* Д. И. Стахѣева. *1870 года. Изд. Вольфа. Спб.*

Обозъ, отправляющійся съ чаемъ изъ Кяхты въ Москву, сопровождается такъ называемымъ обознымъ прикащикомъ, который, по словамъ г. Стахѣева, испытываетъ во время длинной дороги совершенно непостижимое душевное состояніе: «Ни природа—говоритъ г. Стахѣевъ на 85 стр.,—видоизмѣняющаяся на каждыхъ ста верстахъ, ни сотни селеній, каждое съ своими нравами и обычаями,—ничто не занимаетъ скучающаго обознаго прикащика: все это ему чуждо и дико, какъ *и самъ онъ себѣ чуждъ и дикъ*». Вотъ,—поистинѣ самое вѣрное изображеніе ощущеній, испытываемыхъ читателемъ вышеупомянутой книги! Быть чуждымъ и дикимъ самому себѣ, — вещь повидимому совершенно непостигаемая умомъ человѣческимъ; но вглядываясь пристальнѣе въ сочетаніе непостижимыхъ словъ,—невольно приходишь къ убѣжденію, что для выраженія состоянія прикащика и читателя другихъ словъ нѣтъ и быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, отправляясь съ обозомъ въ такую даль, обозный прикащикъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не дѣлаетъ ровно никакого дѣла, а между тѣмъ долженъ ежеминутно убѣждать себя въ противномъ, стараться проникнуться медленно двигающимся обозомъ, который очевидно нисколько его не интересуетъ. Человѣкъ прикованъ къ скукѣ, и вотъ съ горя онъ начинаетъ баловаться: пьетъ на постоялыхъ дворахъ, спитъ по цѣлымъ днямъ, то обгонитъ обозъ, то отстанетъ, и вообще дѣлаетъ множество чуждыхъ самому себѣ поступковъ... То же самое происходитъ и съ читателемъ книги г. Стахѣева. Авторъ ея мало того, что тащитъ читателя отъ Кяхты до Москвы, мало того, что не позволяетъ ему спускать глазъ съ ящика чаю, — онъ и до ящика-то протомитъ его въ Китаѣ, на плантаціи, заставитъ его смотрѣть, какъ сѣютъ чай, какъ его сушатъ, укладываютъ, вяжутъ въ мѣшки; покажетъ ему, какія притомъ употребляются веревки, и подъ какимъ градусомъ широты и долготы находится вся эта скука... Читатель начинаетъ чувствовать себя слегка чуждымъ, ему хочется обогнать обозъ, перевернуть листовъ десять, двадцать,—не полегчаетъ-ли? Но обозъ тянется медленно тихо; правда, его уже кто-то обокралъ, кто-то взялъ съ него взятку,—но читатель скучаетъ, хотя природа и

видоизмѣняется на каждыхъ ста верстахъ... « — Да зачѣмъ собственно я ѣду?» мелкаетъ въ головѣ читателя. Зачѣмъ мнѣ нужно знать, подъ какимъ градусомъ лежатъ веревки, которыми связанъ ящикъ? И зачѣмъ мнѣ наконецъ такая пропасть чаю— цѣлый ящикъ... Читателю начинаетъ казаться, что о чаѣ онъ самъ имѣетъ достаточное понятіе, знаетъ что это за штука, знаетъ его употребленіе, и рѣшительно не постигаетъ основаній, по которымъ бы ему необходимо было читать книгу въ двѣсти страницъ, чтобы потомъ продолжать пить чай такимъ же самымъ способомъ, какъ онъ дѣлалъ то съ самаго младенчества... Читатель невольно дѣлается чуждымъ и дикимъ самому себѣ и начинаетъ его клонить ко сну непобѣдимо...

А вѣдь, повидимому, авторъ желалъ придти къ какимъ нибудь другимъ результатамъ, принимаясь писать свою книгу,—но къ какимъ именно и какая при этомъ руководила имъ цѣль — понять невозможно. «Исторія кусочка хлѣба», «Исторія чайной чашки», «Исторія свѣчки», — всѣ эти популярныя изложенія очевидно соблазнили автора своею формою, но сущности успѣха этихъ книгъ онъ не понялъ, полагая, что, напримѣръ, въ кусочкѣ хлѣба любопытенъ самый кусокъ, подвергающійся различнымъ превращеніямъ, а не изложеніе отправленій человѣческаго организма, съ которыми кусочекъ хлѣба связанъ для бо̀льшей ясности и наглядности дѣла. Такимъ образомъ, ящикъ чаю могъ бы дать автору возможность сосредоточить вниманіе, напримѣръ, хоть на подробномъ изложеніи торговыхъ отношеній между Россіей и Китаемъ, или на нравахъ или наконецъ на природѣ Сибири, Китая, словомъ, на чемъ нибудь одномъ, что̀ бы было исчерпано по возможности до конца. Ко всему этому у автора повидимому есть и средства,—видно, что онъ знакомъ и съ торговыми оборотами, и съ мѣстностью и нравами; подъ руками у него лежитъ большой матеріалъ для вещи, полезной если не для публики вообще, то хотя для спеціалистовъ чайнаго дѣла. Но, слѣпая любовь къ ящику — портитъ все; ящикъ не даетъ автору ни на чемъ остановиться подольше и повнимательнѣе; отъ торговли онъ оторвется, ради изображенія драки дворника съ прикащикомъ; отъ прикащика,— оторвется для изображенія картинки природы, которая сама по себѣ ровно ничего не значитъ, или покоряясь необходимости толковать только о чаѣ, — начинаетъ увѣрять читателя, будто бы онъ (читатель) не имѣетъ опредѣленнаго понятія о томъ, въ какомъ видѣ чай поступаетъ въ продажу? (стр. 1) Задача поистинѣ нестоющая труда и размышленій, тѣмъ болѣе, что въ концѣ концовъ, вопервыхъ, изъ его разсужденій даже не оказывается, въ какомъ именно видѣ это, а во вторыхъ является подозрѣніе,—ужь не въ томъ ли онъ видѣ и поступаетъ въ продажу, въ какомъ именно и продается? Такъ пожалуй и выйдетъ, а за этимъ видомъ читатель понапрасну проколесилъ въ Китай подъ 23, 24^0 сѣверной широты! И съ какою тщательностію совершаются всѣ эти пустяки!

Напримѣръ, на 7-й стр., говоря о приготовленіи чая, пишетъ: «полагаю... многіе изъ читателей моихъ... до сихъ поръ думали, что чай, который мы пьемъ, — просто на просто собирается съ дерева и высушенный поступаетъ въ продажу; но въ дѣйствительности оказывается нѣчто другое. *Я долженъ сказать*, что невполнѣ довѣрялъ разсказамъ (объ этомъ) моего товарища китайца, потому что они любятъ другой разъ приврать, и потому прежде нежели приступить... и т. д.» Какая добросовѣстность, осторожность, тщательность! Авторъ чего-то боится, недовѣряетъ, провѣряетъ разсказы съ авторитетами, выписываетъ точныя свѣдѣнія изъ статистическаго описанія Китайской Имперіи Іакинфа Бичурина, — и приходитъ въ потѣ лица къ тому, что чай есть не болѣе не менѣе, какъ чай, — и только.

А жаль; матеріалъ у автора былъ недурной.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ У НАСЪ И ЗАГРАНИЦЕЙ.

«Авось да небось — хоть вовсе брось», говоритъ русская пословица. Казалось бы, что мы, сами сложившіе эту пословицу, всего чаще будемъ руководствоваться ею въ нашихъ дѣйствіяхъ. На дѣлѣ же выходитъ совершенно другое. Нигдѣ, кажется, болѣе чѣмъ у насъ не разсчитываютъ, какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя общества, на одну, случайную, удачу. Почти ни одно дѣло не начинается съ строго взвѣшенными шансами за и противъ, почти вездѣ и все разсчитывается на авось. Мы знаемъ, что успѣхъ всякаго у насъ общественнаго дѣла зависитъ не столько отъ пригодности его, сколько отъ удачи. Удача оправдаетъ самую смѣлую, необдуманную попытку, неудача на первыхъ же порахъ погубитъ хорошее, полезное дѣло. За то какъ часто и приходится намъ выносить на своихъ плечахъ послѣдствія такого взгляда на вещи! Виноваты ли мы одни, или можно часть вины сложить на безпрестанно мѣняющійся строй нашей жизни, не позволяющій откладывать разъ задуманное дѣло до опредѣленнаго времени, но не успѣетъ зародиться у насъ мысль, какъ мы уже спѣшимъ осуществить ее, хотя бы ясно видѣли, что и время не такое и самая идея не выяснилась во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мы какъ будто боимся, что, отложивъ исполненіе ея до той поры, когда приготовимся вполнѣ, обстоятельства сложатся еще неблагопріятнѣе для насъ.

Съ другой стороны частыя, неизбѣжныя при такомъ способѣ дѣйствія, неудачи, пріучили наше общество относиться съ недовѣріемъ ко всякому общественному дѣлу и заранѣе предрекать ему гибель. Конечно, скептицизмъ дѣло хорошее, а для

насъ совершенно необходимое, но только тогда, когда это скептицизмъ осмысленный, критическій; если же это скептицизмъ поверхностный, рутинный, модный, или, что еще чаще у насъ бываетъ, скептицизмъ Коробочки, то онъ подрываетъ въ корнѣ самое лучшее дѣло.

Не оттого ли происходитъ и разочарованіе, такъ быстро овладѣвающее нашими общественными дѣятелями? Горячо принимаясь за какое либо дѣло, они очень скоро принуждены умѣрить свой пылъ, потому что на первыхъ же порахъ видятъ, что все ладится далеко не такъ скоро, какъ это сначала казалось. Хорошо еще, если имъ сколько нибудь повезетъ сначала, тогда они могутъ разсчитывать на поддержку общества; въ противномъ же случаѣ явится столько непрошенныхъ совѣтчиковъ, читающихъ мораль за то, что они не умѣютъ привести въ исполненіе задуманнаго предпріятія, что нужна опытность и значительная энергія, чтобы продолжать бороться со всею этою грошовою мудростью. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда есть возможность обойтись безъ посторонней помощи, или по крайней мѣрѣ пользоваться ею очень рѣдко — тамъ положеніе всякаго человѣка несравненно легче. Но такъ-какъ такое положеніе во всякомъ общественномъ дѣлѣ будетъ почти исключеніемъ, то поневолѣ въ большинствѣ случаевъ приходится въ концѣ концовъ, незамѣтно для самаго себя, обратиться къ родному «авось» и пустить свой корабль на удачу.

Все это можетъ относиться ко всѣмъ нашимъ общественнымъ дѣятелямъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ; но, конечно, положеніе послѣднихъ несравненно труднѣе, какъ вслѣдствіе ихъ неопытности въ общественныхъ дѣлахъ, такъ и вслѣдствіе того, что задача ихъ новая; имъ приходится пролагать себѣ путь, на которомъ онѣ встрѣчаютъ болѣе противодѣйствія, нежели помощи. Къ тому же отъ нихъ требуютъ гораздо больше нежели отъ мужчинъ, и при малѣйшей неудачѣ, даже при промедленіи, предположеннаго ими дѣла, какъ бы трудно оно ни было, на нихъ сыплются всевозможныя обвиненія въ неспособности, непрактичности и пр.

Несмотря однако на различныя препятствія со стороны правительства и общества, наши женщины успѣли въ послѣдніе два года сдѣлать многое для улучшенія своего положенія если не въ настоящемъ, то хотя въ будущемъ. Онѣ устроили на свои средства и послѣ долгихъ просьбъ о разрѣшеніи, лекціи и курсы; наконецъ въ недавнее время возникла мысль объ устройствѣ хорошей гимназіи, съ программой, болѣе отвѣчающей современнымъ требованіямъ и съ устраненіемъ тѣхъ условій, которыя такъ вредно отзываются на нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ самаго начала мысль эта встрѣтила сочувствіе со стороны родителей и тѣхъ женщинъ, которыя знаютъ, до какой степени тяжело, окончивъ курсъ наукъ, проходимыхъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, увидѣть себя въ необходимо-

сти начать опять съ начала ученіе, особенно если въ это же время приходится и работать для куска хлѣба. Дѣло на первыхъ порахъ пошло такъ успѣшно, что по прошествіи двухъ мѣсяцевъ можно было надѣяться на открытіе двухъ классовъ гимназіи; но тутъ встрѣтилось совершенно неожиданное обстоятельство, заставившее отложить на короткое время осуществленіе намѣренія, но нисколько неизмѣнившее сущности его. Лишь только объ этомъ стало извѣстно, сейчасъ же поднялись крики и предсказанія: «Мы знали, что ничего не выйдетъ, гдѣ вамъ, и на что это» и т. д. Всего болѣе кричали конечно тѣ, которые всего менѣе дѣлали до тѣхъ поръ. Скептицизмъ обнаружился во всей своей полнотѣ. Гоголевская Коробочка говорила Чичикову про мертвыя души: «а можетъ онѣ въ хозяйствѣ-то какъ нибудь подъ случай и понадобятся». «А можетъ», говорили наши Коробочки обоего пола, «онѣ затѣваютъ вовсе и не гимназію, а что нибудь другое», и подъ это другое подводились самыя различныя, сообразно съ индивидуальными воззрѣніями говорящаго, затѣи.

Конечно, обо всемъ этомъ не стоило бы и упоминать, еслибы для насъ наступила ужь та пора, когда слухи и сплетни оцѣниваются по достоинству и не вредятъ дѣлу, самому по себѣ хорошему. Но мы колеблемся вмѣстѣ съ настроеніемъ общества, а такое колебаніе не можетъ не отражаться и въ нашихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ мы сами себѣ усложняемъ и безъ того многочисленныя препятствія, неизбѣжно поставляемыя у насъ всякому общественному начинанію.

Какъ же это дѣлается въ другихъ государствахъ? Возьмемъ подходящій примѣръ. Одна нѣмка, Эмма Марведель, имѣвшая прежде ремесленную школу въ Гамбургѣ, поѣхала въ Нью-Іоркъ и тамъ задумала устроить школу садоводства для женщинъ. Она составила планъ будущей школы, смѣту ея и, соединившись съ нѣсколькими лицами, объявила о своемъ намѣреніи открыть школу садовства, но не прежде, какъ по пріобрѣтеніи нужной для этого суммы, 15,000 долларовъ (около 20,000 р.). Прошло два года, впродолженіе которыхъ явились и средства. Основатель Корнеллеевскаго университета предложилъ г-жѣ Марведель участокъ земли для школы, одинъ негоціантъ обѣщалъ даромъ доставлять всѣ растенія и сѣмена, а президентъ университета предоставилъ будущимъ ученицамъ школы безплатно посѣщать университетскія лекціи. Въ это же время понемногу собиралась и необходимая для основанія школы сумма, такъ что г-жа Марведель недавно объявила о скоромъ открытіи школы на слѣдующихъ основаніяхъ: плата за вступленіе въ школу не будетъ превышать одного доллара, а содержаніе ученицъ будетъ оплачиваться работами ихъ. Для полученія диплома нужно пробыть въ школѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Преподаваться будутъ слѣдующіе предметы: ботаника, химія, уходъ за растеніями и разведеніе ихъ, домашнее и сельское хозяйство,

гигіена, рисованіе, иностранные языки, пѣніе, рукодѣліе. Цѣль школы — образовать хорошихъ управительницъ фермъ.

Что́ сказали бы у насъ, еслибы кто нибудь заявилъ о подобномъ предпріятіи, а, главное, на такихъ условіяхъ? Какими бы насмѣшками его осыпали и въ какихъ бы побужденіяхъ заподозрѣли! На это можно отвѣтить, что Россія не Америка; но и кромѣ этого есть еще причина, почему у насъ нельзя было бы и заикнуться о чемъ нибудь подобномъ. Причина эта,—что у насъ приходится дѣйствовать единично, между тѣмъ, какъ не только въ Америкѣ, но и въ другихъ государствахъ, женщины стали достигать дѣйствительныхъ результатовъ только тогда, когда начали собираться въ кружки, а потомъ и въ общества. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна Англія; тамъ, въ послѣднее время, женщины добились весьма важныхъ результатовъ, благодаря единственно тому, что, собираясь въ общества, имъ было удобнѣе организовывать громадные митинги. На этихъ митингахъ, онѣ имѣли возможность высказываться передъ толпою въ 5,000 человѣкъ, изъ которыхъ едва-ли и десятая доля стала бы интересоваться положеніемъ женщинъ, еслибы дѣло велось такъ, какъ оно ведется у насъ. Вѣдь извѣстная вещь, что по большой части, никакія брошюры, никакія сочиненія по различнымъ вопросамъ не читаются именно тѣми, кого онѣ должны убѣждать. Путемъ митинговъ и ассоціацій всего скорѣе можно разрушить главныя препятствія всякаго дѣла, а женскаго въ особенности—равнодушіе и предразсудки. Американскія женщины дѣйствуютъ еще энергичнѣе. Замѣтивъ, что онѣ до сихъ поръ служили орудіемъ распространенія идей, плодами которыхъ не пользовались, онѣ стали употреблять тѣ же средства, но ужь въ свою пользу; соединившись въ общества, онѣ объявили республиканцамъ, что если тѣ будутъ держаться по отношенію къ женщинамъ извѣстныхъ предразсудковъ, для нихъ вредныхъ, то женщины отдѣлятся отъ нихъ и свое вліяніе на выборы обратятъ въ пользу людей, видящихъ въ нихъ равноправныхъ себѣ существъ. Твердость, единство, выказанныя при этомъ женщинами, сдѣлали то, что большинство лучшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, людей стали на ихъ сторону. Теперь онѣ считаютъ въ числѣ своихъ приверженцевъ вице-президента Кольфакса, верховнаго судью Чэза, членовъ конгресса, извѣстныхъ проповѣдниковъ, литераторовъ, ученыхъ и пр. Всѣ эти лица принимаютъ участіе въ преніяхъ и предсѣдательствуютъ на митингахъ, устраиваемыхъ женщинами. Кромѣ того въ средѣ самихъ женщинъ есть въ настоящее время женщины пасторы и проповѣдницы, доктора, нотаріусы, адвокаты, мировые судьи (въ Джерсеѣ, въ Иллинойсѣ), въ Нью-Іоркѣ есть постоянный конгрессъ женщинъ, а въ Вашингтонѣ онѣ устроили постоянное собраніе, названное женскимъ парламентомъ. Отъ лица этого парламента была подана недавно конгрессу петиція о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ Утаха, въ видахъ противодѣйствія полига-

мiи между мормонами. Президентъ послѣднихъ, Бригамъ Юнгъ, немедленно издалъ декретъ, которымъ избирательное право распространялось и на женщинъ мормонской общины. Американки имѣютъ свои литературные органы; пресса по большей части высказывается за нихъ, такъ что волей и неволей противники ихъ должны понизить тонъ. Въ послѣднее время американскія женщины объявили, что не станутъ платить налоги, если конгрессъ не согласится на 16-ю поправку въ конституцiи и не признаетъ, что всѣ граждане, безъ различiя пола, равноправны. Угрозѣ этой вѣрятъ, потому что американки ужъ доказали на дѣлѣ, что онѣ не уступятъ того, что̀ считаютъ своимъ правомъ. Если имъ и не всегда удается достигнуть измѣненiя въ законодательствѣ, то онѣ такъ сильно влiяютъ на общественное мнѣнiе, что оно само охраняетъ ихъ отъ несправедливыхъ къ нимъ законовъ. Слѣдующiя два судебныя рѣшенiя чрезвычайно убѣдительны: Г. А. и г-жа Б. жили вмѣстѣ впродолженiи 16-и лѣтъ, когда г-ну А. вздумалось уговорить г-жу Б. съѣздить въ Европу. Во время ея отсутствiя онъ печатаетъ въ газетахъ извѣстiе объ ея смерти и распространяетъ на ея счетъ разныя клеветы. Г-жа Б., узнавъ объ этомъ, возвращается въ Нью-Iоркъ и подаетъ жалобу въ судъ. Вотъ замѣчательное рѣшенiе суда, постановленное по этому случаю: «Хотя между двумя лицами и не было соблюдено никакого, ни церковнаго, ни гражданскаго обряда, но между ними было брачное обязательство, освященное 16-и лѣтнимъ сожительствомъ какъ мужа съ женою, и это сожительство равносильно законному браку». Нѣкто Биссель предложилъ одной молодой дѣвушкѣ вступить съ нимъ въ бракъ, но скоро перемѣнилъ намѣренiе и уговорилъ свою невѣсту обойтись безъ установленныхъ обрядовъ. Она согласилась и оба поселились вмѣстѣ, нанявъ квартиру на имя г-на и г-жи Биссель. По прошествiи шести недѣль г-нъ Биссель убѣдилъ свою названную жену переселиться къ ея роднымъ, а самъ вскорѣ покинулъ ее совершенно. Г-жа Биссель обратилась въ судъ съ просьбою о срочномъ разводѣ и о присужденiи ей съ Бисселя, отъ котораго она прижила ребенка, содержанiя. Судья постановилъ рѣшенiе въ ея пользу и объявилъ, что въ его глазахъ бракъ между г-номъ и г-жею Биссель дѣйствительно существовалъ и что пора «тѣмъ, которые слѣдуютъ распространенному обычаю выдавать своихъ любовницъ за женъ, ознакомиться съ опасностью, которой они подвергаются, обращаясь такъ легко съ учрежденiемъ брака и общественнымъ порядкомъ».

На это скажутъ, — что мало ли что дѣлается въ Америкѣ; вѣроятно найдутся люди, которые увидятъ въ приведенныхъ рѣшенiяхъ суда неуваженiе къ закону; но что̀ бы ни говорили противники всякаго прогресса, а имъ не передѣлать того, что̀ разъ ужъ перешло въ сознанiе общества. Поэтому и важно тѣмъ или другомъ путемъ убѣдить возможно большее число

людей въ несправедливости извѣстныхъ отношеній; разъ достигнувъ этого, законы уступятъ общественному требованію. Примѣръ тому мы видимъ опять въ Англіи, самой консервативной странѣ въ мірѣ, въ которой однако въ послѣдніе три года совершилось много важныхъ измѣненій и въ пользу женщинъ. Парламентъ распространилъ на нихъ права муниципальныхъ выборовъ; Эдинбургскій университетъ допустилъ женщинъ на медицинскій факультетъ; самые консервативные изъ всѣхъ университетовъ, Оксфордскій и Кэмбриджскій, допустили женщинъ къ экзамену. Кромѣ того парламентъ уравнялъ расходъ на начальное воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ, такъ-какъ до тѣхъ поръ на воспитаніе мальчика полагалось 6 пенсовъ въ недѣлю, а на воспитаніе дѣвочки 5. Наконецъ въ февралѣ нынѣшняго года Я. Брайтъ представилъ въ парламентъ петицію о предоставленіи избирательныхъ правъ женщинамъ[1]. Если такія лица, какъ Милль и Я. Брайтъ, взялись за дѣло, то можно надѣяться на побѣду. Впрочемъ, англійскія женщины такъ дѣятельны, что не мудрено имъ привлечь на свою сторону лучшихъ людей. Въ парламентскую сессію 1869 г., онѣ представили 117 петицій съ 42,654 подписями объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ, 40 петицій съ 3,000 подписей о правѣ муниципальныхъ выборовъ, 260 петицій съ 61,548 подписей о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ. Не проходитъ ни одного засѣданія Палаты Общинъ безъ представленія петицій со стороны женщинъ. Всѣ эти петиціи составляются отъ лица, организованныхъ по различнымъ отраслямъ женскаго вопроса, обществъ, имѣющихъ денежныя средства для пропаганды своихъ идей и комитеты въ различныхъ городахъ. Члены этихъ обществъ стараются привлечь въ свою среду возможно большее число вліятельныхъ людей и членовъ парламента, организуютъ митинги и ведутъ агитацію точно также, какъ и всякая другая политическая партія. Вообще англійскія женщины смотрятъ на свое дѣло серьёзно и видятъ въ немъ важный соціальный вопросъ.

Кромѣ обществъ избирательныхъ правъ женщинъ, женскаго образованія, труда, въ Лондонѣ есть общество доставленія женщинамъ занятій. Изъ отчетовъ послѣдняго видно, какъ велико въ Англіи число нуждающихся женщинъ изъ образованнаго класса, и какъ мало для нихъ отраслей дѣятельности. На одинъ спросъ гувернантки является 700 предложеній [2]. Такъ-какъ для поступленія на мѣсто требуются часто спеціальныя познанія, недостающія женщинамъ, то общество доставленія занятій имъ, устроило классы для тѣхъ изъ нихъ, которыя нуж-

---

[1] Рѣчь, произнесенную Я. Брайтомъ по этому случаю, мы помѣщаемъ въ концѣ настоящей статьи.

[2] Изъ числа всего женскаго населенія Англіи и Шотландіи 11.900,000 человѣкъ, 3.800,000 сами зарабатываютъ себѣ пропитаніе.

даются въ подготовкѣ по тому или другому предмету. То же общество открыло два парикмахерныхъ заведенія, въ которыхъ работаютъ женщины. Общество имущественныхъ правъ замужнихъ женщинъ, какъ средство пропаганды, устраиваетъ лекціи о правахъ женщинъ по отношенію къ имуществу, о торговомъ правѣ и пр. Наконецъ, въ видахъ большаго общенія между женщинами, онѣ открыли въ Лондонѣ клубъ съ обширною библіотекою и множествомъ газетъ и журналовъ. Членскій взносъ полагается всего 5 шиллинговъ, и число членовъ въ короткое время дошло до 230.

Подобный же клубъ открыли и французскія женщины въ Парижѣ на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, но съ тою же цѣлью — облегчить женщинамъ сближеніе между собою. Во Франціи сближеніе еще необходимѣе для нихъ, нежели въ Англіи. Тамъ существуетъ еще одно только женское общество «устройства профессіональныхъ школъ» для дѣвочекъ отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ. Такихъ школъ общество уже открыло пять [1]. Но за то ассоціація французскихъ рабочихъ, живописцевъ на фарфорѣ, организовалась на началахъ полнаго равенства обоихъ половъ. Это чрезвычайно важно для женщинъ, какъ относительно заработной платы, которая по уставу ассоціаціи должна быть одинакова для всѣхъ ея членовъ, такъ и потому, что войдя въ общество людей, уже привыкшихъ отстаивать свои права, онѣ не захотятъ уже вернуться къ прежнему своему положенію и почувствуютъ разницу между тѣмъ и другимъ.

Рабочіе выказали при этомъ большое пониманіе своихъ интересовъ, которые неминуемо должны выиграть не только оттого, что число членовъ ассоціаціи значительно увеличится, а конкурренція уменьшится, но и потому, что женщины, вступая въ общество на равныхъ правахъ съ мужчинами, внесутъ въ среду рабочихъ новый элементъ, дурныя стороны котораго будутъ парализованы сознаніемъ солидарности интересовъ.

Но если во Франціи нѣтъ женскихъ обществъ, то все же есть центръ, вокругъ котораго могутъ группироваться люди, интересующіеся положеніемъ женщинъ. Такимъ центромъ служитъ газета «Droit des femmes». Каковы бы ни были ея недостатки, она несомнѣнно полезна тѣмъ, что разработываетъ вопросы, которые иначе оставались бы нетронутыми. Къ числу такихъ вопросовъ, принадлежитъ возбужденный въ послѣднее время, вопросъ о заработной платѣ швей, которая дошла до непомѣрно низкой цѣны (3 су за цѣлую рубашку), вслѣдствіе конкурренціи монастырей и тюремъ. Одинъ тулонскій башмачникъ представилъ въ законодательный корпусъ петицію, въ которой указалъ на вредъ этой конкурренціи, оказываемой различнымъ отраслямъ труда предпринимателями работъ въ монастыряхъ и

---

[1] Въ прошломъ году въ Парижѣ сталъ издаваться журналъ l'Echo de la Sorbonne, спеціально занимающійся вопросомъ о среднемъ женскомъ образованіи.

тюрьмахъ. Кромѣ этой петиціи, въ законодательный корпусъ подана французскими женщинами петиція объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей гражданскаго кодекса, въ смыслѣ расширенія правъ женщинъ.

Ассоціація нѣмецкихъ женщинъ также представила въ саксонскую палату депутатовъ петицію объ учрежденіи нормальныхъ школъ для женщинъ и введеніи курсовъ анатоміи и физіологіи въ среднія учебныя женскія заведенія. Палата единогласно постановила передать петицію правительству.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ, будетъ нелишнимъ краткій обзоръ дѣятельности женщинъ, какъ преподавательницъ въ различныхъ государствахъ, и объ открытыхъ для нихъ въ послѣднее время учебныхъ заведеніяхъ. Начнемъ съ сѣвера. Въ Швеціи и Норвегіи нѣсколько женщинъ средняго сословія основали безплатныя вечернія и воскресныя школы для служанокъ и работницъ. Въ этихъ школахъ онѣ преподаютъ сами; число школъ и преподавательницъ такъ быстро возрасло, что въ настоящее время школъ 14 и преподавательницъ въ нихъ 122. Въ Даніи женщины преподаютъ въ школахъ для низшихъ классовъ. Въ Пруссіи, несмотря на многочисленныя школы для женщинъ, число послѣднихъ, посвящающихъ себя преподавательской дѣятельности, сравнительно съ требованіями на нихъ, чрезвычайно мало[1]. Въ Америкѣ же, какъ извѣстно, молодыя дѣвушки самыхъ богатыхъ семействъ считаютъ своею обязанностью до замужества, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преподавать въ школахъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Въ Бостонѣ на 600 лицъ учащихъ, приходится 500 женщинъ; въ Филадельфіи, гдѣ между другими преподавательницами есть и негритянки, насчитываютъ всего 82 преподавателя и 1,112 преподавательницъ. Въ Нью-Іоркѣ изъ 26,000 преподавателей, 21,000 женщинъ. Въ Массачузетсѣ 4,000 наставницъ и 1,580 наставниковъ. Вообще въ Новой Англіи на пять человѣкъ, занимающихся преподаваніемъ, приходится четыре женщины. Англичанки завели нѣсколько школъ въ Индіи для индѣйскихъ женщинъ и надѣятся, что онѣ пойдутъ хорошо.

Изъ открытыхъ въ послѣднее время учебныхъ заведеній для женщинъ, укажемъ на слѣдующія: въ Венеціи открытъ женскій лицей, въ мадридскомъ университетѣ профессора читаютъ лекціи для женщинъ, въ Цюрихѣ профессоръ Капъ открылъ женскую коллегію, въ которой женщины изучаютъ спеціально медицину, фармакологію и ветеринарное искусство. Въ Швеціи женщинамъ разрѣшено посѣщать Каролинскій институтъ (замѣнявшій до сихъ поръ университетъ) вмѣстѣ съ студентами; но для нихъ устроены отдѣльныя лекціи по анатоміи и клиническимъ болѣзнямъ. Для слушанія этихъ лекцій требуются свѣ-

[1] Государство чрезвычайно мало дѣлаетъ для образованія хорошихъ учительницъ. Изъ 59-и учительскихъ семинарій всего 5 женскихъ.

дѣнія, получаемыя только въ мужскихъ среднихъ заведеніяхъ. Съ цѣлью облегчить женщинамъ пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній, докторъ Шахъ открылъ для нихъ курсъ медицинскихъ наукъ. Въ Берлинѣ женщины, совмѣстно съ студентами, слушаютъ въ заведеніи Фридриха-Вильгельма лекціи по тѣмъ предметамъ, къ которымъ оказываютъ наклонность. Ассоціація женщинъ устроила тамъ же школу высшей торговли, искусствъ и ремеслъ; въ число предметовъ включены и банковыя операціи. Въ Лейпцигѣ есть школа, въ которой женщины изучаютъ торговое право и веденіе торговыхъ дѣлъ. Съ января въ Бреславлѣ открытъ женскій лицей, посѣщаемый 110 слушательницами. Въ число предметовъ преподаванія включены: сельское хозяйство, естественныя науки, педагогика, ученіе о здоровьѣ, исторія культуры, искусствъ и теорія музыки. Въ Брюсселѣ открыты нормальныя школы для женщинъ и при нихъ ремесленныя отдѣленія. Въ среднія женскія учебныя заведенія Англіи введено обученіе фотографіи, типографскому и телеграфному ремесламъ.

Въ заключеніе настоящаго обзора приводимъ рѣчь Я. Брайта о дарованіи избирательныхъ правъ женщинамъ, произнесенную имъ 16-го февраля настоящаго года въ Эдинбургѣ.

«Мы собрались — сказалъ Брайтъ — для того, чтобы обсудить вопросъ о неправоспособности женщинъ къ пользованію избирательными правами. Приступая къ обсужденію этого вопроса, мы встрѣчаемъ въ немъ одну отличительную черту, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ другихъ важныхъ политическихъ вопросовъ: мы не видимъ возраженій, которыя слѣдовало бы опровергать. Противники дарованія избирательныхъ правъ женщинамъ не приводятъ въ подкрѣпленіе своихъ положеній никакихъ доводовъ; они или неспособны или нерасположены разсуждать объ этомъ предметѣ. Они говорятъ, что женщины въ природѣ своей, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, руководствуются не разсудкомъ, а чувствомъ. Мнѣ кажется, что это скорѣе можно отнести къ нимъ самимъ. (*Рукоплесканія*). Почему женщины лишены избирательныхъ правъ? Никто въ Англіи и Шотландіи не въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Шотландія, въ которой такъ много свободныхъ мыслителей по самымъ трудно разрѣшимымъ вопросамъ, не представила ни одного, который могъ бы сказать, почему женщины не имѣютъ представительства въ парламентѣ? Почему, напримѣръ, эдинбургскія женщины не имѣютъ прямыхъ и конституціонныхъ средствъ вліять на представителей Эдинбурга, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь законѣ, затрогивающемъ жизненные ихъ интересы? Никто не станетъ отрицать, что какъ дурные, такъ и хорошіе законы оказываютъ свое дѣйствіе и на женщинъ, что интересы женщинъ, какъ интересы мужчинъ, связаны съ прогрессомъ законодательства. Въ случаѣ надобности я берусь даже доказать, что женщины серьёзнѣе заинтересованы этимъ прогрессомъ,

какъ слабѣйшая сторона общества, а для болѣе слабыхъ важнѣе, нежели для сильныхъ, имѣть справедливые законы.

«Около трехъ лѣтъ назадъ, парламентъ принялъ билль о реформѣ, — Household Suffrage Act. Названіе это не выражаетъ однако всего смысла новаго билля. Это не законъ, распространяющій избирательное право на всякаго нанимающаго домъ,— нѣтъ, это законъ въ пользу нанимателей мужчинъ. Чрезвычайно значительная часть всѣхъ домовъ, около $^1/_6$, исключена изъ этого акта. Въ дни выборовъ никто не является изъ этихъ домовъ, потому что нанимаютъ ихъ женщины; а между тѣмъ могутъ быть вотированы законы, чрезвычайно вредные интересамъ этихъ домовъ; вѣдь нельзя же сказать, что мы живемъ въ такое время, когда подобные законы, гибельные для нѣкоторыхъ классовъ общества, невозможны. Наше законодательство, по духу своему, приводитъ къ нулю всѣ постановленія въ охрану личной собственности женщинъ. Еслибы какое нибудь правительство поступило такимъ образомъ съ мужчинами, то оно было бы несомнѣнно свергнуто.

«Не разъ уже было замѣчено, что женщины, не пользующіяся никакими привиллегіями, несутъ однако всѣ тягости, лежащія на прочихъ гражданахъ. Сумма налоговъ распредѣлена на оба пола. Сборщикъ податей посѣщаетъ жилище всякой незамужней женщины и всякой вдовы въ Эдинбургѣ; можно насчитать сотнями бѣдныхъ женщинъ этого города, платящихъ, соразмѣрно съ ихъ доходами, налогъ болѣе значительный, нежели тотъ, который взимается съ самыхъ богатыхъ домовъ въ странѣ.

«Мнѣ приходилось слышать вопросъ: неужели женщины желаютъ, чтобы ихъ обязывали защищать отечество; но вѣдь никого не принуждаютъ къ такой защитѣ; мужчины и женщины въ этомъ отношеніи совершенно сравнены. Защита страны предоставлена доброй волѣ каждаго; но если женщины и не отправляются въ сраженіе, то онѣ отдаютъ еще болѣе драгоцѣнныя для нихъ жизни, нежели ихъ собственная; вѣдь еще неизвѣстно, что тяжелѣе — оставаться ли дома и жить со дня на день терзаясь страхомъ, или участвовать въ сраженіи. Однако и тутъ женщины принимаютъ дѣятельное участіе; вамъ извѣстны дѣйствія миссъ Нейтингэль и ея подругъ. Подобные примѣры мы видимъ въ Америкѣ, гдѣ тысячи женщинъ являются на помощь раненымъ; Богъ знаетъ, что̀ еще требуетъ болѣе мужества и геройства: ухаживать за ранеными и умирающими, или идти на битву, гдѣ есть столько условій, поддерживающихъ храбрость тѣхъ, которые иначе не имѣли бы ея. (*Смѣхъ и рукоплесканія*).

«Я не знаю ни одного довода противъ избирательныхъ правъ женщинъ и, напротивъ того, могу привести нѣсколько такихъ, которые ясно говорятъ, что ужь если признавать за кѣмъ нибудь неправоспособность къ пользованію такими правами, то слѣдовало бы начать не съ женщинъ. Между женщинами рѣже

совершаются преступленія, нежели между мужчинами, онѣ болѣе сдержаны, менѣе порочны въ своихъ привычкахъ, умѣреннѣе и предусмотрительнѣе мужчинъ; онѣ отнимаютъ у семьи менѣе, а даютъ ей болѣе. (*Рукоплесканія*). Такими нравственными качествами не долженъ былъ пренебрегать законодатель при составленіи избирательныхъ коллегій, изъ которыхъ образовалась палата общинъ.

«До сихъ поръ мужчины почти исключительно управляли міромъ, и мнѣ кажется, что люди, понимающіе дѣло, всего менѣе могутъ похвалиться результатами такого управленія. Наши предки жили среди великихъ бѣдствій: невѣжество, невоздержность и пауперизмъ, въ соединеніи со всѣми пороками, сопровождающими ихъ. Я боюсь, что и въ настоящее время эти бѣдствія не исчезли. Энтузіасты увѣряютъ, будто женщинамъ предстоитъ значительно увеличить ту маленькую частичку мудрости, которая до сихъ поръ управляла міромъ, и пока опытъ не доказалъ противнаго, ни одинъ человѣкъ не посмѣетъ опровергнуть это предположеніе.

«Почему же у женщинъ отняты избирательныя права? Сколько бы зла подобное лишеніе причинило мужчинамъ!.. А женщинамъ оно приноситъ еще большее. Потому ли, что мужчины одарены бо̀льшей физическою силой, или вслѣдствіе того, что они привыкли дѣйствовать болѣе внѣ дома, имъ гораздо легче собираться въ большіе кружки въ публичныхъ залахъ городовъ, въ Гайдъ-Паркѣ или другомъ мѣстѣ для обсужденія своихъ дѣлъ, а также и законовъ, полезныхъ или вредныхъ для нихъ. Мужчины не останутся беззащитными, хотя бы не пользовались нѣкоторыми льготами, между тѣмъ какъ женщинамъ, безъ этихъ льготъ, остается чрезвычайно мало путей высказаться.

«Говорятъ, что если женщины и не участвуютъ въ представительствѣ сами, непосредственно, то все же онѣ имѣютъ представителей своихъ интересовъ въ парламентѣ. Конечно, это справедливо, но на столько, на сколько до послѣдней реформы имѣли своихъ представителей наши рабочіе, платившіе за наемъ квартиры менѣе 10 фунтовъ; на столько, на сколько бѣдный англійскій сельскій батракъ имѣетъ дѣйствительнаго представителя своихъ интересовъ въ лицѣ лорда и пастора. Я никогда не справлялся, что это за представительство, признаваемое только по праву, а не на дѣлѣ; но всюду, гдѣ мнѣ случалось встрѣчаться съ нимъ, я видѣлъ одно и то же: классы, имѣющіе такое представительство, терпятъ серьёзныя соціальныя и легальныя невзгоды; изъ чего я вывожу заключеніе, что представительство не дѣйствительное есть плохое представительство. (*Рукоплесканія*).

«Изъ того, что женщины не пользуются дѣйствительнымъ представительствомъ, можно ли однако заключить, что онѣ по природѣ неспособны къ исполненію самыхъ простыхъ политиче-

скихъ обязанностей? Женщины выбираютъ себѣ мужей; дѣло это весьма серьёзное (*Рукоплесканія*), а между тѣмъ ихъ признаютъ неспособными выбрать одного изъ кандидатовъ, высказавшихъ передъ ними свои политическія воззрѣнія. Припишите имъ только эту неспособность, и уже общество легко выведетъ изъ этого то заключеніе, что онѣ вообще неспособны остановиться на какихъ бы то ни было серьёзныхъ вещахъ; да и дѣйствительно, съ ними поступаютъ такъ, какъ будто это доказано на дѣлѣ.

«Возьмемъ вопросъ о воспитаніи. Правда, въ недавнее время основано въ Эдинбургѣ высшее заведеніе для женщинъ, но общепринятый обычай закрываетъ имъ двери университета. Даже среднія школы большею частью сдѣлались монополіею мальчиковъ, а въ элементарныхъ, дѣвочки поставлены въ иныя условія, нежели мальчики. Возьмите право собственности; она главнымъ образомъ принадлежитъ мужчинамъ, а не женщинамъ.

«Да и почему же классъ общества, неправоспособность котораго всѣми признается, будетъ признанъ способнымъ имѣть собственность? Законная доля наслѣдства мужчины и женщины весьма различна. А между тѣмъ сравнивая занятія и ремесла, предоставленныя тѣмъ и другимъ, нельзя не видѣть, что женщинамъ чрезвычайно трудно заработать насущный хлѣбъ для своего пропитанія. Начиная съ самыхъ малыхъ и до самыхъ обширныхъ, ассоціаціи по всѣмъ отраслямъ труда не допускаютъ въ свою среду женщинъ. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; государство само подаетъ примѣръ, кладя на женщину клеймо подчиненности во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. (*Рукоплесканія*). Что̀ же сдѣлало въ пользу замужнихъ женщинъ то представительство, которое признается за ними по праву? Каково положеніе жены по закону? Счастливо вышедшія замужъ женщины ничего объ этомъ не знаютъ, но къ несчастью много женщинъ имѣли и имѣютъ случай испытать на дѣлѣ безъисходный ужасъ такого положенія.

«Когда составлялся проектъ закона о дарованіи правъ собственности замужнимъ женщинамъ, я, въ качествѣ члена комитета Палаты Общинъ, получилъ множество писемъ, раскрывавшихъ передо мною массу глубокихъ страданій, происходящихъ вслѣдствіе печальнаго положенія женщинъ. Въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго установленному закономъ положенію замужней женщины въ Великобританіи. Для сравненія нужно перенестись черезъ океанъ, на югъ Американскихъ Штатовъ, къ неграмъ до президенства Линкольна. Негру ничего не принадлежало, но были извѣстныя дѣйствія, которыхъ не смѣлъ причинить ему хозяинъ. Есть также дѣйствія, которыхъ мужъ не имѣетъ право примѣнить относительно своей жены. Все, что̀ негръ имѣлъ, принадлежало хозяину; все, что̀ имѣетъ замужняя женщина, принадлежитъ ея мужу. Негръ лишенъ былъ даже права контроля надъ своими дѣтьми. За-

мужняя женщина не имѣетъ возможности помѣшать мужу, еслибы онъ пожелалъ отнять у нея дѣтей, по достиженіи ими 6 или 7-лѣтняго возраста.

Взгляните на положеніе замужней женщины по отношенію къ собственности, пріобрѣтенной ею совокупно съ мужемъ. Мужчина и женщина вступаютъ въ бракъ; жена вноситъ въ домъ свою долю, мужъ приноситъ свою, пуская деньги жены въ оборотъ. Вотъ ассоціація, повидимому организованная для взаимнаго вспомоществованія; казалось бы, что̀ бы ни случилось впослѣдствіи между мужемъ и женою, они имѣютъ одинакія права на пріобрѣтенную такимъ образомъ собственность. Тѣмъ не менѣе мужъ можетъ, умирая, отказать часть жены чужимъ людямъ или завѣщать ей ничтожную долю.

Можетъ случиться, что женщина пріобрѣтетъ имущество и безъ содѣйствія мужа; но, и въ такомъ случаѣ, мужъ имѣетъ полное право на него и можетъ завѣщать его кому пожелаетъ.

Въ одномъ изъ сочиненій, распространенныхъ Обществомъ для поддержанія проекта закона о дарованіи права собственности замужнимъ женщинамъ, былъ приведенъ слѣдующій случай: одна женщина сама составила себѣ состояніе; мужъ, умирая, завѣщалъ его своей любовницѣ. Правда, въ дѣйствительности положеніе замужнихъ женщинъ лучше, нежели по закону. Мы не совсѣмъ ужь варварскій народъ, и въ этомъ отношеніи стоимъ выше нашихъ законовъ; но это не мѣшаетъ тому, что чрезвычайно большее число женщинъ безконечно страдаютъ отъ грубости людей и несправедливости законовъ.

«Еслибы у насъ было представительство дѣйствительное, а не фиктивное, то всякая женщина, нанимающая домъ, пользовалась бы правомъ голосованія; какія же отсюда вышли бы послѣдствія? Я былъ достаточно долго въ парламентѣ, чтобы ознакомиться съ привычками и нравами членовъ. Они бываютъ чрезвычайно довольны, когда могутъ честнымъ образомъ пріобрѣсть себѣ голосъ при выборахъ; и тамъ, гдѣ имъ представляется возможность оказать услугу своимъ избирателямъ, они не преминутъ это сдѣлать. Поэтому, въ случаѣ признанія за женщинами права выбора, еслибы онѣ составляли шестую часть всего числа избирателей округа, онѣ были бы обезпечены въ томъ, что ни одинъ важный, касающійся ихъ интересовъ вопросъ не прошелъ бы въ парламентѣ безъ дѣятельной поддержки нѣкоторыхъ его членовъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ графствѣ былъ бы кружокъ женщинъ, лучше другихъ образованныхъ, вліяніе ихъ создало бы общественное мнѣніе, благопріятное для интересующихъ мѣстное населеніе вопросовъ. Число вообще знакомыхъ съ общественнымъ дѣломъ женщинъ увеличилось бы, а съ возвышеніемъ женщины, возвысилось бы и все общество. (*Рукоплесканія*).

«При этомъ никакое недоразумѣніе немыслимо. Просьба женщинъ была принята большинствомъ населенія Соединеннаго

Королевства съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и справедливостью. Всюду, во всѣхъ округахъ, куда она была предъявляема, равно и въ Палатѣ Общинъ, заявленіе женщинъ было встрѣчено съ одобреніемъ болѣе единодушнымъ, нежели какого ожидали. Когда нашъ знаменитый писатель, Стюартъ Милль (*продолжительныя рукоплесканія*) представилъ запросъ по этому премету въ Палату Общинъ, то онъ привлекъ на свою сторону отъ 70 до 80 членовъ парламента, а въ самомъ дѣлѣ около $^1/_3$ наличныхъ членовъ вотировали въ пользу запроса. Если принять въ соображеніе характеръ этихъ людей, ихъ общественное положеніе, обширные округи, представителями которыхъ они служатъ, то станетъ понятно значеніе содѣйствія, которое они оказали этому вопросу. Еще въ послѣднюю сессію, когда было заявлено предложеніе допустить женщинъ къ участію въ муниципальныхъ выборахъ, оно было принято единогласно палатами. Это чрезвычайно важный шагъ: женщины болѣе нежели 200 англійскихъ городовъ, и въ числѣ ихъ самыхъ значительныхъ, допущены къ муниципальному выбору. Мало этого: онѣ могутъ вотировать каждый годъ, а не разъ въ четыре или пять лѣтъ, какъ при избирательномъ голосованіи. Этотъ фактъ совершенно убилъ всѣ доводы, могущіе быть поднятыми противъ вопроса въ Палатѣ Общинъ. *(Рукоплесканія).* Нѣкоторыя говорятъ, что женщины должны заниматься дома, что для нихъ лучше не вмѣшиваться въ общественныя дѣла; да вѣроятно и между присутствующими найдутся люди, такъ думающіе. (*Смѣхъ и рукоплесканія*). Я не буду вдаваться въ разсужденія по этому поводу; только напомню собранію любопытный фактъ. Я не на столько знакомъ съ Шотландіею, какъ съ Англіею, а тамъ, по всѣмъ важнымъ нравственнымъ и политическимъ, да и вообще по всѣмъ, живо интересующимъ мужчинъ, вопросамъ, они стараются пріобрѣсть содѣйствіе женщинъ, и встрѣчать его у тѣхъ, которыхъ имъ удается убѣдить.

«Во время Лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, въ Манчестерѣ открылся обширный базаръ, и другой такой же въ Ковент-Гарденѣ въ Лондонѣ. Тогда мужчины не говорили, что женщины должны сидѣть у себя дома. Женщины открыто продавали на базарѣ вещи, сработанныя ими дома. Да и вовсе не нужно разбирать чувство, заставляющее желать, чтобы женщины жили домашнею жизнью. Мнѣ кажется, что представительная система была спеціально выработана и введена для народа, ведущаго домашній образъ жизни. Можно ли придумать что-нибудь лучшее для женщины, любящей такую жизнь, какъ такое устройство, при которомъ она можетъ имѣть политическое вліяніе, подавая свой голосъ разъ каждые 4 или 5 лѣтъ. Каждый день или каждую недѣлю ей приносятъ на домъ двухкопѣечную газету, изъ которой она узнаетъ все, что̀ ей нужно. Съ этимъ, надѣюсь, согласятся тѣ присутствующіе здѣсь друзья мои, которые не расположены поддерживать членовъ

общества избирательныхъ правъ женщинъ, и желали бы удалить послѣднихъ отъ общественной жизни.

«Многочисленность настоящаго собранія, его значеніе и участіе въ немъ многихъ членовъ парламента, — все это даетъ мнѣ надежду на то, что когда настоящій вопросъ будетъ перенесенъ въ Палату Общинъ, Шотландія не подастъ голоса противъ него» (*Шумныя рукоплесканія*).

Е. Л.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Вмѣсто предисловія. — Неопредѣленные слухи объ упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ превращаются въ нѣчто возможное.—Оживленіе старопомѣщичьей партіи, желающей воспользоваться благопріятнымъ случаемъ.— Коммерческіе люди берутъ примѣръ со старо-помѣщичьей партіи. — Печальное положеніе маріинскаго водяного пути и передача его въ руки частной компаніи. — Проектъ новой компаніи безъ акцій и безъ копейки денегъ. — Слухи объ усиленіи губернаторской власти, напрасно пугающіе публику, такъ-какъ публика и сама не прочь усилить всякую власть до крайнихъ предѣловъ. — Казанскіе желѣзно-дорожные драгоцѣнные депутаты. — Перетаскиваніе памятника Державину съ мѣста на мѣсто на земскій счетъ. — О земледѣльческихъ колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ, открывающихъ новые пути женскому труду.

Съ чего начать свою ежемѣсячную хронику? Не случилось ли, въ теченіе марта, какого нибудь важнаго происшествія? Нѣтъ ли, наконецъ, какого-нибудь, интересующаго всѣ слои нашего общества *слуха*, про которые, впрочемъ, въ послѣднее время слѣдуетъ говорить не зря, а съ оглядкой: существуетъ новое распоряженіе, чтобы, при сообщеніи слуховъ, журналисты непремѣнно оговаривались бы, что это-де не на самомъ дѣлѣ такъ, а одинъ *слухъ* только, т.-е., очень можетъ быть, что и пустяки. Неурожай въ свѣжихъ мартовскихъ происшествіяхъ всѣми чувствуется до такой степени глубоко, что многія газеты, желая, во что бы то ни стало, *казаться* интересными, начинаютъ сами выдумывать различныя, болѣе или менѣе ужасныя, или политически-важныя происшествія и, посредствомъ такой невинной хитрости, надуваютъ дня на два на три читателя, не выждавъ даже перваго апрѣля. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, напечатаютъ, что въ прославленномъ на всю Россію Дарьею Соколовой, Гусевомъ переулкѣ, въ бывшую квартиру Ашмаренки, въ которой, будто бы, живутъ студенты, пришелъ какой-то таинственный мужчина въ маскѣ и потребовалъ у кухарки денегъ, но, къ счастію, у кухарки на кровати сидѣлъ солдатъ, который схватилъ таинственную маску за шиворотъ и узналъ, что это старый дворникъ. Всѣ слои публики, очень

естественно, при такомъ извѣстіи начинають волноваться, но не далѣе какъ чрезъ день оказывается, что на квартирѣ Ашмаренки студенты никогда не жили, кухарки не имѣется, солдата у несуществующей кухарки не было и дворникъ ни въ маскѣ, ни безъ маски не приходилъ. Или вдругъ съ аристократическими замашками «Вѣсть» начитаетъ благовѣстить, что такого-то числа, въ такомъ-то часу въ Петербургъ прибылъ русскій посолъ въ Берлинѣ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, баронъ Убри. Нѣкоторой части петербургскаго общества становится отрадно, что, наконецъ, такое важное лицо посѣтило столицу, но чрезъ день, какъ на зло, оказывается, что представитель нашъ при прусскомъ дворѣ вовсе и не посолъ, а только лишь чрезвычайный посланникъ; что онъ, къ сожалѣнію, не дѣйствительный тайный, а просто тайный совѣтникъ, и, наконецъ, что онъ вовсе и не думалъ ѣздить въ Петербургъ, а живетъ себѣ въ Берлинѣ. Впрочемъ, отъ времени до времени, появляются сплетни и не такого невиннаго свойства, какъ приведенныя, а поважнѣе, придуманныя съ цѣлью бросить грязью въ человѣка. Подобный примѣръ представляетъ собою сплетня, пущенная газетами на счетъ московскаго адвоката князя Урусова, требующаго, будто-бы, съ какого-то бѣднаго редактора одесской газеты сто тысячъ рублей за объявленіе о пріѣздѣ князя въ Одессу... Вообще, газетныхъ этихъ продѣлокъ развелось нынче столько, что и не перечтешь. Недаромъ «Искра», уподобляя современные наши газеты и журналы кушаньямъ, назвала одну изъ нихъ «утками подъ соусомъ». Всѣ эти ложныя извѣстія, очевидно, играютъ роль газетныхъ рекламъ, которыя, съ легкой руки Александра Кача и продавцовъ, невообразимо, будто бы, дешевыхъ полотенъ, пошли у насъ въ ходъ, и, безъ сомнѣнія, развились бы до nec plus ultra, еслибы не сіамскіе близнецы — плантаторы, первые у насъ пустившіе, по американскому способу, русскаго мужика съ объявленіями на спинѣ и на груди по Невскому проспекту, къ великому соблазну публики и блюстителей порядка и благочинія.

Что до меня лично касается, то стѣсняюсь я вовсе не отсутствіемъ общеинтересныхъ предметовъ, въ которыхъ собственно и у насъ недостатка никогда быть не можетъ. Я опасаюсь только, чтобы кажущееся мнѣ интереснымъ не признано было безъинтереснымъ, и наоборотъ, такъ-какъ у насъ нынче на счетъ этого очень стало строго. Вотъ, напримѣръ, въ одной изъ прошлогоднихъ хроникъ, пользуясь случаемъ, я довольно подробно коснулся, между прочимъ, вопроса о внезапномъ и, повидимому, безпричинномъ вздорожаніи у насъ съѣстныхъ припасовъ. Вопросъ, казалось мнѣ, былъ не маловажный, но, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ обозрѣвателей журналистики накинулся на меня, какъ на отступника какого отъ общественныхъ интересовъ и началъ меня упрекать, зачѣмъ я *«не употребляю*

съ своей стороны никакихъ усилій для того, чтобы въ московскомъ университетѣ скандалы не повторялись въ будущемъ». По старой привычкѣ—относиться съ уваженіемъ къ печатному слову, я, признаюсь, крѣпко тогда призадумался надъ такимъ упрекомъ. Поведенія университетскихъ старшинъ, возбуждающихъ скандалы, я никогда на одобрялъ, о чемъ и высказывался не разъ, гдѣ слѣдовало, съ достаточною ясностію; но, какія же, думалось мнѣ, мѣры я могу принять, чтобы «*скандалы эти не повторялись въ будущемъ?*» Думалъ-думалъ я надъ словами обозрѣвателя, и все-таки накакихъ мѣръ не придумалъ. Уволить развѣ въ отставку ректора и нѣкоторыхъ плохихъ профессоровъ, замѣнивши ихъ новыми, хорошими? Было бы не дурно, но какъ же я это сдѣлаю? Я указалъ тогда на единственно-возможный у насъ способъ отличать годнаго преподавателя отъ негоднаго, и съ этой цѣлью разобралъ двѣ очень плохія профессорскія диссертаціи, на которыя, къ сожалѣнію, никто у насъ вниманія не обращаетъ, хотя большинство нашихъ профессоровъ, кромѣ обязательныхъ для нихъ диссертацій, ничего больше и не сочиняютъ, но и этотъ способъ обозрѣвателю показался негоднымъ. «Грустному факту (т.-е. московскимъ университетскимъ скандаламъ)—пишетъ обозрѣватель—либеральный журналъ удѣлилъ въ своемъ обозрѣніи лишь одну страницу изъ 28, занятыхъ шуточными разсказами о приключеніяхъ у мстинскаго моста, *да о глупостяхъ и безграмотности какихъ-то, никому неизвѣстныхъ диссертацій* (см. № 5 «Недѣли»).

Ну, какъ же, спрашиваю я васъ, читатель, при такихъ условіяхъ угодишь каждому обозрѣвателю, которые у насъ считаются дюжинами и каждый свое говоритъ? Я смотрю на разборъ профессорскихъ диссертацій, хотя бы и никому неизвѣстныхъ (всѣмъ извѣстныя зачѣмъ же и разбирать, когда онѣ уже разобраны?)—дѣломъ очень важнымъ, а недѣльный обозрѣватель признаетъ подобное занятіе ненужнымъ, бездѣльнымъ. Я высказываю безспорную и вовсе не новую мысль, что при дѣльныхъ, серьёзно занятыхъ наукою, преподавателяхъ (а не при канцелярскихъ чиновникахъ, которые на званіе преподавателя смотрятъ какъ на чинъ титулярнаго или статскаго совѣтника)—университетскіе скандалы едва-ли даже возможны, слѣдовательно ясно указываю и на причины ихъ, а недѣльный обозрѣватель все свое толкуетъ: «мѣръ, говоритъ, редакція «Отечественныхъ Записокъ» не предпринимаетъ никакихъ противъ возможности повторенія скандаловъ въ будущемъ!» Ну, что я могу на такое упорство возразить, кромѣ развѣ того, что «не могу, молъ, батюшка, отецъ родной, не въ силахъ: пусть ужъ ихъ самъ Василій Егорычъ Генкель предпринимаетъ, если можетъ!».

Постоянно встрѣчая въ *дюжинныхъ* [1] журнальныхъ обозрѣва-

---

[1] Журнальныхъ обозрѣвателей считается не менѣе дюжины.

теляхъ. одно только упорство и нежеланіе вникнуть въ то, что говоритъ другой обозрѣватель (а говорятъ они все разное объ одномъ и томъ же предметѣ), поневолѣ приводится не обращать никакого вниманія на чужія слова, и, при выборѣ важныхъ или неважныхъ предметовъ, дѣйствовать по своимъ собственнымъ соображеніямъ, въ надеждѣ, что читатели сами ужъ съумѣютъ отличить серьёзное дѣло отъ бездѣлицъ.

На этотъ разъ я начну свое обозрѣніе съ положенія главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія 18-го февраля, о постепенномъ упраздненіи должностей мировыхъ посредниковъ и членовъ отъ правительства, такъ-какъ вопросъ этотъ, безспорно, имѣетъ очень важное общественное значеніе.

Давно уже носилась молва о ненужности мировыхъ посредниковъ и членовъ отъ правительства уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, которые, впрочемъ, и при самомъ назначеніи ихъ, считались уже излишними; но въ послѣднее время молва эта усилилась до такой степени, что нельзя было, наконецъ, не обратить на нее вниманія. Съ самаго введенія въ дѣйствіе крестьянскихъ положеній, многіе землевладѣльцы призадумались, когда узнали, какихъ громадныхъ суммъ будутъ имъ стоить всѣ эти присутствія, посредники и съѣзды, но тогда многіе еще молчали по разнымъ причинамъ. Вопервыхъ, многимъ изъ землевладѣльцевъ самимъ можно было разсчитывать попасть въ члены или въ посредники и окупить свои расходы съ лихвою; вовторыхъ, тогда у посредниковъ дѣйствительно занятій было много. Совсѣмъ въ иномъ видѣ поставленъ былъ этотъ вопросъ впослѣдствіи, когда появились земскія управы, поглощающія съ одной губерніи до сотни тысячъ рублей на одно только жалованье членамъ и, наконецъ, мировые судьи, на которыхъ и ста тысячъ не хватало. Года три-четыре тому назадъ занятій у мировыхъ посредниковъ осталось всего-то только съ булавочную головку, а между тѣмъ, по случаю реформы, вводимой между государственными крестьянами, число посредниковъ чуть не удвоили и каждому изъ новыхъ положили тоже по полторы тысячи жалованья. Въ первые два-три года содержаніе мировымъ дѣятелямъ собиралось съ помѣщиковъ почему-то очень слабо, такъ что на иныхъ накопилась недоимка за всѣ три года, слѣдовательно тяжесть налога многіе замѣтили въ первый разъ только лишь на третій годъ, когда начали взыскивать вразъ рублей по двѣсти съ такихъ помѣщиковъ, у которыхъ и доходовъ-то было всего рублей пятьсотъ-шестьсотъ. А тутъ, какъ разъ, поспѣли и земскія учрежденія, которыя, первымъ дѣломъ, обложили все, что на глаза попадалось, налогомъ: даже начали доискиваться, у кого сколько ульевъ пчелъ. Помѣщики сильно пріуныли, да и было отчего, если припомнить, что лицъ, служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, числится въ настоящее время приблизительно до полуторы тысячи; что каждое изъ этихъ лицъ получаетъ по мень-

шей мѣрѣ полторы тысячи рублей, а по всей Россіи приходится на нихъ расходовать ежегодно до двухъ съ половиною милльйоновъ рублей земскихъ денегъ. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что тихія и сдержанныя сначала жалобы земства мало по малу превратились въ ревъ повсемѣстный и достигъ до ушей кормилицы. Быстро слѣдовавшимъ одна за другою реформамъ всѣ были, разумѣется, очень рады, но радость эта помрачалась тѣмъ обстоятельствомъ, что за каждую новую благодать приходилось выкладывать изъ скудной мошны лишніе десять цѣлковыхъ, да, въ то же время, платить и старыя недоимки. Въ газетахъ были извѣстія, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ вновь избранные мировые судьи принуждены были сидѣть безъ жалованья и безъ выдачи денегъ на содержаніе канцелярій, а при такихъ условіяхъ трудно ожидать, чтобы правда и милость могли царствовать въ этихъ судахъ. О приличномъ содержаніи десятковъ тысячъ арестованныхъ и заключенныхъ мировыми судьями за разные проступки и мечтать было нечего. И теперь еще сплошь да рядомъ, арестованныя женщины и дѣвицы валяются на грязномъ полу въ общихъ съ мужчинами камерахъ, такъ что, впослѣдствіи, придется при мировыхъ судьяхъ устроивать особыя отдѣленія воспитательныхъ домовъ, для пріема мировыхъ подкидышей. При новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, важное значеніе которыхъ всѣми было понято сразу, невольно какъ-то обратили вниманіе на забытыхъ мировыхъ посредниковъ, которые, подъ шумокъ, покончивши свои срочныя работы, вполнѣ успѣли усвоить себѣ домашній, халатный характеръ. Да и что имъ въ самомъ дѣлѣ? Начальства нѣтъ никакого, мужики — народъ смирный, привычный стоять по цѣлымъ суткамъ безъ шапокъ на дворѣ у барина: почему же и не понѣжиться? Многіе, впрочемъ, какъ изъ газетныхъ корреспонденцій видно, сидѣли не сложа руки, а пустились въ коммерцію: завели кабаки, начали выгодно торговать аукціонными лошадьми, коровами и овцами, самими же описанными у лѣнивыхъ мужиковъ; вообще, начали пользоваться случаемъ, потому что неизвѣстно вѣдь, какъ дальше дѣло пойдетъ? Тѣ, которые побогаче и помоложе, отъ нечего дѣлать, вступили въ письменную полемику съ разными дикими помѣщиками, воображающими, что они и въ настоящее время могутъ имѣть въ своемъ околодкѣ такое же значеніе, какимъ, напримѣръ, въ добрыя старыя времена пользовался извѣстный князь Грузинскій въ селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи [1].

---

[1] Этотъ, страннаго характера господинъ, по разсказамъ самихъ же помѣщиковъ, приглашалъ ихъ иногда къ себѣ обѣдать и потомъ тутъ же изъ-за стола нерѣдко выгонялъ вонъ, а иногда даже таскалъ за волосы. Снисходя къ характеру князя, гости съ улыбкой выносили оскорбленія и потасовки и пріѣзжали къ нему вновь, потому что князь былъ, хотя и горячъ, но гнѣвъ его проходилъ скоро.

Вполнѣ сохранившихся экземпляровъ дикихъ помѣщиковъ въ наши времена уже не много, но, однако, они еще существуютъ, по тѣмъ же, вѣроятно, причинамъ, по которымъ и мамонты, напримѣръ, исчезли съ лица земли не вразъ, а исчезали постепенно. У меня предъ глазами лежитъ корреспонденція изъ какой-то губерніи, изъ которой я, не могу удержаться, чтобы не сдѣлать маленькаго извлеченія.

Въ родовое свое имѣніе, подъ предлогомъ устройства поземельныхъ отношеній съ крестьянами, пріѣхалъ изъ столицы владѣлецъ, полный юбилейный генералъ и, притомъ же, кажется, князь. Окрестные помѣщики съ предводителемъ, по старой памяти, стеклись къ нему съ поклономъ, но молодой посредникъ (чуть-ли не графъ) не заблагоразсудилъ пріѣхать, чѣмъ, разумѣется, весьма огорчилъ старика. Князь ввелъ въ имѣніи, состоящемъ на издѣльной повинности, строжайшую дисциплину, ввелъ въ употребленіе рапорты, донесенія и отношенія, и, когда разъ оказалось, что какая-то Ѳедора по болѣзни не явилась на работу, то генералъ отправилъ къ посреднику слѣдующее лаконическое посланіе:

«— Господинъ посредникъ! Прошу васъ пріѣхать въ мое имѣніе *не медля ни минуты*. Народъ отъ рукъ отбился. Одна временно-обязанная совершила проступокъ, за который, въ примѣръ прочимъ, должна быть вами строго наказана».

— Счелъ бы за большое удовольствіе исполнить вашу просьбу, отвѣчалъ посредникъ: — но дѣла неотлагательной важности препятствуютъ мнѣ пріѣхать немедленно. Какъ только окажется свободное время — сейчасъ пріѣду.

Хотя, покуда, въ отвѣтѣ посредника ничего оскорбительнаго не заключалось, но генералъ, однакожь, оскорбился и тотчасъ же принялся строчить на черно отношеніе, или, скорѣе, строжайшее предписаніе.

«— Господинъ мировой посредникъ!

«Какія у васъ могутъ быть дѣла неотлагательной важности, когда я васъ зову? Ужь если мое требованіе не важно, то, что же послѣ этого важно? Остается еще на жизнь мою покуситься! Вы поощряете непослушаніе, лѣность, притворство. Вы не понимаете своей обязанности. Не знаете того, что вы поставлены блюсти интересы своего сословія! Я вообще замѣтилъ, что въ вашемъ краѣ нѣтъ должнаго решпекта къ начальству, наклонности къ дебошу видны на каждомъ шагу, а вы не только не заглушаете ихъ, но поощряете. Не мнѣ получать письма, подобныя вашему. Обо мнѣ вся столица знаетъ, да, мало того—столица: вся Россія меня знаетъ! Мнѣ самъ Наполеонъ руку жалъ. Вы передо мной мальчишка. Я въ своемъ губернскомъ городѣ *первое лицо послѣ архіерея*. Вы узнаете, что такое я и какъ шутить со мной! Я это дѣло брошу не ранѣе, какъ тогда, когда вы попросите у меня публично извиненія и накажете розгами преступную бабу».

Ну, какъ бы поступилъ съ такимъ потѣшнымъ посланіемъ посредникъ, сильно занятый серьёзнымъ дѣломъ? Я думаю, что онъ не обратилъ бы на него никакого вниманія и потомъ, освободившись отъ занятій, при случаѣ, объяснилъ бы полупомѣшанному старику то, чего онъ не понимаетъ; но не такъ поступилъ нашъ молодой дѣятель, который, повидимому, несказанно обрадовался внезапно появившемуся занятію.

— «*Ваше преосвященство!* отвѣчалъ мировой дѣятель, занимающій оффиціальную должность. — Извините меня, что я не зналъ вашего духовнаго сана... (И откуда онъ это узналъ? Старикъ и не говоритъ, что онъ архіерей)... теперь приму его во вниманіе.

«На ваше письмо считаю своею обязанностью отвѣчать по всѣмъ пунктамъ.

«Пунктъ 1-й. Вы спрашиваете, какія у меня могутъ быть неотлагательныя дѣла, когда вы меня зовете, и изъявляете опасеніе за свое существованіе. На это я вамъ отвѣчу, что въ дѣлахъ своихъ я не обязанъ давать отчета, а что касается вашей жизни, то могу васъ успокоить и завѣрить, *что никто не покусится на такую драгоцѣнность*, развѣ сами какъ-нибудь отправитесь на свиданіе съ дѣдушкой: этому я не могу помочь.

«Пунктъ 2-й. Вы мнѣ, ваше преосвященство, пишете о безпорядкахъ, о неуваженіи къ начальству, о дебоширствѣ и пр., на что я вамъ долженъ отвѣтить, что вы все это сами сочинили, что ничего этого нѣтъ, что начальство тутъ не при чемъ. Дебоширства ограничиваются какой-нибудь дракой у кабака, а касательно интересовъ сословій вы, ваше преосвященство, уже окончательно ошиблись: я поставленъ блюсти интересы того и другаго изъ нихъ, а не одного дворянскаго, да, наконецъ, это для васъ и не важно. Вы, *какъ помощникъ архіерея*, не принадлежите ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ сословій: духовныя лица имѣютъ особыя права.

«Вы меня предостерегаете шутить съ вами и говорите, что я узнàю, кто вы такой—это совершенно лишнее, ибо я съ вами не шучу и кто вы такой — знаю. Просить у васъ извиненія я не намѣренъ. Высѣчь бабу тоже не могу: ихъ у насъ не сѣкутъ. Испрашивая ваше благословеніе, остаюсь... такой-то».

Очень естественно, что генералъ, получивши *отношеніе*, окончательно взбѣленился, перебилъ у себя множество разной посуды, перемялъ ногами многое множество статуетокъ, банокъ съ фаброй и качевскихъ подстаканниковъ. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что генеральскій необузданный гнѣвъ печально отразился и на подвластныхъ генералу людяхъ, въ особенности дворовыхъ, которымъ теперь и съ жалобой-то обратиться было не къ кому, потому что и самому посреднику не подобало подвертываться подъ барскую руку въ эти моменты... Спрашивается, какой же кому толкъ въ подобной *примиряющей* дѣя-

тельности? Могли ли, наконецъ, и крестьяне разсчитывать на какія-нибудь уступки со стороны своего барина, хотя и дикаго, но, быть можетъ, по натурѣ добраго и уступчиваго, еслибы кто съумѣлъ къ нему подойти? Главныя достоинства мировыхъ посредниковъ точно также, какъ и содержателей звѣринцевъ, именно и заключались въ умѣньи свирѣпаго буйвола обращать въ смиренную, уступчивую корову. Это, нѣкоторымъ образомъ, чичиковская способность, но, въ данномъ случаѣ, ничуть не позорная, потому что добрый, дѣловой и умный посредникъ, если иногда и юлилъ, то вовсе не изъ-за личныхъ какихъ-нибудь выгодъ.

Само собою разумѣется, что перебранка не остановилась на приведенныхъ письмахъ. Оба, хотя и злились, но, повидимому, были очень рады съ неба свалившейся къ нимъ умственной работѣ, исцѣляющей отъ непроходимой тоски вѣчнаго ничего недѣланья. Переписка между генераломъ и *дѣловымъ* посредникомъ приняла, наконецъ, тотъ яркій оттѣнокъ, которымъ отличалась всѣмъ извѣстная старинная письменная перебранка между Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ и княземъ Курбскимъ; но намъ довольно и того, что̀ уже приведено выше. Положеніе 18-го февраля, о которомъ я упоминалъ, заключается въ слѣдующемъ: 1) должность членовъ отъ правительства при уѣздныхъ съѣздахъ мировыхъ посредниковъ упразднить въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ это возможнымъ, безъ ущерба для дальнѣйшаго хода дѣлъ, и занимающихъ упраздняемую должность чиновниковъ оставить за штатомъ, съ производствомъ имъ заштатнаго содержанія на общемъ основаніи изъ того же источника, изъ коего имъ производится содержаніе; 2) предоставить губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они, представляя правительствующему сенату объ удаленіи мироваго посредника отъ должности, признаютъ невозможнымъ безъ вредныхъ для хода дѣлъ послѣдствій, оставлять таковаго посредника при исправленіи должности, постановлять опредѣленіе о немедленномъ устраненіи его отъ оной, и о причинахъ таковой мѣры подробно объяснять въ представленіи сенату; 3) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ ускорить, сколь возможно, представленіемъ своего заключенія объ окончательномъ устройствѣ дѣлъ, возложенныхъ на мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, въ видахъ безотлагательнаго приступа къ постепенному упраздненію должности мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ.

Многіе, разумѣется, останутся недовольны приведеннымъ положеніемъ, допускающимъ постепенность, тогда какъ имъ (т.-е. этимъ многимъ) хотѣлось бы похерить посредниковъ вразъ. «Давно ихъ пора бы по шапкѣ!» писалъ недавно одинъ изъ провинціальныхъ корреспондентовъ въ газету «Современныя Извѣстія», за что и получилъ отъ другаго корреспондента той

же газеты (чуть-ли не мироваго посредника) строгій выговоръ. Въ защиту мировыхъ посредниковъ корреспондентъ этотъ пишетъ, что въ какомъ-то, хорошо ему извѣстномъ, участкѣ въ четырехъ селахъ мальчики, изъ которыхъ составленъ хоръ, поютъ отлично всю обѣдню, изъ нихъ выдаются голоса превосходные, ноты они знаютъ отчетливо и сами для себя переписываютъ ихъ; и хотя расходы по этому отчасти падаютъ на мироваго посредника, но онъ самъ прихожанинъ, и ему пріятно быть въ церкви и видѣть усердіе молящихся тамъ, гдѣ пѣвчіе замѣняютъ дьячка.

Во время спохватившись, что отъ мироваго посредника требуется нѣчто иное, чѣмъ отъ регента церковнаго хора, богомольный корреспондентъ прибавляетъ:

«Взгляните на нихъ въ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, и вы назовете ихъ тружениками. Повѣрьте дѣйствія ихъ при рекрутскихъ наборахъ: каждое обстоятельство разобрано, обсуждено скоро и добросовѣстно, разъяснены законы кратко и терпѣливо, и вы увидите, что всѣ съ довѣренностью покоряются необходимости и не льются слезы понапрасну. Въ дѣлахъ семейныхъ и раздѣлахъ имущественныхъ обѣ стороны довѣрчиво идутъ на правдивый разборъ посредника, соглашаются на совѣты и въ точности исполняютъ ихъ, чрезъ что по большей части въ волостныхъ судахъ рѣшаются дѣла миролюбиво — разверните книгу исходящаго журнала—почти у каждаго посредника найдете тысячу нумеровъ».

Желательно было бы знать, не подъ нумерами ли выпускалъ описанный нами выше мировой посредникъ свои задорныя письма къ старику-генералу? Если подъ нумерами, то у иного, пожалуй, можно найти и болѣе тысячи исходящихъ, слѣдовательно еще основательнѣе доказать необходимость въ посредникахъ.

Такъ-какъ мысль объ упраздненіи мировыхъ посредниковъ зародилась немного лишь спустя послѣ ихъ назначенія, то очень естественно, мы имѣемъ не малое количество проектовъ объ ихъ упраздненіи и замѣнѣ. Газеты въ свое время передавали, что министръ внутреннихъ дѣлъ предполагалъ сначала изъять изъ вѣдѣнія посредниковъ нѣкоторыя дѣла, входящія въ кругъ дѣятельности полиціи, земства и суда; поставить посредниковъ въ положеніе обыкновенныхъ чиновниковъ, а потомъ сократить ихъ число. Мировые съѣзды предполагалось уничтожить вовсе, замѣнивъ ихъ особыми присутствіями изъ предводителя дворянства, исправника, члена земской управы и непремѣннаго члена.

Хотя земскимъ собраніямъ не позволялось вмѣшиваться не въ свое дѣло, но, однакожь, и они, время отъ времени, сочиняли разные проекты объ упраздненіи посредниковъ, потому что какъ бы то ни было, а содержаніе мировыхъ крестьянскихъ учрежденій все-таки вѣдь лежало на шеѣ земства.

Большинство земскихъ собраній просто заявляло желаніе объ уменьшеніи теперь уже ненужныхъ чиновниковъ, которые, тѣмъ не менѣе, находились на полномъ его содержаніи, указывая, какъ и въ приведенномъ проектѣ министра внутреннихъ дѣлъ, на земство, мировыхъ судей и полицію, которымъ можно передать почти всѣ дѣла мировыхъ посредниковъ, такъ-какъ должность эта мозаичная, составная, видимо придуманная только на время. На обсужденіе другихъ собраній вступили болѣе обработанные проекты, сущность которыхъ заключалась въ слѣдующемъ: 1) Упразднить немедленно губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и уѣздные мировые съѣзды, а дѣла отъ нихъ передать въ губернскую земскую управу, причемъ посредники остаются въ прежнемъ количествѣ, но лишь въ качествѣ *земскихъ приставовъ*, на посылкахъ у губернской управы. 2) Истребить немедленно и губернское присутствіе и мировые съѣзды и посредниковъ и передать ихъ дѣла всѣ въ земскія управы, наблюдая при этомъ, чтобы управы состояли изъ предсѣдателя и такого количества членовъ, которое было бы не менѣе числа мировыхъ участковъ въ уѣздѣ. Непремѣннымъ условіемъ при осуществленіи этого проекта принято слѣдующее правило, на которое я прошу читателей обратить особенное вниманіе: «Выборъ предсѣдателя управы долженъ производиться, согласно съ закономъ, непремѣнно изъ числа уѣздныхъ гласныхъ; *выборъ же членовъ управы, на которыхъ возложены будутъ и обязанности мировыхъ посредниковъ, можетъ производиться какъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, такъ изъ постороннихъ собранію лицъ*, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы избираемое лицо удовлетворяло требованіямъ, которыя нынѣ установлены для мировыхъ посредниковъ».

(Проектъ, одобренный *единогласно* земскимъ собраніемъ одного *самаго дворянскаго* уѣзда Казанской губерніи).

Не угодно ли теперь вамъ, читатель, сопоставить этотъ проектъ съ тѣмъ, что̀ опять въ послѣднее время начала проповѣдовать наша старо-дворянская партія въ своемъ органѣ «Вѣсти». Быть можетъ, намъ и удастся придти этимъ путемъ кое къ какому положительному выводу.

Читатель помнитъ, что, когда вводились у насъ земскія учрежденія, то «Вѣсть» постоянно толковала о необходимости безвозмездной службы по земству, причемъ въ гласные бы допускались безъ выборовъ всѣ крупные землевладѣльцы. Само собою разумѣется, что «Вѣсть» при этомъ имѣла въ виду не выгоды помѣщичьи, а единственно бѣдный, разоренный множествомъ повинностей, народъ. Такъ-какъ по земству сдѣлать «Вѣсти» по своему не удалось, то она принялась за судебно-мировыя учрежденія: кстати теперь поднятъ важный вопросъ объ упраздненіи крестьянскихъ мировыхъ учрежденій.

Замѣчательную во многихъ отношеніяхъ статью свою по это-

му предмету (въ 81-мъ №) «Вѣсть» по обыкновенію начинаетъ съ «жалкихъ» словъ въ пользу бѣднаго, разореннаго мужика.

Картинно изобразивши, какъ тяжело бѣдному мужичку изъ-за рублевой тяжбы тащиться къ мировому судьѣ верстъ за сто отъ деревни, причемъ мужикъ, разумѣется, предпочитаетъ лишиться и двухъ рублей и благотворнаго нравственнаго вліянія на него мироваго судьи, «Вѣсть» прибавляетъ: «но не одна только недостаточность вліянія на жизнь народа происходитъ отъ недостатка мировыхъ судей. Недостатокъ этотъ во многихъ случаяхъ ложится на населеніе прямою тяжестью, когда необходимость заставляетъ иной разъ помимо воли отправляться къ судьѣ за десятки верстъ. Были примѣры, что люди, ищущіе юстиціи въ морозы и вьюги, прежде попадали въ царство небесное, чѣмъ въ камеру къ мировому».

Оно еще хорошо, если въ царствіе небесное, а не въ муку вѣчную, въ которую тоже, по преданіямъ, можетъ угодить и мужикъ, но «Вѣсть» этого обстоятельства не принимаетъ въ разсчетъ и, для усиленія въ публикѣ участія къ забитому мужичку, продолжаетъ трактовать о его земныхъ несчастіяхъ, обусловливаемыхъ недостаточнымъ числомъ судей и дистанціями слишкомъ уже громадныхъ размѣровъ.

«А чего иной разъ стоитъ — продолжаетъ «Вѣсть», прикидываясь «Другомъ народа» — въ горячую рабочую пору, въ такъ-называемую народомъ «страдную пору» на недѣлю бросить работу и отправляться въ камеру судьи въ качествѣ свидѣтеля. Такая неурочная прогулка грозитъ иногда цѣлымъ годомъ бѣдствія. Въ хозяйствѣ иногда день рѣшаетъ участь цѣлаго года, — а не то-что недѣля.

«Такимъ образомъ, вмѣсто общаго благотворнаго вліянія на экономическое положеніе страны, мировой институтъ поглощаетъ громадныя суммы на свое существованіе и сверхъ того ложится особенно тяжелымъ бременемъ на нѣкоторыя мѣстности».

Все это очень гуманно и, безспорно, справедливо, но къ чему рѣчь эта клонится? Ужь извѣстно, къ чему! Скажи мнѣ только, *кто* говоритъ за три отъ меня комнаты, и я отвѣчу безошибочно, *что* онъ говоритъ...

«Не разъ было указываемо на малую самостоятельность судей, на нравственный ущербъ, наносимый этому званію денежнымъ вознагражденіемъ, *придающимъ дѣятельности мировыхъ судей скорѣе видъ наемнаго труда, чѣмъ гражданскаго долга*, — и наконецъ, на тяжесть содержанія этого института. Вводя въ дѣятельность, проистекающую чисто изъ гражданскаго долга, элементъ матеріальнаго возмездія, по необходимости пришлось подчинить главное значеніе мироваго института, — охраненіе земскаго мира, — соображеніямъ экономическимъ, и даже до нѣкоторой степени подчинить первое послѣднимъ. Пятилѣтняя практика доказала, что число мировыхъ судей недостаточно,

что они обременены дѣлами до такой степени, что поневолѣ иной разъ, для скорѣйшей очистки дѣлъ, не могутъ относиться къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ и рачительностію; а между тѣмъ увеличить численный составъ мировыхъ судей до дѣйствительной потребности невозможно, потому что средства страны не въ состояніи поднять такого крупнаго расхода...»

Дальше продолжать не слѣдуетъ: ясно и безъ того. Нужно, разумѣется, чуть не въ каждой деревнѣ, въ особенности въ помѣщичьей, посадить по судьѣ, чтобы мужику даже изъ-за двугривеннаго идти къ нему было выгодно. Въ этомъ только случаѣ мужикъ за тотъ же двугривенный получитъ возможность постоянно пользоваться и благотворнымъ нравственнымъ вліяніемъ на него судьи; но, такъ-какъ бѣдные люди безъ жалованья служить не могутъ, то въ судьи слѣдуетъ назначать только мѣстныхъ помѣщиковъ, которымъ, сидя въ своихъ имѣніяхъ, рѣшительно все едино: ничего не дѣлать, или благотворное вліяніе на мужика оказывать. Такимъ только способомъ можно достигнуть того, что русскій мужикъ начнетъ наконецъ благоденствовать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устранить существующихъ, негодныхъ судей, «которые начали относиться къ своему дѣлу домашнимъ, халатнымъ образомъ».

«Радикальное устраненіе неудобствъ заключается только въ преобразованіи судебно-мироваго института на началахъ безвозмездной общественной службы. Тогда и громадные расходы земства на это учрежденіе получатъ болѣе производительное употребленіе, и населеніе получитъ болѣе удобствъ пользоваться судомъ, такъ-какъ число судей будетъ гораздо значительнѣе и судьи будутъ доступнѣе. Объ этомъ было говорено много; на это, кромѣ теоретическихъ соображеній науки, наводитъ и опытъ наиболѣе цивилизованныхъ странъ Европы, — къ этому, безъ сомнѣнія, придемъ и мы, увлекаемые самою силою вещей».

Безъ сомнѣнія, придемъ, и непремѣнно придемъ, когда... наша страна сдѣлается такою же цивилизованною, какъ и «наиболѣе цивилизованныя страны Европы» — но теперь-то что же выйдетъ изъ всего этого? Само собою разумѣется, что ничего иного не выйдетъ, кромѣ реставраціи только что формально уничтоженнаго у насъ крѣпостнаго права! Будутъ сидѣть себѣ крупные помѣщики по своимъ забытымъ усадьбамъ и творить надъ забитымъ мужикомъ судъ по совѣсти, у кого какая имѣется. Осуществится тогда, наконецъ, завѣтная помѣщичья мысль, нѣкогда отвергнутая редакціонными коммисіями, честно работавшими по крестьянскому дѣлу. Изъ недавно разрѣшеннаго у насъ труда г. Скребицкаго видно, что нѣкоторые губернскіе комитеты хлопотали тогда (хотя и безуспѣшно) о присвоеніи вотчиннику званія *покровителя* (черниговскій комитетъ), а свободное сельское сословіе оставалось бы въ полной зависимости этого отца и покровителя. Другой комитетъ (витебскій) «находилъ полезнымъ присвоить помѣщикамъ званіе

начальниковъ обществъ, съ опредѣленіемъ его правъ и отношеній, *для нравственнаго вліянія на крестьянъ*, такъ-какъ помѣщики, *составляя высшее и образованнѣйшее сословіе въ государствѣ* и, какъ владѣльцы земли, имѣя близкія къ населеннымъ на ней крестьянамъ отношенія, *съ успѣхомъ* (еще бы!) могутъ направлять новообразующееся *свободное* сословіе *къ познанію священныхъ обязанностей гражданина* — къ исполненію закона». Кромѣ неопредѣленной обязанности направлять мужиковъ «*къ познанію священныхъ обязанностей*, комитетъ требовалъ еще — и совершенно уже неосновательно требовалъ, — чтобы помѣщику была предоставлена возможность *хорошаго вліянія на классъ мало образованный;* ему полезно вручить нѣкоторую власть, необходимую для направленія крестьянъ къ *нравственности*, *трудолюбію (!)* и *лучшему быту*» (Скребицкій, стр. 608-я).

Трудъ г. Скребицкаго тѣмъ именно и дорогъ, что въ немъ сейчасъ же можно отъискать источникъ тѣхъ, повидимому, наивныхъ разглагольствованій, которыми отъ времени до времени угощаютъ насъ ярые крѣпостники, прикидываясь смиренными овечками. Въ свое время редакціонныя коммисіи разбили на голову всѣ эти крѣпостническія, черноземныя силы, но, разбить-то разбили, а въ конецъ не уничтожили. Точно такъ, какъ разбитая армія можетъ, при извѣстнаго рода безпечности и самонадѣянности со стороны непріятеля, снова соединиться въ массу и даже разбить въ свою очередь побѣдителей, — такъ точно и разбитыя коммисіями черноземныя силы могутъ опять соединиться и сдѣлаться очень опасными. Просматривая журналы земскихъ собраній разныхъ губерній, мы ясно видимъ, что разбитая армія разсѣяна повсемѣстно и ждетъ только благопріятнаго случая, при которомъ бы можно было соединиться и дѣйствовать заодно. Вышеприведенное постановленіе уѣзднаго собранія (Казанской губерніи) имѣетъ тотъ же смыслъ, что и статья «Вѣсти», на которую я сейчасъ указалъ. Припомните строки: «выборъ же членовъ управы, на которыхъ возложены будутъ обязанности мировыхъ посредниковъ, можетъ производиться изъ *постороннихъ собранію лицъ* (т.-е. не изъ гласныхъ), *но подъ непремѣннымъ условіемъ*, *чтобы избираемое лицо удовлетворяло требованіямъ*, *которыя установлены для мировыхъ посредниковъ*». Какія же это *требованія?* Да единственно только владѣніе пятьюстами десятинами земли, т.-е., по нѣкоторымъ губерніямъ, слишкомъ двойнымъ земскимъ цензомъ. Ясно, что, въ случаѣ осуществленія такого проекта, неудавшіяся хлопоты крупныхъ землевладѣльцевъ о назначеніи въ гласные безъ *выборовъ*, сами собою осуществляются! И такъ, въ случаѣ успѣха (который, впрочемъ, сомнителенъ) крѣпостнической партіи, съ одной стороны судъ и правда по селамъ и весямъ будетъ твориться исключительно только вотчинниками—*покровителями*, служащими безъ жалованья, изъ чести; съ другой стороны и въ земскія управы никому неудастся попасть, кромѣ

тѣхъ же *покровителей*, да и самые земскіе пристава (т.-е. прежніе посредники) будутъ изъ *покровителей же*... Куда ни повернись — вездѣ одни только *покровители* и *начальники* свободныхъ обществъ, направляющіе крестьянъ «къ нравственности, трудолюбію, крайней бережливости и къ познанію священныхъ обязанностей гражданина». Не глупо придумано! Недаромъ казанскій комитетъ (см. Скребицкаго стр. 609), «основываясь на рескриптѣ и имѣя въ виду соображенія министра в. д., руководствовался ими при выборѣ тѣхъ началъ, на которыхъ онъ долженъ былъ утвердить вліяніе и власть помѣщика въ новомъ обществѣ срочно-обязанныхъ крестьянъ. *Ясно, что это вліяніе и власть остаются почти тѣ же, какими были они и въ крѣпостномъ быту*», заключаетъ казанскій комитетъ, предполагая вѣроятно, что редакціонныя коммисіи собственно съ тою цѣлію и собрались, чтобы на вѣчныя времена сохранить въ Россіи крѣпостное право со всѣми его аттрибутами.

Впрочемъ, справедливость заставляетъ насъ прибавить ко всему сказанному, что не въ одномъ только помѣщичьемъ сословіи находится эгоисты, старающіеся, во что бы то ни стало, не въ примѣръ прочимъ, добиться привиллегированнаго званія покровителей и безконтрольныхъ распорядителей надъ чужими карманами: встрѣчаются такіе и въ другихъ сословіяхъ, преимущественно въ торговомъ. Публичныя засѣданія въ «обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ» о передачѣ маріинской системы изъ казны въ частныя руки вполнѣ доказали, что даже неглупые коммерческіе люди рѣшаются публично проповѣдовать противъ здраваго смысла, какъ скоро имъ представляется въ будущемъ самая даже слабая надежда поживиться на счетъ ближняго. Вопросъ о передачѣ маріинскаго водянаго пути въ распоряженіе частной компаніи безспорно принадлежитъ къ главнѣйшимъ современнымъ вопросамъ, въ особенности для насъ, петербуржцевъ, такъ-какъ мы легко можемъ перемереть голодной смертью, если къ намъ запасы хлѣба не подвезутъ вовремя, а при казенномъ управленіи это современемъ могло случиться. До какого жалкаго положенія доведенъ былъ маріинскій водяной путь, несмотря на ежегодный отпускъ на ремонтъ его 400 тысячъ рублей казенныхъ денегъ, ясно видно изъ доклада коммисіи, учрежденной въ 1868 году, къ изысканію мѣръ противъ развитія сибирской язвы, преимущественно на рѣкѣ Шекснѣ. (См. Труды коммисіи. Изд. Медиц. департ. 1868 г.). Такъ-какъ большинству публики очень мало извѣстно это изданіе, то мы считаемъ нелишнимъ познакомить съ нимъ интересующихся, хотя въ общихъ чертахъ.

4-го іюля коммисія, въ которой участвовалъ директоръ медиц. департ. Пеликанъ, отправилась на пароходѣ для осмотра бичевниковъ по Шекснѣ до Бѣлозерска, и вотъ въ какомъ положеніи нашла она этотъ важный торговый путь:

Коммисія, при проѣздѣ по бичевнику, встрѣтила до сорока лошадиныхъ труповъ, плывшихъ по рѣкѣ въ одномъ только Череповскомъ уѣздѣ, и столько-же лежавшихъ на бичевникахъ, преимущественно въ Кириловскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ. Самая большая смертность произошла въ Кириловскомъ уѣздѣ, гдѣ съ 8-го іюня по 10-е іюля пало болѣе 2,000 лошадей. На лошадей, не употреблявшихся въ тягу, болѣзнь не распространялась въ большихъ размѣрахъ, но она поражала въ довольно значительныхъ размѣрахъ людей, преимущественно пикетныхъ и поденщиковъ, убиравшихъ трупы. Всего заразилось 20 человѣкъ и они умирали по большей части въ теченіи первыхъ-же сутокъ. Всѣхъ пикетныхъ пунктовъ по Шекснѣ, на 400 верстахъ, было 30. Обязанность пикетныхъ служителей, состоящая, по существу дѣла, въ наблюденіи за скорымъ зарываніемъ труповъ наемными людьми и за тѣмъ, чтобы коноводы не бросали труповъ въ рѣку, приняла характеръ исполнительный. Они сами обязаны ловить плывущіе трупы, вытаскивать изъ воды и зарывать ихъ, а также и трупы лошадей, павшихъ на бичевникѣ. За всѣ эти не особенно легкія обязанности, соединенныя съ большимъ рискомъ самому заразиться лошадиной болѣнью и пасть въ теченіи однихъ сутокъ, служитель получалъ жалованья въ мѣсяцъ 4 руб. 28½ коп. до 6-ти рублей. Жалованье, какъ видите, не особенно велико, если станемъ сравнивать его съ другими родами службы! Въ утѣшеніе чиновниковъ, жалующихся на недостатки и на тяжесть службы, приведемъ здѣсь цѣликомъ описаніе шекснинскаго карантина, на которомъ служатъ люди за четыре рубля двадцать восемь *съ половиною* коп. въ мѣсяцъ.

«Въ мѣстахъ, гдѣ бываетъ большое накопленіе лошадей, какъ въ Ниловицахъ, Топорнѣ и проч., отведены особыя мѣста для больныхъ лошадей и зарыванія павшихъ. Эти мѣста называются *карантинами;* но они не только не соотвѣтствуютъ своему назначенію, а напротивъ, ихъ положительно можно считать, въ настоящемъ ихъ видѣ, *разсадниками заразы.* Больныя лошади не всегда стояли отдѣльно отъ могилъ, подъ навѣсомъ. Рѣдкій навѣсъ покрытъ былъ тесомъ и съ боковъ завѣшенъ рогожами; по большей части помѣщенія состояли изъ столбовъ, сверху и по сторонамъ прикрытыхъ хворостомъ, съ двумя большими отверстіями для ввода лошадей и вытаскиванія труповъ. Въ немногихъ карантинахъ лошадямъ отпускалось сѣно; большею частію онѣ или выгонялись на траву, или прямо отводились къ могиламъ, въ отведенный участокъ, огороженный жердями или плетнемъ; тамъ лошади бродили по изрытымъ могиламъ и щипали траву, если ее находили. Въ больницѣ ниловицкаго карантина найдено 75 больныхъ лошадей и 13 заведенныхъ на могилы въ предсмертномъ состояніи, которыя были привязаны въ разныхъ мѣстахъ у изгороди, въ ожиданіи близкой смерти. Все пространство было изрыто могилами

и еще лежало 42 незарытыхъ трупа; изъ нихъ нѣкоторые подверглись уже гнилостному разложенію. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ люди, усталые, покрытые пòтомъ, усердно занимались уборкой, но постоянный наплывъ больныхъ лошадей и труповъ лишалъ ихъ отдыха; только ожиганіемъ можжевельника они сколько нибудь предохраняли себя отъ нестерпимаго смрада, особенно вечеромъ».

Но, кто-же однако ухитрился превратить этотъ главнѣйшій въ государствѣ водяной путь, на который истрачены когда-то милліоны денегъ, въ царство смерти?

Никто тутъ не хитрилъ, а просто все сдѣлалось само собою, потому что, само собою разумѣется, никогда ничего здѣсь никѣмъ не дѣлалось, а получались только ежегодно 400 тысячъ на ремонтъ, которыя, конечно, и шли на ремонтъ. Коммисія замѣтила нѣкоторые участки на Шекснѣ, постоянно затопляемые водою, такъ что даже въ самое сухое лѣто, при низкой водѣ въ рѣкѣ, на бичевникѣ жидкая грязь по колѣна, а объ густой ужь и не говорится! Отыскали на бичевникѣ мѣстности, должно полагать, очень живописныя, но не весьма удобныя какъ для лошадей, такъ и для служителей. Начиная съ 3-го участка, со впаденія рѣки Ковжи, грунтъ почвы глинистый, торфяной и берегъ покрытъ лѣсомъ вплоть до воды. Далѣе мѣстность до крайности болотиста, низменна и, начиная съ самыхъ береговъ, заросла густымъ лѣсомъ, вѣтви котораго погружены въ воду и гніютъ (а кому нужда ихъ обрубать-то?). Въ мѣстности этой воздухъ необыкновенно сырой и вмѣстѣ теплый, а отъ гніенія растеній удушливый... (настоящая русская Кайена). «Здѣсь миріады оводовъ, слѣпней и другихъ насѣкомыхъ ни на минуту не даютъ покоя тягловымъ лошадямъ. Здѣсь ежегодно сибирская язва развивается раньше и принимаетъ самые большіе размѣры».

Коммисія хотя и открыла недалеко отъ Петербурга русскую Кайену, но особенной пользы дѣлу принести не могла, потому что многія изъ ея мнѣній встрѣтили довольно сильный отпоръ со стороны туземцевъ. Коммисія, напримѣръ, заявила, что не худо бы на бичевникахъ имѣть порядочныхъ ветеринаровъ, которые бы предпринимали мѣры къ излеченію лошадей, теперь обреченныхъ на смерть, и, вообще, не давали бы болѣзни принимать слишкомъ ужь свирѣпый характеръ, но предсѣдатель череповской земской управы, въ качествѣ представителя мѣстныхъ интересовъ, возразилъ, что онъ весьма сомнѣвается въ пользѣ ветеринаровъ вообще, а при леченіи сибирской язвы въ особенности. «Въ Череповскомъ уѣздѣ во время эпизоотіи наняли ветеринара, но отъ него толку никакого не было», заявилъ предсѣдатель управы, на чтò даже весьегонскій земскій исправникъ Худоровичъ сдѣлалъ ему основательное возраженіе, поддержанное самимъ директоромъ медицинскаго департамента, которому казалось, что ветеринары были

бы очень полезны не только заболѣвающему скоту, но и людямъ. Принимая въ соображенie всеобщую бѣдность, дѣйствительно не худо бы у насъ завести по селамъ и деревнямъ, вмѣсто дорогихъ медиковъ, хотя бы ветеринаровъ, которые бы вразъ лечили и скотовъ и людей: все-таки несравненно лучше, чѣмъ ничего. Г. Пеликанъ высказалъ увѣренность въ готовности новгородскаго земства къ наилучшему устройству сельской медицины, и имѣлъ, разумѣется, основанiе это высказать. Дѣйствительно, новгородское земство, при самомъ своемъ открытiи, ассигновало 30 тысячъ рублей на мѣры противъ эпизоотiи, но черезъ три года сумма эта убавилась до 1,300 рублей, а въ прошломъ году, по бѣдности, ровно ничего ужъ не было ассигновано. Коммисiя заявила, что не худо бы лошадиную тягу замѣнить паровой силой, но и здѣсь встрѣтила сильный отпоръ со стороны члена мологской управы, г. Кознакова, который, опираясь на свое близкое знакомство съ мѣстными условiями, заявилъ, что, въ случаѣ замѣны лошадиной силы паромъ, мѣстные жители должны ожидать еще бо̀льшее бѣдствiе отъ морозовъ, чѣмъ отъ сибирской язвы. Основательнѣе всѣхъ было мнѣнiе новгородскаго старшаго ветеринарнаго врача г. Реута, заявившаго, что, по его мнѣнiю, для ограниченiя распространенiя сибирской язвы на бичевникахъ, «было бы полезно воспретить конную тягу судовъ съ 15-го iюня по 15-е iюля», но и эта радикальная мѣра признана не совсѣмъ удобною. Оказалось, что главное движенiе карава́новъ съ хлѣбомъ именно и происходитъ въ тотъ промежутокъ времени, въ которое г. Реутъ предлагаетъ прекратить всякое движенiе. Положимъ, что сибирская язва и прекратилась бы, но за то прекратился бы и подвозъ хлѣба въ Петербургъ.

Такимъ образомъ, труды коммисiи особенной пользы марiинской системѣ не принесли, такъ что вопросъ объ ея улучшенiи можно считать серьёзно поднятымъ только съ 29-го января текущаго года, послѣ доклада графа Бобринскаго и высочайшаго повелѣнiя объ учрежденiи при министерствѣ путей сообщенiя спецiальнаго комитета для всесторонняго его обсужденiя. Оказалось, что, несмотря на ежегодно затрачиваемыя 400 тысячъ на ремонтъ, марiинскiй водяной путь, для приведенiя его въ годное состоянiе, требуетъ единовременной затраты мильйоновъ въ десять. Въ случаѣ, еслибы правительство затруднилось сдѣлать такую затрату, наши купцы-хлѣботорговцы принимаютъ ее на себя, что̀ и выражено ими въ поданномъ прошенiи, въ которомъ говорится, что «купечество, подписавшее прошенiе, принимаетъ на себя обязанность собрать капиталъ и *устроить путь на тѣхъ началахъ, какiя, по обоюдному соглашенiю съ правительствомъ, выработаны будутъ*, нисколько не разсчитывая въ этомъ отношенiи на особенно выгодное помѣщенiе капитала, а имѣя въ виду государственную пользу, при полномъ убѣжденiи, что и правительство не по-

желаетъ тяжелыхъ затратъ невозвратно, и окажетъ, въ случаѣ надобности, возможное пособіе».

Такъ-какъ у насъ вошло въ обычай всѣ, сколько-нибудь важные вопросы предварительно обсуждать публично, то и о передачѣ маріинскаго пути въ руки частной компаніи поднялись публичныя пренія въ «обществѣ содѣйствія торговлѣ и промышленности». Что, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ какъ-нибудь извлечь этотъ важный торговый путь изъ-подъ казеннаго управленія—объ этомъ и спору нѣтъ, потому что каждому ясно; но за то нашли *нужнымъ* поспорить о томъ, что̀ выгоднѣе: поручить ли это *дѣло* компаніи на акціяхъ, по общеевропейскому обычаю, или, порусски, сдать работы какъ бы на подрядъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, которыя будутъ именоваться *обществомъ судовщиковъ?* За акціонерный способъ стоитъ вся Европа и большинство русскаго купечества, заинтересованнаго въ дѣлѣ, а старинную русскую, хотя и улучшенную и измѣненную систему отдачи съ торговъ отстаиваютъ нѣкоторые судовщики, во главѣ которыхъ стоятъ такія крупныя личности, какъ, напримѣръ, гг. Шиповъ, Брылкинъ и Мельниковъ, достаточно уже успѣвшіе прославиться на публичныхъ преніяхъ. Объ акціонерномъ обществѣ нечего и говорить, потому что каждому извѣстно, какъ они организуются; но вотъ проектируемое общество судовщиковъ дѣйствительно представляетъ собою нѣчто совершенно новое, небывалое, нѣчто въ родѣ совсѣмъ уже обрусѣвшей компаніи на акціяхъ. Собираются, изволите ли видѣть, нѣсколько владѣльцевъ судовъ, плавающихъ по маріинскому пути, и, прежде всего, берутъ отъ правительства тѣ самыя 400 тысячъ рублей въ годъ, которыя и до сей поры расходовались казною понапрасну. Получивши эти 400 тясячъ, общество начинаетъ выпрашивать у правительства такъ-называемые *авансы*, то-есть деньгами же, но уже въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Такъ-какъ «общество судовщиковъ» тѣмъ именно и отличается отъ обыкновенныхъ акціонерныхъ обществъ, что оно не затрачиваетъ на предпріятіе *сво*ихъ собственныхъ денегъ ни копейки, то правительство долж*но* для него выпустить облигацій мильйоновъ, эдакъ, на шесть, на семь, общество же, изъ доходовъ съ исправленнаго пути, будетъ выплачивать правительству проценты по облигаціямъ, если, впрочемъ, доходы окажутся удовлетворительными. Въ случаѣ, если доходы окажутся недостаточными для уплаты процентовъ по облигаціямъ, то казна обязана платить ихъ опять-таки изъ своихъ же собственныхъ средствъ. Главнѣйшее достоинство этого, вновь изобрѣтеннаго *общества безъ акцій* заключается, по мнѣнію изобрѣтателей, въ томъ, что оно не допускаетъ монополіи, которая возможна при акціонерныхъ обществахъ. Стоитъ только богачу-мильйонеру скупить всѣ, или бо̀льшую часть акцій, — вотъ онъ и монополистъ; при новомъ же способѣ разъ пріобрѣтенная монополія

не можетъ ни подъ какимъ видомъ перейти въ стороннія руки, а остается вѣчно, наслѣдственно только лишь въ тѣхъ родахъ и фамиліяхъ, которые ее первоначально получили.

Изо всего вышеизложеннаго читатель видитъ, что вновь изобрѣтенный видъ акціонернаго общества, въ сущности, по основной мысли, не заключаетъ въ себѣ ровно ничего дѣйствительно новаго, потому что самый вопросъ о наслѣдственности привиллегій и монополій принадлежитъ къ разряду самыхъ старыхъ, давно уже разрѣшенныхъ вопросовъ. Это то же самое, что и стремленіе крѣпостниковъ удержать за собою званіе *покровителей*, *блюстителей* и *начальниковъ* надъ *свободными* сельскими обществами. Во всѣхъ этихъ, повидимому, совершенно новыхъ проявленіяхъ нашей общественной жизни мы находимъ лишь подтвержденіе стариннаго изрѣченія, ненуждающагося въ подтвержденіи, а именно, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, и что однѣ и тѣ же причины производятъ одинаковыя послѣдствія...

Заявленный газетами еще съ мѣсяцъ тому назадъ слухъ о предполагаемомъ, будто бы, усиленіи губернаторской власти, все еще продолжаетъ занимать, если не публику, то, по крайней-мѣрѣ, газеты, хотя оффиціальнымъ путемъ ровно ничего еще неизвѣстно, усилится ли губернаторская власть, или прежніе размѣры ихъ власти будутъ признаны вполнѣ достаточными. Намъ неизвѣстно, съ удовольствіемъ ли или безъ удовольствія встрѣченъ былъ этотъ слухъ самими губернаторами и ихъ правителями, но что касается до публики и журналистики, то какъ та, такъ и другая отнеслись къ слуху недружелюбно, громко высказывая, что губернаторамъ бы черезчуръ довольно и той власти, которою они до сей поры пользовались. Публика и журналистика, разсуждая объ усиленіи губернаторской власти, мало-по-малу приходили къ такимъ выводамъ, что губернаторы, заручившись новою властью издавать мѣстныя распоряженія, «имѣющія силу закона», чего добраго, кое-гдѣ уничтожатъ и тѣ слабые зародыши самоуправленія и гласнаго суда, которыми мы только что заручились; но такой взглядъ на новый проектъ оказывается ошибочнымъ. Теперь оказывается, что проектъ имѣлъ въ виду вовсе не ослабленіе самостоятельности провинцій, а, напротивъ, усиленіе или увеличеніе этой самостоятельности. Предполагалось, что если въ каждой провинціи будетъ находиться одна такая личность, которая, никого не спрашивая, можетъ дѣлать все, что̀ хочетъ, то, значитъ, и вся провинція будетъ чувствовать нѣкоторый просторъ и свободу. Если предположить, что власть есть нѣчто вещественное, осязаемое, нѣчто въ родѣ, напримѣръ, золота, серебра или какого-нибудь вообще цѣннаго товара, то вышеизложенный взглядъ можетъ показаться совершенно правильнымъ. Если, напримѣръ, въ какой-нибудь губернскій городъ прислали бы вдругъ откуда-нибудь милліоновъ десять рублей

золотою монетою, то каждый бы имѣлъ право сказать, что въ этомъ губернскомъ городѣ золота много, хотя, съ другой стороны, городъ остался бы все-таки ни при чемъ въ томъ случаѣ, еслибы всѣ эти груды золота находились въ полномъ распоряженіи одного только богача-мильйонера.

Какъ бы тамъ, впрочемъ, ни было, а у насъ съ незапамятныхъ временъ существуетъ такой взглядъ на вещи, что если въ какомъ-нибудь городѣ, напримѣръ, живутъ два-три мильйонера, то и самый городъ считается богатымъ и торговымъ, хотя бы всѣ остальные его обитатели питались нищенскими подачками отъ двухъ-трехъ мильйонеровъ. У насъ очень многіе еще думаютъ, что если предсѣдателю окружнаго суда или земскаго собранія предоставить такую власть, пользуясь которой, онъ могъ бы однимъ мановеніемъ руки выгнать изъ залы засѣданія всѣхъ присяжныхъ засѣдателей и гласныхъ, то это обстоятельство можетъ служить вѣрнымъ признакомъ самостоятельности окружныхъ судовъ и земскихъ собраній. Доказательствомъ правильности всего высказаннаго мною можетъ служить то, всѣми, вѣроятно, замѣченное явленіе, что у насъ почти повсемѣстно въ городскіе головы, въ представители сословій, въ предсѣдатели земскихъ собраній всегда выбираютъ такихъ важныхъ господъ, на которыхъ даже издали смотрѣть страшно. «Вотъ у насъ предсѣдатель, такъ предсѣдатель!» хвалится иной гражданинъ при встрѣчѣ съ гражданиномъ другой мѣстности. «Передъ нимъ стоишь на вытяжку, какъ солдатъ предъ генераломъ; дрожь тебя такъ и пробираетъ; а у васъ что?» — «Нѣтъ, вѣдь и у насъ тоже, братъ...», обидчиво возражаетъ гражданинъ другой мѣстности, но въ самомъ началѣ защитительной рѣчи прерывается рѣзкой фразой противника: «ну, куда ему супротивъ нашего!»

Въ очень еще неотдаленныя отъ насъ времена крѣпостные и въ особенности дворовые люди тоже хвалились другъ предъ другомъ относительной важностію своихъ господъ; господа же, въ свою очередь, гордились важностію своихъ предводителей, которые не всѣхъ даже въ лакейскую впускали; что же въ томъ необыкновеннаго, если наши привычки сохранились и теперь въ цѣлости и неприкосновенности? Не нужно забывать, что мы живемъ въ эпоху переходную, переживаемъ такія времена, когда новаго ничего не говорится, а все только повторяется старое, лѣтъ десять тому назадъ уже сказанное, чему вѣрнымъ доказательствомъ можетъ служить недавно вступившій въ продажу трудъ г. Скребицкаго, о которомъ мы уже говорили.

Въ ожиданіи какихъ либо новыхъ распоряженій *сверху*, общество наше *снизу* все уже устроило у себя такъ, какъ ему хотѣлось; и если мы потрудимся пристально взглянуть на результаты его хлопотъ, то сейчасъ же увидимъ, что проектъ объ усиленіи губернаторской власти вовсе этому обществу не такъ

противенъ, какъ это кажется съ перваго раза. Гдѣ вы, напримѣръ, отъищете хотя одну такую городскую думу, въ которой бы предложеніе головы не было принято единогласно, или большинствомъ, хотя бы это предложеніе очень многимъ приходилось не по вкусу? Гдѣ вы отъищете такое земское собраніе, въ которомъ бы предложеніе предсѣдателя, какъ бы оно ни было странно, было хотя разъ забаллотировано? Нигдѣ не отъищете, не трудитесь и отъискивать, потому что на предсѣдателя всѣ смотрятъ какъ на начальника, который жестоко оскорбится и разгнѣвается, если кто осмѣлится думать по своему. Протесты бываютъ, но ихъ такъ мало, что и упоминать не стоитъ. Какой-же, послѣ этого, смыслъ въ нашихъ выборныхъ должностяхъ? Не похожи-ли и теперь, какъ двѣ капли воды, наши выборные обществомъ предсѣдатели на присланныхъ сверху начальниковъ съ усиленной властью?

За примѣрами ходить недалеко. Передо мною лежатъ новые, только что полученные журналы земскихъ собраній, изъ которыхъ мы возьмемъ, хотя немногое, но самое интересное.

Читателю небезъизвѣстно, что въ настоящее всемя все вниманіе нашихъ земскихъ дѣятелей сосредоточено на желѣзныхъ дорогахъ, на которыя они надѣются, какъ на манну небесную. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ народъ чуть не съ голоду мретъ; въ одной губерніи не хватаетъ до милліона четвертей хлѣба на пропитаніе до новаго урожая; деревни горятъ такъ часто, что, сверхъ страховыхъ взносовъ, приходится еще добывать откуда бы то ни было сотню тысячъ, чтобы только вознаградить пожарные убытки, а представители народныхъ интересовъ только и думаютъ о желѣзныхъ дорогахъ. «Пройдетъ дорога чрезъ нашъ городъ—говорятъ представители—и дома сейчасъ всѣмъ погорѣвшимъ сами собою выстроятся и хлѣбъ явится», хотя никому неизвѣстно, откуда именно онъ явится. Желѣзныя дороги, сами по себѣ, разумѣется вещь, хорошая, но вотъ что нехорошо: въ Казанской губерніи, напримѣръ, по собраннымъ управами свѣдѣніямъ, крестьянамъ не хватаетъ въ текущемъ году на пропитаніе 900 тысячъ четвертей хлѣба, а между тѣмъ на послѣднемъ губернскомъ собраніи, по предложенію предсѣдателя, тамъ вновь выбраны три депутата для хлопотъ въ Петербургѣ о желѣзной дорогѣ *и каждому депутату положено жалованье по 500 рублей въ мѣсяцъ*, т.-е. внесено въ смѣту лишнихъ 18,000 рублей въ годъ . Цифра и сама по себѣ не малая, но если мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности, то увидимъ, что потеря такой суммы еще чувствительнѣе. Выбранные на текущій годъ депутаты и въ прошедшемъ году были въ Петербургѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, происходили публичныя пренія о сибирской дорогѣ. Любопытно было бы узнать: что̀ сдѣлали казанскіе депутаты? Отчеты о засѣданіяхъ въ «обществѣ содѣйствія торг. и пром » печатались во всѣхъ газетахъ: не заявили ли тамъ казанскіе депутаты чего нибудь существен-

наго въ пользу отстаиваемой ими линіи? Сколько ни напрягаю память, ничего не могу припомнить, и очень понятно, почему. Потому, что казанскіе депутаты ничего замѣчательнаго не сказали, да и вообще говорили очень мало. Спрашивается: зачѣмъ же они опять поѣдутъ въ Петербургъ и за что именно будутъ получать каждый по 500 рублей въ мѣсяцъ земскихъ денегъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ журналахъ казанскаго губернскаго собранія. «Всякій другой *проектъ*, *обходящій* (?) г. Казань—сказано въ журналѣ - нанесъ бы чувствительный ударъ промышленному развитію губерніи, что не могло бы ни въ какомъ случаѣ *благотворно* отозваться вообще на нашей торговлѣ съ Азіей, почему необходимо принять всѣ мѣры... По мнѣнію комитета, для этого слѣдуетъ *обратиться съ просьбою къ лицамъ вліятельнымъ на рѣшеніе вопроса* и избрать вновь депутацію, *чтобы напомнить тѣ выгоды*, которыя соединены для торговли съ проведеніемъ пути чрезъ Казань». Въ то время, когда я писалъ эти строки, принесли ко мнѣ «Московск. Вѣд.», въ которыхъ напечатано: «Изъ достовѣрнаго источника, мы узнали, что, по предложенію министра путей сообщенія, желѣзно-дорожный комитетъ постановилъ отправить въ Закамскій край особую коммисію, которой поручено будетъ, подробно ознакомившись съ топографическими, торговыми и промышленными условіями тѣхъ мѣстностей, опредѣлить затѣмъ окончательно линію, по которой должна быть проведена рѣшенная въ принципѣ будущая сибирская дорога. Коммисія эта, какъ слышно, будетъ состоять изъ представителей министерства путей сообщенія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, удѣловъ и государственныхъ имуществъ».

Неужели и послѣ этого извѣстія казанцы все-таки пошлютъ своихъ драгоцѣнныхъ депутатовъ въ Петербургъ, съ цѣлью «*напомнить вліятельнымъ лицамъ о выгодахъ*» и проч.? Вѣдь это, какъ хотите, а напоминаетъ отношенія къ судебному слѣдователю нашего неразвитаго крестьянина, который ни подъ какимъ видомъ не повѣритъ, что судебному слѣдователю нужны только одни факты!

И такъ, вы видите, что казанскіе депутаты разсчитываютъ вовсе не на силу фактовъ, доказывающихъ преимущества того или другого направленія дороги, а на что-то другое, весьма сомнительное, прямо указывающее на несостоятельность фактическихъ данныхъ. Трудно при подобныхъ условіяхъ разсчитывать, чтобы 18 тысячъ земскихъ денегъ, ассигнованныя на жалованье депутатамъ, принесли существенную пользу казанскому населенію, нуждающемуся въ хлѣбѣ! Другимъ постановленіемъ собранія (но уже не единогласнымъ) ассигновано 1,400 рублей земскихъ денегъ на перенесеніе памятника Державину съ университетскаго двора на площадь предъ дворянскимъ собраніемъ. Противъ этого постановленія нѣкоторые гласные возражали, хотя и безуспѣшно, такъ что ихъ, на здра-

вомъ смыслѣ основанное мнѣніе, осталось *отдѣльнымъ* мнѣніемъ. «По сужденію моему—сказалъ одинъ изъ протестантовъ—собраніе не имѣетъ права обращать земскія деньги на столь непроизводительный расходъ, какъ перенесеніе съ одного мѣста на другое памятника мужа, существованіе коего совершенно неизвѣстно многимъ плательщикамъ сборовъ». Это еще, по моему, хорошо, что существованіе Державина многимъ плательщикамъ покуда неизвѣстно. Хуже было бы, еслибъ мужики-плательщики узнали, что они на свои деньги перетаскиваютъ изображеніе того самаго «мужа», который про нихъ же, плательщиковъ, пѣлъ когда-то:

Умолкни чернь непросвѣщенна
И презираемая мной!

Каждаго сторонняго даже человѣка, совершенно хладнокровно относящагося къ самымъ нелѣпѣйшимъ явленіямъ нашей общественной жизни, все-таки, мнѣ кажется, не можетъ не поразить такая страшная несообразность. Что жь это такое, въ самомъ дѣлѣ? Чуть только заведутъ рѣчь о необходимыхъ народу предметахъ, напримѣръ, о медицинѣ, о путяхъ сообщенія и т. п. — сейчасъ оказывается, что денегъ нѣтъ, пусть-де, покуда, мрутъ отъ простыхъ лихорадокъ и тонутъ на переправахъ: успѣемъ еще! Но вотъ, какъ скоро какому-нибудь дворянину залѣзла въ голову мысль о перетаскиваніи съ мѣста на мѣсто никому ненужной статуи, сейчасъ и деньги нашлись: возьмемъ, молъ, съ мужика; велики ли деньги полторы тысячи? Въ той же самой губерніи, представители которой не стѣсняются на вѣтеръ бросать по двадцати тысячъ общественныхъ денегъ, по оффиціальному заявленію съѣзда мировыхъ судей, приговариваемыя къ аресту мировыми судьями лица *помѣщаются въ полицейской арестантской камерѣ вмѣстѣ, безъ различія возраста и пола* (Журналъ Лаишевск. уѣздн. собр.), а на мостахъ по бойкому проѣзжему тракту находятся половицы *достаточно уже сгнившія!* На продовольствіе голоднаго народа суммъ не хватаетъ, а если, напримѣръ, одинъ изъ *драгоцѣнныхъ* желѣзнодорожныхъ депутатовъ, хотя по домашнимъ своимъ обстоятельствамъ, прожилъ бы въ Петербургѣ лишній мѣсяцъ, ему исправно, аккуратно заплатятъ, разумѣется, за этотъ мѣсяцъ земскими деньгами, хотя онъ, разумѣется, въ одиночку ровно ничего хорошаго и полезнаго не могъ тамъ сдѣлать, еслибы даже умѣлъ и хотѣлъ! Странно, очень странно, но тѣмъ не менѣе понятно: причины объяснены выше.

Въ то самое время, когда наши выборныя, общественныя управленія бросаютъ общественныя денежки зря, на вѣтеръ, въ Петербургѣ нѣтъ-нѣтъ, да и устроится что-нибудь дѣйствительно полезное и недорого-стоющее: я говорю объ организующемся у насъ обществѣ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютахъ для малолѣтныхъ дѣтей арестантовъ и вообще бро-

дягъ, неимѣющихъ куска хлѣба и пристанища. За границей, напримѣръ, во Франціи, подобныя колоніи и пріюты не новость: они существуютъ тамъ уже съ 1817 года (основателемъ первой колоніи былъ аббатъ Арну), но особенною извѣстностью они начали пользоваться лишь съ 1839 года, когда Демесъ съ виконтомъ Декуртейлемъ устроили земледѣльческую колонію въ Меттрэ. Успѣхи этой колоніи такъ были велики, что національное собраніе, черезъ десять лѣтъ послѣ ея основанія, издало законъ, по которому воспитаніе всѣхъ малолѣтныхъ преступниковъ предоставлено исключительно только подобнаго рода колоніямъ. Стоютъ или не стоютъ земледѣльческія колоніи вниманія публики, это видно изъ того, что въ теченіе своего недолговременнаго существованія во Франціи, до 1866 года, онѣ спасли *болѣе 10,000 дѣтей*, которые, вмѣсто неминуемой погибели въ нищетѣ, въ порокѣ и невѣжествѣ, сдѣлались *честными и полезными людьми.*

Въ 1866 году въ Петербургѣ появилась маленькая брошюрка «О земледѣл. колоніяхъ и ремесленныхъ пріютахъ» и распространились слухи, будто у насъ первая такая колонія будетъ устроена въ селѣ Грузино (Новгород. губ.), которое, почему-то, найдено особенно удобнымъ. Наконецъ, 15-го января нынѣшняго года министромъ вн. дѣлъ утвержденъ уставъ колоній и пріютовъ и немедленно составилось общество учредителей почти изъ трехсотъ членовъ, фамиліи которыхъ напечатаны въ брошюркѣ: «Уставъ общества землед. колоній и ремесленныхъ пріютовъ. С.-пб. 1870 г.»

Цѣль нашего общества та же, что и заграницей: спасать отъ неминуемой гибели голодныхъ, безпріютныхъ дѣтей, причемъ не будутъ обращать вниманія на то, успѣли ли сами спасаемые дѣти украсть уже что-нибудь подъ вліяніемъ голода, или не успѣли. Предполагается — и совершенно основательно предполагается — что, если безпріютные, голодные дѣти и не успѣли сами еще сдѣлаться воришками и, вообще, впасть въ пороки, то они непремѣнно впадутъ въ нихъ, если будутъ оставлены на произволъ судьбы, потому что голодъ и окружающая среда свое возьмутъ. Земледѣльческія колоніи (исключительно, впрочемъ, для однихъ мальчиковъ) предполагается устроить сначала, въ видѣ опыта, близь Петербурга и Москвы. Общество принимаетъ на себя заботы объ участи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и бродягъ, приговоренныхъ судомъ къ тюремному заключенію на срокъ (въ нашемъ окружномъ судѣ было уже не мало экземпляровъ двѣнадцати и тринадцатилѣтнихъ *преступниковъ*), а также несовершеннолѣтнихъ нищихъ и сиротъ, неимѣющихъ пріюта. Уже изъ приведенной статьи «устава» читатель видитъ, что колоніи наши должны быть устроены, на первыхъ же порахъ, въ большихъ размѣрахъ, такъ-какъ въ Петербургѣ и Москвѣ безпріютныхъ дѣтей множество, несмотря на большое количество дѣтскихъ пріютовъ. Средства возникающаго общества обра-

зуются: 1) изъ ежегодныхъ взносовъ его членовъ и единовременныхъ пожертвованій (въ настоящее время числится уже 273 члена-учредителя); 2) изъ платежей, которые будутъ поступать отъ посторонних лицъ и учрежденій, а также отъ попечительныхъ о тюрьмахъ комитетовъ за содержаніе въ колоніяхъ и пріютахъ питомцевъ, которые, иначе, должны бы содержаться въ тюрьмахъ; 3) изъ доходовъ отъ продажи хозяйственныхъ произведеній колоніи, и 4) изъ сборовъ отъ устраиваемыхъ въ пользу общества лотерей, выставокъ, спектаклей, концертовъ (на дняхъ будетъ съ этою именно цѣлью данъ концертъ Балакирева). Управленіе дѣлами общества сосредоточивается въ рукахъ комитета изъ шести членовъ, избираемыхъ на три года, и общаго собранія, которыя бываютъ обыкновенныя одинъ разъ въ годъ, въ январѣ, и чрезвычайныя. Однимъ словомъ, комитеты эти будутъ играть роль земскихъ управъ по отношенію ихъ къ земскимъ собраніямъ: желательно было бы, чтобы эти комитеты и собранія не обрусѣли такъ же скоро, какъ успѣли уже обрусѣть земскія управы и собранія, изъ которыхъ на практикѣ вышло вовсе не то, что напечатано въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ. Успѣхъ или неуспѣхъ колоній единственно будетъ зависѣть отъ того, какіе люди попадутъ въ нихъ распорядители и руководители. *Сердечное участіе* къ дѣлу со стороны руководителей здѣсь точно такъ же необходимо, какъ, напримѣръ, знаніе химіи человѣку, занимающемуся химическими опытами, и знаніе математики—астроному. Даже знаменитая колонія въ Меттрэ чуть-было совсѣмъ не погибла и не распалась изъ-за того только, что одно время выборъ директора оказался неудачнымъ: едва успѣли спасти назначеніемъ новаго, способнаго и, главное, добраго человѣка. Назначь только директоромъ и его помощниками чиновниковъ-формалистовъ, или заскорузлыхъ педагоговъ старинной школы, которые на своихъ питомцевъ станутъ смотрѣть, съ высоты своего величія, какъ на неисправимыхъ негодяевъ,—новое учрежденіе непремѣнно погибнетъ во цвѣтѣ лѣтъ, завянетъ не распустившись, какъ цвѣтокъ на морозѣ. Нисколько не исправившіеся, озлобленные питомцы, выбравъ удачный моментъ, обокрадутъ, по старой памяти, своего ненавистнаго начальника и разбѣгутся въ разныя стороны,—тѣмъ вся комедія и кончится, что̀ было бы до крайности обидно. Изъ устава видно, что впослѣдствіи, въ случаѣ удачи, въ колоніи будутъ приниматься и дѣвочки: вотъ бы обширное-то поле открылось для дѣятельности женщинъ, въ настоящее время напрасно ищущихъ себѣ работы, которая для нихъ еще не приготовлена. По примѣру столицъ, впослѣдствіи земледѣльческія колоніи для дѣтей обоего пола начали бы открываться и въ провинціяхъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и кругъ женской дѣятельности расширялся бы все болѣе и болѣе, и притомъ, такого рода дѣятельности, способности женщины къ которой, даже у насъ никѣмъ не отвергаются. Мнѣ самому не

разъ случалось слышать громкія жалобы зрѣлыхъ мужей на то, что жены оказываютъ на нихъ слишкомъ слабое нравственное вліяніе. «Будь у меня жена женщина развитая, говоритъ иной совершенно зрѣлый и иногда даже съ круга спившійся мужъ:— не такимъ бы я былъ, каковъ теперь! Образованная женщина какъ-то умѣетъ сглаживать всѣ эти, знаете, неровности, шероховатости въ мужнином характерѣ...» Такія разсужденія ясно доказываютъ, что педагогическія способности въ женщинахъ никѣмъ не отвергаются; и, если дѣйствительно есть такія, которыя ухитряются сглаживать шероховатости въ характерѣ спившагося мужа, то съ несовершеннолѣтними обоего пола, впавшими въ пороки и преступленія, онѣ ужь и подавно съумѣютъ справиться!

И надобно отдать полную справедливость нашимъ, по крайнѣй мѣрѣ петербургскимъ женщинамъ: онѣ не дремлютъ въ ожиданіи предстоящей имъ дѣятельности. Лекціи, читаемыя въ кабинетѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, какъ читателю уже изъ газетъ извѣстно, посѣщаются женскимъ поломъ весьма исправно, и, еслибы въ кабинетѣ мѣстъ было побольше, то и слушательницъ было бы больше. Клубная зала, въ которой читаетъ лекціи профессоръ Сѣченовъ, наполовину наполняется тоже женщинами, хотя и мужчины не безъ удовольствія начинаютъ вслушиваться, что и у нихъ, какъ у барановъ каляхъ, есть тоже легкія и почки. Наконецъ, женщины начинаютъ сами поучать съ каѳедры: г-жа Водовозова по воскреснымъ днямъ знакомитъ публику съ Фребелемъ. Почти въ одно время съ г. Водовозовой, и въ Варшавѣ г-жа Марчевская прочитала одну лекцію, подъ заглавіемъ: «женщина женщиной». Заглавіе, какъ видите, довольно странное, сильно напоминающее крестьянскую старинную поговорку: «баба, такъ баба она и есть». Впрочемъ, какъ слышно, г-жа Марчевская именно и развивала мысль, выраженную приведенной поговоркой, доказывая; что женщина исключительно обязана родить дѣтей и кормить ихъ, такъ-какъ у мужчинъ молока не имѣется. Мысль, безъ сомнѣнія, правильная, но едва-ли стоило ее развивать публично, съ каѳедры, такъ-какъ она давно уже всѣмъ извѣстна. Носится еще слухъ, что медицинскій совѣтъ нашелъ возможнымъ допустить женщинъ къ слушанію медицинскихъ лекцій въ академіи и называться по окончаніи курса «учеными акушерками».

Все это очень утѣшительно, въ особенности у насъ, въ Россіи, крайне нуждающейся въ дѣловыхъ людяхъ, будь это женщины, или мужчины, но вотъ что странно: Намъ сообщали за достовѣрное — говоритъ газета «Недѣля» — что класснымъ дамамъ и преподавательницамъ петербургскихъ женскихъ гимназій строжайше запрещено, подъ опасеніемъ удаленія отъ должности, посѣщать публичныя лекціи, читаемыя профессорами университета; такое же запрещеніе распространено и на воспи-

танницъ какъ гимназій, такъ и «педагогическихъ курсовъ», существующихъ при Маріинской женской гимназіи.

Что жъ это значитъ? Неужели же у насъ и лекціи читаютъ и школы заводятъ единственно съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи, шиворотъ на выворотъ, оказывать предпочтеніе безграмотнымъ предъ грамотными и неучамъ предъ учеными? Тутъ что-нибудь да не такъ, хотя дѣйствительно со стороны нѣкоторыхъ мужей были попытки оставить на вѣки вѣковъ, по рецепту г-жи Марчевской, «женщину женщиной», т.-е. въ качествѣ дойной коровы и кухарки. Вотъ, хотя бы господа нотаріусы, къ которымъ ищущіе куска хлѣба женщины обратились съ предложеніемъ своихъ услугъ. Допустили женщинъ только въ немногія конторы, и за то тѣ, которые допустили, не могутъ нахвалиться ихъ прилежаніемъ, что̀ очень понятно при невозможности женщинамъ «попасть въ дьячки, въ городовые и солдаты». Другіе нотаріусы, напротивъ, заявили, что *еще не свыклись съ мыслью допустить женщину къ занятіямъ*. (Сами не пускаютъ, а надѣются когда-нибудь *свыкнуться съ мыслью!* Айда гг. нотаріусы!). Попадались даже такіе нотаріусы, которые опасались назначеніемъ конторщицъ и присутствіемъ ихъ въ конторахъ набросить невыгодную тѣнь на репутацію конторы; находились при этомъ и упиравшіеся на уваженіе къ женщинѣ, находя, что присутствіе ея въ конторѣ, какъ зрительницы могущихъ быть столкновеній, должно ставить ихъ въ неловкое положеніе и, наконецъ, что присутствіе ея, какъ молодой личности, нарушитъ мирный покой молодыхъ людей, занятыхъ серьёзной и осторожной работой въ конторѣ. Словомъ, попытка женщинъ попасть въ конторщицы къ нотаріусамъ въ большинствѣ не встрѣтила сочувствія.

Впрочемъ, печалиться много нечего: дайте срокъ. Молодые конторщики, какъ видно, привыкли видѣть женщинъ только лишь на правомъ тротуарѣ Невскаго проспекта; слѣдовательно нужно дать имъ время оглядѣться нѣсколько. Нельзя же вразъ всего требовать: все была «женщина-женщиной» — и вдругъ въ конторщики! Въ послѣднихъ числахъ марта все вниманіе петербуржцевъ было сосредоточено на процессѣ объ убійствѣ фонъ-Зона, который отчасти замѣнилъ у насъ собою знаменитый французскій процессъ объ убійствѣ Нуара. Взбѣшенные французы, послѣ оправданія дикаго принца, начали серьёзно поговаривать объ общественной безопасности, объ учрежденіи общества «соединенныхъ дубинъ»; у насъ подобныхъ толковъ, разумѣется, не могло быть, но если вникнуть въ сущность зоновскаго дѣла, то и оно можетъ показаться въ достаточной степени серьёзнымъ, наводящимъ на нѣкоторыя соображенія не особенно утѣшительнаго свойства. Всѣ подсудимые, безъ исключенія — люди совсѣмъ еще молодые, съ физіономіями ребячьими: такъ вотъ и думается, что они недавно только перестали въ куклы играть; а, между тѣмъ, посмотрите-ка на

ихъ *дѣтскія* игры! Самый главный герой (бывшій воспитанникъ театральнаго училища) сильно интересуется, повидимому, химическими и, отчасти, физіологическими опытами: онъ занятъ химическими реактивами и опытами надъ кошками, но цѣль у него вовсе не научная, хотя бы легко могла быть и такою, еслибы онъ дѣйствительно учился химіи и физіологіи. Взбалтывая въ склянкѣ какой-то составъ, онъ хладнокровно говоритъ одной изъ своихъ помощницъ по лабораторіи: «ты можешь (изъ «Эльдорадо») привести *хорошаго* гостя, у котораго много денегъ или брильянтовъ: смѣсь эта и на человѣка имѣетъ такое же вліяніе, какъ на кошку!» — и лаборантки его слушаются. Никому не приходитъ въ голову возражать. О самомъ убійствѣ молодая дѣвушка разсказываетъ съ такимъ хладнокровіемъ, что даже дрожь прохватываетъ. «Пейте все разомъ! говорятъ имъ Максимъ Иванычъ. Я хотѣла чокнуться съ Зономъ, но они сказали: «вы не хотите ли меня отравить?» — «Что вы! сказали Максимъ Иванычъ: — сколько лѣтъ вы меня знаете, неужели я это сдѣлаю?» — «Ваши деньги найдутся!» утѣшаетъ несчастнаго старика молодой химикъ, а, вслѣдъ затѣмъ, начинаютъ старика душить и бить утюгомъ, приговаривая: «ты не такъ, дай-ка я: нужно такъ бить, чтобы кверху поднимался!» А какъ вамъ нравится, читатель, безъискусственный разсказъ Александры Авдѣевой, которую многіе, вѣроятно, не прочь считать закоренѣлой, опытной злодѣйкой? Прошу припомнить этотъ разсказъ, такъ-какъ онъ объясняетъ очень многое, кажущееся непонятнымъ.

«Мои родители были прежде крѣпостные Тульской губ., Алексинскаго уѣзда... Когда папаша вышелъ на волю, онъ женился на мамашѣ въ деревнѣ. Пріѣхали въ Петербургъ, я родилась здѣсь; воспитывалась за Краснымъ Селомъ у чухонъ, такъ-какъ они не имѣли средствъ содержать меня дома. Когда была двухъ лѣтъ, меня взяли и уѣхали въ Москву. Жили въ Москвѣ, сколько времени—не помню, потомъ поѣхали въ Тульскую губ., тамъ жили у родителей мамаши. Потомъ пріѣхали опять въ Петербургъ. Папаша померъ; меня отдали въ ученье, я была пять лѣтъ въ ученьи; когда дожила срокъ, перешла вмѣстѣ съ мамашей жить въ театральную дирекцію къ Цвѣтковымъ. Послѣ жила на Пескахъ, я въ горничныхъ. Уходила гулять, мнѣ было трудно, мамаша была очень строга, я убѣжала. Скрывалась два мѣсяца, такъ что мамаша никакъ не могла меня найти... Когда пришла въ Петербургъ, я не знала, гдѣ мнѣ ночевать. Убѣжала я въ одномъ платьѣ и большой платокъ былъ. Ходила по Петербургу; не помню, въ какой домъ зашла, и попросила дворника пустить ночевать. Онъ пустилъ меня на лѣстницу, тамъ я и ночевала. Мнѣ было очень холодно. Потомъ я продала платокъ и серьги, такъ-какъ не имѣла ничего кушать. Въ то время, какъ я была въ бѣгахъ, то, когда хотѣла кушать, купить было не за что,

я просила — мнѣ подавали, гдѣ денегъ, гдѣ хлѣба. Потомъ я сходила въ баню, чтобы идти въ церковь помолиться Богу, чтобы обратиться къ мамашѣ. Пошла къ Исакію. Мнѣ было холодно, я пришла къ Невѣ, хотѣла броситься въ воду, чтобы не показываться только мамашѣ. Выбрала мѣсто, подошла»...

Послѣ этого разсказа понятнымъ дѣлается, почему люди бросаются если не въ тотъ, такъ въ другой омутъ внизъ головой. Дѣло фонъ-зоновское, очень обыкновенное само по себѣ, имѣетъ въ себѣ интересъ общественный: противъ зла, порождающаго подобнаго рода дѣла, и само «общество соединенныхъ дубинъ» не въ силахъ ничего сдѣлать!

Д.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Письмо одиннадцатое.

Еще одно отступленіе.

Въ послѣднее время, большою благосклонностью со стороны провинціяловъ, пользуется то мнѣніе, что наши административныя и экономическія неудачи оттого происходятъ, что въ дѣлахъ слишкомъ большое участіе принимаютъ специялисты. Не думайте, впрочемъ, что бѣда усматривается тутъ въ томъ, что исключительное увлеченіе какою-нибудь специяльною отраслью знанія или дѣятельности въ значительной степени ослабляетъ въ человѣкѣ способность къ обобщеніямъ, и слѣдовательно дѣлаетъ его какъ бы чуждымъ всѣмъ явленіямъ жизни, кромѣ тѣхъ, которыя прямо входятъ въ сферу его специяльности. Нѣтъ, мы, провинціялы, такъ далеко не ходимъ, и у насъ специялистомъ называется вообще всякій человѣкъ, обладающій какимъ бы то ни было знаніемъ, или, лучше сказать, всякій человѣкъ, умѣющій сдѣлать то дѣло, за которое онъ взялся.

По мнѣнію нашему, специялисты слишкомъ ужъ тонки: сразу и не поймешь, дѣло ли они дѣлаютъ, или надуваютъ. При этомъ, когда специялистъ совершаетъ какія-либо дѣйствія, то думается, что онъ словно колдуетъ. Станешь наблюдать за нимъ — ровно ничего не понимаешь; бросишь наблюдать— сдѣлается совѣстно: что же я-то, въ самомъ дѣлѣ, такое? ужели жь я и впрямь лишній человѣкъ? Все равно, какъ съ математикомъ: задашь ему задачу — и уходи отъ него. Начнетъ онъ дѣлать свои выкладки, сидитъ, думаетъ, пишетъ, чертитъ—готово! Молодецъ математикъ! рѣшилъ славно! Однакожь, кто его знаетъ, точно ли онъ славно рѣшилъ? А что̀, ежели онъ даже и не математикъ, а просто прохвостъ, притворившійся математикомъ? Развѣ такихъ примѣровъ не бывало? Всѣ эти сомнѣнія

возникаютъ вдругъ, помимо даже нашей воли, и такъ они для насъ обидны, такъ обидны, что даже сказать нельзя...

Разумѣется, эта обида сейчасъ же облекается нами въ соотвѣтствующія жалобы.

— Представьте себѣ, онъ тамъ какую-то чертовщину плететъ, а я, какъ дуракъ, долженъ смотрѣть на него! негодуетъ одинъ.

— Да это еще что-съ! разжигается другой: — намѣднись, сидѣлъ я это, сидѣлъ — ну, одурь взяла! Подхожу, знаете, къ нему: покажите, ради Христа, говорю, что̀ вы тутъ такое кудесничаете? Что же-съ! всталъ — это, бестія, улыбается, подаетъ... Ну, посмотрѣлъ, плюнулъ, и отошелъ!

— А мнѣ такъ и не подаетъ! задорится третій: — покажетъ этакъ издали, какъ у него тамъ перемарано — и нарочно вѣдь, анаѳемы, марають, чтобъ разобрать было невозможно! — «уйдите, говоритъ, съ моихъ глазъ долой, потому что вы только мѣшаете! а не то, возьмите это дѣло на себя, и распоряжайтесь сами, какъ знаете!»

— И стерпѣли-съ?

— И стерпѣлъ-съ!

Нѣтъ, рѣшаемъ мы, ну ихъ къ Богу, этихъ спеціялистовъ! лучше хлѣбъ съ водой ѣсть, да знать, что это дѣйствительно хлѣбъ и вода, нежели смаковать какія-то хитро-приготовленныя яства, которыя, ежели хорошенько ихъ разобрать (а кто же, однако, разберетъ?) окажутся, пожалуй, такою мерзостью, что потомъ всю жизнь тошнить будетъ!

Сверхъ того, намъ кажется нѣсколько подозрительнымъ и то обстоятельство, что съ тѣхъ поръ, какъ завелись на Руси спеціялисты, какіе-то такіе длинные счеты появляться стали, что невольно останавливаешься передъ нимъ въ священномъ ужасѣ. Такъ напримѣръ, благодаря спеціялистамъ, скоро на Руси совсѣмъ жилищъ не будетъ. Старыя жилища постепенно придутъ въ ветхость, а новыхъ никто строить не рѣшится. Причина очень простая: сами мы ничего, кромѣ карточныхъ домиковъ, строить не умѣемъ, а ежели вздумаемъ обратиться къ спеціялисту, то гибель наша неизбѣжна. Спеціялистъ сейчасъ начнетъ доказывать и убѣждать, и, что̀ всего ужаснѣе, непремѣнно докажетъ и убѣдитъ. Онъ докажетъ, что желѣзная крыша не въ примѣръ прочнѣе деревянной, что паркетные полы красивѣе простыхъ крашеныхъ, что дубовыя рамы благонадежнѣе еловыхъ или сосновыхъ и т. д. Одно только упуститъ онъ изъ вида, что куда же вамъ въ палатахъ жить, когда у васъ въ карманѣ всего одинъ грошъ, да и тотъ ломаный, и упустить это совершенно основательно, потому что, въ сущности, слѣдить за положеніемъ вашего кармана совсѣмъ не его дѣло. Но и вы, заслушавшись его, тоже упустите это изъ вида, потому что очень ужь онъ обстоятельно говоритъ. Все-то обращается къ вашему тонкому вкусу, а по временамъ даже прямо бьетъ на вашу разсчетливость.

— Помилуйте! говоритъ онъ: — вѣдь дубъ — это что? вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ вѣчность! вѣдь дубъ противъ какой-нибудь ели впятеро да вшестеро выстоитъ! сосчитайте же теперь, сколько денегъ-то у насъ въ карманѣ останется!

И вотъ, въ этой крайности, вы непремѣнно скажете себѣ: а чтожь, въ самомъ дѣлѣ! человѣкъ я неученый, всю жизнь только водку пилъ да закусывалъ (или ходилъ смотрѣть на Бланшъ Гандонъ, что̀, впрочемъ, по отношенію къ знанію, совершенно одно и то же) — куда мнѣ въ такія дѣла входить! Поручу-ка я мою постройку милому человѣку, который сквозь огнь и мѣдныя трубы прошелъ (это-то и есть спеціялистъ); онъ мнѣ все это какъ слѣдуетъ обдѣлаетъ, а я только буду жить да поживать! Но проходитъ мѣсяцъ, и вамъ подаютъ счетъ — эге! Проходитъ другой мѣсяцъ — еще счетъ! Самыя изысканныя потребности ваши предусмотрѣны; счастливое сочетаніе фестончиковъ съ амурчиками и вырѣзочками изумительно; вездѣ водопроводы, ватерклозеты... четыре ватерклозета для васъ, когда вы даже въ одномъ никогда не ощущали потребности! Вы ничего ужь не помните; вы позабыли, что на всѣ эти изысканности вами дано заранѣе безусловное сосласіе; вы сознаете только, что вы нищій, котораго насильственно ведутъ въ замасленномъ халатѣ, немытаго, нечесаннаго, въ какой-то палаццо; вы чувствуете, что съ вами ознобъ... И вотъ, вы рѣшаетесь на геройскій поступокъ: на половинѣ, вы бросаете начатое дѣло, и кой-какъ вѣнчаете зданіе соломенною крышей; вы съ омерзѣніемъ смотрите на малахитовую колонну, которая какъ-то одиноко (предполагалось прикупить и другую, да денегъ не достало) пріютилась у входа въ ватерклозетъ, и отправляетесь въ клубъ, чтобъ на досугѣ предать проклятію ученыхъ и спеціялистовъ, которые не умѣютъ угадать, что вамъ надобенъ хлѣвъ, а не палаццо. А тамъ ужь сидитъ такой-же отставной прапорщикъ Перебендѣевъ, какъ и вы, и тоже держитъ въ умѣ своемъ планъ палаццо. Онъ жадно вслушивается въ ваши разсказы, крестится обѣими руками, что Богъ во̀ время избавилъ его отъ спеціялистовъ, и даетъ клятву ни къ кому впередъ не обращаться кромѣ плотника Архипыча, который, навѣрное, выстроитъ приличный его потребностямъ хлѣвъ...

Но этого еще недостаточно. Въ послѣднее время, мы изъ достовѣрныхъ источниковъ узнали, что спеціялисты просто на просто исподволь революцію производятъ. Всякій изъ нихъ на что-нибудь да посягаетъ. Физіологи посягаютъ на безсмертіе души; химики посягаютъ на цѣльность матеріи, физики посягаютъ на молнію и громъ и т. д. До сихъ поръ мы говорили: вотъ человѣкъ, вотъ заяцъ, вотъ ворона, вотъ налимъ — и были вполнѣ убѣждены, что этимъ сказано все, что̀ о семъ предметѣ сказать надлежитъ. Теперь, насъ въ глаза увѣряютъ, что, говоря такимъ образомъ, мы ничего не высказываемъ, кромѣ наз-

ваній, и что жить съ одними названіями ни подъ какимъ видомъ нельзя. Но ежели эти люди уже начали разлагать громъ небесный, то можно себѣ представить, какъ они поступятъ относительно прочаго! Ежели, по ихъ мнѣнію, даже передъ громомъ нѣтъ надобности трепетать, то какимъ же образомъ слѣдуетъ себя вести, напримѣръ, относительно становаго пристава? И что всего ужаснѣе — никакъ ихъ нельзя въ этихъ революціяхъ уличить! Чувствуешь, что въ словахъ ихъ есть что-то неладное, а что такое — самъ чортъ не разберетъ!

— Позвольте, милостивый государь! вы сейчасъ изволили сказать, что инстинкты животныхъ опредѣляются условіями жизни... такъ, кажется, я разслышалъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Однакожь, казалось бы, что и предусмотрительная архитектоника природы съ своей стороны...

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Извольте, милостивый государь, продолжать!

И продолжаетъ. Ни о комъ изъ господъ становыхъ не упоминаетъ, а между тѣмъ, чувствуешь, что каждое его слово такъ и брызжетъ становыми...

Какъ уличить, что инстинкты животныхъ опредѣляются не условіями жизни, а чѣмъ-то другимъ... хоть бы, напримѣръ, распорядительностью становыхъ? Что такое инстинкты? какое это слово? что такое условія жизни? Становой приставъ представляетъ ли собой условіе жизни, или нѣтъ? что такое самое животное? животное ли, напримѣръ, человѣкъ, или животными называются... только животныя? Какъ съ этимъ быть неспеціялисту? Пожалуй, начнешь уличать, да такъ застрянешь, что потомъ и не вылѣзешь! И какой іезуитскій отвѣтъ... именно іезуитскій! «Точно такъ, ваше превосходительство!» Что ни спроси—все «точно такъ»! Смѣется онъ, или серьёзно говоритъ—самъ В. П. Безобразовъ его не пойметъ! Что же дѣлать-то, спрашиваю я васъ, что же дѣлать-то? Вѣдь этакъ, пожалуй, придется смотрѣть, какъ они революціи разводятъ, да помалчивать! Или...

За этимъ «или» слѣдуетъ совершенно естественный переходъ къ соображеніямъ о томъ, какія полагается возможнымъ предпринять мѣры къ освобожденію русской жизни отъ одолѣвающихъ ее спеціялистовъ и кудесниковъ.

Самый лучшій способъ — это, конечно, замѣнить спеціялистовъ кантонистами. Хотя и это тоже своего рода спеціяльность, но она тѣмъ хороша, что ее можно во всякое время и во всѣ стороны распространить. Появись въ настоящую минуту проектъ о замѣнѣ спеціялистовъ кантонистами, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ имѣлъ бы въ провинціяхъ успѣхъ громадный, именно потому, что онъ доступенъ всякому пониманію. Всякій знаетъ навѣрное, что любого кантониста можно призвать, сказать ему: изслѣдуй природу человѣка!

и онъ изслѣдуетъ. Мало того, что изслѣдуетъ, но въ то же время ни до какихъ подозрительныхъ результатовъ не дойдетъ. Химикъ-специялистъ никогда не остановится во время, а все хочетъ что-то исчерпать, до чего-то дойти; химикъ-кантонистъ, дойдя до извѣстной границы, не только самъ благоразумно отретируется, но и другимъ скажетъ: «цыцъ!» Зачѣмъ въ академiяхъ сидятъ Беры да Зинины? гораздо лучше на ихъ мѣста посадить кантониста Лемура и выслужившаго 14-й классъ изъ писарей Чимпандзе! Они всѣ науки съ быстротою молнiи приведутъ къ одному знаменателю, и тѣмъ удовлетворительно докажутъ, что ничто человѣческое имъ не чуждо!

Однимъ словомъ, начало всѣхъ нашихъ золъ приписывается не кому другому, а именно специялистамъ, то-есть людямъ знающимъ и умѣющимъ что-нибудь дѣлать. Съ экономической точки зрѣнiя, всякiй специялистъ—непремѣнно воръ; съ точки зрѣнiя нравственно-политической—непремѣнно революцiонеръ. И что всего опаснѣе: ни подъ какимъ видомъ нельзя уличить.

— Ужь кружилъ онъ меня, каналья, кружилъ—до сихъ поръ опомниться не могу!

Вотъ единственный критерiумъ, съ которымъ провинцiялъ относится ко всякому знанiю. Онъ не можетъ опомниться, и приписываетъ это не тому, что онъ съ тѣмъ и родился, чтобы никогда не приходить въ себя, а затѣмъ водка и безпрерывное закусыванье довершили остальное, а тому, что его одурачиваетъ какое-то знанiе. Онъ чувствуетъ, что жизнь его расклеивается, и относитъ это не къ тому, что онъ ни къ чему приступиться не можетъ, ничѣмъ самъ себѣ помочь не въ силахъ, а къ тому, что явились люди, которые какъ-то такъ таинственно орудуютъ, что онъ вынужденъ только хлопать глазами, да вынимать изъ кармана деньги. Положенiе дѣйствительно унизительное, но какое же имѣется основанiе ставить его насчетъ знанiю, а не невѣжеству?

Мы, провинцiялы, живо помнимъ то время, когда въ средѣ нашей сложилась знаменитая пословица: «тяпъ, да ляпъ — и корабль». Всякiй тогда приходилъ и объявлялъ себя способнымъ повелѣвать стихiями. Пѣхотинцы ходили по морю, яко по суху; кавалеристы строили фортецiи и ретраншементы, а гарнизонные офицеры, въ свободное отъ постройки рекрутскихъ полушубковъ время, выдумывали порохъ. Только штатскимъ какъ-то никогда не везло, и они оставались въ загонѣ при прямой своей специяльности, то-есть при провiантской и коммисарiатской частяхъ. И казалось тогда, что все кипѣло. Курьеры скакали, нарочитые летали, предписанiя опережали вѣтеръ. По истинѣ, это была какая-то фантасмагорiя исполнительности, о которой безъ слезъ вспомнить нельзя. Человѣкъ неученый, рыбакъ, пастухъ—все это принимало на себя обязательство уловлять людей, и уловляло. Это были какiя-то апостольскiя времена, когда казалось, что изъ всѣхъ существующихъ специяль-

ностей, спеціяльность уловленія людей есть самая легчайшая. И въ самомъ дѣлѣ — фить! и человѣкъ пропалъ! нѣтъ человѣка! «Нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!»—какъ нѣкогда взывалъ чувствительный Карамзинъ. Но гораздо труднѣе оказывалось уловлять вещи, какъ, напримѣръ, достигнуть того, чтобы флоты не гнили, когда они ремонтируются одною исполнительностью, чтобы ружья стрѣляли, когда у нихъ должность курка исполняетъ исполнительность, чтобы фортеціи не обрушивались, когда въ основаніе ихъ положена только исполнительность. И точно: никогда и никакою исполнительностью нельзя было достичь, чтобы флоты, ружья и фортеціи пригибались такъ же легко, какъ пригибаются люди.

Но намъ, провинціяламъ, ничего объ этомъ извѣстно не было, ибо мы и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, исправляли должность пятаго колеса въ колесницѣ. Наше самолюбіе было польщено просто тѣмъ, что мимо насъ мчатся курьеры, скачутъ верховые и все что-то везутъ, что-то экстренное, не терпящее ни разсужденій, ни отлагательства.

— Что, любезный, флоты сооружать поспѣшаешь? спрашивали мы курьера, на скоро перехватывавшаго на станціи.

— Точно такъ, ваше благородіе! отвѣчалъ курьеръ, проглатывая кусокъ съ такою поспѣшностью, какъ будто это былъ не кусокъ чего-со съѣдобнаго, а раскаленый уголь.

— Что-жь! поспѣшай, мой другъ, поспѣшай!

И мы были довольны. Пускай нашъ порохъ оказывался такимъ, что лучше было бы палить безъ пороху, — все-таки мы видѣли, что люди не сидятъ праздно, не задумываются, а прямо берутъ что попало подъ руку, и складываютъ въ одну кучу.

— Кипитъ! легкомысленно восклицали мы, и поглядывая на супостатовъ, иронически восклицали: — хорошъ табачокъ?

Теперь, эта судорожная дѣятельность уже достаточно выяснилась и зарекомендовала себя; тѣмъ не менѣе, воззрѣнія, которымъ она дала начало, слишкомъ живучи, чтобы скоро уступить не только вліянію времени, но даже подтвержденіямъ опыта. Вопервыхъ, для толпы всегда очень выгодно признавать себя во всѣхъ отношеніяхъ компетентною; вовторыхъ, она видитъ, что въ глазахъ ея во множествѣ совершаются глупыя дѣла и мало по малу убѣждается, что глупость есть нормальной уровень всѣхъ вообще дѣлъ. Какая надобность привлекать къ нихъ совершенію какихъ-то избранныхъ людей? не проще ли кликнуть кличъ, ибо что̀ такое, въ самомъ дѣлѣ, эти такъ-называемые избранные люди?—это тѣ самые, которые способны только усложнить и затруднить дѣло, а не разрѣшить его. Разрѣшить дѣло, то-есть устроить натискъ и генеральную пальбу, можетъ въ надлежащемъ видѣ только вотъ этотъ молодецъ, который въ сію минуту идетъ по улицѣ, и ковыряетъ

въ носу. Позовите его, и вы не успѣете оглянуться, какъ онъ уже—трахъ!—и повернулъ, и вывернулъ и перевернулъ!

— И совѣтовъ, батюшка, ни у кого не спроситъ, а просто придетъ, взглядомъ окинетъ, — и разрѣшитъ!

Съ точки зрѣнія воспоминаній прошлаго, эти рѣчи не лишены извѣстной доли основательности. Мы еще такъ недавно выдержали крѣпостное право, а сущность его, конечно, въ томъ и состояла, чтобъ упростить формы и отношенія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Когда въ человѣкѣ усматривается лишь матеріалъ, который можно, по усмотрѣнію, и скорчить и вытянуть, тогда, разумѣется, не можетъ быть повода задумываться надъ тѣмъ, что̀ слѣдуетъ предпринять, дабы успѣшнѣе уловлять людей. Всѣ люди отъ рожденія уже находятся въ западнѣ, и даже не бьются въ ней, а только стараются какъ-нибудь половчѣй примоститься, чтобъ не очень сильно чувствовались разные вывихи, переломы и оглушенія. Арена дѣйствія на столько съуживается, что сѣченіе представляется совершенно достаточнымъ средствомъ для урегулированія неприхотливыхъ общественныхъ потребностей и стремленій. Хочу, чтобъ на этомъ мѣстѣ былъ городъ—и бысть; захочется, чтобъ была вавилонская башня—и будетъ. Не нужно ни знаній, ни даже сообразительности; нужна только фантазія, въ качествѣ всегда готоваго источника для всевозможныхъ предпріятій, да какое-нибудь острое орудіе, въ качествѣ обезпеченія, что фантастическое предпріятіе будетъ дѣйствительно приведено въ исполненіе.

Вопросъ въ томъ: возможно-ли продолженіе подобныхъ воззрѣній съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, то-есть съ наступленіемъ такого порядка вещей, при которомъ самый взглядъ на человѣка радикально измѣняется?

Что это дѣло возможное—насъ убѣждаетъ въ томъ дѣйствительность. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что всякія ссылки на крѣпостное право въ настоящую минуту совершено запоздали, ибо даже самый заскорузлый провинціялъ—и тотъ махнулъ на него рукой; но возраженіе это можетъ быть принято только съ оговоркою. Мы дѣйствительно примирились съ идеею, что крѣпостное право не существуетъ; но спросите любого изъ насъ, въ чемъ заключается это примиреніе, и вы, навѣрное, не добьетесь отвѣта сколько нибудь яснаго. Что внѣшняя сторона совершившагося акта вполнѣ нами признана—это несомнѣнно; что мы до извѣстной степени сознали, что руки у насъ противъ прежняго стали гораздо покороче — этого тоже отрицать нельзя. Но что-жь изъ того, если мы нашими укороченными руками желаемъ махать точно такъ же, какъ бы онѣ были не укорочены? Не значитъ ли это, что мы признали только одну половину вопроса, и никакъ не хотимъ согласиться, что есть еще другая половина, которая столько же обязательна для насъ, какъ и первая?

Въ томъ-то и дѣло, что, кажется, только на внѣшности и прервались наши сознательныя отношенія къ этому дѣлу, и что ни одного изъ послѣдствій, которыми оно такъ богато, мы не предвидѣли, а потому и признать добровольно не можемъ. Наши отношенія къ жизни остаются столь же запутанными, какъ и прежде; если одна часть ихъ и похерена (едва-ли, впрочемъ, не механически только), то все остальное продолжаетъ держаться и воспитывать представленія самыя противорѣчивыя и другъ друга побивающія. И когда жизнь, цѣлою цѣпью неудачъ, протестуетъ противъ невѣжества, какъ творческой силы, мы нисколько не затрудняемся этимъ, но думаемъ, что это не больше, какъ скоропреходящая шутка, что это начальственное послабленіе, которому очень легко пособить. Стоитъ только приналечь хорошенько на знаніе и обратиться съ усиленной просьбой ко всѣмъ невѣждамъ праздношатающимся, — и всѣ нужныя распоряженія по части уловленія вселенной будутъ неупустительно приняты и приведены въ исполненіе!

Вотъ почему между нами и по сіе время въ такомъ ходу разсказы о дѣятеляхъ-кантонистахъ, которые въ былое время оказывались и исправными статистиками, и исполнительными экономистами, и даже являлись небезъискусными по части философіи и астрономіи. Если исправники до сихъ поръ были созидателями и руководителями нашей жизни, то почему же и впредь имъ въ сихъ должностяхъ не состоять? Какія такія новыя прихоти появились, чтобъ измѣнять этотъ порядокъ? Мужики, что ли, носъ начали задирать? Такъ на этотъ предметъ имѣются у исправниковъ такія полномочія, при посредствѣ которыхъ всякій задирайка очень скоро пойметъ, что уши выше лба, и по упраздненіи крѣпостнаго права, рости не могутъ!

Со всѣмъ этимъ не согласиться нельзя, ибо у исправниковъ имѣется уполномочій очень достаточно. Но есть ли надобность въ этихъ полномочіяхъ? Но приводятъ ли они къ какимъ-нибудь существеннымъ результатамъ? — вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ что̀ слѣдуетъ разрѣшить прежде, чѣмъ принимать угрожающіе тоны, и зря кидаться впередъ съ кулаками, полными полномочій.

Никто не споритъ, что не только въ прошломъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, но даже и въ сію минуту міръ полонъ кантонистами-статистиками и кантонистами-астрономами. Споръ идетъ лишь о томъ, въ какой мѣрѣ они полезны, и, кажется, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ кончиться въ пользу кантонистовъ. Даже, приподнявши завѣсу давно минувшаго, мы все-таки убѣдимся, вопервыхъ, что ни одна составленная кантонистомъ статистика ни въ одномъ военно-учебномъ заведеніи никогда въ руководство принята не была, и, вовторыхъ, что всѣ академіи, какія когда либо существовали, всегда отзывались о дѣятельности кантонистовъ на поприщѣ наукъ съ чрезвычайною сдержанностію, почти

что съ холодностію. Специяльностію кантонистовъ всегда были: скорость и строгость, и когда они буквально придерживались этой колеи, то всѣ академіи въ мірѣ рукоплескали имъ. Но никакая другая специяльность, въ иномъ значеніи этого слова, не была имъ доступна, такъ что желать подчинить кантонистамъ эти иныя специяльности, значитъ не только обречь погибели самое дѣло, но и самихъ кантонистовъ поставить въ крайне неловкое положеніе. Не надобно забывать, что у этихъ простодушныхъ людей есть стыдъ, и что если изрѣдка подавлять этотъ стыдъ имъ довольно легко, то сплошныя въ этомъ смыслѣ усилія могутъ сдѣлаться, подъ конецъ, совсѣмъ невыносимыми. Каждый гимназистъ можетъ доказать кантонисту, что онъ въ данномъ случаѣ или совралъ, или не понялъ, и что, по настоящему, ему слѣдовало бы надѣть за это на голову колпакъ съ длинными ушами. Что̀ возразитъ онъ противъ такой аргументаціи? Смолчитъ ли? — но тогда какой же онъ будетъ патентованный статистикъ и астрономъ? Бросится ли онъ на своего обличителя и начнетъ его истязать? — но тогда какая получится въ результатѣ статистика?

Изъ этой дилеммы выйти невозможно, какъ скоро однажды признано, что статистика есть фактъ, что наука о производствѣ цѣнностей и распредѣленіи ихъ—тоже фактъ, и что астрономы не совсѣмъ напрасно доказываютъ, что земля обращается вокругъ солнца. Но признать же всего этого нельзя, вопервыхъ, потому, что есть очень много людей, для которыхъ это признаніе выгодно, а вовторыхъ, потому, что если, напримѣръ, этого не признàетъ Иванъ, то признàютъ его сосѣди, и дѣло Ивана все-таки не выгоритъ. Ни знаніе, ни право, ни тѣ отношенія, которыя изъ нихъ вытекаютъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть спрятаны въ карманъ, подобно кукишу. Нѣтъ столь солиднаго кармана, который бы не порвался отъ тяжести подобной поклажи.

Раздѣлять одну и ту же задачу на двѣ половины, изъ которыхъ на одну соглашаться, а о другой игнорировать—значитъ добровольно обманывать самихъ себя. Задача, которая стоитъ передъ нами, до такой степени захватываетъ насъ всѣми своими подробностями, что непризнаніе одной изъ нихъ вредитъ не столько цѣльности самой задачи, сколько общему уровню нашего собственнаго существованія. Если жизнь наша расклеивается, — если новое («хваленое-то!» не преминетъ прибавить при этомъ провинціялъ-юмористъ) или совсѣмъ не созидается, или созидается туго, безъ всякаго соотвѣтствія даже съ самыми неприхотливыми потребностями, то вина этого заключается именно въ объясненной выше раздвоенности нашего взгляда. А мы, вмѣсто того, чтобъ обратить вниманіе на ту роль, которую играетъ въ этомъ дѣлѣ наша недальновидность, злорадно подмѣчаемъ каждую неудачу, которую испытываетъ новое дѣло въ своихъ усиліяхъ встать на ноги. Всякій фактъ

насилія радуетъ насъ безпримѣрно; всякое извѣстіе о потоптаніи, посрамленіи и проч. производитъ восторгъ. Какъ ни безцеремонна бываетъ повременамъ столичная печать въ своихъ симпатіяхъ къ извѣстнымъ проявленіямъ произвола, — она ничто въ сравненіи съ нашими провинціяльными восторженностями. Среди общаго гула, наполняющаго жизнь столицъ, частности нетолько утрачиваютъ большую долю своего значенія, но часто даже проходятъ совсѣмъ незамѣченными. У насъ, въ провинціи, всякая подробность есть бѣльмо на глазу. Это такая вопіющая конкретность, которая становится поперегъ горла и дѣлается неизбѣжнымъ предметомъ всевозможныхъ развитій и разработокъ. Вотъ, напримѣръ, крѣпостное право хоть и уничтожено, а тамъ-то и тамъ-то поступлено такъ, что хоть бы и при крѣпостномъ правѣ, такъ въ пору. Или еще: новые суды хоть и введены, однако тамъ-то и тамъ-то, какъ захотѣли, такъ и безъ судовъ расправу нашли. Разсказы такого рода приводятъ насъ въ восхищеніе. И такіе тутъ начинаются у насъ смѣхи и утѣхи, что у чувствительнаго человѣка волосы дыбомъ становятся, а человѣкъ нечувствительный въ изумленіи спрашиваетъ себя: надъ чѣмъ, однакожь, они смѣются?

Если мы вдумаемся хорошенько въ этотъ вопросъ, то убѣдимся, что это смѣхъ ограниченнаго человѣка надъ собственною ограниченностью, ошибочно принимаемою за высокоуміе. Непривычка къ обобщеніямъ такъ велика въ насъ, что мы понимаемъ всякое нарушеніе правильнаго хода жизни только изолированно, и никакъ не хотимъ сознаться, что это лишь звѣно цѣлой цѣпи. Система нарушенія имѣетъ свою горькую послѣдовательность, которая захватываетъ не одни непріятные намъ элементы, но подчасъ и насъ самихъ, ибо тутъ общимъ принципомъ является нарушеніе, предъ которымъ всѣ элементы, какого бы свойства они ни были, равны. Мы слишкомъ надѣемся на то, что будто бы наше званіе фофановъ можетъ во всякомъ случаѣ оградить насъ отъ напастей. Нѣтъ, мы ограждены лишь на столько, на сколько ограждено и все прочее, живущее съ нами рядомъ, или, лучше сказать, мѣра этого огражденія совершенно пропорціональна мѣрѣ пониженія общаго уровня системы нарушеній. Вѣдь было же время, когда если не всѣ поголовно было фофанами, то, по крайней мѣрѣ, признавались таковыми, но развѣ это кого-нибудь ограждало? развѣ, при несомнѣнной увѣренности въ безопасности всѣхъ фофановъ, вкупѣ соединенныхъ, не оказывалось предпочтенія относительно однихъ и раздраженія относительно другихъ? Стоитъ только потревожить наши воспоминанія, чтобъ получить самый отчетливый отвѣтъ на эти вопросы; но въ томъ-то и дѣло, что мы даже для воспоминаній сдѣлались недоступными, а это-то именно и мѣшаетъ намъ додуматься до того, что самое званіе фофановъ, какъ званіе ограждающее, не съ неба свалилось, а обязано своимъ происхожде-

ніемъ общему повышенію соціальнаго уровня, то-есть тому самому явленію, неудачамъ и колебаніямъ котораго мы такъ неразсчетливо радуемся. Устраните это явленіе — и вы получите яму, въ которой погибнетъ, быть можетъ, многое для васъ непріятное, но въ которой, навѣрное, погибнете и вы.

При извѣстной степени осложненія жизни, вопросъ о кантонистахъ-статистикахъ и кантонистахъ-финансистахъ пріобрѣтаетъ значеніе очень существенное. До тѣхъ поръ, пока права и обязанности сохраняютъ свою первоначальную грубую форму, кантонисты имѣютъ хоть нѣкоторое основаніе признавать себя отвѣчающими потребностямъ минуты. Не то, чтобы они были полезны дѣйствительно, но пятна, которыя они кладутъ на общій фонъ жизни, благодаря неясности послѣдняго, не на столько видны, чтобъ возбуждать серьёзныя опасенія. Но съ той минуты, когда для каждаго человѣка обязательнымъ образомъ выступаетъ необходимость опознаваться въ великомъ разнообразіи жизненныхъ явленій и соразмѣрять съ ихъ сущностью каждое дѣйствіе, имѣющее къ нимъ какое-нибудь отношеніе,—съ этой минуты никакое невѣжество, какъ бы оно ни было самолюбиво и предпріимчиво, полезныхъ результатовъ достигнуть не можетъ. Чтобы извлечь, напримѣръ, доходъ изъ извѣстной статьи, надо прежде всего доискаться, что̀ это за статья, какъ велика степень ея производительности, и при какихъ условіяхъ эта послѣдняя можетъ быть усилена. Очевидно, что вопросы эти можетъ разрѣшить только человѣкъ знающій и мыслящій и притомъ только тогда, когда онъ рѣшаетъ ихъ не впопыхахъ и не подъ давленіемъ страховъ, нагоняемыхъ слишкомъ рьяными кантонистами. Но ежели къ этой статьѣ же подойти съ крикомъ и гамомъ: подавай!—то она нетолько не дастъ больше того, что даетъ и давала, но, напротивъ того, постепенно оскудѣетъ, потому что система оглушенія и тутъ, какъ и вездѣ, можетъ проявить только безразсудную жадность, уравновѣшиваемую лишь безсиліемъ.

Очень возможно, что примѣръ этотъ найденъ будетъ недоказательнымъ. Могутъ сказать, что и во времена крѣпостнаго права не считалось безполезнымъ разумное отношеніе къ источникамъ производительности, и что каждому индивидууму изъ легіона «способныхъ и достойныхъ» непремѣнно и безусловно поставлялось на видъ, что «только благоразумная экономія и доброе смотрѣніе могутъ привести къ полезнымъ для государства послѣдствіямъ, безъ отягощенія народнаго». Не ясно ли, стало быть, что благоразуміе и умѣлость и тогда уже предпочитались безумію и невѣжеству?

Да, это правда; здравый смыслъ заявляетъ свои требованія не со вчерашняго дня; онъ существовалъ во всѣ времена. Всегда призывалъ онъ къ благоразумію, всегда утверждалъ, что умѣлое обращеніе съ вещами полезнѣе, нежели обращеніе неумѣлое. Но какія были практическія послѣдствія этихъ при-

зывовъ и утвержденій? — на этотъ вопросъ можно съ полною увѣренностью отвѣтить: да, послѣдствія эти были вполнѣ недостаточныя. Какъ ни прискорбна несомнѣнность такого явленія, но причина его совсѣмъ не такъ трудно объяснима, какъ это кажется съ перваго взгляда. Для того, чтобы умѣлое обращеніе съ вещами сдѣлалась явленіемъ не исключительнымъ, не диковиннымъ, какъ это всегда случалось въ оныя времена, надобно, чтобы оно представляло единственное средство, которое обезпечивало бы спокойное существованіе общества, и чтобы средство это не могло быть замѣнено никакимъ другимъ. Сказать, что умѣлость и благоразуміе не безполезны — значитъ сказать одну изъ тѣхъ pia desideria, которыя безпрерывно и во множествѣ выпускаются въ обращеніе именно потому, что дѣйствительная ихъ стоимость весьма не велика. Что благоразуміе похваляется предпочтительно передъ безуміемъ—въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго, но если притомъ не полагается ясныхъ и твердыхъ преградъ для безумія, то выигрышъ отъ похвалъ, произносимыхъ благоразумію, будетъ самый пустой. Первая неудача на поприще благоразумія, просто недостатокъ терпѣнія со стороны лица, совершающаго попытки благоразумія, отсутствіе средствъ, которыя дѣлали бы благоразуміе вполнѣ обязательнымъ—все это представляетъ такую совокупность условій, которая дѣлаетъ переходъ отъ благоразумія къ безумію до крайности легкимъ. Переходъ этотъ сдѣлается невозможнымъ лишь тогда, когда самая жизнь отвѣтитъ отказомъ на притязанія самолюбиваго невѣжества, когда она наградитъ сторицею не того, кто ничего не имѣетъ ни за собой, ни передъ собой, кромѣ угрозъ и непреоборимой наглости, а того, кто дѣйствительно нѣчто умѣетъ и можетъ.

Если подобное положеніе вещей еще не вполнѣ наступило для нашихъ провинцій, то во всякомъ случаѣ есть признаки, дозволяющіе угадывать его приближеніе. Признаки эти, къ сожалѣнію, выражаются покамѣстъ только въ неудачахъ, которыми такъ обильна современная жизнь, и въ той ея неклейности, которая дѣлаетъ тщетными всякіе разсчеты, и сообщаетъ прискорбный характеръ колебанія всѣмъ дѣйствіямъ современнаго человѣка. Что обнаруживаютъ эти колебанія? ужели они свалились къ намъ съ неба, безъ всякой связи съ жизнью? или они и впрямъ выражаютъ только начальственное послабленіе? Нѣтъ, они доказываютъ, что тѣ первоначальные источники, которые питаютъ жизнь обществу, до такой степени измѣнились въ своей сущности, что требуютъ совершенно иныхъ воззрѣній и пріемовъ противъ тѣхъ, которые прежде казались удовлетворительными; что одни изъ нихъ совсѣмъ устранились или отошли на второй планъ, а другіе изъ глубины сцены выступили впередъ. Еслибы прежніе пріемы были достаточны для урегулированія новаго положенія вещей, то вѣдь арсеналъ таковыхъ еще не уничтоженъ, и, какъ кажется, до сихъ

поръ не весьма много затруднялись насчетъ черпанія изъ него. Однакожь, несмотря на эти черпанья, колебанія не кончаются и жалобы на неудачи и затрудненія всякаго рода идутъ, все болѣе и болѣе возрастая. Отчего жь это? А оттого, милостивые государи, что въ насъ нѣтъ достаточной рѣшимости, чтобы послѣдовательно вступить на новый путь, что насъ все еще соблазняетъ этотъ арсеналъ «прежнихъ пріемовъ», который и будетъ продолжать запутывать соображенія наши, до тѣхъ поръ, пока мы окончательно не рѣшимся отвернуться отъ него.

Какъ ни больно, но придется же когда-нибудь сознаться, что вопросы жизни рѣшаются не строгостью, а умѣньемъ и знаніемъ, не единоличною прихотью, а обсужденіемъ. Не то больно, что сознаніе такого рода неизбѣжно, а то, что мы до сихъ поръ не можемъ отнестись къ этой неизбѣжности безъ болѣзненнаго, почти враждебнаго чувства. Въ сущности, какія же особенныя радости принесла намъ эта хваленая строгость, этотъ пресловутый кантонистскій энциклопедизмъ, не развязывавшій, но разсѣкавшій всевозможные узлы? Если мы вникнемъ въ этотъ вопросъ внимательно, то убѣдимся, что даже тѣ изъ насъ, которымъ дѣйствительно этотъ порядокъ вещей давалъ кой-какую поддержку (если только есть основаніе признавать за поддержку всякаго рода нравственныя и матеріальныя единоторжія), могли принимать и ее съ спокойнымъ духомъ только до тѣхъ поръ, покуда они сами находились въ состояніи безсознательности. Какъ скоро состояніе безсознательности прекращалось, несправедливость единоторжій выяснилась сама собою, но, къ сожалѣнію, не выяснялись средства къ выходу изъ него. А средство тутъ одно: освобожденіе знанія и умѣнія изъ-подъ гнетущаго контроля энциклопедизма строгости.

Можно бы привести здѣсь множество примѣровъ безсилія этого прискорбнаго энциклопедизма, можно бы доказать фактически, что онъ до сихъ поръ только безплодно волновалъ общественное мнѣніе, а ни одного вопроса и ни въ какую сторону никогда не разрѣшилъ. Но для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, не требуется даже доказательствъ; достаточно дать волю самимъ поборникамъ энциклопедизма: каждый изъ нихъ, въ какіе-нибудь четверть часа времени, наскажетъ по этому предмету такую кучу самыхъ вопіющихъ невозможностей, что вамъ останется только на досугѣ разрѣшить вопросъ: какимъ же, однако, образомъ эти люди ухитряются жить?

И не только живутъ, но даже имѣютъ на столько силы, чтобы небезуспѣшно упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ...

Н. Щедринъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1870 г.

(По общей нумераціи тома CLXXXIX)

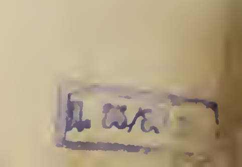
СТРАН.

МАРТЪ № 3.

АПРѢЛЬ № 4.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ № 3.



UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963311